

Книга известного американского историка Стивена Е. Амброза посвящена операции «Оверлорд» — высадке и вторжению Союзнических войск в оккупированную нацистами Францию в 1944 г. Масштабность ее поражает: за одни сутки через Ла-Манш были переброшены 175 тыс. человек в полном боевом снаряжении и 50 тыс. единиц техники — от мотоциклов до бронированных бульдозеров. В этом участвовали 5333 корабля и около 11 тыс. самолетов. У. Черчилль назвал высадку экспедиционных войск «самой трудной и сложной операцией в истории человечества», на подготовку которой ушло два года.

- [От автора](#)
- [Пролог](#)
- [1. Защитники «Крепости Европа»](#)
- [2. Нападающие](#)
- [3. Командиры](#)
- [4. Где и когда?](#)
- [5. Наращивание сил](#)
- [6. Планирование и подготовка](#)
- [7. Учения](#)
- [8. Сборы, инструктаж](#)
- [9. Погрузка](#)
- [10. Решение принято](#)
- [11. «Атлантический вал» дал трещину](#)
- [12. «Врежем этим ублюдкам»](#)
- [13. «Величайшее шоу»](#)
- [14. Нескончаемый, бескрайний строй кораблей](#)
- [15. «Отсюда мы и начнем войну»](#)
- [16. «Мы здесь останемся»](#)
- [17. Гости ада.](#)
- [18. Кромешный хаос](#)
- [19. «Пробка» на берегу](#)
- [20. «С того дня я дружу с эсминцами»](#)
- [21. «Скажите, как нам это удалось?»](#)
- [22. Путь наверх у Вьервиля](#)
- [23. Катастрофы не произошло](#)
- [24. Борьба на плоскогорье](#)
- [25. «Это было потрясающе»](#)
- [26. Мир затаил дыхание](#)
- [27. «Честно служил при технике»](#)
- [28. «Все было определено четкими предписаниями»](#)
- [29. Расплата](#)
- [30. «Незабываемая картина»](#)
- [31. «Боже мой, мы это сделали»](#)
- [32. «Когда померкнет их слава?»](#)
- [Словарь сокращений](#)

- [comments](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Форрест Поуг начал записывать устные рассказы ветеранов дня «Д» еще 6 июня 1944 г. Он служил в звании сержанта (и с ученой степенью доктора исторических наук) в Отделе истории армии США под началом С. Л. А. Маршалла. Генерал Джордж С. Маршалл поручил группе сбор документальных свидетельств от военнослужащих всех рангов для подготовки официальной истории участия Соединенных Штатов во Второй мировой войне. В результате вышло многотомное издание «Армия США во Второй мировой войне», получившее широкую известность во многих странах благодаря точности и глубине исторического повествования (известна также как «Зеленая книга», по цвету переплета). В 1954 г. доктор Поуг выпустил сборник в серии «Европейский театр военных действий (ЕТО)» под названием «Верховное командование», основанный на документах верховной ставки Союзнических экспедиционных сил и интервью с Эйзенхауэром, Монтомгери и другими ключевыми фигурами Нормандской операции. «Верховное командование» до настоящего времени остается крупнейшим и авторитетным источником информации.

В день «Д» Поуг находился на десантно-танковом корабле, переоборудованном в судовой госпиталь, обеспечивавший высадку на участке побережья «Омаха». Сержант беседовал с ранеными, расспрашивая их о том, что они испытали в утренние часы 6 июня. Он стал первым собирателем устных воспоминаний ветеранов и впоследствии одним из основателей Ассоциации устной истории.

С того момента, когда я начал редактировать военные мемуары Эйзенхауэра, доктор Поуг был для меня наставником, образцом исследователя и творческого вдохновения. Он и его книги заняли важное место в моей жизни (особенно классическая четырехтомная биография генерала Джорджа С. Маршалла). В течение трех десятилетий доктор Поуг не жалел на меня своего времени, делился со мной своими мудрыми замечаниями и наблюдениями. Я учился у него и на научных конференциях, и во время личных встреч, телефонных разговоров, почтовой переписки. Его опыт оказал мне неоценимую услугу в восьми поездках по Нормандии и другим местам европейских сражений.

Сотни молодых и не столь молодых историков Второй мировой войны и американской внешней политики обязаны доктору Поугу. Он воспитал целое поколение военных документалистов. Доктор Поуг щедро раздавая свои богатые знания. На конференциях его всегда окружали начинающие историки и выпускники университетов, жаждавшие услышать советы великого учителя. Мы благодарны доктору Поугу за то, что он оставил неизгладимый след в нашей жизни, помог нам стать профессионалами. Он был и остается первым и самым лучшим историком дня «Д». Я горжусь тем, что доктор Поуг разрешил посвятить ему эту книгу.

Мой интерес ко дню «Д», зарожденный доктором Поугом, еще больше усилился в 1959 г. после прочтения исследования Корнелиуса Райана «Самый долгий день». Я считал ее тогда и считаю до сих пор наиболее полным и превосходным описанием битвы. Хотя у меня имеются определенные разногласия с автором в трактовке того, что произошло 6 июня 1944 г., было бы непростительной ошибкой не выразить свою признательность Райану за проделанную им великолепную работу.

Данная книга основана на устных и письменных повествованиях участников дня «Д», собранных Центром Эйзенхауэра в Новом Орлеане за последние одиннадцать лет. В Центре хранятся более 1380 свидетельств. Это самая обширная, полученная из первых рук подборка мемуаров об одном сражении Второй мировой войны. Хотя недостаток места не позволил мне процитировать каждое устное или письменное воспоминание, все они оказали влияние на мое

восприятие событий. Всем ветеранам от меня огромная и искренняя благодарность.

Расселл Миллер из Лондона провел многочисленные интервью с британскими участниками дня «Д». Студенты, работающие при Центре Эйзенхауэра, расшифровали некоторые записи, которые Миллер благосклонно разрешил мне использовать в своей книге. Имперский военный музей в Лондоне также предоставил мне кассеты с интервью, организованными его сотрудниками, Андре Хайнц в течение многих лет опрашивал жителей деревень на побережье Кальвадос: записи хранятся в Кане в Музее битвы в Нормандии. Хайнц любезно разрешил использовать их в моей книге. Военный институт армии США в Карлайл-Барраксе, штат Пенсильвания, позволил мне воспользоваться обширными документальными фондами и беседами с ветеранами, записанными Форрестом Поугом, Кеном Хеклером и другими исследователями.

Фил Джатрас, американский парашютист, обосновавшийся после войны в Сент-Мер-Эглизе, сейчас является там директором Парашютного музея. Он предоставил Центру Эйзенхауэра и разрешил процитировать в моей книге свои интервью с американскими ветеранами и жителями Сент-Мер-Эглиза.

Капитан Рон Дрез был командиром стрелковой роты американской морской пехоты в 1968 г. в Кесане, теперь он — заместитель директора Центра Эйзенхауэра. Более десяти лет он записывал групповые и индивидуальные интервью с ветеранами на их встречах в Новом Орлеане и в других городах Соединенных Штатов. Благодаря своему боевому опыту бывший морской пехотинец легко находил общий язык с участниками дня «Д» и узнавал от них такие детали, которые обычно остаются невысказанными. Его вклад в книгу неоценим.

Доктор Гюнтер Бишоф по происхождению австриец. Его отец служил в вермахте и попал в плен к американцам, оказавшись затем в США. Сейчас он также заместитель директора Центра Эйзенхауэра. Бишоф подготовил и продолжает записывать редкие интервью с немецкими ветеранами. Нам повезло, что в Центре трудятся такие исследователи, как Бишоф и Дрез.

Мисс Кати Джонс — главная движущая сила в Центре Эйзенхауэра. Без нее мы как без рук. Она ведет переписку, содержит в полном порядке архивы и библиотеку, назначает деловые встречи, устраивает наши ежегодные конференции, направляет работу студентов по расшифровке магнитофонных кассет, находит ветеранов и организует с ними интервью, успокаивает недовольных и вообще действует как наш начальник штаба. Мы поражаемся ее беззаветной преданности делу и умению одновременно решать сотни неотложных вопросов. При этом она никогда не раздражается и не теряет чувство юмора. Дуайт Эйзенхауэр однажды назвал Битла Смита «превосходным начальником штаба». То же самое мы говорим о Кати Джонс.

Мы восхищаемся трудоспособностью миссис Каролин Смит, секретаря Центра Эйзенхауэра, наших помощников-студентов Мариссы Ахмед, Марии Андары Ромен, Трейси Хернандес, Джерри Бланды, Скотта Пиблса, Пегги Айхем, Йогена Шуклы и Елены Мариной, аспирантов Джерри Страхана, Ольги Ивановой и Понтера Бро, наших нештатных добровольцев — полковника Джеймса Мулиса, Марка Сванго, С. У. Анангста, Джона Даниэля, Джо Флинна, Джона Нискоча, Джо Молисо-на, Стефени Амброз Таббс и Эди Амброз. Все они работают без устали, хотя многим из них платят мало или не платят совсем. Без них невозможно само существование Центра Эйзенхауэра и не было бы многих интервью с ветеранами. Студентам пришлось поломать голову над названиями французских деревень и городков (так, как их произносили американские «джи-айз»). Но они преуспели и выиграли это сражение. Я перед ними в большом долгу.

Центр Эйзенхауэра намерен продолжить сбор воспоминаний ветеранов, военных писем и других свидетельств от представителей всех родов войск и всех стран мира до тех пор, пока

живы участники дня «Д». Мы просим ветеранов обращаться к нам в Университет Нового Орлеана, Новый Орлеан, штат Луизиана, 70148, за инструкциями о том, как составлять свои мемуары.

В 1979 г. мой ближайший друг, доктор Гордон Мюллер, побудил меня возглавить турне по местам сражений «От дня «Д» до Рейна: по следам Айка». Мистер Питер Маклин, компания «Питер Маклин, лтд» в Новом Орлеане, организовал поездку. Мистер Ричард Саламан из Лондона стал нашим гидом. Это было потрясающее путешествие. К нам присоединились более двадцати ветеранов — от генералов до рядовых, которые поделились со мной живейшими воспоминаниями о дне «Д». Мы восемь раз совершили это турне. Мне доставляло большое удовольствие работать с Маклином и Саламаном. Они помогли мне больше узнать и лучше понять события дня «Д», как и многие другие энтузиасты, ученые, писатели, документалисты и, конечно, ветераны. К сожалению, невозможно их всех перечислить.

Алиса Мейхью, как всегда, проявила себя выдающимся редактором. Сотрудники издательства «Саймон энд Шустер», особенно Элизабет Стайн, самозабвенно трудились над книгой, стремясь довести ее до совершенства. Мой агент Джон Уэйр вдохновлял меня и служил надежной опорой.

С самого начала мне помогала жена Мойра. Она неумоимо пересекала Атлантику и летала по всем Штатам, чтобы увидеться с ветеранами. Сотни участников дня «Д» подтвердят, как легко им было с ней разговаривать, как искренне она восторгалась их рассказами. Мойра вносила женскую теплоту в наши интервью, поездки на места боев, скрашивала дорожные тяготы. Кроме того, она, как всегда, была моим первым и самым дотошным читателем. Ее сопричастность к моей работе дорога для меня, как сама жизнь.

С первых строк я стремился показать, что эта книга — продукт коллективных усилий. Мне хочется думать, что генерал Эйзенхауэр одобрил бы такой подход. С того момента, когда он стал верховным главнокомандующим Союзническими экспедиционными силами, и до капитуляции Германии Эйзенхауэр настаивал на коллективности действий. Из всех замечательных качеств лидера многонациональной борьбы против фашизма в Европе принцип «единой команды» стоял главным фактором в достижении победы.

Генерал Эйзенхауэр любил говорить о «ярости пробудившейся демократии». 6 июня 1944 г. в Нормандии и в последующей военной кампании западные демократии в полной мере продемонстрировали эту ярость. Победа в войне означала триумф демократии над тоталитаризмом. Президент Эйзенхауэр выразил надежду на то, что демократия сохранит свою ценность для будущих поколений. На это надеюсь и я. Моя мечта — чтобы книга, которая, по сути, написана во славу демократии, стала моим скромным вкладом в достижение этой благородной цели.

Стивен Е. Амброс, директор Центра Эйзенхауэра, Университет Нового Орлеана

Посвящается Форресту Поугу, первому-историку дня «Д»

«Самая трудная и сложная операция в истории человечества».

Уинстон Черчилль

«Уничтожение врага во время его высадки — решающий фактор войны и ее исхода».

Адольф Гитлер

«История войны не знает другой операции, сравнимой по широте мышления, грандиозности масштабов и мастерству исполнения».

Иосиф Сталин

«Удачи! Да благословит нас Всевышний на это великое и благородное дело».

Дуайт Д. Эйзенхауэр, приказ войскам, 4 июня 1944 г.

«В этой колонке я расскажу вам о том, чего стоило открыть второй фронт, чтобы вы

осознали и вечно благодарили и мертвых, и живых за то, что они для вас сделали».

Эрни Паш, 12 июня 1944 г.

Воздушно-десантные и пехотные дивизии в годы Второй мировой войны состояли из:

отделений (по девять — двенадцать бойцов в каждом);

взводов (три отделения);

рот (три-четыре взвода);

батальонов (три-четыре роты);

трех-четырех полков (три-четыре батальона в каждом);

а также приданных инженерно-саперных, артиллерийских, медицинских и других вспомогательных частей.

В американских, британских и канадских пехотных дивизиях в день «Д» насчитывалось от 15 до 20 тыс. чел.

Союзнические воздушно-десантные дивизии были раза в два меньше.

Численность большинства немецких дивизий не превышала 10 тыс. чел.

«Чрезвычайно информативное и драматичное повествование об ужасах сражения одного дня, который, как считают многие историки, стал самым знаменательным днем XX века».

Крис Патсайдлис, «Сан-Франциско кроникл

6 июня 1944 г. в 00.16^[1] планер «Хорса» врезался в берег Канского канала в пятидесяти метрах от разводного моста. Лейтенант Ден Бразеридж, выбравшись на землю, схватил за плечи сержанта Джека «Билла» Бейли, командира отделения, и прошептал ему на ухо:

— Скорее води ребят вперед!

Вместе с взводным и Бейли высадились еще 26 человек из роты «Д» Оксфордширского и Букингемширского полка легкой пехоты британской 6-й воздушно-десантной дивизии.

Бейли направился со своей группой забросать гранатами дот, который, как предполагалось, должен был находиться у моста. Лейтенант Бразеридж собрал оставшихся солдат и тихо сказал: «За мной, парни!» — и тоже побежал к мосту. Немцев, охранявших переправу, насчитывалось, наверное, не менее пятидесяти. И они, конечно, не знали, что давно ожидавшееся вторжение началось.

Часовой семнадцатилетний рядовой Хельмут Ромер видел, как британцы, в полном вооружении, короткими перебежками приближались к мосту. Они казались ему возникшими из воздуха. Он развернулся и кинулся прочь, на бегу крикнув другому часовому: «Парашютисты!» Караульный выстрелил сигнальную ракету, а Бразеридж выпустил всю 32-зарядную обойму своего «Стена».

Это были первые выстрелы, за которыми через двадцать четыре часа последовало массированное наступление 175-тысячных Союзнических экспедиционных сил, в которые входили американцы, канадцы, британцы, французы, норвежцы, поляки и представители многих других стран. У моста погиб первый немец, защищая гитлеровскую «крепость Европу»^[2].

26-летний Бразеридж готовился к этому моменту два года, а для выполнения специального задания по захвату моста — шесть месяцев. Сначала он служил рядовым, но ротный командир майор Джон Говард рекомендовал его в кадетскую школу еще в 1942 г. Другие взводные закончили университеты и были выходцами если не из богатых и аристократических, то по крайней мере достаточно обеспеченных семей, принадлежавших к высшему классу. Офицеры испытывали некоторый дискомфорт, когда Бразеридж вернулся с лейтенантским званием: «Понимаете, он же не наш?»

Бразеридж любил футбол, но не крикет. После войны из него мог получиться профессиональный спортсмен. Лейтенант легко сходилась с людьми и представления не имел о той пропасти, которая нередко разделяла британских младших офицеров и новобранцев.

Бразеридж вечерами обычно заходил в барак, садился на койку денщика Билли Грея и начинал рассказывать о футболе. Он прихватывал с собой ботинки и, пока говорил, начищал их до блеска. Рядовой Уолли Парр вспоминает, что ему никогда прежде не доводилось наблюдать, как британский лейтенант в то время, когда его денщик валяется на кровати, сам приводит в порядок свою обувь и травит всякие байки о «Манчестер юнайтед», «Уэст Хэм» и других футбольных командах.

Долговязый, улыбчивый и общительный Ден Бразеридж вызывал симпатию у всех, даже у офицеров. Он быстро усваивал новые знания, владел всеми видами оружия, одновременно был и способным учеником, и хорошим учителем, одним словом, представлял собой образец настоящего лидера. Когда майор Говард назначил его командиром 1-го взвода, ротные офицеры согласились, что именно Ден должен повести за собой первый отряд десантников в день «Д».

У Бразериджа имелись и другие причины для того, чтобы возглавить атаку. Он был одним из немногих женатых мужчин в роте «Д». Его жена Маргарет уже восьмой месяц ждала

ребенка. Во время перелета через Ла-Манш Ден думал только о них.

Крик Ромера, ракета, очередь, выпущенная Бразериджем из «Стена», встревожили немцев, окопавшихся в траншеях по обе стороны моста. Они открыли беспорядочный огонь из пулеметов, автоматов, винтовок и карабинов.

Бразеридж добрался почти до середины переправы, за ним следовали бойцы, стреляя на бегу с бедра. Лейтенант выхватил гранату и метнул ее в пулемет, паливший справа. В этот момент его настигла пуля, попавшая в шею. Бразеридж упал. Солдаты продолжали атаковать противника, и им на помощь спешили еще два взвода, приземлившись на планерах. Рота «Д» за считанные минуты ликвидировала огневые точки врага: к 00.21 вокруг уже не было видно немцев: они либо погибли, либо сбежали.

Рядовой Парр отправился на поиски Бразериджа, которому после взятия моста предстояло обозначить свой командный пост в кафе, расположенном поблизости.

— Где Дании? — спросил он у проходившего мимо солдата. (Обычно к лейтенанту обращались «мистер Бразеридж», офицеры называли его «Ден», а те, кто относился к нему с особой теплотой, — «Дании».)

— Где Дании? — снова спросил Парр. Солдат не знал. Парр вышел на площадку перед кафе. Он обнаружил Бразериджа лежащим на дороге. Его глаза были открыты, а губы пытались что-то сказать, но Парр не мог разобрать ни одного слова. Парр подумал: «Какая нелепость. Сколько лет уходит на то, чтобы научиться воевать. Всего несколько секунд — и вот ты лежишь, поверженный...»

Санитары унесли Бразериджа в медпункт. Ротный доктор Джон Воэн увидел его «неподвижным, с взглядом, устремившимся к звездам и выражавшим только одно, — жуткое, страшное изумление». Доктор сделал инъекцию морфина и начал бинтовать пулевую рану на шее. Но прежде чем Воэн завершил процедуру, лейтенант умер. Бразеридж стал первым солдатом союзнических сил, погибшим в день «Д».

Лейтенант Роберт Мейсон Матиас командовал вторым взводом роты «Е» 508-го парашютно-пехотного полка американской 82-й воздушно-десантной дивизии. В ночь с 5 на 6 июня 1944 г. он пересекал Ла-Манш на «С-47» («Дакота») по направлению к полуострову Котантен в Нормандии. Спустя два часа самолет уже находился над Францией и попал под обстрел немецких зениток. В 02.27 лейтенант Матиас заметил красный огонек над открытой дверью — сигнал готовности.

— Встать и пристегнуться! — приказал Матиас шестнадцати десантникам, стоявшим за ним. Он прицепил карабин своего парашюта к тросу, протянутому вдоль самолета, и подошел к краю двери в ожидании появления зеленого огонька — знак того, что борт находится над нужным районом.

Немцы внизу вели бешеный огонь по воздушной армаде, состоявшей из 822 самолетов «С-47», несущих в себе 82-ю и 101-ю воздушно-десантные дивизии. Небо заполнилось всполохами от разрывов снарядов 20-миллиметровых четырехствольных зенитных орудий и разноцветными радугами, проложенными трассирующими пулями, — зелеными, желтыми, красными, голубыми, белыми. Многим парашютистам зрелище напомнило грандиозный фейерверк, который устраивается в США в день 4 июля. Но на самом деле оно наводило страх: в каждой радужной арке скрывались пять невидимых пуль. Незримые, но слышимые, они барабанили по крыльям «С-47» и, пробив их, стучали, как камни в жестяной банке. Высота полета не превышала 300 м, а скорость — 200 км в час, что превращало «С-47» в легко уязвимую цель.

Выглядывая в дверной проем, лейтенант Матиас мог видеть бушующие под ним пожары.

Огромный столб огня поднимался к небу на окраине деревни Сент-Мер-Эглиз; это горел сарай с сеном — в него, очевидно, попала трассирующая пуля. Самолет стало кидать из стороны в сторону. За спиной Матиаса послышались голоса:

— Пошли!

— Ради Христа, пошли!

— Прыгай же, черт возьми, прыгай!

Пули начали прошивать фюзеляж, и парни инстинктивно прикрывали ладонями промежность. Они уже совершили десятки прыжков, но никогда раньше у них не было такого страстного желания покинуть самолет.

Матиас держал руки вытянутыми, чтобы в любой момент, как только появится зеленый сигнал, нырнуть в воздух. Вдруг сзади разорвался зенитный снаряд. Лейтенант ощутил, как раскаленный осколок пробил запасной парашют и застрял где-то на груди. Матиас рухнул на пол. И в это время над дверью появился зеленый огонек.

В свои 28 лет Матиас был намного старше других лейтенантов в 508-м парашютно-пехотном полку, но выглядел моложе их. Светлые, с рыжеватым отливом волосы и ирландские веснушки придавали ему мальчишескую внешность. Высокий и поджарый (рост — 183 см и вес — 79 кг), он находился в великолепной физической форме, сплошь кости и мускулы, и перенес удар, который мог бы свалить вола. Лейтенант заставил себя подняться и вновь встал у дверного проема.

Именно таким, самоотверженным и мужественным, привыкли видеть Боба Матиаса солдаты. Его любили во взводе, уважали друзья-офицеры. Он был известен своим обостренным чувством справедливости, преданностью делу. Два года Матиас готовил себя и бойцов к этому решающему дню. Лейтенант считался лучшим боксером в полку и самым выносливым марафонцем. Как-то во время состязания между взводами по бегу на дистанции 40 км один из солдат упал. Матиас подхватил его и пронес на себе до самого финиша.

В обязанности Матиаса входило просматривать полевую почту. Рядовой Гарольд Кавано вспоминает, что лейтенант это тоже делал по-своему: «Для него было мучительно читать чужие письма, поэтому он только проглядывал их содержание. Если в тексте встречалось что-то недопустимое по соображениям безопасности, то лишь тогда Матиас обращал внимание на имя автора. Но и в этом случае лейтенант лично объяснял солдату, почему те или иные места из его письма желательно исключить. После внесения необходимых поправок оно уходило по адресу. По крайней мере солдат всегда знал, что его послание обязательно прочтут».

Матиас был правоверным католиком. Он сам часто посещал мессу и поощрял походы в церковь своих бойцов. Лейтенант никогда не матерился. Его ротный командир говорил:

— Матиас мог свернуть шею любому крутому мужику, но оказывался неспособным произнести даже такие невинные слова, как «черт», «проклятие».

Когда у кого-то в соседнем взводе возникали проблемы, то это тут же становилось известным Матиасу. Лейтенант чистосердечно предлагал помощь, но не позволял себе вмешиваться в личную жизнь человека. Один из его сослуживцев вспоминает: «Он делал некоторые исключения из правил, но ни разу не поступил своими принципами. Временами лейтенанта глубоко задевало, что мы не всегда соответствовали его меркам, но он не навязывал нам собственное мнение».

Можно сказать, что Матиас всесторонне подготовился к предстоящей битве. Он изучал военную историю, овладел всеми видами оружия и искусством ведения боя стрелковой ротой. Лейтенант знал немецкие вооружения, организацию и тактику вермахта. Матиас выучил немецкий язык так, что говорил на нем без запинки, освоил французский язык в достаточной степени, чтобы сориентироваться в незнакомом месте. Лейтенант обучил некоторым немецким

командам и французским выражениям своих солдат.

— Очень полезные уроки, — считает Кавано.

Из-за опасения, что немцы могут прибегнуть к газовым атакам, Матиас на всякий случай ознакомил взвод с основными принципами такого нападения и способами борьбы с ним.

— Эти знания впоследствии не пригодились, — замечает Кавано. — Главное, что Матиас предусмотрел все, что могло случиться в ходе сражения.

Полковник Рой Е. Линдквист, командир 508-го парашютно-пехотного полка, сказал о Матиасе:

— Он либо получит орден, либо первым из нашего полка погибнет на поле боя.

На аэродроме вечером 5 июня, когда 508-й полк загружался в самолеты, Матиас пожал руки всем солдатам своего взвода. Рядовой Кавано, оказавшийся на другом борту, вспоминает: «Какая-то неустрашимая уверенность исходила от этого великана. Мы попрощались, и он сказал:

— Мы им покажем, почем фунт лиха, разве мы не ирландцы?»

Когда лейтенанта Матиаса тяжело ранил осколок разорвавшегося зенитного снаряда и одновременно зажегся зеленый огонек, у него еще было достаточно сил, чтобы отойти в сторону и освободить дорогу для других. Если бы он поступил именно таким образом, то экипаж «С-47» оказал бы ему первую помощь и, вероятно, доставил бы его обратно в Англию для операции, которая могла сохранить Матиасу жизнь. Позднее все, кто находился в той команде, говорили, что лейтенант должен был об этом подумать.

Вопреки здравому смыслу Матиас поднял правую руку, скомандовал «За мной!» и исчез в ночном небе. Никто не знает, то ли из-за резкого открытия парашюта, то ли из-за резкого удара о землю, то ли от большой потери крови, но лейтенанта примерно через полчаса нашли в стропах парашюта мертвым. Он стал первым американским офицером, убитым немцами в день «Д».

Масштабность операции «Оверлорд» — вторжения в оккупированную нацистами Францию в 1944 г. — ошеломляет. За одну ночь и один день через открытое водное пространство протяженностью от 100 до 160 км были переброшены на вражеский берег 175 тыс. человек в полном боевом снаряжении и 50 тыс. передвижных средств — от мотоциклов и танков до бронированных бульдозеров. В этом грандиозном перемещении людей и техники участвовали 5333 корабля и около 11 тыс. самолетов. Такое мероприятие можно сравнить с тем, как если бы за ночь переселили на восточный берег озера Мичиган жителей городов Грин-Бей, Расин и Кеноша, штат Висконсин, со всей их домашней утварью, автомобилями и тракторами.

Премьер-министр Уинстон С. Черчилль назвал высадку экспедиционных сил «самой трудной и сложной операцией в истории человечества». На ее подготовку ушли два года невероятного труда миллионов людей в США, Соединенном Королевстве, Канаде, где ускоренными темпами сооружались корабли, десантные суда, танки, самолеты, создавались вооружения, изготавливались медикаменты и многое, многое другое, необходимое для мощного наступления.

Но каким бы значительным ни был индустриальный и интеллектуальный вклад США и их союзников, какие бы гениальные планы и стратегии ни разрабатывались, успех или провал операции «Оверлорд» зависел от сравнительно небольшого числа младших офицеров, сержантов, солдат и матросов в американских, британских и канадских армиях, авиационных дивизиях, военно-морских соединениях. Самое просчитанное и подготовленное в истории войн наступление могло завершиться полным крахом: если бы парашютисты не вступали в открытую схватку с врагом, а прятались за заграждениями или в амбарах; если бы рулевые десантных судов под огнем противника не подводили свои боты прямо к берегу, а сбрасывали ramпы на

глубине; если бы пехотинцы зарывались в землю, а сержанты и офицеры не поднимали их на штурм дамб.

Эта тяжелейшая ратная доля пала на плечи молодых людей в возрасте 18–28 лет. Они, конечно, были отлично натренированы и вооружены. Но мало кто из них прошел школу настоящих боев. Немногим доводилось убивать человека или видеть рядом погибшего товарища. Большинство состояло из парней, таких как Ден Бразеридж и Боб Матиас, не сделавших ни одного выстрела в ходе реальной битвы. Все они, по сути, оставались гражданскими солдатами, а не профессиональными военными.

До конца весны 1944 г. было не ясно, способна ли молодежь демократических стран сразиться с отборными войсками нацистской Германии. Гитлер считал, что нет. Исходя из опыта боев с британской армией во Франции в 1940 г., с англичанами и американцами в Северной Африке и Средиземноморье в 1942–1944 гг., фюрер пришел к выводу, что их войска не могут противостоять вермахту. Тоталитарный фанатизм и жесткая дисциплина должны восторжествовать над либерализмом и мягкотелостью. В этом Гитлер был абсолютно уверен.

Если бы фюрер видел Дена Бразериджа и Боба Матиаса в действии в день «Д», у него, возможно, возникли бы иные мысли. Эта книга как раз о Бразеридже и Матиасе и их друзьях, которые родились в условиях мнимого благополучия 1920-х годов и выросли в жестоких реалиях депрессии 1930-х. Они воспитывались на антивоенной литературе, циничной, представлявшей патриотов как несмышленных сосунков, а бездельников — как героев. Никто из них не желал оказаться в очередной бойне. Они хотели бросать бейсбольные мячи, а не ручные гранаты, стрелять из ружья по зайцам, а не из винтовки «М-1» по таким же молодым парням. Но когда пришло время выбирать — сразаться за свободу или поддаться диктатуре, эти юноши избрали первое. Они стали солдатами демократии. Они начали день «Д», и им мы обязаны своей свободой.

Чтобы осознать их свершения и подвиги, нам необходимо воссоздать все, как было.

1. Защитники «Крепости Европа»

В начале 1944 г. нацистская Германия столкнулась с серьезной проблемой: она захватила такую территорию, которую была не в состоянии оборонять. Но психология завоевателя требовала от Гитлера принятия мер по защите каждого дюйма оккупированных земель. Вермахту приходилось проявлять большую изобретательность, чтобы исполнить указания своего шефа. На военную службу начали призывать школьников и престарелых мужчин, иностранных граждан, стали сооружать стационарные оборонительные укрепления. Пришлось изменить тактику боевых действий, перейти на другие виды вооружений. Высокомобильная армия 1940–1941 гг., оснащенная легкими, скоростными танками и моторизованной пехотой, в 1944 г. уступила место тяжеловесным, малоподвижным соединениям с массивной, еле ползущей броневой техникой и зарывавшимися в окопы солдатами.

В нацистской Германии все решения принимал Гитлер. Он хорошо уяснил уроки предыдущей мировой войны, которые показывали, что Германия не может победить в борьбе на истощение. Поэтому вначале Гитлер делал ставку на блицкриг. Но его блестящие планы потерпели крах поздней осенью 1941 г. в России. И тогда он допустил одну из своих самых непоправимых ошибок: объявил войну Соединенным Штатам в то самое время, когда Красная Армия начала контрнаступление под Москвой!

Это было самое дурацкое из всех диких решений Гитлера. По условиям «Стальского пакта», от него не требовалось помогать Японии, так как договор носил чисто оборонительный характер: если одна из сторон (Италия, Германия или Япония) подвергнется нападению, то другие должны оказать ей содействие. Но 7 декабря на Японию никто не напал, а сама Япония не пришла на помощь Германии в июне 1941 г., когда немцы вторглись в Советский Союз. Это также было одним из самых индивидуалистических решений Гитлера. Фюрер не считал нужным с кем-либо посоветоваться. Гитлер перечеркнул свои долгосрочные планы покорения мира, согласно которым решающая борьба против Соединенных Штатов оставлялась следующим поколениям, которые смогли бы воспользоваться ресурсами Советского Союза и остальной части Европы. Можно предположить, что ему следовало бы по крайней мере спросить у своих военачальников о возможных последствиях объявления войны против Соединенных Штатов или хотя бы поговорить об этом с Герингом, Гиммлером, Геббельсом и другими сподвижниками. Но он ни с кем не говорил и 11 декабря просто поставил рейхстаг перед свершившимся фактом.

Летом 1942 г. вермахт вновь попытался использовать тактику блицкрига против Красной Армии, но уже в меньших масштабах (одна армейская группировка на одном фронте, а не три армейские группировки на трех фронтах), хотя пришел к тому же результату, когда началась зима. К концу января 1943 г. почти четверть миллиона немецких солдат, сражавшихся под Сталинградом, сдались в плен. В июле 1943 г. вермахт предпринял последнее наступление на Восточном фронте, под Курском. Красная Армия остановила его, при этом немцы понесли огромные потери.

После Курска у Гитлера не оставалось надежды на военную победу в борьбе с Советским Союзом. Но это еще не означало, что его дело потерпело полное поражение. На Восточном фронте Гитлер располагал еще всеми возможностями, чтобы выиграть время; а оно работало на фюрера, поскольку странное содружество — Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов, по его мнению, должно было неизбежно развалиться.

Гибель Гитлера и полный крах нацистской Германии, без всякого сомнения, привели бы к распаду этого противоестественного союза. Но фюрер хотел, чтобы разрыв произошел тогда,

когда еще мог принести ему пользу. И у Гитлера были все основания думать, что такое могло случиться, если бы ему удалось убедить Сталина в том, что не следует возлагать надежды на Соединенные Штаты и Великобританию. Сталин вполне мог решить, что победа в войне один на один достанется Красной Армии слишком высокой ценой. И если бы Красная Армия вернулась на позиции, которые она занимала в июне 1941 г., то есть в восточную часть Польши, тогда, возможно, Сталин пошел бы на переговоры о мире на принципах разделения Восточной Европы между нацистами и коммунистами.

С августа 1939 г. и до июня 1941 г. нацистская и советская империи объединились на основе того, что поделили между собой Восточную Европу. Чтобы возвратиться к прежнему положению, Гитлеру надо было доказать Сталину, что немцы еще способны нанести Красной Армии непоправимый урон. Для этого ему требовались боеспособные солдаты и военная техника. Чтобы заполучить их, нужно было снять напряжение на Западном фронте. А для этого предстояло отразить англо-американское вторжение через Ла-Манш.

Вот почему день «Д» имел решающее значение^[3]. Совершенно ясно на это указывает директива фюрера № 51 от 3 ноября 1943 г.: «В течение последних двух с половиной лет наши основные усилия мы направляли на ожесточенную и приносящую большие потери борьбу против большевизма... Ситуация теперь другая. Угроза с Востока остается, но еще большая опасность грядет с Запада: англо-американская морская высадка! На Востоке потеря даже большей части захваченного нами обширного пространства не нанесет смертельного удара по жизнеспособности Германии.

Другое дело — на Западе! Если врагу удастся прорвать нашу оборону по широкому фронту, то это приведет к незамедлительным и ужасающим последствиям». (Гитлер имел в виду, что англо-американское наступление через Ла-Манш в 1944 г. создало бы непосредственную угрозу индустриальному сердцу Германии — Рейнско-Рурскому региону.) Юго-восточная часть Англии находится ближе к Кельну, Дюссельдорфу и Эссену, чем Берлин. Иными словами, осенью 1943 г. передовая линия фронта на Востоке отстояла от Берлина более чем на 2000 км, в то время как на Западе она проходила на расстоянии всего лишь 500 км от Рейнско-Рурской области и в 1000 км от Берлина. В случае успешного продвижения Красная Армия в 1944 г. частично заняла бы Украину и Белоруссию, которые имели существенное, но не столь принципиальное значение для поддержания военной индустрии Германии. Англо-американский прорыв в 1944 г. привел бы к захвату Рейнско-Рурского региона, жизненно важного для обеспечения военной мощи Германии.

Поэтому Гитлер заявил, что решающая схватка должна состояться на побережье Франции: «По данной причине я не могу более соглашаться с дальнейшим ослаблением наших сил на Западе в пользу других театров войны. Я принял решение усилить нашу оборону на Западном направлении...»

Это решение перечеркнуло политику, которую нацисты проводили с 1940 г., когда отказались от подготовки операции «Морской лев», то есть вторжения в Англию. С того времени вермахт во все более широких масштабах перебрасывал людские ресурсы и вооружения на Восточный фронт.

Причины, по которым Гитлер в 1944 г. отдал предпочтение Западному направлению, имели скорее политический, нежели военный характер. 20 марта он предписал своим главным командармам на Западе: «Отражение вражеских попыток произвести высадку не является сугубо локальной операцией на Западном фронте. Оно имеет решающее значение для всех дальнейших военных действий и их окончательного исхода». Гитлер затем указывал: «Понеся поражение, враг никогда не посмеет вторгнуться еще раз. После тяжелых потерь ему потребуются месяцы на то, чтобы подготовить новую операцию. Неудача с высадкой нанесет

серьезный удар по состоянию морального духа англичан и американцев. Во-первых, она лишит Рузвельта шансов на переизбрание, — а если повезет, то он может оказаться и в какой-нибудь тюрьме! Во-вторых, усталость от войны еще больше угнетет Англию, а Черчилль, и без того старый и больной человек, не сможет выдержать еще одну операцию по вторжению». И тогда, по замыслу Гитлера, вермахт перебросит 45 дивизий с Запада на Восток с тем, чтобы «коренным образом изменить сложившуюся ситуацию...». «Поэтому весь исход войны зависит от каждого бойца, сражающегося на Западе, как и судьба самого рейха!»

В отражении англо-американского десанта заключалась последняя надежда Германии. Вернее сказать, последняя надежда Гитлера и нацистов; для немецкого народа решение продолжать войну означало только одно — неминуемую катастрофу. В любом случае, если бы даже все произошло по сценарию Гитлера, летом 1945 г. военно-воздушные силы США, расквартированные на базах в Англии, начали бы сбрасывать атомные бомбы на Берлин и другие немецкие города. Конечно, в начале 1944 г. никто еще не знал, когда (и произойдет ли это когда-либо вообще) американский манхэттенский проект произведет на свет Божий такую бомбу.

Организация противостояния грядущему вторжению с моря представляла для Гитлера реальную проблему. Ее решение усложнялось многими факторами, которые можно назвать одним словом — нехватка. Не хватало кораблей, самолетов, орудий, танков, людских ресурсов. Германия испытывала перенапряжение сил гораздо большее, чем в годы Первой мировой войны. Гитлер ругал кайзера за то, что тот втянул страну в войну, которую надо было вести на двух фронтах. Но к концу 1943 г. Гитлер сам уже воевал на трех. На Востоке его войска растянулись на 2000 км; в Средиземноморье немцы держали оборону на пространстве протяженностью в 3000 км, включавшем в себя юг Греции, Югославию, Италию и юг Франции; на Западе Гитлеру приходилось защищать береговую линию в 6000 км от Голландии до южной части Бискайского залива.

Однако существовал еще четвертый фронт — в самой Германии. Удары союзнических военно-воздушных сил по городам Германии вынудили люфтваффе покинуть Францию и бросить все самолеты на защиту немецкого неба. Бомбардировки не нанесли большого вреда военному производству Германии. В течение 1943 г. немцы продолжали наращивать выпуск танков и орудий, хотя и не успевали возмещать потери. Но все же постоянные атаки с воздуха заставили люфтваффе уйти в оборону.

Гитлеру это не нравилось. И его собственные убеждения, и германские военные традиции требовали одного — наступления. Но Гитлер был не в состоянии пойти в атаку на своих противников, по крайней мере до тех пор, пока на конвейер не поступят державшиеся в секрете виды вооружений. Он злился, но ему ничего не оставалось, как защищаться.

Эта вынужденная необходимость обороняться душила его как кость, застрявшая в горле, и приводила к величайшим стратегическим просчетам. Когда немецкие физики в 1940 г. сообщили Гитлеру о возможности к 1945 г. создать атомную бомбу, он приказал им прекратить работы над проектом, считая, что к тому времени война закончится либо победой, либо поражением. Его решение можно назвать даже мудрым, но не потому, что предвидение Гитлера оказалось правильным, а потому, что Германия тогда не обладала ни технологическими, ни природными ресурсами для производства атомных бомб. Немецкие ученые переориентировались на другие виды военной техники. По настоянию Гитлера, это были наступательные вооружения, такие как дизельные подводные лодки, беспилотные самолеты и ракеты. Немцы создали и на практике применили ракеты «возмездия» (Vergeltungswaffen), которые, впрочем, особо не повлияли на ход военных действий. Первую в мире баллистическую ракету средней дальности V-2 никак нельзя отнести к разряду вооружений; она скорее являлась

орудием для совершения террористических актов. («Скады», которые Ирак использовал в ходе войны в Персидском заливе в 1991 г., представляли собой лишь несколько усовершенствованный вариант V-2; как и V-2, они не отличались точностью попадания и могли нести лишь небольшой взрывной заряд.)

Страсть Гитлера к бомбардировкам Лондона и его равнодушие к защите немецких городов привели к чудовищному и, возможно, изменившему ход истории просчету. Еще в мае 1943 г. реактивный истребитель «Me-262» профессора Вилли Мессершмитта был готов к серийному производству. Он летал со скоростью 520 миль в час, на 120 миль быстрее, чем любой самолет союзников, и мог нести в себе четыре 30-мм пушки. Рейхсмаршал Герман Геринг собирался дать добро на производство этого самолета, но вначале хотел согласовать свое решение с Гитлером. Тот же, уставший от многочисленных обещаний Геринга, удосужился лишь в декабре 1943 г. ознакомиться с техническими возможностями «Me-262». Самолет произвел на него большое впечатление, но Гитлеру был нужен бомбардировщик, чтобы наносить удары по Лондону, а не истребитель для защиты немецких городов. Геринг заверил его в том, что «Me-262* можно модифицировать для бомбометания, а Гитлер пустился восторженно рассуждать о том, какое смятение вызовет реактивный бомбардировщик в Лондоне и среди десантников, которые собираются высадиться во Франции.

Однако Геринг, как обычно, был не в курсе того, о чем говорил. Мессершмитт не мог переделать истребитель в бомбардировщик; создание более мощного реактивного самолета было связано с серьезными технологическими трудностями. Он проигнорировал указание Гитлера, и на его заводах началась сборка «Me-262». К апрелю 1944 г. уже было выпущено 120 реактивных истребителей. Прослышав об этом, Гитлер вызвал к себе Геринга, обнял его и жестко приказал не только запретить сборку «Me-262» как истребителя, но и называть этот самолет истребителем; он должен быть известен как блиц-бомбардировщик.

В течение следующих шести месяцев Мессершмитт мужественно пытался сделать из истребителя бомбардировщик. У него так ничего и не получилось. Наконец в ноябре 1944 г. Гитлер распорядился создать первое авиационное крыло из реактивных истребителей. Но к тому времени транспортная сеть в стране уже была разрушена, не оставалось пилотов, которые могли бы летать на истребителях и практически полностью были исчерпаны топливные ресурсы^[4]. Люфтваффе смогла поднять в воздух лишь небольшое количество реактивных самолетов, пока все окончательно не пошло прахом.

Немцы все-таки успели собрать более тысячи «Me-262», но только в последние шесть недель войны им удавалось удерживать в небе одновременно 100 машин. Вместе с тем в секретном докладе президенту Дуайту Эйзенхауэру в 1960 г. указывалось: «Немцы буквально брали в кольцо наши истребители и дырявили наши бомбардировочные формирования при полнейшей безнаказанности... Например, 14 групп истребителей эскортировали наш рейд на Берлин 18 марта (1945 г.), в котором были задействованы 1250 бомбардировщиков «Б-17», то есть ориентировочно в пропорции один к одному. Лишь одна немецкая эскадрилья «Me-262» сбила 25 бомбардировщиков и пять истребителей, хотя уступала нам по численности примерно в соотношении 100 к одному. При этом немцы не потеряли ни одного самолета».

Доклад (который Эйзенхауэр просил подготовить только для его сведения) составлен кадровым служащим Белого дома Ралфом Вильямсом. Тот утверждал, что говорил на эту тему с генералом Карлом Спаатсом, командующим 8-й военно-воздушной армией во время Второй мировой войны. Спаатс «спокойно признал, что ни один из наших истребителей не мог сравниться с немецкими реактивными самолетами... И выразил такое мнение, что если бы немцы смогли задействовать их на французском побережье, то они лишили бы нас воздушного превосходства, нарушили бы высадку в Нормандии и даже вынудили бы нас изыскать

возможности для прорыва в Европу через Италию».

Но что могло произойти, не произошло. В июне 1944 г. над Францией и проливом Ла-Манш не было реактивных немецких истребителей; летали лишь несколько пропеллерных аэропланов.

В проливе курсировали также несколько сохранившихся военных кораблей — главным образом суда типа «Е» (торпедоносцы), являвшие собой немецкий, более громоздкий вариант американского сторожевого катера, размером чуть ли не с эскадренный миноносец (буква «Е» — «енету», то есть «враг»). Они были способны выбрасывать мины и торпеды и исчезать на высоких скоростях. Все, на что был тогда способен военно-морской флот Германии для защиты «крепости Европа», — это минировать.

Не имея достаточных военно-воздушных и военно-морских сил, немецкие защитники «крепости Европа» были вынуждены фактически «вслепую» пытаться закрыть места предполагаемой высадки англо-американского десанта. Контроль над воздушным и морским пространством предоставлял союзникам беспрецедентную возможность действовать быстро и внезапно. Иными словами — они хорошо знали, где и когда произойдет сражение, а немцы — нет.

Во время Первой мировой войны невозможно было скрытно провести подготовку к широкомасштабному наступлению. Недели уходили на то, чтобы подтянуть войска. Не один день требовался для того, чтобы выставить на передовые позиции артиллерию. И к тому моменту, когда наступление начиналось, обороняющиеся уже знали, когда и где ударит противник, и могли укрепить свои позиции на направлении главной атаки. Весной 1944 г. немцам оставалось только гадать.

Духовный наставник Гитлера — Фридрих Великий предупреждал: «Тот, кто стремится удерживать все, ничего не удержит».

Людские и материальные потери на Восточном фронте вынудили Гитлера забыть о предупреждении Фридриха и прибегнуть на Западном фронте к долговременной фортификационной обороне. Урон, нанесенный военной машине Германии, был действительно ужасающим. В июне 1941 г. вермахт направил в Россию 3,3 млн человек. К концу 1943 г. потери составили почти 3 млн человек, из которых около трети можно было считать навсегда выбывшими из строя (погибшие, пропавшие без вести, захваченные в плен или просто небоеспособные из-за полученных ранений). Несмотря на пополнения, численность войск вермахта на Восточном фронте после битвы под Курском (второго по масштабности сражения после самой большой в истории Верденской военной операции, в которой участвовали более 2 млн человек) составляла 2,5 млн солдат. Они должны были держать оборону от Ленинграда на севере до Черного моря на юге, то есть на линии почти в 2000 км.

Когда вермахт напал на Советский Союз, он гордился «арийской чистотой» своих войск. Отчаянная нужда в пополнении заставила немецкое военное командование существенно скорректировать, а затем и полностью отказаться от такой политики. Первоначально от так называемых «расовых немцев» (Volksdeutsche) в Польше и балканских странах требовалось, чтобы они становились «добровольцами». Эти люди подпадали под раздел 3 Германского расового списка (Abteilung 3 der Deutschen Volksliste), что предоставляло им право считаться гражданами Германии в течение десятилетнего испытательного срока. В то же время их могли призывать на военную службу, хотя она ограничивалась рангом не выше рядового первого класса. В 1942–1943 гг. рекрутов на оккупированных территориях Советского Союза набирали в основном из числа противников коммунизма. Естественно, они оказывались жителями западных республик советской империи, настроенных на борьбу со Сталиным. Когда немцы начали отступать, меньше стало добровольцев (Freiwilligen), больше — пособников

(Hilfswilligen), которых находили и в захваченных регионах, и среди военнопленных красноармейцев. К началу 1944 г. в вермахте служили «добровольцы» из Франции, Италии, Хорватии, Венгрии, Румынии, Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, России, Украины, Северной Африки, мусульманских республик Советского Союза, а также волжские и крымские татары, финны и даже индийцы.

Так называемые «восточные» (Ost) батальоны стали особенно ненадежными после поражения немцев под Курском. Их переправили во Францию в обмен на немецкие войска. На побережье «Юта» в день высадки лейтенант Роберт Брюер из 506-го парашютно-пехотного полка 101-й воздушно-десантной дивизии американских вооруженных сил захватил четырех азиатов в немецкой форме. Выяснилось, что все они были корейцами. Каким образом корейцы очутились на стороне Гитлера? Похоже, что их призвали в японскую армию в 1938 г. (Корея тогда была японской колонией). Затем они попали в советский плен во время приграничных боев в 1939 г., служили в Красной Армии, были захвачены вермахтом под Москвой в декабре 1941 г. и уже в качестве немецких солдат посланы во Францию. (О дальнейшей судьбе корейцев лейтенант Брюер так и не узнал. Можно предположить, что их отправили обратно в Корею. Тогда они должны были снова оказаться в армии: либо Южной, либо Северной Кореи. Вполне возможно, что им снова пришлось воевать в 1950 г.: или с американцами, или против них в зависимости от того, в какой части Кореи они находились. Так причудливо складывались судьбы людей в XX в.) К июню 1944 г. каждый шестой пехотинец в немецких частях во Франции был из «восточных» батальонов.

Вермахт значительно понизил требования к физической подготовке новобранцев, чтобы призывать в армию больше чистокровных немцев. На фронт начали посылать людей с желудочными и легочными заболеваниями. Сократили время не только на подготовку призывников, но и на лечение после ранений. Расширились возрастные рамки: на военную службу стали призывать более юных и более пожилых мужчин. В декабре 1943 г. действующая армия в 4270 тыс. человек почти на треть (1,5 млн) состояла из военнослужащих в возрасте старше 34 лет. Средний возраст личного состава 709-й дивизии на полуострове Котантен достигал 36 лет; а в целом по вермахту он исчислялся 31,5 годами (по сравнению с 25,5 годами в американской армии). В то же время продолжали призывать на военную службу молодых людей 1925 и 1926 гг. рождения.

Как следствие вермахт не имел ресурсов для осуществления глубоко эшелонированной обороны, основу которой составляют контрудары и контрнаступления. Немцам не хватало боеспособных войск, мобильности, брони. Старики, мальчишки и иностранные новобранцы могли держаться лишь тогда, когда они укрывались в траншеях или в бетонных укреплениях или когда за ними с пистолетами стояли сержанты, готовые в любой момент расстрелять каждого, кто осмелится покинуть свой пост.

В 1939 г. Гитлер говорил о вермахте как об «армии, какую еще мир не видел». К концу 1943 г. все уже было далеко не так. Военное министерство США выделило тогда «два типа немецкого солдата». К первому относился «преждевременно повзрослевший ветеран, измотанный войной циник, перенесший немало боев и поражений, и либо совершенно отупевший, либо обескураженный происходящим человек, уже не способный мыслить самостоятельно». Но он все же был опытным воякой, эффективно исполнявшим свои обязанности. Другой вариант — новобранец (исключая штурмовые отряды СС — Schutzstaffel) — либо очень молодой, либо очень пожилой человек, и зачастую в неважном состоянии здоровья. Такой солдат, как правило, не имел необходимой подготовки из-за нехватки времени, но если он был юн, этот недостаток с лихвой восполнялся фанатизмом. Когда же новобранец оказывался человеком пожилым, его заставлял воевать страх, который нагоняли

пропагандисты своими рассказами о том, что может произойти с «отечеством» в случае победы союзников, или, хуже того, с ним самим и его семьей, если не будут исполняться приказы. Поэтому самоотверженность, которую проявлял солдат (и старый, и немощный, и больной), нередко граничила с отчаянием.

Германское командование преуспело в том, чтобы каждому человеку определить его место: одних пустить на «пушечное мясо», а других — сохранить в элитных частях типа штурмовых отрядов СС (Waffen-SS). Военнослужащий, попавший в такое подразделение, ценился как главная опора вермахта. От него требовалось никогда не сдаваться в плен, быть преданным «своему отечеству» и беспощадным к противнику.

Помимо СС, элитными считались парашютно-десантные и бронетанковые войска. Этим силам также придавалось особое значение. В них вступали парни, рожденные в 1920–1925 гг. и выросшие в условиях гитлеровской Германии, то есть уже подвергшиеся массовой пропагандистской обработке в организации «Гитлерюгенд». Парашютно-десантные и бронетанковые дивизии обеспечивались лучшими вооружениями, которые производила Германия, и представляли собой наиболее боеспособные подразделения.

Даже менее оснащенные и подготовленные войска могли нанести тяжелый урон наступающему противнику, используя естественные условия местности, созданные самой природой для эффективной обороны и дополненные мастерством немецких инженеров. Гитлер неустанно повторял, что долг солдата — «стоять насмерть, но не уступать занятых позиций». Эта психологическая установка сохранилась со времен Первой мировой войны и не вписывалась в стратегию блицкрига и бронетанковую эру, однако в сложившейся ситуации она казалась оправданной. Немцы рассчитывали на то, что с помощью отборных штурмовых отрядов СС, парашютно-десантных и бронетанковых войск им удастся с самого начала перейти в контрнаступление. В конце 1943 г. штурмовики СС, десантники и танкисты все еще находились на Восточном фронте или частично в самой Германии на переформировании. Согласно директиве Гитлера от 3 ноября 1943 г., большинство этих сил (или по крайней мере достаточное их количество) ко времени вторжения союзников должны были стоять за «Атлантическим валом».

Еще в марте 1942 г. Гитлер изложил основной принцип обороны Атлантического побережья в директиве № 40: укрепления и войска расположить так, чтобы при любой попытке нападения разбить противника непосредственно перед высадкой или сразу же после нее. В августе 1942 г. он распорядился, чтобы во Франции с «фанатичной энергией» начали создавать сплошной пояс крепостных бетонированных сооружений, способных выдерживать бомбовые удары и обеспечивающих возможность вести перекрестный огонь по наступающему врагу. Как отмечает американский историк Гордон Харрисон, «Гитлер считал, что оборона всегда будет уязвимой, если в нее не вложить достаточно решимости и бетона».

В сентябре 1942 г. Гитлер провел трехчасовую встречу с Герингом, министром рейха Альбертом Шпеером (возглавлявшим немецкую строительную организацию Тодта ^[5]), фельдмаршалом Гердом фон Рундштедтом (командующим немецкими силами на Западе), генералом Гюнтером Блюменшtedтом (начальником генерального штаба наземных войск на Западном фронте — Oberbefehlshaber West — OB West) и другими высшими чинами. Фюрер вновь подтвердил свои указания создать вдоль «Атлантического вала» самые мощные стационарные фортификации. Они, подчеркнул Гитлер, должны быть построены с учетом воздушного и военно-морского превосходства англоамериканских союзнических сил. Только бетон может выдержать бомбы и снаряды. Гитлер потребовал соорудить 15 тыс. бетонированных долговременных огневых опорных пунктов и обеспечить их 300-тысячными войсками. И поскольку ни один из участков побережья не представлялся безопасным, то все

укрепления, в сущности, нужно было выстроить в одну сплошную оборонительную стену. Гитлер приказал завершить сооружение фортификаций к 1 мая 1943 г.

Конечно, его распоряжения выглядели как чистейшей воды фантазия. Несмотря на важность поставленных задач, практически ничего не было сделано и к концу 1943 г. Рундштедту не нравилась идея создания стационарных оборонительных позиций. Он считал, что немцам лучше было бы держать бронетанковые части подальше от побережья, вне досягаемости огня флота союзников и в то же время в полной боевой готовности к контрнаступлению. Но фельдмаршал не учитывал такие факторы, как нехватка людских ресурсов, брони, фактическое отсутствие воздушного прикрытия.

Все, что мог тогда предпринять Гитлер, это попытаться предугадать место высадки, подтянуть имевшиеся на Западе бронетанковые силы для проведения локальных контрударов, оставив за «Атлантическим валом» главную задачу по сдерживанию неприятеля. Танкам предстояло остановить любое продвижение войск и сбросить в море легковооруженную первую волну нападающих. При этом достаточно мощные фортификации должны были воспрепятствовать тому, чтобы противник развил инициативу. Основная задача все же состояла в том, чтобы верно определить участки побережья для сооружения оборонительных укреплений.

Па-де-Кале казался самым логичным местом высадки по двум причинам: Ла-Манш между Дувром и Кале наиболее узкий, и, кроме того, это направление представляло наикратчайший путь к Рурскому региону и Берлину.

Гитлер должен был сделать выбор, и в 1943 г. он решил, что вторжение произойдет в Па-де-Кале. В некотором смысле фюрер даже попытался спровоцировать атаки союзников именно в этом районе. Летом 1943 г. Гитлер дал указания соорудить пусковые площадки для беспилотных снарядов V-1 и ракет V-2 в окрестностях Па-де-Кале. Он надеялся, что союзники посчитают новые вооружения настолько опасными, что пойдут на вторжение именно в Па-де-Кале, чтобы уничтожить пусковые установки.

Окрестности Кале превратились в самую укрепленную часть побережья Ла-Манша, где сконцентрировались основные немецкие бронетанковые силы на Западе. Именно здесь идея «Атлантического вала» больше всего соответствовала тому образу, который создавался нацистской пропагандой, — образу «неприступной крепости».

Странный был человек немецкий фюрер. По мнению генерала Вальтера Варлимонта из верховной ставки вермахта (Oberkommando der Wehrmacht — ОКВ), Гитлер «знал расположение обороны лучше, чем любой армейский офицер». Его страсть к изучению деталей потрясала всех. Однажды он обратил внимание на то, что на островах в проливе Ла-Манш стало на две зенитки меньше, чем было «на прошлой неделе». Офицера, отвечавшего за состояние противовоздушной обороны, наказали. Затем выяснилось, что произошла ошибка при подсчете орудий.

Гитлер часами рассматривал карты с указанием немецких укреплений на «Атлантическом валу». Он требовал отчетов о ходе их строительства, толщине бетонирования, разновидности бетона и технологии его укладки. Подобные доклады нередко занимали десятки страниц. Но, распорядившись соорудить величайшие фортификации в истории, Гитлер ни разу не удосужился осмотреть хотя бы одну из них. Триумфально покинув Париж летом 1940 г., немецкий вождь не ступил на французскую землю до середины июня 1944 г. И тем не менее он объявил ее «решающим театром войны»!

2. Нападающие

Задача союзников заключалась в том, чтобы высадиться, преодолеть «Атлантический вал» и захватить плацдарм для доставки новых подкреплений и расширения операции. Sine qua pop («главный ход») состоял в том, чтобы добиться неожиданности действий. Если бы немцы заранее узнали, когда и откуда начнется вторжение, они бы, без сомнения, сосредоточили в этом районе достаточное количество войск, танков, артиллерии и бетонированных укреплений, чтобы отбить нападение.

Но не так просто обеспечить внезапность наступления. Морские десантные военные операции всегда оказывались самыми трудными; немногие из них увенчались успехом. Юлию Цезарю и Вильгельму Завоевателю это удалось, но почти все последующие атаки с моря против хорошо организованных сил сопротивления заканчивались крахом. Наполеон не смог преодолеть Ла-Манш, как впоследствии и Гитлер. Монголы отступили из-за погодных условий, когда попытались вторгнуться в Японию, как и испанцы — во время нападения на Англию. Британцы, в свою очередь, набедствовали в Крыму в XIX в. и потерпели полное фиаско в Галлиполи во время Первой мировой войны.

В ходе Второй мировой войны дела с десантными высадками обстояли несколько лучше. К концу 1943 г. союзники осуществили три успешные морские атаки — в Северной Африке (8 ноября 1942 г.), в Сицилии (10 июля 1943 г.) и в Салерно (9 сентября 1943 г.), все при участии британских и американских наземных, морских и воздушных сил под командованием генерала Дуайта Д. Эйзенхауэра. Ни одно из побережий, кстати, не имело каких-либо оборонительных сооружений. (Единственная высадка морского десанта на укрепленный берег, осуществленная канадцами в Дьеппе на севере Франции в августе 1942 г., потерпела сокрушительное поражение.) В Северной Африке союзники воспользовались преимуществами внезапной атаки, напав на французскую колониальную армию без объявления войны (но и тогда им пришлось столкнуться с немалыми трудностями). В Сицилии им противостояли главным образом безвольные итальянцы (хотя и на этот раз не обошлось без жутких и нелепых происшествий: союзническая военно-морская артиллерия сбивала транспортные самолеты, доставлявшие американскую 82-ю воздушно-десантную дивизию к месту боев). В Салерно немцы быстро восстановили свои силы после высадки англо-американских войск и почти сбросили их обратно в море, несмотря на то что значительно уступали им и в численности, и в огневой мощи.

Короче говоря, в 1944 г. у союзников не имелось достойного исторического прецедента или примера, которым можно было бы руководствоваться. То, к чему они готовились, еще никогда прежде не происходило.

Но это должно было произойти. Начальник штаба армии США Джордж С. Маршалл намеревался высадиться во Франции в конце 1942 г. или в середине 1943 г. Нерешительность Великобритании и политическая ситуация заставили его переключиться на Средиземноморье. К исходу 1943 г., однако, британцы преодолели свои сомнения, и союзники избрали вторжение в Европу через Ла-Манш как решающую военную операцию 1944 г.

Для такого решения имелось много оснований. Одно из них заключалось в том, что сражение выигрывает тот, кто нападает. Несмотря на колебания по поводу того, когда следует начать наступление, британский премьер-министр Уинстон Черчилль твердо знал, что оно неизбежно должно произойти. Еще в октябре 1941 г. он сказал лорду Луису Маунтбэттену, возглавившему морскую десантную операцию: «Вам надо готовиться к вторжению в Европу, ибо мы никогда не выиграем войну, если не сможем побить Гитлера на земле».

Именно с этой целью Маршалл за три года увеличил численность американской армии со

170 тыс. человек в 1940 г. до 7,2 млн (из них 2,3 млн в военно-воздушных дивизиях). Это были самые оснащенные, мобильные и обладающие наибольшей огневой мощностью вооруженные силы в мире — величайшее достижение в истории Соединенных Штатов.

Однако использовать такую армию лишь в Италии было бы непростительно. Нежелание союзников начать новое наступление в Европе, чтобы открыть второй фронт, Сталин мог расценить как вероломство и пойти на заключение договора о перемирии, на что Гитлер весьма рассчитывал. Или, хуже того, на «освобождение», то есть на послевоенную оккупацию Красной Армией всей Западной Европы. Как минимум отказ от вторжения в Европу через Ла-Манш в 1944 г. задержал бы достижение победы над нацистами по крайней мере до конца 1945 или даже до 1946 г. Американцам оставалось только сказать британцам: «Черт с вами, если вы не хотите сражаться во Франции, то мы отправляем наши войска на Тихий океан».

Итак, все говорило о том, что высадка должна состояться. Предстояли невероятно трудные бои. Немцы возвели мощные стационарные фортификации и заняли оборону. И тем не менее союзники располагали решающим превосходством. Завладев морским и воздушным пространством и запустив массовое производство огромного количества плавучих средств, они добились самого главного — беспрецедентной мобильности. От них зависели время и место грядущего наступления.

И все же с началом битвы превосходство могло отойти к немцам. Существовала вероятность того, что, оказавшись на побережье Франции, союзнические парашютно-десантные и военно-морские части лишатся возможности маневра. Необходимо время для расширения захваченного плацдарма, чтобы на берег сошли самоходные артиллерийские установки и другая подвижная техника. Немцам удалось бы перебросить к месту боев свои войска по шоссейным и рельсовым дорогам: к весне 1944 г. они собирались развернуть во Франции 50 пехотных и 11 бронетанковых дивизий. Союзники смогли бы задействовать в первый день сражения не более пяти дивизий — достаточно для того, чтобы добиться временного преимущества, — но подкрепление, вплоть до каждого снаряда, даже бинта и солдатского пайка, необходимо было доставлять через Ла-Манш.

Союзникам предстояло решить две задачи: высадиться на берег и завоевать плацдарм для дальнейшего наступления. Только после этого во Францию пошли бы в больших количествах вооружения, производимые в Соединенных Штатах. Тогда весь вопрос заключался бы в том, когда и какой ценой Германию можно заставить признать безоговорочное поражение.

И все же, если вермахт успел бы в течение первой недели ввести в бой десять пехотных и бронетанковых дивизий и начать контрнаступление, немцы располагали бы превосходством как в численности войск, так и в огневой мощи. В дальнейшем перед союзниками встала бы еще более серьезная проблема, так как после дня «Д» они смогли бы противопоставить германским 60 с лишним дивизиям только около 40 англо-американских дивизий, стянутых в Великобританию.

Чтобы выиграть сражение за плацдарм, союзники должны были полагаться на свои превосходящие военно-воздушные силы, которые, однако, эффективно действовали только днем и при благоприятных погодных условиях. Большие надежды возлагались на то, чтобы ввести бронетанковые дивизии немцев в заблуждение вначале относительно места предполагаемой высадки, а затем создать впечатление, что и район вторжения не является направлением главного удара. Таким образом, ключевым фактором становился выбор места высадки десанта.

Но даже вне зависимости от удачного решения этой проблемы вторжение означало лобовую атаку против подготовленных и укрепленных позиций противника. Как провести такую операцию успешно и с минимальными потерями — эта задача ставила в тупик генералов во время Первой мировой войны 1914–1918 гг.; не была она решена и к концу 1943 г. Вермахт

перехитрил своих противников в Польше в 1939 г., во Франции — в 1940 и в России — в 1941 г. Лобовые удары Красной Армии против немцев в 1943 г., а также фронтальные наступления британских и американских войск в Италии в том же году привели к значительным потерям и оказались не очень эффективными. А вторжение в день «Д» планировалось с моря.

В ходе Первой мировой войны лобовым атакам предшествовала мощная артиллерийская подготовка, которая иногда длилась неделю, а то и больше. Военно-морские и военно-воздушные силы союзников вполне могли заменить наземную артиллерию. Но англо-американские стратеги решили, что фактор внезапности нападения важнее, чем длительная артподготовка, и ограничили предварительную бомбардировку получасом, чтобы усилить эффект от неожиданности атаки.

(Впоследствии критики утверждали, что тяжелые потери, понесенные на участке побережья под названием «Омаха», были бы меньшими, если бы союзники в течение нескольких дней подвергли этот район интенсивным бомбардировкам с моря и с воздуха, как это было сделано позже в Тихом океане на Иводзиме и Окинаве.) Но они упускают главное. Самюэль Элиот Морисон, историк американского военно-морского флота, указывает: «Союзники вторгались на континент, где противник обладал огромными возможностями для пополнения своих сил и организации контратак, а не на маленький остров, отрезанный от источников снабжения... Даже полное разрушение «Атлантического вала» на «Омахе» ничего бы нам не дало, если бы немецкое командование имело 24 часа в запасе, чтобы подтянуть резервы для контрнаступления. Мы должны были пойти на риск тяжелых потерь на побережье с тем, чтобы избежать еще более серьезных жертв на суше в оцеплении вражеских войск».

Во время Первой мировой войны пехота поднималась в атаку из окопов под заградительным огнем артиллерии, чтобы как можно быстрее проскочить нейтральное пространство до передовых позиций противника. При морском вторжении пехотинцам с оружием и военной техникой надо сначала преодолеть волны прибоя и мокрый пляжный песок.

А как войскам попасть на берег с транспортных судов, переправивших солдат через Ла-Манш? В начале Второй мировой войны этого никто не знал. В конце 1930-х гг. американские морские пехотинцы, предполагая, что сражения с Японией непременно будут связаны с высадками на острова, требовали постройки специальных десантных средств. Но военно-морское командование проявило больше заинтересованности в сооружении авианосцев и крупных кораблей, а не маленьких судов. Поэтому практически ничего не было сделано. Когда в 1940 г. вермахт собирался напасть на Англию через Ла-Манш, для переброски пехотных частей планировалось использовать буксируемые баржи. Эти суда предназначались для плавания по рекам и каналам Европы, и открытые водные пространства Ла-Манша даже при отсутствии волнения были бы для них губительны.

В Великобритании в 1941 г. нашли решение проблемы, начав сооружение десантно-танковых кораблей (ДКТ) и десантно-танковых судов (ДСТ). ДКТ представлял собой крупный корабль, сравнимый с легким крейсером, длиной около 100 м и водоизмещением 4 тыс. т. Но он был плоскодонный и поэтому трудно управляемый при любом состоянии моря. В то же время ДКТ мог подойти к мелкопесчаным пляжам и выгружать танки и другую военную технику. Как только корабль приближался к берегу, распахивались боковые двери, опускалась рампа ¹⁶¹, и по ней техника своим ходом продвигалась на сушу. Он вмещал в свои трюмы десятки танков и грузовиков, не считая малые десантные средства на палубе.

Корпус ДСТ (на языке американских военных моряков «корабль» должен быть длиной не менее 60 м, а «судно» — намного короче) имел длину 33 м и плоское днище. В него помещалось от 4 до 8 танков, и это судно могло пересекать достаточно большие водные пространства (как Ла-Манш) даже в сравнительно сложных погодных условиях. Оно также было оборудовано

рампой для выгрузки военной техники непосредственно на берег. Когда Америка вступила в войну, она взяла на себя все производство ДКТ и большую часть ДСТ, при этом значительно усовершенствовал их конструкцию.

ДКТ и ДСТ стали незаменимыми «рабочими лошадками» союзников и с успехом применялись в ходе операций в Средиземноморье в 1942 и 1943 гг. Но у них выявились серьезные недостатки. Эти корабли отличались тихоходностью, громоздкостью и были легкой мишенью для противника. (Моряки называли их «длинной ползущей мишенью» — «long slow target» (LST), что соответствовало названию судна — Landing Ship, Tank.) Они не годились для высадки первых эшелонов, которые должны прорвать оборону и закрепиться на захваченных рубежах. Для выполнения такой задачи нужны небольшие мелкосидящие катера с защищенными винтами, которые могли бы носовой частью лечь на береговую полосу, быстро освободиться от груза, развернуться и уйти в открытое море, избежав опасности столкнуться с мощным встречным прибоем. Необходима и рампа, чтобы войска могли оказаться на берегу в одном броске, а не прыгать с бортов в воду.

Создать подобное десантное средство пытались как в военно-морском флоте, так и в гражданских организациях. В результате было предложено несколько вариантов. Лучшими из них оказались: ДСП (десантно-пехотное судно длиной корпуса 48 м, способное брать на борт роту численностью до 200 человек с полным вооружением и высаживать бойцов с двух носовых рамп); ДССК (десантное судно среднего класса) и ДССПЛС (десантное судно средств передвижения и личного состава).

Поступило много других проектов, включая весьма эксцентричную разработку плавающего 2,5-тонного грузовика. Он был сконструирован гражданским служащим Управления научных исследований и развития Палмером Путнэмом. Инженер взял за основу популярный в американской армии 2,5-тонный грузовик, получивший название «двойка с половиной», и превратил его в амфибию. Умелец придал машине плавучесть, сделав ее корпус из непроницаемых пустых баков, а также снабдил ее двумя небольшими винтами, которые обеспечивали движение в воде. Оказавшись на земле, машина действовала как грузовик. В умеренных морских условиях она развивала скорость до 5,5 узлов, а на суше — до 50 миль в час. На ней можно было перевозить артиллерию, пехоту или грузы общего назначения.

Вначале этот гибрид вызвал смех, но вскоре показал, на что он способен, и был принят на вооружение. В армии его называли ДАКВ: Д — год создания, 1942; А — амфибия; К — все колеса — ведущие; В — две задние оси. Те, кто пользовался этой машиной, дали ей кличку «Дак» («утка»).

Налаживание производства десантных судов представляло не меньшую проблему, чем их конструирование. Тем более что речь шла о создании за короткие сроки целой флотилии, которая была бы способна высадить на берег в течение одного дня от трех до пяти дивизий. Ни военно-морские силы, ни судоверфи не располагали необходимым опытом. Кроме того, имелись и другие задачи. В 1942 г. больше всего нужны были торговые и эскортные корабли, и на их строительство шли сталь и судовые двигатели.

В результате сложилось крайне тяжелое положение с поставками необходимого оборудования и материалов, настолько тяжелое, что оно стало главным препятствием в планировании вторжения на север Европейского континента. Более того, нехватка десантных судов превратилась в фактор, определяющий всю дальнейшую военную стратегию — и на Тихом океане, и в Средиземноморье, и в Атлантике. Черчилль вынужден был с горечью признать, что «судьба двух великих держав... похоже, зависит от каких-то, черт побери, ДКТ».

То, что проблема поставок все-таки была решена, является заслугой американской экономической системы. Военно-морской флот не хотел возиться с малыми судами, и его

основные подрядчики, крупные судоверфи, также не выражали никакого желания этим заниматься. Волей-неволей за дело взялись привыкшие к риску мелкие предприниматели, располагавшие небольшими верфями, конструировавшие суда методом проб и ошибок и работавшие на основе контрактов, заключенных простым рукопожатием.

Много было таких людей, но главным конструктором и строителем десантного флота стал Эндрю Джексон Хиггинс из Нового Орлеана.

Я познакомился с генералом Эйзенхауэром в 1964 г. в Геттисберге, куда он пригласил меня для того, чтобы предложить мне должность редактора его документов и других материалов. В конце нашего разговора генерал сказал:

— Вы преподаете в Новом Орлеане. Вам доводилось встречаться с Эндрю Хиггинсом?

— Нет, сэр, — ответил я. — Он умер до того, как я переехал в этот город.

— Жаль, — сказал Эйзенхауэр. — Этот человек обеспечил нам победу в войне.

Мое лицо выражало, очевидно, сплошное недоумение: странно было слышать такие слова от бывшего главнокомандующего союзническими силами. Эйзенхауэр же продолжал:

— Если бы Хиггинс не сконструировал и не построил те самые ДССПЛС, мы никогда бы не смогли высадиться на открытом побережье. Изменилась бы вся стратегия войны.

Эндрю Хиггинс был гением-самоучкой в области конструирования маломерных судов. В 1930-е гг. он строил специальные плавучие средства для нефтяников, ведущих разведку в болотах Южной Луизианы и нуждавшихся в мелкосидящих катерах, способных выбрасываться на берег и самостоятельно с него сходить. Бот «Эврика», построенный им из древесины, прекрасно справлялся с этой задачей. Хиггинс был уверен в неизбежности войны, знал, что будет остро не хватать стали. Поэтому он закупил всю красную древесину, заготовленную в 1939 г. на Филиппинах, и складировал ее про запас.

Когда морские пехотинцы настояли на том, чтобы командование военно-морскими силами приступило к проектированию и созданию десантных судов, Хиггинс вступил в борьбу за получение контракта. Бюро кораблестроения ВМС хотело взять на себя все конструкторские работы и не желало, чтобы в нем принимал участие несдержанный, острый на язык ирландец, выпивающий по бутылке виски в день и строящий свои суда из дерева, а не из металла. Военно-морскому командованию не нравилось и то, что фирма Хиггинса («Хиггинс индастриз») находилась где-то на побережье Мексиканского залива и не относилась к числу известных компаний восточных штатов. К тому же он не уставал повторять, что ВМС ни черта не смыслит в маломерных судах.

Война между бюрократами и изобретателем-одиночкой продолжалась несколько лет, но Хиггинс каким-то образом вынудил ВМС разрешить ему участвовать в борьбе за получение контракта. Морские пехотинцы одобрили то, что он сделал, — ДССПЛС. Его проект превосходил все другие разработки, которые предложили конструкторы ВМС и участники конкурса из частного сектора. В итоге Хиггинс одержал внушительную победу над военно-морскими чиновниками.

Получив контракт, Хиггинс доказал, что он может быть гением не только в конструировании судов, но и в их строительстве. Его сборочные цеха были разбросаны по всему Новому Орлеану, некоторые размещались даже в брезентовых палатках. На Хиггинса работали временами до 30 тыс. человек, среди которых были и белые, и черные американцы, и мужчины, и женщины. Он вдохновлял их подобно тому, как генерал поднимает дух своих солдат. Огромный плакат на стене в одном из цехов гласил: «The Man Who Relaxes Is Helping the Axis» («Кто не работает изо всех сил, помогает державам «Оси»). Хиггинс расклеил в туалетах фотографии Гитлера, Муссолини и Хирохито с надписями: «Заходи, дружище. Не смущайся. Чем дольше ты здесь торчишь, тем больше помогаешь нам». Предприниматель хорошо

оплачивал труд каждого, независимо от пола и национальности.

Хиггинс усовершенствовал конструкцию ДСТ и выпустил сотни этих десантных судов. Он помог сконструировать и построил десятки сторожевых кораблей, сыграл важную роль в качестве субподрядчика в реализации манхэттенского проекта.

Но главным образом «Хиггинс индастриз» занималась сооружением ДССПЛС. В основу была положена конструкция «Эврики», но с квадратной носовой частью, которая одновременно служила и рампой. Этот похожий на коробку из-под сигар бот длиной Ими шириной около 3 м приводился в движение защищенным винтом и дизельным двигателем. На нем мог разместиться взвод из 36 человек или джип и отделение из 12 человек. Рампа была изготовлена из металла, а борта и квадратная корма — из фанеры. Даже при слабом волнении бот качало, и вода захлестывала рампу и борта. Но он отлично справлялся с главной своей задачей: доставлял к берегу взвод вооруженных солдат, которые за считанные секунды выскакивали на сушу, самостоятельно сходил с береговой полосы и возвращался к базовому кораблю за новой группой людей.

К концу войны «Хиггинс индастриз» в общей сложности произвела более 20 тыс. ДССПЛС. Эти небольшие суденышки прозвали «ботами Хиггинса». Они использовались для высадки десанта и в Средиземноморье, и во Франции, и на Иводзиме, Окинаве и других тихоокеанских островах. На ботах Хиггинса к различным берегам доставлено больше американских пехотинцев, чем на всех других десантных судах, вместе взятых^[7].

Боты Хиггинса проделали путь через Атлантику, а затем и через Ла-Манш на палубах ДКТ. Их спускали на воду с помощью шлюпбалок. (Один из споров Хиггинса с Бюро кораблестроения касался размеров судна; конструктор считал, что 11 м — оптимальная длина корпуса, в то время как в ВМС настаивали на 9 м, поскольку шлюпбалки ДКТ рассчитаны на прием ботов именно такого размера.) «Поменяйте шлюпбалки», — потребовал Хиггинс. И в конце концов он добился своего. Применение этих ботов в сочетании с ДКТ и другими десантными судами обеспечило союзникам беспрецедентную мобильность.

Союзники обладали и другими преимуществами. Немцы, инициаторы создания парашютных войск, прекратили проводить воздушно-десантные операции после того, как понесли тяжелейшие потери во время захвата Крита в 1941 г. В любом случае их транспортные возможности позволяли поднять в воздух лишь небольшую десантную группу. А американская, британская и канадская армии располагали воздушно-десантными дивизиями и самолетами для их заброски за передовые линии противника. Это были «С-47» («Дакоты»). Каждый мог брать 18 парашютистов. «Дакота» представляла собой военный вариант «ДК-3», двухмоторного самолета, построенного компанией «Дуглас эркрафт» в 1930-х годах. Он не имел вооружений и брони, но отличался универсальностью применения. «ДК-3» развивал скорость не более чем 360 км в час. Но это был самый надежный, прочный и выносливый самолет. (Через 50 с лишним лет большинство «ДК-3», построенных в 30-е годы, все еще летали, главным образом выполняя коммерческие рейсы над горами Южной и Центральной Америки.)

На борт «Дакоты» попадали элитные войска. К их числу относились две британские (1-я и 6-я) и две американские (82-я и 101-я) воздушно-десантные дивизии. Все парашютисты были добровольцами (за исключением тех, кто служил в планерно-десантных частях). Все они прошли специальное обучение, отличались превосходной физической подготовкой, отлично владели оружием. Воздушные десантники поражали своим высоким чувством долга и сплоченностью. Но конечно, в Союзнических экспедиционных силах выделялись и другие особые подразделения, такие как американские рейнджеры и британские коммандос.

Пехотные дивизии армии США не считались элитными, но также имели свои особенности. Войска состояли главным образом из призывников, однако американский новобранец

значительно превосходил своего немецкого коллегу (не говоря уже о «восточных» батальонах). Американская система отбора на военную службу отвечала своему названию: она именно отбирала людей для службы в армии. Треть призывников отклонялась по физическим данным после медицинского обследования. В целом среднестатистический новобранец был более сильным, способным и образованным, чем средний американец. Его можно обрисовать так: возраст — 26 лет, рост — примерно 1 м 73 см, вес — около 64,8 кг, объем груди — 85 см, объем талии — 78,7 см. После 13-недельного обучения призывник набирал более 3 кг, причем в основном за счет наращивания мускулов, и увеличивал объем груди по меньшей мере на 2,5 см. Почти половина новобранцев имела среднее образование, а один из десяти окончил колледж. Как отметил Джеффри Перрет в своем историческом исследовании участия США во Второй мировой войне, «это были самые образованные призывники по сравнению с армиями других стран».

В конце 1943 г. армия США оказалась самой «зеленой» в мире. Из 50 пехотных, бронетанковых и воздушно-десантных дивизий, отобранных для проведения военной кампании на северо-западе Европы, только две — 1-я пехотная и 82-я воздушно-десантная — прошли через сражения.

Британские войска в большинстве своем также не имели боевого опыта. Хотя Англия воевала с Германией уже четыре года, только несколько дивизий принимали непосредственное участие в боях, а в тех подразделениях, которые предназначались для операции по вторжению, ветеранов можно было пересчитать по пальцам.

Это создавало проблему, а с другой стороны, определенное преимущество. По мнению рядового Карла Уиста из 5-го батальона американских рейнджеров, «солдат-ветеран — напуганный солдат». Примерно то же самое имеет в виду и сержант Карвуд Липтон из 506-го парашютно-пехотного полка 101-й воздушно-десантной дивизии, говоря: «Если бы мне раньше пришлось пережить день «Д», я ни за что не пошел бы на войну».

В книге «Военное время: понимание и поведение во Второй мировой войне» Пол Фасселл пишет, что человек в бою проходит две стадии рационализации восприятия того, что происходит вокруг него. Солдат, думая о том, что он может погибнуть или получить тяжелое ранение, вначале говорит себе: «Это не должно случиться со мной. Я умен/ловок/натренирован/прекрасно выгляжу/любим/хорошо экипирован и т. д.». Затем он убеждает себя: «Да, это может случиться со мной. Мне надо быть более осторожным. Я смогу избежать опасности, если буду внимательно следить за тем, насколько надежно мое укрытие/окоп, и проявлять больше бдительности при стрельбе, чтобы не дать противнику шансов обнаружить мои позиции». Наконец, солдат понимает: «Да, это обязательно случится со мной, и мне не следует здесь быть».

При лобовой атаке на укрепленную передовую линию противника солдат, никогда не видевший, что могут сделать с человеческим телом пуля, разрыв мины или минометного снаряда, ведет себя по-другому, нежели тот, кто уже побывал в боине. Молодым людям свойственно чувство личной неуязвимости, как это отмечает в своих воспоминаниях Чарлз Ист из 29-й дивизии. Когда командир сказал накануне дня «Д», что в ходе операции наступающие могут потерять убитыми или ранеными девять из десяти человек, Ист посмотрел на стоящих рядом парней и подумал: «Несчастные бедолаги».

Людям, подобным сержанту Липтону и рядовому Исту (а таких были тысячи в американской армии), неопытность заменяли энтузиазм и бесшабашность.

Несколько иначе обстояли дела в обычных пехотных дивизиях британских войск. Они находились в бараках с того времени, как английские экспедиционные силы ушли с континента в июне 1940 г. Британский солдат не был так образован и физически подготовлен, как его

американский собрат. Показной порядок — строевая выучка, умение отдавать честь и прочие подобные вещи — был выше, чем у «джи-айз» (американских солдат), но настоящая исполнительская дисциплина хромала. Военное министерство Великобритании опасалось ввести слишком строгие правила в «демократической армии» под весьма странным предлогом, что это может ослабить боевой дух в войсках.

Британских ветеранов изрядно потрепали немцы в 1940 г.; их товарищи по оружию капитулировали перед более слабой японской армией в Сингапуре в феврале 1941 г., сдались также более слабым германским силам в Тобруке в Ливии в июне 1942 г. и на греческом острове Лерос в ноябре 1943 г. Единственную победу англичане одержали в битве под Эль-Аламейном в ноябре 1942 г. над недоукомплектованным Африканским корпусом, значительно уступавшим как в численности войск, так и в вооружениях. И в боях с уходящим в Тунис Африканским корпусом, и в кампаниях в Сицилии и Италии 8-я британская армия не проявила особого военного искусства.

Немцев, сражавшихся с англичанами, удивляло, что британские войска зачастую делали именно то, что от них и ожидалось. Немцев поражало, что британцы могли приостановить наступление ради чаепития и сдавались, как только оказывались в окружении или без достаточного запаса снарядов и топлива. Генерал Бернارد Лоу Монтгомери, командующий 8-й армией, докладывал начальнику имперского Генерального штаба фельдмаршалу Алану Бруку: «Проблема с нашими парнями в том, что они по своей натуре не убийцы».

Британские войска неважно показали себя во время Второй мировой войны также из-за плохого качества своих вооружений. Английские танки, артиллерия, грузовики, пулеметы и винтовки уступали по эффективности не только немецкой, но и американской военной технике. Сказался также пацифизм, въевшийся в душу молодежи после Фландрии и других кровавых побоищ Первой мировой войны. Надо учесть и то, что ветераны уже побывали в окопах и хорошо запомнили кошмар боев. Они боялись любых наступательных действий и лобовых атак в особенности. Их нельзя было заставить под пулями пересечь «ничейную» полосу земли: они знали, что это глупо, бессмысленно и самоубийственно. Но ветераны ошибались, думая, что уроки Первой мировой войны применимы к любым наступательным операциям.

Накануне вторжения генерал Монтгомери посетил роту «Д» Оксфордширской и Букингемширской легкой пехоты, планерно-десантное подразделение 6-й воздушно-десантной дивизии. Ротой командовал майор Джон Говард. Ей предстояло выполнить особое задание. Она состояла из добровольцев, хорошо обученных и готовых действовать. Это была великолепная стрелковая рота. На прощание Монтгомери сказал Говарду:

— Верни живыми как можно больше ребят.

Напутствие Монтгомери перед началом наступления значительно отличалось от того, что говорил в таких случаях фельдмаршал Дуглас Хейг во время Первой мировой войны, и заслуживает похвалы. Конечно, его слова, сказанные командиру элитного подразделения, перед которым была поставлена крайне рискованная задача, могут показаться странными. Более подходил моменту, например, такой приказ: «Джон, несмотря ни на что, задание надо выполнить».

Отчасти напутствие Монтгомери соответствовало реальному положению дел в британской армии. Людские резервы для ее пополнения находились на пределе. Войска не могли допустить больших потерь, их нечем было бы возместить. И это очень раздражало американцев. По их мнению, свести к минимуму жертвы следовало только быстрым завершением войны, а не проявлением осторожности во время наступательных операций.

Американцев выводили из себя также пренебрежительное отношение некоторых британских офицеров ко всему, что связано с Соединенными Штатами, и разделявшееся

большинством англичан мнение о превосходстве британской техники, тактики, методов командования. Иными словами, многие английские офицеры считали американцев новичками в войне, блестяще экипированными и физически натренированными, но ничего не понимающими в военных делах. Они уверовали в то, что их прямая обязанность учить всему несмышленных янки. Вот что писал Бруку об американцах фельдмаршал сэр Гарольд Александер из Туниса: «Они просто не знают, что такое солдатская доля. И это можно сказать обо всех — от генерала до рядового. Пожалуй, самое слабое звено — младший офицер, который понятия не имеет о том, как давать команды. В результате их солдаты по-настоящему никогда не сражаются».

Другая серьезная проблема, с которой союзники столкнулись в конце 1943 г., заключалась как раз в том, что они были «союзниками». «Дайте мне союзника, против которого я мог бы воевать», — говорил Наполеон. Янки действовали на нервы британцам, а «лаймиз» (так в США называли англичан. — Примеч. пер.) раздражали американцев. Трения между ними нарастали по мере того, как в преддверии наступления увеличивалась численность армии США в Великобритании. По мнению британцев, американцы создавали проблемы, потому что «им слишком много платят, у них слишком много девушек и их самих слишком много в Англии». «Джи-айз» отвечали тем же. Они считали, что с «лаймиз» трудно иметь дело, потому что «им мало платят» (и это соответствовало действительности) и «у них мало девушек» (что еще более соответствовало действительности). Британские девушки, естественно, предпочитали американцев, которые сорили деньгами налево и направо. К тому же их расквартировали по деревням, и они не жили, как британцы, в изолированных бараках.

И в Тунисе, и в Сицилии, и в Италии «томмиз» (британские солдаты) и «джи-айз» сражались бок о бок, но между ними всегда возникали трения, и они редко действовали как одна команда. Чтобы преодолеть «Атлантический вал», им было необходимо научиться взаимопомощи и взаимовыручке. На то, что у них имелась такая возможность, указывало само название Союзнических экспедиционных сил (СЭС).

Против неопытных, хотя и стремящихся в бой американцев и уставших от войны, осторожных британцев немцы могли выставить армию, по словам Макса Гастингса, «завоевавшую историческую репутацию неустрашимой и достигшей при Гитлере своего зенита». Гастингс утверждает: «Повсюду в ходе Второй мировой войны, когда бы и где бы ни встречались на равных лоб в лоб британские и американские войска с германскими, победу одерживали немцы».

Полвека спустя суждение Гастингса стало расхожим среди военных историков. Немецкий солдат Второй мировой войны получил мифическое качество самого лучшего бойца не только этого величайшего сражения, но и практически всех других имевших место битв.

Это суждение неверно. Вермахт располагал многими блестяще подготовленными частями, но даже отборные войска СС 1944–1945 гг. были ничем не лучше обычных дивизий союзников. А элитные подразделения, воздушные десантники, отряды рейнджеров и коммандос намного превосходили немцев на поле боя.

Больше всего Гастингса и других историков поразило соотношение потерь, которое складывалось в пропорции два к одному и даже выше в пользу немцев. Но и данный критерий не учитывает очень важный факт: войска вермахта, сражавшиеся против американцев и британцев, почти всегда находились в обороне на хорошо подготовленных позициях или в стационарных фортификациях. Так было при штурме и линии Марет в Тунисе, и Зимней линии в Италии, и «Атлантического вала» во Франции, и Западного вала на границе Германии. И даже тогда немцы не могли удержаться: им приходилось отступать. Конечно, можно утверждать, что они отступали вследствие превосходства союзников в огневой силе и в вооружениях, а не на поле боя. В этом, безусловно, есть доля правды.

Единственный раз, когда немцы попытались предпринять настоящее наступление против американцев, они получили хорошую взбучку. Это произошло в Арденнах в декабре 1944 г., когда германские войска имели превосходство и в живой силе, и в огневой мощи. В районе Бастони 101-я воздушно-десантная дивизия оказалась в окружении с преимуществом противника в численности личного состава десять к одному. В первую неделю сражения союзники не могли использовать свое превосходство в воздушном пространстве из-за плохой погоды. Немцы находились поблизости от своих складов боеприпасов и вооружений; даже танки прямо с заводских конвейеров в Рурско-Рейнской области имели возможность практически сразу же вступать в бой. Вермахт выставил свои лучшие соединения — штурмовые отряды СС и бронетанковые дивизии. Они пользовались достаточной артиллерийской поддержкой. Но легковооруженная 101-я дивизия, отрезанная от баз снабжения, продрогшая, голодная, испытывавшая нехватку боеприпасов и орудий, в течение недели отбивала атаки немцев.

Американское элитное подразделение одержало верх над германскими элитными частями. И так было по всем Арденнам. В сражение вступили регулярные пехотные войска и прекрасно показали, на что они способны.

В 1980 г. обозреватель журнала «Тайм» Хью Сайди попросил генерала Максвелла Тейлора, бывшего командующего 101-й воздушно-десантной дивизией, охарактеризовать поведение его солдат во время Второй мировой войны. Вначале было немало проблем, сказал Тейлор, но к декабрю 1944 г. в дивизии сформировались роты, «лучшие, чем где-либо еще»: «Люди закалились, прошли через тяжелые испытания; боевая техника совершенствовалась; а самое главное — в человеке укрепились уверенность в собственных силах, которую придает демократическое общество. Никакая другая система не в состоянии воспитать таких солдат. Но необходимо время».

Поэтому, хотя у немцев действительно имелись великолепные воинские формирования, нельзя назвать германскую армию самой боеспособной в мире. Будет правильнее сказать, что после 1941 г. обороняющаяся сторона почти всегда создавала о себе более благоприятное впечатление, чем наступающая.

Не превосходили немцы союзников и на технологическом фронте. Действительно, их пехотные вооружения можно было отнести к числу лучших, не говоря уже о таких новшествах, как беспилотный бомбардировщик V-1, шноркельная подводная лодка ^[8] и баллистическая ракета V-2. Но Германия серьезно отставала в развитии истребительной и бомбардировочной авиации (исключая создание запоздавшего «Me-262»). Она даже не занялась всерьез разработкой ядерного оружия, а изобретенная немцами шифровальная система «Энигма» безнадежно устарела. Невероятно, но страна, давшая миру «мерседесы» и «фольксвагены», уступала американцам и британцам в автомобильном транспорте.

Великобритания показывала чудеса в науке и технике. Новые виды взрывателей, радары и гидролокаторы — все это английские изобретения, как и открытие пенициллина. Основную работу по конструированию атомной бомбы проделали британские физики. Англичане всегда отличались способностью к выдумке. В качестве примера можно привести то, как они создавали новые, специальные танки, получившие кличку «Hobart's Funnies» («игрушки Хобарта») по имени генерала Перси Хобарта, командующего 79-й бронетанковой дивизией. В марте 1943 г. Хобарт получил задание проработать возможность оказания бронетанковой поддержки во время высадки на побережье, а также в ходе прорыва через бетонированные укрепления и минные заграждения «Атлантического вала». Он выдвинул идею плавающих танков. Это были машины с дуплексной тягой («ДЦ» — duplex drive), поскольку у них имелись два винта, работавшие от одного двигателя. Корпус обрамляли водонепроницаемые, заполненные воздухом брезентовые

поплавки, что придавало танку вид детской коляски. Когда танк оказывался на суше, он как бы «сдувался» и превращался в обычную боевую машину.

Другой вариант «игрушки Хобарта» мог пронести 12-метровый мост из бруса для того, чтобы преодолеть противотанковые траншеи. Танк «ДД» «Краб» имел перед собой вращающийся барабан, который стальными цепями перерабатывал землю, подрывая все попадающиеся по пути мины. Существовали и другие разновидности изобретения Хобарта.

Еще более поразительной оказалась идея буксировки через Ла-Манш сборных причалов. К концу 1943 г. тысячи британских рабочих трудились над созданием искусственных портов (под кодовым наименованием «Малберриз» — «тутовые ягоды») и волнорезов, которые могли бы их укрыть. «Причалы» представляли собой плавающие пирсы, прикрепленные к берегу. Они были сконструированы таким образом, чтобы платформы могли подниматься и опускаться в соответствии с приливами и отливами по сваям, установленным на морском дне. Волнорезы (кодовое название «Феникс») состояли из плавающих шестиэтажных бетонных кессонов и старых торговых судов. Их затопили один за другим вдоль французского побережья, чтобы создать защиту для «причалов» ко дню «Д» плюс один^[9].

Можно назвать и другие британские технологические достижения. Одно из них под кодовым названием «Ультра» связано с проникновением в немецкую шифровальную систему «Энигма». Еще с 1941 г. британцы владели перехватом значительной части германской радиосвязи, предоставляя союзникам в целом более или менее точную информацию о намерениях и действиях противника, расположении его частей, их силе и вооружениях.

Когда деятельность «Ультры» в начале 1970-х годов стала достоянием гласности, многие задавались вопросом: «Если мы в продолжение всей войны располагали информацией о планах и передвижениях немецких войск, то почему нам не удалось победить их раньше?» Ответ таков: однако нам это удалось.

Наша разведка превосходила германскую благодаря британской системе двойных агентов и самонадеянности немцев. В 1940 г. англичане арестовали всех немецких шпионов в Соединенном Королевстве. Под дулом пистолета их превратили в двойных агентов. В течение последующих трех лет немецкие разведчики отправляли своим шефам в Гамбург только сообщения, тщательно отобранные британцами. Эти сведения всегда отличались точностью, поскольку надо было, чтобы абвер (германская военная разведка и контрразведка) по-прежнему доверял своим агентам, но они либо не имели существенного значения, либо содержали устаревшие данные.

Иногда информация, передававшаяся по радио, приводила солдат из союзнических войск, готовившихся к наступлению, в замешательство. Сержант Гордон Карсон из 101-й дивизии в конце 1943 г. находился в Олдборне под Лондоном. Ему нравилось слушать передачу «Салли из «Оси». Парни прозвали Салли «берлинской сукой». Это была Мидж Гилларс, девушка из Огайо, которая мечтала играть в кино, но стала моделью в парижском салоне. Там она встретила Макса Отто Койшвица, вышла за него замуж и переехала в Берлин. Когда началась война, Мидж устроилась на работу на радио в качестве диск-жокея — ведущей информационно-развлекательной программы. Она приобрела большую популярность среди американских солдат благодаря своему произношению, ласковому и очень сексуальному голосу. Кроме того, Мидж всегда проигрывала самые последние хиты, перемежая их вульгарными пропагандистскими выпадами типа «Зачем драться за коммунистов? Зачем драться за евреев?» и т. п., что вызывало у солдат гомерический хохот.

Но им было не до смеха, когда Мидж, она же Салли, в свои комментарии вставляла такие обороты, от которых становилось не по себе. Ей ничего не стоило сказать: «Привет, ребята из роты «Е» парашютно-пехотного полка 101-й воздушно-десантной дивизии в Олдборне.

Надеюсь, что вы, мальчики, получили удовольствие во время своих вылазок в Лондон в минувший уик-энд. Кстати, передайте городским чиновникам, что часы на соборе отстают на три минуты».

Салли из «Оси» сообщала сведения, которых в принципе не должна была знать. Сотни «джи-айз» и «томмиз» могли рассказать истории, подобные той, которую поведал Карсон. И спустя 50 лет ветераны все еще недоумевали: «Откуда она все это знала?» Ясно, что информацию Салли поставляла разведка^[10].

Обилие передаваемых двойными агентами данных укрепляло самонадеянность немцев и их уверенность в том, что они располагают самой эффективной шпионской сетью в мире. Германское командование не сомневалось в том, что «Энигма» была лучшей и абсолютно недоступной шифровальной технологией, как и вся немецкая разведка и контрразведка.

Введение немцев в заблуждение относительно возможностей и намерений союзников являлось лишь частью шпионской войны. Еще более ценным представлялось добывание сведений о боеспособности Германии. Безусловно, в этом отношении «Ультра» сыграла весьма важную роль. Но у союзников имелись еще два источника разведывательной информации, которые были в их распоряжении уже в конце 1943 г. Первый — это воздушная разведка. После того как люфтваффе ушла в оборону и действовала главным образом в Германии, американские и британские самолеты могли свободно находиться в небе Франции и фотографировать любые объекты.

Однако танки и артиллерию можно скрыть в лесу, а полевые укрепления — закамуфлировать. И здесь главная миссия возлагалась на французское Сопротивление. Отчасти из-за необходимости поддерживать производство, а отчасти из-за желания немецких оккупантов не портить отношения с французами местных жителей не эвакуировали из прибрежных регионов. Они видели, где немцы устанавливают свои орудия, прячут танки, расставляют мины. И со временем эти люди нашли способы, как передавать информацию в Англию (обычно через агентов Отдела специальных операций, который являлся частью обширной британской разведывательной сети).

Конечно, было бы упрощением считать, что сочетание британских «мозгов» и американских «мускулов» определило судьбу нацистской Германии на Западе. Того и другого хватало у обеих стран. Но какая-то доля истины в этом все же есть. Если Великобритания придумала «игрушки Хобарта», «Тутовую ягоду», «Ультру» и систему двойных агентов, то на Америку легло основное бремя военного производства.

В начале 1939 г. американская промышленность все еще пребывала в застое. Предприятия работали вполсилы. Безработица превышала 20 процентов. И уже через пять лет число безработных снизилось до одного процента, а за это время промышленное производство удвоилось, затем еще раз удвоилось и еще раз удвоилось. В 1939 г. Соединенные Штаты выпустили 800 военных самолетов. Когда президент Франклин Рузвельт призвал собирать по 4 тыс. боевых машин ежемесячно, люди подумали, что он выжил из ума. Однако в 1942 г. в США каждый месяц строили по 4 тыс. самолетов, а к концу 1943 г. — по 8 тыс. Такие же невероятные прорывы произошли в производстве танков, кораблей, десантных судов, стрелкового оружия и других вооружений. К слову сказать, в это же самое время Соединенные Штаты главные усилия направляли на создание ядерной бомбы. (Работы начались в 1942 г. и завершились к середине 1945 г.)

К наступлению на Германию через Ла-Манш Соединенные Штаты и Великобританию побудила, по выражению Дуайта Эйзенхауэра, «ярость пробудившейся демократии». День «Д» стал возможен благодаря сплоченным действиям многих людей: и тех, кто обеспечивал нескончаемый поток вооружений с американских заводов, и тех, кто, подобно Эндрю Хиггинсу,

создавал и производил новые технологии, и тех, кто сражался в битве за Атлантику или в отрядах французского Сопротивления.

3. Командиры

У них много общего. Дуайт Эйзенхауэр всего на год старше Эрвина Роммеля. Оба выросли в небольших городках: Эйзенхауэр — в Абилене, штат Канзас; Роммель — в Гмюнде, Швабия (ныне часть Баварии. — Примеч. пер.). Отец Эйзенхауэра работал механиком, отец Роммеля — школьным учителем. И тот и другой представляли собой классический немецкий образец главы семейства: требовали строжайшей дисциплины, прибегая и к рукоприкладству. Их сыновья были заядлыми спортсменами. Эйзенхауэр увлекался футболом и бейсболом, Роммель — велогонками, теннисом, греблей, коньками, лыжами. Оба стали кадетами: Роммель в 1910 г. поступил в Королевское офицерское училище в Данциге (теперь Гданьск в Польше. — Примеч. пер.), а Эйзенхауэр в 1911 г. — в Военную академию Сухопутных войск в Уэст-Пойнте.

И немецкий, и американский курсанты не отличались выдающимися способностями, но проявляли склонность к нарушению дисциплины. К примеру, Роммель всегда ходил с запрещенным моноклем, а Эйзенхауэр курил запрещенные сигареты. В военной форме они привлекали внимание женщин и завоевали сердца двух необыкновенных красавиц: в 1916 г. Роммель женился на Люси Моллин, через год Эйзенхауэр обвенчался с Мейми Дауд.

Их судьбы разминулись во время Первой мировой войны. Роммель участвовал в боях во Франции и Италии и удостоился высоких наград (Железного креста первой и второй степени и вождя прусского ордена Pour le Merite — «За заслуги»), Эйзенхауэр служил в Соединенных Штатах командиром в одной из учебных частей и переживал, что ему никогда не удастся освободиться от этой участи. Тем не менее он, как и его немецкий коллега, демонстрировал замечательные лидерские качества.

Теодор Вернер, один из взводных командиров Роммеля, вспоминает: «Когда я впервые его увидел (в 1915 г.), он был щупленьким, почти юнцом, но смелым, вдохновленным и жаждущим действий. Боевой настрой командира с самого начала передался всему подразделению. Солдаты боготворили его за мужество и воинскую доблесть и беззаветно ему верили».

А вот что говорит об Эйзенхауэре сержант Клод Харрис: «Человек жесткой дисциплины, прирожденный солдат, но в то же время чуткий и внимательный к людям... Несмотря на молодость, он обладал высоким чувством ответственности, чем заслужил авторитет и уважение среди офицеров». Лейтенант Эд Тайер писал матери 1 ноября 1918 г.: «Наш новый капитан, его фамилия Эйзенхауэр, пожалуй, один из самых способных армейских командиров в стране... Он обучает нас приемам штыковой атаки. Причем заводит нас так, что мы топаем как угорелые, кричим, орем, готовые разорвать все вокруг в пух и прах, как в настоящем бою».

В промежутке между войнами Роммель оставался полевым офицером, а Эйзенхауэр — штабным. Продвижения по службе случались редко, но ни тот ни другой не думал о каком-либо ином поприще, кроме солдатского, хотя оба располагали всеми возможностями для того, чтобы преуспеть «на гражданке». Ими были довольны вышестоящие командиры. Начальник Роммеля писал о нем в 1934 г.: «Умственные способности и размер плеч превышают средний стандарт комбата». В то же самое время глава американского штаба Дуглас Макартур характеризовал Эйзенхауэра как «лучшего армейского офицера, который в случае войны достигнет самых высоких рангов».

Война сделала их обоих знаменитыми. Впервые о Роммеле узнали, когда он в 1940 г. провел через всю Францию бронетанковую дивизию. Но настоящую международную известность ему принес Африканский корпус, сражавшийся в пустынях Северо-Восточной Африки в 1941–1942 гг. Эйзенхауэр приобрел мировую славу в ноябре 1942 г. во время боев в Северо-Западной Африке, когда командовал союзническими силами.

Несмотря на впечатляющие победы в пустынях, после того как Роммель проиграл битву под Эль-Аламейном осенью 1942 г., Гитлер стал называть его «пораженцем». 20 ноября союзники сбили 45 из 50 транспортных самолетов с топливом для немецких танков (помогла информация «Ультры»). Как вспоминает один из батальонных командиров майор барон Ганс фон Люк, Роммель тогда сказал ему:

— Люк, это конец. Нам не удастся удержать даже Триполитанию. Мы должны будем уйти в Тунис и вступить в бои с американцами... Наша гордость — Африканская армия, наши новые дивизии, высаженные на севере Туниса, — все это будет потеряно...

Майор Люк попытался возразить.

— Нет, — продолжал Роммель. — Мы не получим никаких подкреплений. Гитлер вычеркнул этот театр боевых действий из своих планов. Все, что ему нужно — «немецкий солдат должен стоять насмерть!». Люк, эта война проиграна!

Несмотря на свои сомнения, Роммель продолжал сражаться. Американцы, наступавшие с запада, ждали Африканский корпус в Тунисе. Там войска Роммеля и Эйзенхауэра впервые столкнулись в феврале 1943 г. в битве за проход Кассерин. Благодаря дерзким и внезапным атакам немцы вначале одержали верх над неопытными и необученными американцами, которыми командовали такие же неопытные и неподготовленные генералы, включая самого Эйзенхауэра (для него это были первые настоящие бои). Эйзенхауэр допустил немало ошибок, но, эффективно используя превосходство в материально-техническом обеспечении и огневой мощи, в итоге нанес Роммелю сокрушительное поражение.

В то время Роммеля мучили несколько недугов: высокое кровяное давление (гипертонией страдал и Эйзенхауэр), головные боли, нервное истощение, ревматизм. Отчасти из-за неважного здоровья генерала, отчасти для того, чтобы сохранить его репутацию (капитуляция в Северной Африке была неизбежной), отчасти из-за желания освободиться от ежедневно поступающих из Северной Африки просьб о новых подкреплениях Гитлер решил отозвать Роммеля, предварительно присвоив ему звание фельдмаршала. Оставшуюся часть 1943 г. Роммель провел, не имея какой-либо командной должности.

Эйзенхауэр оставшуюся часть 1943 г. командовал наступлением в Сицилии и Италии. Вначале нападение союзников было успешным, но затем продвижение войск затормозилось. Американской 7-й армии (пять дивизий) и британской 8-й армии (четыре дивизии) потребовалось пять недель для того, чтобы выбить две немецкие дивизии из Сицилии. В Италии немцы смогли заблокировать союзников на дальних южных подступах к Риму.

Несмотря на неудачи и физическую усталость, Эйзенхауэр сохранял оптимизм. В письме жене он писал: «Когда нарастают стрессы и тяготы, люди начинают проявлять слабость. Командующий не имеет на это право. Он не должен показывать ни своих сомнений, ни страха или неверия». О том, как это ему удавалось, рассказывается в письме одного из его сослуживцев из Северной Африки: «Эйзенхауэр обладал необычайной энергетикой, чувством юмора, великолепной памятью и огромной верой в будущее».

Для Эйзенхауэра лидерство было не столько искусством, сколько мастерством, которое надо осваивать, как любую другую профессию. Он полагал, что «умению руководить людьми можно научиться, постоянно работая над собой как в практическом, так и в психологическом отношении». Генерал понял, как отражаются стрессы на способности лидера принимать решения, сохранять выдержку и уверенность, еще в Гибралтаре в ноябре 1942 г., когда заступил на свой первый командирский пост. Невзирая ни на какие трудности, «командующий должен поддерживать оптимизм как в себе самом, так и в солдатах, иначе противника не одолеть», — писал Эйзенхауэр.

Эйзенхауэр считал оптимизм и пессимизм «инфекциями, которые быстро

распространяются от головы к ногам». Он был убежден, что настрой командира «оказывает воздействие на всех, кто его окружает». Поэтому, писал генерал, «я твердо решил вести себя и говорить с солдатами так, чтобы выражать лишь уверенность в победе, а свои собственные пессимистические и расхолаживающие мысли оставлять для подушки».

Эйзенхауэр никогда не разговаривал с подчиненными в манере, в которой Роммель беседовал с майором Люком. (Конечно, у американского генерала было больше оснований для оптимизма.) Но имелись и другие поразительные различия между этими двумя полководцами. Роммель проявлял нетерпение, когда возникали проблемы с материально-техническим или штабным обеспечением. Эйзенхауэр, прослуживший в штабе почти 20 лет, хорошо разбирался в таких вопросах. Роммель отличался высокомерием, в то время как Эйзенхауэр стремился создать себе имидж простого деревенского парня из Канзаса, который хочет чего-то добиться. Роммель ненавидел итальянцев и не скрывал своего к ним презрительного отношения. Эйзенхауэр испытывал врожденную симпатию к британским союзникам и делал все возможное для того, чтобы с ними тесно взаимодействовать. Роммель зачастую мог накричать на подчиненных, чем усложнял исполнение собственных распоряжений (в этом Эйзенхауэр был ему прямой противоположностью). Роммель вел себя как гений-одиночка, который руководствуется только вдохновением и интуицией. Эйзенхауэр демонстрировал качества настоящего «члена команды», организатора серьезных предприятий, генерала, который принимал решения лишь после тщательного их обсуждения со штабными и полевыми командирами и настраивал каждого на неукоснительное исполнение одобренной всеми программы действий.

В ходе сражений Роммель проявлял агрессивность, свойственную человеку, всегда готовому пойти на риск. Эйзенхауэр придерживался более взвешенной и расчетливой тактики. Роммель выигрывал битвы благодаря искусному маневрированию. Эйзенхауэр побеждал вследствие военного преимущества над противником. Роммелю пришлось командовать силами, уступавшими как по численности войск, так и в огневой мощи, и его тактика лавирования была оправдана. Эйзенхауэру выпала судьба вести за собой армии, практически во всем превосходящие немецкие. Вполне возможно, что генералы показали бы себя иначе, если бы поменялись местами. Хотя в этом можно сомневаться, учитывая их совершенно разные характеры и представления о лидерстве.

И все же, я повторяю, у них много общего. Историк Мартин Блюменсон писал о Роммеле: «Он был требователен к солдатам так же, как к себе. Самоотверженно работал и сражался, жил просто, целиком посвятил себя жене и сыну». Абсолютно то же самое можно сказать об Эйзенхауэре.

У обоих сложились крепкие, счастливые семьи. В течение всей войны каждый регулярно отправлял письма жене. Они писали о том, чего никогда бы не сказали другому человеку: делились своими надеждами и сомнениями, жаловались на неприятности военного бытия, выражали желание поскорее вернуться к уютному домашнему очагу, вспоминали дни, проведенные вместе после женитьбы. Почтовое общение с семьями предоставляло убежище от грохочущей вокруг войны.

У каждого было по сыну. Манфред Роммель пошел служить в люфтваффе пулеметчиком в начале 1944 г., сразу же после того, как ему исполнилось 15 лет. Джон Эйзенхауэр поступил в Уэст-Пойнт и, окончив академию 6 июня 1944 г., отправился в армию. Дети, в отличие от своих отцов, преуспели совсем в других областях: Манфред стал политиком, а Джон — военным историком-писателем.

Роммеля и Эйзенхауэра объединяло и неприятие того, что заставляла их делать война. Они стремились к созиданию, а не к разрушению, к культивированию жизни, а не к ее

уничтожению. Роммель однажды сказал, что, когда война закончится, он хотел бы работать гидроэнергетиком и строить гидроэлектростанции по всей Европе. (Его сын, став мэром Штутгарта, выступил спонсором внушительных строительных проектов в этом городе в 70-е, 80-е и 90-е годы.) При Эйзенхауэре-президенте были сооружены морской путь по реке Святого Лаврентия и межштатная система скоростных шоссе. Возможно, и Роммель, сохранив жизнь, совершил бы нечто подобное на посту канцлера Германии^[11]. По крайней мере то, что мы знаем о нем, свидетельствует о возможности фельдмаршала стать таким же известным политиком, как Эйзенхауэр.

В октябре 1943 г. генерал Альфред Йодль, начальник оперативного штаба вооруженных сил, предложил Гитлеру поручить Роммелю тактическое руководство на Западе под началом фельдмаршала Герда фон Рундштедта, который в то время являлся главнокомандующим Западным фронтом. Рундштедту было 69 лет — слишком большой возраст для управления войсками в боевых действиях. Ему не доставало не только материально-технического обеспечения для армий, но и собственной физической энергии. Поэтому, несмотря на то что перед фельдмаршалом стояла задача соорудить неприступный «Атлантический вал», вне Па-де-Кале практически ничего не было сделано. Йодль рассчитывал на то, что Роммель сможет оживить строительные работы.

По обыкновению, Гитлер тянул время. Он не доверил Роммелю возглавить подготовку к отражению вторжения союзников, а приказал ему проинспектировать «Атлантический вал». Когда фюрер давал свои распоряжения, он подчеркнул особую значимость миссии: «Вражеское наступление на Западе — решающая операция, и мы должны ее выиграть. Для этого нам необходимо безжалостно вытянуть из Германии все силы».

Роммель в течение двух недель декабря 1943 г. мотался между Северным морем и Пиренеями. Его потрясло то, что он увидел. Фельдмаршал расценил «Атлантический вал» как фарс, «плод воображения Гитлера... невероятный блеф, предназначенный больше для успокоения немцев, а не для защиты от неприятеля... который с помощью своих агентов хорошо знает об этом».

Исходя из своего опыта в Северной Африке, Роммель сказал главному инженеру, генералу Вильгельму Майзу, что контролирование союзниками воздушного пространства не позволит немцам подтягивать подкрепления к местам сражений. «Единственно, где мы можем выстоять, — добавил он, — это на побережье: там позиции противника всегда слабее». Чтобы создать настоящий «Атлантический вал», говорил Роммель, «нужны противопехотные мины, противотанковые мины, противодесантные мины, а также мины, которые могут топить корабли и десантные суда; нужны минные поля, через которые могли бы пройти наши пехотинцы, но не вражеские танки; нужны мины, которые бы взрывались, как только обрезаются провод, мины с дистанционным управлением и мины, которые бы взрывались при любом нарушении светового луча».

Роммель предвидел, что наступление начнут бомбардировщики и морская артиллерия, за которыми последуют сброс воздушно-десантных войск и высадка на побережье. Он считал, что, независимо от того, сколько миллионов мин будет заложено, стационарные укрепительные сооружения смогут лишь сдерживать атаки противника, но никак не заставят его отступить. Контрнаступление в день «Д» должны обеспечить подвижные пехотные части и бронетанковые дивизии. Поэтому их необходимо как можно скорее перебросить к местам предстоящих боев.

Рундштедт категорически возражал. Он хотел, чтобы союзнические войска продвинулись в глубь Франции, где им можно было бы нанести решающий удар, используя их удаленность от американских и британских военных кораблей.

Это принципиальное расхождение в позициях двух командующих влияло на принятие решений вермахтом до, во время и после дня «Д». Рундштедт и Роммель всегда придерживались наступательной тактики, как, впрочем, и все высшие чины германских вооруженных сил. Но теперь им пришлось заняться проблемами обороны. Немецкие генералы не привыкли к этому, хотя Красная Армия уже должна была научить их такому искусству. В стратегическом плане они так и не усвоили урок, преподнесенный русскими, — что в условиях Второй мировой войны наиболее эффективной является гибкая оборона, заключающаяся в том, чтобы выдержать наступление и нанести контрудар, когда силы противника растянутся по линии фронта.

Роммель исходил из того, что бомбардировки с воздуха затруднят передислокацию немецких войск, если не сделают ее вообще невозможной. Рундштедт считал, что в ходе сражения на побережье германские соединения окажутся под прямым обстрелом орудий союзнического флота.

Несмотря на разногласия, Роммель и Рундштедт отлично понимали друг друга. Во всяком случае, они были едины в том, что вторжение союзников произойдет, вероятнее всего, через Пад-Кале. Рундштедт выступил с предложением передать группе армий «Б» Роммеля 15-ю и 7-ю армии, которые рассредоточились на территории от Голландии до реки Луара на юге Бретани. Гитлер согласился. 15 января 1944 г. Роммель принял новое назначение.

В конце ноября 1943 г. Рузвельт и Черчилль отправились в Тегеран на встречу со Сталиным. Советский лидер хотел знать, когда откроется второй фронт. Рузвельт заверил его, что вторжение определенно начнется весной 1944 г. Уже есть кодовое название, выбранное Черчиллем из перечня возможных вариантов, подготовленных британскими штабистами, — «Оверлорд». Сталин спросил, кто возглавит операцию. Рузвельт сказал, что решение пока еще не принято. Сталин в ответ заметил, что в таком случае он не уверен в серьезности намерений союзников. Рузвельт обещал, что назначение будет сделано в ближайшие три или четыре дня.

Несмотря на данное обещание, Рузвельт тянул с решением. Он предпочел бы назначить командующим «Оверлордом» начальника генштаба Джорджа Маршалла, а его пост передать Эйзенхауэру. Однако такой выбор создал бы совершенно абсурдную ситуацию: Эйзенхауэр возвысился бы над Маршаллом и, более того, над своим бывшим шефом — Макартуром, который уже командовал американскими войсками на юго-западном Тихоокеанском фронте. И все же Рузвельту очень хотелось предоставить Маршаллу возможность возглавить действующую армию, которую тот воспитал, подготовил и вооружил. Когда Рузвельт в начале декабря 1943 г. прибыл в Каир, он попросил Маршалла выразить на этот счет свое мнение, надеясь, что таким образом проблема разрешится сама собой. Маршалл ответил, что готов выполнить любое поручение президента, однако не считает себя вправе в такой ситуации высказывать собственные пожелания.

Рузвельт с большой неохотой все-таки сделал выбор. На последнем совещании в Каире он распорядился, чтобы Маршалл от имени президента отправил письмо Сталину. Рузвельт продиктовал: «С данного момента командующим операцией «Оверлорд» назначен генерал Эйзенхауэр».

Этот самый ответственный в ходе войны пост достался Эйзенхауэру из-за отсутствия другой достойной кандидатуры. По крайней мере такой можно сделать вывод. Впоследствии Рузвельт, объясняя причины принятого им решения, говорил, что не мог спать по ночам, если Маршалл находился за пределами США. Кроме того, командующим должен был быть американец: Соединенные Штаты обеспечивали три четверти вооруженных сил «Оверлорда». Поэтому в итоге по принципу исключения выбор пал на Эйзенхауэра.

Но имелось множество аргументов в пользу выбора, сделанного Рузвельтом. Эйзенхауэр уже провел три успешные военные операции, причем при полном воздушном, морском и

наземном взаимодействии с британскими войсками. Он хорошо ладил с англичанами, как и они с ним. Генерал Монтгомери, назначенный командующим сухопутными частями «Оверлорда», писал об Эйзенхауэре: «Его истинная сила заключалась в человеческих качествах... Он обладал магией притягивать к себе людей, как магнит. Стоило ему улыбнуться, и ты уже испытывал к нему абсолютное доверие».

Адмирал сэр Эндрю Каннингем, первый «морской лорд», говорил Эйзенхауэру, что приобрел огромный жизненный опыт, когда служил под его командованием в Средиземноморье. Он восхищался тем, как американский генерал сплачивал силы двух наций, создавал «одну команду» из людей с различным происхождением и воспитанием, а зачастую с конфликтующими и даже несовместимыми мировоззрениями. «Я просто не верю, — говорил Каннингем, — что кто-нибудь еще, кроме вас, способен на это».

Ключевое слово — «команда». Эйзенхауэр всегда придавал особое значение действиям по принципу единой команды, и это его качество стало определяющим при назначении командующим операцией «Оверлорд».

7 декабря 1943 г. Эйзенхауэр встретился с Рузвельтом в Тунисе, когда президент сделал там остановку во время своего возвращения в Вашингтон. Рузвельта сняли с самолета и посадили в машину Эйзенхауэра. Когда автомобиль тронулся с места, президент обратился к генералу и как бы невзначай сказал:

— Ну что ж, Айк, похоже, тебе придется возглавить «Оверлорд».

Эйзенхауэр стал Верховным главнокомандующим Союзническими экспедиционными силами.

По настоянию Маршалла, Эйзенхауэр провел в Штатах двухнедельный отпуск, который сопровождался многочисленными брифингами и встречами. Он прилетел в Англию в середине января, приземлившись в Шотландии, откуда на поезде добрался до Лондона. 15 января 1944 г. Эйзенхауэр приступил к исполнению своих обязанностей.

Когда в июне 1942 г. Эйзенхауэр впервые посетил Лондон, для него был подготовлен номер в «Клэридже» — в то время лучшем и самом дорогом отеле города. Но ему пришлось не по вкусу швейцары в ливреях, богато украшенные холлы, черно-золотая гостиная и розовая спальня. Он перебрался в менее фешенебельную гостиницу, чтобы обеспечить себе более спокойное пристанище. Это был небольшой, скромный домик в Кингстоне (Суррей) под названием «Телеграф-коттедж».

Возвратившись в Лондон в январе 1944 г., Эйзенхауэр сразу же решил, что штаб-квартира операции «Оверлорд» не должна находиться в городе. Черчилль, американский посол и другие высокопоставленные лица могут заявиться в любой момент, и, кроме того, ночная жизнь большого города будет слишком соблазнительна для персонала. В течение двух недель командующий переместил штаб-квартиру в пригород, в Буши-парк. Здесь практически всем, несмотря на недовольство, пришлось расположиться в палатках. Для Эйзенхауэра помощники выбрали поблизости особняк на Кингстонских холмах, но генерал посчитал его для себя слишком большим. Он поинтересовался, кто занимает «Телеграф-коттедж», и узнал, что в нем разместился маршал авиации Артур Теддер, заместитель Верховного главнокомандующего. Тогда Эйзенхауэр настоял на том, чтобы обменяться резиденциями со своим замом. В итоге он оказался в самом непритязательном доме по сравнению с генералами Великобритании.

Когда Роммель приехал в Париж в начале января 1944 г., чтобы встретиться с Рундшtedтом (пребывавшим в роскошном отеле «Георг V»), город ему показался настоящим вавилонским столпотворением. Он, как и Эйзенхауэр, решил подыскать для штаб-квартиры какое-нибудь другое место. Морской помощник, вице-адмирал Фридрих Рюге, сказал, что у него на примете

есть такое местечко. На пути с побережья в Париж ему довелось сделать остановку в «Шато-ла-Рош-Гийон» на берегу Сены в деревеньке из 543 жителей, находящейся всего в 60 км от Парижа. В продолжение нескольких столетий в этом замке проводили время герцоги Ларошфуко. В конце XVIII в. в нем гостил Томас Джефферсон, американский посол во Франции и друг самого знаменитого из герцогов — писателя Франсуа де Ларошфуко.

Рюге любил читать «Максимы» Ларошфуко и наносить визиты герцогиням. Он поведал Роммелю, что местоположение замка идеально — вне Парижа и примерно на равном расстоянии от штабов 7-й и 15-й армий. И его размеры вполне достаточны для того, чтобы вместить весь персонал. Штабисты Роммеля, скрежеща зубами, покинули Париж и поселились около деревеньки Ла-Рош-Гийон.

Для компании Эйзенхауэру нужна была собака. Помощники нашли ему шотландского щенка. Генерал назвал его Телек — сокращенный вариант наименования домика «Телеграф-коттедж». Роммелю тоже хотелось иметь собаку. Ему подыскали таксу. Оба пса спали в спальнях своих хозяев.

Можно привести и еще более значительные сравнения. Обоим было свойственно рваться вперед, невзирая на препятствия. Если и возникали какие-то сомнения и колебания, то они тут же преодолевались решительными действиями. И тот и другой отличались необыкновенным упорством. «Я готов пожертвовать всем, что имею, ради исполнения своего нового назначения и уверен в том, что добьюсь успеха», — писал Роммель жене. Эйзенхауэр по прибытии в Лондон заявил: «Мы подошли к той черте, за которой любое поражение будет иметь необратимые последствия».

Генералы задавали такой жизненный темп, который не могли выдержать их 50-летние коллеги. Каждый день с шести утра они уже были в дороге, инспектируя и инструктируя войска. Им приходилось есть на ходу, довольствуясь лишь бутербродами, полевыми пайками и чашкой кофе, а возвращаться в свои штаб-квартиры далеко за полночь. Эйзенхауэр уделял сну в среднем часа четыре в день, Роммель спал едва ли больше. Но если американский генерал за сутки выкуривал по четыре пачки сигарет, то немецкий за всю свою жизнь не притронулся к табаку.

И все же было еще одно существенное различие между ними. Роммель, оказавшись в положении обороняющегося, не мог не сомневаться в исходе предстоящего сражения. Эйзенхауэр, напротив, должен был подавлять в себе любые колебания. 17 января 1944 г. Роммель сообщал жене: «Я думаю, что мы выдержим наступление и выиграем битву, если у нас будет достаточно времени, чтобы к ней подготовиться». Для Эйзенхауэра не существовало никаких «если». Перед ним стояли только конкретные цели. 23 января он доложил на совещании Объединенного комитета начальников штабов: «Для того чтобы наш удар стал решающим, необходимо избавиться от ожидания препятствий, неудобств и рисков. Мы просто обязаны добиться победы».

Пессимизм Роммеля отчасти объяснялся запутанной системой командования в вермахте. Гитлер требовал от всех неукоснительно следовать правилу «Ein Volk, ein Reich, ein Führer» («Один народ, один рейх, один фюрер»), но в войсках царствовал принцип «разделяй и властвуй». Гитлер намеренно смешивал полномочия своих подчиненных, чтобы никто точно не знал, за что несет ответственность. Эта ситуация усугублялась естественным и повсеместным соперничеством между военно-воздушными, военно-морскими и сухопутными силами. Роммель не распоряжался ни люфтваффе во Франции, ни флотом, ни губернаторами на оккупированных территориях. Ему не подчинялись штурмовые отряды СС, находившиеся во Франции, а также парашютно-десантные войска и подразделения противовоздушной обороны (остававшиеся в ведении люфтваффе).

Неразбериха в командовании сохранялась до самых последних дней перед вторжением.

Например, предполагалось, что при приближении союзнического флота к побережью вся береговая артиллерия будет оставаться в распоряжении военно-морских сил. Но с началом высадки береговые батареи должны были перейти под командование вермахта.

Хуже того, Роммель не знал: ему или Рундштедту предстояло возглавить сражение. Похоже, Гитлер хотел взять все командование на себя. Бронетанковые дивизии подчинялись только фюреру и могли быть задействованы лишь по его команде, в то время как верховная ставка находилась за тысячу километров от места предстоящих боев. Но именно на эти дивизии Роммель мог больше всего полагаться в первый день контрнаступления.

У Эйзенхауэра не было таких проблем. Его командование отличалось ясностью и определенностью. Генерал потребовал, чтобы ему передали союзническую бомбардировочную авиацию (американскую 8-ю воздушную армию, британское бомбардировочное соединение). Вначале он получил отказ. Но после того как Эйзенхауэр пригрозил уйти в отставку, если ему не предоставят возможности распоряжаться бомбардировщиками по своему усмотрению, Объединенный комитет начальников штабов его требование выполнил. После этого каждый солдат, пилот, моряк, каждое подразделение в Соединенном Королевстве руководствовались только приказами Эйзенхауэра.

Четкая командная структура способствовала созданию атмосферы единодушия в Верховной ставке Союзнических экспедиционных сил, что резко контрастировало с ситуацией в немецком генеральном штабе Западного фронта и в группе армий «Б». Разительно отличались и взаимоотношения Эйзенхауэра и Роммеля со своими непосредственными подчиненными. С большинством офицеров американский генерал служил вместе на Средиземноморье и из их числа назначал командующих армиями, корпусами и дивизиями. В то же время Роммель был едва знаком с командующими своими армиями, корпусами и дивизиями.

Это вовсе не значит, что Эйзенхауэру нравились (или его устраивали) абсолютно все, кто находился под его началом. Он, например, не симпатизировал генералу Монтгомери и опасался, что тот во время боя будет проявлять излишнюю осторожность. Но Эйзенхауэр знал, что Монти, единственному на данный момент британскому герою войны, нужно отвести главную роль, и он решил добиваться от него такого же взаимодействия, как во время кампаний на Средиземноморье. Эйзенхауэр считал слишком осмотрительным и пессимистичным командующего тактическими военно-воздушными силами вице-маршала авиации сэра Трэффорда Ли-Маллори и тем не менее также настроил себя на самое тесное сотрудничество с британцем. Эйзенхауэр высоко ценил способности своего заместителя, маршала авиации Теддера, и главкома военно-морскими силами, адмирала Бертрама Рамсея. С обоими его связывала боевая дружба, завязавшаяся в ходе сражений на Средиземноморье.

Главкомандующий сухопутными войсками генерал Омар Н. Брэдли был однокашником Эйзенхауэра по Уэст-Пойнту, давним и близким другом, суждениям которого он чрезвычайно доверял. Начальник штаба генерал Уолтер Б. Смит служил с Эйзенхауэром с середины 1942 г. и получил от него такую характеристику: «Идеальный штабной генерал. Надежная опора. Я хотел бы, чтобы у меня были десятки таких генералов. Тогда мне не оставалось бы ничего другого, как купить удочку, ловить рыбу и писать каждую неделю домой о блестящих военных победах».

Роммелю никогда не доводилось служить вместе со своими командующими: генералом Хансом фон Зальмутом (15-я армия) и генералом Фридрихом Долльманном (7-я). С Зальмутом его ссоры доходили до крика. Долльманн не имел достаточного боевого опыта, отличался слабым здоровьем и почему-то не терпел Роммеля. Ни Зальмут, ни Долльманн не были ревностными нацистами. Бронетанковой группой на Западе командовал генерал барон Лео Гейр фон Швеппенбург. Ветерана Восточного фронта Швеппенбурга приводило в ужас предложение Роммеля использовать танки на ближних позициях: по его мнению, это означало, что танки

подменяют стационарные артиллерийские орудия. Их разногласия так и не были разрешены, хотя это вряд ли имело какое-либо значение, поскольку в любом случае бронетанковая группа не входила в подчинение Роммеля.

Роммель снял с должности своего первого начальника штаба и поставил на его место генерала Ганса Шпейделя, шваба из Вюртемберга, которого знал еще со времен Первой мировой войны. Шпейдель был активным участником заговора против Гитлера и политически более искушен и подкован, чем его шеф. Конечно, ему удалось привлечь Роммеля на сторону заговорщиков.

Подходы Роммеля и Эйзенхауэра к предстоящему сражению существенно различались. Американский генерал всем сердцем верил в правоту дела, за которое боролся. Для него вторжение на север Франции имело целью не только освободить Европу от нацистской оккупации, но и навсегда покончить с фашистской чумой. Эйзенхауэр ненавидел нацизм и все, что было с ним связано.

Роммель считал себя патриотом, но не нацистом, хотя иногда и подхалимничал перед Гитлером. Для Роммеля предстоящее сражение означало битву с врагом, которого он и ненавидел, и уважал. Он готовился к схватке скорее как профессионал, чем как борец за идею.

4. Где и когда?

В середине марта 1943 г. (вскоре после битвы за проход Кассерин и почти за два месяца до окончательной победы в Тунисе) Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) назначил британского генерал-лейтенанта Фредерика Моргана начальником штаба при Верховном командовании Союзническими экспедиционными силами. Ему поручили «координацию и планирование операции по форсированию Ла-Манша в этом или в следующем году». В течение месяца ОКНШ пришел к выводу, что такое наступление невозможно организовать в 1943 г., и в апреле была принята директива, предписавшая Моргану «начать планирование полномасштабного вторжения на Европейский континент в 1944 г., по возможности ранее».

Трудно представить себе более расплывчатую формулировку военного распоряжения. География его распространялась от Голландии до Бреста, выражение «по возможности ранее» растягивало временные рамки от марта до сентября 1944 г. Морган, собрав вместе британских и американских штабистов и назначив своим замом американского генерал-майора Рея Баркера, назвал созданную им группу COSSAC^[12] (КОССАК) (по первым буквам наименования своей должности) и приступил к исполнению обязанностей.

КОССАК при планировании операции вынуждена была исходить из жесточайшего лимита десантных судов и ограничить одновременную высадку лишь тремя дивизиями. Союзники учитывали, что немцы, безусловно, укрепили «Атлантический вал», а это создавало дополнительные трудности, поскольку лишало войска возможности вести более рассредоточенное наступление. С самого начала КОССАК ориентировалась на концентрацию сил: предусматривался только один район вторжения.

Но где? Место предполагаемой высадки должно было находиться в пределах досягаемости союзнических самолетов, базировавшихся в Великобритании. Важно также, чтобы рядом располагался крупный порт, который надлежало захватить с суши и в кратчайший срок задействовать. Штурм «Атлантического вала», особенно вокруг французских гаваней, казался невыполнимым: сокрушительное поражение, понесенное канадцами в Дьеппе в августе 1942 г., убедило КОССАК в том, что лобовая атака против хорошо укрепленных оборонительных сооружений обречена на провал. Поэтому следовало найти такие участки побережья, где можно было прямо с десантных судов высаживать людей и технику и обеспечить их незамедлительное и массированное продвижение в глубь континента.

Большинству этих тактических соображений соответствовали условия французского побережья Средиземноморья или полуострова Бретань. Но со стратегической точки зрения район вторжения должен был находиться как можно ближе к главной цели наступления — Рурско-Рейнскому бассейну.

Великолепными портами располагали Голландия и Бельгия, но от них рукой подать до Германии и до аэродромов люфтваффе. Помимо частых наводнений, приморские районы представляли особую сложность еще и потому, что они имели мощные оборонительные сооружения. Можно было считать идеальным местом для высадки берег Па-де-Кале, но, очевидно, такого же мнения придерживались и немцы, поскольку они сделали «Атлантический вал» самым неприступным именно здесь.

Как вариант рассматривался и Гавр в устье Сены. Однако в случае нападения на этот порт дивизиям союзников пришлось бы высаживаться по обе стороны реки, и немцам ничего не стоило бы разбить их по отдельности. Восточнее же Гавра береговая линия представляет собой сплошные скалы, которые перемежаются маленькими бухточками, практически не имеющими

выходов к каким-либо дорогам.

Определенные преимущества были у Бретани с ее большим портом Брестом и другими менее крупными, но удобными гаванями. Но она находилась слишком далеко от Соединенного Королевства и Рейнско-Рурского бассейна. Ближе к ним располагался Шербур, что повышало шансы полуострова Котантен. Однако его западный берег захлестывали атлантические штормы, и, кроме того, он хорошо защищался немцами с захваченных ими островов Гернси и Джерси. Восточная часть Котантена была низменной и часто затапливалась. Более того, узкое пространство полуострова позволяло немцам легко заблокировать передовые войска.

Путем исключения выбор пал на побережье Кальвадос в Нормандии. Маленький порт Кан нетрудно было взять, возможно, в ходе первой же атаки. Не представляло особой сложности и захватить расположенный рядом аэродром Карпике. Овладение Каном отрезало бы железнодорожное и автомобильное сообщение между Парижем и Шербуром, изолировало полуостров Котантен и открыло путь на столицу Франции.

Существовали и другие преимущества. По устью реки Орн проходила граница между 15-й армией вермахта на северо-востоке и 7-й армией на юго-западе, а промежутки между воинскими соединениями всегда являются самым слабым звеном обороны. Наступление предполагалось начать против 7-й армии, которая располагала лишь одной бронетанковой дивизией (21-й) (у 15-й армии было пять дивизий). Кальвадос находится в 150 км от крупных британских южных портов Саутгемптон и Портсмут^[13]. Он защищен от штормов Атлантики полуостровом Котантен. От устья реки Орн на запад тянутся 30 км песчаных пляжей с пологими подъемами на берег, откуда внутрь континента ведет целая сеть дорог. От Арроманша на 10 км шла сплошная стена из почти вертикально стоящих утесов, но начиная с Колевиля скалы отступали от берега на расстояние до 10 км. Обрывы не превышали 40–50 м, а песчаные пляжи при самых высоких 10-метровых приливах простирались на 40–50, а при самых низких — на 200 м и более. И там имелись дороги.

К тому времени британцы располагали подробной разведывательной информацией о французском побережье. Вскоре после Дюнкерка радио Би-би-си передало призыв ко всем, у кого были почтовые открытки, отправленные в предвоенные курортные времена из Франции, отослать их на станцию. За один день пришло 30 тыс. карточек, а затем их набралось до 10 млн. В 1942–1943 гг. активно велась аэрофотосъемка, в результате которой союзники получили детальное изображение предстоящего поля сражения. Французское Сопротивление предоставляло сведения о заграждениях на побережье, укреплениях, расположении вражеских соединений. Информацию о приливах и отливах, течениях, топографии местности можно было добыть из старых туристических путеводителей.

Таким образом, побережье Кальвадоса на карте казалось совершенно приемлемым. Но оставался нерешенным главный вопрос: позволят ли его пляжи, находящиеся западнее устья реки Орн, высадиться десантным судам, танкам, бульдозерам и грузовикам. На этот счет имелись сомнения — британские географы и геологи считали, что за последние два столетия берег подвергся серьезной эрозии. Древнеримский порт с таким же названием, по их мнению, находился по крайней мере в 2 км от нынешней береговой линии. Бойцы французского Сопротивления выкрали в Париже четыре тома геологических карт, которые были составлены на латыни римлянами и указывали на наличие огромных торфяников на Кальвадосе. Торфяные болота, покрытые тонким слоем песка, не могли выдержать танки и другую тяжелую боевую технику.

Группе КОССАК предстояло это выяснить. Необходимо было взять пробы грунта. В канун 1943 г. в море вышла малютка-подлодка, в которой находились майор Логан Скотт-Боуден и сержант Брюс Огден-Смит, считавшиеся асами пилотажной и морской разведки. Они

рассчитали, что немцы будут справлять Новый год. Капитан-лейтенант Найджель Уиллмотт возглавлял операцию при поддержке шкипера и механика. Майор Скотт-Боуден и сержант Огден-Смит проплыли вдоль берега, вооруженные пистолетами, кинжалами, подводными часами, компасами, фонарями и 12-дюймовыми трубами для взятия проб.

Они всплыли на приливной волне вблизи деревни Люк-сюр-Мер у берега, который позднее получил кодовое название «Меч». Им было слышно пение, доносившееся из немецкого гарнизона. Разведчики ползли вдоль воды, прячась от луча маяка, стараясь пройти по песку так, чтобы их следы смыл утренний отлив. Подводники вонзали трубы в дно, брали пробы и помечали на картах места, где они взяли грунт.

«Но самым трудным оказалось, — вспоминает Скотт-Боуден, — уйти обратно в море с тяжеленными, набитыми песком трубами и в полном подводном снаряжении. Шквальные волны откидывали нас назад. Мы выжидали, пока пройдет девятый вал и буруны станут немного меньше, и, наверное, только с третьего раза ринулись в море, отчаянно стремясь уплыть подальше от берега. Главное — что нам удалось держаться вместе».

Вдруг Огден-Смит закричал. Скотт-Боуден подумал, что у него судороги, подплыл поближе и услышал:

— С Новым годом!

Майор вспоминал: «Это был чудесный парень, клянусь. И я тоже пожелал ему счастливого Нового года».

Пробы грунта подтвердили, что пляжи выдержат тяжесть военной техники. Разведка провела несколько рекогносцировок побережья Кальвадоса, особенно на участках «Юнона» и «Золото». Мини-подлодку иногда приходилось опускать на дно, но так, чтобы через перископ можно было фотографировать. Скотт-Боуден объясняет: «Со дна, под углом зрения червя, мы видели вещи, которые не покажет ни одна аэрофотосъемка. Это очень сложная штука — держаться у берега так, чтобы перископ все время был над водой, а лодку не перевертывало».

Однажды субмарина прошла под французским рыболовным траулером, на котором находился немецкий дозорный. Скотт-Боуден видел людей на берегу, которые что-то перевозили на двухколесных тележках, запряженных лошадьми. Вместе с Огденом-Смитом он еще не раз совершал подводные вылазки на участке между Колевилем и Вьервилем, получившим вскоре кодовое название «Омаха».

В конце января Скотта-Боудена вызвали в штаб-квартиру КОССАК в Норфолк-хаус на площади Сент-Джеймс. Ему надлежало доложить адмиралу Рамсею, генералу Брэдли, генералу Смиту, еще четверем генералам и пяти адмиралам. Контр-адмирал Джордж Криси, начальник штаба Рамсея, раздвинул шторы, закрывавшие карту, и сказал:

— Опишите результаты вашей разведки. Скотт-Боуден посмотрел на карту. Она казалась огромной и нескончаемой:

— Боюсь, сэр, мне не удастся показать на ней все детали.

— Ладно, — ответил Криси, — у нас есть кое-что другое.

Майор проследовал за адмиралом к еще одному картографическому полотнищу и понял, что оно ему подходит. Криси пригласил всех присутствующих генералов и адмиралов:

— Берите стулья и садитесь поближе.

23-летний Скотт-Боуден подумал про себя: «Сейчас для меня все будет кончено».

«Мне никогда прежде не приходилось иметь дело с таким высоким начальством, — вспоминал он позднее. — Поэтому я вначале немного растерялся. Они засыпали меня вопросами. Моряков особенно не волновало то, что я говорил. Но генерала Брэдли интересовало, где и как могут пройти танки «Шерман». Я, конечно, не мог не вспомнить о двухколесных тележках с лошадьми».

Когда генералитет замолчал, Скотт-Боуден обратился к Брэдли:

— Сэр, поскольку берег усеян орудиями и укреплениями, взять его будет непросто.

Брэдли похлопал Скотта-Боудена по плечу и сказал:

— Да, мой мальчик, я это знаю.

Когда Эйзенхауэр со своей командой прибыл в Лондон, чтобы принять бразды правления у КОССАК, он изучил план Моргана и в целом согласился с предложенной логикой вторжения. Однако и он, и Монтгомери, и Смит, и Брэдли считали, что фронт наступления должен быть увеличен до пяти дивизий. Соответственно требовалось и больше десантных судов. Растянуть линию фронта на восток, к Гавру, представлялось неразумным, так как наступающие войска попали бы под прямой обстрел береговой артиллерии, наиболее усиленной в этом районе «Атлантического вала». Морган в то же время исключил возможность расширения атаки в западном направлении, в сторону юго-восточной части полуострова Котантен, поскольку там немцы затопили прибрежные территории.

Эйзенхауэр пересмотрел мнение Моргана и решил, что фронт вторжения можно продвинуть на запад. Он посчитал, что американские воздушно-десантные дивизии, заброшенные в глубь континента, захватят выступающие над водой дороги, по которым затем пойдут войска, высаженные с моря.

По плану на Котантен с побережья под кодовым названием «Юта» должна была наступать американская 4-я пехотная дивизия, а 29-й и 1-й пехотным дивизиям предстояло высадиться на участке Кальвадоса «Омаха». Британским и канадским войскам отводились бухты, протянувшиеся на запад от устья реки Орн (кодовое название «Меч»). В их число входили британская 3-я дивизия, английские и французские командос, канадская 3-я дивизия («Юнона») и британская 50-я дивизия («Золото»). Британская 6-я воздушно-десантная дивизия должна была высадиться между реками Орн и Див для защиты левого фланга.

КОССАК в начале наступления намеревалась задействовать только одну армию — британскую или американскую — по одной причине: чтобы избежать возникновения уязвимого «межнационального» пространства между войсками разных государств. Но по политическим соображениям это было невозможно. Генерал Баркер в июле 1943 г. говорил: «Совершенно ясно, что премьер-министр никогда не позволит, чтобы вторжение осуществили исключительно американские войска. То же самое с уверенностью можно сказать и о правительстве США. Мы должны воспринимать это как реальность».

Итак, все было решено. Вторжение намечено на побережье Кальвадос. Британские войска наступают на левом фланге, американцы — на «Омахе» и «Юте» в направлении полуострова Котантен.

Высадка на Кальвадосе осложнялась одной серьезной проблемой. Союзнические армии оказывались на юго-западной стороне двух крупных рек — Сены и Соммы, создававших преграды на пути к главной цели — Рейнско-Рурской области. Однако это обстоятельство можно было обернуть и в свою пользу: мосты через Сену разрушить бомбардировками еще до начала наступления, чтобы лишить вермахт возможности подтянуть танковые дивизии из Па-де-Кале.

В целом же вторжение через Кальвадос имело очевидные плюсы. Оно застало бы немцев врасплох. Германское командование решило бы, что это всего лишь обманный маневр, рассчитанный на то, чтобы вынудить его перебросить танки с Па-де-Кале к западу от Сены. Логика проста: нанося удар на Кальвадос, союзники удаляются от Рейнско-Рурского бассейна. Поэтому представлялось вполне реальным заставить немцев поверить в то, что Кальвадос — ложное место высадки, а главное направление наступления — Па-де-Кале.

Чтобы укрепить убежденность немцев в необходимости держать свои танковые армии на

северо-востоке от Сены, КОССАК предложила (а Эйзенхауэр поддержал) разработать план действий по обману германского командования под кодовым названием «Фортитюд» («Сила духа»). Ставилась задача ввести Гитлера и его генералов в заблуждение относительно места вторжения и реальной численности экспедиционных сил.

В операции «Фортитюд» участвовали и британцы, и американцы. В полной мере были задействованы двойные агенты, «Ультра», фиктивные армии, ложная радиосвязь. Вермахту навязывалось представление, что союзники могут высадиться и на побережье Бискайского залива, и в районе Марселя, и даже на Балканах. Но самым важным считалось заставить немцев поверить в то, что наступление начнется либо в Норвегии (где в морских базах стояли подводные лодки — последняя надежда Гитлера), либо в Па-де-Кале.

Привлечь внимание германского командования к Норвегии союзники могли только демонстрацией того, что они располагают необходимыми силами для нанесения отвлекающего удара. Сделать это было чрезвычайно сложно в силу острой нехватки десантных судов: вплоть до дня «Д» сохранялась неуверенность в том, что их будет достаточно даже для запланированной высадки шести дивизий в Нормандии. Поэтому требовалось создать фиктивные дивизии и фиктивные флотилии десантных кораблей. В таком хитром деле неоценимую помощь оказали двойные агенты, американские и британские кинохроники и радиопередачи.

К примеру, британская 4-я армия в Шотландии, которой предстояло участвовать в «нападении» на Норвегию в середине июля, существовала только на радиоволнах. В начале 1944 г. несколько десятков офицеров отправились на самую северную оконечность этой части Великобритании и наладили между собой радиосвязь. Они в точности воспроизводили обмен сообщениями, типичный при развертывании войск.

Конечно, в их передачах не содержалось ничего вроде: «Нападение на Норвегию планируется на середину мая». Немцы никогда бы не приняли всерьез такую явную «утку». В сообщениях говорилось: «80-я дивизия запрашивает 1800 пар подошв с шипами и 1800 пар лыжных креплений», или: «7-й корпус просит направить инструкторов по преодолению отвесных скал по методу Билжери», или: «Для моторизованной роты 2-го корпуса требуются инструкции о работе двигателей в условиях высокогорья и низких температур». В действительности не существовало ни 80-й дивизии, ни 7-го или 2-го корпусов. Вермахту оставалось лишь гадать о том, что происходит в Шотландии.

Надуть немцев было не так просто. Они сами в этом деле проявили себя большими мастерами. В начале 1942 г. Германия осуществила одну из самых искусных и успешных фикций Второй мировой войны под кодовым названием «Кремль». Ее целью было заставить Красную Армию поверить в то, что главной кампанией 1942 г. будет наступление на Москву, а не на Сталинград. Как пишет историк Эрл Зимке: «Это была чистейшей воды фальсификация, но ее можно назвать шедевром военного искусства». Немцы широко использовали радиосвязь, чтобы создать впечатление о наращивании армий вокруг Москвы, и во многом их действия аналогичны операции «Фортитюд».

Но у союзников имелась еще одна сильная сторона — сеть двойных агентов. Ее основу составляли завербованные немецкие шпионы, в преданности которых абвер все еще не сомневался. Они отсылали в Гамбург шифровки о тяжелых железнодорожных составах, идущих в Шотландию, эмблемах новых дивизий, которые появились в Эдинбурге, о слухах в войсках, что их отправляют в Норвегию. Вдобавок на аэродромах стали появляться сделанные из древесины двухмоторные «бомбардировщики». Британские коммандос совершили несколько вылазок на Норвежское побережье, поместили места расположения радаров и взяли пробы грунта, продемонстрировав тем самым подготовку к вторжению.

Результат оказался потрясающим. К началу лета 1944 г. Германия развернула в Норвегии 13 армейских дивизий (в дополнение к уже находившимся там подразделениям военно-морских и военно-воздушных сил, насчитывавших в общей сложности 150 тыс. человек). Эти войска едва ли были особо боеспособными, но вполне годились для траншей «Атлантического вала» во Франции. В конце мая Роммель настоял на том, чтобы Гитлер перебросил пять пехотных дивизий из Норвегии во Францию. Они грузились для отправки по назначению, когда абвер вручил фюреру пакет с очередными «перехваченными» шифровками об угрозе Норвегии. Гитлер отменил свой приказ. Перефразируя Черчилля, можно сказать: в истории войн трудно найти другой пример того, как небольшая группа людей парализовала действия многих десятков тысяч человек.

И все-таки вариант наводки немцев на Па-де-Кале представлялся наиболее подходящим. В районе Дувра располагалась 1-я американская группа армий, создававшая непосредственную угрозу французскому побережью. Она организовывала ложные радиосообщения, «плохо замаскированную» десантную флотилию в портах Рамсгита, Дувра и Гастингса, поля, напичканные орудиями и танками, сделанными из папье-маше и резины. И естественно, в полную силу использовала налаженную систему двойной агентуры. «Шпионы» докладывали об активизации деятельности вокруг Дувра, строительстве, железнодорожных перевозках, перемещениях войск. Импровизированный нефтяной причал в Дувре, сооруженный декораторами из киноиндустрии, действовал на полную мощность.

Ключевой фигурой в кампании дезинформации стал генерал-лейтенант Джордж С. Паттон, командующий 1-й американской армейской группой. Немцы считали его лучшим командиром в Союзнических экспедиционных силах и полагали, что именно он возглавит наступательную операцию. Эйзенхауэр это понимал и не противился тому, чтобы репутация Паттона (и он сам) использовались секретными службами. Шпионы аккуратно сообщали обо всех передвижениях генерал-лейтенанта. То же самое делали британские газеты: они поступали в Германию спустя день или два через Португалию и Испанию. Кроме того, немецкие агенты в Дублине получали лондонские издания в тот же день и могли передать их содержание по радио. Со своей стороны, радиостанция 1-й американской группы армий также оповещала немцев о перемещениях Паттона, подтверждая, что он хорошо справляется со своим новым назначением.

1-я американская группа армий состояла из сформированных и еще не сформированных дивизий, корпусов и армий. В нее входили: 3-я американская армия, реально существовавшая, но в основном находившаяся в США, британская 4-я армия, которой на самом деле не было, и канадская 1-я армия, которая базировалась в Англии. Кроме того, в эту группу предположительно должны были войти 50 дивизий, все еще пребывавших в Соединенных Штатах, но уже сформированных в 14-ю американскую армию, ожидавшую переброски через океан в Па-де-Кале.

Успешность операции «Фортитюд» можно оценить на основе немецких данных. В конце мая 1944 г. германское командование считало, что Союзнические экспедиционные силы составляют 89 дивизий, в то время как их реально было 47. Вермахт исходил из того, что противник располагает достаточным флотом для одновременной высадки на берег 20 дивизий, тогда как союзники в лучшем случае могли высадить только шесть. Приписывая американско-британским силам такую мощь, немцы уверовали в то, что реальному вторжению будет предшествовать или сопутствовать отвлекающий удар.

Важно было принять все меры для того, чтобы вермахт так и не узнал, что действительный плацдарм наступления — Кальвадос. «Успех или провал предстоящей операции зависят от того, сможет ли противник завладеть точной информацией о ее подготовке», — заявил Эйзенхауэр в меморандуме главам военных миссий Бельгии, Норвегии и Дании 23 февраля 1944 г.

Чтобы обеспечить секретность, союзники пошли на беспрецедентные меры. В феврале Эйзенхауэр попросил Черчилля запретить все поездки в прибрежные регионы Южной Англии, где создавалась база для наступления и проводились учения. Черчилль ответил «нет»: он не может нарушить обычную жизнь людей. Генерал Морган пробурчал, что ответ Черчилля — «чистая политика», и предупредил:

— Если мы проиграем, то вообще не будет больше никакой политики.

И все же британское правительство по-прежнему бездействовало. Когда Монтгомери потребовал запретить частные визиты в районы учений, Эйзенхауэр направил в военное министерство Англии выразительное послание. Он писал: «Все последующие годы мы будем укорять себя за то, что, не предприняв никаких мер безопасности, поставили под угрозу эту важнейшую операцию и жизни наших солдат». Черчилль сдался. Поездки прекратились.

Эйзенхауэр также убедил военное министерство в необходимости отменить неприкосновенность дипломатической корреспонденции из Соединенного Королевства. По его мнению, «дипломатическая почта создает серьезную угрозу безопасности нашей операции, жизни наших моряков, солдат, пилотов». 17 апреля такое решение было принято (оно не распространялось на США и Советский Союз). Другие иностранные правительства выступили с гневными протестами. Это дало Гитлеру ключ к тому, чтобы определить время проведения «Оверлорд». В начале мая он заметил: «...англичане предприняли меры, которые могут действовать не более шести — восьми недель».

Верховный главнокомандующий строго следил за соблюдением секретности. В апреле генерал-майор Генри Миллер, начальник материально-технического обеспечения 9-й американской военно-воздушной армии и сокурсник Эйзенхауэра по Уэст-Пойнту, оказался на приеме в отеле «Клэридж». У него развязался язык, генерал начал жаловаться на трудности в снабжении и заявил, что, слава Богу, все это закончится после дня «Д», который, по его расчетам, наступит раньше 15 июня. Когда его слова подвергли сомнению, Миллер предложил заключить пари. Эйзенхауэру об инциденте стало известно на следующее утро. Он незамедлительно понизил Миллера в звании до полковника и отправил его в Соединенные Штаты, что, конечно, означало конец военной карьеры. Вскоре бывший генерал подал в отставку. Еще один серьезный «прокол» произошел в мае, когда американский морской офицер напился во время вечеринки и раскрыл детали предстоящей операции, включая предполагаемые районы высадки, маршруты воздушных перебросок, численность войск, даты. Эйзенхауэр написал тогда Маршаллу: «Я настолько взбешен проявлением такой безответственности, создающим для нас дополнительные трудности и риски, что готов собственноручно расстрелять виновника». Офицер также был отправлен в Штаты.

Чтобы проверить, насколько эффективно действует система «Фортитюд», Верховное командование Союзническими экспедиционными силами пользовалось перехватами «Ультры». Каждую неделю британский Объединенный комитет по разведке готовил обзор «Немецкие оценки намерений союзников на Западе» — документ в одну или две страницы, в котором давался анализ предположений вермахта, где, когда и какими силами союзники нанесут удар. Эти аналитические доклады показывали командованию то, что оно хотело видеть: немцы рассчитывали, что наступление начнется в Норвегии с отвлекающим ударом в Нормандии или в Бискайском заливе, но главным направлением вторжения будет Па-де-Кале с применением 20 или около того дивизий.

Немцы вкладывали железобетона в Па-де-Кале больше, чем где-либо еще. Они держали здесь многочисленные войска и танковые армии. Побережье Ла-Манша возле Па-де-Кале было практически полностью заминировано. В целом германское командование весьма переоценило ресурсы, которыми располагали экспедиционные силы. Короче говоря, его здорово одурачили.

Но не совсем. Мобильность сил союзников и их господство на море и в воздухе заставляли немцев рассматривать любое подходящее для высадки побережье в качестве возможного плацдарма наступления. 19 марта на совещании в Берхтесгадене Гитлер так обрисовал сложившуюся ситуацию: «Ясно, что англо-американское вторжение на Западе неизбежно. Никто не знает, где и как оно произойдет, и на этот счет сейчас трудно делать какие-либо догадки». Но их надо было делать, несмотря на непроницаемость операции «Фортитюд» и секретность действий командования экспедиционными силами, Самолеты-разведчики зафиксировали строительство судов в южных английских портах Саутгемптон и Портсмут. Однако Гитлер посчитал, что такие сведения фактически бесполезны. «Концентрация сооружения десантных кораблей в каком-то одном месте еще не указывает на какой-либо конкретный район предполагаемого вторжения на нашем протяженном Западном фронте от Норвегии до Бискайского залива, — сказал он. — Эти доки могут быть передвинуты при плохой видимости, что еще больше введет нас в заблуждение».

Однако Гитлер не переставал думать о возможном направлении предстоящего англо-американского нападения. Он предполагал, что высадка, вероятнее всего, произойдет в районе Шербура или Бреста. Но фюрер ошибался.

Адмирал Теодор Кранке, командующий западной военно-морской группировкой, считал, что союзники вторгнутся между Булонью и Шербуром, либо в Котантене, либо в устье Орны, Сены или Соммы, что уже было ближе к истине, хотя точность прогноза в целом сомнительна, поскольку между Булонью и Шербуром протекает почти весь Ла-Манш.

Роммель полагал, что главный удар придется на Па-де-Кале. Здесь он проводил большую часть времени, инспектируя и направляя строительство оборонительных укреплений. В начале мая фельдмаршал обратил внимание на юго-западное направление, заметив генерал-лейтенанту Герхарду фон Шверину, командующему отборной 116-й бронетанковой дивизией 15-й армии: «Нападения можно ожидать с любой стороны устья Соммы».

Но вся информация, поступавшая к немцам, указывала на Па-де-Кале. Воздушная активность экспедиционных сил подкрепляла деятельность «Фортитюда». Разведывательные самолеты появлялись над расположением 15-й армии вдвое чаще, чем над 7-й. В десять раз выросло число налетов на объекты к северо-востоку от Сены. Все это убеждало Роммеля в том, что главное направление удара — Па-де-Кале. И он был готов отразить наступление.

27 апреля немецкие торпедные катера Schnellbootes, которые союзники называли E-boats (по первой букве E — enemy — враг), осуществили рейд под кодовым названием «Тигр» на верфи, где строились десантные суда, и потопили два корабля. Для англоамериканского командования потеря более чем 700 человек оказалась серьезным провалом, а для вермахта полученная информация об учениях противника на Слэптон-Сендс на южном побережье Англии была более чем полезной. Гитлер сразу понял, что к чему. Хотя он никогда не бывал ни в Великобритании, ни на Котантене или Кальвадосе, фюрер сделал весьма важное топографическое наблюдение. Он отметил сходство Слэптон-Сендс и пляжей Котантена (поэтому союзники и проводили учения на этом южном берегу Англии) и потребовал немедленно приступить к усилению обороны в низовьях Нормандии.

В очень ограниченные сроки это было сделано. 29 мая еженедельное обозрение разведки включало короткое, но тревожное сообщение: «Наблюдающееся в последнее время передвижение германских наземных сил на Шербур, похоже, указывает на то, что район Гавра — Шербура рассматривается немцами в качестве вероятного, а может быть, и главного направления наступления». Проникли вермахт в секреты операции «Оверлорд»? Только дальнейшие события могут это показать. Пока же главные танковые силы оставались к северо-востоку от Сены, в распоряжении 15-й армии.

Когда? Указание Моргана гласило: «В ближайшее время». Март уже прошел. В любом случае неизбежные весенние штормы на Кальвадосе исключали возможность развертывания наступательного плацдарма на побережье. 1 апреля — дата, предложенная Объединенным комитетом начальников штабов, не подходила также из-за неопределенности и непредсказуемости погоды в Ла-Манше. Кроме того, из-за таяния снегов Красная Армия не смогла бы начать действия, скоординированные с союзниками. Морган выбрал 1 мая. Когда Эйзенхауэр принял командование, он передвинул плановую дату наступления на 1 июня с тем, чтобы располагать большим количеством времени для производства десантных судов.

«Плановая дата» означает, что командование экспедиционными силами могло избрать любой удобный день для проведения операции после 1 июня. Но необходимо было учесть ряд объективных обстоятельств, прежде всего положение Луны и состояние прилива. Моряки хотели, чтобы преодоление Ла-Манша происходило в светлое время суток. Это, как они считали, обеспечило бы лучшее управление тысячами десантных судов, помогло бы избежать возможных столкновений и более эффективно использовать огневую поддержку. Генералам авиации свет нужен был для того, чтобы с наибольшим результатом нанести бомбовые удары до высадки первых эшелонов. Армейские командиры настаивали на том, чтобы переправиться через пролив ночью и выходить на берег ранним утром: тогда у пехоты будет целый день, чтобы закрепиться на захваченных позициях.

Роммель полагал, что союзнические войска для высадки используют самый высокий уровень прилива, который даст им наикратчайший путь к берегу. Но это лишь показывает его плохую осведомленность о возможностях амфибий. С самого начала командование экспедиционными силами решило использовать эффект нарастания приливной волны, чтобы десантные суда могли свободно высаживать людей на пляж и оставаться на плаву.

В ночь пересечения Ла-Манша нужно было, чтобы Луна светила хотя бы наполовину — помогала и десантному флоту, и парашютистам, готовым выброститься на территорию Франции за пять часов до назначенного часа «Ч».

Приливы при первых проблесках рассвета и при достаточном лунном освещении должны были произойти 5, 6, 7, а также 19 и 20 июня. Эйзенхауэр выбрал днем «Д» 5 июня.

Юго-восточное побережье Котантена и Кальвадос в Нижней Нормандии определены как направление главного удара. 5 июня — день начала наступления. Час «Ч» — рассвет.

Роммель даже не подозревал, что союзникам недоставало десантных судов. У него сложилось совершенно противоположное мнение. Двойные агенты постоянно снабжали его дезинформацией. Таким образом, фельдмаршал не имел точного представления о начале англо-американского вторжения. В апреле он еще думал, что наступление произойдет в первую или третью неделю мая. 6 мая Роммель писал своей жене Люси: «Я с полной уверенностью готов встретить предстоящее сражение — оно может состояться 15 мая, но не раньше конца апреля». 15 мая фельдмаршал сообщал Люси: «Уже середина мая. И ничего пока не происходит... Думаю, что противнику потребуется еще несколько недель». 1 июня Роммель посмотрел схемы движения Луны и приливов и сказал, что не предвидит благоприятных условий для вторжения до 20 июня (по его расчетам, они должны были сложиться в результате сочетания высокой приливной волны и рассвета). На следующий день он написал Люси: «До сих пор нет никаких признаков того, что наступление вот-вот начнется».

Гитлер находился не в лучшем положении. Он уверил себя в том, что никакого вторжения вообще не будет. 6 апреля фюрер заявил: «Я не могу избавиться от ощущения, что все это какое-то бесстыдное надувательство». И все же, рассуждая более трезво, он жаловался: «У нас нет реальных возможностей выяснить, что они задумали».

«Мы не можем допустить провала операции», — говорил Эйзенхауэр. Это стало

принципом подготовки вторжения экспедиционных сил. Никакого планирования действий на случай другого развития ситуации не велось. Обычно в ходе Второй мировой войны армии, наступающие по широкому фронту, имели свободу маневра. Если первая атака не обеспечивала прорыв, то следовавшие за передовыми частями подразделения могли быть переброшены на фланга или отведены назад, чтобы повторить нападение в другое время и в другом месте. Операция «Оверлорд» преследовала лишь одну цель — «или все, или ничего». Гитлер и Роммель совершенно справедливо считали, что если вермахту удастся сбросить экспедиционные силы обратно в море, то они уже не смогут предпринять новое наступление в 1944 г.

Люди, которые планировали «Оверлорд», работали на износ. «Если описать, что я делал на прошлой неделе, — сообщал Эйзенхауэр Мейми в конце января, — то ты получишь отличное представление о том, что происходит с блохой, когда она попадает на раскаленную сковородку». В конце мая он писал: «Похоже, что я постоянно нахожусь на оголенных высоковольтных проводах».

5. Наращивание сил

Во время Первой мировой войны атакующей стороне всегда приходилось учитывать возможность контрнаступления практически в любом месте от Швейцарии до Ла-Манша. На протяжении всего этого пространства надо было держать достаточные силы для отражения нападения. В таком же положении оказались немцы в Западной Европе во Второй мировой войне. Союзники располагали здесь значительными преимуществами. У вермахта не имелось никаких шансов вторгнуться в Соединенное Королевство. Поэтому командование экспедиционными силами могло свободно заниматься сосредоточением всех необходимых ресурсов.

До 1918 г., когда появились первые бомбардировочные эскадрильи, не существовало других средств, кроме диверсионных действий, для нарушения тыловых позиций противника, линий коммуникаций и снабжения, сковывания войск, выдвигавшихся к линии фронта. Союзники хорошо овладели методами диверсий и провокаций. Но в их распоряжении находились еще три силы, способные нанести существенный урон немецким резервам и подкреплениям и превратить низовья Нормандии в нечто вроде «стратегического острова». Этими силами были воздушно-десантные дивизии, французское Соппротивление и стратегическая авиация.

Первоначально планировалось использовать 6-ю британскую воздушно-десантную дивизию для захвата Кана и аэродрома Карлике. Но такой вариант не устраивал Монтгомери, который намеревался сбросить ее в районе между реками Див и Орн, чтобы изолировать побережье «Меч»^[14]. Брэдли же предлагал высадить 82-ю и 101-ю американские воздушно-десантные дивизии за передовые линии противника на Котантене, чтобы они предотвратили возможные контратаки на побережье «Юта» и обеспечили беспрепятственный выход 4-й пехотной дивизии на берег.

Когда генерал Маршалл ознакомился с представленными ему планами, он помрачнел. В начале войны Маршалл возлагал большие надежды на парашютные войска как на новое слово в боевых действиях. Однако его идеи так и не были реализованы. В сентябре 1943 г., например, разработанный им план сброса 82-й воздушно-десантной дивизии на Рим в последний момент отменили, посчитав его слишком рискованным, и дивизию использовали в качестве придатка к создававшемуся наступательному плацдарму в Салерно.

В начале 1944 г. Маршалл сказал Эйзенхауэру, что его больше всего разочаровывает неумение применить парашютные войска в стратегических целях. Он считал, что командование экспедиционными силами должно больше внимания уделять элитным воздушно-десантным дивизиям. По его мнению, проблема заключается в «недостатке концептуального подхода», в том, что каждый командующий стремится «завладеть своей долей власти и подчеркнуть особую роль собственного подразделения». Если бы ему довелось возглавить «Оверлорд», то, как говорил Маршалл, он бы настоял на проведении единой, крупномасштабной воздушно-десантной операции, «даже силами только лишь американских войск».

Маршалл предложил Эйзенхауэру воспользоваться аэродромами, расположенными к югу от Эвре, в глубине материка, примерно в 100 км от Кана. Там располагались четыре взлетно-посадочные полосы, которые можно было легко захватить и удерживать легковооруженными воздушно-десантными частями.

«Мне это представляется заманчивым, — сообщал Маршалл, — поскольку полное овладение воздушной вертикалью создает для немцев стратегическую угрозу, которая заставит их пересмотреть все планы обороны». Подобного рода атака подвергла бы непосредственной опасности все мосты через Сену, а также Париж, и послужила бы сигналом для начала действий

французского Сопротивления. Маршалла смущала только мысль о том, что «ничего такого ранее не происходило».

Эйзенхауэр не любил вступать в разногласия с Маршаллом и почти никогда себе этого не позволял. Поэтому его ответ был длинным и сдержанным. Он сказал, что давно думает над тем, как опередить противника в оперативном плане. Стратегическое применение воздушно-десантных войск, безусловно, дает такую возможность. Однако в данном случае Маршалл не прав.

Во-первых, воздушные десантники необходимы на фланге побережья «Меч» и за немецкими оборонительными линиями на «Юте», чтобы обеспечить высадку пехоты. Во-вторых, и это самое важное, воздушно-десантные войска в глубине материка, лишённые мобильности и поддержки, не смогут долго продержаться и будут уничтожены. Немцы не раз доказали, что они не боятся «стратегической угрозы окружения». Вермахт, используя разветвленную сеть дорог в Западной Европе, в состоянии сосредоточить достаточную огневую мощь против изолированного гарнизона и ликвидировать его. Пример тому — Анцио. Десантная группа, оказавшаяся в тылу противника, отрезанная от снабжения, неадекватно вооружённая, без танков, грузовиков и орудий будет неминуемо разбита.

Эйзенхауэр сказал Маршаллу, что заброска воздушно-десантных войск к Эвре не представит для немцев стратегической угрозы, а лишь станет напрасной тратой сил.

— Я бы не хотел выглядеть консерватором или излишне осторожным человеком, — заключил Эйзенхауэр.

Он настоял на том, чтобы 6-я, 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии были использованы, как того и добивались Монтгомери и Брэдли, чтобы не дать немцам подтянуть подкрепления к побережьям, на которых предстояла высадка экспедиционных сил.

Когда Эйзенхауэр принял командование, люфтваффе находилась в Германии, что позволяло союзникам контролировать воздушное пространство Франции. Великобритания и США пытались в кратчайшие сроки создать эскадрильи истребителей, средних и тяжёлых бомбардировщиков. Нехватка десантных судов отчасти объяснялась тем, что сталь, двигатели — все шло на строительство самолетов. В авиацию в первую очередь направлялись и военнослужащие, что сказывалось на пополнении армий, особенно младшими офицерами и сержантами. Авиационные армады обеспечили союзникам превосходство в воздухе и дали им в руки оружие, не имеющее аналогов в военной истории. Вопрос теперь был в том, как им воспользоваться.

Никто не спорил по поводу того, как применить авиацию в день «Д». Все бомбардировщики, способные летать, должны были участвовать в нападении на побережье Нормандии. Однако существовали разногласия относительно их роли до вторжения.

Генерал Карл Спаатс (8-я американская военно-воздушная армия) и главный маршал авиации сэр Артур Харрис, командующий бомбардировочной авиацией Королевских военно-воздушных сил (ВВС Великобритании), придерживались теории, что войну могут выиграть одни бомбардировщики. В сентябре 1943 г. генерал Дж. Ф. М. Уайтли, британец, служивший у Эйзенхауэра заместителем начальника штаба на Средиземноморье, участвовал в совещании Объединенного комитета начальников штабов, которое проводили в Квебеке Черчилль и Рузвельт. Уайтли сообщал, что на заседании возникла оживленная дискуссия вокруг «Оверлорда». У него сложилось впечатление, что и в Королевских военно-воздушных силах, и в Американской военно-воздушной армии, которой командовал генерал Генри «Хэп» Арнольд, имелись влиятельные группы, настроенные против операции «Оверлорд». Они вроде бы «желали ей всяческого успеха, но выражали сожаление в связи с тем, что не могут оказать

реального содействия, поскольку уже в достаточной мере вовлечены в войну против Германии».

Спаатс и Харрис считали, что чем дальше бомбардировщики пробьются за линию фронта (то есть непосредственно в Германию), нанося удары по стратегическим объектам, тем лучше. Эйзенхауэр и штаб экспедиционных сил исходили из того, что чем ближе к передовой действуют бомбардировщики, атакуя тактические цели (то есть в самой Франции), тем больше они способствуют успеху операции «Оверлорд».

В целом оба командующих не видели особой необходимости в «Оверлорд». Харрис верил в то, что Королевские военно-воздушные силы заставят Германию капитулировать с помощью массированных бомбардировок немецких городов. Спаатс рассчитывал на нанесение точечных ударов по ключевым объектам германской индустрии, прежде всего по предприятиям нефтяной и нефтехимической промышленности.

Армейские командующие, в первую очередь Эйзенхауэр, были убеждены в том, что полное поражение Германии можно нанести только в наземных сражениях. Поэтому они придавали исключительное значение операции «Оверлорд» и считали, что ее успех во многом определяется воздушным превосходством союзников.

Как это часто случается среди военных, разногласия касались не только стратегии и целей наступления, но и организации командной структуры. И здесь возникла немалая путаница. Хотя Эйзенхауэр считался Верховным главнокомандующим, в действительности ему подчинялись только части, выделенные Объединенным комитетом начальников штабов, и в их число не входили ни 8-я военно-воздушная армия, ни Королевская бомбардировочная авиация. В распоряжении экспедиционных сил имелись лишь тактические британские и американские военно-воздушные подразделения под командованием вице-маршала авиации сэра Трэффорда Ли-Маллори. Он до последнего времени имел дело с истребителями, отличался осмотрительностью и довольно пессимистическим настроением. Харрис и Спаатс ему не доверяли, даже недолгоблюдали и не хотели иметь никаких дел ни с ним, ни с командованием экспедиционными силами.

В январе Эйзенхауэр напрямик поговорил с Маршаллом и Арнольдом о распределении полномочий. Он потребовал, чтобы и Харрис, и Спаатс в течение нескольких недель перед началом вторжения подчинялись Верховному командованию Союзническими экспедиционными силами. К своему удивлению, Эйзенхауэр услышал от Арнольда такие слова:

— В предстоящих действиях бомбардировочные соединения должны руководствоваться только вашими распоряжениями.

Эйзенхауэр намеревался использовать бомбардировщики, чтобы парализовать железные дороги Франции. Он полагал, что это серьезно помешает передвижению немецких подкреплений к Нормандии. Операция под кодовым названием «Транспорт» не могла быть осуществлена за два-три дня до «Оверлорда». Командующие стратегическими военно-воздушными силами предложили незадолго до дня «Д» разрушить основные мосты, железнодорожные узлы и пути. Намечались интенсивные бомбардировки железнодорожных депо, сортировочных станций, мастерских, диспетчерских, запасных путей, тупиков, подвижного состава.

Историк Форрест Поуг, официальный исследователь деятельности Верховного командования Союзническими экспедиционными силами, пишет: «Эйзенхауэр, Теддер и Ли-Мэллори столкнулись с сильнейшей оппозицией (как в стратегическом, так и в политическом плане) со стороны командующих бомбардировочными силами, штаба 21-й группы армий, премьер-министра и военного кабинета».

Возглавляли оппозицию Харрис и Спаатс. Харрис доказывал, что бомбардировщики в ночное время и на большом пространстве не смогут поразить мосты, депо, мастерские и другие

единичные железнодорожные объекты. Теддер, твердый сторонник операции «Транспорт», убедивший Эйзенхауэра в ее необходимости, даже обвинил Харриса в подтасовке данных с целью доказать свою позицию. Спаатс по-прежнему настаивал на том, что успешные удары по немецким нефтеперерабатывающим заводам обеспечат самую лучшую поддержку «Оверлорда» и в конечном счете парализуют Германию в большей мере, чем операция «Транспорт».

Эйзенхауэр отвечал, что у немцев достаточно запасов нефти и бензина в резервуарах, рассредоточенных по всей Франции. Только после того, как эти ресурсы иссякнут, то есть после дня «Д», прекращение нефтеперерабатывающего производства в Германии действительно повлияет на военные действия в Западной Европе. Спаатс отвергал этот аргумент, считая, что нарушение железнодорожных сообщений — лишь временная мера, тогда как уничтожение нефтепереработки в Германии окажет решающее влияние на исход дальнейших операций, в том числе и «Оверлорда». Короче говоря, Спаатс считал, что высадиться на побережье Нормандии и закрепиться там не составит большого труда. Эйзенхауэр придерживался другого мнения.

Операция «Нефть», как ее называли, давала возможность 8-й военно-воздушной армии сохранить независимость от командования экспедиционными силами, на чем Спаатс особенно настаивал из-за Ли-Маллори. Эйзенхауэра тревожила откровенная враждебность Спаатса по отношению к Ли-Маллори, и он пытался заверить его в том, что военно-воздушную кампанию будет лично контролировать Теддер. Более того, как пишет в своих дневниках Спаатс, «Эйзенхауэр хотел исподтишка навязать мне Ли-Маллори, говоря, что, как ему представляется... мы недооцениваем его интеллект. Я тогда сказал, что мое мнение относительно этого человека не изменилось и никогда не изменится».

Чувствуя, что ему не удастся разобраться с командующими военно-воздушными армиями, Эйзенхауэр обратился к Черчиллю. Он попытался убедить британского премьер-министра в том, что Теддер сможет стать своего рода «правой рукой» Эйзенхауэра в авиационных делах и таким образом можно будет обойти Ли-Маллори, особенно в вопросах применения бомбардировщиков. Но американец оказался не способен изменить позицию Черчилля по ключевой проблеме. Премьер-министр решил, что «не может быть и речи о передаче британской бомбардировочной авиации... в подчинение Верховного главнокомандующего или его заместителя». Сверх того, Черчилль распорядился, чтобы любые планы Верховного командования Союзническими экспедиционными силами утверждались Объединенным комитетом начальников штабов. Эйзенхауэр не согласился с тем, чтобы его действия контролировались ОКНШ, и категорически потребовал, чтобы под его командованием находились и британская бомбардировочная авиация, и американские стратегические силы. Эйзенхауэр был настроен столь решительно, что сказал Черчиллю: если он не будет распоряжаться бомбардировщиками, то ему останется только одно — «уехать домой».

Трудно себе представить, чтобы такое жесткое заявление сделал Роммель Гитлеру: либо я командую всеми танковыми войсками, либо «уезжаю домой». Позиция, занятая Эйзенхауэром, заставила британцев изменить свое мнение. Военный кабинет выпустил директиву, согласно которой Эйзенхауэр имел право «надзирать» за действиями бомбардировочной авиации. Маршалл предложил употребить другое слово — «командовать». Англичане отказались, что, естественно, возмутило Эйзенхауэра. 22 марта он написал в своем дневнике: «Если не будет принято удовлетворительное решение, я готов пойти на самые серьезные действия, вплоть до того, чтобы информировать Объединенный комитет начальников штабов об освобождении меня от поста командующего». В тот же день состоялось совещание высокопоставленных британских военачальников. После него Эйзенхауэр дописал в дневнике: «Мне сообщили, что для них приемлемо слово «направлять»... Аминь!»

Теддер подготовил список более 80 железнодорожных целей во Франции и Бельгии

(бомбардировки не могли ограничиться лишь низовьями Нормандии). 3 апреля документ рассматривался в военном министерстве. Британцы прежде запрещали наносить удары по оккупированным странам из-за возможных жертв среди гражданского населения. По этой причине они отвергли план «Транспорт». Черчилль писал Эйзенхауэру: «Выбор именно данных целей с военной точки зрения аргументирован. Тем не менее военный кабинет занял негативную и даже враждебную позицию в отношении ваших предложений». Министр иностранных дел Антони Иден был особенно непреклонен. Он заявил, что Великобритания и после войны намерена жить в Европе, которая уже сейчас смотрит в сторону Советского Союза в гораздо большей мере, чем «нам бы хотелось». Иден не желал, чтобы французы относились к британцам и американцам с ненавистью.

Эйзенхауэр ответил, что план «Транспорт» крайне необходим для успешного проведения «Оверлорда»: «Если мне не докажут ошибочность такого заключения, то я не вижу никаких причин для его провала». Он напомнил Черчиллю, что французский народ оказался в «положении рабов» и только выиграет от «Оверлорда». «Не следует забывать, — писал Эйзенхауэр, — что мы решили предпринять операцию «Оверлорд» не в последнюю очередь с учетом нашего преобладающего превосходства в воздухе, без чего такая операция была бы не только немыслимой, но и рискованной». По его мнению, отказ от плана «Транспорт» — «чистейшая глупость».

Черчилль изложил взгляды Эйзенхауэра перед военным кабинетом. Он говорил об огромной ответственности, которая лежит на генерале. Нужно проявлять такт, чтобы не доставлять ему новых хлопот. И все же Черчилль заметил, что он до сего времени не представлял себе, какой жестокой и безжалостной может быть мощь авиации. Он опасается, что план «Транспорт» «запятнает во всем мире доброе имя Королевских военно-воздушных сил».

Черчилль предложил провести по этому вопросу консультации с французами. Начальник штаба Эйзенхауэра — генерал Уолтер Б. Смит переговорил с генералом Пьером Жозефом Кенигом, представителем генерала Шарля де Голля, возглавлявшим Французский комитет национального освобождения в Алжире. «К моему удивлению, — сообщал Смит, — Кениг отнесся к плану с большим хладнокровием, чем мы». Он сказал следующее:

— Идет война. Естественно, что могут погибнуть люди. Мы готовы пойти на жертвы ради того, чтобы избавиться от Гитлера.

Черчилль был побежден, но не совсем. Он решил поднять проблему перед Рузвельтом, чтобы американцы взяли на себя долю ответственности за план «Транспорт». Премьер-министр поделился с президентом своей озабоченностью по поводу «уничтожения французов», выразил сомнение в том, что «нельзя найти другие способы для того, чтобы получить такие же военные результаты». Рузвельт ответил, что приоритетом должны стать военные задачи. План «Транспорт» был принят.

Ко дню «Д» союзники сбросили на французские железнодорожные объекты 76 000 т бомб (76 килотонн, что в семь раз превышало мощность атомной бомбы, использованной против Хиросимы). Были разрушены практически все мосты через Сену западнее Парижа. Если принять уровень железнодорожного движения во Франции в январе — феврале 1944 г. за 100 процентов, то он снизился с 69 процентов в середине мая до 38 процентов накануне дня «Д».

Но это было сделано не только бомбардировщиками. Большую роль сыграло французское Сопротивление. Бомбежки вызвали определенное негодование среди населения. Однако жертв оказалось меньше, чем предсказывали пессимисты из военного кабинета.

3 июня «Еженедельный обзор разведки», № 11 подвел первые итоги. В нем говорилось: «... контролируемая противником железнодорожная система на Западе подверглась и продолжает подвергаться ударам с воздуха, беспрецедентным как по интенсивности, так и по

продолжительности». Авиация уничтожила или вывела из строя около 1700 локомотивов и 25 000 вагонов. Это звучало впечатляюще, но составляло лишь 13 и 8 процентов соответственно от численности подвижного состава до бомбардировок. Более того, немцы смогли восполнить потери, забрав локомотивы и вагоны из гражданского сектора. Как указывается в обзоре, в основном пострадали простые французы. Вследствие изъятия немцами подвижного состава на свои нужды гражданское железнодорожное сообщение резко сократилось, что тяжело сказалось на уже слабой французской экономике. Отсюда вывод — «потери, понесенные немцами, недостаточны, чтобы лишить противника возможности подвозить материалы, технику, подкрепления, хотя его мобильность стала менее эффективной».

Помимо подвижного состава, операция «Транспорт» предусматривала нанесение ударов по мостам, депо, узлам. Около 58 000 т бомб было сброшено на 90 целей. Это причинило серьезный ущерб, но немцы хорошо владели искусством восстановительных работ. Во многих случаях разрушения расчищались, а линии возобновляли движение в течение 24, самое позднее 48 часов. Больше вдохновляли сообщения о том, что бомбардировщики разбили восемь из девяти железнодорожных мостов через Сену от Парижа до морского побережья. Подверглись полному или частичному разрушению семь из девяти шоссе мостов, на которые были сброшены бомбы.

Накануне дня «Д» разведка сделала неутешительное заключение: «...результаты операции по нарушению передвижения немецких войск оставляют желать лучшего».

Эта оценка подвергла сомнению правильность плана «Транспорт». Командующие бомбардировочными соединениями никогда не верили в его целесообразность и эффективность. После войны историки американских военно-воздушных сил писали: «Еще долго после дня «Д» многие задавались закономерным вопросом: оправдана ли была операция «Транспорт» ввиду ущерба, нанесенного городам Франции и Бельгии».

Но те, кто знал о результатах операции, то есть немецкие генералы, считали, что «воздушные удары разрушили их планы контрнаступлений».

Наибольший урон немецким позициям нанес самолет «Б-26» («Мародер»), разработанный компанией «Гленн Л. Мартин». Этот средний бомбардировщик мог летать на низких высотах и обладал большой точностью попадания. Именно он в основном применялся в налетах на железнодорожные мосты и депо. После войны начальник штаба Роммеля Ганс Шпейдель говорил: «Разрушение рельсовых путей сделало невозможным регулярное снабжение войск уже в середине мая 1944 г... Нехватка топлива парализовала всякое движение. Мосты через Сену севернее Парижа и через Луару севернее Орлеана были уничтожены с воздуха еще до 6 июня 1944 г.». (Заявление Шпейделя воспроизведено на мемориале «Б-26» в Музее американских военно-воздушных сил в Дейтоне, штат Огайо.)

В интервью в 1946 г. генерал Йодль сказал, что «строительство береговых оборонительных укреплений не было завершено и не могло быть завершено, поскольку стало невозможно доставлять необходимые материалы, в том числе песок и цемент». Историк Гордон Харрисон сделал вывод, что накануне дня «Д» транспортная система Франции оказалась на грани коллапса и это стало «решающим фактором в сражении в Нормандии».

Но не только бомбардировщики участвовали в разрушении транспортной системы. Свою долю внесло французское Сопротивление, и его действия, вероятно, были даже более результативными, если их соотнести с эффективностью воздушных ударов.

Сопротивление возникло в тяжелые дни 1940 г. и превратилось в мощную силу в начале 1944 г. Подобно другим подпольным движениям, оно отличалось запутанностью и раздробленностью, разделялось как по регионам, так и по политическим группам. Его признанным лидером стал Шарль де Голль, но он находился в Алжире и мог осуществлять

оттуда лишь общее, хотя и строжайшее руководство. Связь обеспечивалась Отделом специальных операций (ОСО), который британцы создали в 1940 г. (первые агенты парашютировались во Францию весной 1941 г.), и американским Управлением стратегических служб (УСС), организованным по образцу ОСО. УСС начало действовать в 1943 г.

У Сопротивления имелось много слабых мест. В его ряды всегда могли проникнуть немецкие лазутчики. Отряды были плохо вооружены, а зачастую вообще не вооружены. В распределении командных полномочий ощущалась полная неясность. Практически не существовало надежной связи как в самих отрядах, так и между ними. Сопротивление не пользовалось доверием со стороны большинства населения. Французы не хотели, чтобы у них возникали проблемы с немцами, и старались не провоцировать оккупантов.

Но в активе французского Сопротивления имелись такие ценные качества, как отвага его бойцов, готовность пожертвовать собой ради освобождения и неистовый патриотизм. Большинство их действовало в тылу противника. Они могли раздобыть самую достоверную информацию («я видел это собственными глазами»), подрывать рельсовые пути и т. д. Сопротивление, по сути, представляло собой подпольную армию, которая могла помешать продвижению немецких войск к местам предстоящих боев.

Сопротивление, пожалуй, являлось самым лучшим источником информации об «Атлантическом вале», поскольку его строили в основном французы. Месье Клеман Мари из Порт-ан-Бессена в Кальвадосе в июне 1942 г. оказался в числе тех, кто воздвигал мощную крепость в Пуант-дю-О (чуть западнее того участка побережья, которое получило название «Омаха»). Они работали без какой-либо строительной техники, все приходилось делать вручную, при помощи лопат, тачек; иногда использовали лошадей. Фортификации уходили в землю на глубину 7 м. Все траншеи, тоннели, переходы находились под толстым слоем грунта. Бункеры, которые располагались сверху, также накрыли грунтом и дерном. Мари занимался обустройством бункеров, укладывая дерн так, чтобы создавалась как бы естественная поверхность.

Месье Мари пришлось работать и в Пуант-де-ла-Персе (западная оконечность «Омахи») на строительстве радаров для немецкого флота. Он вспоминает, как в начале 1944 г. всем вдруг объявили, что с инспекцией собирается приехать Роммель. Немцы приказали, чтобы французы сняли свои кепи, когда появится фельдмаршал. «Слухи об этом быстро распространились по всей стройке, — говорит Мари. — И когда Роммель прибыл в Порт-ан-Бессен, там не было ни одного француза в кепи, кепке или шляпе или в каком-нибудь другом головном уборе».

Конечно, Роммель не обратил внимания на такой способ демонстрации неповиновения. Но ему требовались все новые и новые рабочие для того, чтобы восполнить отсутствие техники. (Во многом «Атлантический вал» строился по методу сооружения Великой китайской стены, то есть вручную; единственное различие состояло в том, что немцы использовали железобетон.) «Завезите крестьян на сооружение укреплений, — приказал Роммель командиру дивизии возле Гавра. — Хорошо и вовремя им платите. Убеждайте в том, что противник не осмелится наступать там, где больше всего препятствий. А фермеры лишь будут рады пополнять свои кошельки».

Конечно, немцы мало платили французам. Они установили крайне невыгодный курс марки по отношению к франку. Кроме того, французские строительные рабочие просто недоедали. Между собой они часто выражали недовольство, и многие из них с готовностью давали информацию активистам Сопротивления.

ОСО установил разнообразные пути доставки разведывательной информации в Лондон, включая почтовых голубей, сбрасываемых с самолетов. Андре Ружирон был членом

Соппротивления в Нормандии. В своих мемуарах он так описывает это поразительное содружество древнейшего средства связи и самой современной технологии коммуникаций: «Ко мне зашел Эрнест Гедон. Он выглядел очень радостным, сообщил, что на своем пастбище нашел почтового голубя, который спустился на парашюте. Потом обнаружили еще несколько голубей». Этот метод британская разведка отработала в совершенстве. Птиц по ночам сбрасывали в клетке, прикрепленной к небольшому парашюту. Утром французы находили их на своих пастбищах или в садах. Все было продумано до мелочей. Каждая птица имела при себе пакетик с кормом, пергаментный конверт с инструкциями и две литые трубки для сообщений.

Трубки присоединялись к кольцам на лапках голубей. В конвертах обычно находились особо тонкая бумага, карандаш, разъяснения, как кормить и вернуть птиц, а также вопросы об оккупационных войсках, их передвижении, моральном состоянии, не говоря уже о строительстве оборонительных укреплений.

Ружирон возглавлял группу спасателей, которая сохранила жизнь многим американским пилотам, чьи самолеты были сбиты над Францией. Он посылал голубей с сообщениями о том, что летчики живы, правда, не называя их званий, а указывая только фамилии. «Я это делал лишь из опасения, что голубей могут подстрелить во время их перелета в Англию», — объясняет француз.

Немцы поставили на холме чуть западнее Порт-ан-Бессена батарею из четырех орудий: мощные укрепления, мощные гаубицы — 155 мм. За маскировочными сетками, под насыпями — с воздуха их было не видно.

Фермер, на земле которого все это сооружалось, возмущился, так как он не мог больше пасти скот и выращивать хлеб. Он шагами измерил расстояние между бункерами, между бункерами и наблюдательным постом на вершине холма... У него был слепой сын восьми или девяти лет. Как и другие невидящие, мальчик обладал феноменальной памятью, и в то же время немцы из-за его слепоты не обращали на него никакого внимания.

Однажды в начале 1944 г. мальчишка заскочил на грузовик, едущий в Байе. Там он встретился с Андре Хайнцем, восемнадцатилетним участником Соппротивления, и сообщил о том, что видел его отец. Хайнц передал информацию в Англию с помощью примитивного доморощенного радиоустройства (спрятанного в банке из-под супа «Кэмпбелл»; теперь экспонируется на стенде в Музее битвы в Нормандии в Кане). Не случайно у британских моряков в день «Д» имелись точные координаты немецких бункеров.

В небольшой деревушке Бенувиль на берегу Канского канала, прямо у моста через него, стояло кафе, которое принадлежало Терезе Гондре. Немцы, которые покупали здесь вино и ели, не знали, что она понимает их разговоры. Француженка передавала то, что слышала в кафе, мадам ВиЙон, которая заведовала родильным домом (и одновременно возглавляла местное отделение Соппротивления). Затем полученные сведения уходили к представителям Соппротивления в Кане, от них — к агентам ОСО, которые переправляли информацию в Англию по радио или самолетами. Таким образом, майор Джон Говард из отряда «Оке энд бакс» («Бык и олени») 6-й воздушно-десантной дивизии, готовивший свою роту к нападению на мост в день «Д», знал достаточно много об этом объекте, даже местоположение кнопки, нажатием которой немцы могли взорвать мост, чтобы не допустить его захвата противником.

* * *

В задачи 506-го парашютно-пехотного полка 101-й воздушно-десантной дивизии в день «Д» входило захватить деревню Сен-Мари-дю-Мон. Благодаря информации Соппротивления лейтенант Ричард Уинтерс (рота «Е» 506-го полка), помимо всего прочего, располагал сведениями о том, что командир местного немецкого воинского формирования встречался с учительницей деревенской школы и выходил выгуливать свою собаку каждый день в одно и то

же время — ровно в 17.00.

Месье Гийом Меркадер в Байе владел магазином велосипедов. До войны он был профессиональным гонщиком. МерхЧадер рассказывает: «Я возобновил лицензию и под предлогом обучения езде на велосипеде мог без проблем передвигаться по нашему району». Он собирал информацию о строительстве оборонительных укреплений, инфраструктуре, вооружениях, расположении войск, препятствиях на побережье. «Моим непосредственным координатором, — говорит Меркадер, — был мсье Меслен (он же Морвен), командир подгруппы Соппротивления. Каждую неделю мы встречались у дома № 259 на улице Сен-Жан в Кане, и я передавал ему данные, которые запрашивались».

Благодаря информации, добытой французским Соппротивлением, «Ультрой», воздушной разведкой, Союзнические экспедиционные силы располагали самыми полными и точными сведениями о дислокации и численности войск противника, пожалуй, впервые за всю историю войн.

Отряды Соппротивления проводили также диверсионные операции. В 1941–1943 гг. это были главным образом спорадические, не скоординированные подрывы предприятий военной промышленности, каналов, железных дорог, телефонных и телеграфных сетей. Они тогда не особенно беспокоили немцев. Но с начала 1944 г., когда ОСО перешел в подчинение Верховному командованию Союзническими экспедиционными силами, диверсии на железнодорожных путях стали частью плана «Транспорт» и приобрели крупномасштабный и системный характер. Действия участника Соппротивления, знавшего, Куда подложить динамит, чтобы взорвать мост, оказывались более эффективными, чем сбрасывание 225-килограммовой бомбы самолетом «Б-17» с высоты 4500 м. Подрывник также мог рассчитать время взрыва так, чтобы на мост выходил железнодорожный состав или по крайней мере локомотив. За первые три месяца 1944 г. Соппротивление уничтожило 808 локомотивов, тогда как с воздуха было разбито лишь 387. После того как начал реализовываться план «Транспорт», статистика стала иной: в апреле и мае бомбардировщики вывели из строя 1437 локомотивов, а Соппротивление — только 292.

В принципе британцы рассчитывали на значительную помощь со стороны французского Соппротивления. Комитет, состоявший из представителей ОСО и армии, рассмотрел возможность национального восстания и сделал вывод: «Соппротивление внесло бы серьезный стратегический вклад в операцию «Оверлорд», если бы организовало всеобщую забастовку или восстание в национальном масштабе». Но победили сторонники более реалистичных мер. Один французский офицер сказал:

— Массовое восстание предполагает наличие массового мужества, однако мужество, как правило, проявляют лишь немногие. Кроме того, массовое восстание означало бы сражение против танков с помощью камней, как во времена Цезаря.

Верховное командование экспедиционными силами придерживалось более реалистического подхода. Оно хотело, чтобы Соппротивление ко дню «Д» подготовило взрывы на главных магистралях, ведущих к месту вторжения. Эта операция получила название «Вер» («Зелень»). К маю ОСО мог доложить командованию союзническими войсками, что к подрыву готов 571 железнодорожный объект. «Вер» дополнялся планом «Тортю» («Черепаша»), предусматривавшим блокирование партизанами передвижения войск противника по автодорогам: партизаны, вооруженные автоматами «Стен» и ручными пулеметами «Брен», должны были совершать нападения на немецкие колонны и отвлекать их на себя.

Поскольку немцы постоянно отлавливали членов Соппротивления и подвергали их пыткам, Соппротивление не могло быть заранее поставлено в известность о дне «Д». Планы диверсий передавались с помощью шифров по радио Би-би-си. Лидеры движения знали, что им нужно

слушать передачи Би-би-си 1,2, 15 и 16-го числа каждого месяца. Перед вторжением они должны были получить специальное закодированное сообщение. Тогда им следовало находиться в постоянной готовности в ожидании подтверждения «Б», за которым в течение 48 часов должна последовать шифровка, дающая отрядам команду начинать действовать. Для каждого района имелись свои шифры.

Кодовое сообщение, предназначенное меся Меркадеру и его отряду в Байе, состояло из следующих фраз: «В Суэце жарко», «Костяшки на ковре». Он хорошо помнит тот день, когда услышал эти слова по Би-би-си: «Я находился в подвале, как обычно, у радиоприемника. В 6.30 вечера сначала прозвучало: «В Суэце жарко. В Суэце жарко». Дважды. Потом наступило молчание. А потом: «Костяшки на ковре. Костяшки на ковре». Тоже дважды. Сначала меня будто оглушило. Я ощутил невероятную нервную дрожь. Но достаточно быстро пришел в себя, выключил радио и помчался наверх, перепрыгивая через четыре ступеньки, и рассказал жене о том, что только что услышал. Вскочил на велосипед и поехал в штаб отряда, чтобы сообщить о начале операции. Предстояла очень долгая ночь».

Командование экспедиционными силами ограничило проведение диверсионных операций в день «Д» районом нижней Нормандии. Представлялось важным выяснить действенность запланированных акций по разрушению мостов. В остальных регионах должна была сохраняться спокойная обстановка. Особенно это касалось юга Франции, где в середине августа намечалась очередная высадка союзников. Считалось также, что если отряды Сопротивления выступят по всей территории страны, то они обнаружат себя и будут схвачены немцами. Хотя существовало мнение, что во время вторжения следует создать хаос в тылу противника. В любом случае командование союзническими войсками понимало, что бойцы Сопротивления вряд ли усидят дома, когда появятся сообщения о дне «Д».

Англичанин Антони Брукс вырос в Швейцарии, а когда началась война, учился во Франции. В 1944 г. ему исполнился 21 год. В это время он был агентом ОСО и жил неподалеку от Тулузы. Бруксу на парашютах сбрасывали взрывчатку, которую он раздавал другим участникам Сопротивления. Ее прятали в выгребных ямах, даже в локомотивах, если их машинисты принадлежали к Сопротивлению. («Мы часто хранили взрывчатку на электровозах, — вспоминает Брукс. — Кто отважится вскрыть ящик, на котором написано — 16 000 вольт!») Динамит засовывали даже в сливные баки в туалетах — в один такой бак входило до 20 кг взрывчатки. Как и другие агенты ОСО, Брукс видел нетерпение подпольщиков, их стремление действовать. «Поэтому мы не запрещали им взрывать поезда, хотя у нас не было на этот счет никаких приказов, — рассказывает Брукс. — И каждый раз оказывалось, что спустили с рельсов не тот состав, и каждый раз в прессе появлялись гневные отповеди в наш адрес. Однажды подорвали поезд швейцарского Красного Креста. Он состоял из четырех огромных вагонов, набитых куриными яйцами. Люди проклинали нас, но охотно вылавливали из реки желтки».

В апреле 1944 г. в городок Монтобан у Тулузы вошла 2-я бронетанковая дивизия СС (Das Reich). Она переформировывалась после тяжелых боев на Восточном фронте и получила новейшие, самые большие и мощные танки «Тигры». Их прозвали «топливными обжорами» («Тигры» весили 63 т и поглощали один галлон бензина на полмили ^[15]). У этих машин имелись и технические проблемы. Танки передвигались на стальных гусеницах, которые быстро изнашивались на асфальте. Поэтому немцы старались перебрасывать «Тигры» при возможности по железнодорожным путям. Танки, сосредоточенные в Монтобане, охранялись. Платформы, на которых их везли, были укрыты в тупиках и завалены отслужившими свой срок французскими грузовиками. И они не охранялись.

Брукс дал свободу действий своим агентам. В их числе оказалась 16-летняя красавица

Тетти, «дочка местного босса, владельца крупнейшего в округе автомобильного гаража-мастерской». Ее прелестные локоны тревожили мать, которая все время требовала, чтобы девочка не очень гордилась своими кудрями. Весь май Тетти, ее друг и 14-летняя сестра, пользуясь темнотой, на велосипедах подбирались к платформам, выпускали из колес машинное масло и впрыскивали в оси абразивный порошок, который на парашютах был спущен ОСО. Брукс говорил Тетти и ее друзьям выбрасывать масло, но они отвечали, что глупо выкидывать «отличную вещь», которая стоит больших денег на черном рынке.

В день «Д» дивизия СС получила приказ выдвинуться в направлении Нормандии. Немцы погрузили свои «Тигры» на железнодорожные платформы. Но ни одна из них не могла тронуться с места. Оси колес оказались настолько поврежденными, что их было невозможно восстановить. Потребовалась целая неделя, чтобы найти другие платформы — в Перижо, на расстоянии 100 км, — тяжелое испытание для стальных гусениц и топливных баков. Бойцы Сопротивления досаждали дивизиям на всем пути от Монтобана до Перижо. В итоге «Тигры» прибыли в Нормандию с огромным опозданием. Роммель ожидал их в день «Д» плюс три или четыре дня, а они явились в день «Д» плюс 17. Кроме того, как пишет Брукс с немалой долей удовлетворения, «после 5 июня из Монтобана не было отправлено ни одного поезда, до тех пор пока над городом не появились флаги Французской республики и Великобритании». Трудно переоценить вклад парашютных войск, бомбардировочной авиации и бойцов Сопротивления в день «Д». Ясно одно: Эйзенхауэру никогда не приходилось думать о тыле, Роммелю — постоянно.

6. Планирование и подготовка

Генерал Эйзенхауэр говорил, что любое сражение — это прежде всего, подготовка планов совместных и согласованных действий. Командующий лично руководил разработкой величайшей и сложнейшей по масштабам операции, от которой зависел исход войны. Ею занимались штабные офицеры всех уровней: Верховной ставки, 21-й группы армий Монтгомери, британской 2-й и американской 1-й армий, корпусов, дивизий, батальонов и рот, военно-воздушных и военно-морских подразделений, береговой охраны. «Оверлорд» можно назвать наиболее спланированным и продуманным морским десантом в истории.

Когда Эйзенхауэр посетил штаб Брэдли, он сказал офицерам:

— Операция не предусматривает никаких альтернатив. Она нацелена только на победу. В нее мы вложим все наши ресурсы, и я уверен, что добьемся успеха.

В 1964 г. в интервью Уолтеру Кронкайту Эйзенхауэр повторил эти слова. Он говорил с нажимом, слегка хмурился, демонстрируя голос, осанку, убежденность и командный стиль 1944 г. Затем Эйзенхауэр немного расслабился, усмехнулся и сказал:

— Конечно, в войне не может быть уверенности во всем. Пока у тебя нет достаточно сил, чтобы выставить батальон против взвода.

В задачи штабистов и входило внести как можно больше определенности в предстоящую операцию. Для этого они должны были находиться в постоянном контакте с войсками, знать о результатах боевых учений и маневров, эффективности или неэффективности тех или иных действий. Вся информация сводилась вместе, дополнялась сведениями других служб, и вырабатывались согласованные предложения. Окончательные решения принимал Эйзенхауэр.

Имелись возражения против включения в планы вторжения Котантена («Юта»), поскольку там было много участков, затопленных водой. Начальник штаба генерал Смит предложил применить воздушно-десантные войска для захвата дамб, ведущих от берега на сушу. Командующие воздушно-десантными дивизиями воспротивились, но Эйзенхауэр поддержал Смита.

К концу января были подготовлены принципиальные решения Эйзенхауэра. 25 февраля штаб Брэдли завершил работу над своими планами, через месяц — британская 2-я армия. Процесс планирования переместился на уровень корпусов, дивизий, полков и батальонов.

Генерал Фредди де Гинган, начальник штаба Монтгомери, вспоминает, что «практически все, что передавалось по командной цепочке, вначале принималось в штыки». Если чего-то хотели корпуса, то против этого выступали дивизии. Если что-то предлагала армия и флот был согласен, то возражали военно-воздушные силы.

По данным де Гингана, именно штаб 21-й группы армий Монти (Монтгомери. — Примеч. пер.) предложил направить с первым эшелоном десанта плавающие танки «ДД» при поддержке морской артиллерии: «Мы рассчитывали на то, что танки деморализуют противника и, кроме того, помогут пехоте».

На высших уровнях принятия решений было велико искушение навязать свое мнение нижестоящим структурам. Генерал де Гинган объясняет: «Сначала мы все пытались найти общую формулу состава нападающих сил: количество орудий, танков, численность пехоты, в какой последовательности, где... и т. д. Но после первых учений стало ясно: такая формула — бессмыслица, и мы пришли к выводу, что каждая атакующая группа должна сама решать свои проблемы».

«Решение своих проблем» зависело от характера оборонительных укреплений, которые надо было преодолевать в отдельности каждому корпусу, дивизии, полку, батальону. Перед

ними стояли разные препятствия, обусловленные как контурами побережья, так и фортификациями Роммеля. Немецкий фельдмаршал не мог планировать, ему оставалось только ждать. Конечно, предвидение позволило бы сконцентрировать войска, однако для этого требовалось знать, где и когда произойдет вторжение. Подготовка к нападению, которое может начаться где угодно и когда угодно, означала распыление сил и средств.

Роммель создавал укрепления на любом побережье, которое казалось мало-мальски пригодным для морской высадки. Первая линия обороны немцев состояла из минных заграждений в Ла-Манше, не удовлетворявших Роммеля, но способных нанести серьезный урон союзническому флоту. Береговые сооружения отличались друг от друга только в силу особенностей ландшафта. Препятствия на пляжах между высшей и низшей отметками приливной волны были одинаковые и на «Омахе», «Юте», и на английском побережье.

Вначале устанавливались так называемые «бельгийские ворота», представлявшие собой железные рамы высотой 3 м. Они крепились в виде пояса, протянувшегося вдоль береговой линии на расстоянии 150 м от высшей границы прилива. К ним подвешивались тарелочные противотанковые мины (5,5 кгТНТ) и старые французские артиллерийские снаряды, привезенные с линии Мажино. Адмирал Рюге не верил в эффективность наземных мин и артиллерийских снарядов, поскольку они не были водонепроницаемыми, но морских мин, которые он предпочитал, не хватало.

Затем на расстоянии 100 м от высшей точки прилива в воду спускались связанные под углом тяжелые бревна, к которым также подвешивались противотанковые мины. И наконец, в 70 м от берега в море сооружался основной пояс препятствий, состоявший из противотанковых ежей (три или четыре двухметровых отрезка рельса, сваренные между собой), которые могли распороть днища десантных судов.

Роммель был полновластным хозяином во Франции. Он мог (и делал это) затопить поля, перекрыв дамбами реки, снимать с обжитых мест и эвакуировать население, разрушать дома, чтобы освободить пространство для своей артиллерии, рубить леса для строительства береговых укреплений.

Препятствия, воздвигнутые на побережье, заставляли союзников решать, что лучше: высаживаться на пике прилива, подвергая риску десантные суда, или на нарастающей волне, давая возможность немцам расстреливать первые штурмовые отряды, пытающиеся добраться до твердой поверхности (на «Омахе» это был галечный берег^{[161](#)}) или до песчаных дюн (как на «Юте»). Чтобы с большей результативностью использовать «зону обстрела», Роммель передвинул ближе к побережью стационарные дивизии^{[171](#)} (в большинстве состоявшие из «восточных батальонов», на 50 процентов — поляков и русских).

Каждый выход или выезд, например с побережья «Омаха», находился под огнем противника. Окопы стрелков и пулеметчиков располагались у подножия, посередине и на вершине скалы. По ее склонам и на плато рассредоточились сотни «тобруков»: округленных бетонированных дотов, в которых могли разместиться пулеметчик, минометный расчет или даже башня танка. «Тобруки» соединялись подземными тоннелями. Повсюду немцы возвели из железобетона стационарные фортификации, из которых просматривался каждый участок побережья. Все огневые позиции были хорошо пристреляны.

Кроме того, продольный обстрел «Омахи» обеспечивали мощные артиллерийские орудия, 88-мм и даже 105-мм, скрытые в 12 особо усиленных казематах. Их амбразуры выходили только на побережье. Казематы дополнялись защитными стенами со стороны моря, чтобы не дать союзническому флоту возможности засечь орудийные залпы.

На вершине скалы немцы соорудили восемь бетонированных казематов и четыре полевые позиции для 75-мм и 88-мм орудий, державших под обстрелом каждый метр пляжей. Пушки

прибыли со всех концов нацистской империи, включая тяжелые орудия из России, 105-мм — из Чехословакии, 75-мм — из Франции.

Казематы могли выдержать любой снаряд союзнической морской артиллерии. Для защиты от реальной угрозы — нападения пехоты с гранатами и огнеметами — немцы окружили их минными полями и проволочными заграждениями.

Итак, американскому солдату, прежде чем добраться до первого укрытия в виде галечной насыпи на «Омахе», надо было сначала проскочить через мины в Ла-Манше на ДКТ, затем на десантном боте Хиггинса выброситься на берег под огнем немецких батарей и проползти 150 м напичканного препятствиями пляжа под перекрестными пулями и минометными разрывами. Но и здесь его ждали пулеметные очереди, оружейные выстрелы, взрывы артиллерийских и минометных снарядов.

Если бы все-таки «джи-ай» избежал смерти во время высадки и каким-то чудом оказался в укрытии, то Роммель хотел, чтобы солдат был ранен или по крайней мере парализован от страха.

Чтобы не дать «джи-ай» оторваться от моря, Роммель везде, где только можно, набросал мин. Между галечной насыпью и скалой протянулась болотистая заводь. Роммель распорядился, чтобы ее огородили колючей проволокой, но все же, как обычно, больше полагался на мины. Их на неравномерном расстоянии установили по всей заводи, причем самых разных видов. Некоторые представляли собой простые заряды ТНТ, накрытые камнем. Они взрывались, когда кто-нибудь задевал ногой за провод. Очень опасными были выпрыгивающие мины, которые взрывались на уровне пояса. Имелись и другие подобные устройства. В общей сложности Роммель успел поставить 6,5 млн мин, но этого ему казалось мало (он хотел довести их количество до 11 млн). Помимо минных полей, немцы у выездов нарыли противотанковые рвы глубиной до 2 м, понастроили бетонированные баррикады для преграждения пути и танкам, и грузовикам.

Вдобавок в районе Пуант-дю-О была установлена батарея из шести гаубиц калибром 155 мм, которые могли поражать морские цели у побережья «Омахи» и «Юты». Такие же орудия водрузили у Сен-Маркоф (прямо над «Ютой») и Лонге-сюр-Мер («Золото»).

За плато над «Омахой» немцы не создали никаких стационарных укреплений. Главным образом это говорит о неспособности Роммеля соорудить настоящий «Атлантический вал» с достаточной глубиной обороны: сказалась нехватка ресурсов. Но отчасти повлиял и его подход к сражению на побережье: «Или все, или ничего». Любой американский солдат, участвовавший в боях в Нормандии, подтвердит: в этих местах, где повсюду видишь деревни, построенные из камня, живые изгороди, фермерские дома, амбары, не нужны стационарные фортификации; оборонные действия можно вести с применением обычных вооружений середины XX в.

Заграждения густо стояли на пляжах «Золото», «Юнона» и «Меч», хотя там песчаные дюны были не столь велики, как на «Юте». Кроме того, вместо скал за набережной виднелись дачные поселки. Часть домов немцы снесли, чтобы освободить пространство для артиллерийского огня, часть — превратили в укрепления. Повсюду в землю врылись казематы. Но и здесь чувствовалось, что глубоко эшелонированная оборона не планировалась.

«Юта», как и другие участки побережья, была плотно защищена препятствиями. За небольшой береговой стенкой (в полметра) возвышались песчаные дюны. Поэтому немцы здесь не рыли окопы, а углубили в дюны «тобруки», поставили танковые башни и пробили подземные траншеи. Кроме того, они соорудили казематы для тяжелой артиллерии, натянули вокруг тысячи километров колючей проволоки и накидали мины.

Настоящую крепость представлял собой блокгауз в Ла-Мадлен на «Юте», построенный из каменных глыб и железобетона. В нем разместились 88-мм пушка, два 55-мм противотанковых

орудия, две 75-мм пушки, 16-дюймовая гаубица, пять гранатометов, два огнемета, три тяжелых пулемета (один из них в бронированной башне) и восемь «Голиафов» (миниатюрных радиоуправляемых танков размером не больше детской коляски, напичканных взрывчаткой).

За дюнами параллельно берегу пролегла шоссейная дорога. Перпендикулярно ему в глубь материка шли четыре, как называют их американцы, мостовые, или дамбы. Они пересекали топи, которые образовались в результате того, что немцы перекрыли местные реки. Далее Роммель в каждой деревне расположил войска и артиллерийские орудия, нацеленные на дамбы. Это были подразделения из 709-й и 716-й дивизий — грузинский батальон и 642-й «восточный» батальон. У них не имелось никаких транспортных средств.

Солдаты в основном занимались тем, что врывали стояком бревна на любой открытой площадке, на которую мог приземлиться планер. Союзники применяли планеры не очень успешно, но по крайней мере весьма интенсивно в Сицилии в июле 1943 г., и Роммель решил, что они вновь прибегнут к этому воздушному средству. Поэтому он придумал так называемую «спаржу Роммеля»: вкапывать в землю трехметровые бревна и навешивать на них снаряды, соединенные между собой проводами. Снаряды прибыли из Парижа только после дня «Д», но и столбов было достаточно для того, чтобы навредить деревянным планерам, летающим со скоростью менее чем 100 км в час.

Для обмана противника Роммель построил казематы лишь с макетами орудий. Адмирал Рюге вспоминает: «По ложным батареям союзники нанесли немало воздушных ударов, что помогло нам сохранить артиллерию». Американцы тоже широко использовали поддельные танки и другую тяжелую технику из надувной резины, но немцам такая «технология» была неизвестна.

Роммель больше полагался на железобетон и «спаржу». Генерал-полковник Георг фон Зоденштерн, командующий 19-й армией на юге Франции, считал, что Роммель «свихнулся» на железобетоне. Вот что он говорил о стационарных оборонительных укреплениях: «Никто в здравом уме не положит голову под молот кузнеца. Также и генерал не должен концентрировать войска в одном месте, где ожидается первый удар превосходящих сил противника».

На это Роммель отвечал: «Одно дело противостоять фанатичным ордам, которые не обращают особого внимания на потери и не владеют тонкостями тактики. Здесь же перед нами противник, умеющий с толком использовать свои технические и материальные ресурсы. Каждая его операция проходит так, как будто она была неоднократно отрепетирована».

Анализируя возможности американской армии, Роммель не ошибался. Но, по мнению генерала барона Лео Гейра фон Швеппенбурга, он был в корне не прав в том, как подготовиться к нападению. Швеппенбург командовал бронетанковой группой «Запад». Когда Роммель начал передислоцировать 2-ю дивизию к северу от Амьена, ближе к побережью, барон запротестовал. Роммель настоял на своем мнении и заставил передовую танковую группу окопаться прямо на берегу. Он ворчливо сказал адмиралу Рюге:

— Танковые дивизии пойдут вперед независимо от того, нравится это их командующим или нет.

Через какое-то время разозленный генерал Швеппенбург при поддержке главного танкового эксперта Гитлера генерала Хайнца Гудериана вновь попытался переубедить Роммеля. Но тот твердо заявил, что намерен «врыть в побережье каждый имеющийся в наличии танк». Гудериан оторопел. Он доказывал, что «вся сила танковых формирований заключается в их огневой мощи и мобильности». Генерал говорил Роммелю, что танки должны быть вне досягаемости корабельной артиллерии союзников. Уроки Сицилии и Салерно показали, что немецкие войска не могут отразить высадку противника, если они находятся под огнем его

флотских орудий. Гудериан знал, что десант менее всего уязвим на полпути к берегу, когда его прикрывают огнем с моря. Он предлагал Роммелю планировать контрнаступление в более благоприятных для вермахта условиях, то есть на суше, когда противник выдохнется и его силы рассредоточатся. Так, как это с успехом делали русские, что Гудериан мог подтвердить на собственном опыте.

Роммель не уступал.

— Если танковые дивизии останутся в тылу, — говорил он, — то им уже не удастся вырваться вперед. Как только начнется атака, противник ударами с воздуха подавит любое передвижение.

Гудериан доложил о сложившейся ситуации Гитлеру и рекомендовал все-таки держать ударные части в тылу и готовиться к решающему сражению на материке, что значило, по сути, отобрать у Роммеля командование бронетанковыми войсками. Гитлеру ничего не оставалось, как пойти на вынужденный компромисс. 7 мая он передал три танковые дивизии (2-ю, 21-ю и 116-ю) в распоряжение Роммеля. Другие четыре дивизии должны были оставаться в местах их дислокации. Альфред Йодль, глава вермахта, заверил Роммеля в том, что, хотя эти четыре дивизии и подчиняются верховному командованию, «они будут задействованы — правда, без вашего участия — как только мы выясним намерения противника и его основную цель нападения».

Суждение Йодля казалось разумным. Но оно не учитывало одно существенное обстоятельство: если следовать его логике, то в условиях боевой обстановки командующему танковой дивизией нужно было ждать указаний сразу от трех человек — Роммеля, Рундштедта и Гитлера. Йодль также не принимал во внимание возможность негативных результатов неверного выбора стратегии. Гитлер фактически не поддерживал ни Роммеля, ни Гудериана. Он вообще никому не доверял и только способствовал этим приближению неминуемого краха.

Роммель расположил вверенные ему танковые соединения как можно ближе к побережью. Любимая им еще с Африки (и хорошо побитая союзническими войсками) 21-я дивизия раскинула свой лагерь вокруг Кана. Ее переформировали, и на командные должности были поставлены прошедшие бои офицеры, такие как полковник Ганс фон Люк. Командующим дивизией стал генерал Эдгар Фехтингер, более известный как предводитель ежегодных военных парадов нацистской партии. У него, конечно, не было никакой фронтовой закалки и ни малейшего понятия о танках. По словам Люка, «Фехтингер воплощал в себе жизнерадостную личность, любящую все удовольствия, какие есть на свете, и Париж для него был естественным центром притяжения». К счастью, ему хватило ума передать реальное руководство дивизией своим замам.

Еще два танковых соединения, поступивших в его распоряжение, — 12-е СС и «Лер» («Образцовое») — Роммель развернул между Кале и Кальвадосом. Их местоположение не позволяло выдвинуться в течение нескольких часов в район боев. Однако, рассуждая о расстоянии, которое немцам было необходимо преодолеть, чтобы выйти на передовые позиции, генерал Фриц Бейерлин, командующий дивизией «Лер», говорил о ней как о «самой укомплектованной и боеспособной в Германии». Она, включая и пехотные части, была на 100 процентов обеспечена всеми необходимыми вооружениями. Гудериан сказал Фрицу: «Только одна такая дивизия должна сбросить войска союзников обратно в море. Ваша проблема — берег, нет, даже не берег, а скорее — море».

Войска Роммеля, исключая танковые дивизии, не обладали особой мобильностью. Рундштедт отдавал предпочтение маневренным боям на материке, а не сражениям вокруг стационарных укреплений. Большую часть начала 1944 г. он потратил на усовершенствование транспортных средств переброски воинских частей к побережью. Но все его попытки поставить

армию «на колеса» рушились в результате упорного стремления Роммеля «врыть» каждого солдата или каждое орудие в землю. Как отмечает Гордон Харрисон, «мобильность немецких войск на Западе в 1944 г. едва ли соответствовала американскому представлению о «моторизованной армии». «Подвижные» германские воинские подразделения в лучшем случае имели один или два грузовика для перевозок самых нужных вещей; или лошадей, которые тащили орудия и другую военную технику. Солдат зачисляли в состав «мобильных войск» тогда, когда у них были велосипеды.

В 1944 г. вермахт оказался в крайне сложном положении. Он располагал превосходящими танковыми силами. Но им недоставало горючего. Вследствие того, что союзники разбомбили нефтяные скважины в Румынии, Германия испытывала острейшую нехватку топливных ресурсов. Во Франции это означало значительное сокращение танковых учений. Что касается пехоты, то вермахт 1944 г. напоминал кайзеровскую армию 1918 г. Она снабжалась по железной дороге или конным транспортом, а солдаты должны были передвигаться на своих двоих. И в организационном отношении, и в смысле тактики и стратегии предстоящей операции немцы готовились к сражению по образцу 1918 г., а «Атлантический вал» представлял собой копию траншейной системы времен Первой мировой войны.

И все-таки, несмотря на неадекватное обеспечение, германские пехотные дивизии могли обрести большую мобильность, если бы они регулярно проводили учения. Но Роммель настолько увлекся идеей создания железобетонных укреплений и вколачивания бревен, что заставил всех солдат строить береговые заграждения. Когда кто-то из его подчиненных попытался напомнить фельдмаршалу о полезности военных маневров, Роммель заявил:

— Я требую прекращения любых учений и приказываю, чтобы все занимались сооружением оборонительных укреплений на пляжах. Именно на побережье решится исход битвы, причем в течение первых 24 часов.

Даже подразделения 21-й танковой дивизии, расположившейся вокруг Кана, заставили трудиться над созданием «спаржи Роммеля».

В марте, когда весеннее таяние снегов застопорило действия немецких армий на Восточном фронте, Гитлер начал перебрасывать войска на Запад. Роммель направлял их туда, где они больше всего были необходимы. На Котантене появилась новая дивизия, 91-я, считавшаяся достаточно мобильной, и 6-й парашютный полк, которым командовал полковник Фредерик фон дер Хейдт, ставший легендарной личностью после боев на Крите. Его полк был элитным и полностью состоял из добровольцев. Средний возраст парашютистов составлял 17,5 года (по сравнению с 36 годами в 709-й пехотной дивизии на Котантене). Прибыв в Нормандию, полковник поразился убожеству вооружений и снаряжения: они словно были собраны со всех стран, побывавших за последние 30 лет в немецкой оккупации. В его полку имелись четыре вида гранатометов и семь типов легких пулеметов.

Еще раз Хейдт пришел в изумление, когда ему показали одну бумагу и попросили ее подписать. Это было послание от самого Гитлера. В нем фюрер требовал от всех командиров письменного заверения в том, что, когда начнется вторжение, они будут до конца оставаться на своем посту и сражаться за каждый дюйм захваченной земли. Хейдт отказался поставить свою подпись под документом, а командующий корпусом просто пожал плечами.

К маю Роммель развернул на Котантене три дивизии: 243-ю, 709-ю и 91-ю. На Кальвадосе побережье «Омаха» обороняла 352-я дивизия, а район высадки британских войск — 716-я. Вокруг Кана расположилась 21-я танковая дивизия.

Но эти силы не могли решить главную задачу. Вся грандиозная работа по сооружению железобетонных укреплений и траншей вдоль берега имела одну цель: сдержать натиск противника и до завершения дня «Д» начать танковое контрнаступление. Располагая лишь

одной танковой дивизией на всю береговую линию Кальвадос — Котантен и двумя — на пространстве от Гавра до Голландии, Роммель фактически был не в состоянии предпринять контратаку. Не дав Роммелю право распоряжаться всеми танками, Гитлер лишил его и возможности маневра. В подобной ситуации другой, менее упорный командующий предпочел бы действовать так, как к тому принуждают обстоятельства. Но только не Роммель. Он продолжал придерживаться избранной им стратегии, которая, даже по его собственной логике, была обречена на провал. Армиям вермахта предстояло потерпеть поражение не столько из-за воздушного и морского превосходства союзников и диверсий Соппротивления, сколько из-за произвола, царившего в руководстве Третьего рейха.

Но предположим, что Роммелю удалось бы убедить Гитлера, и в его подчинение перешли бы все бронетанковые дивизии на Западном фронте. Допустим, что он развернул бы одну танковую дивизию в Байе, а другую — в Карантане (как предлагал генерал Бейерлин, командующий дивизией «Лер»). Допустим даже, что Роммель в день «Д» предпринял бы при поддержке танков контрнаступление на «Юте», «Омахе» и «Золоте». Конечно, это обострило бы ситуацию во время высадки союзнических войск и привело бы к большим жертвам.

С другой стороны, во что бы такая акция обошлась вермахту? Экспедиционные силы наладили на побережье эффективную сеть коммуникаций, включая системы наведения огня. Американская и британская корабельная артиллерия при поддержке канадских, норвежских, польских и французских судов уничтожила бы любой оказавшийся на виду танк. Короче говоря, главный замысел Роммеля — остановить наступление противника непосредственно на берегу — был ошибочен. Как совершенно правильно считал Гудериан, выдвигать танки под прямой обстрел морских орудий — безумие. В Сицилии и затем в Салерно немецкие танки смогли прорваться через передовые линии союзников к самому побережью. И здесь их прямой наводкой расстреляли эсминцы. Но Роммель не воевал ни в Сицилии, ни в Салерно.

Рундштедт рассуждал верно: для немцев лучше всего было отойти в глубь материка (как это делали японцы на Тихом океане) и принять бой вне досягаемости корабельных орудий. Для этого требовалось создание глубоко эшелонированной обороны, как в Первую мировую войну. Если бы немцы вместо того, чтобы обустривать «Атлантический вал», все усилия направили на сооружение оборонительных позиций в тылу, то они, возможно, продержались бы до зимы. Хотя, конечно, это вряд ли повлияло бы на исход войны: весной 1945 г. союзники могли предпринять сокрушительные бомбардировки Германии, а в августе сбросить атомную бомбу не на Хиросиму, а на Берлин.

И все же при таком ходе событий у Германии появилась бы возможность потянуть время. Длительная зимовка на берегах Сены или Соммы угнетающе подействовала бы на моральный дух войск союзников. С другой стороны, затяжка с открытием фронта на Западе могла побудить Сталина к достижению компромиссного мира с Гитлером. Немцы получили бы также шанс применить свое сверхсекретное оружие, прежде всего «Me-262».

Роммель стремился создать на побережье как можно более мощные укрепления, исходя из собственной военной стратегии. В основе решения Гитлера поддержать сооружение «Атлантического вала» лежала его мания величия. Без боя он не мог уступить ни пяди завоеванных земель.

Роммель и Гитлер совершили фундаментальные просчеты при подготовке ко дню «Д». Старина фельдмаршал Рундштедт, функции которого уже были чисто декоративными, рассуждал совершенно правильно: немцы должны уйти из-под огня морской артиллерии.

Но Роммель и Гитлер мыслили категориями наземной войны. Они больше опасались самолетов, а не кораблей. Для них угроза исходила с неба, а не с моря. И в этом заключалась их главная ошибка.

Доктор Детлеф Фогель из Института военно-исторических исследований в Фрайбурге считает: «Нельзя не поражаться тому, как высшие армейские командиры, еще недавно проводившие блестящие наступательные действия, вдруг захотели спрятаться за стены бастионов».

Изумляет и то, что Роммель, завоевавший репутацию великолепного тактика, способного и на долговременные операции, и на стремительные атакующие удары, так быстро перешел на позиции оборонца. 11 мая он прибыл в Ла-Мадлен на побережье «Юта». Его встретил командир роты 23-летний лейтенант Артур Янке, получивший тяжелое ранение на Восточном фронте. Роммель приехал в своем «хорьхе». В багажнике автомобиля всегда находились аккордеоны, которые Роммель дарил особенно полюбившимся ему подразделениям.

Лейтенанту Янке и его солдатам аккордеон не достался. Роммель был в плохом настроении и все более мрачнел, осматривая дюны в сопровождении штабных офицеров и несчастного Янке. Командующий неистовствовал: недостаточно заграждений, мало мин, мало колючей проволоки.

Янке не выдержал.

— Сэр маршал, — запротестовал он, — мы использовали всю колючую проволоку, которую нам прислали.

— Ваши ладони, лейтенант, я хочу видеть ваши ладони, — потребовал Роммель.

Озадаченный Янке снял перчатки. При виде глубоких ран на руках лейтенанта Роммель смягчился.

— Очень хорошо, — сказал он. — Кровь, которую вы теряете на этих фортификациях, ценна не менее той, что пролита в бою.

Садясь в «хорьх», Роммель наказывал Янке:

— Следите за каждым большим приливом. Без сомнения, они придут на высокой приливной волне.

Союзники тем временем продолжали готовиться к вторжению. Для них «Атлантический вал» представлялся грозным, но не непреодолимым препятствием. 7 апреля, в Страстную пятницу, 21-я группа армий завершила разработку генерального плана наступления, и с ним можно было ознакомить командующих дивизиями, корпусами и армиями. Монтгомери провел совещание в своей штаб-квартире в школе Святого Павла (в которой ранее учился).

— Цель этого учения, — начал он, — изложить вам общий план операции «Оверлорд». Главное для нас — полное взаимопонимание и общая уверенность в победе.

Затем Монтгомери приступил к докладу.

Перед 6-й британской воздушно-десантной дивизией ставилась задача сразу же после полуночи атаковать батарею в Мервиле, захватить мосты через реку и канал Орн, взорвать мосты на реке Див и в целом обеспечивать защиту левого фланга. Британская 3-я дивизия с приданными ей французскими и английскими коммандос должна была прорвать немецкую оборону на побережье «Меч», выдвинуться через Уистреан к Кану, взять город и близлежащий аэродром Карпике. Канадской 3-й дивизии поручалось пробиться через побережье «Юнона» и перерезать шоссе Кан — Байе. Овладеть побережьем «Золото», а затем частью Арроманша и батареей в Лонге-сюр-Мер предстояло 50-й британской дивизии.

На «Омахе» американским 1-й и 29-й дивизиям следовало, используя выездные дороги, выйти к деревням Колевиль, Сен-Лоран и Вьервиль, взять их и продолжать наступление в глубь материка. Приданные им батальоны рейнджеров должны были атаковать батарею в Пуант-дю-О либо с моря, либо с суши, либо одновременно с обеих сторон. На «Юте» планировалось, что 4-я пехотная дивизия установит контроль над прибрежной автомобильной трассой, продвинется по

дамбам на запад, выйдет на более высокие рубежи и развернется в направлении Шербурра. Перед 101-й воздушно-десантной дивизией ставилась задача высадиться юго-западнее Сент-Мер-Эглиза, отсечь дамбы, разрушить мосты вблизи Карантана и обеспечить защиту южного фланга наступления на побережье «Юта». 82-я воздушно-десантная дивизия должна была приземлиться западнее Сен-Совер-ле-Виконта с тем, чтобы преградить переброску пополнений противника в район Котантена.

Монтгомери исходил из того, что высадка с моря не составит большой проблемы, основная трудность — закрепиться на берегу. Поэтому он сказал генералам:

— Роммель, вероятнее всего, будет держать мобильные дивизии подальше от побережья до тех пор, пока не убедится в том, где главное направление нашего наступления. Тогда он сконцентрирует свои силы и нанесет мощный удар. Его стационарные дивизии будут оборонять наиболее важные рубежи и служить опорными пунктами для контратак. С наступлением сумерек в день «Д» минус один неприятель узнает, что наша цель — район «Нептун» (кодовое название морской части операции «Оверлорд». — Примеч. авт.), К вечеру дня «Д» ему станут известны протяженность фронта и примерная численность наших войск.

Монтгомери полагал, что Роммель сможет выставить против союзнического десанта две бронетанковые дивизии в день «Д» плюс один и шесть дивизий ко дню «Д» плюс пять. Он считал самым сложным удержать и расширить захваченный плацдарм для дальнейшего наступления.

После того как определился общий план вторжения, его начали прорабатывать офицеры на уровне дивизий, полков и батальонов. В отличие от Монтгомери они не думали, что высадка на берег представляет наименьшую трудность. Для них это была проблема номер один, и она требовала такого решения, которое не избавило бы всех навеки от каких-либо забот вообще.

В итоге появилась следующая схема действий.

Первые полки должны достичь береговой линии в момент завершения артподготовки и воздушных ударов. К этому времени предполагалось поразить известные артиллерийские позиции противника и деморализовать вражеские войска. Массированные бомбардировки начинаются в полночь. Королевская авиация нейтрализует немецкие береговые батареи от устья Сены до Шербурра (1333 тяжелых бомбардировщика сбрасывают 5316 т бомб). С первыми проблесками рассвета американская 8-я воздушная армия наносит удары по оборонительным линиям противника в районе вторжения. 480 бомбардировщиков «Б-24» сбрасывают 1285 т бомб на «Омаху». Войскам, которым предстояло высаживаться на этом побережье, обещано, что они найдут на пляжах более чем достаточно воронок для укрытия.

Артиллерийский обстрел с моря начинается с восходом солнца и продолжается до часа «Ч» минус пять минут (восход солнца был в 5.58, час «Ч» назначен на 6.30). В районе «Омахи» линкоры «Техас» и «Арканзас» открывают огонь из своих десяти 14-дюймовых и двенадцати 12-дюймовых орудий на расстоянии 18 км от берега. Главные цели — Пуант-дю-О и укрепления, защищающие выезды. К их канонаде присоединяются 6-дюймовые орудия трех крейсеров и 5-дюймовые пушки восьми эсминцев.

Если такая воздушная и артиллерийская подготовка не смогла бы вывести из строя или деморализовать немецкие войска, то предусматривалась огневая поддержка первого эшелона десантников с менее крупных судов. На «Омахе» 16 ДСТ брали на борт по четыре танка «ДЦ» каждое. При этом два танка могли произвести до 150 выстрелов из одного орудия через рампу, начиная в час «Ч» минус 15 минут с расстояния 3 км. На десяти ДСТ размещались 36 105-мм гаубиц (самоходок) из 58-го и 62-го батальонов бронированной полевой артиллерии. Гаубицы должны были открыть огонь в час «Ч» минус 30 минут на расстоянии 8 км до берега. Каждое

орудие могло выпустить до 100 снарядов. И наконец, 14 ДСТ(Р) представляли собой реактивные установки, каждая из которых обладала способностью с расстояния 3 км одновременно выпустить до 1000 снарядов большой взрывной мощности. При таком огневом прикрытии первые эшелоны войск не могли не выйти на берег.

Планы высадки варьировались от полка к полку. Показателен в этом отношении расчет, сделанный в 116-м пехотном полку 29-й дивизии, которому предстояло наступать на западном (правом) фланге «Омахи». В час «Ч» минус пять минут, как раз тогда, когда прекращается артподготовка и над головой раздается свист реактивных снарядов с ДСТ(Р), на правом фланге идут в атаку роты «Б» и «С» 743-го танкового батальона (32 танка). Это танки «ДЦ», способные проплыть к берегу с расстояния почти 6 км. Они займут огневые позиции на урезе воды и прикроют пехоту.

В час «Ч», то есть в 6.30, на левом фланге выходят на берег восемь ДСТ с ротой «А» из 743-го танкового батальона. Вместе с ротой высаживаются восемь танковых тягачей с прицепами, груженными взрывчаткой для подрыва заграждений.

В час «Ч» плюс одна минута на берег выбрасывается первая волна пехотинцев: рота «А» на крайнем правом фланге «Дог-Грин», роты «Е», «Эф» и «Г» на участках «Изи-Грин», «Дог-Ред» и «Дог-Уайт». В каждой роте насчитывается до 200 человек. Вооружены они автоматами, пулеметами, удлиненными зарядами «бангалор», базаками, минометами, гранатами. За бойцами вскоре последуют саперные части, батареи легкой артиллерии и зениток, а в час «Ч» плюс 50 минут высадится второй эшелон пехоты: роты «Л», «И», «К» и «С» 116-го полка. В час «Ч» плюс 60 минут на правом фланге в бой вступят два батальона рейнджеров; в час «Ч» плюс 110 минут на вездеходах-амфибиях ДАКВ доставят тяжелую артиллерию; в час «Ч» плюс три часа появятся подразделения военно-морских спасателей и транспортные роты. К этому времени берег должен быть очищен от неприятеля, а сражающиеся войска — вести наступление в глубь материка.

(Бригадному генералу Норману «Датч» Коте, второму лицу в командовании 29-й дивизией, не нравилась идея высадки на рассвете. Он не слишком полагался на точность бомбометания и артиллерии, считал, что от них будет мало толку, и хотел, чтобы первая волна десанта сошла на берег в темноте. В таком случае войска могли бы в безопасности преодолеть прилив и занять огневые позиции у подножия скал до того, как немцы успеют их заметить. К мнению генерала не прислушались.)

Требовалась тщательная координация всех действий по проведению операции, которые должны были начаться за три-четыре дня до часа «Ч» в портах Юго-Западной Англии, за 160 км от «Омахи». На ДКТ, ДСП и ДСТ грузились войска и техника, у выхода из гаваней формировались конвои. После пересечения Ла-Манша кораблям предстояло бросить якоря у берегов Франции. Затем — спуск людей в веревочных сетках на ДССПЛС или прямо в десантных судах с помощью шлюпбалок. А уже потом — долгое кружение по морским волнам в ожидании команды «вперед».

Конечно, планирование высадки означало гораздо большее, чем описано здесь. Оно различалось и по секторам, и по условиям отдельных участков вторжения. Но в целом схема действий 116-го полка аналогична планам других воинских частей. Главная роль отводилась огневой обработке побережья до прибытия танков и первого эшелона десантников, которые, пользуясь замешательством противника, захватывают траншеи и выезды. После этого оставалось только обеспечить достаточную транспортную и огневую поддержку, чтобы прорваться на равнину и двинуться в глубь Франции. График проведения операции был исключительно жестким, четким и в то же время сложным и масштабным. Удивительно, но этого удалось добиться без единого компьютера.

Когда рядовой Джон Барнс из роты «А» 116-го пехотного полка проходил инструктаж по поводу предстоящей высадки, его поразила продуманность каждого ее этапа. Он выходит на берег в час «Ч», одной минутой позже за ним следует рота «Е», а затем в час «Ч» плюс 3 минуты — саперы. Потом высаживаются штабная рота, зенитки, снова саперы, в час «Ч» плюс 50 минут — рота «Л» и так целый день. «Все выглядело чрезвычайно организованным, — вспоминает Барнс. — Казалось, что никто не может помешать этому движению. Мы чувствовали себя пассажирами поезда, который идет строго по расписанию. Мы были уверены в том, что за нами в море еще много других десантных судов, которые точно по графику окажут нам поддержку. Ничто не могло остановить нас».

Но не все разделяли энтузиазм Барнса. Капитан Роберт Миллер из 175-го полка 29-й дивизии рассказывает, как проводил инструктаж его командир полковник Пол «Поп» Гуд: «Оперативный план представлял собой увесистый фолиант размером больше любого телефонного справочника. Когда брифинг закончился, полковник Гуд встал, взял в руки книгу и попытался разорвать ее пополам. Командир полка обладал немалой силой, но ему не удалось даже надорвать толстенный том. Тогда он бросил его через плечо и приказал:

— Забудьте об этой чертовщине. Ваши задницы все равно окажутся на берегу. А я буду там вас ждать, и я скажу вам, что делать. В этом плане нет ничего, что могло бы вам помочь.

Если бы Эйзенхауэр слышал слова полковника, он бы с ним, возможно, согласился. Хотя Верховный главнокомандующий и говорил, что сражение начинается с его планирования, он также считал, что, как только битва завязывается, всякие схемы становятся бесполезными.

К середине мая разработка операции завершилась в полках, но планы не были окончательными. В них вносились изменения вплоть до дня «Д» с учетом поступающей информации о действиях Роммеля. На «Омахе», например, майор Кеннет Лорд, начальник оперативного отдела 1-й дивизии, зафиксировал малоприятное для союзников развитие ситуации. До середины апреля штаб 1-й дивизии с удовлетворением отмечал, что противотанковые ежи и «бельгийские ворота» все еще не установлены, а складированы в штабеля. Но по случайности «Б-17», возвращаясь в Англию после неудачного налета, выбросил несколько бомб в районе «Омахи». Майор Лорд изучил сделанные с самолета фотоснимки и обнаружил целый каскад взрывов подводных мин в секторе «Изи-Ред».

Лорд попросил моряков заняться этой проблемой, ссылаясь на то, что согласно официальному руководству по проведению операции в зону ответственности военно-морских сил входит все водное пространство, вплоть до высшей точки прилива. Моряки не возражали, но ответили, что у них нет подразделений по ликвидации мин. 1-я дивизия обратилась в Верховное командование Союзническими экспедиционными силами и получила в свое распоряжение два саперных батальона. Штаб дивизии включил их в состав первого эшелона десанта. Когда Лорд сообщил саперам, что они будут идти впереди, те несколько растерялись. Но майор заверил их, что с ними рядом будут танки «ДЦ», которые прекрасно показали себя во время учений.

Мины вызвали смутнение в 21-й группе армий. Какие они — электрические, гидродинамические, магнитные?.. Чтобы выяснить это и взять образец, послали капитана Джорджа Лейна из группы коммандос в Отрядах пилотажных операций морского десанта. В конце апреля он ночью проплыл вдоль берега и обнаружил лишь тарелочные мины. Одну из них капитан прихватил с собой. Его начальники не на шутку перепугались, когда увидели эту мину: она не была герметичной и не предназначалась для нахождения под водой. Коррозия уже хорошо поработала над ее механизмом, и «тарелка» могла взорваться в любой момент*. Начальники сказали Лейну, что «там должно быть что-нибудь еще», и отправили его назад, поручив не только отыскать новые типы мин, но и сфотографировать подводные препятствия.

В мае Лейна снова послали в разведку, и на этот раз ему не повезло. Его засекли с немецкого торпедного катера, взяли в плен и доставили в штаб-квартиру Роммеля в Ла-Рош-Гийон. Элегантный штабной офицер вошел в комнату и спросил:

— Ну, расскажите, как дела в Англии? Наверно, отличная погода? В конце мая в Англии всегда хорошо.

Оказалось, у него жена родом из Великобритании. Офицер привел Лейна к Роммелю.

— Вы попали в очень неприятную ситуацию, — сказал Роммель. — Мы считаем вас диверсантом.

Лейн повернулся к переводчику:

— Пожалуйста, скажите его превосходительству, что если бы я был диверсантом, то он вряд ли пригласил бы меня сюда.

Роммель рассмеялся:

— Значит, вы рассматриваете это как приглашение?

* * *

Адмирал Рюге был прав, когда говорил Роммелю о том, что армейские мины не пригодны для применения против морского десанта.

— Да, конечно, — ответил Лейн. — Для меня это большая честь, и я очень польщен.

Роммель вновь рассмеялся и спросил:

— Как поживает мой друг Монтгомери? Лейн сказал, что не знает Монтгомери.

— Как вы думаете, чем он занимается?

— Все, что мне известно, это то, о чем пишет «Тайме». Газета сообщает, что он готовится к вторжению.

— Вы на самом деле полагаете, что будет вторжение? Британцы — вторгнутся?

— Это именно то, о чем я читал в «Тайме», и у меня нет оснований не верить газете.

— Ладно, если они действительно собираются напасть, то это будет первый случай, когда британская армия попробует воевать.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Лейн.

— Британцы всегда используют других — австралийцев, канадцев, новозеландцев, южноафриканцев. Они очень умные, эти англичане.

Роммель посерьезнел:

— Как вы считаете, где начнется вторжение?

— Конечно же, мне это не известно. Такие вещи не говорят младшим офицерам. Но если бы решал я, то, безусловно, вторгся бы наикратчайшим путем.

— Да, — сказал Роммель, — очень интересно.

Они поговорили о политике. Роммель высказал мысль о том, что британцам следовало бы сражаться на стороне немцев против русских. Лейн не согласился.

Когда Лейна отпустили, его увезли в Париж и передали гестапо. Но в гестапо ему не задавали вопросов и не пытали: в конце концов, его уже допросил сам Роммель. В целом он легко отделался. Довольна была и разведка: все экспедиции Лейна совершались к французскому побережью Кальвадос.

Делались и другие поправки. В частности, пришлось внести коррективы в планы вторжения в связи с прибытием на Котантен в конце мая немецкой 91-й дивизии, и именно в тот район, где намечалась высадка 82-й воздушно-десантной дивизии. 28 мая место выброски десанта перенесли на запад, к Мердере, с целью обеспечить захват плацдарма между реками Мердере и Дув.

«Мне ежедневно приходилось просматривать материалы каждой новой аэрофотосъемки «Юты», — вспоминает полковник Джеймс Ван Флит, командир 8-го полка 4-й дивизии. —

Немцы с остервенением укрепляли свои оборонительные позиции. Штурмовать их казалось невысказанным и жутким делом. Я постоянно просил моряков высадить нас где-нибудь южнее, чтобы обойти эти фортификации. Но военно-морское командование утверждало, что там мелко и суда зацепят дно».

Но одну маленькую победу Ван Флит все-таки одержал над моряками. В соответствии с оперативным расписанием решения о том, где спускать на воду танки «ДЦ», должны были принимать шкиперы ДСТ. Ван Флит не очень доверял этим танкам. Он хотел, чтобы моряки доставили их как можно ближе к берегу, прежде чем дать им ход. По его мнению, «ДД» в воде передвигаются слишком медленно и поэтому являются легкой добычей для береговой артиллерии. Но моряки продолжали стоять на своем. Ван Флит вспоминает: «Я так настойчиво возражал, что военно-морское командование отступило; принимать решения поручили командирам танковых экипажей».

Можно привести сотни примеров инициативности, подобной той, которую проявили Лорд и Ван Флит. С такими самоотверженными людьми и при столь внушительной огневой мощи операция «Оверлорд» была просто обречена на успех.

Монтгомери в этом не сомневался. 15 мая он устроил заключительную генеральную репетицию «Оверлорда» в своей штаб-квартире в школе Святого Павла. На ней присутствовали Черчилль, король Георг VI, адмиралы и генералы из Соединенных Штатов, Соединенного Королевства, Канады. Монтгомери председательствовал в большом лекционном зале; аудитория смотрела на него сверху вниз из кресел, расположенных полукругом. На полу Монтгомери разложил огромную цветную карту Нижней Нормандии, Черчилль прибыл с сигарой во рту. Когда появился король, Черчилль «поклонился в своей обычной отрывистой манере, держа сигару в руке».

«Когда мы заняли свои места, — писал позже адмирал Мортон Дейо, командующий американской бомбардировочной группой на «Юте», — в зале царили тишина и напряженность. Большинству из нас казалось, что собранию столь высоких особ необходимо чуть ли не божественное благословение. Малейший промах может испортить все дело. Но присутствующие хорошо понимали, насколько ответственные и тяжелые решения предстояло принимать».

Первым взял слово Эйзенхауэр. Он был краток:

— Я бы хотел подчеркнуть лишь одно. Считаю долгом каждого, кто видит какие-либо упущения в плане операции, без колебаний сказать об этом.

Как отмечает Дейо, «улыбка Эйзенхауэра стоила двадцати дивизий; его мягкая и спокойная уверенность растворила последние сомнения».

Затем выступил Монтгомери. На нем была отлично скроенная боевая униформа, а брюки настолько отглажены, что складки на них напоминали острие ножа. Всем своим видом он показывал готовность к действию и говорил напористо. По наблюдению очевидца этого события, Черчилль время от времени прерывал Монтгомери и задавал вопросы, чтобы продемонстрировать свои познания в военной сфере. В один момент премьер-министр вмешался и, чуть-чуть морщась, заметил, что «в Анцио мы высадили на берег 160 000 человек и 25 000 единиц техники, а смогли продвинуться только на 12 миль». Черчилль, таким образом, дал понять, что, по его мнению, риск иногда может быть вполне оправдан. Монтгомери сохранял спокойствие и невозмутимость.

Смысл выступления Монтгомери сводился к следующему: у нас достаточно войск; мы оснащены всем необходимым; у нас прекрасный план операции, которая обязательно увенчается успехом; тот же, кто в этом сомневается, пусть остается дома.

Монтгомери в этот раз был более реалистичен в оценке возможностей Роммеля, нежели в

апреле, когда утверждал, что немцы способны сдерживать его танки только пару дней. Теперь он говорил:

— Роммель — энергичный и решительный командующий, при нем произошли серьезные изменения; он мастер дерзких атак, срыва планов противника и слишком импульсивен для затяжных боев; Роммель сделает все для того, чтобы раньше нас выдвинуть вперед свои танки и «дюнкеркировать» нас...

Затем Монтгомери сказал:

— Но инициатива за нами. Мы должны полагаться на:

- а) сокрушительность наступления;
- б) огневую мощь поддержки с моря и с воздуха;
- в) простоту и понятность действий;
- г) силу морального духа.

Потом он произнес слова, которые впоследствии ему не раз припомнят:

— Мы должны огнем проложить наш путь на берег и завладеть приличным плацдармом до того, как противник сможет перебросить достаточные резервы, чтобы повернуть нас назад. Бронетанковые колонны стремительно, в день «Д», должны продвинуться как можно дальше на сушу; это расстроит его планы (Роммеля. — Примеч. пер.) и свяжет его действия, пока мы будем набирать силу. Мы должны быстро завоевывать пространство, столбя наши границы далеко в глубине материка.

Совещание началось в 9.00 и завершилось в 14.15. Его назвали «величайшей встречей военного руководства в мировой истории». Черчилля распирала гордость. А еще в начале 1944 г. он говорил Эйзенхауэру по поводу «Оверлорда»:

— Когда я думаю о пляжах Нормандии, забитых телами американской и британской молодежи, и перед моими глазами возникают волны, окрашенные их кровью, у меня появляются сомнения... Да, у меня появляются сомнения.

В начале мая Эйзенхауэр и премьер-министр встретились за ленчем. Когда они расставались, на Черчилля нахлынули эмоции. Со слезами на глазах он произнес:

— В этом деле я с вами до конца, и если оно завершится неудачей, мы вместе пойдем ко дну.

После встречи в школе Святого Павла премьер-министр взял Эйзенхауэра за руку и сказал:

— Я решительно склоняюсь в поддержку этой операции.

Немного запоздалое решение, но все-таки хорошо, что Черчилль наконец вошел в команду единомышленников. Уверенность Эйзенхауэра, как всегда, была непоколебимой.

7. Учения

Несмотря на искусное планирование, эффективность обмана противника и интенсивность бомбардировок и артподготовки, операция «Оверлорд» могла провалиться, если бы солдаты не умели захватывать позиции противника и успешно продвигаться вперед. Союзники придавали большое значение боевой выучке войск.

Американцы думали, что они хорошо подготовили свои части в 1942 г.: действительно, в дивизиях ввели жесткие программы обучения военному делу. Однако в феврале 1943 г. на Кассерине обнаружилось, что войска теряются в тяжелых условиях современной войны. Солдаты убегают, а командиры паникуют. Тот, кто считал себя физически сильным, оказывался слабым. «Наши люди от самого верха и до самого низа поняли, что это не детская игра, — писал Эйзенхауэр Маршаллу, — и они готовы вернуться к освоению основ боевого искусства. Теперь я намерен взять за правило, чтобы в каждом подразделении с момента его прибытия на фронт и до окончания войны ни на один день не прекращались тренировки». Как Верховный главнокомандующий, он возвел это правило в закон.

Главной задачей обучения стала подготовка войск к высадке. Все было нацелено на день «Д». Позднее экспедиционным силам пришлось расплачиваться за это. Солдаты не знали, как вести бой в живых изгородях. Технику наступления в Нормандии пришлось осваивать на ходу. Конечно, никаких живых изгородей могло и не быть, если бы союзники не высадились на берег.

Для некоторых дивизий подготовка к вторжению началась еще в Соединенных Штатах. Воздушно-десантные соединения сформировались в 1941–1942 гг., и они предназначались для заброски за «Атлантический вал». После парашютной школы десантники совершали тренировочные прыжки и проводили боевые учения на американском Среднем Юге.

Полковник Джеймс Ван Флит принял командование 8-м пехотным полком 4-й дивизии 21 июля 1941 г. В течение 12 месяцев полк отрабатывал тактику сдерживания блицкрига. Теперь Ван Флит готовил его «как наступательное десантное подразделение». «Первоначально, — рассказывает он, — мы обучались тому, как брать штурмом вражеские укрепления, такие как долговременные огневые сооружения (ДОС). Но было ясно, что к тому времени, когда союзнические силы достигнут Европы, противник построит железобетонные фортификации для укрытия артиллерии и других тяжелых вооружений. Долгие месяцы мы тренировались захватывать такие позиции, — по отделениям, ротам и батальонам».

В 8-м подобрались отличные ребята, чистокровные американцы. Ван Флит говорит, что исторически это всегда был полк южан, состоявший из деревенских парней из Флориды, Алабамы и Джорджии. Он называл их «мои охотники за белками». Эти юноши чувствовали себя в лесу как дома даже ночью и свободно обращались с оружием. Новые призывники прибывали в основном из Нью-Йорка и других городов восточного побережья. Они ничего не смыслили ни в ружьях, ни в лесах, но хорошо разбирались в таких вещах, которые были неведомы южанам, — в моторах и средствах связи. «Союз северян и южан оказался удачным», — считает Ван Флит.

Во время отработки нападения Ван Флит делал акцент на координации и огневой поддержке. Если два бойца штурмом брали ДОС, то один из них вел непрекращающийся огонь по амбразуре, а другой ползком подбирался к укреплению и забрасывал его гранатами. «Такая атака требует смелости, уверенности в партнере и терпения, — говорит Ван Флит. — С 1941 по 1943 год мы повторяли это упражнение сотни раз, зачастую используя действующее оружие».

Два года — большой срок для учений. Парни хотели настоящего дела. Один из лейтенантов, Джордж Л. Мабри, решил, что с него хватит, и подал прошение отправить его в воздушную армию. Ван Флит вызвал офицера для разговора. Зная, что командир будет

рассержен, Мабри дрожал как осиновый лист, когда подавал свой рапорт.

— Вы хотите служить в воздушных силах? — спросил Ван Флит.

— Да, сэр.

— А вы были когда-нибудь в самолете?

— Нет, сэр.

— Что ж, вам лучше забрать ваше прошение. Вам вполне может стать плохо, когда вы окажетесь в самолете.

— Да, сэр.

Мабри остался в полку. Потом он был признан одним из лучших офицеров 4-й дивизии^[18].

29-я дивизия отправилась в Англию в сентябре 1942 г. на борту «Куин Мэри», переоборудованной из роскошного лайнера в транспортный корабль. «Куин Мэри» плыла одна, полагаясь лишь на свою скорость, чтобы избежать встречи с подводными лодками. В 500 милях от Котантена, то есть уже в пределах досягаемости самолетов люфтваффе, появился эскорт британских военных судов. Крейсер «Кюрасо» оказался под носом 83-тысячетонной «Куин Мэри». Бывший лайнер как ножом разрезал пополам судно водоизмещением 4290 т, убив 332 члена экипажа. Это было малоприятное начало совместной операции союзников по вторжению в Европу.

Дивизия расположилась в бараках Тидуорт вблизи Солсбери. Они считались лучшими казармами в Англии, но в них отсутствовало то, к чему привыкли «джи-айз» в учебных лагерях в Соединенных Штатах. Для ребят, прошедших подготовку на американском Юге, английская погода казалась ужасающей. Рядовой Джон Р. Слотер из роты «Д» 116-го полка вспоминает: «Моральное состояние в первые месяцы на Британских островах было не лучшим. Тоска по дому, мерзкая погода, непрерывные учения — все это приводило нас в мрачное настроение».

Не улучшило настроения американцев и превращение 29-й дивизии (по необходимости) в экспериментальную. Она оставалась единственным крупным американским боевым формированием в Соединенном Королевстве. В течение первого года у нее не имелось какой-либо специальной миссии. Дивизия занималась в основном учениями, отработкой доктрин, стратегий и планов, технологии атак с помощью амфибий. Короче говоря, люди чувствовали себя «подопытными кроликами».

Положение усугублялось отвратительной едой. Британия находилась в состоянии войны уже более двух лет. Не было яиц, редко — мясо, и слишком много бельгийской капусты. Лейтенант Роберт Уокер из штабной роты 116-го полка рассказывает, что на полевых учениях выдавали «ленч в пакетиках». Он состоял из двух кусков засохшего хлеба: на одном — комок джема, на другом — ломтик ветчины. Любой американский турист, которому приходилось покупать такие сандвичи в Лондоне, знает, насколько они несъедобны.

Пропуска на уик-энд в Солсбери, а тем более в Лондон было трудно заполучить, и они ценились на вес золота. Янки получали вдвое больше, чем «томмиз», и их униформа выглядела куда более привлекательной, чем британская. Поэтому американцы нравились местным девушкам, что вызывало межнациональные трения. Возникали также конфликты между черными «джи-айз», которые служили главным образом в снабженческих частях, и белыми солдатами. Если они оказывались в одном баре, то почти с неизбежностью вспыхивала потасовка, переходящая в перестрелку. Армии пришлось разделить пользование питейными заведениями по времени: один вечер — для черных, другой — для белых. В целом же, учитывая, что ко дню «Д» на острове, по размеру почти сопоставимом со штатом Колорадо, находилось до 2 млн янки, можно сказать, что американская «оккупация» Британии прошла успешно. Этому во многом способствовало то, что у всех была единая цель — Нормандия.

Помогло и ужесточение дисциплины американцами. Полковник Чарлз Канхем командовал

116-м полком. Он был выпускником Уэст-Пойнта 1926 г. Рядовой Феликс Бранхем описывает его как «вспыльчивого старикана, при каждом случае извергающего огонь и молнии». Полковник отличался настолько свирепым нравом, что солдаты называли себя узниками «концентрационного лагеря Канхема». Если кто-нибудь опаздывал после уик-энда даже на несколько минут, он подвергался штрафу в 30 долларов и лишался права покидать казарму в течение 30 дней. Однажды Бранхем случайно подслушал разговор между Канхемом и командующим 29-й дивизией генерал-майором Чарлзом Герхардтом.

Герхардт сказал Канхему:

— Вы слишком жестки с вашими людьми.

— Черт побери, Чарлз, — прогремел в ответ Канхем. — Это мой полк, и мне им командовать!

— Знаешь ли, — продолжал Герхардт, — парни не против 30 долларов, но они просто ненавидят эти 30 дней.

Канхем немного поутих, но ненадолго.

Герхардт также окончил Уэст-Пойнт. Он был опытным кавалеристом и игроком в поло, любил одеваться броско и ярко, в поведении проявлял некоторую удачу. Теперь же генерал-майор строго придерживался инструкций, требовал от подчиненных всегда выходить на службу опрятными и чисто выбритыми, выговаривал им, если замечал на джинсах пятна. Ему нравилось, когда солдаты демонстрировали свой энтузиазм. Для этого они, маршируя по дюнам, должны были скандировать боевой клич: «Двадцать девятая, вперед!» Когда ветеран Северной Африки и Сицилии из 1-й дивизии услышал их крики, он заорал им вслед:

— Вперед, двадцать девятая! А мы — за вами!

29-я дивизия прошла через всю Юго-Западную Англию. Солдаты ночевали в полях, спали в одиночных окопах. Они усвоили уроки, которые необходимо знать каждому пехотинцу: как любить землю, как использовать ее для сохранения жизни, как прожить в ней подряд четыре дня, не нанеся вреда своему физическому состоянию. Они научились находить складки в рельефе, которые не видны обычному человеку. Солдаты штурмовали городки, брали высоты, леса, стреляли из всех видов оружия: автоматов, пулеметов, гранатометов, артиллерийских орудий.

Рядовой Джон Слотер хорошо помнит эти нескончаемые тренировки: многократную погрузку и выгрузку десантных судов, выходы в море, учебные атаки, преодоление заграждений из колючей проволоки под реальным пулеметным огнем и среди реальных взрывов гранат и снарядов. «Нам показывали, как пользоваться взрывчаткой, — рассказывает он, — как ранцевыми зарядами и удлиненными зарядами «бангалор» пробивать ходы в колючей проволоке, как подрывать бетонированные бункеры. Мы штыками отыскивали зарытые в землю мины, учились оказывать первую помощь, находить мины-ловушки, вести бой в условиях газовой атаки. В общем, мы были готовы к вторжению».

«Мы прошли отличную школу, — считает и Феликс Бранхем. — Мы испытали все виды десантных судов — ДКТ, ДССПЛС, ДСП, ДССК, высаживались и с британских, и с американских кораблей, бросали самые разные типы ручных гранат, научились пользоваться оружием неприятеля. Назовите любую задачу — мы знали, как ее решить».

Немало часов они провели на стрельбище. Сержант Уэлдон Крацер из роты «С» 116-го полка вспоминает, как понаблюдать за стрельбами приехал Эйзенхауэр в сопровождении Монтоммери и других высших военных чинов. Через некоторое время он поздравил Крацера:

— Сержант, я видел, как вы выполняли свое упражнение. Должен вас поздравить. Я тоже был неплохим стрелком. Не возражаете, если я воспользуюсь вашей винтовкой?

— Сочту за честь, сэр, — ответил Крацер. Эйзенхауэр лег ничком, поправил ремень, прицелился и нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало.

— Винтовка на предохранителе, сэр, — сказал сержант.

— Я не виню вас за предосторожность, — промолвил, покраснев, Эйзенхауэр и отвел предохранитель. Он стрелял на расстоянии 600 м.

«Вообще-то неплохо, — комментирует Крацер. — Пули легли в основном на 4 и 5». Когда Эйзенхауэр все-таки промахнулся и в воздух взлетели «пantalоны Мэгги»^{19}, он сказал:

— Так тебе и надо, старая дева.

После того как Эйзенхауэр выпустил всю обойму, Крацер предложил перезарядить винтовку. Верховный главнокомандующий отказался: спасибо, не надо:

— Вам нужно практиковаться больше, чем мне. На прощание Эйзенхауэр сказал Крацеру:

— Я поражен вашим мастерством. Наверняка вы научились делать поправку на ветер в Кентукки.

— Генерал Эйзенхауэр, — ответил сержант, — я из Виргинии.

— Черт меня возьми, — сказал генерал. — Я думаю, что мы все стреляли бы лучше, если бы делали поправку на ветер, как в Виргинии.

Эйзенхауэр много времени проводил в разъездах: проверял, следил за учениями. Он стремился к тому, чтобы как можно больше людей видели его, лично переговорил с сотнями солдат. За четыре месяца, с 1 февраля до 1 июня, генерал побывал в 26 дивизиях, на 24 аэродромах и на пяти военных кораблях, в госпиталях, мастерских, депо.

Выступая весной 1944 г. перед выпускниками офицерской школы в Сандхерсте, Эйзенхауэр произнес зажигательную речь, говоря о великих делах, которые их ждут. Он напомнил о славных традициях Сандхерста, сказал, что счастливая, достойная жизнь каждого человека зависит от успеха операции «Оверлорд». Генерал призвал молодых людей, только что произведенных в офицеры, стать отцами для своих солдат, несмотря на то что те могут быть вдвое старше, беречь и заступаться за них, если они совершают проступки. Роты — это как большие дружные семьи, а командир — глава такой семьи. Он должен заботиться о том, чтобы подразделение было сплоченным, хорошо обученным и оснащенным, жестким и готовым к бою. Офицер по связям с общественностью штаба экспедиционных сил Тор Смит вспоминает, что выпускники восторженно восприняли слова Эйзенхауэра: «Они просто влюбились в него».

Помимо осваивания всех видов оружия, физической подготовки, ознакомления с различными десантными судами, проводились многочисленные боевые учения, максимально приближенные к реальным условиям вторжения. Солдаты тренировались спускаться в веревочных сетках на боты Хиггинса в штормовом море, создавать укрытия на пляжах. Сержант Том Плам служил в Королевском виннипегском стрелковом полку 3-й канадской дивизии. Высадившись в день «Д» неподалеку от Берньер-сюр-Мер («Юнона»), он удивился, что побережье абсолютно такое же, как в Инвернесе (Шотландия), где проводились тренировочные атаки. Одинаковым оказалось даже расположение долговременных огневых сооружений.

Подполковник Пол Томпсон командовал американским Десантным учебным центром в Вулакомбе. Для тренировок он выбрал несколько подходящих пляжей, самым протяженным из которых был Слептон-Сендс в Девоншире на южном побережье. Для этого пришлось выселить из деревень и ферм почти 3000 жителей. Слептон-Сендс в топографическом отношении напоминал береговую полосу Котантена. За пляжем, состоявшим из грубого гравия, находились мелководные лагуны.

Томпсон, выпускник Уэст-Пойнта 1929 г., был выдающимся инженером и изобретательным организатором боевых учений. Он великолепно владел техникой проведения наступательных операций против мощных береговых укреплений. Первоначально его задача состояла в том,

чтобы подготовить показательные войска, которые бы демонстрировали свое умение перед высокопоставленными военачальниками. После того как идеи Томпсона получили одобрение, его назначили ответственным за обучение всех частей, готовившихся к вторжению.

В августе 1943 г. Томпсон начал действовать. На Слэптон-Сендс и еще восьми пляжах он распорядился соорудить несколько тренировочных полигонов: для батальонных и ротных учений, артиллерийских и минометных стрельб, преодоления заграждений из колючей проволоки, других как наземных, так и подводных препятствий, подрыва ДОСов, отработки действий с огнеметами, ракетами, гранатами. Отдельная зона была отведена для саперов.

После многочисленных экспериментов Томпсон пришел к выводу, что первые эшелоны наступающих, которые должны высаживаться с судов Хиггинса, целесообразно разбить по взводам. Каждый из них включал бы пятерых стрелков, четверых автоматчиков, четверых минометчиков, четверых ракетчиков, пятерых взрывников, двух огнеметчиков, группу для прорыва заграждений из колючей проволоки (четыре человека) и двух офицеров. (Боты Хиггинса брали на борт до 30 бойцов.)

Обучение осуществлялось в четыре этапа. Сначала солдаты тренировались в преодолении препятствий. Затем отрабатывались действия взрывников и групп по прорыву колючей проволоки. Потом проводились ротные и батальонные учения, анализировались их результаты, вносились коррективы. Войскам приходилось крайне тяжело: они практиковались в условиях, максимально приближенных к боевым. Использовались реальные вооружения и боеприпасы, что нередко заканчивалось несчастными случаями. В середине декабря артиллерийским снарядом убило четырех и ранило шесть человек. Через несколько дней в море опрокинулось десантное судно; 14 солдат утонули.

Первой прошла через эту суровую школу испытаний 29-я дивизия. Генерал Герхардт высоко оценил «превосходную систему обучения», благодаря которой, по его словам, дивизия «хорошо подготовилась к успешной высадке на берега немецкой «крепости Европа».

Еженедельные учения проводились в течение всей зимы и весны 1944 г. В ходе их вносились уточнения и поправки в планы вторжения. Например, выяснилось, что дымовые завесы в одинаковой мере мешают действиям как противника, так и наступающих войск. Поэтому было решено отказаться от их использования.

Обнаружилось также, что танки лучше всего применять в качестве артиллерийских средств огневой поддержки. Они не должны находиться на передовой линии и прорывать оборону противника, а должны вести огонь с позиций позади атакующих десантников.

Как ни странно, но эти уроки никак не связаны с опытом предыдущих американских военных кампаний в Тихом океане. Происходил некоторый обмен офицерами между 1-й специальной инженерной десантной бригадой в Европе и 2-й бригадой в Тихоокеанском бассейне. Но после Северной Африки, Сицилии и Италии командующие на Европейском континенте не испытывали особой нужды в информации своих тихоокеанских коллег.

В апреле и начале мая боевые учения уже на уровне общевойсковых (генеральных) репетиций проходили по всей Англии. Это были марш-броски, погрузка на десантные суда и выход в море, отработка подступов и атак, дислокации сил на побережье. В них участвовали все подразделения, которым предстояло высаживаться во Франции одной штурмовой группой: «O» (участок побережья «Омаха»), «G» (Gold — «Золото»), «U» (Utah — «Юта»), «J» (Juno — «Юнона») и «S» (Sword — «Меч»). Армия должна была научиться взаимодействовать с военно-морским флотом, а моряки — с сухопутными войсками.

Исключительное значение придавалось авиации. В штабе Ли-Мэллори считали важным, чтобы «пилоты видели огромную концентрацию наступательных сил в море, а у идущих в атаку войск имелось ясное представление о степени воздушной поддержки».

32-летний лейтенант Дин Рокуэлл отвечал за подготовку экипажей десантных судов ДСТ. До войны он был профессиональным борцом и работал тренером в одной из школ Детройта. Ему никогда не доводилось иметь дело с морем, но, услышав о призыве на военную службу от чемпиона в тяжелом весе Джини Танны, Рокуэлл пошел на флот. Там его определили инструктором по физической подготовке. Однако Рокуэллу не понравилась программа тренировок, которой придерживались в военно-морских силах, о чем он прямо и заявил начальству. Спортсмен так часто и так громко высказывал свое несогласие, что его прозвали «красным» («Bolshie»). А в наказание Рокуэллу отправили служить в десантную флотилию, которую все считали «отрядом смертников».

Военные моряки относились к десантным судам как к чему-то уродливому и непригодному для плавания. Рокуэлл же полюбил их и быстро научился управлять ими и понимать их зачастую странное поведение. Он освоил вначале ДССПЛС и ДССК. После этого его в звании старшины перевели в Англию. Рокуэлл настолько хорошо справлялся с новым для себя делом, что его вскоре произвели в младшего лейтенанта, а затем и в лейтенанта. В марте 1944 г. он возглавил подготовку команд ДСТ.

Лейтенант Юджин Бернстайн, командир ДСТ(Р), вспоминает, что учения весьма напоминали реальные боевые действия: «Мы выстраивали суда в конвои, загружали войска, танки, боеприпасы, материально-техническое обеспечение и выходили в море. Около полуночи вскрывались пакеты с приказами — идти в сторону Слептон-Сендс или в каком-нибудь другом направлении и произвести высадку по полной программе. Мы разворачивались на 180 градусов и, держа курс на Слептон-Сендс, выпускали по обозначенным целям все 1060 реактивных снарядов (если скорость ДСТ(Р) была десять узлов, то отдача от стрельбы оказывалась такой, что судно откатывалось назад со скоростью три узла). Затем следовали выгрузка на небольшие десантные катера боевой техники и атака побережья. Все это происходило под прикрытием с воздуха и при огневой поддержке корабельной артиллерии. После завершения операции мы возвращались домой. Но вскоре она повторялась. Нам с британцами пришлось сделать это 11 раз. Так прошла весна 1944 г. И когда наступило время вторжения, мы подняли якоря и спокойно вышли в море, как будто на очередные занятия».

По рассказам майора Р. Янгера, командовавшего британским танковым дивизионом инженерных войск, «многие первые учения заканчивались довольно плачевно». «Случалось всякое, — вспоминает он, — но мы учились. Выходила из строя техника. Погрузить танк на десантное судно в штормовом море — задача не из легких. Иногда машина останавливалась на рампе ДСТ, и ее приходилось вытягивать обратно».

«Безусловно, нам просто необходимо было учиться, — продолжает Янгер. — К примеру, тому, как обращаться с радиосвязью. Вы не можете поддерживать контакт с танковыми экипажами без радио, а в этом мы еще не приобрели достаточного опыта. Сначала наши переговоры отличались многословием, но со временем они стали короче, мы уже могли распознавать голоса друг друга и обходиться несколькими словами или щелканьем. Чрезмерная разговорчивость в эфире опасна тем, что кто-то пропустит очень важное для него сообщение».

Совместные тренировки помогали выявлять упущения. В ночь с 27 на 28 апреля на Слептон-Сендс проводились учения VII корпуса (участок побережья «Юта») под кодовым названием операция «Тигр». Из-за нарушения графика создалась «пробка» в движении десантных судов, и некоторые из них прибыли к месту погрузки с опозданием. Хуже того, немецкие торпедные катера проскользнули мимо британского эсминца и потопили два десантных корабля (ДКТ) и повредили еще шесть. В результате погибли 749 человек и 300 получили ранения.

Трагические уроки сохранили многие жизни в день «Д». В формировании «Тигр» не

оказалось спасательного судна. Военно-морское руководство убедилось в том, что такие корабли необходимы. Войска не были обучены пользованию спасательными средствами. После трагедии они прошли соответствующую подготовку. Выяснилось также, что британцы и американцы работали на разных радиочастотах, и это усложнило ситуацию. Оплошность была исправлена.

Не представлялось возможным внести поправки лишь в погоду. А в ночь с 27 на 28 апреля видимость в районе бедствия была настолько плохой, что в воздух не поднялся ни один американский истребитель.

Но не только операция «Тигр» привела к жертвам. Ранения и даже смертельные исходы случались во время ночных парашютных прыжков и применения реальных боезарядов. Майор Дэвид Томас служил хирургом в 508-м парашютно-пехотном полку. Однажды у парашютиста не раскрылся купол. «Мы искали его три дня, — вспоминает Томас. — А когда нашли, я снял с его рук перчатки и тщательно, раза три-четыре простирал, чтобы выгнать из них дух смерти. Я не суеверен, но подумал, что им не суждено дважды принести неудачу». В день «Д» хирург был в этих перчатках.

Никто не говорил ни «джи-айз», ни «томмиз», когда и где они пойдут в наступление. Однако маневры ясью указывали на то, что, независимо от того, «где и когда», первыми двинутся в бой такие дивизии, как 29-я и 4-я. В войсках царил высокий моральный настрой, но никто не сомневался в неизбежности потерь. Стрелковые роты были усилены людьми, особенно младшими офицерами и сержантами.

Рядовой Гарри Парли попал в роту «Е» 116-го полка в начале 1944 г. Он не забыл этот день: «Вошел ротный, сказал, что его зовут капитан Лоренс Мадилл, что нашей роте предстоит идти в первом эшелоне, что ожидаемые потери в живой силе оцениваются в 30 процентов и что это касается всех нас». Парли вспоминает: «Мне стало так грустно, когда я подумал о том, что может случиться со стоящими рядом со мной «джи-айз».

На штурм побережья должны были пойти американские 1-я, 4-я, 29-я, британские 50-я и 3-я, а также канадская 3-я пехотные дивизии при фланговой поддержке британской 6-й и американских 82-й и 101-й воздушно-десантных дивизий. 1-я и 82-я уже воевали в Средиземноморье. Для других день «Д» означал боевое крещение (как и для новичков 1-й дивизии в Англии). Как пишет Джеффри Перрет: «Операция «Оверлорд» представляла собой сверхзадачу, решить которую способна только единая Армия. Она укомплектовалась таким образом, чтобы можно было с уверенностью противопоставить закаленным в сражениях немецким войскам и неопытные соединения, вроде 4-й, 29-й и 101-й дивизий».

Пехота в основном состояла из призывников. В воздушные десантники шли исключительно добровольцы (кроме планерных подразделений), и их по определению считали элитой. Парашютистами, по словам рядового Роберта Рейдера из 506-го полка 101-й воздушно-десантной дивизии, руководило «стремление быть лучше других». Притягивали, конечно, и ежемесячные «прыжковые» 50 долларов. Парашютисты считали себя особой кастой, и в какой-то мере справедливо. Но в ходе кампаний на северо-западе Европы им пришлось убедиться в том, что планерные войска и такие части, как 1-я, 4-я или 29-я, действуют не хуже, — во многом благодаря интенсивной подготовке призывников.

И все же верно, что десантников тренировали более жестко, чем пехотинцев. Еще в Джорджии, в конце 1942 г., 506-й полк, например, при полном снаряжении сделал трехдневный марш-бросок, преодолев расстояние в 220 км. Когда он в сентябре 1943 г. оказался в Англии, начались не менее суровые испытания: повторяющиеся трехдневные полевые упражнения, сопровождаемые прыжками с парашютом. Вот как описывается в одном из дневников возвращение в барак после учения: «У всех такой вид, как будто мы участвовали в сражении.

Небритые изможденные лица, грязь с головы до ног, изорванное на заборах обмундирование. Последние изнуряющие километры — и ты валишься на койку, говоря себе: «В бою, должно быть, легче!»

Цель всех тренировок — пехоты, бронетанковых частей, саперов, воздушного десанта — заключалась в том, чтобы заставить людей поверить: в бою, возможно, будет не так тяжело, как на учениях. Тогда предстоящее сражение покажется им избавлением от этой ежедневной муштры.

«Но конечно, — говорит сержант Д. Зейн Шлеммер из 508-го парашютно-пехотного полка, — никто не в состоянии подготовить вас по-настоящему к бою. Как только вы оказываетесь на поле сражения, вы это сразу понимаете».

Некоторые части нуждались в специализированных тренировках. Майор Говард из роты «Д» отряда «Оке энд бакс» попросил топографов найти карту Лондона, на которой изображены протекающие рядом река и канал с едиными мостами, как на Орне. Похожее место отыскивали в районе Эксетера. Говард перебрался туда со своей ротой и в течение почти недели днем и ночью атаковал мосты в Эксетере. Когда планер достигал цели (а их в роте было шесть), то находившийся на нем взвод пехоты знал, как выполнить свою миссию до конца.

Чтобы добиться более точного приземления планеров у мостов, пилотам организовали учения под кодовым названием «Дэдстик». Все летчики имели звание сержанта, служили в планерно-пилотажном полку; их было 16, по два на каждый из шести планеров, предназначенных для дня «Д», плюс четыре запасных. Полковник Джордж Чаттертон, командир полка, сделал все возможное, чтобы усложнить испытания. Он требовал, чтобы планеры приземлялись у небольшой рощи в виде буквы «L», при этом три из них должны были пролететь над видимой стороной леса, а другие три — практически сесть вслепую. В дневное время это не так уж трудно было сделать. Потом Чаттертон поставил задачу отрываться от самолетов-носителей на высоте 2100 м и планировать в соответствии с фиксированными курсами и временем. Необходимо было совершить три и четыре полных круга, прежде чем пролететь над лесом. Это тоже оказалось не так уж сложно, потому что, как объясняет пилот 1-го планера Джим Уоллуорк, «при полном дневном свете всегда можно чуть-чуть схитрить».

Чаттертон пошел дальше. Он вставил цветные стекла в защитные очки пилотов, превратив день в ночь, и предупредил: «Глупо играть с такими вещами. Вам придется иметь с ними дело, когда придет время». Тем не менее Уоллуорк сначала снимал защитные очки, когда видел, что его обстреливают, но признал, что «потом мы воспринимали все это очень серьезно». К концу мая планеристы летали при лунном свете, отделялись от самолетов-носителей на высоте 1800 м на расстоянии 13 км от леса. Они находились в воздухе независимо от погоды, кружили и виражировали как хотели. В целом в ходе операции «Дэдстик» ими было совершено 43 тренировочных полета, более половины — в ночное время. Они были готовы.

Американские 2-й и 3-й батальоны рейнджеров состояли из добровольцев. Их тоже называли «смертниками», но лейтенант Джеймс Эйкнер из 2-го батальона с таким определением не согласен: «Мы просто были восторженными молодыми людьми, решившими стать солдатами и настроенными на то, чтобы поскорее покончить с войной и вернуться домой к своим любимым и близким».

Естественно, что таким отборным частям предстояло выполнять особые задания, например, захватить батарею в Пуант-дю-О. Поскольку для этого необходимо было взбираться по скалам, главное внимание уделялось физической подготовке рейнджеров. В марте они отправились в горы Северной Шотландии. Там им вместе с командос пришлось участвовать в скоростных марш-бросках, проходить в среднем 40 км в день, а иногда и 60, подниматься в горы, карабкаться на утесы, отрабатывать рукопашные схватки, молниеносные, внезапные и скрытные

атаки. Джон Слотер вспоминает, что за десять дней тренировок один из рядовых потерял в весе 15 кг.

Затем начались учения по высадке на берег: преодоление пляжей, напичканных колючей проволокой, другими мыслимыми и немыслимыми заграждениями, которые приготовил для десантников Роммель. В апреле рейнджеры практиковались в Десантном учебном центре. В начале мая они под Свониджен тренировались в альпинизме — с веревками, крючьями и раздвижными лестницами, которые предоставил Лондонский пожарный департамент.

Лейтенант Уолтер Сидловский, сапер, восторгался рейнджерами. «Мои парни, — говорил он, — всегда думали, что физически они самые сильные. Но их не могло не восхищать то, как рейнджеры в любую свободную минуту отжимались, «дрались», крутились на турникетах, бегали при полном боевом снаряжении».

«Я скажу лишь одно, — замечает лейтенант Эйкнер из 2-го батальона рейнджеров. — Когда после всех учений мы оказались в бою, у нас не дрожали колени, мы не плакали и не молились. Мы знали, на что идем. Каждый из нас был готов на все. В нас была какая-то сумасшедшая уверенность. Конечно, под обстрелом было тяжело. Но все чувствовали единственное стремление — достойно завершить нашу миссию».

Самые сложные задачи предстояло решать инженерным войскам (из них сформировали три бригады, по три батальона в каждой). 6-ю инженерную специальную бригаду (ИСБ) придали 116-му полку (правый фланг «Омахи»), 5-ю — 16-му полку (левый фланг «Омахи»), а 1-ю — 4-й дивизии («Юта»).

Американские соединения, готовившиеся ко дню «Д», почти на четверть состояли из инженерных частей. Эти подразделения должны были ликвидировать заграждения и минные поля; создавать коридоры и устанавливать указатели для десантных судов; сооружать платформы для высадки солдат и боевой техники (по цвету платформ экипажи судов могли определять, что конкретно нужно выгружать в данном месте); расчищать выездные пути с берега; взрывать проходы в противотанковых заслонах; оборудовать военно-полевые склады и регулировать движение транспорта.

Инженерные войска дополняли всякого рода специальные части, например батальоны морских сигнальщиков с семафорами, гелиографами и рациями для обеспечения связи между берегом и флотом. Особый химический батальон был подготовлен для обеззараживания отравляющих газов и радиации (предполагалось, что немцы достаточно далеко продвинулись в ядерных исследованиях). Формировались медицинские батальоны, артиллерийско-технические отряды, похоронные роты, военная полиция, батальоны ДАКВ, роты телефонистов — в общей сложности 16 специализированных подразделений. Как заметил подполковник Томпсон, после Десантного учебного центра принявший командование 6-й ИСБ: «Трудно себе представить более организованные и обученные выполнению специфических задач войска, чем инженерные».

ИСБ также прошли тренировки в Десантном учебном центре на Слептон-Сендс. Сержант Барнетт Хоффнер из 6-й бригады участвовал в операции «Тигр» 27–28 апреля, когда затонули несколько судов ДСТ. «Я со своим взводом в это время находился на берегу, — говорит он. — Мы учились обезвреживать мины и вдруг заметили в воде мертвые тела. Мне никогда прежде не приходилось видеть покойников. Мы подошли к прибою, чтобы вытащить мертвецов. И вдруг раздался командирский крик:

— Сержант, убери своих людей отсюда!

Я взглянул наверх и, увидев две звезды на погонах, понял, что это генерал-майор Хюбнер. Мы быстренько слиняли. Кто осмелится оспаривать то, что приказывает генерал?»

На войне каждый должен знать свое место. Генерал Хюбнер именно это и имел в виду. Для

того, чтобы позаботиться о трупах, существовала похоронная команда. В день «Д» никто не имел права задержаться, чтобы помочь раненым или кого-то похоронить. Эти обязанности возлагались на медицинские и похоронные службы, а солдаты должны были идти только вперед.

Создавались и другие части и средства особого назначения. Например, отряды взрывников-подводников, мини-подлодки для сопровождения десантных судов, одноместные аэропланы со сложными крыльями, которые могли быть доставлены к месту назначения на самоходных понтонных паромов «Райноу» — «Носорогах» (размером 12,5 на 53 м), несущих на себе до 40 таких машин. Эти самолеты использовались для корректировки огня корабельной артиллерии. 743-й танковый батальон, как и другие такие же подразделения танков «ДЦ», отрабатывал технику морской высадки. 320-й батальон аэростатного заграждения практиковался в установке воздушных препятствий на побережье. Кодировщики, индейцы чироки (всего 40 человек — по 20 для «Юты» и для «Омахи»), вели переговоры по радиосвязи, уверенные в том, что немцы не смогут понять их язык.

Все командос выделялись своей профессиональной подготовкой. 1-й и 8-й отряды из батальона № 10 были французскими. Рядовой Робер Пияж служил в 1-м отряде. Он родился в 1920 г. в городке Уистреан, расположенном в устье реки Орн. Его отец уже умер от ранений, полученных в Первой мировой войне. Пияж вступил в ряды французской армии в 1939 г., несмотря на мольбы матери не делать этого. В июне 1940 г. он прибыл в Англию, откликнувшись на призыв де Голля взяться за оружие. Пияж вошел в группу командос, которая относилась к французскому военно-морскому флоту, но была экипирована и обучена британцами. Понятно, что французы стремились домой, а Пияж особенно, когда узнал, что ему предстоит высаживаться в Уистреане, где жила его мать.

В батальоне № 10 собрались командос со всей Европы: поляки, датчане, бельгийцы, норвежцы. Все они, как и французы, рвались в бой, чтобы вернуться на родину.

Отряд № 3 состоял из евреев, сумевших каким-то образом пробиться в Англию из Германии, Австрии, Чехословакии, Венгрии. Адмирал лорд Луис Маунтбаттен, командующий морской десантной операцией, создал из них специальную дозорно-разведывательную группу. Они хорошо владели немецким языком, могли вступить в разговор в случае встречи с противником и переводить во время допросов военнопленных. Этот отряд отлично знал все, что касалось вермахта, — организацию войск, оформление документов, вооружения, методологию военных действий.

Капрал Питер Мастерс служил в 3-м отряде. Он родился в Вене в 1922 г. и находился там, когда немцы вошли в Австрию 12 марта 1938 г. «Мне пришлось жить среди нацистов шесть месяцев, — говорит он. — Вполне достаточно для того, чтобы юнец-пацифист захотел стать добровольцем, готовым воевать с фашизмом». В августе 1938 г. Мастерс пробрался в Лондон и вскоре вступил в группу командос.

— Умеете ли вы стрелять? — спросил его офицер. — Управлять катером? Обращаться с радио?

Мастерс ответил, что ему довелось однажды выстрелить из двустволки, приходилось плавать в лодке, однако он никогда не имел дело с парусами и радио. Но в нем было столько энтузиазма, что командос все-таки приняли его в свой отряд.

Венскому еврею посоветовали взять другую фамилию, чтобы избежать немецких издевательств, если вдруг попадет в плен. Не долго думая он сказал «Мастерс». Ему выдали личный знак с надписями «Питер Мастерс» и «Англиканская церковь». Всем в отряде № 3 пришлось придумать легенды, чтобы в случае необходимости объяснить, почему они говорят по-английски с заметным акцентом. Мастерс изобрел такую версию: родители все время

находились в разъездах, его воспитывала немецкая няня, которая плохо знала английский язык.

Гарри Номбург тоже был членом команды № 3. «Я родился в Германии, — рассказывает он. — В возрасте 15 лет родители отправили меня в Англию, чтобы уберечь от нацистских преследований. Я уехал из Берлина 21 мая 1939 г. Это было воскресенье, день Матери. Я больше никогда не видел своих родителей. Когда мне исполнилось 18 лет, я пошел служить в британскую армию и в начале 1943 г. попросился добровольцем в коммандос. Вместе с зеленым беретом мне «выдали» новое имя — Гарри Дрю». (После войны Номбург вернул себе прежнюю фамилию, Мастерс сохранил английскую.)

(Среди американских парашютистов оказался бывший участник/движения «Гитлерюгенд». Фред Патејгер родился в декабре 1919 г. в немецком городе Раштатт и подростком вступил в эту организацию. Когда его тетя собралась выйти замуж, нацистские следователи, проверяя всю родословную, обнаружили, что прапрадед Фреда был евреем. Фреда тут же выкинули из молодежной партии. Мать списалась с родственниками в Чикаго, и в апреле 1938 г. Патејгер иммигрировал в Соединенные Штаты. Его родители, тетя и другие члены большой семьи погибли в концентрационных лагерях. Когда он попытался завербоваться в армию в 1940 г., то получил клеймо «непригоден, подданный враждебной державы». Тогда Патејгер обратился к Эдгару Гуверу, директору ФБР, с протестом, заявив, что для него главное — борьба против нацистов, а не против немцев. Вскоре его занесли в число «пригодных», и Патејгер стал капралом в 101-й воздушно-десантной дивизии.)

Ко дню «Д» отряд № 3 разделили на группы по пять человек, каждую из которых придали различным бригадам коммандос. Мастерс оказался в числе «велосипедистов». На самом деле им выдали совершенно не приспособленные для езды рамы на колесах, без педалей, правда, с корзинами для рюкзаков. Мастерс проклинал эти уродины, но был рад и такой возможности сделать что-нибудь полезное. Нацисты за пять лет вызвали к себе в Европе невероятную ненависть. И люди, подобные Пияжу, Мастерсу, Номбургу, Патејгеру и другим беженцам, готовы были взяться за любое дело, чтобы отомстить фашизму.

В основе нацистской идеологии лежал расизм. Он присутствовал и в американской армии. В 1937 г. в Военном колледже провели исследование достоинств и недостатков чернокожих солдат. Аналитики пришли к выводу, что «негры отличаются покорностью, стоворчивостью, простодушием, беззаботностью и благодушием». Сталкиваясь с проявлениями несправедливости, они «становятся угрюмыми и неподатливыми, хотя ненадолго». И далее: «... негры беспомощны, безответственны и хитры; они не любят, когда за ними наблюдают, и управлять ими лучше всего путем восхваления или одурачивания; нефы аморальны, неверны, и их понятие правильного поступка ущербно».

Что касается сильных сторон, то чернокожие американцы, как правило, «жизнерадостные, доверчивые и нежалостливые, если их достаточно хорошо кормят. Они музыкальны и обладают чувством ритма. Искусство довольно примитивно. Религиозны. В массе своей отличаются трудолюбием. Они эмоциональны и способны на демонстрацию высочайшей степени энтузиазма».

В Первой мировой войне две дивизии чернокожих американцев сражались во Франции. Одна из них входила во французскую армию и проявила себя блестяще: завоевала много наград и, самое главное, получила запрос Парижа на то, чтобы Соединенные Штаты поставили еще больше чернокожих войск. Другая же попала в американскую армию под командование белых южан и, не имея адекватной подготовки и вооружений, действовала отвратительно. Офицеры Военного колледжа в 1937 г. сосредоточили внимание на промахах и обошли вниманием успехи негритянских частей, что привело их к заключению о том, что «чернокожие американцы небоеспособны». Поэтому, несмотря на то что во время Второй мировой войны были

сформированы три пехотные дивизии из чернокожих американцев, реально в боях участвовала только одна — 92-я.

К марту 1944 г. в Соединенном Королевстве находилось около 150 тыс. американцев с черным цветом кожи. Большинство из них служили в частях снабжения, разгружали суда или водили грузовики. Сегрегация, конечно, имела место. Однако, по понятиям того времени, она не означала дискриминацию. Раздельно, но на равных — это правило действовало как дома, в США, так и в Британии.

Генерал Эйзенхауэр разослал циркулярное письмо всем американским командующим: «Необходимо избегать какой-либо дискриминации в отношении военнослужащих-негров». Тем не менее он был вынужден признать, что в Лондоне и других крупных городах «практически невозможно обойтись без сегрегации черных и белых в дни отдыха или когда они пребывают вне своих служебных обязанностей». Когда Красный Крест оказался не в состоянии предоставить черным американцам отдельные клубы, Эйзенхауэр распорядился, чтобы им были открыты все учреждения этой международной организации. Более того, он потребовал, чтобы «командиры на местах не допускали расовую дискриминацию и сводили к минимуму конфликтные ситуации, возникающие в связи с выдачей увольнительных в город». Иными словами, если в местечке оказывался только один клуб Красного Креста, то на один вечер выдавались пропуска чернокожим солдатам, а на другой — белым.

Красный Крест оборудовал 27 отдельных клубов для чернокожих американских солдат, но их было недостаточно. Неизбежно происходили стычки в клубах для белых, а особенно в барах. Схватки возникали, когда в одной пивной оказывались черные и белые «джи-айз». Начиналась стрельба, как правило, белые охотились за черными (генерал-майор Аира Икер, командующий 8-й воздушной армией, считает, что на 90 процентов проблемы создавались белыми), что нередко заканчивалось убийствами, которые потом армия «покрывала».

Эйзенхауэр направил еще одно циркулярное письмо. В нем он указал, что «распространение любых уничижительных заявлений относительно каких-либо американских войск, белых или цветных, должно рассматриваться как предосудительное, как нарушение военной дисциплины и должно быть наказуемо... Это мое требование необходимо довести до сведения всех офицеров, Я настаиваю на том, чтобы каждый лично передал его своим подчиненным в порядке распоряжения командующего»^[20].

Генерал-лейтенант Дж. С. Г. Ли, возглавлявший Службу снабжения, которой в принципе обращение Эйзенхауэра и адресовалось, приказал каждому офицеру внимательно ознакомиться с посланием. Он предупредил:

— Слово генерала Эйзенхауэра не расходится с делом!

Но распоряжение мало что изменило. Инциденты на почве расизма продолжались. По указанию Эйзенхауэра провели проверку полевой почты. Офицеры, читавшие письма, сообщили, что в большинстве своем солдаты с изумлением отмечали отсутствие в Англии сегрегации. Они с негодованием писали о дружбе британских женщин с черными американцами. В письмах выражалось опасение, что после войны это может отразиться на межрасовых отношениях в Соединенных Штатах. Чернокожие солдаты, со своей стороны, восхищались Великобританией, тем, что в этой стране нет деления на белых и цветных. Один офицер в отчете в конце мая 1944 г. прямо сказал: «Если в ближайшее время не начнется вторжение, то у нас будут серьезные расовые проблемы».

Предотвратить нарастание расовых конфликтов можно было только одним способом — постоянно занимать войска различными тренировками. Эйзенхауэр требовал, чтобы «солдаты вместе учились, вместе работали, вместе жили, чтобы у нас сложилась единая команда для проведения успешной кампании». Пока белые пехотинцы упражнялись в высадке на берег с

ботов Хиггинса, их чернокожие собратья загружали и выгружали десантные корабли ДКТ. Учения были насыщенными, и казалось, что им нет ни конца, ни края.

Немцы, пребывавшие во Франции, фактически не тренировались. Они старались забить в землю как можно больше столбов, соорудить на берегу как можно больше заграждений и весь апрель и май занимались строительством, а не полевыми маневрами. Исключение составляла 21-я бронетанковая дивизия.

Полковник Люк, командовавший 125-м полком, регулярно выводил свои танки на ночные учения. Он делал упор на отработке пунктов сбора, маршрутов, ведущих к побережью и мостам через реку и канал Орн, ведении огня во время движения, высоких скоростей и марш-бросков. 30 мая дивизию посетил Роммель. На него произвела впечатление демонстрация так называемого «органа Сталина» — реактивной установки с 48 стволами. Тогда Роммель сказал офицерам 21-й, чтобы они поддерживали высочайшую боеготовность:

— Не рассчитывайте на то, что враг придет среди бела дня и в ясную, хорошую погоду.

Поддерживать боеготовность было не простым делом. Люк пишет в своих мемуарах: «Бронетанковая дивизия, привыкшая постоянно находиться в движении, изнывала от бездействия. И это в общем-то опасно. Боеспособность легко потерять, особенно после употребления кальвадоса и сидра, которых в этих местах невпроворот. К тому же мы не знали, высадится ли вообще противник в нашем секторе».

Иными словами, даже элита вермахта в Нормандии расслабилась, ведя праздный образ жизни оккупантов в стране тучных коров и сладких яблок. Времяпрепровождение рядового солдата — не важно, подростка из Берлина, 40-летнего поляка или русского из «восточных» батальонов, — состояло из изнурительного труда днем, ночных развлечений, томительного ожидания нападения и надежд на то, что оно произойдет в каком-нибудь другом месте. Все это, конечно, не настраивало на боевой лад.

Длительная оккупация Франции создавала свои проблемы. Участились случаи, когда немцы разводились с женами и женились на француженках. Более того, существовали опасения, что не только отдельные солдаты, но и целые части могут сдаться в плен при первой же возможности. Прежде всего это, конечно, касалось «восточных» батальонов. Но нельзя было исключать и того, что таким образом могут поступить и чистокровные немцы. У них, как отмечалось в секретном докладе, подготовленном в декабре 1943 г. для высшего командования, сложились иллюзии, что они воюют с противником, «проявляющим гуманное отношение к человеку». Доктор Детлеф Фогель пишет: «Вряд ли кто уже слишком боялся оказаться в плену у союзников. Естественно, такие настроения не способствовали воспитанию стойкости и выдержки в войсках, как того требовало командование».

Пропаганда Геббельса пыталась убедить немецких солдат в том, что их ожидает борьба, в которой им придется выбирать между жизнью и смертью, борьба до конца. Незадолго перед высадкой генерал Йодль говорил:

— Мы еще посмотрим, кто лучше сражается и кто легче идет на смерть ради своей страны: немецкий солдат, родине которого угрожает уничтожение, или американцы и британцы, которые даже не знают, за что они воюют в Европе.

Но Роммель не мог полагаться на слова. Как пишет доктор Фогель, и накануне вторжения «оставались сомнения в том, что немецкие солдаты на Западе проявят такую же смертельную хватку, какую они нередко демонстрировали в боях с Красной Армией, поскольку обычный призыв к защите отечества, использованный на Восточном фронте, не имел такого же значения на западных рубежах».

Чтобы бороться с пораженческими настроениями, немецкие командиры лгали своим солдатам. Питер Мастерс во время допросов военнопленных в день «Д» выяснил, что им

постоянно вдалбливали: «Мы запросто скинем их в море. Наши «штукас» (Stukas)^{[\[21\]](#)} их раздelaют. Наши подлодки и бомбардировщики потопят их флот и десантные суда. А наши танки раздавят их на берегу».

Верили ли немцы в эти сказки, трудно сказать. Но факт остается фактом: вермахт одолевала сомнeния, и об этом свидетельствует настойчивое стремление Роммеля побольше влить бетона и вколотить столбов на побережье, а не заниматься войсковыми учениями. По другую сторону Ла-Манша в то же самое время союзники вплотную готовились к вторжению.

8. Сборы, инструктаж

С наступлением мая войска начали прибывать в Южную Англию. Их доставлял морем нескончаемый поток транспортных судов и ДКТ. Корабли шли из залива Ферт-оф-Клайд и Белфаста, через Ирландское море, минуя остров Мэн, из Ливерпуля, Суонси и Бристоля. Из них формировались конвои по 20, 30, 100 судов, которые затем через Атлантику, огибая мыс Лендс-Энд, направлялись к портам назначения — в Плимут, Торки, Уэймут, Борнмут, Саутгемптон, Портсмут, Истборн.

Войска перебрасывались на поездах, автобусах, грузовиках, некоторые части добирались пешим ходом. Люди и техника были отовсюду — из Северной Ирландии, Шотландии, Уэльса, центральных графств. Они передвигались по узким британским дорогам ротами, батальонами, иногда полками. В местах сбора создавались дивизии, корпуса, армии, в общей сложности — почти 2 млн «штыков» и около полумиллиона единиц техники. Их обеспечивали различные службы, насчитывавшие 54 000 человек, включая 4500 поваров. Это было величайшее перемещение вооруженных сил в истории британской и американской армий. На южной оконечности Англии образовалась такая концентрация войск и вооружений, какой мир еще не знал и вряд ли когда-нибудь узнает^[22].

Место расположения 175-го полка 29-й дивизии возле Фалмута солдаты прозвали «сосиской»: на карте оно выглядело таким же узким, длинным, к тому же прижатым к дороге забором. Их разместили в палатках и заставили посыпать гравием приготовленные заранее тропы. Они должны были пользоваться только этими тропами, чтобы немецкая воздушная разведка не обнаружила другие дорожки, сделанные в поле. Технику скрыли под живыми изгородями и камуфляжной сеткой. «Сосиску» охраняла военная полиция, и никто не имел права выйти за ее пределы. Солдатам запретили разжигать костры, хотя в середине мая ночи все еще были холодными, а по утрам на почве случались заморозки.

Лейтенант Юджин Бернстайн вместе со своим ДСТ(Р) вначале через Ирландское море прибыл на остров Мэн, где танкистов-ракетчиков кормили «почти одними стейками три раза в день». Затем он отправился в Фалмут, где ему сказали, что экипаж явился «не по тому адресу». После обмена неизбежными в таких случаях «любезностями» Бернстайну приказали выйти в Дартмут, что находится на берегу реки Дарт. По прибытии ему было велено перебраться через реку и бросить якорь неподалеку от дома Агаты Кристи — «Гринуэй-хаус». «Это оказался великолепный каменный особняк, — рассказывает Бернстайн, — с оранжереями и извилистой гравийной дорожкой, протянувшейся вдоль берега. Миссис Кристи передала его американскому военно-морскому флоту, который превратил дом в свою штаб-квартиру».

Лагерь воздушных десантников раскинулся рядом с аэродромами в Южной Англии. 506-й парашютно-пехотный полк расположился у Аппоттери, планеристы из отряда «Оке энд бакс» — возле Таррант-Раштона. Инженерным войскам отвели свои места дислокации: 6-я специальная бригада устроилась рядом с Портсмутом.

«Сосиски» буквально напичкали техникой и оборудованием. Сержант Джон Роберт Слотер из 116-го полка 29-й дивизии вспоминает: «Войска с избытком укомплектовались всем необходимым для предстоящей грандиозной битвы. Куда ни посмотришь, везде танки, артиллерийские орудия всех калибров, грузовики, джипы, тягачи, самолеты-корректировщики «Пайпер-каб», ящики с продовольствием, цистерны, бочки, канистры, коробки. Назовите что угодно, это у нас имелось».

Техника должна была быть водонепроницаемой. Каждую движущуюся деталь обрабатывали специальной смазкой «космолин», которая не пропускала юлу и защищала

металл от коррозии. Из карбюраторов джипов, танков, грузовиков торчали трубки для забора воздуха. «Водители и стрелки не впустую целыми днями возились у своих машин под камуфляжными сетками, — замечает в мемуарах лейтенант Ралф Истридж (115-й полк 29-й дивизии). — Беспечность в таких вещах опасна: танк, например, может остановиться в самый решающий момент, когда ему нужно с ramпы спускаться в воду и плыть к берегу. Стрелки тщательно укрывали затворы резиной и промазывали края клеем. Рации тоже укладывались в резиновые пакеты».

В войска поступали миллионы презервативов. Некоторые солдаты надували их как воздушные шары или наполняли водой. Но другие находили им более разумное применение. Пехотинцы обтягивали ими дуло винтовок «М-1»: «резинки» не пропустят в ствол песок или воду, и их можно не снимать до тех пор, пока не наступит время стрелять. Многие заворачивали в презервативы часы; к сожалению, в них не помещались бумажники.

Всем выдали «спасательные комплекты» на случай, если человек потеряется или попадет в плен. «Они напоминали о бойскаутских играх, — говорит майор Говард. — В набор входили самые разные предметы: напильник, который нужно было вшить в гимнастерку; латунная брючная пуговица (ее намагнитили, и она могла служить миниатюрным компасом, если ее поставить на булавку); шелковый шарф с картой Франции; таблетки для очистки воды; французские франки, напечатанные правительствами США и Англии при громких протестах де Голля (в пересчете на американскую валюту примерно 10 долларов на человека). Эти простые вещи приводили ребят в неописуемый восторг».

Каждый солдат получил новейшее оружие. Винтовки и пулеметы требовалось пристрелять. Слотер вспоминает: «Нас не ограничивали в боеприпасах: упражняйся, сколько хочешь. Штыки и ножи были наточены, как бритвы».

Выдали и новые комплекты одежды, пропитанной химическим составом, предохраняющим от отравляющих газов. Солдаты ненавидели эту униформу. Отношение к ней десантников, высаживавшихся в день «Д», выразил рядовой Эдуард Йезиорский из 507-го парашютно-пехотного полка: «Трудно придумать более неудобное, холодное, одеревенелое, липкое и дурно пахнущее обмундирование. Тот, кто изобрел эту жуткую хламиду, наверняка получил медаль «За выдающиеся заслуги» от самого дьявола». (Войска прошли в такой форме всю Нормандскую кампанию и даже больше, химическая пропитка не позволяла одежде «дышать», люди замерзали в ней ночью и обливались потом днем, и, конечно, от них всегда дурно пахло.)

Но питание было превосходное. «Стейки, свиные отбивные со всякими там гарнирами и приправами, — вспоминает Слотер, — а затем пирог с лимоном и меренгой — обычное ежедневное меню, причем по принципу: ешь, сколько можешь. Американцы особенно налегали на свежие яйца, белый хлеб, мороженое, соусы и прочие недоступные прежде «лакомства» и шутили при этом, что их «откармливают, как на убой».

В специально оборудованных палатках целыми днями крутили новейшие фильмы, которые доставляли прямо из Голливуда.

Там же бесплатно раздавали поп-корн и леденцы. Многие ветераны помнят если не сюжеты, то названия этих картин: «Mr. Lucky» («Везунчик») с Кэри Грантом и Ларейн Дей, «Going My Way» («Иду своей дорогой») с Барри Фицджеральдом и Бингом Кросби и, конечно, «The Song of Bernadette» («Песня Бернадетты»).

Учения закончились. Если не считать стрельбища, оттачивания штыков и ножей, хождения в кино, то солдатам практически нечего было делать. По словам капрала Питера Мастерса, «казалось, что время остановилось». После многих напряженных дней, наполненных тренировками и маневрами, войска заскучали. Мастерс рассказывает: «При таком скоплении вооруженных людей неизбежны инциденты с оружием, приводящие иногда и к жертвам.

Нередко какой-нибудь солдат по ошибке нажимал на спусковой крючок своей винтовки. Однажды кто-то услышал взрыв и закричал:

— Санитары!

В роте «А» 116-го полка какой-то шутник бросил в горящую бочку обойму пуль от «М-1»: солдаты лишь расхохотались, но все-таки разбежались».

Проходили дни, недели, и в войсках нарастали раздражительность и озлобление. Любое расхождение во мнениях тут же вызывало ссору. Кулачные бои стали обычным явлением, говорит рядовой Иезиорский. Лейтенант Ричард Уинтерс из 506-го полка что-то не поделил с лейтенантом Реймондом Шмицем и в драке повредил ему два позвонка, из-за чего тот попал в госпиталь. И как всегда в военных лагерях, в «сосисках» распространялись самые невероятные слухи.

Занятия спортом несколько помогали выпустить бьющую через край энергию. Сначала все увлеклись футболом^[23]. Но ротные командиры скоро запретили его, поскольку игры превратились в рукопашные схватки, заканчивавшиеся переломами рук и ног. Софтбол оказался более подходящим развлечением: в ротах стояли бочки, доверху набитые мячами и перчатками. Многие теперь вспоминают, что это были для них последние игры с мячом: полученные в боях ранения лишили их такой возможности.

В «сосисках» имелись библиотеки, состоявшие в основном из книг типа «пейпербэк» (в мягком переплете). Они впервые появились в 1939 г., когда «Покет букс» издал сразу десять наименований по цене 25 центов за экземпляр. Затем в 1941 г. «пейпербэки» начало выпускать издательство «Эйвон букс», за которым последовали «Попюлар лайбрери» и «Делл». Специальная бесплатная серия книг уменьшенного формата под названием «Амд сервисна эдишнс» была подготовлена для американских войск (22 млн экземпляров). Большой популярностью у солдат пользовалась «A Tree Grows in Brooklyn» («Дерево растет в Бруклине») и, как это ни удивительно, «The Pocket Book of Verse» («Карманная книга поэзии»). Чтобы не навредить моральному духу войск, в сборник не были включены тревожные и печальные стихи ветеранов Первой мировой войны).

Процветали азартные игры. Практически безостановочно солдаты резались в покер и в кости. Из рук в руки переходили огромные суммы денег. Рядовой Артур «Датч» Шульц из 505-го парашютно-пехотного полка выиграл в кости 2500 долларов, «Я знал это, — говорит он, — потому что остановил игру и пересчитал деньги. Я оставил без единого цента всех, кроме штабного сержанта, которого, кстати, терпеть не мог. Но у него еще были 50 долларов. Я решил и его добить. Однако удача мне изменила: я потерял все 2500 долларов».

В частях фактически действовал «сухой закон». Редко кому удавалось выбраться из «сосисок» и пойти в паб: военная полиция отлавливала и арестовывала таких «лазутчиков». Майор Дэвид Томас, хирург 508-го парашютно-пехотного полка, помнит, что каждому медику выделили по фляге спирта к операции в Нормандии. Он сухо замечает: «Не думаю, что хотя бы одна капля покинула пределы Англии».

Ротные командиры водили своих солдат строем по близлежащим дорогам. Это давало им возможность развеять скуку. Заодно они могли увидеть, насколько грандиозны приготовления союзнических войск к операции, ощутить уверенность, что такая непреодолимая сила не может потерпеть поражение. Маршируя через поля и деревни, солдаты встречали на своем пути не поддающееся подсчету количество боевой техники и самолетов. Перед ними открывалась впечатляющая картина мощи свободного мира, сконцентрированной для сокрушения нацизма: по дорогам шли люди в военной форме Новой Зеландии, Норвегии, Польши, Франции, Австралии, Канады, Великобритании, Голландии, Бельгии и Соединенных Штатов. Как вспоминает сержант Слотер, «казалось, что здесь собрались солдаты союзнических государств

со всего мира».

Во время одного из таких походов произошел инцидент, еще раз подтвердивший существование трений между «томмиз» и янки. Капрал Мастерс рассказывает, что его подразделение на марше повстречалось с американской частью. Несколько янки вышли из шеренг, чтобы поговорить с женщиной и ее трехлетней дочкой, стоявшими на обочине дороги (любое общение с гражданским населением было категорически запрещено). Конечно же, маленькая девочка не удержалась от того, чтобы сказать американцам то, что уже давно привыкли говорить все британские дети:

— Got any gum, chum? (У тебя есть жвачка, приятель?) «И когда мы проходили мимо, — вспоминает Мастерс, — кто-то из нашей колонны проорал американцам:

— Дайте ей хотя бы подрасти!»

Среди миллионов людей, собравшихся в Южной Англии для вторжения во Францию, мало кто знал детали операции «Оверлорд» — когда и где должна произойти высадка. Тех, кто владел сверхсекретной информацией, называли «биготами» («фанатиками»).

Но постепенно круг осведомленных расширялся. Верховная ставка Союзнических экспедиционных сил и штаб 21-й группы армий проинформировали о планах операции штабы армий и корпусов, а те, в свою очередь, командование дивизиями, полками, вплоть до командиров ротами и взводами, которые провели инструктаж среди сержантов и рядовых. На более низких уровнях названия районов высадки не раскрывались до самого дня отправки войск через Ла-Манш во Францию. В целом же информация была достаточно полной и точной, особенно о характере местности, численности и боеготовности германских сил. С подчеркнутым воодушевлением на брифингах говорилось о том, какое побоище устроят немцам авиация и морская артиллерия.

Инструктаж проводился на песчаных площадках или, как, например, в 12-м полку 4-й дивизии, на огромном макете полуострова Котантен, сделанном из губки и каучука. На нем в мельчайших деталях отображались все дороги, мосты, строения, линии электропередачи, укрепления и заграждения. Джерден Джонсон в своей книге «История 12-го пехотного полка во Второй мировой войне» пишет о том, что у десантников было такое впечатление, как будто они находятся на самолете и смотрят вниз на побережье и пляжи, которые им вскоре предстояло брать штурмом.

Для офицеров брифинги устраивались в полках. Лейтенант Ралф Истридж (115-й полк 29-й дивизии) составил подробное описание такого инструктирования. Один из командиров разложил карту «Омахи» и объяснил, что 16-й полк (1-я дивизия) и 116-й полк (29-я дивизия) высадутся бок о бок, а 115-й — вслед за 116-м. Затем он охарактеризовал укрепления и стационарные фортификации на «Омахе», особенности местности, расстояние от береговой стены до подножия утеса (около 200 м), его высоту (в среднем 30 м), привел другие детали.

«Вы видите, что наиболее мощная оборона создана в местах, где узкие лощины ведут в глубь материка. Для нас разломы или расщелины в скалах являются единственными выходами с берега. Успех первой атаки будет зависеть от того, как скоро нам удастся захватить эти выходы».

«Оборона противника в основном состоит из минных полей, заграждений из колючей проволоки, противотанковых траншей и огневых точек, перекрывающих выходы. На каждой позиции примерно по батальону, еще до батальона рассредоточены между ними. Все они входят в 916-ю дивизию, стационарную, названную так, потому что она призвана сражаться на фиксированных оборонительных линиях».

«Эта дивизия на 40 процентов сформирована из немцев, многие из них частично недееспособны. Но помните, что и однорукий солдат также способен вести пулеметный огонь

из ДОСа».

«Остальные 60 процентов — наемники, главным образом русские, а также поляки, югославы и другие граждане Балканских стран... Они грубы, примитивны, невежественны и не слишком высоко ценят свою жизнь. Эти люди пришли из той части мира, где война стала главным занятием для целых поколений. Ими командуют немцы, и они будут биться насмерть».

«За стационарной дивизией располагаются мобильные войска первого эшелона. Личный состав в основном немецкий. Большинство воевали на русском или итальянском фронтах. Слабое место — нехватка транспортных средств».

«Теперь о плане действий. Десантный флот высаживает 16-й и 116-й полки около 6.30... Суда подходят к берегу в районе первой линии подводных заграждений, на приливной волне. Ставится задача незамедлительно захватить высоты, позволяющие немцам обстреливать пляжи. Наш полк выгружается в час «Ч» плюс 90 минут, пробивается к этой деревне (на карте указывается Сен-Лоран-сюр-Мер, но название не упоминается. — Примеч. авт.) и занимает позиции справа...»

«Первая часть операции сравнительно легкая. Основное сделает 116-й полк до того, как мы высадимся. Если у него все получится, то для нас останутся сущие пустяки».

— Сэр, — спросил один из офицеров, — что произойдет, если 116-й не очистит побережье, как это предусмотрено планом?

— Тогда нам придется выполнить их миссию.

— Сколько дивизий в первом эшелоне? — задал вопрос еще один офицер.

— Это будет потрясающее шоу, — ответил инструктор с улыбкой. — Поверьте мне. Но нас должен заботить только наш сектор.

— Когда наступит день «Д»?

— Мы еще не знаем. Возможно, 3 или 4 (июня).

Офицерам понравилось замечание насчет «сущих пустяков», но они не поверили инструктору. Лейтенант Истридж комментирует: «Перспективы представлялись малоутешительными. Схемы береговой обороны показывали, что немцы подготовились фантастически. Перед 116-м полком стояла невероятная задача».

Рядовой Феликс Бранхем из 116-го полка помнит, как офицер, инструктировавший его взвод, говорил: если солдаты возьмут с собой побольше мин, снарядов для минометов, ящиков с боеприпасами, раций и батарей к ним, тем самым они помогут другим. Тогда 115-й, идущий следом и не столь перегруженный, «сможет воспользоваться оставленным на берегу снаряжением и быстрее двинуться вперед, пусть даже по нашим трупам».

Солдатам не всегда приходилось слушать такие пугающие речи. Чаще всего слова офицеров, инструктировавших роты и взводы, звучали более оптимистично. Спустя 40 и более лет ветераны «Омахи» вспоминают, хотя и с некоторой горечью, что им обещали: «Не будет никаких проблем, потому что нам расчистят путь авиация, морская артиллерия и реактивные установки на десантных судах. Поначалу будет легко, и нечего зря волноваться. Трудности наступят через два-три дня, когда начнутся танковые контратаки» (Роберт Хили, 149-я специальная инженерная бригада).

Вот еще несколько аналогичных воспоминаний.

«Нам говорили, что перед самым вторжением на наш участок 9-я военно-воздушная армия обрушит тысячи тонн бомб. И меня беспокоило, как наши грузовики пройдут через многочисленные воронки» (Мерикал Диллон, 6-я специальная инженерная бригада).

«Наш офицер только и делал, что пытался подбодрить нас. Он обещал, что более тысячи бомбардировщиков подготовят место высадки. Корабельные орудия сметут все, что обозначено на картах, — ДОСы, береговую артиллерию, минометные гнезда, проволочные заграждения. Все

взлетит в воздух, и нас ждет «сухая ерунда» (Уильям Диллон, 26-й полк).

«Нас заставляли поверить в то, что на берегу не останется ни одной живой души. В общем, не высадка, а прогулка при луне» (Лерой Дженнингс, 5-я специальная инженерная бригада).

Почти в каждой части происходило нечто подобное. Все желающие — младшие офицеры, рядовые, сержанты — могли часами изучать места высадки на песчаных столах и макетах, обсуждать и обмениваться мнениями. Раздавались фотоснимки, причем некоторые из них были сделаны буквально несколько часов назад и отражали последние изменения на «Атлантическом валу». Казалось, что при такой информированности союзников у немцев не имелось никаких шансов выстоять.

Случались и довольно необычные брифинги. Офицер, инструктировавший 91-ю эскадрилью самолетов — буксировщиков планеров, предупредил:

— Пилоты должны отпустить планеры только тогда, когда ведущий «С-47» начнет плавный разворот налево к берегу. Если кто-то из пилотов «С-47» отрубит планер раньше времени, то ему следует лететь дальше и не возвращаться, потому что я здесь буду его ждать.

У одного из пилотов возник вопрос. Совершенно невинно он поинтересовался:

— Сэр, что нам делать после того, как планеры приземлятся? Инструктор замешкался. После некоторого молчания он сказал:

— Если честно, не знаю. Над этим мы еще как-то не задумывались.

Потом раздался нервный смех, когда пилот планера, сидевший рядом с Чарлзом Скидмором, ответил за офицера:

— Бежать куда глаза глядят!

Армия всегда остается армией, и в ней неизбежны разные анекдотичные ситуации. Сержант Алан Андерсон из 116-го полка рассказывает, как однажды его позвали в палатку, где с патриотической и страстной речью выступал полковник, отвечавший за связи с общественностью. Пропагандист говорил о том, что «для всех нас «большая честь участвовать в этой величайшей операции по вторжению во Францию, которая изменит историю всего мира». А потом заявил, что очень жалеет, что не может быть рядом с нами. Мой приятель Арки Маркам ткнул меня в бок и сказал

— Хорошо, если он действительно этого хочет, то пусть идет вместо меня».

Полковник далее провозгласил, что армия готова к тому, чтобы в первые 24 часа понести чуть ли не 100-процентные потери. Андерсон вспоминает: «...все стали переглядываться и говорить:

— Да, не повезло нам».

После брифингов войска практически были заперты в своих лагерях. Военная полиция вела наблюдение как на их территории, так и по периметру. Никто не допускался вовнутрь без документа, удостоверяющего личность, и никому не разрешалось выходить без соответствующего приказа. Капитан Сирил Хендри, британский танкист, рассказывает, что 1 июня умер его отец, которого похоронили 3 июня, «но мне не позволили поехать на похороны, хотя мой брат, служивший в Дамаске, смог прилететь домой, чтобы попрощаться с отцом».

Молодым людям свойственна бравада. Но брифинги и детальное ознакомление с немецкими береговыми укреплениями отрезвляюще подействовали даже на самых бесшабашных храбрецов. Хотя они и убеждали друг друга в том, что хуже, чем на учениях, не будет, у них все же имелось представление о том, что могут сделать с человеческим телом пули и шрапнель. Большинство солдат еще не участвовали в боях, однако они читали в газетах и видели на экранах телевизоров военные новости с сентября 1939 г. Дома по газетным статьям или по информационным роликам они следили за тем, как вермахт покорял Европу, побеждал поляков, норвежцев, бельгийцев, британцев, французов, югославов, греков и русских.

Союзнические экспедиционные силы хорошо понимали, что им противостоит прошедшая боевую закалку армия, еще недавно считавшаяся несокрушимой.

После брифингов прибавилось работы у капелланов. Потеряв 2500 долларов, «Датч» Шульц пошел исповедоваться. Священник, британский капеллан, «вывернул меня наизнанку, заставил признаться в грехах, которые я совершил по шестой заповеди». Шульц потом не пропускал ни одной мессы, и, как он говорит, его радовало, что возле алтаря стояли капитан Стеф, майор Келлем, майор Макгинти и другие батальонные офицеры.

Майор Томас из 508-го полка не придавал особого значения брифингам: «Я служил в воздушно-десантных войсках достаточно давно и хорошо знал, что ночные прыжки никогда не совершаются так, как запланировано». Вместо этого он увлекся покером. Майор проигрывал и решил послушать капеллана в надежде получить моральную поддержку. «Только я уселся в последнем ряду, как капеллан Эддер сказал:

— Господь не очень интересуется теми, кто приходит к Нему по необходимости».

«Ничего себе, — подумал Томас, — он, должно быть, видел, как я входил». Тогда майор поднялся и вышел из часовни.

Когда Джон Барнс узнал, что его рота «А» 116-го пехотного полка идет в числе первых, он отправился на мессу, думая, что «это может оказаться последним шансом побывать на церковной службе». Его вырастила набожная мать, которая всем сердцем молилась, чтобы сын стал священником. Когда Джон окончил школу, ему пришлось сказать матери, что он не создан для церковной жизни. Во время мессы Барнс решил заключить с Богом сделку: если он останется живым, то станет священником. «Потом я подумал, — говорит Джон, — что это плохая сделка и для Него и для меня, и решил испытать судьбу».

Но были и такие, кто не хотел испытывать судьбу. «Датч» Шульц помнит парашютиста, который «случайно» прострелил себе ногу. Сержант Джозеф Драготто из 1-й дивизии с изумлением наблюдал, как солдат хладнокровно положил между двумя кусками хлеба приличную порцию трубочного табака и съел этот «сэндвич». В результате он оказался в госпитале, что автоматически избавляло его от участия во вторжении. Драготто также видел, как другой военный выхватил винтовку и начал стрелять по палаткам. Его тут же скрутила полиция. Сначала Драготто не мог понять, зачем солдат это сделал, а потом догадался: «Он просто хотел избежать войны».

Некоторые пытались избавиться от страха, делая свою внешность еще более пугающей, чем она была. Солдаты одного отделения в 115-м полку решили наголо обрить головы. Эта затея быстро распространилась по всей роте, а скоро и весь полк выглядел как колония эзков.

Идею подхватили парашютисты, с одной лишь разницей — они оставляли на голове пучок волос, чтобы быть похожими на индейцев (их прозвали «могавками»). Полковник Роберт Синк, командовавший 506-м парашютно-пехотным полком, видя, что обрезание волос продолжается, сказал солдатам:

— Вам необходимо знать следующее. Согласно официальным сообщениям, немцы информируют французское население о том, что впереди экспедиционных сил будут идти американские парашютисты, и все они уголовники и психопаты. Их легко узнать по бритым головам.

Младших офицеров и сержантов волновало, удастся ли им повести за собой в атаку солдат. Сержант Алан Андерсон поделился своими опасениями с рядовым Джорджем Маусером. Тот ответил:

— Видишь ли, серж, война может закончиться лишь тогда, когда мы сможем пересечь Ла-Манш, и мы должны это сделать. И чем быстрее, тем лучше. И из всех людей, с кем мне довелось тренироваться, я бы предпочел идти в бой с вами.

В 506-м парашютно-пехотном полку сержанты Карвуд Липтон и Элмер Меррей часами обсуждали различные варианты боевых ситуаций, которые могли возникнуть во время высадки, и как с ними совладать.

Почти 175 000 человек, расквартированных в «сосисках», ждали день «Д», и, конечно, невозможно сказать, о чем думал каждый солдат. Некоторые были настроены решительно и твердо, другие испытывали сомнения и даже страх. Отчасти отношение к предстоящему сражению зависело от возраста. Шарлю Жарро исполнилось всего 17 лет, и он воспринимал своих 22–23-летних товарищей как «стариков». Он думал, что «старики» настроены примерно так: «Ладно, пусть все это скорее произойдет, и тогда мы вернемся домой». А сам Шарль считал: «Поскорее бы во Францию, а там мы хорошенько развлечемся».

Можно сделать лишь одно обобщение. Среди американцев было больше готовности к бою, чем среди британцев. Для янки путь домой лежал на восток, через Германию. А «томмиз» уже находились у себя дома. Капитан Алистер Баннерман, командир взвода в Суссексе (Юго-Восточная Англия), отправил пространное письмо жене, в котором обрисовал свою жизнь в «сосиске». В письме отражены и его собственные настроения, и ощущения некоторых из сослуживцев.

«Мы вовсе не чувствуем себя героями, — писал он 28 мая. — Слишком много превратностей в нашей жизни. Бесконечная муштра, тебя все время понукают, и эти потные носки и гвозди в ботинках. Фактически мы существуем в клетке... Я пытался объяснить своему взводу, что мы творим историю и когда-нибудь наши дети будут читать о наших подвигах в книгах. Но все, что я видел в ответ, это снисходительные улыбки».

«Что касается солдат... Красноречивое выступление Черчилля по радио в общем-то тревожит. У них нет веры в будущее нового мира и в величайшую освободительную миссию. Они знают, что их ждет склеп. Все, что они хотят сейчас, — чтобы все это поскорее закончилось, чтобы они могли вернуться на свои улицы, в свои дома, к своей прежней жизни, к женам, к своим родным и близким».

31 мая Баннерман написал: «Каких же невероятных усилий стоит каждому солдату подготовиться к тому, что должно произойти. Парням, которые только что начали жить, без образования и философского понимания смысла бытия, вышедшим из страдающих, задавленных нуждой семей, парням, которые еще не испытали любви и, естественно, не имели особых амбиций и даже не думали о каком-то новом мировом порядке. И все же мы здесь и готовы по приказу идти в бой»^[24].

В первые дни июня Союзнические экспедиционные силы начали грузить войска, формировать флотилии и выстраивать их для перехода через Ла-Манш. Солдаты брали с собой только самое необходимое: оружие, боеприпасы, противогазы, фотографии любимых и близких, смену белья (им выдали сигареты и сухие пайки). Подполковник Томпсон в своих мемуарах пишет, что всеми, кто поднимался на борт десантных кораблей, овладело одно чувство — ностальгия по тренировочным лагерям и учениям.

То, что немцы не сделали никаких выводов из концентрации сил на юге Англии, которую они, конечно, не могли не заметить, остается одной из самых больших загадок Второй мировой войны. Они наносили по ночам удары по лагерям (правда, в рейдах участвовали не более полудюжины бомбардировщиков), сбрасывали мины в гавани. Иногда прорывались разведывательные самолеты, делали снимки и уходили на восток. Ситуация требовала от немцев постоянно бомбить порты и скопления войск во время учений, но этого так и не произошло. Конечно, у люфтваффе осталась лишь тень ее былой мощи времен Британской битвы 1940 г. Безусловно, сыграли свою роль макеты десантных судов в Восточной Англии, сооруженные в соответствии с программой «Фортитюд» для обмана противника. И тем не менее нет разумного

объяснения, почему вермахт так и не воспользовался возможностью наносить воздушные удары по гаваням и «сосискам». «В этом было что-то сверхъестественное», — вспоминает Ричард Фрид, моряк торгового флота.

Еще одна загадка. В конце апреля германские торпедные катера потопили два ДКТ и повредили шесть других, не понеся никаких потерь. Почему же после этой успешной операции немцы больше не торпедировали корабли союзников? Германские подводные лодки, вернее, то, что от них осталось, находились в Северной Атлантике. В начале июня им удалось пустить ко дну два американских эсминца. Но немецкие подлодки не проводили ни разведывательных операций, ни торпедных атак против армады «Оверлорда».

Неудивительно, что немцы не рассматривали Нижнюю Нормандию как главное направление вторжения союзников. То, что экспедиционные силы сконцентрировались в Южной Англии, еще не указывало на район предполагаемого нападения. Портсмут расположен ближе к Па-де-Кале, чем к Кану. Контроль морского пространства обеспечивал различные варианты действий: флот, выйдя в Ла-Манш, мог направиться дальше либо на восток, к Кале, либо на юг, к Кальвадосу и Котантену, либо на юго-запад — к Бретани. Союзники обладали мобильностью, беспрецедентной в военной истории. Джон Киган правильно отмечает важность создания десантных судов, воздушно-десантных дивизий и возможности с воздуха изолировать районы высадки. Благодаря этим факторам то, что считалось слабым местом в стратегии второго фронта, превратилось в огромное преимущество: опора на морские пути для переброски войск стала реальной.

Союзники проводили множество обманных маневров, предусмотренных операцией «Фортитюд». В частности, время от времени в сторону Франции направлялись десантные суда под прикрытием крейсеров и эсминцев, которые имитировали нападение на отдельные участки побережья. Эти ложные атаки держали немцев в нервном напряжении и позволяли раскрывать расположение радаров и аэродромов люфтваффе.

Обширная и достоверная информация поступала из перехватов «Ультры», данных массовой и регулярной воздушной разведки, от французского Сопротивления. 3 июня Совместный подкомитет по разведке доложил о «Немецких оценках намерений союзников относительно операции «Оверлорд». Это был очень приятный документ. В нем говорилось: «За прошедшую неделю не поступило сведений, которые указывали бы на то, что противник правильно определил направление нашего главного удара. Он исходит из того, что существуют несколько районов высадки: от Па-де-Кале до Шербура». В докладе отмечалось, что немцы по-прежнему «переоценивают реальные масштабы союзнических сил», а также предполагают высадку войск в Норвегии.

В «Еженедельном обзоре разведки», № 11, выпущенном 3 июня Верховной ставкой Союзнических экспедиционных сил, давалась оценка германских войск. В нем указывалось на переброску различных немецких дивизий во Францию, а также ближе к побережью. Некоторые формирования выдвинуты на Котантен и в район «Омахи», как будто Гитлер, Рундштедт и Роммель наконец раскрыли союзнические секреты. В действительности же немецкие части передислоцировались в целях усиления «Атлантического вала» — от северо-востока до юго-запада (корпус LXVII, например, 1 июня расположился в устье Соммы со штаб-квартирой в Амьене). Общая численность германских войск во Франции увеличилась почти на 20 процентов — с 50 до 60 дивизий (в том числе 10 бронетанковых). Естественно, часть подкреплений оказалась в районе вторжения, но среди них не было ни одной танковой дивизии.

Разведывательные данные, собранные союзниками, отличались полнотой и точностью, чего не скажешь об информации, которой располагал абвер. Союзники знали, что их ожидало, немцы могли лишь гадать.

Во взводе на «Видерштанднест-62» — «ВН-62» («Гнездо сопротивления»), укреплении над проходом от пляжа «Омаха» к Колевиллю, служил 18-летний рядовой Франц Гоккель. Среди солдат разгорелся спор. Половина его товарищей доказывали, что союзники высадятся именно здесь, недели через две или три. Другие считали, что оборона на Колевиле слишком сильна и союзники не осмелятся наступать на этом участке.

Гарнизон охранял артиллерийский наблюдательный пост, который должен был корректировать огонь полевой батареи, расположенной в 5 км в глубине материка. Перед позицией стояло 105-мм орудие, наведенное на заранее намеченные цели. Бастион состоял из двух казематов, в которых находились 75-мм пушки, 50-мм противотанковое орудие, два легких и два тяжелых пулемета, а также 20 ребят, которым, за исключением обер-фельдфебеля и двух сержантов, не было еще и 19 лет. Бункеры соединялись траншеями, а сверху их накрывали двухметровой толщины бетонные плиты.

Рядовой Гоккель никогда прежде не видел море, пока его не направили в Кальвадос в начале 1944 г., в 352-ю дивизию. Он весь апрель, май, а теперь уже и в июне ночами сидел у своего двуствольного пулемета, вглядываясь в темноту, весь в ожидании, догадках и тревоге. А днем он окапывался. Как сказал один из его товарищей 3 июня: «Если и есть какая-то возможность пережить атаку, то только в этих траншеях. Поэтому — копай глубже!»

В тот вечер, вспоминает Гоккель, море было удивительно спокойное, только легкая зыбь медленно накатывалась на берег. Рыболовецкие суда не выходили из Гранкана и Порт-ан-Бессена и оставались в гаванях. Еще в мае они обычно курсировали вдоль берега. Теперь же море опустело.

9. Погрузка

Эйзенхауэр назначил день «Д» на 5 июня. Погрузка войск началась 31 мая и осуществлялась одновременно в нескольких местах: в Фалмуте и Фойи (29-я американская дивизия), в Дартмуте, Торки и Эксмуте (4-я американская дивизия), в Уэймуте и Портленде (1-я американская дивизия), в Саутгемптоне (британская 50-я и канадская 3-я дивизии), в Портсмуте и Нью-хейвене (британская 3-я дивизия). Те, кто находился далеко от портов, доставлялись к причалам на автобусах и грузовиках. Войска из ближних «сосисок» выстраивались по отделениям, взводам, ротам и шли на пирсы своим ходом.

Все вдруг пришло в движение: джипы, грузовики, орудия, танки, мотоциклы и велосипеды. На улицах собирались толпы людей, наблюдавших за нескончаемым потоком вооружений. Взрослые приветствовали войска, поднимая руки со знаком победы V, но когда одна из рот 1-й дивизии проходила через какую-то деревню, мальчишка лет 11–12 прокричал сержанту:

— Вы не вернетесь назад!

Мать смутилась, подхватила парнишку и побежала вперед колонны. Когда сержант поравнялся с ними, мальчишка сквозь слезы сказал ему:

— Нет, вы вернетесь. Вы вернетесь!

Конечно, мысль о смерти не покидала многих солдат. Рядовой Клэр Гадцоник так описывает настроение ребят в автобусе на пути в Дартмут: «Мы почти не разговаривали. Никто, как раньше, не шутил и не смеялся. Но мы ощущали необычайную близость друг к другу». Механик Шарль Жарро из береговой охраны находился на ДСП 94 и видел, как роты подходили к причалу в Уэймуте. «Войска заполнили все пирсы, — вспоминает он. — Повсюду был народ. Особым вниманием пользовались священники. Я даже видел, как несколько евреев принимали причастие. Казалось, что все страшно напуганы».

И все-таки возбуждение перед сражением было сильнее страха. Оно буквально витало в воздухе. Верховное командование немало сделало для того, чтобы подготовить войска к боям морально и физически. За плечами многих солдат были два и более лет напряженных тренировок. В большинстве своем, несмотря на пополнения, они уже долгое время служили вместе в лагерях, одинаково любили или ненавидели своих командиров, ели одну и ту же еду, спали в одних и тех же окопах во время учений и не раз вместе выпивали. Они стали единой, крепкой семьей, хорошо понимали друг друга, знали, что можно ожидать от каждого, кто и что любит, кто и как смеется или злится.

Не все оказались в войсках по собственному выбору. И совсем немногие могли бы сказать, что испытывают какие-либо патриотические чувства. Но практически любой предпочел бы умереть, нежели подвести товарищей и оказаться трусом в их глазах. Больше всего среди них ценилась товарищеская солидарность.

Перед посадкой на десантные суда войска собрали для последних наставлений. Полковник Юджин Слаппи, командир 115-го полка, посмотрел на бритые головы солдат своего подразделения, снял каску, почесал свою внушительную лысину и сказал:

— Вы здорово это придумали, ребята. Я и не думал, что уже давно подготовился к бою.

Когда смех прекратился, полковник посерьезнел и начал говорить с солдатами как отец с сыновьями:

— Теперь мы, старики, не так уж много чего можем сделать. Успех вторжения целиком зависит от вас самих. Немало усилий мы вложили в планирование операции, ее подготовку. Я хотел бы, чтобы вы знали — это величайшая военная кампания за всю историю. И вам известно, что на карту поставлена судьба мира. Я с удовлетворением отмечаю, что не было еще армий,

более подготовленных к сражению, чем наша. Поэтому на нас и возложена эта миссия.

Слаппи завершил свою речь такими словами:

— Мы встретимся во Франции.

Когда лейтенант Истридж поднимался на борт корабля, он подумал: «Жаль, если мы потеряем старину-полковника».

Брэдли собрал около тысячи офицеров в ангаре: генералы расположились на возвышении, полковники — в первых рядах зала, лейтенанты — на последних скамейках. Бригадный генерал Теодор Рузвельт-младший, сын президента, был помощником командующего 4-й дивизией. Из-за возраста (56 лет) и по состоянию здоровья (проблемы с сердцем) он фактически занимался лишь исполнением особых поручений. Но генерал требовал, чтобы ему разрешили идти в наступление с первым эшелоном. В конце концов он добился своего и теперь сидел на платформе с легкой усмешкой на губах.

Брэдли, открывая совещание, сказал:

— Джентльмены, нам предстоит увидеть величайшее зрелище на земле. Вы удостоены чести занять места на трибунах.

Рузвельт нахмурился, покачал головой и глубоким басом, как бы про себя, произнес:

— Черт возьми! Мы не на трибунах, а на футбольном поле!

«Акустика в ангаре была как в театре, — вспоминает генерал Джеймс Ван Флит, — поэтому Рузвельта слышали все. Раздался взрыв смеха, что сразу разрядило напряженную атмосферу зала. Брэдли поморщился, но затем продолжил свою зажигательную речь».

* * *

Команды кораблей береговой охраны и военно-морского флота готовились к приему войск. Шарль Жарро рассказывает, что экипаж ДСП 94 состоял из четырех офицеров и 26 матросов. Офицеры были все «трехмесячниками», то есть выпускниками кадетской школы, в возрасте чуть более 20 лет. Лишь капитану исполнилось 32 года. Он уже отплавал 10 лет в торговом флоте и считал, что «на борту все должны подчиняться его командам, а не указаниям военных моряков; он не любил военных моряков». За два дня до погрузки солдат капитан сказал Жарро:

— Никто не должен покинуть судно, поэтому ты сходишь на берег, достанешь столько выпивки, сколько сможешь, и мы хорошенько поддадим.

«Мы начали, — продолжает Жарро, — в 7 утра, и, о Боже, к концу дня все свалились с ног, но зато это помогло снять стресс. Проспавшись, мы взяли себя в руки и начали принимать войска».

Технология погрузки на корабли отработывалась неоднократно. К началу июня 1944 г. она стала рутинным и привычным занятием. Многие ветераны впоследствии вспоминали, что могли подниматься на судно и высаживаться на берег с закрытыми глазами. И когда по корабельному громкоговорителю объявили о начале погрузки, солдаты почти верили, что им предстоит очередное учение. Именно такого отношения и добивались их командиры.

Солдатам свойственна древняя, как мир, привычка тащить на себе много всяких лишних вещей. Учения в Десантном центре показали, что человек, идущий в атаку, не должен нести более 20 кг снаряжения. Но все равно каждый умудряется нагрузить на себя вдвое больше. Отчасти в этом вина полковых командиров, которые хотят, чтобы первые эшелоны доставили к местам боев дополнительное количество мин, ранцевых зарядов, боеприпасов, минометов, запасных раций. Однако и сами солдаты всегда стремятся прихватить что-нибудь — французский разговорник, Библию, еще один нож или пистолет и, конечно, сигареты.

Сигареты раздавали на пирсах вместе с пайками. Рядовой Роберт Паттерсон из 47-го зенитного батальона сказал квартирмейстеру, что ему не нужны сигареты, поскольку он не курит.

— Ты все-таки возьми их, — посоветовал квартирмейстер. — Потому что к тому времени, когда ты попадешь туда, куда собираешься, непременно закуришь.

Спустя 40 лет Паттерсон говорит: «Он оказался абсолютно прав. Уже на десантном корабле я попробовал первую сигарету и с тех пор в течение многих лет не мог бросить эту привычку».

Один солдат в 4-й дивизии пристрастился к «Кэмелу». Запаниковав, что ему может не хватить этих сигарет, он купил и наменял десять блоков, с которыми и поднялся на борт десантного корабля. Обычно же солдаты брали не больше двух блоков в расчете на то, что армия позаботится о них в дальнейшем.

Грузовики тоже чуть не прогибались под тяжестью оружия, боеприпасов, фляг, канистр, ящиков с полевыми пайками, кайл и лопат и бог знает чего еще. Тем не менее погрузка происходила организованно, в соответствии с графиком. Остается лишь изумляться тому, как тысячи кораблей и десантных судов умудрялись находить свое место, а их пассажиры — свое. Танки, артиллерийские орудия, грузовики, джипы один за другим заползали на ДСТ — последнему предстояло идти в бой первым. Они поднимались по специально оборудованным бетонным «трапам», сооруженным под углом, удобным для техники.

Войска удивительно быстро заполнили ДКТ, ДСП и транспортные суда, вспоминает лейтенант Истридж. «На обеих палубах ДКТ 459 почти одновременно появились танки и орудия, которые цепями прикрепили к корпусу корабля. На судне скопилось слишком много солдат, так что на троих приходилась одна койка. Спали по очереди — по восемь часов». Пирсы не могли принять все транспорты и ДКТ, поэтому часть пехотных рот доставляли к кораблям, стоявшим на якорях в бухтах, на ботах Хиггинса.

ДКТ 459 отчалил от пирса, медленно двинулся на середину гавани Плимута и пришвартовался к другому ДКТ. «Борт о борт выстроилось так много судов, — говорит Истридж, — что можно было переходить с палубы на палубу на протяжении целого километра. А в стороне моря виднелись эсминцы и еще более крупные боевые корабли. Гавань казалась забитой флотом».

Всего насчитывалось 2727 кораблей: от линкоров и транспортов до десантных судов. Они вышли под флагами 12 стран: Соединенных Штатов, Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки, Франции, Бельгии, Норвегии, Польши, Греции и Голландии. Из них сформировали Западную военно-морскую оперативную группу (931 судно, направление — «Омаха» и «Юта») и Восточную военно-морскую оперативную группу (1796 судов, направление — «Золото», «Юнона» и «Меч»). На палубах ДКТ находились боты Хиггинса и другие мелкие суда, которые не могли самостоятельно пересечь Ла-Манш. Таких судов было 2606. То есть вся армада состояла из 5333 кораблей и судов различных типов, что, по словам адмирала Морисона, «превышало численность флота всего мира во времена королевы Елизаветы I».

Первыми должны были выйти в море минные тральщики. Им вначале предстояло прочесать водное пространство вдоль английского побережья в поисках мин, сброшенных люфтваффе или торпедными катерами, затем очистить от них пять отдельных коридоров шириной 400 м, отведенных для ударных эскадр («Омаха», «Юта», «Золото», «Юнона» и «Меч»), и расставить через каждые 800 м сигнальные буи. И наконец, тральщикам следовало проверить прибрежные воды, где транспорты бросят якоря. Всего в этой грандиозной операции участвовало 245 судов, которые принялись за работу в ночь с 31 мая на 1 июня.

3 июня покинули Белфаст и направились через Ирландское море на юг корабли огневой поддержки из Западной военно-морской оперативной группы. В их числе были линкоры «Невада», ветеран Перл-Харбора, «Техас», старейшина американского флота, «Арканзас», а также 7 крейсеров и 21 эсминец. Они должны были возглавить всю группу. После того как

передовой отряд обогнет мыс Лендс-Энд, минует остров Уайт, к нему присоединятся ДКТ, ДСТ, ДССК и транспорты. В предрассветные часы 4 июня им предстоит собраться вместе и выстроиться в конвой.

Когда войска поднимались на борт кораблей, им вручали приказ генерала Эйзенхауэра. В нем говорилось:

«Солдаты, моряки, летчики Союзнических экспедиционных сил!

Вы на пороге величайшего сражения, которого мы ждали много месяцев. На вас смотрит весь мир. На вас надеются и молятся все свободолюбивые нации...

Ваша доля не будет легкой. Враг хорошо подготовлен, вооружен и закален в боях. Он будет биться беспощадно.

Но сейчас уже 1944 год!.. Времена переменялись! Свободные люди всего мира объединились в борьбе за Победу!

Я убежден в вашем мужестве, верности долгу и умении воевать. Нам нужна только победа!

Удачи! Да благословит нас Всевышний на это великое и благородное дело».

Все друзья сержанта Слотера расписались на его экземпляре приказа. Он завернул документ в пластик, положил в бумажник и пронес через всю Нормандию до самой Эльбы в Восточной Германии. «У меня до сих пор хранится этот приказ, — говорит Слотер, — в рамке над моим письменным столом. Он для меня — самый лучший сувенир, с которым я вернулся с войны».

Тысячи солдат, получивших приказ Эйзенхауэра, сберегли его. Много раз, когда мне приходилось брать интервью у ветеранов, я видел этот лист бумаги, помещенный в рамку и вывешенный на самом почетном месте. В моем офисе он тоже есть.

Рядовой Феликс Бранхем из 116-го пехотного полка попросил каждого, кто находился на корабле, расписаться на 500-франковой банкноте, которую он выиграл в покер. «Когда меня спросили «зачем?», — рассказывает он, — я ответил:

— Ребята, не всем из нас суждено выйти из этого боя живыми. Возможно, мы больше никогда не встретимся. Может быть, мы станем инвалидами. Мало ли что еще случится. Поэтому давайте, подписывайте!

Сейчас эта банкнота висит у меня дома на стене в рамке, и я не отдам ее ни за какие деньги!»

Некоторые офицеры, значительно моложе Эйзенхауэра, хотели тоже принять участие в воодушевлении солдат. Когда ДКТ 530, направлявшийся к побережью «Золото», погрузил танки «Черчилль», грузовики, джипы и 600 солдат, лейтенант Тони Дьюк из американских ВМС решил произнести речь по корабельному громкоговорителю. Ему припомнились какие-то слова Шекспира из «Генриха V». Но на мостик поднялся британский армейский полковник и, как вспоминает Дьюк, «положил мне руку на плечо, я никогда не забуду этого, и сказал:

— Осторожнее, молодой человек. Большинство моих людей прошли через самое худшее, сначала в пустынях Северной Африки, а потом в Дюнкерке. Поэтому говори просто, кратко, без драматизма и эмоций.

Меня переполняли чувства, но я прислушался к совету полковника и произнес всего несколько слов. Каким бы я выглядел ослом, если бы выступил так, как хотел».

Первое, что сделали экипажи судов, — накормили солдат. «Морская еда оказалась великолепной, — вспоминает Истридж. — Все наши парни говорили о том, что в следующую войну они пойдут служить на флот».

Капитан Оскар Рич, корректировщик огня 5-го батальона полевой артиллерии 1-й дивизии, попал на транспорт «Самюэль Чейз» (миниатюрные «Л-5» были разобраны, крылья сложены, а пропеллеры уложены внутрь самолетов, которые подняли на борт с помощью лебедок). Он

склонился над картой береговой линии Кальвадоса, сделанной из губки и каучука. «Это было самое детальное изображение местности, какое мне когда-либо приходилось видеть, — рассказывает в интервью Рич. — Просматривались каждое дерево, тропы, дороги, дома, заграждения. Я изучал карту несколько часов... Нашел мою первую взлетно-посадочную полосу, в яблонево́м саду, рядом с проходом, ведущим вверх с «Изи-Ред» («Омаха»). Картина была настолько реальной, что мне казалось, будто я нахожусь в самолете и кружусь над берегом. Невероятно, как им удалось сделать такую вещь». Наконец он оторвался от карты и присоединился к игрокам в покер, среди которых Рич узнал знаменитого фотографа из журнала «Лайф» Роберта Капу и корреспондента Дона Уайтхеда.

На борту солдаты практически ничем не занимались, кроме как азартными играми, чтением книг и обсуждением сплетен и происшествий. Рядовой Клэр Галдоник разыскал где-то мяч и пару перчаток. Он только начал обмениваться бросками с одним из друзей, как из-за неверного движения руки мяч улетел в море. На своем ДСТ Уолтер Сидловский из 5-й инженерной бригады обнаружил, что капитан ограничил допуск армейского персонала в судовой туалет. Тогда Сидловский с друзьями решили проявить мастерство и соорудили свисающие за борт сиденья. Это давало возможность солдатам повеселиться, когда импровизированные туалеты заполнялись всеми страждущими, а мимо проходила адмиральская баржа.

Войска слушали радио. Десантники раздражались, когда Салли из «Оси» говорила им: «Идите, идите, мы вас ждем». Они восторженно встретили новости о падении Рима. Читали много книг. Лейтенант Фрэнк Битл из 16-го полка 1-й дивизии вспоминает, что («хотите — верьте, хотите — нет») читал о Платоне в книге «История философии» Уилла Дюранта.

Часть рот 2-го батальона рейнджеров оказалась на борту небольшого пассажирского судна «Нью-Амстердам». Это был британский корабль, с британской командой и британской едой — преимущественно тушеными почками, что вызывало немало жалоб. Но рейнджеры в любой ситуации остаются рейнджерами. Они продолжали тренироваться: закрепили на мачте канаты и поднимались по ним, отжимались, приседали с грузом и даже ходили сомкнутым строем.

Случались и накладки. Капитан Роберт Уокер из 116-го полка за время учений освоил ДССПЛС, ДСТ, ДАКВ («утки») и ДССК. Единственное судно, которое он никогда не видел, было ДСП. И перед вторжением его назначили именно на ДСП 91 в качестве офицера-квартирьера, то есть отвечающего за размещение людей. Корабль мог принять на борт 180 человек, но в его судовом списке уже числились 200. Вдобавок на ДСП 91 погрузили огромные рулоны телефонных проводов, противотанковые ружья, ранцевые заряды, абордажные крюки, огнеметы и еще много самого разного снаряжения. Все же Уокер сумел всех разместить, а потом разговорился со шкипером, лейтенантом береговой охраны из Бостона. Шкипер рассказал ему, что пошел на службу в береговую охрану в расчете на то, что проведет всю войну на Атлантическом побережье возле Бостона. Сейчас ему предстоит уже третье по счету вторжение.

Лейтенант Чарлз Райан из 18-го полка 1-й дивизии практиковался на ДСП и хорошо знал, чего можно ожидать от этого судна, когда выходил в открытые воды Ла-Манша. Он так описывал ДСП: «Железный ящик, созданный каким-то садистом для того, чтобы физическими неудобствами вызвать у солдат такое остервенение, чтобы они, сойдя на берег, крушили и уничтожали все и всех, кто попадется под руку. Его движения напоминали одновременно американские горки, необъезженную лошадь и верблюда».

Планерные войска и парашютисты в тысячный раз проверяли свое снаряжение, вглядывались в макеты Котантена и рек Орн и Див, пытались раздобыть лишнюю пачку сигарет или гранату. Они ждали команду двинуться к аэродромам, забраться в британские планеры «Хорса» или американские «Дакоты» «С-47», чтобы лететь во Францию.

На аэродроме Фэрфорд в Глочестере малоизвестное подразделение также готовилось к перелету через Ла-Манш. Это была Авиационная служба специального назначения (АССН), британская армейская бригада, сформированная специально для действий в тылу «Оси». Она состояла из трех полков, двух французских батальонов и одной бельгийской роты. Капитан Майкл Р. Д. Фут числился в бригаде офицером по разведке. Еще с августа 1942 г. он занимался изучением немецких оккупантов во Франции и их обороны. Ему пришлось совершить и вылазку на вражескую территорию. Теперь Фут намеревался отправить туда несколько особых отрядов, которые могли воспользоваться сведениями, собранными им о немцах в Нормандии (сам Фут считался «биготом», и ему не разрешалось находиться за передовыми линиями противника).

У Фута возникли некоторые трудности в организации команд для осуществления операции, получившей кодовое название «Титаник» (он выбрал именно это название, поскольку оно звучало «внушительно»). Капитан обратился к своему полковому командиру, который готовил диверсантов для заброски в тыл немцев, подрыва мостов и других объектов, с просьбой выделить из АССН четыре небольшие группы.

— Для чего? — сквозь зубы спросил командир полка.

— Немного подурочить немцев, чтобы помочь высадке. — Нет!

— Полковник, это приказ.

— Не для меня. Если хотите, доложите мне в письменном виде, и я отвечу вам также в письменном виде, почему я не сделаю этого. Хотя зачем тратить бумагу? Я и так скажу вам.

Он немного смягчился и начал объяснять:

— Еще в первые дни существования нашего полка нас готовили к рейду на итальянский аэродром. В последний момент разведка запретила операцию. Мы отправились отдыхать в Каир, вернулись обратно, борясь с похмельем, а нам говорят: «Все в порядке, ребята. Вы идете сегодня ночью». Немногие из нас вернулись живыми. И я поклялся никогда больше не иметь дел с разведкой. Катись отсюда!

Фут решил встретиться с полковником Фрэнксом, командиром другого полка в АССН, с которым он совершал первые парашютные прыжки. С тех пор они поддерживали дружеские отношения, и Фрэнке, хотя и не очень охотно, поддержал операцию «Титаник», правда, поставив одно условие: сократить число групп с четырех до двух.

Фут согласился. Он поехал на аэродром Фэрфорд, который уже был забит отрядами АССН, готовыми к вылету во Францию. Там он получил свои две команды (в каждой офицер, сержант и двое рядовых), а также специальное снаряжение, которое капитан сам придумал для этой миссии.

«Снаряжение» состояло из 500 манекенов-парашютистов, проигрывателя, множества сигнальных ракетниц «Бери» и большого количества боеприпасов. Фут объяснил командам: идея заключается в том, чтобы сначала сбросить манекены, которые при приземлении подорвутся и вспыхнут, затем выпрыгнут парашютисты. Сразу же надо включить граммофон. Пластинка будет проигрывать записи отрывочных солдатских переговоров вперемешку со стрельбой из малых видов оружия. Парашютисты в это время должны постоянно перемещаться, выстреливая ракеты «Бери». Одна группа высадится между Руаном и Гавром, другая — возле Изиньи.

У французского батальона АССН имелась особая миссия. Его передовому отряду предстояло захватить площадку в Бретани для высадки всего батальона. Им командовал огромного роста человек — бывший охотник, потерявший руку, но прыгавший с парашютом не хуже других. Предполагалось, что французы станут первыми солдатами Союзнических экспедиционных сил, ступившими на землю Франции.

По всей Англии войска, которых ожидала переброска через Ла-Манш по воздуху — от

небольших отрядов АССН до крупных соединений, вроде 6-й, 82-й и 101-й дивизий, — находились в полной боевой готовности.

К вечеру 3 июня штурмовые эшелоны экспедиционных сил закончили погрузку на корабли. Группировке «О» (29-я дивизия, правый фланг «Омахи»), сформированной в Фалмуте, предстояло преодолеть самое большое расстояние. Поэтому она вышла в море первой, в ночь. По словам генерала Эйзенхауэра, «в воздухе запахло победой».

На другом берегу все было спокойно. Роммель 2 июня охотился на оленей. 3 июня он съездил в Париж, чтобы купить туфли ко дню рождения Люси, который приходился на 6 июня. В Париже фельдмаршал поговорил с Рундштедтом, который согласился с ним, «что до настоящего момента нет никаких признаков вторжения». Приливы в Дувре по крайней мере до середины июня не будут благоприятствовать нападению. Роммель проверил прогнозы погоды: они обещали усиление облачности, ветра, дожди. Он решил поехать в Геррлинген на день рождения жены, а затем в Берхтесгаден к Гитлеру, чтобы еще раз попросить у него подкреплений. Ему требовались две дополнительные бронетанковые дивизии и полный контроль над всеми танками. Он записал в дневнике: «Самая насущная проблема — убедить фюрера в личном разговоре».

Несмотря на то что Роммель, по его расчетам, располагал лишь половиной того, что ему было необходимо, — и в войсках, и в вооружениях, и в минах, и в «спарже», и в береговых заграждениях, и в стационарных фортификациях, — он излучал уверенность. Фельдмаршал взял за правило внешне всегда выказывать лишь энтузиазм и убежденность. Моральное состояние солдат на «Атлантическом валу», очевидно, было на высоте, по крайней мере так хотелось немецким командирам. В секретном докладе гестапо утверждалось, что войска с нетерпением ждут вторжения. «Люди видят в нем наш последний шанс повернуть развитие событий в нашу пользу, — говорилось в этой записке. — Практически не наблюдается сколько-нибудь заметного страха перед наступлением противника».

Роммель сумел убедить часть офицеров и войск в том, что у немцев имеются не только шансы, но и все возможности для того, чтобы победить. Большинство германских солдат на побережье надеялись на то, что вторжение обойдет их стороной, но если им его не избежать, то они были готовы сражаться и выстоять. «Er soll nur kommen» («Пусть они приходят»), — говорил Геббельс с усмешкой.

А почему бы нет? Даже солдаты из «восточных» батальонов устраивали проволочные заграждения, закапывали мины, сооружали препятствия перед своими траншеями и ДОСами. Из тыла минометы и артиллерия простреливали каждый дюйм пляжей. В казематах укрывались 88-мм орудия, готовые вести перекрестный огонь по всему фронту. А за солдатами стояли сержанты с пистолетами в руках. Те инструкторы, которые пытались убедить десантников союзнических сил в том, что в день «Д» они встретят скорее всего убегающего, слабого противника, говорили ерунду. Вместе с тем правильно отмечалось, что «восточные» батальоны в основном состояли из грубых и невежественных людей, которых могли заставить воевать только немецкие сержанты.

Для германского верховного командования болезненной была проблема сдачи в плен. Оно серьезно опасалось, что многие солдаты воспользуются первой же возможностью для того, чтобы попросить пощады у противника, и в этом командование не ошибалось.

На побережье «Омаха» расположилась 352-я дивизия, которая передислоцировалась из Сен-Ло на Кальвадос в мае. Ею командовал генерал-майор Дитрих Крайсс, ветеран Восточного фронта, где он сумел отличиться и теперь готовился к новым подвигам. На Восточном фронте немцы применяли тактику гибкой обороны: позволяли Красной Армии атаковать, а затем наносили контрудар резервами, державшимися за передовую линией. Это не совсем

соответствовало стратегии Роммеля в Нормандии, но решение тактических вопросов он доверил своим подчиненным. На «Омахе», единственном секторе в зоне ответственности Крайсса (протянувшемся от устья реки Вир до Арроманша), где могли произойти амфибийные атаки, имелись лишь один артиллерийский батальон и два пехотных батальона (из 716-го пехотного полка). Резервы Крайсса — 10 пехотных и четыре артиллерийских батальона — находились в 20 км от берега.

Тем не менее сложившаяся в этом районе ситуация создавала определенные преимущества для немцев. Союзническая разведка не заметила передвижение части 352-й дивизии к побережью. 29-я дивизия рассчитывала на то, что «Омаху» будут оборонять второсортные войска из 716-й дивизии.

Подобно Роммелю, генерал-полковник Долльманн, командовавший 7-й армией в Нормандии, считал, что ухудшающаяся погода не позволит союзникам начать вторжение. Он распорядился провести штабное учение на картах в Ренне 6 июня и приказал участвовать в нем всем дивизионным командующим и направить по два комполка от каждой дивизии. Адмирал Кранке отменил патрулирование торпедных катеров из-за надвигающегося шторма.

Только одному генералу Эриху Марксу, командующему корпусом LXXXIV в западном секторе Кальвадоса и на Котантене, было беспокойно. Его особенно тревожило положение 716-й и 352-й дивизий на Кальвадосе. На каждую из них приходилось по 50 км оборонительной линии. «Это самое слабое место в моем корпусе», — говорил он. 1 июня генерал выехал в Арроманш. Глядя на волны, он сказал армейскому капитану, стоявшему рядом:

— Если я действительно знаю британцев, то они в воскресенье в последний раз сходят в церковь, а в понедельник выйдут в море (5 июня. — Примеч. авт.}. Группа армий «Б» утверждает, что союзники еще не готовы к нападению, а если и нападут, то это произойдет на Кале. Я думаю, что нам придется встречать их в понедельник, и не на Кале, а здесь.

10. Решение принято

В конце мая, когда началась погрузка войск, вице-маршал авиации Трэффорд Ли-Маллори прибыл в штаб-квартиру Эйзенхауэра в Саутуик-хаус к северу от Портсмута (которую раньше занимал адмирал Рамсе и), чтобы еще раз выразить протест против планов заброски двух американских воздушно-десантных дивизий на Котантен. По данным разведки, немцы дислоцировали 91-ю дивизию в центральной части полуострова, как раз в том районе, где намечалась высадка 82-й воздушно-десантной дивизии. Место высадки перенесли на запад, но, по мнению Ли-Маллори, недостаточно далеко.

Он сказал Эйзенхауэру:

— Нужно отказаться от этой воздушно-десантной операции.

Ли-Маллори считал, что потери могут составить 70 процентов по планерным и до 50 процентов по парашютным войскам еще до того, как они приземлятся. Он предупредил о «напрасном уничтожении» двух великолепных дивизий, «напрасном», потому что они не принесут никакой пользы «Оверлорду». Посылать их на Котантен — «чистейшее жертвоприношение».

Эйзенхауэр ушел в свой трейлер, стоявший в миле от Саутуик-хаус, чтобы обдумать слова Ли-Маллори. Он решил, что поздно снова подвергать экспертизе уже принятые планы. Позднее генерал писал, что это был для него самый тревожный день за всю войну. «Трудно представить себе более душераздирающую проблему», — отметил он в своих мемуарах.

Эйзенхауэр мысленно оценил все этапы операции, включая американскую воздушно-десантную высадку. Он знал, что если проигнорирует предупреждение Ли-Маллори, а оно окажется правильным, то, как писал генерал, «мне придется взять с собой в могилу невыносимое бремя вины за глупую, бессмысленную гибель тысяч молодых людей — цвета нашей нации». В то же время генерал понимал, что отмена воздушно-десантной миссии означала бы и отмену морской высадки на «Юте». Если парашютисты не захватят дамбы, ведущие на сушу, то смертельной опасности подвергнется вся 4-я дивизия. Отказ же от штурма «Юты» серьезно нарушит и поставит под сомнение операцию «Оверлорд». Далее: Ли-Маллори говорил лишь о своих предположениях, без учета опыта воздушно-десантных действий в Сицилии и Италии (Ли-Маллори там не было). Участвуя в «Оверлорде», он впервые столкнулся с парашютными войсками. Хотя воздушно-десантные высадки в 1943 г. во многом оказались не столь успешными, это еще не оправдывает чрезмерный пессимизм Ли-Маллори.

«Итак, я чувствовал, что нельзя обойтись без этих двух воздушно-десантных дивизий, — вспоминал позднее Эйзенхауэр. — Они должны были захватить Сент-Мер-Эглиз, дамбы и обеспечить защиту нашего правого фланга». Эйзенхауэр позвонил Ли-Маллори, чтобы сообщить о своем решении, и вслед направил письмо. Он писал вице-маршалу авиации, что «у нас нет другого пути, кроме как идти вперед», и приказал, чтобы его сомнения и пессимистическое настроение не передались войскам.

В то самое время, когда Роммель собирался съездить к Гитлеру просить танков и добиваться ужесточения командной структуры, Эйзенхауэра посетил Черчилль. У него тоже была просьба. Он выразил пожелание непосредственно участвовать во вторжении на борту «Белфаста». «Конечно, никто не хочет, чтобы его подстрелили, — позднее говорил Эйзенхауэр, — однако должен сказать, что в данном случае было больше тех, кто стремился идти с нами, а не оставаться в стороне». Эйзенхауэр вспоминает: «Я сказал Черчиллю, что он не может сделать этого. Как командующий операцией, я не позволю, чтобы премьер-министр рисковал своей жизнью. Она слишком ценна для общего дела Союзнических экспедиционных

сил.

Черчилль на секунду задумался, а потом заявил:

— Вы осуществляете оперативное командование всеми войсками, но административно не отвечаете за подбор экипажей.

И я сказал:

— Да, это верно. Тогда он заметил:

— Хорошо, значит, я могу записаться в команду одного из кораблей его величества, и вы не в состоянии помешать мне.

Я сказал:

— Это так. Но, господин премьер-министр, вы намного усложните мне жизнь».

Черчилль ответил, что в любом случае он сделает это. Эйзенхауэр поручил своему начальнику штаба генералу Смиту позвонить королю Георгу VI и объяснить ситуацию. Король сказал Смиту:

— Я разберусь с Уинстоном.

Он позвонил Черчиллю и сказал:

— Что ж, если вы считаете для себя желательным участвовать в операции, тогда мой долг быть с вами.

Черчилль сдался.

Если Эйзенхауэру и нужна была помощь, то от де Голля. 3 июня Черчилль привез де Голля в Саутуик-хаус, где Эйзенхауэр проинформировал его об операции «Оверлорд». Тогда де Голль впервые узнал об этом плане и прочел Эйзенхауэру часовую лекцию на тему того, что тот сделал неправильно. Американец ответил, что рад был бы воспользоваться советами французского генерала ранее, но теперь уже слишком поздно. Затем Эйзенхауэр показал де Голлю копию своей речи, которую он собирался произнести в день «Д» с обращением к французам «исполнять мои приказы».

Эйзенхауэр попросил де Голля выступить по радио и призвать соотечественников принять напечатанные союзниками франки. Де Голль ответил «поп». Французы должны подчиняться ему, а не экспедиционным силам. Только французское правительство, главой которого он является, имеет право на выпуск национальной валюты. Эйзенхауэр пытался убедить де Голля, но все его усилия были безуспешными. По выражению Эйзенхауэра, «оставалось лишь сожалеть по поводу такой непонятной реакции».

Когда Черчилль и де Голль уехали, Эйзенхауэр записал меморандум для дневника и озаглавил его: «Что беспокоит командующего».

На первое место в перечне «беспокойств» он поставил де Голля. В трех абзацах Эйзенхауэр изложил трудности, которые возникают в отношениях с французами. Следующим пунктом шла погода. Он даже собирался провести совещание по этой проблеме. «Я полагаю, — писал Эйзенхауэр, — что желание начать наступление на благоприятном приливе настолько велико, а погода настолько неопределенна, что нам вряд ли удастся дождаться совпадения хорошей погоды и желаемого прилива. Поэтому вторжение должно начаться, если только погодные условия не станут действительно невыносимыми».

Эйзенхауэр, его главные помощники, офицеры и солдаты Союзнических экспедиционных сил уже несколько месяцев готовились к этому дню. «Могущественная сила напряжена как сжатая пружина и только ждет момента, чтобы извергнуть свою энергию через Ла-Манш», — говорил Эйзенхауэр. Он был решительно настроен на вторжение.

Утром 3 июня эскадра ДСТ отчалила от пирсов в реке Дарт. Сотни британцев собрались на берегу, махая руками на прощание и желая удачи. Новобранцу Эдвину Гейлу, попавшему на ДСТ 853, которое входило во флотилию 17, исполнилось 20 лет, и он был одним из

«трехмесячников», то есть окончивших срочные курсы. Шкипер подошел к нему и сказал:

— Эдвин, знаешь, нам, возможно, не придется совершить в жизни ничего более стоящего. Это здорово, что мы здесь.

Лейтенант Дин Рокуэлл, бывший тренер школьной футбольной команды, руководил флотилией из 16 ДСТ. На каждом судне размещалось по четыре танка «ДД», которым предстояло выбраться на берег до передового эшелона пехоты. Поэтому Рокуэлл должен был одним из первых выйти в Ла-Манш. Его ДСТ начали покидать Уэймут поздним вечером 3 июня. Скоро наступила «крошечная темень, ни огонька, ничего». Сказать, что началось столпотворение — этого мало. «Вокруг нас, — вспоминает Рокуэлл, — крутилось множество караульных, эскортных и каких-то еще судов, и все пытались выбраться из этой каши. Радио молчало, нельзя было включать сигнальные огни, нам оставалось только проклинать все и ругаться, пока все каким-то образом не уладилось».

Рядом с десантными судами пытались выстроиться в конвои и уйти в море военные корабли. Кладовщик Гомер Кэри с ДСТ 505 помнит, как в сумерках мимо прошли два британских крейсера, направлявшиеся в сторону Франции: «Их резко очерченные носы разрезали волны, и они обогнали нас, как будто мы стояли на месте. Красиво! Словно две быстрые. Приятно было осознавать, что эти корабли с нами!»

2-й батальон 116-го полка находился на транспортном судне «Томас Джефферсон». Солдаты достаточно хорошо знали это судно, поскольку не раз высаживались с него во время учений. Рядовой Гарри Парли отметил про себя, что теперь «парни шутят редко и то через силу». Он рассказывает: «Все мои мысли были о доме и семье и, конечно, о том, что нас ожидает. Мне стало грустно, когда я подумал о том, что может случиться с моими друзьями, которых я уже полюбил». Особенно он тревожился за судьбу лейтенанта Фергюсона, который обычно обсуждал с Парли философские проблемы смерти. «Я не завидовал его положению, — говорил Гарри. — Ему пришлось узнать интимные стороны жизни каждого из нас, поскольку он прочитывал в силу служебной необходимости наши письма. Гибель любого солдата стала бы для него двойной трагедией».

Парли имел при себе 40-килограммовый огнемет, пистолет, саперную лопатку, спасательный пояс, плащ-палатку, канистру, пакет динамита, сухой паек и три блока сигарет. Его волновало, сможет ли он с таким грузом прорваться вместе со своим отрядом на берег. И все же ему нравилось поугадать своих друзей трюком, которому он только что научился. Парли выпускал из огнемета небольшое пламя, не нажимая на спусковой механизм. Создавалось впечатление, что орудие вот-вот выстрелит. И, стоя на палубе «Томаса Джефферсона», Парли спокойно прикуривал от огнемета, а солдаты, окружавшие его, в панике разбегались во все стороны.

Рядовой Джордж Роуч из роты «А» 116-го полка любил «разговаривать» со своими четками. Но его тоже тревожила мысль о раненых и убитых, «потому что, — как он говорит, — нам предстояло идти в первом эшелоне, и мы знали, что шансы выжить — минимальные». Больше половины солдат в его роте были уроженцами одного города — Бедфорда, штат Виргиния. Основной состав полка — тоже жители Юго-Западной Виргинии.

Сержант Джо Пилк из 16-го полка 1-й дивизии пересекал Ла-Манш на транспорте «Самуэль Чейз». «Находясь в море, — вспоминает он, — мы радовались тому, что наконец началось настоящее дело. Не в том смысле, что нам этого очень хотелось, но мы знали, что это неизбежно, и действительно стремились поскорее его завершить».

Первые три дня июня стояла прекрасная погода — безоблачное небо, легкий бриз. И вдруг она начала портиться — появились низкие тяжелые тучи, подул сильный ветер, в воздухе запахло дождем. Капрал Роберт Миллер чувствовал себя прескверно. Заморосило, стало

холодно. Он находился на открытой палубе ДСТ, без каких-либо укрытий. Волны нарастали и словно старались поглотить судно. Стальная палуба была слишком скользкой, чтобы на нее прилечь. Миллер попытался пристроиться на брезенте, укрывавшем грузовики, но ветер, качка и дождь согнали его оттуда.

Рядовой Генри Джералд из полка Королевских виннипегских стрелков тоже стоял на палубе ДСТ, когда начало штормить. Он спустился вниз, в каюту, где проводил инструктаж командир взвода. «ДСТ то поднималось метров на семь, то проваливалось у нас под ногами. Те, кто еще вчера чувствовал себя превосходно, сегодня утром выглядели ужасно». Всех тошнило, палуба была залита рвотой. Джералд радовался, что у него нет морской болезни. Но когда солдат, сидевший напротив, выплеснул все из себя в пакет и попытался извлечь из него зубной протез, Генри тут же расстался со своим завтраком.

Тем временем морось превратилась в холодный и пронизывающий до костей дождь. Большинству солдат на ДСП и ДСТ было негде укрыться. Палубы уходили из-под ног, суда болтались на волнах, как щепки. Все насквозь промокли и чувствовали себя весьма неудобно. Эйзенхауэр почуял «в воздухе запах победы», но солдаты экспедиционных сил на транспортных и десантных судах ощущали только запах рвоты.

В течение первых дней июня Эйзенхауэр и его ближайшие помощники дважды в сутки проводили совещания в метеорологическом комитете Верховной ставки СЭС — в 9.30 и 16.00. 28-летний капитан Дж. М. Стагг, о котором Эйзенхауэр отзывался как о «суровом, но очень хитром шотландце», давал прогнозы погоды, а потом отвечал на вопросы. Эйзенхауэр встречался с ним лично, чтобы знать его собственное мнение, и в общем-то понимал, что Стагг придерживался одного принципа: «Погода в этой стране практически непредсказуема».

Последнее совещание назначили на 4.00 4 июня, хотя большинство кораблей уже вышли из гаваней и выстраивались в конвой. У Стагга были плохие новости. Атмосферное давление снижалось, антициклон вытеснялся циклоном. По прогнозу на 5 июня ожидалась пасмурная погода, сильный ветер, облачность от 150 м до нуля. Более того, метеорологические условия настолько быстро ухудшались, что прогнозировать погоду на 24 часа вперед представлялось совершенно бесполезным занятием.

Эйзенхауэр попросил всех высказать свое мнение. Монтгомери настаивал на продолжении операции. Теддер и Ли-Маллори предлагали ее отложить. Рамсей сказал, что флот выполнит свою задачу, но предупредил, что эффективность действий морской артиллерии в значительной мере снизится из-за плохой видимости и шторма, а суда Хиггинса станут просто неуправляемыми.

Эйзенхауэр заметил, что «Оверлорд» главным образом основывается на наземных войсках, которые далеко не превосходят немецкие. Но успех целиком зависит от господства союзников в воздухе. Без этого преимущества вторжение становится слишком рискованным. Генерал спросил, есть ли возражения. Их не было. Эйзенхауэр решил перенести сроки по крайней мере на один день в надежде на то, что к 6 июня погода улучшится. В 6.00 он приказал приостановить все действия.

Примерно в то же самое время Роммель двигался от побережья на восток, чтобы повидаться с женой и фюрером. Когда он отправлялся в путь, пошел моросящий дождь, и Роммель сказал: — Вторжения не будет. А если и начнется, то им не удастся выбраться даже на берег.

Информация о том, что наступление задерживается, передавалась в конвой любыми путями, кроме радиосвязи. Бенджамин Франс служил артиллеристом на эсминце «Болдуин». Корабль еще стоял в Портленде, когда экипаж получил распоряжение Эйзенхауэра. Он тут же вышел в море, чтобы догнать передовой отряд десанта. Франс рассказывает: «Вахтенный офицер по мегафону сообщил капитанам:

— Операция отложена. Возвращайтесь на базу.

Мы успели оповестить минный тральщик, который находился уже в 50 км от берега Франции».

Лейтенант Рокуэлл на ДСТ 535 направлялся к месту запланированной высадки, когда к борту подошел сторожевой катер, и ему вручили послание «пост Майк один», что означало «вернуться в порт»: «Мы все развернулись обратно, сотни и сотни кораблей всех размеров». К середине дня он очутился опять в Уэймуте.

Получив известие, Рокуэлл подумал: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». За ночь произошло несколько столкновений. Серьезные повреждения получили многие десантные суда, требовался ремонт или полная замена двигателей. ДСТ 535 Рокуэлла нуждалось в новом двигателе. Оно оказалось в доке до наступления ночи.

Сэм Грандфаст, командовавший ДСТ 607, узнал о приостановке операции по флажковой сигнализации. «Вообразите себе столпотворение, — вспоминает он. — Сотни судов пытаются пробраться в гавань Портсмута. Мы все прижались друг к другу борт к борту. Можно было пройти пешком весь порт, перебираясь с одной палубы на другую. И почти над каждым кораблем заградительный аэростат, раскачивающийся на ветру. Их установили специально, чтобы люфтваффе не могла на низких высотах напасть на флот».

Для войск 4 июня стал жутким днем. 4-я пехотная дивизия провела его в море: не оставалось времени вернуться в Девоншир, так как Эйзенхауэр решил начать вторжение 6 июня. Транспорты и десантные суда крутились возле острова Уайт. Лил дождь, волны перекатывались через палубы. Солдаты пребывали в полной боевой готовности, но фактически без дела. Никто уже не играл ни в кости, ни в покер, не читал книг и не выслушивал очередной инструктаж. Всем было невмоготу.

В гаванях или в устьях рек, где корабли бросали якоря или пришвартовывались друг к другу, никому не разрешалось покидать свои суда. Люди сидели, ругались, ждали. «Мы проклинали шторм, — рассказывает рядовой Бранхем из 116-го полка, — потому что у нас было одно желание — идти вперед. Мы этого хотели. Возможно, это звучит глупо. Но мы зашли слишком далеко, давно уже сидели в Англии, и нам нужно было, чтобы все это скорее закончилось, и мы чертовски стремились домой».

«Сказки о том, что мы делаем историю, воспринимались всего труднее, — считает рядовой Клэр Гаддоник. — Я немало времени провел в молитвах. Пребывание взаперти еще больше все усложняло. Как и все, я мучился морской болезнью, а отвратительный запах рвоты распространился по всему нашему судну».

Воздушно-десантные войска еще находились на земле, и им было где укрыться от дождя, хотя они тоже чувствовали себя скверно. Самолеты стояли наготове, в полном вооружении и снаряжении, когда поступила команда отложить операцию. Майор Говард записал в дневнике: «Какая неудача с погодой! Настроение мерзкое. Ветер и дождь — сколько времени это продлится? Чем дольше, тем больше у Гансов будет возможностей настроить препятствий в зоне высадки. Господи, очисти завтра небеса!»

Кому-то из роты Говарда захотелось посмотреть кино. Они пошли на фильм «Штормовая погода» с Леной Хорн и Фэтсом Уоллером. Офицеры собрались в комнате лейтенанта Девида Вуда и выпили две бутылки виски. Дважды лейтенант Ден Бразеридж, командир первого взвода роты «Д», впал в отчаяние. Вуд помнит, как тот читал стихотворение, начинавшееся со строк: «Если мне суждено умереть...»

Рядовой Эдуард Йезиорский из 507-го парашютно-пехотного полка 82-й воздушно-десантной дивизии десятки раз проверил и перепроверил свое снаряжение. «Потом, — рассказывает он, — я совершенно четко помню, как вынул фотографию моей подруги из

бумажника и спрятал ее в каску, думая, что там она будет в сохранности. А когда мы узнали, что операция отложена, то некоторые наши ребята почувствовали облегчение, хотя для большинства из нас это была настоящая трагедия. Мы уже жаждали действий».

Сержант Джерри Идс (62-й батальон полевой артиллерии) на ДСТ вернулся в Уэймут поздним вечером 4 июня. «Конечно, — говорит он, — мы понятия не имели о том, что происходит. Нам хотелось поднять скандал из-за очередного пустого забега. Мы потеряли еще один день». Сержант служил в регулярной армии. Он знал, что в армии свои порядки, что подъемы и отбои — норма солдатской жизни, и поэтому сказал одному из парней:

— Какого черта, у нас еще навалом времени!

Лейтенант Джеймс Эдвард из 115-го полка возвратился в порт Плимут после полудня. «Это зрелище невозможно забыть, — вспоминает он. — Корабли стояли бок о бок, словно им не хватало места в гавани. Какая цель для немцев, если бы только они знали!»

На самом деле немцы в ту ночь совершили рейд. Эскадрилья из четырех бомбардировщиков, несмотря на штормовую погоду, пролетела над Пулом, забитым кораблями и десантным флотом. Лейтенант Юджин Бернстайн, командовавший ДСТ(Р), вспоминает, что эти «нежданные гости были встречены таким корабельным огнем — все небо полыхало».

Роммель провел день в дороге. Он прибыл в Геррлинген к вечеру, и у него еще оставалось время, чтобы в сумерках прогуляться с Люси. Она примерила новые туфли — подарок мужа ко дню рождения. Генерал Зальмут (15-я армия) охотился в Арденнах. Генерал Долльманн (7-я армия) направлялся в Ренн, чтобы успеть на штабные учения, назначенные на 6 июня. Генерал Фехтингер (21-я бронетанковая дивизия) в сопровождении оперативников держал путь в Париж, где его ждала любовница. Немцам удалось проникнуть в ряды французского Сопротивления, и они перехватывали отдельные закодированные сообщения, указывавшие на подготовку к каким-то действиям. Но в мае прошло столько ложных передач, приливы в Дувре не соответствовали расчетам, а погода так быстро ухудшалась, что вермахт не особенно доверял поступавшим «перехватам». Как отметил один из офицеров по разведке Рундштедта, «глупо было бы надеяться на то, что союзники заранее оповестят о вторжении по Би-би-си». Прежде чем выехать в Ренн, генерал Долльманн отменил состояние боевой готовности, полагая, что погодные условия исключают какую-либо возможность нападения. В мае он держал в готовности все войска.

Часть 2-го батальона рейнджеров находилась на борту старожилы Ла-Манша — парохода «Принц Чарлз» (который еще высаживал рейнджеров в Анцио в Италии в январе). Целый день он курсировал вокруг острова Уайт. Британский шкипер сказал лейтенанту Керчнеру:

— Все это должно быстро закончиться. Либо нам придется вернуться назад. У нас уже не хватает ни еды, ни топлива.

По словам Керчнера, «в британской еде нет ничего хорошего, и нас это не особенно беспокоило, но нас волновало топливо».

Адмирала Рамсея проблема с топливом тревожила больше всего. Когда Эйзенхауэр объявил о переносе даты вторжения, адмирал предупредил Верховного главнокомандующего, что не может быть никакого повторного дня «Д», поскольку у флота не осталось горючего. А это значило, что операция «Оверлорд» должна состояться 6 июня или Эйзенхауэру надо отложить действия на две недели, то есть до следующего благоприятного прилива, который ожидался 19 июня.

Вечером 4 июня Эйзенхауэр встретился в Саутуик-хаус с Монтгомери, Теддером, Смитом, Рамсеем, Ли-Маллори, Брэдли, генералом Кеннетом Стронгом (отдел разведки Верховного штаба союзнических сил) и другими военачальниками. Дождь непрерывно барабанил в окна и двери. Генералитет собрался в столовой, просторной комнате с тяжеленным столом в одном

конце и креслами — в противоположном. Подали кофе, и начался бессвязный разговор.

В 21.30 появился Стагг с последней метеосводкой. Он пришел с неплохими новостями. По прогнозам, шторм должен на какое-то время приутихнуть. Генерал Стронг вспоминает, что все, кто присутствовал в зале, вздохнули с облегчением: «Я никогда прежде не видел, чтобы столь почтенные люди так по-детски радовались сводке погоды». Дождь, продолжал докладывать Стагг, прекратится до рассвета. Затем в нашем распоряжении 36 и даже более часов относительно ясного неба. Сила ветра снизится. Бомбардировщики и истребители смогут действовать уже в ночь с 5 на 6 июня, в понедельник, хотя им в какой-то мере будет мешать переменная облачность.

Но, выслушав Стагга, Ли-Маллори все-таки не сдержался. Он потребовал перенести операцию на 19 июня. Эйзенхауэр ходил по комнате, опустив голову так, что подбородок касался груди, заложив руки за спину, и размышлял. Вдруг он взглянул на Смита:

— А вы как думаете?

— Это чертовская игра! — ответил Смит. — Но пожалуй, она того стоит.

Эйзенхауэр кивнул, походил еще немного, остановился, посмотрел на Теддера и спросил его мнение. Тот сказал, что «это чревато», и предложил отложить вторжение. Снова Эйзенхауэр кивнул, прошелся, остановился и обратился к Монтгомери:

— А у вас есть причины, почему мы не можем начать во вторник?

Монтгомери взглянул Эйзенхауэру прямо в глаза и заявил:

— Я считаю — надо начинать!

Высшее командование экспедиционными силами разделилось. Принять решение мог только Эйзенхауэр. Смит поражался тому «одиночеству, в котором оказался Верховный главнокомандующий в самый ответственный момент, зная, что провал или успех операции зависят лишь от него». Эйзенхауэр тем временем продолжал измерять шагами комнату, уткнувшись подбородком в грудь. Затем он остановился и сказал:

— Весь вопрос в том, насколько долго мы можем тянуть с началом вторжения.

Никто не ответил на этот вопрос. Эйзенхауэр возобновил хождение по комнате. Его шаги сопровождалось дребезжанием оконных стекол и дверей под порывами ветра и дождя. Конечно, морская высадка в такую погоду представлялась совершенно невероятной. В 21.45 Эйзенхауэр принял решение:

— Я совершенно убежден в том, что пора начинать.

Рамсей помчался отдавать распоряжения флоту. Эйзенхауэр вернулся в трейлер, чтобы хоть немного поспать. К 23.00 на каждое судно поступило указание возобновить движение. Днем «Д» стало 6 июня 1944 г. В ночь с 4 на 5 июня начали формироваться конвои. Адмирал Рамсей в своем приказе матросам и офицерам написал: «Нам выпала честь участвовать в самой грандиозной морской высадке в истории... На нас возлагают надежды и мольбы весь свободный мир и поработанные народы Европы. Мы не можем их предать... Я верю, что каждый из вас сделает все для того, чтобы операция завершилась успешно. Желаю всем удачи! С Богом!»

Эйзенхауэр проснулся в 3.30 утра 5 июня. Трейлер сотрясаясь от ветра. Дождь хлестал почти горизонтально. По прогнозам Стагга, ему уже полагалось утихомириться. Эйзенхауэр оделся и в мрачном настроении, преодолевая потоки грязи, направился в Саутуик-хаус на последнее метеорологическое совещание. Еще было не поздно отменить операцию, вернуть флот в гавани и попытаться осуществить ее 19 июня, даже если бы шторм не прекращался.

В столовой горячий, дымящийся кофе помог избавиться от хмурых, тяжелых мыслей, но, как вспоминает Эйзенхауэр, «погода продолжала оставаться мерзкой, Саутуик-хаус колыхался, буря разыгралась не на шутку».

Вошел Стагг, и, к удивлению Эйзенхауэра, на его лице мелькнуло что-то вроде улыбки.

Метеоролог редко когда смеялся, хотя и был по своей натуре вполне добродушным человеком. Он сказал генералу:

— У меня для вас хорошие новости.

Стагт еще больше чем пять часов назад был уверен в том, что шторм к рассвету утихнет, но, к сожалению, ненадолго, только на вторник, а в среду опять разбухнет. В таком случае первые эшелоны десантников успеют высадиться, но следующие за ними войска подвергнутся большому риску.

Эйзенхауэр снова ходил по комнате, опустив голову и спрашивая мнение присутствующих. Монтгомери по-прежнему настаивал на том, чтобы начать операцию. Так же считал и Смит. Рамсей выразил обеспокоенность насчет корректировки огня морской артиллерии, но в целом выступил за то, чтобы действовать. Теддер колебался. Ли-Маллори полагал, что воздушная обстановка остается неприемлемой.

Корабли выдвигались в Ла-Манш. Если их и можно было еще развернуть обратно, то только сейчас. Решающее слово — за Верховным главнокомандующим.

Эйзенхауэр вновь зашагал из угла в угол. Многим показалось, что он молчал минут пять, хотя сам генерал думал, что не прошло и 45 секунд. Позднее он рассказывал: «Конечно же, не пять минут. В таких условиях они равносильны целому году». А Эйзенхауэр размышлял над альтернативами. Если Стагт ошибается, то в лучшем случае на берег выйдут измученные морской болезнью войска без огневой поддержки с воздуха и кораблей. Но откладывать операцию опасно. Солдаты подготовились к боям, и их нельзя держать еще две недели на транспортных и десантных судах. Кроме того, за это время немцы могут раскрыть секреты «Оверлорда».

Больше всего Эйзенхауэр волновался за людей. Спустя 20 лет он говорил в интервью: «Не забывайте, вокруг Портсмута скопились сотни тысяч человек. Многие уже находились на кораблях, прежде всего те, кому предстояло первыми пойти в атаку. Они чувствовали себя как в клетке. Иначе не скажешь. Как в заключении. Скучившись на переполненных палубах».

«Бог свидетель, эти люди очень многое значили для меня, — рассказывал Эйзенхауэр. — Но на войне кто-то должен принимать решения. Ты думаешь: надо сделать так, чтобы обойтись с наименьшими жертвами. А невозможно, чтобы вообще без жертв. И ты знаешь, что будут потери, а это так тяжело!»

Эйзенхауэр перестал вышагивать, повернулся лицом к своим подчиненным и тихо, но ясно произнес:

— Хорошо, начинаем.

И вновь все, кто находился в Саутуик-хаус, оживились. В мгновение комната опустела. Остался один Эйзенхауэр. Отдав приказ, он теперь был безвластен. «Это самый страшный момент в жизни командующего, — говорил генерал. — Он сделал все, что мог, — планирование операции и прочее. Больше он ничего не может сделать».

Эйзенхауэр позавтракал и поехал в Портсмут понаблюдать за отправкой кораблей и погрузкой очередных эшелонов. Он прошелся вдоль причалов. С наступлением рассвета дождь прекратился, ветер стих. В полдень командующий вернулся в трейлер и сыграл в шашки со своим военно-морским помощником капитаном Гарри Батчером на коробке из-под крекеров. Батчер побеждал, имея двух дамок. Но Эйзенхауэр захватил одну из них и объявил ничью. Он посчитал это неплохим предзнаменованием.

После ленча Эйзенхауэр сел за переносной столик и набросал от руки на всякий случай текст пресс-релиза: «Наша высадка... не удалась. И я отвел войска. Мое решение осуществить нападение в данное время и в данном месте основывалось на самых лучших расчетах. Солдаты, авиация и моряки проявили себя самоотверженно и до конца исполнили свой воинский долг. Вся вина за неуспех операции лежит целиком и полностью на мне»^[25].

Весь день 5 июня Роммель провел с Люси. Он собрал для нее букет из полевых цветов. Его начальник штаба генерал Ганс Шпейдель намеревался устроить вечеринку в замке Ла-Рош-Гийон. Он обзвонил близких друзей, сообщив одному из них, что «старина уехал». Генерал Долльманн находился в Ренне и готовился к штабным учениям, намеченным на вторник. Генерал Фехтингер уже прибыл в Париж, где планировал провести ночь с любовницей, а наутро выехать в Ренн. Другим дивизионным и полковым командирам 7-й армии предстоял долгий путь, и они отправились на учения пораньше.

5 июня генерал Маркс позвонил в штаб-квартиру полковника Фредерика фон дер Хейдта. Он сообщил, что не может оставить войска, поэтому намерен выехать в Ренн на рассвете и приглашает Хейдта присоединиться к нему. А под Каном полковник Люк, командующий 21-й бронетанковой дивизией, давал указания одной из рот провести учения «в соответствии с планом отработки действий в условиях ночи».

(На Котантене войска также готовились к ночным тренировкам. Винтовки заряжались деревянными «пулями». «Джи-айз», которые позже подбирали обоймы с такими «боеприпасами», проклинали немцев на чем свет стоит. Они думали, что деревянные пули предназначались для нанесения жутких ранений и являлись вопиющим нарушением правил ведения войны. В действительности пули были сделаны из бальзы, которая не могла пробить тело, а лишь оставляла на нем отметину.)

В Берхтесгадене Гитлер практически ничем не занимался. Как потом напишет генерал Вальтер Варлимонт, заместитель начальника штаба Йодля: «5 июня 1944 года... У германской верховной ставки не имелось никаких данных о том, что решающая операция вот-вот начнется».

Во второй половине дня 5 июня воздушно-десантные войска союзников начали готовиться к сражению. Каждый парашютист должен был иметь при себе винтовку «М-1» (в собранном или разобранном виде, уложенную в обитый войлоком чехол), 160 патронов, две осколочные ручные гранаты — белую фосфорную и желтую дымовую, — а также гранату «Гаммон» (почти килограмм пластической взрывчатки — достаточно для того, чтобы подорвать танк). Большинство солдат вооружились пистолетами, ножами и штыками (первая опасность оказаться под обстрелом поджидала их в воздухе, а вторая — во время приземления). Без особого желания они встретили приказ взять противотанковую мину «Марк-IV», весящую около 4,5 кг. Пришлось заново переупаковать снаряжение.

Пулеметы укладывались разобранными, вместе с дополнительными патронными лентами. Минометы, базуки, рации заворачивались в связки по форме «А-5», к ним присоединялись грузовые парашюты. Десантников снабдили полевыми пайками на три дня и, конечно, сигаретами — по два и даже три блока на каждого. Один сержант взял с собой бейсбольный мяч, написал на нем «Пошел к черту, Гитлер!» и сказал, что сбросит его, как только самолет окажется над Францией (что он и сделал). Естественно, нужны были противогазы (в них отлично помещались сигареты, а капитан Сэм Гиббонс из 501-го парашютно-пехотного полка умудрился засунуть туда две банки пива «Шлиц»). Всем выдали аптечки с бинтами, сульфамидными препаратами и двумя тубиковыми шприцами морфина, один, как шутили десантники, для обезболивания, а другой — для вечного покоя. Парашютисты получили и по детской игрушке «сверчок», которую можно было использовать вместо позывных и пароля — на один щелчок должны ответить двумя.

Вначале предстояло выброситься так называемым «первопроходцам», чтобы обозначить место высадки специальными радиолокационными маяками «Эврика»/»Ребекка», которые будут посылать сигналы каждому ведущему «С-47». Капралу Фрэнку Брамбо из 508-го парашютно-пехотного полка пришлось тащить на себе не только 30-килограммовую «Эврику», но и две клетки с почтовыми голубями. После установки радиомаяка ему следовало сообщить об этом, прикрепив к лапе птицы капсулу с информацией и отпустив ее. Фрэнку сказали, чтобы в 6.30 он отправил второго голубя с отчетом о том, как обстоят дела на его участке. Но когда капрал приземлился, он обнаружил, что ему нечем кормить и поить своих связных, и Фрэнк выпустил их на волю. Без одежды Брамбо весил чуть более 60 кг. В полном снаряжении, включая главный и запасной парашюты, его вес превышал 140 кг.

Около 20.00 по радио зазвучал голос Салли из «Оси», «берлинской суки».

— Добрый вечер, 82-я воздушно-десантная дивизия, — сказала она. — Завтра утром ваша кровь прольется на страшные колеса наших танков.

Кого-то ее слова задели, но остальные успокоили их: она говорила то же самое последние десять дней.

И все же мысль о возможной гибели не покидала парней. Рядовой Джон Делюри из 508-го парашютно-пехотного полка спросил своего приятеля Фрэнка Тремблея, каковы, по его мнению, шансы остаться живыми. Джон вспоминает: «Он сказал, что получит легкое ранение и выживет. Я же считал, что меня убьют. Тогда я видел его в последний раз».

Рядовой Том Порселла, тоже из 508-го полка, мучительно переживал по поводу того, что ему придется уничтожать себе подобных (такие чувства испытывали многие, и капелланы пытались убедить солдат в том, что убийство ради блага страны не является грехом). «Убивай, или убьют тебя, — говорил себе Порселла. — Вот я здесь, воспитанный в добрых христианских традициях, и должен подчиняться приказам. В десяти заповедях говорится: «Не убий». Что-то неладно либо с ними, либо с миром, в котором мы живем. Нас учат почитать десять заповедей и в то же время посылают на войну. Что-то здесь не сходится».

После того как солдаты собрали свои пожитки и боевое снаряжение, полки выстроились

вокруг командиров, чтобы слышать последние напутственные слова. Большинство офицеров обошлись обычными в таких случаях пожеланиями — вроде «не отставайте от своих». Но некоторые не удержались от зажигательных речей. Наибольшую известность получила речь полковника Говарда «Джампи» Джонсона, командира 501-го полка. Любой солдат в его подразделении мог бы процитировать каждое слово. Лейтенант Карл Картледж так описан выступление полковника: «Он говорил о победе, освобождении от нацизма, о том, что некоторым из нас предстоит погибнуть, но ценой нашей смерти настанет мир и так далее в том же духе. Потом Джонсон заявил:

— Я хочу в этот вечер пожать руку каждому из вас.

Он наклонился, вытащил нож из голенища ботинок, поднял его высоко над головой и прокричал:

— Еще до того, как начнется новый день, я всажу этот нож в сердце первого же нацистского ублюдка!

В ответ раздался рев двух тысяч глоток, и мы все как один вскинули ножи в воздух».

После полковых встреч прошли ротные и взводные собрания. Офицеры кратко поставили задачи, дали пароли и ответы на них: «флэш» («вспышка»), «тандер» («гром») и «уэлком» («добро пожаловать»). Слово «уэлком» выбрали, потому что знали: немцы непременно произнесут его как «велком». Когда капитан Чарлз Шеттл из 506-го парашютно-пехотного полка раздал позывные, к нему подошел доктор Замуэль Файлер, полковой дантист, вызвавшийся добровольцем идти в атаку с первым эшелоном. Он был немецким евреем, сбежавшим из Берлина в 1938 г. Доктор спросил:

— Капитан Шеттл, ват ду ай ду? (Что я должен делать?)

— Док, — ответил Шеттл, — когда вы высадитесь, не открывайте рта. Возьмите с собой несколько «сверчков» и при любой встрече щелкните два раза.

Позже, когда Шеттл проверял загрузку самолетов, он увидел Файлера, буквально облепленного «сверчками», которые торчали и на руках, и на ногах и высовывались из карманов.

Около 19.00 генерал Эйзенхауэр посетил 101-ю воздушно-десантную дивизию в Гринхем-Комман. Он общался с солдатами, намеренно пытаясь приободрить их. Но, как вспоминает лейтенант Уоллес Стробел из 502-го парашютно-пехотного полка, «честно говоря, настроение генерала заметно улучшилось, когда он побывал у нас». Эйзенхауэр сказал тогда капитану Л. «Легз» Джонсону:

— Я сделал все, что мог. Теперь ваша очередь.

Генерал поговорил с группой новобранцев, попросил их особенно не волноваться, заверил в том, что они обеспечены самым лучшим снаряжением в мире и что за ними следом идет огромная сила, которая окажет необходимую поддержку. В разговор встрял сержант из Техаса:

— Черт возьми, генерал, мы и не волнуемся. Беспокоиться надо фрицам.

На встрече с другой группой солдат Эйзенхауэр поинтересовался:

— Есть ли кто-нибудь из Канзаса? Рядовой Шерман Ойлер из Топики ответил:

— Я из Канзаса, сэр!

— Как тебя звать, сынок?

Ойлера настолько ошарашило прямое обращение к нему Верховного главнокомандующего, что он остолбенел и не мог вымолвить ни слова. Возникло неловкое молчание. Его друзья начали кричать:

— Ойлер, как тебя зовут?! Эйзенхауэр поднял палец и сказал:

— Канзас! Смелее вперед и дай им жару!

Верховный главнокомандующий повернулся к лейтенанту Стробелу, у которого на груди висел знак с номером 23. Это означало, что Стробел возглавлял команду парашютистов на борту самолета 23. Эйзенхауэр спросил, как его зовут и откуда он родом.

— Стробел, сэр. Штат Мичиган.

— О да! Мичиган. Там отличная рыбалка. Я люблю эти места.

Потом Эйзенхауэр спросил лейтенанта, готов ли он к бою. Тот начал рассказывать, какие у них были учения, тренировки, инструктажи... И кто-то из строя в это время выкрикнул:

— Не беспокойтесь, генерал, все остальное — за нами!

Около 22.00, когда уже надвигалась темнота, поступила команда: «Надеть парашюты!» Началась нудная процедура пристегивания парашютных лямок, карабинов и поиска укромного местечка, куда можно втиснуть что-нибудь еще из снаряжения, остававшегося на земле. После того как все полностью экипировались и ремни затянули, многим захотелось пойти по маленькой нужде... Но времени уже не оставалось. Сдерживая позывы сделать напоследок пи-пи, десантники шли к своим «С-47» и впервые увидели «печать войны» — три белые полосы на фюзеляже и крыльях. (На всех самолетах союзников, участвовавших в дне «Д», имелись эти полосы, на изображение которых ушла вся белая краска, имевшаяся в Англии. По ним распознавались «свои» и «чужие». В Сицилии, случалось, союзнические корабли и войска сбивали собственные самолеты.)

Рядовой Джон Ричарде из 508-го полка увидел на борту «С-47» картинку: дьявол, держащий на подносе девушку в бикини с надписью «Небеса подождут». Он подумал про себя: «Надеюсь».

У «Датча» Шульца из 505-го полка, которому все-таки удалось отыграть 2500 долларов, оставались на руках часы Джерри Колумби в качестве задатка, оцененного в 25 долларов. «Ходики» были подарком родителей в день окончания школы с соответствующей гравировкой. Колумби служил в соседнем подразделении, но Шульц разыскал его и отдал часы, сказав:

— Они твои, Джерри. Ты должен мне немного денег. Когда-нибудь вернешь.

505-й полк грузился на аэродроме Спанхо. Когда Шульц стоял в очереди, чтобы ему помогли подняться в «С-47» (на парашютистов навешали столько снаряжения, что они были не в состоянии взобраться на борт самостоятельно), раздался взрыв. Один из солдат штабной роты 1-го батальона не справился с гранатой «Гаммон». Рядом стоявший самолет вспыхнул как факел. Три человека погибли, десять получили ранения. Двух оставшихся в живых солдат перевели на другой борт, но и они потерялись в первые часы сражения, еще до наступления рассвета.

Потрясенный, Шульц поднялся в самолет. «Первое, что я сделал, — рассказывает он, — достал четки. Как правоверный католик, я верил в силу молитвы Божьей Матери. И я начал читать одну молитву за другой, обещая, что никогда, никогда больше не нарушу шестую заповедь».

Когда сумерки перешли в ночь, самолеты были наготове. Эйзенхауэр по-прежнему находился на взлетно-посадочной полосе, говоря всем:

— Удачи! Удачи!

Его взгляд остановился на коротышке-солдате, который, по выражению генерала, выглядел как кипа снаряжения, а не как человек. Тот, стараясь держаться прямо, отдал честь Эйзенхауэру, и Верховный главнокомандующий ответил тем же. Потом десантник повернулся лицом на восток и крикнул:

— Берегись, Гитлер! Мы идем!

Пилоты запустили моторы. Аэродром наполнился оглушительным ревом двигателей, когда «С-47» один за другим пошли на взлетную полосу. Отпущены тормоза, рев моторов стал еще сильнее. Затем с интервалом в 15 секунд самолеты, разогнавшись, тяжело поднялись в воздух.

Когда в небе исчез последний «С-47», Эйзенхауэр повернулся к своему водителю Кей Саммерсби. Она увидела в глазах генерала слезы. Эйзенхауэр медленно пошел к автомобилю.

— Вот и все, — сказал он тихо. — Началось.

Прежде чем отправиться спать, адмирал Рамсей сделал последнюю запись в дневнике: «Понедельник, 5 июня 1944 года. Итак, принято решение, которое [должно?], я надеюсь, привести к падению нацистской Германии и к прекращению насилия.

У меня нет [никаких] иллюзий по поводу риска, с которым связано проведение этой сложнейшей операции... Успех ее висит на волоске. Нам остается полагаться на наши

невидимые ресурсы, которые позволят нам одолеть противника.

Мы молим Бога, чтобы Он помог нам, и я верю, что эта помощь придет».

Рамсей очень точно оценил и рискованность, и значимость предстоящей операции для оккупированной Европы. Особенно впечатляет его искренняя убежденность в том, что победу над Гитлером благословит сам Господь Бог.

11. «Атлантический вал» дал трещину

Воздушно-десантная высадка в Нормандии

Наводчики прыгали первыми. Они опережали основной отряд воздушного десанта примерно на час. Их задача заключалась в том, чтобы обозначить места приземления радиолокационными маяками «Эврика», а также выставить световые знаки в виде буквы «Т». Из-за сильной облачности летчики вынуждены были подниматься над тучами или опускаться ниже. Поэтому парашютисты выбрасывались либо на слишком больших, либо на слишком малых высотах. Кроме того, пилотам приходилось увертываться от зенитного огня, и они сбивались с курса. В результате из 18 команд американских наводчиков только одна приземлилась в назначенном районе. Другая группа «высадилась» в Ла-Манше.

Сержант Элмо Джонс из 505-го полка покинул самолет на высоте около 100 м. Прежде чем выпрыгнуть из «С-47», он произнес молитву: «Господи, я должен это сделать. Но если мне суждено погибнуть, помоги мне умереть достойно». Парашют раскрылся, Джонс посмотрел вверх, чтобы проверить купол, но в тот же момент его ноги ударились о землю. Это была почти что «мягкая посадка». (Одно из преимуществ ночных прыжков — человек не видит земли, и его тело не напряжено). Купол накрыл сержанта, и он подумал: «Черт возьми, «Атлантический вал» дал трещину!»

Джонс собрал свою группу, отправил семь человек установить огни в виде буквы «Т», наказав не включать их до тех пор, пока не послышится гул самолетов. А сам уселся за рацию и начал посылать сигналы наведения.

Рота «Д» майора Джона Говарда («Оке энд бакс») первой вступила в бой с противником. Пилот планера сержант Джим Уоллуорк посадил «Хорсу» точно в том месте, где намечалось, — у моста через канал Орн. Лейтенант Бразеридж повел 1-й взвод в атаку, а тем временем рядом приземлились «Хорсы» со 2-м и 3-м взводами. В течение нескольких минут отряд овладел мостом, уничтожив около 50 немецких солдат. Два других взвода высадились у моста через реку Орн и также захватили его. К 00.21 6 июня, то есть спустя пять минут после высадки, рота «Д» выполнила свою задачу. Это была блестящая операция.

В то время, когда наводчики расставляли огни, а люди Говарда вели бой за мосты, в воздухе уже находились 13 400 американских и почти 7000 британских парашютистов. Самолеты точно придерживались курса, проложенного через каждые 10 миль «Эвриками» и через каждые 30 миль — воздушными маяками в Англии. На расстоянии 30 миль от берега британский сторожевой корабль «Гэллап» подтвердил правильность маршрута. Через следующие тридцать миль на контрольном пункте «Хобокен» то же самое сделала британская подводная лодка. В этом пункте воздушная армада резко повернула на юго-восток, пророснула между островами Джерси и Гернси, миновав несколько залпов немецких зениток, и направилась к местам высадки на Котантене. Поскольку самолеты не поддерживали радиосвязь, наводчики не смогли предупредить пилотов о сплошной облачности на полуострове.

На борту «Дакот» десантники готовились к встрече с землей, где, как им говорили, их и ждут главные события. Каждый прыжок оценивался в 10 000 долларов (на такую сумму «джи-

айз» должны были застраховать свои жизни). Полет сначала над Англией, а потом над Ла-Маншем (чуть более двух часов) все более сокращал время между завершением учений и тренировок и началом битвы. Генерал-майор Мэтью Риджуэй, командующий 82-й воздушно-десантной дивизией, вспоминает, что «парашютисты сидели тихо, погруженные в свои мысли».

Лейтенант Юджин Брайерр, штабной офицер, был помощником генерал-майора Максвелла Тейлора, командующего 101-й воздушно-десантной дивизией. Тейлору предстояло совершить квалификационный прыжок, но это, казалось, его совершенно не волновало (десантником считался тот, кто не менее пяти раз выбрасывался из самолета с парашютом). Он разложил на полу подушки. Брайерр помог генералу снять парашют. Тейлор растянулся во весь рост и проспал целый час. Когда лейтенант разбудил его, командующий надел парашют за пять минут.

Рядовой Дуэйн Берне из 508-го полка рассказывает: «Мы сидели в полной темноте. Все молчали, погруженные в свои мысли. Меня окружали лучшие мои друзья. И я думал, сколько же нас погибнет еще до восхода солнца. Господи, молил я, помоги мне сделать все так, как надо. Не дай мне убить кого-нибудь и не позволь, пожалуйста, чтобы меня убили. Я ведь еще слишком молод».

Рядовой Кен Расселл из 505-го полка еле успел на свой «С-47». Две недели назад после вакцинации у него подскочила температура, и он попал в госпиталь. 4 июня Кен все еще температурил, но, рассказывает десантник, «я, как и все мои ровесники, со школы ждал дня «Д» и теперь боялся его пропустить». Он упросил, чтобы его выписали из госпиталя, и 5 июня вернулся в роту. Пролетая над Ла-Маншем, Кен вдруг подумал, что у его однокашников в Теннесси сегодня наверняка выпускной бал.

Подобно другим солдатам-католикам, «Датч» Шульц перебирал четки. Клейтон Сторби сидел рядом с Джорджем Диксоном, повторявшим одну и ту же молитву Деве Марии. Ему показалось, что Диксону это помогает, и он попросил:

— Джордж, когда закончишь, дай мне свои четки!

«Тогда все молились, — вспоминает рядовой Гарри Рейзенлейтер из 508-го полка. — И я думаю, что мы дали Богу много поспешных обещаний. Все испытывали опасения: боялись боли, боялись причинить боль другому человеку. Но самое неприятное ощущение — ожидание страха».

Пилоты тоже нервничали. Для большинства это было первое боевое задание. Их не готовили к зенитным обстрелам или летать ночью, в плохих погодных условиях. «С-47» предназначались для грузовых и пассажирских перевозок. Самолеты не имели ни вооружений, ни брони, ни какой-либо защиты топливных баков.

Каждого летчика тревожила возможность столкновения. В небе находилась гигантская армада: 432 «С-47» несли на себе 101-ю дивизию, примерно столько же — 82-ю. Они выстроились в боевой порядок в виде фигуры V и растянулись на 300 миль, занимая полосу шириной в девять бортов, и, как уже отмечалось, не поддерживали радиосвязи.

Только ведущий пилот в каждом формировании из 45 машин мог пользоваться «Эврикой» и

подавать из астрокуполола световые сигналы идущим вслед воздушным судам. Самолеты эскадрильями по девять бортов располагались друг от друга на расстоянии 30 м (от крыла до крыла) и 300 м (группа от группы). И никаких огней, лишь крохотные голубые светлячки на хвостах впереди летящих машин. Для ночных условий это было самое жесткое построение самолетов с длиной корпуса 19,5 м и размахом крыльев — 28,5 м.

Армада пересекла Ла-Манш на высоте 150 м, чтобы ее не засекли немецкие радары, а затем поднялась на 450 м в районе островов Джерси и Гернси, чтобы ее не достали зенитки. Немцы стреляли по самолетам, но без какого-либо успеха, и лишь разбудили спавших парашютистов: приняв пилюли от воздушной болезни, которые десанникам выдали медики еще на аэродромах, многие из них, в том числе и Кен Расселл, впали в глубокое забытие. На подступах к Котантену эскадрильи снизились до 180 м, то есть до высоты, на которой предполагалось сбрасывать войска (чтобы максимально уменьшить время спуска на парашютах, когда десантник абсолютно беззащитен).

Начиная с побережья самолеты попали в облачность, видимость стала нулевая. Пилоты инстинктивно бросились враспынную: кто повел свои машины вниз, кто — вверх, кто — влево, кто — вправо, стремясь избежать столкновений. Когда они вынырнули из туч, армада оказалась раскиданной по всему небу. Лейтенант Харолд Янг из 326-го инженерного парашютного полка вспоминает: «Наш самолет вышел из облаков, мы смотрим — вокруг нас никого. Куда подевались все наши «С-47»?»

И начался, по словам одного из летчиков, «крошечный ад». Прожекторные лучи, трассирующие пули, всполохи взрывов... Пилот Сидни Юлан из 99-й эскадрильи говорит: «У меня во рту была жвачка. Она моментально высохла — так мне стало страшно. Казалось совершенно невозможным пролететь через эту стену огня. Но другого выбора не было, как и пути назад».

Оставалось только набрать скорость, что многие и сделали. Пилотам полагалось снизить ее до 90 миль в час, чтобы уменьшить шок для парашютистов. Но при такой скорости и на высоте 180 м самолеты превращались в желанную мишень для немецких зениток. Поэтому пришлось запустить моторы на полные обороты и на 150 милях в час либо уходить к земле до 90 м, либо подниматься на 600 м вверх. Машины крутились, разворачивались, швыряя своих пассажиров и грузы. По ним стреляли из автоматов, били 20-мм и даже 88-мм снарядами. Пилоты видели, как «С-47» проносились то справа, то слева, то снизу, то сверху. То тут, то там возникало пламя подорванного самолета. Люди не понимали, где находятся, зная лишь, что где-то над Котантеном.

После пересечения Ла-Манша летчики включили красные огни над дверями. Это был сигнал парашютистам: «Встать и пристегнуться». Огни поменялись на зеленые, когда пилоты решили, что они приближаются к местам высадки. То был сигнал: «Пошел».

Выпрыгивая, многие десантники видели под собой самолеты. Об один из них ударились связка с боевым снаряжением и оторвала около метра крыла. Почти каждый самолет получил повреждение или попал в какую-нибудь передрагу. Один пилот нарушил радиомолчание и прокричал в отчаянии:

— У меня на крыле повис парашютист! Другой летчик вышел на связь и посоветовал:

— Убавь скорость, и он соскользнет.

Пилот Чак Ратлифф рассказывает в интервью: «В этой сумасшедшей мешанине взрывов, ревущих самолетов и спускающихся парашютистов мы вдруг поняли, что потеряли свое место высадки и находимся снова над водой. Мы были ошарашены. Что делать?»

Ратлифф развернулся и полетел обратно. Он снизился до 180 м. Руководитель прыжками пробрался в кабину, чтобы помочь отыскать район сброса десантников: «Ему показалось, что мы как раз над ним. Мы поставили дроссель на полуобороты, включили зеленый сигнал, и парашютисты один за другим ушли в ночное небо. Потом, почти прижавшись к земле, на высоте всего 30 м, взяли курс на Англию. На аэродроме самолет сел, весь изрешеченный пулями и снарядами».

Сержант Чарлз Борцфилд из 100-й эскадрильи стоял у двери в шлемофоне, чтобы поддерживать внутреннюю связь с руководителем прыжков. Когда загорелся зеленый сигнал, десантник почувствовал удар шрапнели по рукам. Падая, он сломал еще и ногу. Один солдат, готовясь к прыжку, спросил его:

— Ты ранен?

— Похоже, да, — ответил Борцфилд.

— Я тоже, — сказал через плечо солдат и исчез в ночи^[26].

* * *

Десантников тревожили не столько предстоящие бои, сколько возможность оказаться в ситуации полного бессилия и безнадёжности. Когда самолеты крутились, вертелись, то поднимались вверх, то резко падали вниз, парашютисты беспомощно катались по полу вперемежку со снаряжением. А в это время пули прошивали насквозь и крылья, и фюзеляж. По словам рядового 502-го полка Джона Фицджеральда, они напомнили ему сыплющийся попкорн. Лейтенант Карл Картледж сравнил звук со стуком «камней в жестяной банке».

Через открытую дверь солдаты могли видеть трассирующие пули, образующие изящные, медленно плывущие по небу арки: оранжевые, красные, голубые, желтые. Они пугали, но и завораживали, изумляли своей красотой. Большинство из тех, кто наблюдал это зрелище, сравнивают его с «грандиозным фейерверком 4 Июля» (День независимости США. — Примеч. пер.). В то же время, когда ветераны вспоминают, что только одна пуля из шести была трассирующей, они поражаются тому, как им удалось прыгнуть с парашютом и остаться в живых.

Рядовой 506-го полка Уильям Тру не мог поверить в то, что «люди там, внизу, стреляют в меня, пытаются убить Билла Тру!». Лейтенант Паркер Олфорд, артиллерийский офицер, приписанный к 501-му полку, тоже наблюдал за радужными арками. «Я посмотрел вокруг, — рассказывает он, — и обратил внимание на парнишку, который сидел через проход от меня и

ухмылялся. Я попробовал улыбнуться в ответ и почувствовал, что у меня лицо омертвело». В груди рядового Порселлы сердце гулко стучало. Парашютист вспоминает: «Меня охватил страх, колени дрожали, и я, чтобы снять напряжение, решил заговорить и крикнул:

— Который час?

Кто-то сказал:

— 1.30.

Пилоты включили красный сигнал, и руководитель прыжков дал команду:

— Встать и пристегнуться!

Десантники пристегнули фалы, прикрепленные к основным парашютам, к тросу, протянутому над головами вдоль фюзеляжа.

— Прекратить разговоры и проверить снаряжение! Вызываю с хвоста самолета: шестнадцатый — о'кей, пятнадцатый — о'кей и так далее.

Парашютисты стали протискиваться вперед. Они знали, что внизу немцы, но еще никогда у них не было такого страстного желания поскорее покинуть самолет.

— Пошли! Пошли! — кричали они, но руководитель прыжков придерживал их, ожидая зеленого сигнала».

«Наш самолет подкидывало и трясло, как на ухабах, — говорит рядовой 508-го полка Дуэйн Берне. — Я слышал, как пулеметные очереди стучали по крыльям. Трудно было устоять на ногах, солдаты падали и тут же вставали, некоторых рвало. Нас, конечно, на учениях ни к чему подобному не готовили».

На тренировках пшют, прежде чем включить зеленый огонек, сбрасывал скорость и задирает хвост самолета. Но не этой ночью. Летчики, напротив, резко набрали обороты, и самолеты начали скатываться вниз. «Датч» Шульц со всей своей командой повалился на пол. Когда они поднялись, вновь раздались голоса:

— Пошли!

В самолет сержанта Дана Ферлонга попали три 88-мм снаряда. Один отрезал от левого крыла метровый кусок, другой проскочил через дверь и разрушил световую панель, третий пробил пол. Он проделал дыру диаметром полметра, ударился в потолок и взорвался, оставив в нем пробоину с более чем метровой окружностью. При этом погибли три человека и четверо получили ранения. Ферлонг замечает: «Фрицы чуть не разорвали самолет пополам».

«Я находился в хвосте и кричал: «Пошли!» — рассказывает сержант. — Солдаты, включая и трех из четырех раненых, головами вперед выкинулись из самолета. Пилот сумел довести машину до ближайшей базы в Англии (эти «Дакоты» выдерживали самые тяжелые повреждения

и все еще могли летать). Четвертый раненый потерял сознание. Над Ла-Маншем он начал бредить и пытался выпрыгнуть из самолета. Командиру экипажа пришлось сидеть на нем верхом до самого приземления».

Войска совершили рекордные прыжки. Многие ветераны на всю жизнь запомнили то волнение, которое они испытывали, подходя к двери и выбрасываясь в ночную тьму. Вид неба, расцвеченного взрывами и трассирующими пулями, мог остановить у порога смельчака из смельчаков. Четверо солдат в 505-м полку, двое в 508-м и по одному в 506-м и 507-м «отказались» прыгать. Они предпочли, по словам Джона Кигана, «понести серьезные дисциплинарные взыскания и подвергнуться общественному порицанию, но остаться в самолете и не выходить в черное небо Нормандии».

Все другие физически здоровые молодые люди прыгнули. Рядовой 502-го полка Джон Фицджеральд два года каждое утро принимал холодный душ, чтобы подготовить себя к этому дню. Рядовой 505-го полка Артур Дефилиппо рассказывает, что «при виде трассирующих пуль, летящих прямо на меня, я начал молиться Богу и просить Его, чтобы Он помог мне безопасно приземлиться, а дальше я сам позабочусь о себе». Рядовой 508-го полка Джон Тейлор ужаснулся, когда подошел к двери: самолет летел так низко над землей, что он подумал: «Нам здесь нужны не парашюты, а раздвижная лестница». Рядовой Ойлер, забывший свое имя, когда его спросил об этом генерал Эйзенхауэр, перед прыжком вспомнил о родном городе. Он сказал себе: «Как бы я хотел, чтобы меня сейчас видели мои друзья из нашей компании в Веллингтон-Хай».

Когда рядовой 501-го полка Лен Гриффинг подошел к двери, перед ним, как он говорит, предстала сплошная стена из трассирующих пуль. «Она стоит перед моими глазами, как будто это произошло сегодня утром, — продолжает Гриффинг. — Она въелась в мои мозговые клетки. Я тогда сказал себе: «Лен, тебе сейчас предстоит пройти через самые большие неприятности, какие только могут случиться в твоей жизни. Если ты проскочишь, тогда тебе уже больше ничего не грозит».

В этот момент в левое крыло ударил 88-мм снаряд, и самолет стал резко заваливаться на один бок. Гриффинга бросило на пол, но он смог каким-то чудом встать и выпрыгнуть.

Большинство команд покидали самолеты на слишком малых высотах и слишком больших скоростях. Шок при открытии парашюта был сильным. Десантники не успевали хотя бы раз качнуться в воздухе, как тут же ударялись о землю. Другие прыгали со слишком большой высоты, и минуты до приземления казались им вечностью.

Из-за повреждения самолета команду Гриффинга раскидало на значительном расстоянии. Десантник, выпрыгнувший до него, остался на полмили позади, солдат, покинувший самолет после Гриффинга, находился где-то на полмили впереди. «Купол раскрылся, — вспоминает Гриффинг, — и я вижу, что в небе только мой парашют. Мне показалось, что я спускался целых сто лет. Подо мной ведет огонь зенитка из четырех 20-мм стволов, а я, собственно, единственная мишень. Вижу внизу трассирующие пули и инстинктивно поджимаю ноги». Зенитка продолжала стрелять по Гриффингу даже тогда, когда он достиг земли. «Я бы погиб из-за бессмысленного тевтонского упорства, если бы в воздухе не появилась наша следующая эскадрилья и не отвлекла внимание немцев».

Рассказывает рядовой Фицджеральд: «Я взглянул вверх, чтобы проверить купол, и с изумлением увидел, что весь парашют продырявлен пулями. Вокруг меня раскрывалась завораживающая картина. Небо светилось всеми цветами радуги. Мимо мчались связки оборудования с нераскрывшимися куполами; солдатские каски, сорванные стропами; опускались, раскачиваясь, парашютисты. Подо мной во все стороны бежали какие-то тени. Боже, подумал я, неужели я свалюсь прямо в кучу немцев! Парашют зацепился за ветви яблони, и я с глухим стуком упал на землю. Деревья пышно цвели, и приятный аромат делал все происходящее особенно неправдоподобным». К радости Фицджеральда, «немцами» оказались коровы, разбегавшиеся в поисках укрытия. «Я почувствовал прилив ликования, — говорит он. — Я жив!»

Предполагалось, что 506-й полк высадится в 10 км к юго-западу от Сент-Мер-Эглиза. Но несколько отрядов попали прямо в городок. Было пятнадцать минут второго. На южной стороне церковной площади горел небольшой сенной амбар. Очевидно, в него угодила трассирующая пуля. Мэр Александр Рено призвал жителей организовать цепочку для доставки воды из городской водонапорной башни к месту пожара. Немецкий гарнизон направил отделение солдат для выявления нарушителей комендантского часа.

Первым приземлился в городке сержант Рей Эбишер. Он опустился на церковную площадь недалеко от пожарной бригады. Немцы его не заметили (огромный медный колокол беспрестанно звонил, оповещая жителей о пожаре, и заглушил шум от падения сержанта). Эбишер освободился от парашюта и тихо пробрался к дверям церкви, надеясь найти там убежище. Двери оказались запертыми. Тогда он прополз вокруг здания, а потом вдоль высокой бетонной стены. Немцы открыли стрельбу, но не по нему, а по его товарищам, спускавшимся на парашютах. Сержант видел, как одного десантника, запутавшегося в стропах на дереве, буквально изрешетили автоматной очередью. Всего на его глазах погибло четыре парашютиста.

Рядовой Дон Дейвис тоже приземлился на площадь у церкви. Он притворился мертвым, немецкий солдат перевернул его ногой и отошел^{[1271](#)}. Эбишер воспользовался возникшим замешательством и сбежал. В Сент-Мер-Эглизе снова воцарилась тишина. Тушение пожара возобновилось. Но немцы уже были начеку в ожидании новых отрядов парашютистов.

Сержант Карвуд Липтон и лейтенант Дик Уинтерс из роты «Е» 506-го полка приземлились за городком. Липтон выяснил их местоположение, прочитав при лунном свете надпись на придорожном столбе. Уинтерс набрал из парашютистов группу размером с отделение и двинулся в сторону Сен-Мари-дю-Мон, к пункту назначения своей роты.

Уинтерс не знал, что его командир погиб. Лейтенант Томас Михан и штабная рота летели на ведущем «С-47» в группе 66. Самолет насквозь прошили пули, и он стал крениться на правую сторону. Пилот идущего за ним борта Фрэнк Дефлита помнит, как «зажглись посадочные огни, и было похоже, что ему удастся сесть, но вдруг он врезался в изгороди и взорвался; в живых никого не осталось» (по рассказу Ричарда Уинтерса).

Сержант Макколлам, один из наводчиков 506-го полка, ждал десантников в 10 км от Сен-Мари-дю-Мон. Немцы рассчитали, что район, где он находился, может быть использован как место высадки. С трех сторон они установили минометы и пулеметные гнезда, а с четвертой —

облили керосином сарай. Когда прибыли самолеты с капитаном Чарлзом Шеттлом и его ротой и в небе появились парашютисты, немцы бросили в сарай горящий факел. Вспыхнувшее пламя осветило всю местность. Десантники попали под фронтальный пулеметный огонь. Сержант Макколлам с щемящим сердцем смотрел, как его друзья спускались в эту смертельную ловушку.

Капитан Шеттл приземлился нормально, несмотря на минометный обстрел и трассирующие пули. Его рота должна была собраться у сарая, которого уже не существовало. Шеттл быстро выбрал другую позицию и начал свистеть. Через полчаса вокруг него сгруппировалось почти 50 человек, но только 15 из них числились в 506-м полку. Остальные принадлежали к 501-му.

Такая сумятица и смешение подразделений происходили по всему Котантену. Роту «Е» 506-го полка разбросало от Карантана до Равеновиля на расстоянии 20 км. Десантники из 82-й дивизии оказались в районе высадки 101-й, и наоборот. Во время учений парашютисты отрабатывали сбор по следующей схеме. Десантники, первыми покинувшие самолет, идут вперед по его курсу, те, кто выбрасывался посередине, остаются на месте, последние — возвращаются. На тренировках это получалось. В ночь начала сражения следовать принятой схеме удавалось немногим.

Капитан Сэм Гиббонс из 501-го полка (впоследствии заслуженный конгрессмен от Флориды) первый свой час во Франции провел в одиночестве. Наконец ему встретился какой-то человек. Он щелкнул своим «сверчком» и услышал в ответ два щелчка. «Я почувствовал себя на тысячу лет моложе, — вспоминает капитан. — Мы оба ринулись друг к другу. Я прошептал свое имя, он — свое. К моему удивлению, он оказался не с нашего самолета и даже не из нашей дивизии».

Лейтенант Гай Ремингтон упал в топи возле реки Дув. Когда он выбирался на берег, ему послышался шум. Лейтенант застыл, взял в руки автомат, потом нажал «сверчок». Никакого ответа. Он уже приготовился стрелять, когда раздался чей-то голос:

— Это друг.

Ремингтон раздвинул кусты и увидел смущенного полковника Джонсона, своего командира. Тот объяснил:

— Я потерял чертов «сверчок».

Некоторые десантники всю ночь блуждали в одиночестве. Среди них был и «Датч» Шульц. Когда, отчаявшись найти кого-нибудь, он попытался воспользоваться «сверчком», то в ответ получил автоматную очередь. «Я вытащил свою «М-1», — рассказывает Шульц, — и направил ее в сторону немцев, как вдруг обнаружил, что забыл зарядить винтовку». Шульц стал уползать, думая: «Я же совершенно не подготовлен ко всему этому!»

По словам рядового Гриффинга, в ту ночь звучало столько щелчков, что невозможно было определить, кто и кому посылает сигнал. Рядовой Сторби, приземляясь, угодил в канаву. Освободившись от парашюта и выбравшись наверх, он слышал щелчок. Но звук исходил не от

«сверчка»: кто-то снимает с предохранителя «М-1». Сторби достал свой «сверчок» и щелкал им до тех пор, пока кто-то не приказал ему выйти с поднятыми руками. «Я сразу узнал, чей это голос, — говорит он. — Передо мной стоял Харолд Конуэй из Анн-Арбора, штат Мичиган. Я признался, что понятия не имею, где нахожусь и что делать». Тогда они вместе отправились на поиски своих однополчан.

В отличие от других 2-й батальон 505-го полка совершил блестящую высадку. Наводчики спустились на парашютах точно в указанном районе и поставили «Эврики» и огни. Ведущий пилот, с которым на «Дакоте» летел комбат Бенджамин Вандервурт, увидел знак «Т» именно там, где и ожидал. В 1.45 27 из 36 отрядов приземлились либо в намеченной зоне, либо в пределах одной мили от нее. Вандервурт повредил лодыжку, поэтому он покрепче зашнуровал ботинок и ходил, опираясь на винтовку как на костыль. Он уточнил свое местоположение и начал запускать зеленые сигнальные ракеты, обозначая место сбора батальона. Через полчаса рядом с ним находилось 600 человек — единственный случай во всей воздушно-десантной операции.

2-й батальон должен был закрепиться на Невиль-о-Плен чуть севернее Сент-Мер-Эглиза. Предстоял долгий пеший переход. Вандервурт весил слишком много, чтобы его несли на руках. Он заметил двух сержантов, тянувших за собой тележку-развалюху из-под боеприпасов, и попросил подвезти его. Один из сержантов буркнул:

— Мы здесь, в Нормандии, не для того, чтобы таскать на себе всяких полковников.

Все-таки Вандервурту удалось уговорить их.

Генералу Тейлору не так повезло, как Вандервурту. Командующий 101-й дивизией приземлился один неподалеку от Сен-Мари-дю-Мон. Минут 20 он блуждал вокруг, пытаясь найти место сбора. Наконец ему встретился солдат из 501-го полка. Они обменялись паролями, и генерал обнял своего рядового. Через несколько минут появился помощник Тейлора — лейтенант Брайерр. Уже втроем они бродили в кромешной темноте, когда на Тейлора наткнулся его артиллерийский командир — бригадный генерал Энтони Маколифф. Но он тоже не знал, куда их всех занесло.

Брайерр достал фонарик, генералы развернули карты и, укрывшись в зарослях, стали изучать их. В результате каждый пришел к своему выводу, который не совпадал с мнением других участников этого мини-совещания.

* * *

Позднее группа Тейлора пополнилась лейтенантом Паркером Олфордом и его радистом (без рации, которая потерялась во время прыжка). К этому времени отряд состоял из двух генералов, полковника, трех подполковников, четырех лейтенантов, нескольких сержантов-радистов и десятка рядовых. Тейлор оглядел свою команду, улыбнулся и сказал:

— Никогда еще в истории войн у одного отделения солдат не было столько командиров.

Он решил двигаться в направлении, которое, по его расчетам, должно вывести их к главной

цели — деревне Пуппевиль, от которой начиналась дамба.

Подполковник Луис Мендес, командир 3-го батальона 508-го полка, оказался в положении еще худшем, чем Тейлор. Он выпрыгнул на высоте более 600 м, что обрекало его на долгое ожидание приземления. Мендес приземлился в 2.30 и в течение пяти дней не мог найти никого из своих. За это время он лично уничтожил, возможно, больше немцев, чем любой другой подполковник за всю войну. «Я подстрелил трех Гансов из пистолета, — говорил Мендес на отчетном совещании в 82-й дивизии 13 августа 1944 г., — двух — из карабина и одного подорвал гранатой». Подполковник прошел 150 км по Западному Котантену в поисках американцев, но безуспешно.

В блокаузе на Ла-Мадлен лейтенант Артур Янке испытывал некоторую растерянность. Самолеты особенно его не беспокоили, хотя их было намного больше, чем обычно. Но что бы могли означать пулеметные и автоматные очереди, которые доносились с тыла? Янке поднял своих людей по тревоге, усилил наряды и приказал организовать постоянное патрулирование и наблюдение.

В то же самое время рядовой Луис Мерлано из 101-й дивизии приземлился на дюны всего в нескольких метрах от позиций Янке. В ужасе он слышал крики своих 11 товарищей, упавших в Ла-Манш и тонувших. Через полчаса немецкий патрульный катер вернулся на Ла-Мадлен с 19 американскими парашютистами, в том числе и Мерлано, которого подобрали на берегу. Довольный таким «уловом», Янке решил доложить о нем по телефону своему батальонному командиру, но как только он начал говорить, линия оборвалась. Кто-то из десантников, уже находившихся на материке, перерезал провод,

Янке запер своих пленников в ДОС и приставил к ним часового. В 4,00 тот пришел к лейтенанту и сообщил, что американцы нервничают и требуют, чтобы их отправили в тыл. Янке не мог понять, в чем дело. На рассвете ожидается низкий прилив, а Роммель сказал ему, что союзники появятся только на высокой приливной волне. Чего же боятся захваченные парашютисты?

В Сент-Мер-Эглизе пожар не утихал. Десантники из 506-го полка, высадившиеся в городке или в его окрестностях, успели рассредоточиться. В 1.45 второй взвод роты «Эф» 505-го полка начал прыгать прямо над городком, гарнизон которого уже находился в полной боевой готовности.

Кен Расселл был в этом отряде. «Я снижаюсь, — рассказывает он. — Справа от меня на стропах висит парень, который вдруг в одно мгновение словно испаряется, а вниз падает лишь пустой парашют. Скорее всего в его фанаты «Гаммон» попал снаряд».

Потрясенный Расселл взглянул налево. И он увидел, как его однополчанина, рядового Чарлза Бланкеншипа, затягивает в огонь (пламя всасывало кислород и тащило к себе парашютиста). «Я услышал, — говорит Кен, — как Чарлз закричал один раз, потом второй, потом... третьего раза уже не было».

Немцы исполосовали все небо трассирующими пулями. Расселл пытался прикрыться запасным парашютом, потому что «мы все были легкими жертвами». Его ранило в руку. Он

видел, как лейтенант Харолд Кэдиш и рядовые Г. Т. Брайан и Ладислав Тлапа повисли на телефонных столбах вокруг церковной площади. Немцы расстреляли десантников, прежде чем они смогли сбросить с себя парашюты. «Их будто распяли на кресте», — говорит Расселл.

Рядовой Пенроз Ширер опустился на дерево, стоящее напротив церкви, и его немцы тоже расстреляли в упор. Рядовой Джон Бланшар, повиснув на дереве, успел достать нож и отрезать стропы. Он только потом заметил, что заодно отрубил себе и палец.

Расселл подтянул стропы так, чтобы не попасть в бушующий огонь, и сел на крышу церкви. Парашют зацепился за шпиль, десантник покатился вниз и завис на самой кромке.

«И Стил (рядовой. — Примеч. авт.), Джон Стил, — с воодушевлением восклицает Кен, — о котором все столько слышали (по книге и фильму «Самый долгий день». — Примеч. авт.), вдруг появляется надо мной, и его купол накрывает шпиль!» Стил получил ранение в ногу.

Сержант Джон Рей приземлился на церковную площадь сразу же после Расселла и Стала. Немецкий солдат вышел из-за угла. «Я никогда его не забуду, — говорит Расселл. — У него были рыжие волосы. Он спокойно приблизился к Рею и выстрелил ему в живот». Потом солдат повернулся в сторону Расселла и Стила и направил на них автомат. «И тогда, — продолжает Кен, — истекающий кровью и умирающий Рей выхватил пистолет и всадил пулю в затылок немцу».

Несмотря на стрельбу, церковный колокол продолжал непрерывно звонить. Расселл этого не помнит. Но Стил, зависший у самой колокольни, оглох на несколько недель (его втащил в звонницу какой-то немецкий наблюдатель; Стил попал в плен, но ему удалось через несколько дней бежать).

Расселл обрезал траншейным ножом стропы парашюта и с кромки церковной крыши грохнулся на землю. «Я помчался через улицу, — рассказывает Кен, — а вслед мне гремели автоматные очереди. Я бежал к роще на окраине городка и чувствовал себя самым одиноким человеком в мире. В чужой стране. Еще мальчишка, который должен был в это время заканчивать школу, а не удирать от пуль».

В роще стояла зенитка, которая вела огонь по пролетающим «Дакотам». Расселл метнул в нее гранату «Гаммон», и оружие замолчало. Расселл все дальше уходил от городка. По дороге ему встретился немецкий солдат на велосипеде. Кен застрелил его. Потом он наткнулся на американского парашютиста из 101-й дивизии (вероятно, десантника из 506-го полка, который высадился в Сент-Мер-Эглизе на полчаса раньше).

Расселл спросил:

— Ты знаешь, где находишься?

— Нет, — ответил десантник, — меня послали найти кого-нибудь, кто знает ^{28}.

* * *

Рядовой Джеймс Идс из 82-й дивизии приземлился со своим парашютом в огромную кучу навоза (характерная деталь ландшафта Нормандии). По крайней мере это была действительно «мягкая посадка». Из фермерского дома вышли три немецких солдата и побежали к нему. «Вот черт, — сказал он себе. — Из огня да в полымя! Сначала отхожее место, а теперь еще и это!» Его винтовка все еще была пристегнута к груди. Он не мог быстро высвободиться из своей «сбруи» (в британских воздушно-десантных войсках имелось специальное приспособление для мгновенного сбрасывания амуниции, американцам же приходилось возиться с каждым ремнем). Идс выхватил пистолет и сразу же уложил двух солдат, третий продолжал бежать. У Идса оставался один патрон, и он ждал, когда немец приблизится, а потом выстрелил в него с двух шагов.

Идс так и не успел скинуть с себя амуницию, когда по нему открыли пулеметный огонь.

— Черт, — воскликнул он, — похоже, все фрицы ополчились против меня, рыжего, перепуганного солдатака!

Пули прошили полевую сумку с провиантом. Идс попытался зарыться в навоз. Потом раздался взрыв, и стрельба прекратилась. Он высвободился и вышел на поле. Сзади послышался какой-то шум, Идс решил испробовать свой «сверчок», и ему тут же ответили двойным щелчком.

«Я готов был расцеловать того парня, — вспоминает Идс. — Первое, что он сказал:

— Я пристукнул этих фрицев за пулеметом одной гранатой, но взрывом сорвало каску, и я не могу ее найти.

Потом он принялся и воскликнул:

— Господи, как от тебя воняет!»

Десантников 82-й дивизии, высаживавшихся западнее Сент-Мер-Эглиза у реки Мердере, ожидали серьезные трудности. Роммель распорядился открывать при высоком приливе шлюзы в устье реки ниже Карантана и закрывать их при отливе, чтобы затопить долину. Над водой выросла трава, и аэрофотосъемка не смогла зафиксировать подготовленную немцами ловушку. Глубина небольшая, всего около метра, но достаточная для того, чтобы перегруженный парашютист захлебнулся и утонул.

Рядовому Порселле особенно не повезло. Он опустил прямо в реку и с головой ушел под воду. Ему приходилось подпрыгивать, чтобы глотнуть воздуха. «Сердце так колотилось, что я думал — вот-вот разорвется, — говорит бывший десантник. — Я взмолился: Господи, не дай мне утонуть в этой чертовой реке!» Порселла нагнулся, чтобы снять с ног ремни, но пряжку заело. Он подпрыгнул, чтобы подышать, и вдруг его осенило: если стоять на цыпочках, то нос можно держать над водой.

Немного успокоившись, Порселла решил перерезать ремни. Он подпрыгнул, сделал глубокий вдох, погрузился в воду и вытащил нож из правого ботинка. Парашютист вынырнул, глотнул побольше воздуха, наклонился, воткнул лезвие между ногой и ремнем и попытался его

перепилить.

«Но ремень не поддавался, — вспоминает Порселла. — Я уже по-настоящему запаниковал. От страха сердце стало биться еще сильнее. Мне хотелось кричать и звать на помощь, но от этого могло стать еще хуже. И я сказал себе: «Думай! Ты должен думать! Почему нож не режет, он ведь острый, как бритва!»

Порселла снова подскочил, чтобы подышать, и успел выговорить:

— О Дева Мария!

И тут до него дошло, что он пытался перерезать ремень обратной стороной ножа. В одно мгновение Порселла освободился от парашюта.

Стало легче. Но все еще тянули вниз сумка с провиантом и фугас. Через секунду и они исчезли. Осторожно переступая по дну, Порселла нашел место, где вода была ему по грудь. Только тогда он обратил внимание на то, что его обстреливают с берега из винтовок и пулеметов. «Нас к таким вещам на учениях не готовили», — подумал десантник.

Неожиданно в небе возникло огромное оранжевое пламя. Подбитый прямым попаданием «С-47» огненным шаром падал на землю.

— Боже мой, — закричал Порселла, — он же валится прямо на меня!

Самолет издавал страшный звук, похожий на ржание умирающей лошади. Порселла попытался бежать, но «С-47» уже рухнул в воду у него за спиной. Снова наступила темнота.

Порселла двинулся к берегу. Вдруг послышалось:

— Вспышка!

Парашютист не верил своим ушам: «Мне казалось, что только я один попал в такой переплет». Он узнал голос. Это был его приятель Дейл Кебл. Порселла протянул правую руку, чтобы дотронуться до Кебла, но тот теперь уже проорал «Вспышка!» и снял с предохранителя «М-1». Дуло покачивалось всего в нескольких сантиметрах от лица Порселлы. Десантник помнил ответ и закричал:

— Гром!

Вместе они, взбалтывая ногами воду, отправились на поиски других парашютистов. Наконец им удалось выбраться на сушу.

Лейтенант Ралф Де Уиз из 508-го полка упал спиной в запруду, где глубина была не более метра. Прежде чем он успел освободиться от парашюта, купол вздулся от ветра и потащил его по воде. Тяжелое снаряжение (запасной парашют, винтовка, мина, полевая сумка) не давало развернуться лицом вверх. Одна стропа прижала каску, которая к тому же крепилась к подбородку ремешком. Лейтенант не мог от нее избавиться, и его голова все время находилась

под водой. Парашют проволока его несколько сот метров.

«Несколько раз мне приходила мысль бросить все, открыть рот и утонуть, — писал потом матери Ралф Де Уиз. — Но ветер дергал парашют, голова на какой-то момент выскакивала на поверхность, и я хватал воздух. Должно быть, я наглотался много воды, потому что два дня не мог пить».

Последним усилием воли лейтенант достал траншейный нож и обрезал стропы. Вокруг свистели пули, но он не обращал на них никакого внимания.

Де Уиз все-таки выбрался на берег и встретил своих однополчан. На дороге он заметил двух французов и спросил их, видели ли они американцев. Те не могли его понять. Тогда он показал на американский флаг на своем рукаве. Один из французов радостно кивнул, извлек из кармана пачку сигарет «Лаки страйк» и махнул рукой вдоль дороги. «Я был так счастлив увидеть эти сигареты», — говорил лейтенант.

(О своих переживаниях в день «Д» Де Уиз написав матери спустя два месяца, находясь в Англии. Самое ужасное, по его словам, было то, что у него не осталось сухих сигарет, но ему не хотелось лишать «Лаки страйк» француза. Де Уиз добавляет, что в карманах у него было полно мелкой рыбешки.)[\[29\]](#)

Рядовой 508-го полка Дэвид Джонс тоже покинул самолет над районом затопления. Он опустился на самом краю запруды, купол застрял на дереве, и Дэвид вытянул себя из воды с помощью строп. Когда десантник оказался на суше, перед ним возникла другая проблема. Еще в Англии после учений он зашел в придорожный паб и «крепко» подрался с одним парашютистом. Когда их разняли, тот пообещал, что «надерет ему задницу» в Нормандии. И теперь, «представьте себе, — рассказывает Джонс, — первый человек, которого я встречаю в этих топях, — тот самый парень. Он разглядел меня, когда уже наставил свой пистолет-пулемет. Мы обнялись, хлопая друг друга по спине, порадовались тому, что нам пока как-никак, а везет».

36 парашютистов 82-й дивизии утонули в эту ночь. В отчете об операции, подготовленном 25 июля 1944 г., отмечалось, что «один отряд десантников из 507-го полка до сих пор не найден». 173 человека сломали ноги или руки во время приземления, 63 — захвачены в плен.

Большинство американцев попадали в плен до того, как им удавалось освободиться от амуниции. Так случилось и с рядовым Полом Бучеро, индейцем из Луизианы. Его привезли на командный пост, где допрашивали заключенных. Немецкий капитан, говоривший по-английски, требовал, чтобы ему сказали, сколько американских парашютистов высадилось в этом районе.

— Миллионы, — ответил один из «джи-айз». Рассерженный капитан с таким же вопросом обратился к

Бучеро. С заметным индейским акцентом Пол сказал:

— Только я один.

Рассвирепев, капитан приказал американцам заложить руки за голову. Их вывели в сопровождении охраны. По непонятной причине немецкий сержант открыл огонь по пленным из автомата.

«Я до сих пор помню, как он выглядел, — говорит Бучеро. — Низкий, но тяжелого телосложения. Суровый взгляд. Но самая примечательная черта — шрам на правой стороне лица».

Бучеро пуля ранила у левого колена. «Я почувствовал, как будто меня ужалила пчела», — добавляет Пол.

Сержант утомился, и пленные двинулись дальше. Бучеро старался не отставать, несмотря на боль и накопившуюся в ботинке кровь. И все же он свалился на землю.

Пол рассказывает:

«Надо мной склонился фриц и перевернул меня на спину. Он взвел курок и приставил дуло винтовки к моей голове. Я быстро-быстро начал читать про себя молитву. Но вместо того чтобы нажать на спусковой крючок, немец захохотал и предложил мне американскую сигарету. Возможно, мне следовало выразить благодарность за то, что он сохранил мне жизнь. А я ощущал дикую злобу из-за физического и морального унижения. Меня душила ненависть, и я только мечтал о том дне, когда смогу отомстить немцам»^[30].

Лейтенант Бриан Воден, хирург 508-го полка, провел время в плену с пользой. Около 3.00 на фермерский дом, превращенный в медпункт, где он оказывал помощь раненым, напали немцы. Лейтенант налепил на свою каску красный крест и выставил ее на длинной палке в дверь. Стрельба прекратилась, и немцы перевели раненых американцев в свой военный госпиталь. Боден вспоминает, что «немецкий медицинский персонал отнесся к нашим врачам как к друзьям». Доктора работали бок о бок несколько недель. Хирург считает пребывание в качестве пленника в 91-м полевом лазарете «весьма интересным». Он перенял опыт немецких медиков и научил их американским методам^[31].

Германская противовоздушная оборона встретила союзническую авиационную армаду достойно. Но действия немцев против парашютистов на земле отличались неуверенностью и нескоординированностью. Отчасти это можно объяснить тем, что все дивизионные и большинство полковых командиров находились в Ренне на штабных учениях. Были и другие причины. Главная из них, как ни странно, — это то, что не была обеспечена высадка десантов в строго обозначенных зонах. К 1.30 штаб немецкой 7-й армии располагал сведениями о сбрасывании парашютистов в районах к востоку и к северо-западу от Кана, в Сен-Маркоф и Монтебуре, по обе стороны реки Вир, на восточном побережье Котантена и в других местах. Но в ходе операции так и не проявились зоны высадки, не произошло и концентрации сил: два парашютиста здесь, четыре — там, полдюжины — где-нибудь еще.

Немцев также сбили с толку ложные десанты манекенов, сброшенные группами Авиационной службы специального назначения капитана Фута. Один отряд «парашютистов» появился в полночь между Гавром и Руаном. Комендант Гавра направил в штаб 7-й армии тревожную телеграмму, которую передали и в Берлин. В ней сообщалось о том, что городу

угрожает крупное подразделение противника, высадившееся с самолетов. Вторая группа спустила манекены и начала крутить пластинки с записями перестрелки на юго-востоке от Изиньи. Немецкий резервный полк численностью 2000 человек, дислоцированный в этом районе, в течение нескольких часов 6 июня прочесывал леса в поисках «большого отряда» парашютистов, которых там не было. Маленькая по масштабам операция завершилась чрезвычайно важным для союзников успехом.

Немцы не знали, что происходит: реальное вторжение, серия разрозненных рейдов, поддержка отрядов Сопротивления или отвлекающий маневр перед высадкой в Па-де-Кале. И хотя обстреливался каждый проходящий самолет, они не могли оценить реальную угрозу. То тут, то там местные ротные командиры посылали дозоры проверить очередные сообщения о парашютистах, но солдаты вермахта по большей части оставались в бараках. Доктрина Берлина — контрнаступление против любого нападения — в эту ночь не действовала.

В сфере коммуникаций в Нормандии немцы обладали несомненным преимуществом. Американских парашютистов инструктировали: если у них не будет никаких других дел, то они по крайней мере могут заняться разрушением линий связи. За многие годы нацисты наладили надежную телефонную и кабельную сеть. Но с 1.00 6 июня она начала давать сбои. Десантники, действуя поодиночке или группами, гранатами подрывали телефонные столбы, перерезали ножами провода, изолируя немецкие подразделения, раскиданные по деревням.

Около 1.30 офицер по связи в штабе 6-го парашютного полка принял донесение, в котором сообщалось, что десантники противника высаживаются в окрестностях Сент-Мер-Эглиза. Полковник Хейдт попытался передать информацию генералу Марксу, но телефонная линия уже не работала.

Чаще всего провода перерезались по мере возможности или необходимости. Но были и особые, требовавшие специальной подготовки операции. Подполковник Роберт Уолвертон, командир 3-го батальона 506-го полка, получил задачу вывести из строя стратегически важные коммуникации между Карантаном и немецкими войсками на Котантене. Он поручил выполнить задание капитану Шеттлу из роты «И». Шеттл сказал, что ему необходимо знать точное местоположение. В конце мая разведка вывезла из Карантана в Англию участника Сопротивления, который показал, где закопаны линии связи, и люк, через который к ним можно подобраться.

Через полчаса после приземления Шеттл собрал 15 человек из своей роты. Они нашли люк, заложили в него взрывчатку и подорвали коммуникации. (Многие годы спустя офицер из германского 6-го парашютного полка сказал Шеттлу, что немцы были крайне поражены тем, как быстро американцам удалось уничтожить главный узел связи.)

Полковник Хейдт командовал 6-м парашютным полком. Он был профессиональным военным, прошедшим через бои в Польше, Франции, России, на Крите, в Северной Африке. Командный пост Хейдта располагался в Перье, батальоны рассредоточились до Карантана. В 0.30 он поднял своих людей по тревоге, но из-за противоречивости сообщений о высадке десантников по всему полуострову ему ничего не оставалось, как держать войска в боевой готовности. Полковнику нужно было срочно переговорить с генералом Марксом, а связь так и не работала.

Один из взводов Хейдта, расквартированный в деревне недалеко от Перье, устроил вечеринку. Рядовой Вольфганг Герицлеер рассказывает: «Вдруг вбегает рассыльный и кричит:

— Тревога! Тревога! Вражеские парашютисты!

Мы посмеялись и сказали ему, чтобы он так не волновался. Пригласили: посиди с нами и выпей кальвадоса. Но тут небо заполнилось самолетами. Это нас сразу отрезвило. Через минуту со всех сторон шли солдаты. Картина напоминала встревоженный пчелиный улей».

Собрать 3500 человек, служивших в 6-м парашютном полку, было непросто. Их расселили почти по всей округе. Для перевозки солдат имелись всего 70 грузовиков, большинство из которых выглядели как музейные экспонаты, а не как действующие транспортные средства. Причем 50 машин были совершенно разных моделей, поэтому их было невозможно обеспечить запасными частями. Элитным частям Хейдта предстояло идти в бой пешком. И без особо тяжелых вооружений, только с оружием, которое можно унести на руках. Когда полковник запросил в генеральном штабе тяжелые минометы и противотанковые орудия, ему с усмешкой сказали:

— Что вы, Хейдт, десантнику достаточно одного ножа.

Тем не менее немецкие парашютисты-десантники чувствовали себя уверенно. «Честно сказать, мы не испытывали страха, — вспоминает Герицлеер. — Мы были убеждены в том, что все утрясется за несколько часов, поэтому никто из нас не взял с собой ничего из личных вещей. Только оружие, боеприпасы и немного еды».

На востоке, где высаживались британские и канадские десантники, немцы тоже вели себя нерешительно, но не столько из-за действий союзников, сколько вследствие неразберихи в собственном командовании. Роммель полагался на 125-й полк Ганса фон Люка 21-й бронетанковой дивизии, который, по его мнению, мог ответить контрнаступлением на любое вторжение в районе реки и канала Орн. В 1.30 Люк получил первые донесения о парашютистах. Он незамедлительно поднял по тревоге полк, и через час экипажи стояли возле своих танков и бронемашин с заведенными моторами.

Люк давно ждал этого момента, знал, в каком направлении двигаться — к мосту через канал Орн, задачу — отбить его у майора Говарда, проработал альтернативные варианты действий. Но полковник не имел права дать команду. Танками распоряжался Гитлер, а фюрер в это время спал. Спал и Рундштедт. Генерал Долльманн находился в Ренне, а генерал Фехтингер — в Париже. Штаб 7-й армии не мог понять, что происходит.

В 2.40 исполняющий обязанности командующего группой армий «Запад» (Рундштедта) заявил:

— Противник развернул операцию, не имеющую принципиального значения.

Начальник штаба ответил:

— Ничего не может быть более серьезного, чем это наступление.

Его мнение осталось незамеченным. Люк не сомневался в серьезности намерений союзников. Спустя 40 лет в интервью он говорил: «Я считал, что необходимо контратаковать до того, как британцы закрепятся в обороне, до того, как их воздушные десанты высадятся, а военно-морские силы доставят на берег пехоту. Мы знали местность и могли без особых проблем прорваться к мостам». Если бы полковник Люк осуществил свой замысел, то майору Говарду пришлось бы туго. В его роте имелись лишь несколько ручных противотанковых гранатометов «Пиат». Но полковник не мог принимать решения по собственной инициативе. Поэтому он бездействовал — офицер высокого ранга в дивизии, которая, по расчетам Роммеля, должна была сбросить союзнические войска обратно в море, если они вторгнутся в районе Кана. Люк знал, что делать, но его парализовала запутанность в руководстве Третьего рейха.

С 3.00 началась переброска подкреплений десанникам. На левом фланге 69 планеров доставили полк и командующего 6-й воздушно-десантной дивизией генерал-майора Ричарда Гейла. Они сели на поля около Ранвиля, уже очищенные от противника парашютистами, которые высадились двумя часами раньше. Прибыли также джипы и противотанковые орудия.

На правом фланге 52 американских планера спикировали на Йесвиль в 6 км от Сент-Мер-Эглиза. С ними летели войска, джипы, противотанковые орудия и небольшой бульдозер. Бригадный генерал Дон Прагг, помощник командующего 101-й дивизией, находился в ведущем планере. Лейтенант Роберт Батлер пилотировал второй планер. Когда эскадрильи уже приближались к зоне приземления, по ним открыли огонь немецкие зенитки. Буксирные «Дакоты» вынуждены были набирать высоту. Тогда Батлеру и другим пилотам пришлось отделиться от трехсотметровых нейлоновых буксирных тросов и попытаться, петляя в воздухе, осуществить посадку. Немцы посбивали почти все самолеты и планеры.

Для тех же, кто проскочил зенитный обстрел, настоящей проблемой стали нормандские живые изгороди. Поля, которые они окружали, оказались слишком малы для безопасного приземления, а кустарники — намного выше, чем предполагалось. (Недооценка живых изгородей — серьезное упущение союзнической разведки. Вот что говорит по этому поводу сержант Зейн Шлеммер из 82-й дивизии: «Нас никто не информировал об истинных размерах французских зеленых посадок. Нам, конечно, сказали, что мы будем в стране живых изгородей, но мы думали, что они такие же, как в Англии, вроде небольших заборов, которые легко перепрыгивают охотники за лисами».) В Нормандии посадки достигают высоты 2 м и почти непроходимы. Дороги между ними, как правило, углублены, что предоставляло немцам, по сути, готовые траншеи. Почему разведка упустила из виду такой важный для ведения боевых действий фактор, остается загадкой.

Если пилот держался поближе к земле, то, когда перед его глазами неожиданно возникала гуща кустарников, он старался подняться над ней, терял скорость, падал, и планер разбивался. Если же летчик шел выше, то не успевал сесть на ограниченном пространстве и либо проскакивал дальше, либо врезался в изгородь на другой стороне поля. В любом случае «планирование» заканчивалось трагически. По словам сержанта Джеймса Элмо Джонса, наводчика из 82-й дивизии, обозначавшего посадочные площадки для планеров, он не мог представить себе такой бойни. «Это самое жуткое, что я испытал во время войны», — говорит он.

Идущим впереди лейтенанта Батлера планером управлял полковник Майк Мёрфи. Батлер видел, как по нему ударили зенитки. Погиб Пратт — первый убитый генерал с обеих сторон в этот день, а Мёрфи разбился в живых изгородях, сломав обе ноги.

Сержант Леонард Лебенсон из 82-й дивизии сидел в планере, который задел верхушки живых изгородей, стукнулся о землю, подскочил, прокатился по крыше фермерского дома и врезался в дерево, стоящее напротив. Обломки разлетелись по всему полю, но каким-то чудом пострадал только один десантник.

Лейтенант Чарлз Скидмор на своем планере сел в топи. Он выбрался из воды и сразу же попал под выстрелы. Огонь велся из бункера, в котором находились польские солдаты под началом немецкого сержанта. Лейтенант с десантниками, прибывшими вместе с ним, начали отстреливаться. Затем наступило затишье. Вскоре раздались крики и смех. Поляки вышли из бункера с поднятыми руками. А немецкого сержанта они застрелили.

Рядовой Рейзенлейтер из 508-го полка прятался в поле и слышал, как на другой стороне живых изгородей садился планер. В темноте невозможно было разглядеть, что случилось с пилотом и солдатами. Он крикнул:

— Вспышка!

И в ответ получил целую тираду:

— Пусть вспыхнет твоя задница! Нас убивают, а здесь какой-то дурень черт-те что несет!

Рейзенлейтер не стал вмешиваться, решив, что только американец способен на такие ругательства. (Планерные войска учили: первое, что они должны сделать после посадки, — найти укрытие в лесу или в любом подходящем месте, но ни в коем случае не оставаться на открытом пространстве. Возможно, этим и объясняется грубый ответ Рейзенлейтеру.)

Рядовой 502-го полка Джон Фицджеральд также наблюдал, как приземлялись планеры. «Сначала вдалеке послышался шум моторов самолетов, — рассказывает он. — Затем все стихло. Потом раздались свист, треск ломающихся ветвей, крики отчаяния. Планеры шли со всех сторон, один за другим. Многие пролетали над полем и врезались либо в лес, либо в фермерский дом, либо в каменные ограды.

В один миг вся округа превратилась в свалку разбитых планеров, оборудования, тел погибших или раненых солдат. Некоторые из них были буквально пригвождены осколками фанеры. Мы организовали временный лазарет и бросились оказывать помощь, но прежде надо было отделить живых от мертвых. Я увидел свисающие из фюзеляжа ноги и попытался вытащить тело из планера, но оно не двигалось. Заглянув внутрь, я ужаснулся: верхнюю часть туловища придавил джип».

На планерах доставлялись и бульдозеры для прокладки посадочных полос. Сержант 508-го полка Зейн Шлеммер говорит, что ему жутко было представить, как «эта груда металла во время крушения наваливалась на пилотов».

82-я дивизия понесла тяжелые потери в ходе планерно-десантной операции. Из 957 человек, отправившихся в ту ночь в Нормандию, 25 погибли, 118 ранены, 14 считаются пропавшими без вести (уровень потерь примерно 16 процентов). 19 из 111 джипов и 4 из 17 противотанковых орудий не подлежали восстановлению.

Если подразделение несет такие потери еще до вступления в бой, значит, кто-то совершил серьезную ошибку. Но вспомним: Ли-Маллори опасался, что число жертв могло составить и 70 процентов, главным образом из-за «спаржи» Роммеля. Однако немецкие «столбы» были врыты беспорядочно, и проблему создавали не они, а живые изгороди. А сохранившиеся джипы и противотанковые орудия впоследствии очень дажегодились.

К 4.00 американских десантников разметало по всему Котантену. За небольшими исключениями, они перемещались по полуострову врозь. Если не считать 2-й батальон Вандервурта 505-го полка, то большинство парашютистов собирались в группы по три, пять, десять, максимум 30 человек. Они не могли найти сброшенное с самолетов снаряжение, маленькие голубые огоньки, припиленные к контейнерам, не светились. Многие потеряли сумки с дополнительными боеприпасами, полевыми рациями, треногами для пулеметов. Сохранившиеся рации не действовали: либо побывали в воде, либо ударились о землю. Парашютистов стало меньше. Они погибали и во время выхода в воздух, и когда выпрыгивали на слишком малых высотах, и когда их в упор расстреливали немецкие зенитки, и когда разбивались планеры.

Лейтенант Карл Картледж из 501-го полка опустился в болото. Его рота должна была собраться по сигналу горна, но горнист утонул. Ему встретились рядовые Джон Фордик и Смит. Последний не мог идти: сломал позвоночник. Остальных затянула топь. Картледж отыскал 10 человек. Они вытащили Смита на сухое место и накрыли его ветками. Солдат просил, чтобы с ним оставили его двух голубей. На лапке одного из них лейтенант прикрепил донесение о том, что батальон погиб, другая птица должна была доставить сообщение о том, что батальон выполнил свою задачу. Смит сказал, чтобы днем он отпустил либо первого, либо второго голубя.

Когда отряд Картледжа уходил, Смит произнес на прощание:

— Не беспокойтесь, я не совру.

Но в это время немцы открыли пулеметный огонь. Десантники погрузились в трясину. Без радиосвязи, стоя по грудь в болоте и не имея возможности отстреливаться, Картледж чувствовал себя беспомощным. Рядовой Фордик, «крутой шахтер из Пенсильвании», склонился к его уху и прошептал:

— Знаешь ли, лейтенант Картледж, похоже, что немцы выигрывают эту войну.

Спустя десять недель полковые и батальонные командиры 82-й дивизии провели в Глеб-Маунт-хаус, Лестер, совещание с разбором минувшей операции. Они проанализировали, что было сделано правильно, а что — нет.

Начали с пилотов. Решили, что в будущем летчикам необходима специальная подготовка для действий в боевых и неблагоприятных погодных условиях, на низких скоростях. Высказывалось мнение, что каждый пилот должен совершить прыжок с парашютом на скорости 150 миль в час. Признано, что маневрирование в небе, заполненном трассирующими пулями, приносит больше вреда, чем пользы.

Об этом особо не говорилось, но всем было ясно, что отсутствие радиосвязи тоже ни к чему хорошему не приводит. Немецкая противовоздушная оборона все равно была приведена в состояние боевой готовности из-за самолетов наведения. Те же не предупредили идущую вслед воздушную армаду о сплошной облачности над Котантеном. И если бы летчики имели возможность переговариваться, то не возникла бы такая разбросанность в высадке десантов.

Лишь командир 3-го батальона 505-го полка подполковник Эдуард Краузе высказался положительно о подсвеченных посадочных знаках «Т»: «Увидев его, я возрадовался, как будто нашел землю обетованную». Никто больше их не заметил (в основном из-за того, что наводчики не выставили огни, не будучи уверены в том, что находятся в нужном месте). И никто не одобрил радиолокационную систему «Эврика».

Все согласились с тем, что вооружение лучше сбрасывать в связке и необходимо продумать систему освещения. Парашютисты должны иметь при себе мины и при первой возможности установить их на дорогах. Следует также придать каждому отделению по базуке. Гранаты «Гаммон» использовались «удовлетворительно». Целесообразно всех десантников вооружить пистолетами, которые могут быть применены сразу же после приземления.

Наиболее эффективным средством оповещения парашютистов о месте сосредоточения называли сигнальные ракеты. Но чтобы их было немного, по одной на батальон. Свистки, горны и прочие звуковые инструменты менее пригодны из-за того, что их заглушают зенитки и живые изгороди. Сбор десантников по принципу «свертывающегося рулона» не оправдал себя. Причины — те же живые изгороди и сама схема рассеянного сброса парашютистов. Опять же: исключительно важна радиосвязь, нужны рации. Солдат надо обучить тому, как быстрее освобождаться от парашютов (простейший выход — избавиться от пряжек и использовать британский метод отделения купола, что и было сделано).

Таким образом, первая воздушно-десантная высадка вызвала немало критических замечаний. И все-таки, вопреки сомнениям рядового Фордика, которыми он поделился с лейтенантом Картледжем, немцы не выигрывали войну. Несмотря на разбросанность по всему фронту, союзнические войска были готовы к боевым действиям. Германские армии пребывали в состоянии неизвестности и смятения.

12. «Врежем этим ублюдкам»

Продолжение ночной воздушно-десантной операции

На разборе полетов 13 августа 1944 г. в Глеб-Маунт-хаус полковые и батальонные командиры 82-й дивизии пришли к выводу: войска должны быстрее сосредотачиваться в местах сбора и уметь находить сброшенное на парашютах снаряжение и оборудование. «Но еще важнее, — отмечалось ими, — использовать ночные часы для захвата ключевых объектов и достижения стратегических целей. С наступлением рассвета действия противника становятся более решительными».

Далее указывалось: «После приземления десантник обязан незамедлительно приступить к активным действиям. Если парашютист «зарывается в землю» и не проявляет упорства, то он неминуемо подвергает себя опасности быть окруженным и уничтоженным. Как только воздушно-десантное подразделение касается грунта, оно овладевает инициативой и должно ее удерживать. В этом заключается успех организации и завершения операции».

Очевидно, что командиры не были довольны тем, как вели себя войска во время высадки. Слишком много солдат пряталось в живых изгородях в ожидании рассвета, а некоторые просто спали. Рядовой 506-го полка Фрэнсиз Палис стал очевидцем, пожалуй, одного из самых распространенных нарушений воинского долга. Он объединил вокруг себя у Вьервиля группу десантников численностью в отделение. Услышав «шум и пение», доносившиеся из фермерского дома, Палис со своей командой решили заглянуть в него. Там компания американцев из двух дивизий допивала бочку кальвадоса (такие бочки можно было найти в подвале любого нормандского фермера), и они, как вспоминает Палис, напились так, как могут накачаться только какие-нибудь деревенские мужики во время субботнего кутежа.

Военный историк Аллен Лангдон попытался объяснить причины поведения американцев, которых встретил Палис, и других им подобных парней, не проявлявших нужного «упорства». Он писал: «Прыжок с парашютом (боевой в особенности) настолько возбуждает, что человек (тем более новичок), совершивший его и оставшийся живым, забывает, для чего он это сделал (в данном случае — бить немцев). Ощущение примерно такое: «Я прыгнул, мне теперь не до немцев — пусть они катятся к черту». Необходимо время для того, чтобы свыкнуться с мыслью о том, что парашют — это просто средство передвижения. Другая причина... шок от мгновенного перехода из мирной ситуации... в боевую. Поэтому многие десантники в первые моменты после приземления не могут воспользоваться оружием».

Рядовой Дуэйн Берне скорчившись сидел под навесом живой изгороди. Он услышал какой-то шум по ту сторону забора: «Я взобрался на дерево и осмотрелся. В это время немец тоже встал с колен и взглянул вверх. В темноте я едва мог различить черты его лица. Мы долго смотрели друг на друга, потом оба тихо развернулись и двинулись в разные стороны».

О схожих ситуациях могут рассказать многие ветераны. Лейтенант Линн Томлинсон из 508-го полка шел вдоль живой изгороди, как вдруг сквозь кусты увидел четырех немецких солдат: «Они показались мне детьми. Меня от них отделяли каких-то полтора метра. Из-за облака выползла луна, и один из этих мальчишек посмотрел на меня и улыбнулся. И я подумал:

если они не будут стоять на моем пути, то и я тоже не перебегу им дорогу».

Рядовой 508-го полка Р. Дж. Ниблас скрылся в живых изгородях, за которыми пролегла мощеная дорога. Ротный приказал ему не стрелять. Ниблас услышал стук подшитых гвоздями сапог и увидел проходящий рядом немецкий дозор: «Это были совершенные юнцы, мы, конечно, тоже не очень старые. Но на меня произвела впечатление их какая-то по-особому заостренная униформа. Мы не сделали ни единого выстрела. И я подумал: «Господи, смогу ли я вот так запросто убить ничего не подозревающих людей»^[32].

Некоторые командиры батальонов и рот распорядились, чтобы солдаты не открывали огонь, дабы не обнаружить свои позиции. Нашлись и такие, кто приказал не заряжать винтовки или автоматы. Десантники должны были пускать в дело либо гранаты, либо ножи. На разборочном совещании в 82-й дивизии такие решения расценили как ошибочные.

Сержант Дан Ферлонг вряд ли согласился бы с этим выводом. После спуска он проник в фермерский дом, который оказался забит немцами. Сержант слышал их голоса. Они, видимо, встревожились, потому что во двор вышел солдат. «Я стоял у стены, — рассказывает Ферлонг, — и когда немец приблизился, мне ничего не оставалось, как ударить его прикладом по голове, добить штыком и мгновенно исчезнуть».

Ферлонг чувствовал себя в ночной темноте одиноким пришельцем, как, впрочем, и сотни других десантников. «Датч» Шульц бродил по окрестностям, пытаясь уловить, откуда доносятся выстрелы. Но прежде чем он смог выйти на американцев, наступила тишина. «Вокруг был такой покой, как будто ты прогуливаешься за городом в воскресный вечер», — вспоминает Шульц.

Конечно, на совещании (август 1944 г.) был проведен серьезный критический анализ высадки. Командиры полков и батальонов готовились к очередной ночной акции, поэтому они сосредоточились на упущениях и ошибках, совершенных в день «Д», а не на взаимных поздравлениях. Воздушно-десантный сброс нельзя считать полным успехом с точки зрения выполнения всех поставленных задач. Тем не менее действия войск в целом оправдывали проведение операции.

Три воздушно-десантные дивизии должны были предотвратить концентрированное контрнаступление немцев против высаживающихся с моря союзнических сил и обеспечить фланговую оборону на участках побережья «Меч» и «Юта». Для 6-й дивизии это означало разрушить мосты через реку Див, захватить мосты через реку и канал Орн, взять под контроль кряж между Див и Орн и уничтожить батарею в Мервиле.

Батарея состояла из четырех орудий неизвестного калибра, размещенных в казематах, и располагалась к востоку от устья Орн на равнинном пастбище. Орудия простреливали все пространство до участка «Меч» и могли остановить высадку на берег 3-й дивизии союзников. Поэтому ликвидации батареи придавалось приоритетное значение. Уничтожить ее предполагалось с воздуха, с земли, а если необходимо, то и огнем корабельной артиллерии.

Планировалось, что в 2.00 по батарее нанесут удары 100 бомбардировщиков «Ланкастер» ВВС Великобритании. Они предназначались больше для того, чтобы нарыть воронки и оглушить немцев: даже прямое попадание не пробilo бы железобетонные укрепления.

Затем намечалась атака пехоты. Но казематы были хорошо защищены не только от воздушного, но и от наземного нападения. Их окружал забор из колючей проволоки, внутри которого находилось минное поле. Далее следовали новые заграждения из колючей проволоки вперемежку с минными полями и, наконец, траншеи, в которых окопались около 200 солдат с 10 пулеметными гнездами.

Неприступность батареи лишь подтверждала ее стратегическое значение. Для выполнения задачи британцы выделили 10 процентов воздушно-десантных частей 6-й дивизии. Командование поручили 29-летнему подполковнику Т. Б. Г. Отуэю и его 9-му батальону. Он решил воспользоваться эффектом внезапной атаки, как это сделал майор Говард при захвате моста Пегас через канал Орн, но с большими силами. В распоряжении Говарда имелись шесть планеров и 180 человек. Под командованием Отуэя находились 750 человек (60 из них — пехотинцы, остальные — парашютисты). Подполковник намеревался собрать батальон в лесу в паре километров от батареи, выйти на исходные позиции и броситься в атаку, как только планеры сядут внутри обороны противника, у стен орудийных казематов. В случае успеха он запускает ракету «Бери».

Операцию предстояло завершить к 5.15. Если ракетный сигнал не появляется, то британские корабли возле участка «Меч» начинают обстреливать Мервиль.

Таков был план действий. На деле все получилось иначе. Планеры доставили Говарда и его людей точно к месту назначения (Ли-Маллори назвал действия ведущего летчика Джима Уоллуорка «величайшим достижением пилотажа во Второй мировой войне»). Пилоты Отуэя раскидали его батальон по всей округе. Им не препятствовала сплошная облачность, как на Котантене, но они, как и американские летчики, не привыкли к зенитному огню. Пытаясь уйти от обстрела, который в действительности был не столь сильным, планеры выбрасывали парашютистов где придется.

Отуэй опустился рядом с немецким штабом. Он сумел пробраться в лес и отыскать место сбора. Там его встретил заместитель комбата словами:

— Слава Богу, что вы здесь, сэр.

— Почему? — спросил Отуэй.

— Операция с высадкой провалилась. Едва ли мы найдем еще кого-нибудь.

Было уже около 2.00. Отуэй насчитал менее 100 человек. Позиции у батареи следовало занять до появления планеров с пехотинцами. Но для атаки ему требовалась по крайней мере седьмая часть батальона. Подполковник курил и ждал.

К 2.30 набралось 150 парашютистов. На всех один пулемет и никаких минометов, противотанковых орудий, раций, саперов, миноискателей. До прибытия планеров с пехотой оставалось два часа. Отуэй решил атаковать имеющимися силами.

В 2.50 отряд численностью в одну роту отправился в путь, надеясь вблизи батареи найти

разведывательную группу с наводчиками, которые выбросились чуть раньше. По дороге к Мервиллю парашютисты обнаружили немецкую зенитную батарею, ведущую огонь по британским самолетам и планерам. Трудно было перебороть искушение уничтожить ее, но перед десантниками стояла другая неотложная задача. Подполковник не хотел раскрывать свои позиции раньше времени и передал по цепочке: «Никаких выстрелов!»

Вскоре им повстречался командир группы разведчиков. Его сообщение звучало не очень утешительно. Ему удалось сделать проход во внешнем заборе из колючей проволоки и проползти через первое минное поле. Заграждение оказалось не столь непроходимым, как представлялось. Но у разведчика не было с собой ленты, чтобы пометить проложенную им тропу (мины он нащупывал пальцами). Хуже того, бомбардировки не дали нужных результатов. Ни одна бомба не упала рядом с казематами.

В 4.30, точно в назначенное время, в воздухе появились планеры, совершавшие круги над батареей в ожидании минометных вспышек от Отуэя. Подполковник беспомощно наблюдал за ними: парашютисты не нашли связки с оборудованием и снаряжением. Не видя вспышек, пилоты, очевидно, подумали, что операция на земле сорвалась. На глазах у Отуэя один планер пролетел над казематами (всего в 30 м) и сел где-то в поле за батареей.

У Отуэя не оставалось выбора. Он повел десантников в атаку. Нападать пришлось с одного направления: подполковник не располагал достаточными силами для наступления по всему периметру. Отуэй приказал передовым отрядам не задерживаться в траншеях, а пробиваться в казематы. Немцев в окопах возьмут на себя следующие группы.

Парашютисты ползком двинулись вперед, взрывая перед собой проходы в проволочных заграждениях. Из траншей раздались пулеметные очереди. Но десантники прорывались все ближе и ближе к батарее, не обращая внимания на пули и мины. Многие из них пали в бою. И все же отряды Отуэя захватили казематы, забросав их через амбразуры гранатами и поливая орудийные расчеты автоматным огнем.

Уцелевшие немецкие солдаты сдались в плен. Через 20 минут стрельба прекратилась. Отуэй выпустил сигнальную ракету «Бери»; ее заметил самолет-корректировщик и передал информацию на корабли, готовые через 15 минут открыть огонь по Мервиллю. Офицер по связи вынул из кармана почтового голубя, который полетел в Англию с донесением о том, что батарея взята.

Захват Мервиля достался большой ценой. Отуэй лишился половины своего отряда в 150 человек убитыми или ранеными. Немцы тоже понесли немалые потери: из 200 солдат живыми попали в плен лишь 22.

Отуэй подорвал орудия, опустив в их жерла гранаты «Гаммон». Это были старые французские 75-мм пушки, перенесенные с «линии Мажино» и установленные для береговой обороны на случай нападения восточнее устья реки Орн. Они не представляли серьезной угрозы участку высадки «Меч».

И все же это была блестящая победа. Британские воздушные десантники великолепно начали операцию. Еще до рассвета они овладели мостами через канал и реку Орн, а теперь — и

батареей в Мервиле, в обоих случаях — точно по графику. Группа Говарда отбила контратаку немцев, во главе которой шли два небольших французских танка. Его отряд усилили парашютистами из 7-го батальона.

Свой план захвата моста Пегас Говард осуществил вплоть до мельчайших деталей. Действия по штурму батареи у Мервиля стали беспорядочными еще до того, как десантники опустились на землю. И все же инициативность и решительность Отуэя и спокойная уверенность Говарда показали, на что способна британская армия.

Успешно действовали и другие подразделения 6-й воздушно-десантной дивизии. Особенно интересна в этом отношении «одиссея» майора А. Дж. С. Розвира, сапера 8-го батальона. Перед ним, гражданским инженером до войны, поставили задачу взорвать мосты через реку Див у Бюр и Троарна. Для этого его отряд в связи с оборудованием положил несколько десятков специальных зарядов «Генерал Уэйд» (килограммов по 14 взрывчатки в каждом).

Розвир приземлился не там, где надо, покружил, пока не наткнулся на лейтенанта Дэвида Бриза и еще нескольких десантников из своего отряда. Он сделал проверку. Группа состояла из семи человек. В их распоряжении имелись складная тележка, велосипед и контейнер с зарядами. Парашютисты знали, где находятся и в каком направлении двигаться — к Троарну, к самому большому из двух мостов, который располагался в 8 км к юго-востоку. Розвир реквизировав велосипед. Но тут подоспели санитарный джип и трейлер, доставленные на планерах. Майор вспоминает, что трейлер «был набит до самых бортов бутылками с кровью, бинтами, лубками и другими полевыми перевязочными материалами и инструментом»: «Я сказал доктору, чтобы он следовал за нами. Мало ли, вдруг понадобится транспорт. По пути, в Эрувильетте, мы решили обрезать телефонные провода. Мне подумалось, что это может оказаться полезным».

Обрезать провода вызвался сержант Билл Ирвинг. «Я не раз взбирался на телефонные столбы во время учений», — сказал он. Но сержант смог подняться только до середины: мешало снаряжение. Провода остались на месте.

Караван, сопровождаемый джипом и трейлером, продолжил свое путешествие. На перекрестке дорог в 5 км от Троарна отряд встретил восемь десантников из 8-го батальона. Розвир вздохнул с облегчением. Майор объяснил задачу, сказал, что саперы готовы взорвать мост, как только он будет «в наших руках», и скомандовал:

— Пехота, вперед!

В группе не оказалось ни одного офицера или сержанта. Рядовые посмотрели друг на друга и покачали головами. Розвир слегка растерялся, но восстановил самообладание и приказал доктору разгрузить трейлер.

«Он запротестовал?» — спросили Розвира в интервью.

«Доктор не имел права показывать свои чувства. Поэтому без лишних вопросов мы разместили все наше взрывное оборудование на трейлере». Розвир послап саперов к мосту у Бюр, отдав им половину зарядов «Генерал Уэйд». Майор настоял на том, что сам поведет джип,

в машину втиснулись семь солдат, а восьмой, Саппер Пичи, забрался в трейлер. В руках пехотинец держал пулемет «Брен», оберегая от нападения хвост колонны. Спереди расположились сержанты Ирвинг и Джо Хендерсон с автоматами «Стен». Солдаты в джипе заняли позиции по бортам, прикрывая фланги.

Джип двинулся, пытаясь справиться с перегрузом и набрать скорость. К счастью, обошлось без подъемов, наоборот, дорога пошла вниз, к реке. Розвир постепенно освоился с управлением.

Не снижая скорости, майор выскочил на поворот, и, как вспоминает Ирвинг, «мы неожиданно врезались в заграждение из колючей проволоки». Ирвинга сбросило с джипа, люди, находившиеся в машине, сбились в невообразимую кучу рук и ног, на оси намоталась проволока. Розвир ожидал, что сейчас начнется атака, и приказал занять оборону. Потом он передал фонарь Ирвингу, чтобы тот начал освобождать колеса от проволоки. Сержант сказал Розвиру:

— Я чувствую себя горошиной, вылетевшей из стручка.

Но поблизости не было немцев. Гарнизон Троарна, видимо, спал. Ирвинг закончил обрезать проволоку, и машины тронулись в сторону городка.

Когда они въехали в Троарн, Розвир останавливался перед каждым перекрестком и посылал вперед Ирвинга на разведку. Улицы выглядели пустынными. Но когда сержант в очередной раз просигналил свистом, что путь свободен, он обернулся и увидел, что за ним едет на велосипеде немецкий солдат, возвращавшийся, как говорит Ирвинг, скорее всего с вечеринки. Из джипа прозвучали выстрелы, и солдат свалился на землю.

— Дело сделано, — сказал Розвир и погнал по главной улице вниз к реке, которая уже виднелась за деревней. В это время немцы всполошились и открыли беспорядочный огонь.

«Чем дальше мы ехали, — вспоминает Ирвинг, — тем интенсивнее становилась стрельба. Розвир развил приличную скорость и начал бросать джип из стороны в сторону, чтобы увильнуть от автоматных очередей». Сержант насчитал около 20 немцев, бежавших с разных направлений. Он примостился с левого края джипа и «палил из своего «Стена» по всему, что движется». Когда джип достиг окраины деревни, рассказывает Ирвинг, «не знаю, как это получилось, но я лежал уже на капоте».

Сержант добавляет: «Мы все были так возбуждены, что никто не почувствовал никакого страха».

Из дома в конце улицы выскочил солдат с «Мг-34» и попытался установить пулемет посередине дороги. Ему не хватило каких-то секунд. Джип вполне мог его переехать. Но, говорит Розвир, «немец оказался необычайно проворным». Он схватил пулемет и треногу и исчез в дверях. Как только машина промчалась мимо, над головами британцев засвистели трассирующие пули.

Немец снова опоздал. Джип спускался по длинному склону к реке. Розвир на предельной скорости делал невероятные зигзаги. Пулеметчик уже не мог достать десантников.

Вдруг джип сильно накренился, и Пичи вылетел из прицепа (он получил травму и был захвачен в плен). И каким-то образом, рассказывает Ирвинг, «Джо Хендерсон, сидевший рядом со мной на капоте джипа, очутился в прицепе. Не спрашивайте меня, как ему это удалось на такой бешеной скорости. Но он это сделал».

Отряд наконец добрался до неохраяемого моста. Розвир остановился, приказал разгрузить прицеп. Он расставил посты по обе стороны реки и отправил саперов разложить заряды в центре главного мостового пролета. Через несколько минут (две, по словам Ирвинга; пять, как сказал Розвир) все было готово.

Ирвинг спросил Розвира, не хочет ли он поджечь запал.

— Нет, ты поджигай.

«Я знал, — говорил потом сержант, — что Розвир всегда стремился обставить дело так, как будто он ни при чем, если что-нибудь сорвется».

Гроыхнул взрыв. На мосту образовалась двухметровая расщелина.

Розвир направился вниз по реке, ведя машину по грязной грунтовой дороге, которая скоро закончилась. Десантники бросили джип и двинулись пешком на поиски штаба батальона. Они углубились в лес. Майор решил сделать привал, чтобы дать всем возможность отдохнуть. «После того, что с нами произошло, — говорит Ирвинг, — мы ощущали страшную усталость. Мы буквально свалились с ног и мгновенно заснули».

С первыми лучами солнца они проснулись. Примерно через час отряд без проблем вышел на штаб. Здесь Розвир узнал, что саперы, посланные им взорвать мост у Бюр, выполнили задание.

Канадский воздушно-десантный батальон высаживался с целью овладеть мостом в нижнем течении реки Див. К 2.00 сержант Джон Кемп набрал отделение солдат, но понятия не имел о том, где он находится. Его задача заключалась в том, чтобы обеспечить охрану группы саперов, которые должны были взорвать мост Робеомм.

В ночной темноте он меньше всего ожидал услышать велосипедный звонок. Перед парашютистами возникла фигурка французской девушки, которая, вероятно, обрывала телефонные провода (это делалось по всей Нормандии и добавляло немцам немало хлопот). Канадцы, знавшие французский язык, поговорили с ней, и она согласилась показать дорогу к мосту. Отряд отправился в путь. Но девушка привела их к германскому штабу и потребовала, чтобы десантники его уничтожили. Кемп отказался, объяснив, что цель группы — взорвать мост, а не будоражить немцев. Выказывая всем своим видом неудовольствие, француженка пошла впереди. Добравшись до места, Кемп убедился, что мост не охраняется, расставил посты и принялся ждать, когда появятся саперы с взрывчаткой.

Девушка возмутилась:

— Вы не собираетесь ничего сделать? Вы так и будете здесь сидеть?!

«К счастью, — вспоминает Кемп, — саперы прибыли вовремя, взорвали мост, и француженка осталась довольна».

В целом британские воздушно-десантные войска действовали вполне удовлетворительно в ту ночь. Они подорвали мосты, которые подлежали уничтожению, захватили те из них, которые должны были быть взяты без разрушения. Британцы овладели ключевыми деревнями и дорогами между реками Див и Орн, ликвидировали батарею в Мервиле. Основную задачу можно считать выполненной: к рассвету 6-я дивизия контролировала левый фланг на участке побережья «Меч», который одновременно являлся и левым флангом всей операции по вторжению.

Но дивизия оказалась за передовыми линиями противника. Она нуждалась в тяжелых вооружениях. Помимо узких пеших переходов через протоки реки Орн у нее не имелось надежных наземных коммуникаций с основными частями британской армии. И никто не знал, когда у моста Пегас высадятся отряды коммандос.

На правом фланге американские десантники действовали менее успешно, чем британские. 101-я дивизия должна была захватить четыре выезда на западной части дамб в затопленном районе возле «Юты» между Сен-Мартен-де-Варревилем и Пуппевилем. Планировалось разрушить и два моста через реку Дув, один — на главной автомобильной магистрали северо-западнее Карантана, а другой — на железной дороге, идущей на запад. 101-й дивизии поручалось овладеть шлюзом на Ла-Баркетт, создать плацдарм на реке Дув. Иными словами, дивизия несла ответственность за обеспечение высадки 4-й пехотной дивизии на «Юте» и сдерживание немцев на Карантане.

Но с самого начала операция пошла не так, как планировалось. До рассвета (во многих случаях и в течение всего дня) парашютисты не смогли собраться даже в батальоны, а затем потребовалась еще неделя для того, чтобы отделить 101-ю дивизию от 82-й.

Подполковник Роберт Коул, командовавший 3-м батальоном 502-го полка, приземлился вблизи Сент-Мер-Эглиза. Ему предстояло захватить две выездные дороги из «Юты», находившиеся в 10 км. Необходимо было время для того, чтобы выяснить свое местоположение и собрать людей. К 4.00 под его командование поступили менее 50 человек. Но Коул решил идти. Через пару часов его группа выросла до 75 десантников. Им встретился немецкий конвой, они расстреляли дозор противника, взяв человек десять в плен. Тем не менее, и когда наступил рассвет, подполковник все еще находился в часе ходьбы от цели.

Для лейтенанта Картледжа заря принесла некоторое облегчение. Вначале он думал, что высадился у реки Дув, а на самом деле перед ним была Мердере. К 4.00 ему удалось набрать девять человек. Подобные «отделения» блуждали по всему Котантену. В группе Картледжа оказались лейтенант Вернер Мейер, разведчик, приданный штабу дивизии в качестве переводчика, подрывник, три радиста, писарь-делопроизводитель и только два десантника из его собственной роты. С таким «личным составом» Картледж крайне нуждался в том, чтобы встретить действительно боеспособный отряд.

Группа двинулась в направлении, как полагал лейтенант, побережья. «Когда рассвело, —

вспоминает он, — мы остановились на склоне холма у какой-то грязной дороги, расставили по кругу мины, вынули рационный шоколад, фляги с водой и позавтракали. Я, Мейер, Браво и Фордик уселись рядом, чтобы обсудить, каким путем нам идти дальше».

В это время немало других десантников 101-й дивизии так же сидели и обсуждали ту же проблему. Рядовому Джону Фицджеральду хотелось поговорить с кем-нибудь на эту тему, но он блуждал в одиночестве. Около 4.00 ему повстречались капитан и солдат из 82-й дивизии. Втроем они отправились на поиски других парашютистов. Неожиданно в воздухе появились планеры, по которым где-то поблизости начали стрелять зенитки.

«Пользуясь канонадой, мы смогли подползти к батарее на расстояние 25 м, — рассказывает Фицджеральд. — Она вела огонь непрерывно. Капитан шепотом изложил план действий и крикнул:

— Врежем этим ублюдкам!

Рядовой из 82-й дивизии выстрелами из автоматической винтовки «Браунинг» уложил двух немцев, стоявших справа от зенитки. Капитан бросил гранату, которая взорвалась прямо под орудием.

Я выпустил обойму «М-1» по двум немцам слева. Через минуту все было кончено. У меня по лбу катился пот, руки дрожали. Мне впервые пришлось убивать людей. Я заметил, что со ствола свисает разорванный презерватив. Я натянул его на дуло перед прыжком и забыл снять».

Потом Фицджеральд и его спутники атаковали еще одну зенитную батарею, которая оказала им серьезное сопротивление. В ходе боя десантники отступили и рассеялись. И когда начало светать, Фицджеральд бродил по окрестностям в полном одиночестве, пытаясь угадать, где он находится.

Капитан Гиббонс из 501-го парашютно-пехотного полка собрал вокруг себя 12 десантников и в 3.00 повел их в неизвестном направлении. Они выбили несколько немцев из маленькой деревушки, подняли на ноги жителей, показали им карту и выяснили, что освободили населенный пункт под названием Каркебю. Гиббонс знал, что Каркебю не входит в сектор действий 101-й дивизии, а относится к зоне 82-й дивизии. Он решил передвигаться на юг, к назначенной цели — мостам через Дув. «Когда мы уходили из Каркебю, — вспоминает капитан, — рассвет только-только забрезжил».

Гиббонсу с дюжиной незнакомцев предстояло преодолеть 15 км и уничтожить мосты, для подрыва которых у него не имелось необходимого оборудования. Позднее он говорил: «Я не мог и представить себе, что вторжение будет происходить именно таким образом».

Однако капитан понимал, какая на него возложена ответственность. Это понимали и другие офицеры, которые, как и он, упорно продвигались к намеченным целям, невзирая на расстояния и трудности. Взводные и ротные командиры хорошо знали поставленные перед их батальонами задачи. К 4.00 практически все и большие, и малочисленные группы десантников на Котангенс находились в пути к своим объектам.

Одним из немногих офицеров, вышедших к намеченным целям до рассвета, был капитан Шеттл. Взорвав коммуникационный узел к северу от Карантана, он направился к двум мостам через Дув ниже по течению от шлюза. Ему надлежало захватить плацдарм на берегу реки, но не разрушать мосты. По ним предполагалось обеспечить соединение левого фланга на «Юте» и правого на «Омахе».

Команду Шеттла составляли 15 десантников. Они окружили фермерский дом, вызвали хозяина, который сообщил им, что в усадьбе только один немец — кассир с денежным довольствием на весь 6-й парашютный полк. Шеттл приказал кассира взять в плен, а деньги конфисковать. Фермер вывел десантников к мостам. На южном берегу окопались немецкие пулеметчики. Группа добровольцев переплыла реку и забросала их гранатами. Но с рассветом противник вынудил передовой отряд Шеттла отступить обратно на северный берег.

Как раз перед восходом солнца полковник Джонсон (501-й полк) захватил шлюз Ла-Баркетт и поставил на его охрану два отделения.

82-я дивизия должна была отрезать для немцев Котантен с юга, разрушив мосты через Дув в верхнем течении, там, где впадает Мердере, на стыке Пон-л'Абб и Бёзвиля. Затем — овладеть обоими берегами Мердере и организовать оборону юго-западного фланга по реке Дув против VII корпуса. На севере решающее значение имел Сент-Мер-Эглиз.

К 4.00 подполковник Эд Краузе (3-й батальон 505-го полка) набрал около 180 человек. Он направил свой отряд к главной цели — Сент-Мер-Эглизу.

В городке пожар уже потушили, жители разошлись по домам, заснул и гарнизон. То, что случилось потом, может вызывать лишь удивление и недоумение. Краузе добрался до окраин деревни без единого выстрела. Он поручил одной роте бесшумно проникнуть в городок и расставить блокпосты с минными заграждениями. Через полчаса подполковник отправил другую роту с заданием очистить городок от гитлеровцев. Полупьяный француз показал дома, где жили немцы. 30 фашистов сдались без боя, 10 пришлось застрелить, поскольку они оказали сопротивление.

Так быстро американцы овладели ключевым военным объектом. Краузе распорядился уничтожить узел кабельной связи. Его роты взяли под контроль все дороги, ведущие в Сент-Мер-Эглиз, прежде всего шоссе от Кана до Шербура^[33].

А на заре — катастрофа. Появился джип, спущенный планером и тянувший за собой противотанковое орудие по дороге от Шеф-дю-Пон. Прежде чем отряд Краузе сообразил, что нужно остановить эту кавалькаду, она наскочила на мины, и «в воздух взлетели не только машины, но и люди, сидевшие в них, и перестал существовать сам блокпост».

Практически нигде американские десантники не выполнили свои задачи, как намечалось, до наступления рассвета. Не были взорваны и захвачены мосты, оставались недостижимыми дамбовые выезды. Ни одна из рот не была укомплектована полностью, лишь некоторые из них насчитывали примерно половину личного состава. И через час после рассвета американцы все еще пытались найти друг друга.

Все это наводит на мысль о том, что высадку лучше было бы осуществить на заре. При дневном свете десантники скорее бы нашли места сбора — к 7.30 они бы подготовились к настоящим боевым действиям (так оно на самом деле и получилось). (Через 22 часа после высадки, уже в конце дня «Д», 101-я дивизия насчитывала всего лишь 2500 человек из 6000 парашютистов.)

Но, несмотря на потерю времени и неудачу с концентрацией войск, ночной десант увенчался успехом. Он, несомненно, привел в замешательство немцев. Основная тяжесть легла на плечи младших офицеров, которые должны были не только собрать вокруг себя как можно больше солдат, но и нацелить их на выполнение главной задачи. Пример — взятие Сент-Мер-Эглиза.

Тем не менее перед рассветом почти все ротные командиры американских воздушно-десантных войск чувствовали себя либо отрезанными от всего остального мира, либо окруженными со всех сторон противником. Каждого из них беспокоило одно — выполнение задания. Хотя части перемешались, между дивизиями так и не была установлена связь. На американцев никто не нападал и не пытался их выследить. После высадки возникали спорадические стычки на земле, десанникам приходилось прорываться к местам сосредоточения, но в целом численность отрядов не превышала трети предполагаемого личного состава. Не имея раций и не зная своего местонахождения, они больше всего опасались нарваться на серьезное сопротивление противника. Американские парашютисты не проявляли особой активности, осознавая свою разобщенность и слабость.

Перед самым рассветом полковник Хейдт наконец вышел на связь с генералом Марксом и получил от него указания. Полку надлежало нанести удар севернее Карантана и очистить район между этим городом и Сент-Мер-Эглизом.

Хейдт не сомневался в успехе. Он распоряжался подразделением, с избытком укомплектованным людьми и равноценным, как считает полковник, двум американским или британским дивизиям.

Десантники — исключительно крепкие, бесстрашные парни в возрасте 17 или около того лет. Когда Гитлер пришел к власти, им было годиков шесть, не более. Они воспитывались в условиях нацистской идеологии, которая готовила молодежь к подвигам. Ими командовал опытный и заслуженный офицер, профессиональный военный, осуществивший немало дерзких боевых операций.

6-й парашютный полк можно было считать идеальным воплощением нацистской Германии. В нем сочетались армейский профессионализм и одухотворенность фашиствующих юнцов. Нацистская молодежь придала стране новое дыхание. Гитлеровцы противопоставили свой «цвет» нации «цвету» американского общества. «Пусть они приходят», — ехидничал Геббельс.

И «они пришли», но крайне разрозненные и дезорганизованные. С восходом солнца элитное подразделение нацистской системы отправилось в путь, чтобы дать бой американским десантникам. Так началось первое более или менее значительное контрнаступление немцев в день «Д». Предстояло сражение элитных американских и германских сил, двух разных

идеологий и образов жизни.

13. «Величайшее шоу»

Воздушная бомбардировка

«Когда забрезжил рассвет, — вспоминает капитан Шеттл из 506-го парашютно-пехотного полка, — перед нами возникла самая впечатляющая картина, которую можно представить во время войны. В небе одна эскадрилья самолетов шла за другой, сбрасывая бомбы на побережье».

Это было настоящее побоище. В день «Д» союзническая авиация совершила 14 000 вылетов, в то время как люфтваффе только 250 (нападая главным образом на суда по периметру района вторжения)^[34].

Многие экипажи за день делали по три вылета. По два раза поднимались в небо практически все. Спаатс, Харрис и Ли-Маллори задействовали все имеющиеся в наличии бомбардировщики. В резерве не оставалось ни одного самолета — резкий контраст с 1939–1942 гг., когда Королевские военно-воздушные силы не могли ни на минуту оставить небо Великобритании незащищенным.

Превосходство в воздухе досталось немалой ценой. Потери техники сопровождались многочисленными человеческими жертвами. Летная служба была одной из наиболее опасных и в то же время самой почетной.

Пехота завидовала пилотам и недолго любила их. В глазах солдат «летуны» без дела болтались в бараках, по ночам пропадали где-то с девочками, что не мешало им получать повышение в звании.

Но пехотинцам не доводилось видеть военно-воздушную армию в действии. А летчики считали себя ветеранами боев с 1939 г. (британцы) и с 1942 г. (американцы), в то время как, по их мнению, наземные войска «еще не нюхали пороха».

Образ жизни авиаторов казался странным. В плохую погоду они торчали в казармах или, раздобыв увольнительные, скрывались в Лондоне. На пути к объектам бомбометания пилоты испытывали малоприятные ощущения одиночества, тесного и замкнутого пространства, холода и страха перед неизвестностью. Выйдя на цели, они попадали в крошечный ад. Перед ними вставали стены из огня немецких зениток, а со всех сторон их атаковали истребители.

Конечно, самолеты союзников были оснащены вооружениями. Пулеметы располагались по всему фюзеляжу: и спереди, и сзади, и сверху, и снизу. («Б-17» имел на борту 13 пулеметов калибра 12,7 мм). Эксперты рекомендовали облегчить вес бомбардировщиков, чтобы они быстрее могли набирать высоту или скорость. Нет, спасибо, отвечали экипажи. Они чувствовали себя в большей безопасности, зная, что в любой момент могут отстреляться.

Союзническая авиация понесла тяжелые потери. По статистике, летный экипаж в среднем выдерживал 25 боевых вылетов. Но были и исключения. Сержанту Роджеру Лавлейсу из 386-й бомбардировочной группы сказали, что он может уезжать домой после выполнения двадцать пятого боевого задания. Но сержант совершил тридцатый, а затем тридцать пятый вылет. В день

«Д» он выполнял шестидесятое по счету задание (общий итог составил 76 боевых вылетов).

За два месяца, предшествовавших дню «Д», военно-воздушные силы союзников лишились 12 000 человек и более 2000 самолетов. Однако они не только выжили, но и стали победителями. Можно долго спорить о том, насколько им удалось разрушить военную индустрию Германии. Не вызывает никаких сомнений одно — наши летчики вытеснили люфтваффе из Франции и вынудили немецкую авиацию уйти в оборону. Они добились не просто превосходства, а господства в воздухе.

Стратегические военно-воздушные силы не предназначены для обеспечения тактической поддержки наземным войскам. Однако именно это требовалось от них, когда в начале июня масштабный характер приобрела операция «Транспорт». Все соглашались с тем, что накануне и непосредственно в день «Д» каждый бомбардировщик в Великобритании должен быть брошен на «Атлантический вал». Расхождение во мнениях касалось лишь деталей.

Окончательный план действий выглядел следующим образом. За двое суток до дня «Д» половина бомбардировочной авиации направляется на Па-де-Кале в соответствии с планом «Фортитюд». На следующий день 50 процентов экипажей отдыхает, остальные совершают так называемые «млечные рейды» (повторные или не связанные с большим риском). В полночь назначенного дня «Д» самолеты ВВС Великобритании наносят бомбовые удары по береговым батареям и Кану. На рассвете американская 8-я военно-воздушная армия (1200 «Б-17» — «Летающие крепости» и «Б-24» — «Освободители») в течение получаса бомбит побережье Кальвадос. В это же время 9-я военно-воздушная армия («Б-26») «санирует» приморский участок «Юта». Если небо будет ясным, то бомбардировки прекращаются за пять минут до высадки войск, если облачным, то — за десять.

Спаатс, Теддер и Ли-Мэллори полагали, что десантники могут начать безопасную высадку на расстоянии 1500 м от берега, пехотные командиры настаивали на 500 м, в результате сошлись на 1000 м.

Освободившись от смертоносного груза на рассвете, бомбардировщики возвращаются в Англию, заправляются топливом и летят обратно — наносить удары по мостам, пересечениям дорог, Карантану, Кану и другим городам. Спаатс протестовал против таких налетов, считая их негуманными и бессмысленными. Но Эйзенхауэр занял сторону Ли-Маялори, и изложенная выше схема была одобрена.

«4 июня все чувствовали себя как перед грозой, — вспоминает сержант Роджер Лавлейс. — Ее приближение можно было слышать, ощущать ее пугающее дыхание. А 5 июня мы уже сидели на пороховой бочке с шипящим запалом.

И вдруг все началось. Небо закрыла армада «Дакот». Их летело так много, что голова пошла кругом».

В 2.00 6 июня пилоты собрались на инструктаж. Никто не сомневался в том, что предстоит кровопролитное сражение. Офицеры, проводившие инструктаж, «ухмылялись, как скунсы, поедающие шоколадные плитки», но раздвинули шторы, закрывавшие карты, и указали цели, по которым нужно было нанести бомбовые удары. Как рассказывает лейтенант Карл Карден из

370-й бомбардировочной группы, «все, кто находился в комнате, возликовали, поняв, что пришло их время и американцам суждено идти впереди любой атаки».

Брифинг поднял настроение летчикам. Им объяснили, что они будут находиться высоко, вне досягаемости немецких зениток, а люфтваффе более не существует. А как насчет прикрытия? Их заверили в том, что в небо поднимутся 3500 истребителей.

«Нам сказали, что мы должны помочь пехоте высадиться на берег, закрепиться, вступить в бой и победить, — вспоминает лейтенант Джон Робинсон из 344-й бомбардировочной группы 9-й военно-воздушной армии. — Мы надеялись также, что когда десантники окажутся на суше, они уничтожат батареи противовоздушной обороны».

Экипажи «Мародеров», которым предстояло бомбить артиллерийские огневые точки на Котантене, брифинг встревожил. Их предупредили, что в случае необходимости придется лететь на высоте 150 м.

«Я не ошибся, на самом деле — 150 метров?» — спросил сержант Лавлейс своего друга. Он не ослышался. Инструктор назвал именно такую цифру. «Последний раз, когда «Б-26» опускались так низко, — говорит сержант (это было в Голландии), — потери составили десять из десяти самолетов».

«Мародеры» — двухмоторные средние бомбардировщики — выпускала компания «Мартин». «Б-26» легко было узнать по высоко задранному хвостовому стабилизатору, сигарообразному корпусу и коротким крыльям. Экипажи прозвали их «летающими проститутками» без «видимых собственных средств поддержки». И все же пилоты испытывали к этим машинам особую привязанность. Лейтенант Робинсон считал «Мародеров» «самыми лучшими бомбардировщиками на всем белом свете».

Перед лейтенантом Дж. К. Хавенером из 9-й военно-воздушной армии поставили задачу поразить огневые позиции противника на Барфлёр возле Сен-Мартен-де-Варревиля. На самолет погрузили 20 110-килограммовых бомб. «Задание заключалось не в том, чтобы уничтожить огневые точки, — говорит лейтенант. — Мы должны были оглушить немецких артиллеристов и пехоту, заставить их зарыться в землю и одновременно набить воронок, которые затем могли использовать наши войска, высаживаясь на берег, получивший кодовое название «Юта».

«Б-17» должны были лететь на высоте 6000 м, на 3000 м ниже, чем обычно, и нести на одну треть больше бомбового груза. Цели — береговые батареи, «Омаха», британские участки высадки десанта. Каждая «крепость» брала 16 225-килограммовых бомб.

Получив инструкции и позавтракав, летные экипажи по всей Англии отправились на аэродромы к своим бомбардировщикам. Выстреливая выхлопные газы и огонь, взревели тысячи моторов. Воздушная армада готовилась подняться в воздух.

Лейтенант Джеймс Делонг пилотировал «Б-26», входивший в 387-ю бомбардировочную группу. Формирование состояло из 36 машин, по 18 в одном крыле и по 6 в каждом звене. Делонг вспоминает: «Самолеты с трудом выруливали на взлетную полосу, отрывались от земли тоже тяжело. Один поднялся в воздух не с той полосы, другой газанул, когда идущая впереди

машина находилась только на середине полосы. Шел дождь, и вокруг была темень. Вдруг взлетающий передо мной «Б-26» превратился в огненный шар. Мне стало не по себе: неужели и я не смогу подняться?!»

Делонгу удалось оторваться от земли, и он начал набирать высоту. Рядом натужно карабкались в воздух с открытыми до предела дросселями другие бомбардировщики. На всех, чтобы избежать столкновений, горели посадочные огни. А коллизии случались. Авиаторы потом говорили, что в ту ночь из-за плотной концентрации самолетов «на каждое заднее место приходился достаточно высокий процент влажности».

«Я уже совершил 50 вылетов, но мои ладони взмокли от волнения», — признается Делонг. Его эскадрилья врезалась в сплошную гряду облаков и рассеялась. Когда он вынырнул из туч на высоте 2400 м, рядом не оказалось ни одного знакомого самолета, и лейтенант присоединился к другой группе «Б-26», державших курс на Нормандию. В аналогичные ситуации попадали сотни экипажей.

Находившийся в «Б-17» лейтенант Джон Мейер слышал в шлемофон, как второй пилот проклинал облака и говорил: «Это какое-то новое немецкое секретное оружие! Гитлер придумал новое секретное оружие!»

Второй пилот «Б-26» Хавенер, по его словам, «испытывал такие душевные муки, какие не переживал за все предыдущие двадцать четыре боевых вылета»: «Меня не покидали мысли о тех бедах в Голландии, которым приходилось совершать рейды на малых высотах. Теперь и нам предстояло осуществить эту самоубийственную миссию в компании сотен «Мародеров», следующих за нами с интервалами всего в несколько минут».

Лейтенант А. Х. Корри служил бомбардиром на «Б-26». Когда его самолет вышел из облаков, вокруг было чистое небо. «Через минуту, — рассказывает он, — внизу появился другой самолет — тоже «Б-26». Я направил в его сторону закодированный световой сигнал и тут же получил подтверждение. Бомбардировщик взмыл вверх и расположился у нашего правого крыла. Моментально к левому крылу примкнул еще один самолет, за ним — второй, третий. Вскоре образовались три звена по шесть самолетов в каждом, и все мы взяли курс на заданный район вторжения».

Капитан Чарлз Харрис пилотировал «Б-17», входивший в 100-ю бомбардировочную группу. Он последним поднялся в воздух — в 3.45. «Мы замыкали всю 8-ю военно-воздушную армию, — вспоминает Харрис, — и сколько я ни оглядывался назад, за нами не было никого. Зато впереди, насколько хватало глаз, виднелись сотни и сотни самолетов».

* * *

Когда низко летящие «Мародеры» приближались к «Юте», стало светать, и перед экипажами открылось уникальное в военной истории и незабываемое зрелище. К берегу устремились сотни десантных судов, испещрив море белыми бурунами. А за ними шли ДКТ, транспортные суда, эсминцы, крейсера, линкоры. «Я смотрел вниз, — вспоминает лейтенант Аллен Стивене, второй пилот «Б-26» из 397-й бомбардировочной группы, — и меня охватило волнующее чувство, что я присутствую на величайшем представлении, когда-либо

организованном человеком».

Лейтенант Уильям Мориарити, пилот «Б-26», рассказывает: «Мы могли видеть, как корабли обстреливают берег. Один эсминец, полузатонувший, все еще продолжал вести огонь из кормовых орудий. На пляжах творилось что-то невообразимое: казалось, что на них вал за валом накатываются волны взрывов бомб и снарядов».

Лейтенанту Корри десантные суда, скопившиеся в прибрежных водах, напомнили «полчища термитов, упорно пробивающихся к своей цели». «Я пытался представить себе ребят, сгрудившихся на палубах, конечно же, до смерти напуганных, — говорит он. — Я видел, какое пекло их ожидает, и молился за этих мужественных молодых людей. И я думал: мне здесь, сверху, тяжело смотреть на весь этот ужас, а каково им там, внизу!»

Экипажи «Б-17», летевшие над облаками на высоте 6000 м, не видели того, что происходит под ними. Перед их глазами мелькали лишь силуэты таких же «Б-17». Самолеты следовали за ведущим бомбардировщиком с радаром на борту. Он должен был обозначить общую цель поражения и сбросить на нее бомбы, а затем то же самое предстояло сделать остальным. Такое бомбометание не соответствовало поставленной задаче — обеспечить поддержку наземных действий. Эйзенхауэр, откладывая время вторжения, объяснял свое решение необходимостью поддержать морскую высадку интенсивными бомбардировками с воздуха. Он доказывал, что без этого операция по вторжению немыслима.

Впоследствии, после бесславной бомбардировки в июле накануне операции «Кобра», Эйзенхауэр понял, что «Б-17» не годятся для оказания тактической поддержки наземным войскам. Как подтвердили экипажи самолетов, их действия в день «Д» оказались напрасными. «Б-17» лучше использовать в тех целях, для которых они построены, то есть для нанесения ударов по крупным объектам на территории Германии: нефтеперерабатывающим предприятиям, железнодорожным узлам и депо, заводским комплексам, аэродромам. А бомбардировки побережья с большей эффективностью могут осуществить «Мародеры» и «А-20» («Хэвакс» — «Погромщики»).

Но даже командующие, убежденные в бесполезности стратегической авиации для наземных войск и выступавшие против плана «Транспорт», решили участвовать в дне «Д». Они хотели быть на месте боевых действий, и они были нужны Эйзенхауэру.

На высоте 6000 м, при низкой плотной облачности и только-только начинающемся рассвете определить «место боевых действий» оказалось не таким простым делом. Многим пилотам так и не удалось сориентироваться в небе. Приказ звучал несложно: если вы не видите цель или отстали от самолета с радаром, возвращайтесь обратно. 68 «Б-17» 466-й группы поднялись в воздух, неся около 180 т бомб. Только 32 из них смогли освободиться от своего груза. И сбросили они бомбы вслепую, сквозь облака, на британские берега.

Лейтенант Карден знал, что где-то внизу среди десантников находится его брат. «Я не представлял себе, где именно, — говорит пилот, — но не хотел, чтобы он попал под наши бомбы. Из-за плохой погоды мы немного запаздывали, что могло сказаться на точности бомбометания». Самолеты задержали сброс бомб, чтобы не обрушить их на войска, высаживавшиеся с десантных судов. В итоге бомбы с «Б-17» в основном упали на материк в 3–

5 км от моря.

«Мы ненавидели себя, — замечает лейтенант Мейер. — Конечно, никто не ожидал, что все так скверно закончится». Пилотам «Б-17» еще повезло: им не очень помешал зенитный огонь, а люфтваффе вообще не появилась. И все же для них это был, по словам Мейера, «холостой рейд».

Налеты «Мародеров» на «Юте» никак не назовешь «холостыми». Бомбардировщики шли на столь малой высоте, что, как говорит сержант Лавлейс, «немцы могли закидать нас камнями». «Первый эшелон десанта, — рассказывает он, — находился на расстоянии метров двухсот от берега и, лавируя, пытался к нему прорваться. Мы пикировали прямо на взморье в поисках целей. Немцы вели огонь не как обычно — из 88-мм пушек, а из более мелкого, но скоростного оружия. Я помню застывшее лицо немецкого пулеметчика, спрятавшегося возле амбара. На какое-то мгновение я увидел направленное на меня дуло. Бортовой или хвостовой пулеметчики могут отстреливаться. А я в своей верхней башне чувствовал полное бессилие. Она не давала мне возможности вертикально опустить стволы, и я был не в состоянии кого-либо поразить».

Лейтенант Хавенер видел, как по самолету ударил зенитный снаряд. Командир экипажа сделал молниеносный переворот через крыло («бочку»), выровнял машину и продолжил полет. «Невероятно! — комментирует Хавенер. — Мы снова заходим на бомбежку. Еще один наш самолет получает прямое попадание, воспламеняется и валится вниз. Чертовы инструктажи и «млечные рейды»! Эти проклятые зенитки!»

Сержант Рей Сандерс сидел рядом с Хавенером. «Мы в принципе привыкли к сильному зенитному огню, — говорит он. — Но такого убийственного и точного еще не встречали».

На очередном заходе бомбардир Корри понял, что самолет идет намного ниже 300 м, и он не сможет навести прицел. Корри видел людей, выпрыгивающих в воду с десантных судов, падающих под выстрелами и беспомощно плавающих в прибое, трассирующие пули, летящие из бункеров и густо покрывающие берег. Он воспользовался ручной наводкой, решив, что ему не нужна особая точность для того, чтобы «наделать окопов для парней, штурмующих пляжи».

На «Б-26» Хавенера сержант Сандерс слышал, «будто самолет разрывается на куски». «Страшный треск доносился со всех сторон, — вспоминает он. — Я схватил переговорную трубку и прокричал:

— Нас сбили!

В ответ раздался спокойный голос второго пилота Хавенера:

— Нет, мы не сбиты. Это под нами взрываются наши же бомбы.

Так низко мы летели».

Лейтенант Джон Робинсон также подтверждает: «От взрывов бомб крылья самолета постоянно тряслись. Впечатление было такое, словно на машине едешь по шпалам железнодорожного полотна». Аналогичные ощущения испытали и другие пилоты. Это дает

представление о том, сколько взрывной энергии впустую ушло в воздух.

Но безусловно, не вся. Это может засвидетельствовать лейтенант Артур Янке. Когда над Ла-Мадлен появились «Мародеры», он спрятался в траншее и закрыл глаза. От взрывов над дюнами вырастали песчаные гейзеры. Одна бомба громыхнула в нескольких метрах от Янке, и его засыпало. Раненный в руку, он с трудом выбрался из-под завала и сполз в воронку. Даже в России, подумал лейтенант, ему не приходилось попадать в такую передрягу.

Янке скрывался от бомб на месте, где теперь стоит музей, посвященный военным действиям на «Юте». Ему вспомнилась торжественная церемония, состоявшаяся здесь же всего лишь неделю назад. Генерал Маркс наградил его Железным крестом за боевые заслуги на Восточном фронте. Был устроен настоящий праздник с пиршеством, хоровым пением, театральным представлением. Всем понравились слова из пьесы: «Долго ли нам еще сидеть на этой пороховой бочке?» Солдаты Янке встретили их со смехом.

Теперь «пороховая бочка» взорвалась. Уничтожены две 75-мм пушки, повреждена 88-миллиметровая, исчезли два 50-мм противотанковых орудия и огнеметы. Янке остался без радио и телефонной связи. Его люди выжили, укрываясь в бункерах. Когда они вышли наружу, их охватил ужас. Капрал, отвечающий за питание, пожилой человек, сказал Янке:

— Герр лейтенант, все разрушено. Склады с продовольствием горят. Мы погибли! — Покачивая головой, он добавил: — Нам придется сдаваться, герр лейтенант.

— Вы в своем уме, капрал? — ответил 23-летний Янке. — Если бы мы каждый раз сдавались в России в таких ситуациях, то русские давно уже были бы здесь.

Он приказал всем окапываться. Но в это время начался новый рейд «Мародеров». Солдаты стали зарываться в песок. Янке отправил посыльного на велосипеде в штаб батальона. По дороге его убило разрывом бомбы.

Когда самолеты ушли и небо чуть-чуть просветлело, Янке увидел, как из-за горизонта выдвигается армада кораблей. Такая картина может поколебать душу любого, даже закаленного в боях человека. Янке и его люди уверовали в неприступность Ла-Мадлен с ее бункерами и мощными орудиями. Теперь крепости не существовало, а в море буквально на их глазах нарастала огромная наступательная сила. В распоряжении лейтенанта остались лишь два пулемета и два гранатомета. Американские «Мародеры» блестяще выполнили задание по уничтожению стационарных фортификаций Роммеля на «Юте» еще до того, как немцы успели сделать хотя бы один выстрел.

Успешно показали себя в рейдах на малых высотах и двухмоторные «А-20». Особенно отличилась 410-я бомбардировочная группа, удостоенная упоминания в президентском приказе (сами летчики называли свое подразделение «лучшей в мире бомбардировочной группой»). 410-я разнесла в пух и прах Карантан, не позволив полковнику Хейдту даже вывести свои танки из города.

Сбросив бомбы, эскадрильи пролетали над Котантеном, поворачивали вправо, огибали оконечность полуострова, брали курс на север и возвращались на базы в Англию. По пути

экипажи видели то, что «никогда невозможно забыть». «Повсюду, — описывает свои впечатления лейтенант Делонг, — на полях, лугах, в лесах были раскиданы парашюты и обломки разбитых планеров. По-моему, я не заметил ни одного уцелевшего. У меня возникло чувство тревоги: что-то там внизу произошло не так, как надо».

Лейтенант Чарлз Мидлтон тоже рассказывает о парашютах и обломках планеров, разбросанных по территории полуострова: «Я представлял себе, как они натыкались на живые изгороди, оставляя позади крылья, как горели». Потом перед его глазами предстала совершенно невообразимая картина: «Неподалеку от места недавнего сражения фермер вспахивал поле. Он шел за белой лошастью, и казалось: ему нет никакого дела до того, что творится вокруг».

К 8.00 большинство экипажей возвращались на базы, им выдавали вторые завтраки, и через час-два они снова поднимались в воздух, бомбили Сен-Ло и другие материковые цели в Нормандии. Британские самолеты сосредоточились на Кане, сравнив с землей железнодорожный узел. Немцы в Кане в отместку расстреляли 80 заключенных — членов французского Сопротивления.

В отличие от успешных налетов «Б-26» на «Юту» рейды «Б-17» и «Б-24» на «Омаху» и британские участки побережья фактически провалились. За два часа союзники сбросили на Нормандию больше бомб, чем на Гамбург в 1943 г. Но из-за погодных условий и из-за стремления пилотов избежать ударов по собственным войскам бомбы в основном упали на нормандские луга (или были возвращены в Англию), а не на «Атлантический вал». И все же экипажи «Б-17» сделали все, что могли, по крайней мере больше, чем бомбардировочная авиация люфтваффе.

Высшее положение в элите союзнических военно-воздушных сил, без сомнения, занимали летчики-истребители. Молодые и нагловатые, но искусные и опытные бойцы, они выделялись в военной массе своим особым шиком. Пилоты закалились в воздушных поединках с асами люфтваффе, и их считали рыцарями Второй мировой войны.

Они жили на грани, только в настоящем и хорошо знали цену риска. В них горел спортивный задор, азарт соперничества. Истребительная авиация, конечно же, хотела летать в день «Д», «драться» в воздушных боях, помогать делать историю.

Особенно рвались в небо Нормандии пилоты «П-47». В 1943 г. они сопровождали стратегические бомбардировщики и имели предостаточно возможностей участвовать в воздушных «драках». Весной 1944 г. «П-47», однако, уступили свое место истребителям дальнего действия «П-51» (по мнению многих экспертов, именно эти самолеты помогли выиграть войну: благодаря им стали возможны глубокие рейды «Б-17», в результате которых люфтваффе была вытеснена из Франции).

«П-47» («Тандерболт» — «Раскат грома») представлял собой одномоторный истребитель с классическими очертаниями. Управлять им — одно удовольствие, а в бою ему не было равных. Но в последние недели перед днем «Д» «П-47» совершали лишь эпизодические атаки на объекты во Франции. Пилоты заскучали.

На одном из «П-47» летал лейтенант Джек Баренсфелд. 5 июня его и других пилотов

пригласили к 18.30 явиться на брифинг. Первое, что они услышали: на этот раз предстоит «настоящее дело». «В комнате раздались восторженные возгласы, — вспоминает лейтенант Джеймс Тейлор. — Мы вели себя как дети, дав волю своим эмоциям. Все истосковались по настоящим воздушным схваткам».

Пилоты, переговариваясь, хлопая друг друга по плечу и смеясь, расходились по своим эскадрильям.

Баренсфелд повернулся к лейтенанту Бобби Бергтрену и сказал:

— Что ж, Боб, вот и наступил день, которого мы так долго ждали. Уже две недели мы не видели ни одного вражеского самолета. Завтра утром в бой!

Бергтрен поспорил с ним на 50 долларов, что они не встретят немецких самолетов.

Лейтенант Тейлор узнал, что его эскадрилья должна патрулировать небо в 120 милях к югу от района вторжения. Задача простая — обнаружение немецких подводных лодок и люфтваффе. Истребители будут летать взад и вперед по координатной сетке.

«У нас сразу испортилось настроение, — рассказывает Тейлор. — Я посмотрел на Смитти и Ойера. Оба стояли, опустив головы. Мы чувствовали себя так, будто нас предали». Тейлор настолько расстроился, что отказался от завтрака. Он готовился к рыцарским подвигам, а ему предлагали роль бойскаута.

Первые истребители «П-47» взлетели около 4.30. Им не приходилось прежде подниматься в воздух в ночное время, но все обошлось. Оказавшись в небе, они присоединились к воздушной армаде, направляющейся во Францию. Над ними летели «Б-17», ниже — «Мародеры» и «Дакоты». За «Дакотами» на буксире тянулись планеры.

Лейтенант (позднее генерал-майор) Эдуард Гиллер возглавлял звено из трех «П-47»: «Я помню довольно неприятный момент, когда мы стали набирать высоту, чтобы выйти из облачности. Нам встретилась группа «Б-26», и мы перемешались. До сих пор удивляюсь, как нам удалось миновать друг друга. Но и мы, и они пережили минуты неподдельного ужаса».

Некоторое утешение пилоты истребителей получили, пересекая Ла-Манш. «Корабли и суда всевозможных типов и размеров шли настолько плотно, — говорит лейтенант Чарлз Морл, — что по ним, казалось, можно перейти с берега на берег. Я подумал тогда: Гитлер, должно быть, свихнулся, решив, что Германия победит нацию, способную так набить боевой техникой и море, и небо».

Задание лейтенанта Гиллера заключалось в патрулировании побережья и предотвращении нападения немецкой авиации на десантников. «Но мы летели на такой высоте, — рассказывает он, — что фактически не имели представления о том, что делается под нами. Мы видели дым над кораблями, другие признаки какой-то жизни внизу, но неотчетливо, отдаленно, и не испытывали личной причастности к происходящему». Радары в Англии передали сообщение о немецких истребителях. Гиллер и еще несколько пилотов ринулись в указанный сектор, но обнаружили, что информация ошибочна.

Лейтенант Морл на своем «П-47» также патрулировал воздушное и морское пространство. «Мотаться взад-вперед в течение четырех часов по одному и тому же маршруту, — говорит пилот, — и искать противника, которого нет, было утомительным и нудным занятием».

Во второй половине дня Баренсфелд сопровождал группу «Дакот», буксирующих в Нормандию планеры. «П-47», летающим со скоростью 400 км в час, приходилось делать большие круги, чтобы постоянно держать в поле зрения тихоходные «С-47» и их планеры. Лейтенант вспоминает, как это было: «Боевое построение, расстояние метров 200–300, разворот, пересечение курсов, снова выруливаем в боевой порядок. Мы были так заняты, что не замечали, как бежит время. Конечно, мы следили, нет ли рядом вражеской авиации, но так и не заметили ни одного самолета. Во рту сухо, прилипло к сиденью заднее место. Тишина. Очень увлекательно!»

Планеры оторвались от «Дакот». Баренсфелд опустился ниже 300 м, чтобы довести их до Нормандии. Но «мягкой посадки» не предвиделось, везде торчали близко расположенные друг к другу живые изгороди: «Тяжело было смотреть, как планеры, сделав круг, врезались в зеленые заграждения. Я подумал: «Боже мой, вторжение обречено на провал, если оно зависит от этой «фанеры»».

«П-38» («Лайтнинг — «Молния») — двухмоторный одноместный истребитель с двумя хвостовыми фермами («рамами»). Его сконструировал легендарный Кларенс «Келли» Джонсон из компании «Локхид» (позднее он создал шпионский самолет «У-2»), Немцы прозвали «Молнию» Gabelschwanz Teufel («Дьявол с двумя хвостами»). Из-за своеобразных очертаний истребитель выполнял задания по ближнему сопровождению. Считалось, что зенитчики на кораблях союзнического флота должны его опознать, даже если они не увидят белые полосы на крыльях и хвосте.

Хотя пилоты «П-38» и находились в непосредственной близости от событий, их ожидания «настоящих» воздушных боев также не оправдались. Они подверглись обстрелу с союзнических кораблей: военно-морская армада была слишком многочисленной, хорошо обеспеченной боеприпасами и жаждущей Действий. Но истребителям так и не довелось отстреливаться от самолетов противника. «Мы кружили и кружили над нашими кораблями, — говорит капитан Питер Муди. — Мы завидовали пилотам-истребителям, которым разрешили лететь к побережью Франции и выбирать цели по своему усмотрению. Я слышал, как британский радист передал пилоту:

— Роджер^{[135](#)}, Ред Ровер, отправляйся в Нормандию и резвись как хочешь!»

Вот что увидел другой пилот «П-38», лейтенант Уильям Саттеруайт уже на участке побережья «Омаха»: «Германская оборона оказывала жесточайшее сопротивление. Десантные суда переворачивались или взрывались. В прибое тонуло множество людей и техники».

В день «Д» союзники подняли в воздух 3467 тяжелых и 1645 средних бомбардировщиков, 5409 истребителей. Ни один самолет не был сбит люфтваффе. Зенитные батареи поразили 113 машин.

За исключением побережья «Юта», действия союзнических военно-воздушных сил в день «Д» не имели решающего значения. Главную свою задачу они выполнили в апреле и мае 1944 г.: изолировали район вторжения от железных дорог, сделали невозможным или серьезно осложнили передвижение немецких танков и грузовиков в дневное время, вытеснили люфтваффе из Франции.

Что им не удалось осуществить? Союзники не смогли разработать доктрину применения тяжелых бомбардировщиков для тактической поддержки наземных войск и способы установления коммуникаций между подразделениями, ведущими бои на земле, и пилотами тех же «П-38», желающими им помочь. Техника координации «земля — воздух» появилась позднее и в декабре 1944 г. в битве «за выступ» в Арденнах сыграла решающую роль в достижении победы.

Я повторяюсь, но отмечу еще раз: то, что авиация осуществила до наступления дня «Д», стало неоценимым вкладом в успешное проведение операции по вторжению. Небо полностью контролировалось союзниками. Это можно проиллюстрировать лишь одним примером — единственным бомбардировочным налетом люфтваффе на побережье, где высаживался десант. Немцы предприняли рейд после захода солнца в день «Д». На «Омахе» в прибрежных водах сгрудились ДКТ, боты Хиггинса, а на пляжах — танки, орудия, грузовики, джипы, войска — заманчивая цель для нападения.

Над «Омахой» появились четыре двухмоторных «Ю-88»^[36]. Небо сразу же осветилось трассирующими пулями, по бомбардировщикам начали бить все пулеметы и зенитки на берегу и на судах. «Огневой вал был громовым и устрашающим, — вспоминает наводчик Доналд Портер, ждавший на ДСП своей очереди сойти на берег. — Низко летящие пули в основном из пулеметов калибра 12,7 мм заставляли нас пригибаться. Немецкие самолеты шли на нас на очень малой высоте. Я стоял на узкой и переполненной людьми палубе. Меня могли спасти только каска и два одеяла».

Портер взглянул вверх и увидел трассирующие пули прямо над головой: «В этот момент «Ю-88» превратился в сплошное пламя от крыла до крыла. Казалось, что горящий самолет падает на нас, и мы продолжали в него стрелять. Потом он словно заскользил вниз и с шипением нырнул в воду, буквально метрах в пятидесяти от правого борта».

Ошеломляющее огневое заграждение, взметнувшееся перед немецкими бомбардировщиками, — яркое доказательство очевидного факта: независимо от того, что происходит на суше, небо Нормандии принадлежит Королевской авиации и военно-воздушной армии США, а Ла-Манш — британскому и американскому военно-морскому флоту и союзническим боевым кораблям.

Не только пилоты истребителей «П-47» были расстроены тем, что не могли более активно участвовать в дне «Д». По всей Англии наземные команды заправляли самолеты топливом, обслуживали их, ремонтировали и тем самым вносили свой вклад в общее дело, но тем не менее чувствовали себя обойденными. И в Лондоне, и в других городах страны штабные военнослужащие, над которыми нередко смеялись полевые офицеры, завершили свою работу до дня «Д», и им оставалось лишь наблюдать. Работа на износ лишила некоторых из них даже роли наблюдателей.

Гарри Кросби отвечал за навигационное обеспечение 100-й бомбардировочной группы 8-й военно-воздушной армии. Вот что он рассказывает: «Неделями мне приходилось работать по 24 часа в сутки. Я курировал подготовку всех карт и полетных планов. На мне лежала обязанность выстроить боевые порядки для более чем 100 рейдов и их различных вариантов. Я должен был провести сначала групповой брифинг, а затем проинструктировать отдельно каждого штурмана ведущего бомбардировщика.

Я считал себя крохотным винтиком во всей операции, но не спал по трое суток подряд. Мне не хватало времени для того, чтобы побриться. Мой ординарец приносил смену белья и обмундирования. Я не помню, чтобы за эти недели мне удалось хотя бы раз нормально перекусить. Еду заменяли литры кофе, горячего, крепкого и помогавшего мне держаться на ногах».

К концу дня 5 июня Кросби выглядел как живой труп. Его командир посоветовал ему пойти выспаться. Кросби отказался. Тогда командир приказал ему это сделать. Кросби свалился в кровать, не снимая галстука и обуви. Он проспал 24 часа. Весь день «Д».

Вскоре после того как капитан Шеттл увидел так поразившее его нашествие воздушной армады союзников, он обнаружил немецкую зенитную батарею. «Со мной был морской радист, — говорит капитан, — и я сказал ему, чтобы он передал координаты батареи на свой корабль. Артиллерийский огонь последовал почти незамедлительно. После небольшой корректировки корабельные снаряды поразили зенитку».

Этот эпизод иллюстрирует координированность действий союзнических сил 6 июня. Воздушный десантник и морской офицер, прыгнувший вместе с ним (возможно, это был его первый парашютный прыжок), направляют удары корабельной артиллерии по зенитной батарее противника, ведущей огонь по союзнической авиации. Они помогли защитить тех, от кого зависела судьба воздушных десантников и моряков, — пилотов военно-воздушных сил.

14. Нескончаемый, бескрайний строй кораблей

Переход через Ла-Манш, бомбардировки и морская артиллерия

Первыми вышли в море минные тральщики. Их было 255. Кораблям предстояло очистить проходы от острова Уайт через весь Ла-Манш до стоянок транспортных судов у берегов Франции. Немцы заложили разного рода мины: контактные, антенные, плавающие и заякоренные. Они опустили на дно особые гидродинамические мины, которые взрывались при изменении давления в воде, вызываемом приближающимся судном. Минные заграждения являлись наиболее действенным и, пожалуй, единственным средством морской обороны Германии.

Мины оказывались иногда убийственно эффективными. Около 17.00 5 июня американский тральщик «Оспри» подорвался на mine и получил большую пробоину в первом машинном отделении. Корабль охватило огнем, и в 18.15 морякам пришлось его покинуть. «Оспри» затонул, унеся с собой жизни шести человек. Это были первые жертвы вторжения.

Флотилии тральщиков под непосредственным командованием адмирала Рамсея вначале проложили широкий коридор от острова Уайт на юго-восток до пункта «Зет», обозначенного на расстоянии 13 миль от острова. Вокруг этой точки образовался круг безопасности радиусом в пять миль, прозванный «Площадью Пиккадилли». Через него проходили все корабли. От пункта «Зет» флотилия разделилась на несколько отрядов, чтобы протралить до побережья Франции 10 коридоров (по два для каждой оперативной группы: один для тихоходных транспортов, другой — для скоростных боевых кораблей). Коридоры обозначались светящимися буями. После выполнения этой задачи тральщики должны были очистить от мин мелководье в местах высадки десантов.

Прикрытие обеспечивали эсминцы. Главным стал польский эсминец «Слазак», которым командовал капитан Ромуальд Налеч-Тыминский. За ним следовали британский «Мидлтон» и норвежский «Свеннер». Были тральщики английские, канадские, американские — превосходная иллюстрация многонационального единства Союзнических экспедиционных сил. 5 июня в 23.15 три эсминца вошли в канал № 10 вместе с тральщиками, которые очищали коридор от мин и расставляли ограничительные буи. 6 июня в 3.03 они завершили свою миссию и приступили к патрулированию прибрежного района напротив Уистреана (участок «Меч»).

За тральщиками двигалась флотилия ДСТ. На каждом судне находились четыре танка «ДЦ», четыре джипа, трейлеры с боеприпасами (со всеми их экипажами). Только для «Омахи», отведенной 29-й дивизии (сектора «Изи-Грин», «Дог-Ред», «Дог-Уайт», «Дог-Грин»), на 16 ДСТ через Ла-Манш доставлялись 64 танка «ДЦ». Планировалось пустить их вплавь на расстоянии 5 км от берега. Танкам необходимо было точно в назначенное время выйти на сушу и открыть огонь по ДОСам противника в час «Ч» минус пять минут, чтобы прикрыть первый эшелон пехоты, который высаживался в час «Ч» (6.30, 60 минут после наступления рассвета и 60 минут после самой низкой отметки отлива).

Из-за своей тихоходности и плохой управляемости ДСТ шли впереди всего флота. 33-метровые суда состояли из трех секций, скрепленных вместе. Тяжелая военная техника

размещалась на высоких и легких кормовых и носовых палубах. Плоскодонные корабли не имели бортов в центре. При сильном ветре или волне удержать их на курсе было практически невозможно.

Лейтенант Дин Рокуэлл командовал флотилией ДСТ, направлявшейся к «Омахе». Она вышла в 20-часовой переход 5 июня. Первая проблема возникла на «Площади Пиккадилли»: пропало ДСТ 713. Лейтенант видел вокруг разные корабли, десантные суда, катера, боты. На одних красовались буквы «О» («Омаха»), на других — «У» («Юта»). Наконец он отыскал свое ДСТ 713с «О» на борту, которое спокойно фланировало среди кораблей со знаком «У»: «Я подошел поближе и сказал капитану, чтобы он осмотрелся и уразумел, где находится.

— О-о! — воскликнул капитан, и я вывел его к нашей флотилии».

Рокуэлл двигался в сторону Франции. Дул сильный ветер, трудно было не только держать курс, но и сохранять судно на плаву. Каждый «Шерман» весил 32 т плюс боеприпасы, продовольствие, люди. «Вдобавок к тяжести у нас не оставалось свободного места. Волны перекачивались по палубе. Все чувствовали себя несчастными, особенно танкисты».

6 июня в 4.00 ДСТ достигли транспортного сектора «Омахи». В 4.15 они выдвинулись из положения 1 на линию боевой готовности. В 5.10 суда заняли позиции в 5 км от берега. В 5.22 они выстроились для выгрузки десанта. Хотя по-прежнему дул сильный западный ветер, корабли уже находились под защитой полуострова Котантен, и волнение моря казалось достаточно умеренным.

За ДСТ следовали линкоры, крейсера и эсминцы. Флот союзников состоял из шести линкоров (три американских и три британских), 20 крейсеров (три американских, три французских, остальные — британские и канадские), 68 эсминцев (31 американский, один норвежский, один польский, остальные — британские и канадские). Линкоры были Довольно старые. «Неваду» с 10 14-дюймовыми орудиями (355,6 мм) спустили на воду в 1916 г. (единственный линкор, оставшийся на плаву после Перл-Харбора). «Техас», вооруженный десятью 14-дюймовыми орудиями, был старше «Невады» на два года, а «Арканзас» (спущен на воду в 1912 г., 12 12-дюймовых орудий — 304,8 мм) подлежал списанию и сохранился только из-за начавшейся войны. Британскому «Уорспайту» исполнилось 29 лет. Он имел на борту восемь 15-дюймовых орудий (381 мм), столько же, сколько другой британский линкор «Рамиллис» (спущен на воду в 1917 г.). Самым новым был британский линейный корабль «Родни» с девятью 16-дюймовыми орудиями — 406,4 мм (спущен на воду в 1927 г.).

«Старыми дамами» называли моряки линкоры. Тем не менее именно этим кораблям предстояло вести дуэль с германскими батареями. На «Юте» немцы держали 110 орудий калибром от 75 до 170 мм. В глубине обороны у них было 18 батарей, самая большая состояла из четырех 210-мм орудий и укрывалась в казематах у Сен-Маркоф. На «старых дам» возлагалась ответственная миссия — отвлечь на себя огонь тяжелой артиллерии противника. Ожидалась потеря одного-двух линкоров.

Основная группа эсминцев шла за крейсерами и линкорами, но впереди транспортных судов, ДСП, ДССК, ДСУ (десантных судов управления, которые часть пути находились на борту ДКТ и затем были спущены на воду шлюпбалками). Десантная армада состояла из 229 ДКТ, 245

ДСП, 911 ДСТ, 481 ДССК, которые передвигались самостоятельно, и 1089 ДССПЛС, добравшихся до транспортной зоны на палубах ДКТ. Вместе с ними в Нормандию направлялись корабли береговой охраны, сторожевые катера, а также списанные суда, предназначенные для затопления возле «Золота» и «Юты», чтобы создать искусственные гавани.

Еще более громоздкими и неуправляемыми, чем ДСТ, были паромы «Райноу» и баржи, которые состыковались и буксировались ДКТ. На них перевозились грузовики, джипы, бульдозеры и другая тяжелая техника.

Американское военное транспортное судно «Бейфилд» служило штаб-квартирой для генерал-майора Реймонда О. Бартона, командующего 4-й пехотной дивизией. Палубы флагманского корабля битком набиты солдатами и матросами. Среди них выделялся заместитель Бартона — бригадный генерал Теодор Рузвельт. Он держался спокойно, уверенно, старался воодушевить войска. Ветераны 4-й дивизии хорошо помнят эту встречу с самым пожилым десантником, идущим в бой в день «Д». Генерал запел и попросил всех к нему присоединиться. Вот как описывает этот эпизод лейтенант Джон Роберт Льюис: «Во время перехода через пролив мы собрались на палубе «Бейфилда» и пели «Боевой гимн Республики» и «Вперед, солдаты-христиане». Особенно грустно звучали слова: «Бог умер, чтобы сделать людей святыми, а мы умрем, чтобы сделать их свободными».

Джозеф Донлан, радист «Бейфилда», подумал тогда, что как раз в эти минуты его однокашники сдают выпускные экзамены. Если бы он не пошел на флот, то сейчас был бы вместе с ними.

На ДКТ 530 в рубку к капитану Антони Дьюку поднялся матрос Джини Сайзмор. Еще перед отплытием из Англии он сказал Дьюку: «Мне всего пятнадцать лет, капитан. И я не хочу умирать». (Когда Джини брали на военную службу, он утаил свой настоящий возраст.) Дьюк ответил:

— Ничего, Сайзмор. Все равно тебе придется пойти с нами.

— Капитан, мне страшно, — снова заявил матрос. — Отпустите меня на берег. Сейчас же!

— Мне жаль, — ответил Дьюк, — но все, что я могу сделать для тебя, это приказать, чтобы ты появлялся на мостике каждый час. Тогда я буду знать, как твои дела, а ты сможешь проверить, как идут дела у меня».

Сайзмор так и поступил и чувствовал себя отменно.

ДКТ 530 держал курс на побережье «Золото» и шел вторым во флотилии из 12 кораблей. Дьюк распорядился снять аэростат заграждения. Канаты раскачивались на ветру и могли зацепить кого-нибудь из команды. Освободились от аэростатов и капитаны других ДКТ.

Дьюк вспоминает: «Господи, как я поражался той силе, которая накатывалась на Нормандию. Море затмил нескончаемый, бескрайний строй кораблей».

Несмотря на ветер и штормовые волны, тысячи больших и малых судов продвигались к берегам Франции почти в соответствии с графиком и без каких-либо крупных столкновений. Это, по словам адмирала Морисона, казалось настолько невероятным, что наводило на мысль о «божественном предназначении».

Против такой мощи немцы могли выставить горстку канонерок, несколько подводных лодок, торпедных катеров и больше ничего. В Первой мировой войне Германия соперничала с Великобританией на морских просторах. К 1944 г. она располагала лишь тремя кораблями, превосходящими эсминцы, — крейсерами «Принц Евгений», «Нюрнберг» и «Эмден», но все они в день «Д» пребывали в портах.

В 23.00 «Невада» в сопровождении американских крейсеров «Куинси», «Таскалуса» и британского «Блэк Принс» покинула «Площадь Пиккадилли» и взяла курс на юго-юго-восток к «Юте». В 2.30 линкор занял позиции в 11 милях от берега. «Когда мы приближались к месту назначения в заливе Сены, — говорит лейтенант Росс Олсен, — у нас возникло ощущение, что мы подкрадываемся к немцам. Мы даже стали шепотом разговаривать, боясь, что они нас услышат, хотя, конечно, это было невозможно. Мы бросили якоря, и раздался оглушительный грохот цепей, скользящих через клюзы». Олсен был уверен, что уж этот шум немцы непременно услышат. Вскоре якорные цепи заскрежетали на других кораблях возле «Юты» и на остальных четырех участках побережья Нормандии.

Немцы же ничего не слышали и ничего не видели. Еще до полуночи в проливе растянулись караваны кораблей, шедших настолько плотно, что из них образовался чуть ли не мост между островом Уайт и Нормандией. В 2.00 первые суда вошли в транспортную зону. Тем не менее германские радиолокаторы не зафиксировали какие-либо передвижения в море. Отчасти это можно объяснить немецкой беспечностью, но в гораздо большей степени — эффективностью воздушных бомбардировок, уничтоживших или повредивших гитлеровские радарные установки. Союзническая авиация сбрасывала также «окна» — полосы из фольги, которые высвечивали сотни отражений на экранах немецких локаторов. Адмирал Кранке отменил патрулирование торпедных катеров из-за отвратительной погоды: все они находились в гаванях Гавра, Уистреана и Шербур.

В 3.09 немецкий радар наконец заметил флот. Кранке незамедлительно приказал береговым батареям приготовиться к отражению нападения. Адмирал выслал навстречу противнику торпедные катера и два тральщика, оснащенных пушками. В 3.48 они уже были в пути.

На американских транспортных судах коки кормили солдат сандвичами с колбасным фаршем и кофе. Англичане предложили десантникам такой завтрак: яичницу (плавающую в жире) и глоток рома. Капитан-лейтенант Б. Т. Уинни (британские ВМС), комендант высадки войск на участке «Золото», изумился, когда в кают-компании «Эмпайер Аркебас» стюарды в белых перчатках поднесли офицерам меню.

Начиная с 1.00 на ДКТ зазвучали боцманские свистки: «Слушайте все! Командам занять боевые посты!» Матросы и офицеры разбежались по своим местам. Вновь свистки: «Слушайте все! Войскам приготовиться к высадке!» Солдаты забрались в ДССПЛС и другие десантные суда. Последняя команда: «Слушайте все! Войска — на воду!» Заработали шлюпбалки, катера

медленно опустились на морские волны.

Британское транспортное судно «Эмпайер Джавелин» доставляло к побережью «Омаха» 1-й батальон 116-го пехотного полка 29-й дивизии. Шлюпбалка застопорилась на полчаса, и судно зависло у борта прямо под сливным отверстием. «Такого на английских кораблях не случалось с 1776 года, — рассказывает майор Том Даллас, командир батальона. — Нам казалось, что вся команда уселась в галюнах. Мы кричали, но тщетно. На нас лились потоки, окрашенные в канареечный, желто-коричневый, зелено-оливковый цвета. Мы ругались, проклинали все на свете, смеялись, а вонючий ливень не иссякал. Когда начался штурм берега, мы все были в дерьме».

На ботах Хиггинса, провисевших весь переход через Ла-Манш на грузовых стрелах и спущенных на воду шлюпбалками, находились лишь старшины-рулевые (в основном молодые парни, поступившие на службу в береговую охрану). Они запустили двигатели и стали кружить вокруг ДКТ, пока с кораблей сбрасывались веревочные сетки.

Кинуться в такую зыбкую сеть было одним из самых неприятных испытаний в день «Д». Подобно парашютистам, летевшим в ночном небе Франции, пехотинцы и саперы несли на себе неимоверный груз оружия, боеприпасов, пайков. Ощущение тяжести усиливали пропитанное химическим составом обмундирование и неуклюжие, громоздкие ботинки. К тому же штормовое море швыряло боты Хиггинса вверх и вниз метра на три, а то и больше, а вокруг чернела мгла.

Офицеры на борту ДКТ инструктировали солдат, как потом перепрыгивать из сетки в десантное судно: на самой высокой штормовой волне — наикратчайший путь. Многим не повезло: кто отделался переломами ног или рук, кого-то раздавило между ДКТ и ботами Хиггинса.

Матрос Роналд Сиборн, телеграфист и передовой наблюдатель на участке «Золото», волок на себе рацию, телескопическую антенну, ранец, мешок с провизией и массу разных сумок. Вся ноша размещалась за спиной, кроме антенны, которую Сиборн держал в левой руке, оставляя правую свободной для того, чтобы хвататься за сетку. «Лично для меня, — говорит Роналд, — карабканье по веревкам было самой сложной частью Нормандской операции. К счастью, волна подняла десантное судно почти вровень с палубой ДКТ, и мне не пришлось падать вниз. Иначе я сомневаюсь, что мне вообще удалось бы спрыгнуть с корабля». В целом же, несмотря на все трудности, «парашютирование» войск в веревочные сетки прошло более или менее благополучно.

На одном боте Хиггинса помещался взвод: 30 солдат и два офицера. При них были винтовки «М-1», минометы, удлиненные заряды «Бангалор» для прорыва проволочных заграждений, автоматические винтовки «Браунинг». Они стояли, сесть было негде. Десантники почти ничего не видели: планшири доходили до уровня глаз. Когда боты загрузились, рулевые отвели их от ДКТ и начали колесить вокруг базовых кораблей. Круги все увеличивались и увеличивались.

Десантные суда то взмывали вверх, то низвергались вниз и зарывались в волны. Колбасный фарш, яичница и ром, поглощенные за завтраком, выплеснулись на палубы. Под ногами стало

совсем скользко. На ДССК Роналда Сиборна, рассказывает матрос, «бригадный генерал величественно восседал в джипе, а мы пытались укрыться от морских волн, накатывавших на нас через планшири». Солдат тошнило, и их рвоту ветер отбрасывал на джип и на генерала: «Он заорал, чтобы все, кого укачало, перешли на другую сторону, и через какие-то секунды на левом борту собралась целая толпа позеленевших от морской болезни людей».

ДССК продолжал кружить, и ветер снова метнул в генерала и его джип очередную порцию солдатской рвоты: «К счастью, он уже был занят чисткой собственной персоны и своего автомобиля и не обращал на нас никакого внимания».

Лейтенант Джон Рикер командовал головным десантным судном управления в секторе «Тэр Грин» на участке побережья «Юта». Лейтенант Говард Вандер Бик вел ДСУ 60, следовавшее за кормой ДСУ 1176 Рикера. Оба наводящих катера вместе с кораблями, на борту которых находились взрывники-подводники, шли впереди кильватерного строя. Вандер Бик вспоминает: «Мы ощущали себя брошенными, беззащитными, хотя и знали, что нас готовы поддержать сотни орудий на американских линкорах, крейсерах и эсминцах. На взморье батареи вермахта ждали первых проблесков рассвета, чтобы открыть огонь по нашим судам».

Ночь была холодной, как и вода, хлеставшая в лица солдат и матросов, плывших к берегам Нормандии. Но они обливались потом, испытывая тревогу, страх и нервное напряжение. Гул десантных судов заглушили первые эскадрильи бомбардировщиков. В море же все 10 протраленных от мин коридоров вплотную заполнили боевые корабли. Замерли у своих 5–, 10–, 12– и 14-дюймовых орудий артиллерийские расчеты.

Вскоре после 5.20 на востоке засветилось небо. Бомбардировщики начали сбрасывать свой смертоносный груз, а немецкие зенитки — их обстреливать. Однако в транспортной зоне обстановка оставалась удивительно спокойной. Батареи вермахта молчали. Союзнические корабли не должны были открывать огонь до 5.50 (час «Ч» минус 40 минут), исключая, конечно, нанесение в случае необходимости ответных ударов.

На американском эсминце «Маккук» у побережья «Омаха» лейтенант Джерри Клэнси недоумевал, почему немецкие батареи бездействуют. Он сказал об этом репортеру Мартину Соммерсу, стоявшему рядом. «Никто из нас не мог понять странное поведение гитлеровцев, — написал потом журналист. — Нам всем хотелось, чтобы они начали стрелять по флоту. Тогда мы могли бы ответить. Это было бы лучше, чем томительное ожидание». Когда налеты бомбардировщиков усилились, по кораблю пронесся «восхищенный возглас: у-у-ух!». По берегу прокатилась «волна громовых взрывов, над ними засверкали всполохи зениток, снова то тут, то там гейзеры пламени... Разрывы следовали один за другим, так что береговая полоса превратилась в сплошную огненную стену».

Соммерс и Клэнси пытались разговаривать, но не могли разобрать ни одного слова. «Это, пожалуй, был самый долгий час в моей жизни», — отметил лейтенант.

В 5.35 немецкие батареи открыли огонь по кораблям союзников. Лейтенант Олсен на «Неваде» у побережья «Юта» наблюдал, как вокруг рвутся снаряды. Ему подумалось, что «все германские пушки во Франции нацелились на его линкор». «Позже мы узнали, — вспоминает Олсен, — что немцы выпустили по нашему кораблю 27 снарядов, но ни разу не попали». Для

лейтенанта «прошла целая вечность, прежде чем наше главное 14-дюймовое орудие повело ответную стрельбу».

Когда заработала артиллерия линкоров, казалось, что сам Зевс обрушил гром и молнии на Нормандию. Волнующее и незабываемое ощущение возникло у всех, кто слышал эту грандиозную канонаду, видел, как извергаются из пушечных жерл языки пламени, как содрогаются мощные корпуса кораблей. Огромные силуэты снарядов, пролетавших над ботами Хиггинса и другими судами, произвели большое впечатление на десантников. Матрос Джеймс О'Нил, находившийся на борту ДСП у побережья «Юнона», рассказывает: «После каждого залпа линкоры отбрасывало в сторону, что создавало довольно высокие волны, которые докатывались до нас и поднимали на гребни наши катера».

Корреспондент газеты «Балтимор сан» Холдбрук Брэдли вместе с танкистами на ДКТ направлялся к «Омахе». Спустя шесть лет он писал о войне в Корее, а через 25 лет — во Вьетнаме. «В общем-то я привык к грохоту сражений, — говорит в интервью журналист. — Но это (налеты бомбардировщиков в день «Д». — Примеч. авт.) было что-то невероятное. Мне потом никогда не доводилось видеть и слышать ничего подобного. Все мы понимали, что яштемся участниками выдающегося, наивысшего исторического свершения в нашей жизни».

Для Брэдли первый залп корабельных орудий прозвучал как единый «дьявольской силы взрыв».

На «Бейфилде» начальник склада лейтенант Сайрус Эйдлетт выскочил на палубу, чтобы осмотреться. Он записал в дневнике: «Надо мной словно полыхали тысячи фейерверков, наподобие тех, что устраиваются 4 Июля. Небеса разверзлись, и миллионы звезд сыпались на землю, выстреливая во всех направлениях ослепительные молнии. Трудно представить себе ту сконцентрированную огневую мощь, которую наши авиация и корабельная артиллерия обрушили на так называемые «неприступные» береговые фортификации, создававшиеся «герром Шикльгрубером» (Гитлером. — Примеч. пер.) и его людьми с таким невероятным упорством. Ввысь взлетали столбы дыма и пламени. Взрывы даже на расстоянии вызывали дрожь в ногах. Корабль содрогался и вибрировал, будто живое существо».

Кто-то прокричал в ухо Эйдлетту:

— Клянусь, что сейчас на нашем корабле немало испачканных штанов!

Еще больше их было в немецких казематах на побережье.

Воздушные десантники наблюдали за бомбардировкой и артобстрелом в тылу противника. Снаряды рвались между ними и береговой линией, некоторые пролетали над головой. Джон Говард, занявший позиции у моста Пегас, так описывает увиденную им картину: «Надвигавшийся огневой вал был колоссальным. Мы физически чувствовали, как под ногами сотрясается земля. Огонь переместился дальше в глубь материка, то есть ближе к нам. Взрывы ошеломили: нам, пехотинцам, никогда прежде не приходилось испытать на себе обстрел корабельных орудий. Чудовищных размеров снаряды летели так низко, что мы инстинктивно пригибались, даже находясь в укрытии. Мой перепуганный радист потерял дар речи и вдруг промолвил:

— Чтоб мне провалиться, сэр, это же настоящие джипы».

Во Вьервиле, маленькой деревушке, притулившейся на вершине скалы на западной оконечности «Омахи», артобстрел разбудил жителей. Французы сохраняли невозмутимое спокойствие. Пьер и Жаклин Пипрель поспешили в дом месье Клеман Мари, зная, что у него, несмотря на запрет немцев, имелся бинокль. «Из чердачного окна, — рассказывает в своих мемуарах Пьер, — мы по очереди всматривались в даль, где у нас на глазах нарастала устрашающая армада. Море скрылось, и перед нами мелькали лишь корабли».

Потом гроыхнул залп. Снаряды падали по всей деревне. Через минуту в окнах не осталось стекол. Один снаряд разорвался наверху, в спальне, и «все свалилось на пол в столовой на нижнем этаже». Другой пронесся сквозь дом, влетев в переднее и вылетев в противоположное окно. Третий взорвался в пекарне, убив няню и ребенка, которого она держала на руках.

Стрельба велась из всех орудий союзнического флота. Американский эсминец «Гардинг», которым командовал капитан третьего ранга Джордж Дж. Палмер, в 5.37 открыл огонь по побережью «Омаха». Его целью была батарея, расположенная к востоку от Порт-ан-Бессена на расстоянии 4800 м от него. Эсминец выпустил 44 снаряда калибром 5 дюймов по германским пушкам и временно их нейтрализовал. А немцы промахнулись и лишь подняли гейзеры воды вокруг американского корабля. Самый ближний взметнулся в 75 м от борта.

В 5.47 «Гардинг» перенес огонь на три ДОСа у выезда Колевиль в 3000 м от эсминца. Он успел сделать около 100 выстрелов, прежде чем цель заволочло густым дымом. Уже весь берег окутался тучами из дыма, песка, осколков и обломков разбитых конструкций. Палмер не видел ориентиры на местности и перешел на наведение с помощью радара.

Когда ветер немного развеял завесу, «Гардинг» открыл стрельбу по дому, стоявшему на выезде. Чтобы его уничтожить, хватило 20 снарядов. В 6.10 эсминец произвел 40 выстрелов, разрушив еще одно укрепленное сооружение. В 6.15 «Гардинг», сократив расстояние до берега до 1700 м, сделал шесть залпов по полевому оружию на «Омахе», расчет которого готовился поразить идущие с моря десантные суда. Уничтожить пушку не удалось, но немцам пришлось искать убежище в скалах.

Уцелевшие батареи противника пытались вести ответный огонь. Моряки «Гардинга» слышали свист пролетающих мимо снарядов. Лейтенант Уильям Джентри говорит, что немцы стремились попасть в линкоры и крейсера, стоявшие за эминцем: «Траектория стрельбы была настолько низкой, что снаряды мчались на уровне труб нашего корабля. Некоторые из них, казалось, проскакивали между трубами».

В 6.20, когда десантные суда достигли берега «Омахи», командир артиллерийской боевой части доложил, что «задача выполнена», а капитан третьего ранга Палмер отдал команду: «Прекратить огонь!»

Всего у пяти участков побережья Нормандии курсировали 68 эсминцев. И все они действовали схожим образом, подавляя заранее обозначенные цели, — главным образом ДОСы и другие укрепленные позиции противника, наблюдательные посты на шпилях церквей или

любые объекты по своему выбору. Затем они прекращали стрельбу, убедившись в том, что десантники начали высаживаться.

Два эсминца постигла неудача. Норвежский «Свеннер» находился на крайнем левом фланге недалеко от Гавра. В 5.37 полднюжины торпедных катеров по приказу адмирала Кранке вышли из гавани и атаковали союзническую флотилию. Под удар попал «Свеннер», державшийся по левому борту от польского «Слазака». Капитан Налеч-Тыминский так описывает гибель судна в своих мемуарах: «Взрыв произошел посередине корпуса корабля. Высоко в небо взметнулось пламя пожара. «Свеннер» переломился пополам и затонул». Капитан Кеннет Райт из отряда коммандос через пять дней сообщил своим родителям: «Зрелище было жутким. Эсминец развалился по центру, и две его половины пошли на дно, сомкнувшись, как складной нож».

«Свеннер» оказался единственным военным судном союзников, потопленным немецкими моряками в тот день. Немецкие катера еще пускали торпеды, когда их атаковал британский «Уорспайт». Линкор подбил один катер, а остальные ретировались в относительно безопасный порт Гавра. Так закончилась первая и последняя попытка германских ВМС помешать высадке десанта.

На побережье «Юта» самолеты, создававшие дымовую завесу между немцами и союзническим флотом, появились в 6.10. Но самолет, который должен был закрыть американский эсминец «Корри», сбили зенитки. Какое-то время корабль оставался на виду у германских артиллеристов, и они сосредоточили на нем весь огонь. Эсминец отчаянно маневрировал и отстреливался. Команда судна рисковала, поскольку тральщики освободили от мин лишь ограниченное пространство. Помощник механика Грант Галликсон находился на своем посту в первом машинном отделении. По трубам стекали капли воды, из турбин с шипением вырывался пар. «От нас требовалось одно, — вспоминает Галликсон, — дать капитану (капитан-лейтенанту Хоффману. — Примеч. авт.), когда нужно, «полный вперед», а иногда выжать из машин и экстренную скорость». Вдруг корабль в буквальном смысле слова подпрыгнул. Решетки под ногами стали расходиться, свет погас, отделение заполнилось паром. «Корри» наткнулся на мину, которая взорвалась прямо под центром корпуса.

«Наступила кромешная темень, — рассказывает Галликсон, — горячий пар обжигал и перехватывал дыхание». Он попал в одну из самых ужасных ситуаций, в которых может оказаться моряк: запертый в машинном отделении, среди лопающихся труб, взрывающихся турбин, котлов. Вода поднималась, и скоро она уже была ему по пояс.

Под днищем раздался второй взрыв. «Корри» наскочил еще на одну мину и почти раскололся надвое. Хоффман пытался вывести его в открытое море, но эсминец совсем потерял ход и начал оседать. В 6.41 капитан-лейтенант отдал приказ команде покинуть корабль.

В первом машинном отделении «нам удалось открыть люк и выбраться наверх, — продолжает свой рассказ Галликсон. — По палубе гуляли волны. Стало ясно, что мы тонем.

Тут я заметил, что на мне нет спасательного пояса. Его сорвало взрывом. Я кинулся в море с правого борта. Нам не пришлось прыгать. Мы просто поплыли, так как корабль уже уходил под воду».

Через два часа Гранта и других моряков с «Корри» подобрал американский «Фитч». Их согрели горячим кофе и торпедным спиртом. Потом перевели на транспортное судно и отправили в госпиталь в Англию.

На «Фитче» Грант встретил командира носового огневого отделения Равинского: «У него было обожжено 99 процентов тела. Мы изо всех сил старались ему помочь. Но на следующий день он скончался»^[37].

Матрос Джозеф Долан слушал эфир в боевой информационной рубке на «Бейфилде»: «Я до сих пор помню тревожное сообщение, которое поступило с «Корри». В нем говорилось, что эсминец подрывался на mine, на корабле много жертв и нужна срочная помощь. Большинство сообщений приходили зашифрованными, а это я получил открытым текстом».

Матрос А. Р. Бейер отплыл с «Фитча» в шлюпке, чтобы подобрать уцелевших моряков. Он видел, как до последнего момента держалась над водой задрывшаяся вверх корма «Корри». Бейер заметил человека, уцепившегося за лопасть винта. Но он решил вначале снять людей с плотов и обломков тонущего судна. Когда матрос повернулся снова к «Корри», на винте уже никого не было. За утро «Фитч» поднял на борт 223 моряка с эсминца «Корри».

Младший лейтенант Дуг Берч находился на противолодочном корабле у побережья «Юта». Когда «Корри» подрывался на mine, он видел, как людей выбрасывала в море. Берч дал одному матросу, поднятому на борт, свою кровь для переливания: она оказалась такой же группы и с положительным резусом. Когда старшина медицинской службы сказал: «Он мертв», «я не мог понять, — вспоминает младший лейтенант, — о ком говорит старшина — о матросе или обо мне».

Мины нанесли серьезный урон десантному флоту у побережья «Юта». Головной катер управления ГДСУ 1261 подрывался в 5.42 и через четыре минуты затонул. В 5.47 то же самое случилось с судной ДСТ 597, которое шло за кормой ГДСУ 1176. Вандер Бик со своего ДСУ 60 видел, как судно поднялось из воды на мощной взрывной волне: «Мы были всего в нескольких ярдах и почувствовали, как содрогнулся корпус нашего катера». ДСТ 597 погрузился на дно, забрав с собой четыре танка «ДД».

Примерно в это же время Вандер Бик узнал о том, что вышло из строя ДСУ 80, которое налетело винтом на тральный буй. Его ДСУ 60 осталось единственным средством наведения ДСТ и первого эшелона ДССПЛС на «Омаху». Выполнить эту задачу одним судном вместо трех представлялось практически невозможным. Ситуацию осложняли ветер, дувший с берега, и сильное морское течение. Вандера Бика снесло влево, и когда он подал сигнал на ДСТ и ДССПЛС следовать за ним, суда находились на расстоянии 500–1000 м к юго-востоку от назначенного места высадки.

К 6.00 ДСТ спустили на воду танки, которые с трудом начали продвигаться к берегу, преодолевая встречный ветер и волны. Их обгоняли боты Хиггинса.

Пока десантные суда выходили на передовые позиции, линкоры и крейсера продолжали вести огонь. Залпы создавали звуковые волны такой силы и плотности, что их можно было не

только слышать, но и осязать. Канонаду корабельной артиллерии дополняли немецкие батареи и гул бомбардировщиков.

«Невада» стояла на якорях у «Юты», «Техас» и «Арканзас» — возле «Омахи». Корабли не могли маневрировать из-за ограниченности протраленной полосы. Моряки считали более опасными для себя мины, а не гитлеровские пушки. За «Невадой», «Техасом» и «Арканзасом» располагались транспортные суда, впереди — эсминцы и десантные флотилии. К берегу густо шли боты Хиггинса, ДСП, ДСТ, ДАКВ. Крейсеры обеспечивали прикрытие линкорам.

Первыми мишенями для 14-дюймовых орудий «Невады» стали немецкие батареи. Пушки меньшего калибра обрабатывали пляжи. В 6.20 линкор также повернул свои 14-дюймовые стволы на взморье. Этого потребовал генерал Коллинс, который полагался на высокую точность больших орудий и хотел, чтобы они пробили бреши в бетонной стене набережной. Стрельба велась прямой наводкой, почти по горизонтали. Внушительных габаритов снаряды пролетали над ботами Хиггинса, создавая вакуум, который, как утверждают десантники, буквально высасывал суда из воды.

На «Омахе» по батарее у Пуант-дю-О палили орудия «Техаса». Здесь вскоре должны были высадиться рейнджеры. К 5.50 рассвет уже позволял самолетам-корректировщикам направлять огонь. Корабельные снаряды изрыли Пуант-дю-О кратерами, обрушили в море глыбы скал и, по всей вероятности, уничтожили немецкие казематы с пушками.

Командир авиационного крыла британских ВВС Л. К. Гловер корректировал стрельбу линкора «Уорспайт», который забрасывал снарядами батарею в Виллервиле к востоку от участка «Меч». Он находился между кораблем и берегом. Гловер рассказывает: «Я дал команду «огонь» и медленно развернулся бортом к материку, чтобы понаблюдать за взрывами. Вдруг самолет так потряхнуло, что я чуть не потерял сознание. В этот же момент я заметил, как от меня в сторону берега удаляются два громадных объекта. Мне стало ясно, что я пролетел под прямым углом через спутные струи, оставленные двумя 15-дюймовыми «чушками» с «Уорспайта». Я последовал за ними и видел, как одна из них поразила огневую позицию, которая была нашей главной целью». С гораздо меньшим энтузиазмом Гловер сообщил о том, что корабельные снаряды сбили в день «Д» по крайней мере два союзнических самолета.

В 6.15 «Техас» направил свои 14-дюймовые орудия на выездную дорогу в западной оконечности «Омахи». Она шла через лощину к деревне Вьервиль и имела стратегическое значение. По мнению адмирала Морисона, «от мощности и точности корабельной артиллерии во многом зависело то, насколько быстро и с какими потерями 1-й батальон 116-го полка (29-й дивизии) сможет овладеть этим выездом на материк после часа «Ч».

По «Техасу» стреляла батарея в Порт-ан-Бессене. Ник Карбон из Бруклина, служивший матросом на линкоре, видел, как немецкий снаряд упал в воду между «Техасом» и британским крейсером. Имитируя голос знаменитого американца (Рузвельта. — Примеч. пер.), он произнес:

— Я ненавижу войну. Элеонора ненавидит войну.

На западном фланге «Омахи» линкор «Арканзас» бил по батарее в Ле-Мулен, а крейсеры и эсминцы — по казематам и ДОСам на скале (здесь теперь кладбище). На британском и

канадском участках высадки противник также попал под интенсивный артиллерийский огонь.

На немецкие батареи и береговые фортификации упали тысячи тонн снарядов. Результат, по большому счету, был обескураживающим. Все, кто побывал в Нормандии, подтвердят, что причина этого заключалась не в ошибках артиллеристов, а в мастерстве германских строителей. Моряк Айан Мичи с британского крейсера «Орион» верно заметил: «Мы стреляли отлично, о чем свидетельствуют многочисленные прямые попадания. Одну батарею мы поразили 13 раз, прежде чем перевели огонь на другую цель». Однако и в Лонге-сюр-Мер, и в Пуант-дю-О, и в Порт-ан-Бессене, и в Сен-Маркоф, и в Азевиле по сей день стоят орудийные казематы, поврежденные, но не разрушенные. Они выдержали десятки прямых попаданий. Даже 14-дюймовые снаряды не могли их пробить. Взрывы оставили глубокие вмятины, откололи солидные куски бетона, местами обнажили стальные прутья, и все же казематы уцелели.

Конечно, немцы, укрывавшиеся за железобетонными стенами, оглохли или получили тяжелые контузии. В официальном докладе британских ВМС признается, что артобстрел «не причинил серьезного ущерба ни бетонным конструкциям, ни орудиям в долговременных огневых сооружениях». Тем не менее в нем отмечается, что «взрывы нейтрализовали огневые позиции противника, вызывали панику в немецких расчетах и не позволили им применить свое оружие против десанта».

Авторы доклада выдают желаемое за действительное. Пушки вермахта палили и во время артобстрела, и после его прекращения. Их огонь не отличался точностью. Немцы не имели самолетов-корректировщиков, а передовые наблюдательные посты на скалах ничего не видели из-за дымовых завес. Поэтому, хотя они и вступали в дуэль с линкорами и крейсерами, на их счет не было ни одного прямого попадания.

Выстояли и менее крупные батареи, ДОСы и «тобруки», обустроенные прямо на взморье или на скалах над «Омахой». Их амбразуры располагались по сторонам, что давало возможность вести продольную стрельбу параллельно берегу и в то же время обеспечивало защиту от корабельных орудий. Когда высаживался первый эшелон десантников, ДОСы и «тобруки» открыли бешеный огонь по танкам и пехоте.

С точки зрения солдат, выгружавшихся с судов, артподготовка с кораблей оказалась столь же неэффективной, как воздушная бомбежка. Адмирал Морисон считает, что «морякам дали мало времени» и в целом «виновата армия, а не флот», так как «командование войсками не хотело, чтобы артобстрел начался до появления дневного света». По его мнению, час «Ч» следовало перенести на 7.30, чтобы «предоставить морской артиллерии больше времени для обработки береговой обороны».

После того как военные корабли занялись объектами в тылу противника, к выполнению своих задач приступили ДСТ(Р). Лейтенант Юджин Бернстайн командовал головным ДСТ(Р) на «Омахе». За ним следовали еще 13 судов с реактивными установками. На расстоянии 3500 м от берега они выстроились в линию с интервалами в 100 м. Бернстайн немало удивился тому, что флотилия «вышла на намеченные цели точно в назначенное время».

Судовой медик ДСТ(Р) 450 У. Н. Солкин вспоминает, что каждому члену команды выдали по огнетушителю: «Наш капитан стоял в боевой рубке у пусковой кнопки. Мы повисли на

надстройке и затаили дыхание. Раздался залп, и что тут началось! Катер будто взорвался. Он сильно накренился, и мы попадали на палубу. Сразу в нескольких местах возникли очаги пожара. Через переборки повалил дым. Здесь-то и пригодились огнетушители. Мы начали заливать языки пламени, которое уже готово было охватить все судно».

«Невозможно описать словами грохот тысячи реактивных снарядов, выпущенных менее чем за минуту, — продолжает рассказывать Солкин. — Мой товарищ сравнил его с ревом урагана. Катер содрогнулся, отпрыгнул назад и моментально стал неуправляемым».

14 000 реактивных снарядов промчались над ботами Хиггинса, шедшими к берегу. «Их мощный гул, — написал историк 29-й дивизии Юзеф Балкоский, — был подобен финальному крещендо величайшей симфонии».

Войскам на ботах Хиггинса казалось, что ни один человек не в состоянии вынести такой огонь. К сожалению, снаряды по большей части упали в прибой. Лишь немногие из них ударились в подножие скалы или взорвались на ровных участках между утесами и берегом. Они подожгли траву, в результате чего появилась небольшая дымовая завеса, детонировали несколько мин, но вряд ли убили хотя бы одного гитлеровца.

Заключительную огневую атаку с моря провели танки «Шерман», подошедшие к берегу на ДСТ. Из-за шторма, дыма, чрезмерного возбуждения экипажей она была также крайне малоэффективной. Конечно, то, что «Шерманы» приблизились к суше на достаточное для стрельбы расстояние, уже можно назвать чудом, свершившимся, кстати, благодаря самоотверженности лейтенанта Рокуэлла, который принял, пожалуй, одно из самых важных решений в день «Д».

Предполагалось, что экипажи ДСТ, направлявшиеся к «Омахе», спустят на воду танки «ДД» в 5 км от берега. Они разделились на две группы. Восемь ДСТ, двигавшиеся слева от флотилии Рокуэлла, действовали в соответствии с планом. В результате затонули 29 из 32 танков. Волны оказались слишком высокими, а техника — чересчур тяжелой. Сыграло свою роль и какое-то глупое упрямство. Танки спускались по рампам в воду один за другим, несмотря на то что передние машины тут же погружались в морскую пучину. Командиры экипажей не могли не видеть, как впереди идущий танк накрывала волна и он исчезал в бурлящей воде. Но приказ есть приказ, и они неукоснительно его исполняли. Шкиперы ДСТ беспомощно наблюдали за происходящим, парализованные ужасом и не способные что-либо предпринять. Это было очень грустное зрелище.

Только шкипер ДСТ 600, младший лейтенант Х. П. Салливан, нашел в себе смелость поступить иначе, чем другие капитаны. Увидев, что первый танк из четырех затонул, он приказал команде поднять рампу и подвести судно вплотную к берегу. Таким образом ему удалось сохранить три машины, которые, сойдя на берег, оказали огневую поддержку пехотинцам, высаживавшимся в секторе «Изи-Грин»^[38].

Лейтенант Рокуэлл в секторах «Дог-Уайт» и «Дог-Грин» принял аналогичное решение для всей флотилии ДСТ. Он воспользовался танковой рацией и, несмотря на запрет выходить в эфир, связался с капитаном Эддером из 743-го танкового батальона, находившимся на соседнем ДСТ. Лейтенант приготовился к спору, поскольку полагал, что Эддер предпочтет следовать

приказу. (Что касается радиосвязи, Рокуэлл позднее заметил: «Тогда мне ничего не оставалось, как взять на себя ответственность, чего бы мне это ни стоило. Этого требовали интересы нашего общего дела — вторжения».)

Рокуэлл с облегчением вздохнул, когда Элдер с ним согласился.

— Я не думаю, что это у нас получится, — сказал капитан. — Но все же попробуйте.

Лейтенант флажками передал капитанам семи остальных ДСТ, чтобы они подняли ramпы и шли к берегу. Самые нетерпеливые экипажи сразу же открыли стрельбу по скалам.

Флотилия Рокуэлла выстроилась в одну линию. На ДСТ 607 шкипер не понял его команду и растерялся. Младший лейтенант Сэм Грандфаст в свое время был бойскаутом и мог «читать» азбуку Морзе быстрее сигнальщика. Он вспоминает: «Капитан безмолвствовал. Сигнальщик посмотрел на меня, я на него. И мне пришлось взять на себя управление судном. Я сообщил, что мы выполняем указание и идем к берегу».

Но ДСТ 607 подорвалось на mine. «Мы буквально взлетели в воздух, — вспоминает Грандфаст. — Капитан погиб, как и большинство членов команды. Ушли на дно четыре танка. В живых остались только я и еще два человека. Несколько месяцев я пролежал в госпитале. Хирурги латали меня, как могли».

Матрос Мартин Ваарвик служил на катере Рокуэлла — ДСТ 535. Он в носовом отсеке разогревал мотор «Бригс энд Страттон», с помощью которого моряки опускали ramпу. Крайне важно было сделать это вовремя. Если трап сбросить слишком рано, то танкам придется нырять в воду на большой глубине, если очень поздно, то они не успеют в нужный момент поддержать высадку 116-го пехотного полка.

Вокруг стоял невообразимый грохот. Позади ДСТ палили линкоры и крейсеры. Стреляли эсминцы, расположившиеся вдоль коридора, по которому двигался десантный флот. В небе гудели самолеты. Когда Рокуэлл приблизился к берегу, заухали реактивные установки на ДСТ(Р). На его ДСТ танкисты завели двигатели.

Невозможно было не то что говорить, но и думать. Дым застилал ориентиры на местности. Когда ветер немного его разогнал, Рокуэлл увидел, что судно отнесло на восток. Он взял правое руля и прибавил скорость. Другие капитаны последовали его примеру. Когда корабельная артиллерия затихла, флотилия Рокуэлла находилась уже напротив секторов «Дог-Уайт» и «Дог-Грин». Танки яростно поливали огнем взморье.

К этому решающему броску Рокуэлл готовился последние два года. Для его осуществления и были созданы ДСТ. К удивлению лейтенанта, того, о чем он постоянно думал, не произошло. Рокуэлл полагал, что противник встретит его ДСТ снарядами. Однако пока немецкие орудия молчали.

В 6.29 Рокуэлл дал сигнал Ваарвику опустить ramпу. ДСТ 535 первое из всех десантных судов выгрузило на берег боевую технику. Ваарвик помнит, как танки, «лязгая гусеницами, сходили по трапу: «Они, сползая со стальной палубы, производили несусветный грохот». У

прибой было неглубоко, всего около метра.

Один танк вырвался вперед, рассекая буруны и карабкаясь на песчаный пляж. Волны догоняли его и скатывались обратно. Танкисты открыли стрельбу. Наконец оживились и немцы. Справа палило 88-мм орудие. Рокуэлл видел, как снаряды поочередно ударили по трем десантным судам. Он ожидал, что следующим будет его ДСТ, которое стояло неподвижно, приткнувшись к берегу: бей, не промахнешься. Но с ramпы сошел последний танк. Ваарвик поднял трап, а немцы перенесли огонь с ДСТ на танки.

И тогда, говорит Рокуэлл, «чтобы выскользнуть из этого ада, мы применили известный с давних пор флотский трюк». Он сбросил якорь, когда подошел к пляжу. Теперь же лейтенант запустил мотор, и цепь, наматываясь на барабан, потянула катер в море. Пока Рокуэлл с помощью якоря пятился назад, танки, которые он сумел доставить в Нормандию, уже обстреливали немцев из своих 75-мм пушек и 12,7-мм пулеметов. ДСТ 535 отчаливает от берега, а боты Хиггинса в это время начали высаживать 116-й пехотный полк. Их пути разошлись в 6.30, в час «Ч».

В «гнезде сопротивления» «ВН-62» над выездом у Колевиля рядовой Франц Гоккель чувствовал себя далеко не лучшим образом. В 4.00 ему приказали залечь у пулемета, но «вокруг стояла мертвая тишина». Он подумал: «Еще одна ложная тревога? А может быть, на этот раз настоящая?» Время тянулось томительно долго: «Мы во всеоружии ждали атаки и дрожали от холода в нашем тонком летнем обмундировании. Повар приготовил для нас подогретое красное вино. Появился сержант и распорядился:

— Когда они подойдут, не торопитесь, сразу не стреляйте».

С первыми проблесками рассвета в небе загудели бомбардировщики, а в море на горизонте показалась военно-морская армада. «Крохотные десантные катера, крохотные военные корабли и большие военные корабли» — все они надвигались прямо на блокгауз: «Нескончаемая эскадра. Тяжелые боевые корабли шли, как на параде». Гоккель старался сосредоточить все свое внимание на пулемете, проверяя и перепроверяя его готовность.

Корабельные орудия открыли огонь: «Залп за залпом обрушились на наши позиции. Нас заволочло дымом. Высоко в воздух взлетали бетонные обломки. Земля содрогалась под ногами. В глаза и уши набилась пыль. На зубах скрежетал песок. А ждать помощи было неоткуда».

Артобстрел усилился: «Утренний рассвет, поднимавшийся над приближающимся десантным флотом, предвещал нам скорую гибель. Мы скорчились около пулеметов и орудий и чувствовали себя маленькими и беззащитными. Я просил Бога, чтобы он не дал мне погибнуть». Гоккель удивился, когда узнал, что после прекращения артобстрела в его взводе никого не убило, насчитали только несколько раненых.

Потом «вдруг ожил прибой»: «К берегу быстро подходили десантные суда. Один из солдат выскочил из дыма и пыли и прокричал мне:

— Франц, смотри! Они идут!»

75-мм орудие ударило по американскому танку. Тот огрызнулся огнем. Снаряды взорвались внутри каземата и вывели из строя немецкую пушку. На «Омахе» часы показывали 6.30.

15. «Отсюда мы и начнем войну»

4-я дивизия на «Юте»

По плану танки «ДЦ» должны были выгружаться первыми, в 6.30, сразу же после того, как корабельная артиллерия прекратит огонь, а ДСТ(Р) выпустят по тысяче реактивных снарядов. На восьми ДСТ помещались 32 плавающие «брони». За ними на 20 ботах Хиггинса следует 2-й батальон 8-го пехотного полка (по 30 человек на борту). Десяти судам предстояло подойти к берегу на участке «Тэр Грин» напротив укрепленного опорного пункта в Ле-Дюн-де-Варревиле, другим десяти — чуть южнее, в секторе «Анкл-Ред».

Через пять минут появляется второй эшелон из 32 ботов Хиггинса с 1-м батальоном 8-го пехотного полка, саперами и подводниками-подрывниками. Время высадки третьего эшелона намечалось на час «Ч» плюс 15 минут. В него входили восемь ДСТ с танками-бульдозерами и обычными «Шерманами». Спустя еще две минуты на «Юте» ожидалось прибытие четвертого эшелона, состоявшего главным образом из подразделений 237-го и 299-го саперных батальонов.

График выдержать не удалось. Одни суда подошли раньше, другие — позже. И все они оказались на километр южнее цели. Но благодаря находчивости и решительности командиров и мужеству «джи-айз» высадка войск в общем завершилась успешно.

На срыв графика повлияли сильный ветер, волны, дым, приливные течения. Однако главная причина заключалась в том, что на минах подорвались три из четырех катеров управления. Когда ДСУ затонули, с высадкой началась полная неразбериха. Капитаны ДСТ кружили в море, не зная, куда им направляться. Одно судно наткнулось на мину и взлетело в воздух. ДСТ и четыре танка погрузились в пучину.

Управление десантом взяли на себя лейтенанты Говард Ван-дер Бик и Симе Готьер с ДСУ 60. Они решили наверстать упущенное время и подвести ДСТ к берегу на расстояние 3 км, а не 5, как предполагалось ранее, чтобы «ДД» могли быстрее добраться до суши. С мегафоном в руках Вандер Бик на ДСУ 60 обогнул все ДСТ и дал команду шкиперам следовать за ним. Суда находились в полукилометре к югу от назначенного места высадки. Когда ДСТ опустили ramпы и танки, с трудом преодолевая крутые волны, поплыли, они показались Бику «несуразными морскими чудовищами с громоздкими, похожими на пончики оборками по бортам, приделанными для плавучести».

Ботам Хиггинса с передовым эшелоном войск полагалось идти за танками, но броневая техника продвигалась настолько медленно, что суда ее обгоняли. На них в Нормандию направлялась рота «Е» 2-го батальона 8-го пехотного полка 4-й дивизии. Она первой из всех частей Союзнических экспедиционных сил сошла на берег. Приливным течением десантников отнесло еще дальше влево, и они выбросились на километр южнее от своего сектора.

Генерал Рузвельт вместе с войсками шел на головном судне. Генерал-майор Бартон вначале не разрешил ему сопровождать 4-ю дивизию. Рузвельт доказывал, что его присутствие ободрит солдат: «Увидев рядом генеральские погоны, они решат, что все не так уж и плохо». Наконец, Рузвельт обратился с личной просьбой: «Мне это просто необходимо сделать». Бартон,

поколебавшись, согласился.

Роте «Е» сопровождала удача. Немецкие стационарные фортификации на месте предполагавшейся высадки у выезда 3 были куда более неприступными, чем там, где она фактически произошла, — у выезда 2 напротив Ла-Мадлен. Здесь «Мародеры» уничтожили батарею, а германские части из 919-го полка 709-й дивизии подверглись мощному артобстрелу с моря и воздушным бомбардировкам. Немцы не вели интенсивный огонь. Иногда раздавались одиночные выстрелы из траншей в песчаных дюнах за полутораметровой прибрежной стеной.

В траншеях прятались солдаты, которых снаряды и бомбы выгнали из стационарных укреплений. Командовал ими лейтенант Янке. Он взглянул в сторону моря и застыл от изумления. Лейтенант подумал, что у него после взрывов начались галлюцинации. Янке увидел танк «ДД». «Плавающие танки! — поразился он. — Это и есть, наверное, секретное оружие союзников». Лейтенант решил воспользоваться собственным «секретным оружием», но обнаружил, что «Голиафы» не действуют: в результате бомбардировок вышли из строя системы радиоуправления.

— Похоже, что и Бог, и весь свет отвернулись от нас, — сказал Янке напарнику. — Где же наша авиация?

В это время сержанту роты «Е» Малвину Пайку на боте Хиггинса тоже было несладко: «Я сидел справа по борту и слышал, как над головой засвистели пули. Оглянулся. Вижу, что из пулеметов калибра 50 (12,7 мм) стреляют наши моряки. Я сказал тогда взводному, лейтенанту Ребарчеку:

— Эти парни даже не видят, куда палят.

Поднялся рулевой, старшина бота, чтобы посмотреть на берег, и тут же присел. Моряки продолжали вести огонь, а я молился, чтобы они поскорее нас высадили».

Метрах в двухстах от берега судно наскочило на мель (в районе выезда 2 море мелководнее, чем у выезда 3, поэтому моряки и настаивали на высадке у выезда 3). Старшина сказал, что пехоте пора уходить.

— Вы же не хотите утопить людей, — ответил лейтенант Ребарчек. — Попробуйте еще раз.

Рулевой попятился назад, отошел метров на 30 влево и снова сел на отмель.

— Ладно, — скомандовал Ребарчек, — высаживаемся! Но рампу заело.

— Черт с ней! — крикнул лейтенант и спрыгнул с борта. За ним поскакал в воду весь взвод.

«Я очутился по пояс в воде, — вспоминает сержант Пайк. — До берега оставалось еще метров 60. Но по морю не побежишь. Можно только проталкиваться. Наконец мы добрались до суши, а потом надо было проскочить 200 м по открытому пляжу и через самые разные заграждения. К счастью, немцев уже парализовали бомбы, снаряды и реактивные залпы. В большинстве своем они думали только о том, как бы сдаться».

Капитан Говард Лис, командир роты «Е», повел своих солдат через стену набережной к песчаным дюнам. «То, что предстало перед нашими глазами, — говорит сержант Пайк, — разительно отличалось от макетов, которые нам показывали в Англии.

— Эй, — сказал я капитану, — здесь совсем другая местность».

К ним, опираясь на тросточку, подошел Рузвельт (он перенес сердечный приступ). На генерале была шерстяная вязаная шапочка (Рузвельт ненавидел каски и демонстративно игнорировал пули). В это время (около 6.40) немцы, занимавшие фортификации у Ле-Дюн-де-Варревиля, открыли по 2-му батальону беспорядочный огонь из пулеметов и 88-мм орудий. Не обращая внимания на стрельбу, Рузвельт и Лис посоветовались, сверили карты и пришли к выводу, что попали не на тот участок высадки.

Рузвельт вернулся на берег. Уже выгрузились первые танки «Шерман», которые сразу же начали стрелять из пушек по немецким укреплениям. Коммодор Джеймс Арнольд, координатор десанта на «Юте» от ВМФ, только что прибыл с третьим эшелоном. «Немцы забрасывали 88-мм снарядами весь приморский плацдарм, — вспоминает он. — Два американских танка пытались выбраться из воды, а я за ними укрывался. Теперь мне понятно, почему пехота любит, когда танки идут впереди. Они служат хорошей защитой на открытом пространстве. Особенно когда у тебя от страха поджилки трясутся». Арнольд нашел воронку и сделал из нее временную штаб-квартиру.

«Вдруг в мой «штаб», — рассказывает Арнольд, — вваливается, убегая от 88-мм снаряда, армейский офицер с одной звездой бригадного генерала. Мы посмотрели друг на друга.

— Я Тедди Рузвельт, — отдышавшись, промолвил пришелец. — А вы Арнольд из ВМФ. Я вас знаю по брифингу в Плимуте».

К Рузвельту, стоявшему на берегу, подошли два комбата из 8-го полка — подполковники Конрад Симмонс и Карлтон Макнили. Пока они изучали карты, появился и полковой командир — полковник Ван Флит, высадившийся с четвертым эшелоном — 237-м и 299-м саперными батальонами.

— Ван, — воскликнул Рузвельт, — мы не там, где надо! Он указал на строение:

— Оно должно быть слева, а не справа от нас. Думаю, что мы на целую милю сдвинулись на юг.

Ван Флит иронически заметил, что моряки случайно доставили их именно туда, где он и предлагал высадить полк с самого начала. Но флотские командиры уперлись, считая, что это побережье неудобно из-за мелководья.

«Нам предстояло принять неотложное и важное решение, — написал позднее в неопубликованных мемуарах Ван Флит. — Либо перебросить весь десант более чем на милю к северу и дальше действовать в соответствии с планом, либо отправиться по дамбам с того места, где высадились». Солдаты уже пошли вперед, к песчаным дюнам. Подрывники приступили к

ликвидации заграждений.

Говорят, что тогда Рузвельт произнес знаменательные слова: «Отсюда мы и начнем войну». По словам Ван Флита, все было несколько по-другому. Полковник написал в мемуарах: «Я принял решение и приказал:

— Отсюда идем прямо на материк. Мы атаковали противника на самом уязвимом участке его обороны, так давайте же воспользуемся нашим преимуществом».

Не имеет особого значения, кто принял решение. Важно, что это было сделано без лишних дискуссий и споров. Решение оказалось правильным и продемонстрировало тактическую гибкость военного командования. Симмонс и Макнили занялись подготовкой к штурму береговых опорных пунктов немецкого сопротивления и захвату выездов 1 и 2, чтобы затем по дамбам двинуться на запад. Но сначала предстояло преодолеть стену набережной и дюны.

Отряды саперов и военно-морских подрывников появились после передового эшелона и высаживались также напротив выезда 2. Им сразу стало ясно, что участок побережья не тот, с которым они знакомились в Англии. Саперы и подрывники поняли и другое: им придется добираться до суши по пояс в воде. Поэтому они начали облегчать свои ранцы. Первым делом пришлось освободиться от сигарет. Сержант Ричард Кассидей из 237-го саперного батальона имел при себе шесть блоков, а его напарник — десять. Кассидей вытащил одну пачку, а остальные выбросил. То же самое сделали и другие. «Скоро мы все по колено увязли в сигаретах», — вспоминает сержант.

Команды подрывников состояли из пяти «морских пчел» («сибиз» — так называли морских инженерно-строительных десантников) и двух-трех армейских саперов. Всего было десять отрядов. Подрывник тащил на себе 25–35 кг либо ТНТ, либо композиционного заряда «С» (пластического ВВ, разработанного в Великобритании и напоминавшего кусок хозяйственного мыла; оно загоралось, если его поджигали, или взрывалось после детонации). Американцы, служившие в частях «морских пчел», отличались более солидным возрастом. Взрывному делу их обучили шахтеры на западе Соединенных Штатов.

В первую очередь «морским пчелам» предстояло заняться препятствиями и заграждениями, которые накроет приливная волна. Они могли в случае необходимости опускаться и под воду (хотя и не имели специального снаряжения, которым пользуются современные водолазы-подрывники).

Когда вербовщик приглашал Орвала Уэйкфилда в отряд подрывников-подводников, он особенно напирал на то, что военная кампания на Тихом океане показала важность их работы «для успеха операции по вторжению». «Он также говорил, что это чрезвычайно опасная служба, — вспоминает Уэйкфилд. — Нужны отличные пловцы. Мы пройдем специальную физическую и психологическую подготовку и станем незаменимыми. Нам придется иметь дело и с минами-ловушками, и с минными заграждениями. Но нас больше привлекало то, что не надо будет ходить в наряды на кухню. Все оказалось сущей правдой».

На «Юте» отряд Уэйкфилда готовил к подрыву расставленные в воде и на пляжах препятствия, а рядом высаживалась 4-я дивизия. «Морские пчелы» заложили заряды, соединили

их проводами, прозвучала команда «Огонь!» — заграждения разлетелись на куски. Уэйкфилд с друзьями отправился на набережную. Они забрались в окоп и «просто наблюдали за тем, что происходит вокруг». «Сначала мы ничего особенного не заметили. Взад-вперед ходили солдаты, разговаривали между собой. И вдруг перед нами словно разворошили муравейник. Там, где были заграждения, уже теснились десантные суда, с которых выпрыгивали пехотинцы. Бульдозеры подгребают к приморской стене песок, и через нее ползли танки и грузовики».

Потом за дело взялись армейские саперы. Они заложили взрывчатку в соседнем ряду препятствий — на столбах с минами и «бельгийских воротах». Сержант Ол Пикасиевич из 237-го батальона присоединил заряды к главному запалу и помчался к стене, крикнув на бегу:

— Огонь!

«Вот-вот должен раздаться взрыв, — вспоминает сержант. — И тут я вижу, что к берегу подошли суда. Рампы спущены, по ним сбегает солдаты, совершенно не представляя себе, что их ожидает. Услышав наши предупредительные вопли, десантники укрылись возле заграждений».

— Господи, что они делают! — сказал я стоявшему рядом врачу Джимми Грейю и ринулся назад. Я начал поднимать солдат за ранцы и орать: — Мотайте отсюда к черту! Сейчас все это взлетит в воздух!

Мне удалось оттащить шесть человек и истошным криком прогнать остальных. Я бросился обратно к стене, но не успел пробежать и пяти метров, как у меня за спиной рвануло, а по каске застучала шрапнель».

Отряд переместился ближе к стене набережной, спеша закончить работу до того, как прилив накроет заграждения. «А неподалеку прохаживался со своей тросточкой генерал Рузвельт, — рассказывает сержант Кассидей. — И я заорал:

— Уберите этого паразита, сейчас его убьет!

— А ты знаешь, кто он? — спросили меня.

— Да, знаю, — ответил я. — Это Рузвельт. Но он может погибнуть». Генерал отошел в сторону, и отряд взорвал заграждения. Менее чем за час «морские пчелы» и саперы очистили восемь коридоров шириной по 50 м.

Затем саперы взрывами пробили проходы в стене набережной. Танки-бульдозеры из 70-го батальона удалили бетонные обломки. Все это время немцы обстреливали район высадки из 88-мм орудий, но снаряды в основном падали в воду, так как артиллеристы старались, правда, не очень успешно, поразить десантные суда.

Моряк Мартин Гутекунст, эксперт по связи, был прикреплен к отрядам «морских пчел». Он помнит, что, после того как подрывники расчистили заграждения и проделали проходы на набережной, «самые отважные и бесшабашные среди них отправились в дальний конец стены и

взяли в плен несколько немецких солдат». Связист пошел с ними за компанию. «Мы встретили на пути много огневых точек, защищенных бетонными стенами и крышами, — рассказывает Гутекунст. — В бункерах немцы повсюду нарисовали пейзажи, те, что можно увидеть снаружи. Узкие прорезы служили для корректировки стрельбы. Но некому уже было стоять у орудий и пулеметов.

Солдаты вермахта либо сдались, либо сбежали по дамбам на материк».

Группа саперов из 237-го полка проследовала за бульдозерами через проходы в стене и поднялась на дюны. Они остановились перед угрожающими знаками «Achtung Meinen» («Осторожно, мины»). Однако желание пойти дальше перебороло страх. «Из-под ног саперов, — вспоминает сержант Винсент Пауэлл, — начали выскакивать и взрываться мины, жуткие выпрыгивающие мины, эти проклятые «Бетти». Они выпрыгивали и взрывались. Крики, стоны, кровь... И в этот момент с моря на берег двинулись танки».

В 6.45 плавающие «ДЦ» все еще боролись с морскими волнами. По плану они должны были опередить десантные войска. Но их обогнал ДСТ с ротой «С» 70-го танкового батальона под командованием капитана Джона Ахирна. «Шерманы», сойдя на берег, сразу же открыли огонь.

Ахирн находился на втором танке, первым командовал лейтенант Оуэн Гейвиган. «Шерманы» выползали на сушу по воде глубиной в полтора метра. Капитан передал четыре танка-бульдозера саперам и поделил оставшиеся 14 «Шерманов» на две группы: одну оставил под своим руководством, другую поручил лейтенанту Йоману.

Ахирн повел свой отряд влево, пытаясь найти проход через прибрежную стену, Йоман повернул направо. Капитан отыскал проем и сразу же наткнулся на «Голиаф». Немцы применили это «чудо военной техники» в Анцио. Но Ахирну не довелось воевать в Италии, и он понятия не имел о «Голиафах». К счастью, встреченный им крошечный «великан» безмолвствовал. Позже капитан узнал, что во время бомбардировок этот «Голиаф» лишился узла радиоперехвата.

Танки Ахирна проползли через пролом в стене. На южной стороне возвышалось оборонительное укрепление. Капитан выпустил по нему несколько снарядов. Из бункера с поднятыми руками вышли два десятка солдат вермахта. Ахирн соскочил с танка: «Немцы начали кричать «Achtung Meinen!» и жестами показывали, чтобы я оставался на месте. Я махнул рукой, чтобы они двигались к дороге. Там мы взяли их в плен и передали пехотинцам. Кстати, среди солдат не было ни одного немца, только грузины из Советского Союза».

Ахирн поехал вдоль берега в южном направлении. Мощная дорога свернула в глубь материка к Пуппевшио, а грунтовая колея терялась где-то в дюнах. Капитан отрядил лейтенанта Тая с пятью танками в Пуппевиль, надеясь, что городок уже в руках 101-й воздушно-десантной дивизии. Сам же с двумя танками продолжил путь на юг, высматривая немецкие укрепления.

Его «Шерман» подорвался на фугасе, отлетело переднее ходовое колесо. Ахирн сообщил об этом по радиации Таю, выбрался из танка и решил пройти пешком, чтобы оценить обстановку. Он наступил на выпрыгивающую мину. Капитана без сознания и с искалеченными ногами отбросило в заросли живой изгороди. Экипаж стал искать командира. Когда Ахирн очнулся, он

закричал, и танкисты его обнаружили. Капитан предупредил, чтобы они не подходили: везде мины. Танкисты вернулись к «Шерману», достали длинную веревку, бросили один конец Ахирну и вытащили командира с минного поля. Санитары принесли его в полевой госпиталь, где капитану ампутировали ногу. Позднее в этом районе саперы обезвредили 15 000 выпрыгивающих мин.

Лейтенант Эллиот Ричардсон командовал медицинским отрядом. Он высадился с четвертым эшелоном: «Мы шли по берегу. Вокруг рвались одиночные снаряды. Нас они не очень беспокоили. Мы знали, что немецкие орудия по большей части были выведены из строя. Я взобрался на вершину дюны и осмотрелся. Передо мной открылось поле, обтянутое колючей проволокой, а за ней раненый офицер, очевидно, наступивший на мину, взывал о помощи».

Ричардсона одолевали сомнения. По всей вероятности, за колючей проволокой таилась серьезная опасность. Тем не менее лейтенант решился: «Я направился в поле, вглядываясь в траву и осторожно переставляя ноги, подобрал офицера и вынес его в безопасное место». Санитары Ричардсона положили раненого на носилки и доставили в медпункт на берегу.

«Для меня это было настоящее боевое крещение, — говорит Ричардсон. — Я остался доволен своими действиями».

Капитан Джордж Мабри, начальник оперативного отдела штаба 2-го батальона 8-го пехотного полка, пересек дюны и оказался вместе с группой солдат из роты «Г» на минном поле. За ним виднелись немецкие окопы и ДОС. Три человека сразу подорвались на выпрыгивающих «Бетти». О том, что произошло дальше, рассказывает полковник Ван Флит: «Мабри стоял перед выбором: вернуться на берег или атаковать противника. И в том, и в другом случае ему надо было пройти через минное поле. Капитан решил бросить вызов немцам. Стреляя на бегу, он на одном дыхании преодолел 25 м минной опасности и блокировал гитлеровцев, укрывавшихся в окопах. Тех, кто сопротивлялся, Мабри убил, остальные сложили оружие. Потом он собрал небольшой отряд из солдат роты «Г», попросил дать ему два танка и нанес удар по ДОСу, охранявшему дамбу у выезда 1».

Сержант Пайк из роты «Е» присоединился к группе Мабри. Когда капитан со своим отрядом двигался по дамбе к Пуппевиллю, им повстречался лейтенант Тай из 70-го танкового батальона. Тай потерял на фугасах три машины, но продолжал идти вперед на двух уцелевших «Шерманах». Мабри поставил пехоту во главе колонны и приказал ускорить шаг, так как на дамбе отряд мог подвергнуться минометному обстрелу. Капитан сказал солдатам, чтобы они проявляли предельную осторожность из-за «Бетти» и фугасов. Группа вышла к мосту, перекинутому поверх дренажной трубы. Мабри опасался, что там заложена взрывчатка. Кроме того, разведка сообщила, что в трубе прячутся немцы.

Капитан распорядился, чтобы солдаты оцепили мост с обеих сторон дамбы. Немцы сдались без боя. Мабри заставил их разъединить заряды и отправил на берег.

Прежде чем сопроводить пленных на десантном судне на «Бейфилд», конвоиры докладывали о них Ван Флиту. Часы показывали 9.40. Ван Флит радировал генералу Бартону на «Бейфилд»: «Я на берегу вместе с подполковником Симмонсом и генералом Рузвельтом. Продвигаемся на сушу». Высаживались новые эшелоны десантников. По приказу Ван Флита и

Рузвельта они, не теряя времени, сразу же уходили на материк через проемы в приморской стене. Серьезную проблему создавала неимоверная сутолока. Слишком много скопилось войск и техники. Спорадические артобстрелы и взрывы вездесущих мин еще больше усиливали давку людей, танков, орудий, грузовиков. Тем не менее в 10.45 Ван Флит передал по рации Бартону:

— Все идет превосходно. Мы практически овладели побережьем. Прибывают резервные батальоны.

Мабри продолжал свой путь по дамбе. Он выслал вперед разведчиков.

— Знаете ли, — сказал капитан сержанту Пайку, — предполагается, что парашютисты захватили Пуппевиль, но этого могло и не случиться. Не дай Бог, если мы подстрелим хотя бы одного из них.

Сержант в знак согласия кивнул головой.

Разведчики вышли на западный край зоны затопления. «Там, где заканчивается дамба, — вспоминает сержант Пайк, — росли кусты и несколько деревьев. В них мелькнула каска. Я доложил об этом капитану Мабри. Он поинтересовался:

— Какая каска? Немецкая или американская? Я ответил:

— Не знаю, сэр. Не успел рассмотреть».

Над дамбой взлетела оранжевая ракета. «Из кустов поднялись два парня, и первое, что мы увидели, — нашивки с американским флагом. Стало ясно, что это наши парашютисты. Они прокричали:

— 4-я дивизия? Мы ответили: — Да».

Одним из парашютистов был лейтенант Юджин Брайерр из 101-й дивизии. Он поздоровался с Пайком и спросил:

— Кто здесь за главного? Подошел Мабри и сказал:

— Я.

— Что ж, — обратился к нему лейтенант. — Генерал Тейлор ждет вас в Пуппевиле.

Часы показывали 11.10. 101-я и 4-я дивизии соединились. Выезд 1 находился под контролем американцев.

Мабри встретился с Тейлором. Тот сообщил, что ему предстоит выполнить еще ряд задач, а затем выйти из Пуппевиля в направлении Сен-Мари-дю-Мон. При взятии Пуппевиля погибли около 40 немецких солдат. Это означало, что не обошлось без тяжелого сражения. У Сен-Мари-дю-Мон лейтенант Луис Никсон из 101-й дивизии попросил Мабри отдать ему два танка, которым вскоре довелось вступить в первый бой (о нем рассказывается в главе 16). Отряд Мабри

вместе с парашютистами участвовал в захвате Сен-Мари-дю-Мон.

Суда с 4-й дивизией и приданными ей частями заполнили прибрежные воды. Войскам досаждали не столько немцы, сколько морские волны. Они швыряли боты Хиггинса, перехлестывали через планшири и поливали солдат холодным душем. Десантники чувствовали себя прескверно и мечтали только об одном — поскорее на берег. «Катера крутились, как маленькие жуки, с трудом удерживаясь на плаву, — вспоминает рядовой Ралф Делла-Вольпе. — Я съел два завтрака, думая, что это поможет. И оба потерял».

То же самое происходило с другими десантниками. Марвин Перретт, 18-летний матрос береговой охраны из Нового Орлеана, шел рулевым-старшиной на боте Хиггинса, построенном в этом же городе. 30 человек из 12-го полка 4-й дивизии повернулись к нему лицом, чтобы спрятаться от морского душа. Он видел их перепуганные глаза. Прямо перед ним стоял капеллан. Перретт пытался сосредоточиться на том, чтобы не выйти из головного порядка. Капеллана стошнило, ветер подхватил его завтрак, и на рулевого брызнули остатки яиц, кофе и бекона.

Кто-то из матросов окунул в море ведро и облил Перретта водой.

— Как дела, шкипер? — спросил он.

— Замечательно, — ответил Перретт. — Давай еще раз.

Матрос повторил процедуру умывания, а пехотинцы загоготали. «Напряжение как рукой сняло», — вспоминает Перретт.

Сержант Джон Бек из 87-го минометного батальона принимал таблетки от морской болезни. Они не помогали и вылетали вместе с рвотой. Снадобье подействовало на сержанта совершенно иным и неожиданным образом: он заснул.

«Взрывы снарядов разбудили меня, когда мы приближались к берегу, — рассказывает Бек. — Мой друг, сержант Боб Майерс из Ньюкасла, штат Пенсильвания, тоже проглотил несколько таблеток, и они привели его в бессознательное состояние. Боб более или менее пришел в себя только на следующий день. Так что во время вторжения в Нормандию мой приятель был как лунатик и практически ничего не помнил об этом событии».

(Мы не знаем, кто разрешил выдавать в войска таблетки от морской болезни. Это остается одной из загадок дня «Д». Их получали и воздушные десантники. Многие потом жаловались на сонливость. Таблетки не использовались во время учений, проводившихся в условиях такого же штормового моря, как 6 июня.)

Когда плоскодонные, с квадратными носами суда барахтались в морских волнах, один позеленевший от качки «джи-ай» выразил горечь всех своих товарищей по несчастью, сказав:

— Я бы не советовал сукину сыну Хиггинсу хвастаться тем, что он сотворил эти неуклюжие уродины.

Полковник Расселл «Ред» Ридер командовал 12-м пехотным полком, высадка которого намечалась на 10.30. Поэтому он целых четыре часа лишь наблюдал за вторжением со своего ДСП на расстоянии 6 км от берега. Из-за дыма комполка мало что видел. В мемуарах он потом написал: «Стрелки на часах не двигались. Время между 6.30 и 10.30, когда мы сошли на берег, было самым долгим и томительным ожиданием в моей жизни». 12-му полку предстояло высадиться севернее 8-го. Однако рулевые, исполняя приказ Рузвельта доставить последующие эшелоны за 8-м полком, выбросили 12-й на 2 км южнее, чем предполагалось.

— Это не имеет никакого значения, — заявил Ридер, когда обнаружил ошибку. — Мы знаем, куда идти.

Он вывел своих людей через проемы в набережной стене на дюны и там встретил Рузвельта.

— Ред, — сказал ему генерал, — взгляни: на дамбах не протолкнуться. Целая процессия джипов, и все стоят.

А полковнику Рузвельт показался «утомленным, и тросточка лишь усугубляла это впечатление».

Безотлагательной задачей Ридера было войти в городок Сен-Мартен-де-Варревиль, где он надеялся соединиться с 82-й воздушно-десантной дивизией. Справа располагался выезд 4, который по плану и предназначался его полку. Однако оставалась незащищенной восточная часть выезда 2, которую обстреливала с севера немецкая батарея из четырех 155-мм орудий у Сен-Маркофа. Ридер мог сразу выдвинуться на дамбу и по ней преодолеть затопленные поля. Но в этом случае полк неминуемо себя обнаружит. Воспользоваться дамбой 2 не представлялось возможным: ее полностью забили джипы, танки, грузовики, войска. Полковник склонялся к тому, чтобы добираться до Сен-Мартен-де-Варревиля через зону затопления.

Он так и решил.

— Идем по воде! — скомандовал Ридер, увидев подполковника Чарлза «Чака» Джексона из 1-го батальона. Тот уже сделал аналогичный вывод и инструктировал своих солдат.

Сержант Клиффорд Соренсон шел рядом с Джексоном. По данным разведки, пехотинцев ожидала небольшая глубина — примерно по щиколотку. Только в ирригационных канавах они могли погрузиться в воду на 40–50 см. «Разведка сильно ошибалась, — говорит Соренсон. — В некоторых местах вода доходила до пояса, а в ирригационных траншеях мы окунались с головой. Отдельные смельчаки переплывали канавы, бросали веревки и перетягивали остальных на другую сторону».

Батальон промаршировал по воде 2 км. «Мы брели, брели и брели, — рассказывает сержант. — Время от времени раздавались снайперские выстрелы. Никого даже не задело. Мы больше боялись утонуть. Ничего не стоило поскользнуться, упасть на дно и остаться там под тяжестью своего снаряжения. Я злился. Сначала моряки пытались потопить нас у берега, а теперь — армия в этих канавах. У меня больше раздражения вызывали наши, а не немцы».

Потребовалось часа три-четыре на то, чтобы преодолеть водную преграду. Но экспедиция завершилась без потерь. Когда батальон вышел на сушу, Ридер подал Джексону сигнал свернуть вправо и двигаться к Сен-Мартен-де-Варревилю. На перекрестке дорог пехотинцы попали под артобстрел. Солдаты рассыпались по обочинам. Потом появился генерал Рузвельт: его подвезли на дамбу 2 на капоте джипа. Рузвельт заметил подполковника Джексона и спросил:

— Как дела, Чак?

Джексон рассказал о скитаниях батальона.

— Пошли вперед, — предложил Рузвельт.

— Мы и так впереди, — ответил Джексон. — Видите этих парней (метрах в пятидесяти)? Они — разведчики роты «А».

— Надо поговорить с ними, — сказал Рузвельт.

После короткой беседы разведчики и батальон двинулись дальше. К вечеру 8-й пехотный полк и приданный ему 22-й полк пересеклись с 82-й дивизией у Сен-Мартен-де-Варревиля и Сен-Жермен-де-Варревиля. На ночь десантники расположились биваком. Они не полностью достигли своих целей в день «Д», но были довольны тем, что находятся на материке и рядом с 82-й дивизией.

12-й пехотный полк тем временем выполнил задачу дня «Д». Головной отряд капитана Мабри прошел через Сен-Мари-дю-Мон и к ночи занял позиции к северу от Ле-Форж. Рота «К» выслала взвод разведки в Шеф-дю-Пон с заданием установить связь с 82-й воздушно-десантной дивизией. Таким образом, с наступлением сумерек 12-й полк вступил в контакты с обоими парашютными соединениями.

Тем, что пехотные батальоны достигли или почти достигли своих целей, они отчасти обязаны поддержке корабельной артиллерии. Передовые наблюдатели постоянно сопровождали передвижение 4-й дивизии и всякий раз, когда войска сталкивались с вражеской артиллерией или танками, они вызывали огонь с линкоров и крейсеров. Над районами действий пехоты кружили самолеты-корректировщики. И флот обрушивал на немцев всю мощь своих орудий.

Лейтенант Росс Олсен служил командиром артиллерийской боевой части на «Неваде». «Я помню, — рассказывает он, — как на наших 5-дюймовых орудиях (127 мм) от стрельбы шелушилась краска и обнажалась сталь. Нам приходилось останавливаться, чтобы очистить палубу от гильз. Обычно мы их сохраняли и заряжали снова. Но в этот день мы их выбрасывали за борт, потому что они мешали движению башенного лафета».

Однажды «Неваде», чтобы поразить цель, потребовались все ее орудия: и 14-дюймовые (355,6 мм) и 5-дюймовые. Когда гроыхнул залп, Олсен полностью оглох на правое ухо и на 50 процентов — на левое. С тех пор он носит слуховые аппараты. «Ураганный огонь, — говорит лейтенант, — сорвал моторную восьмиметровую шлюпку, вышиб дверь в кают-компанию, ободрал облицовку на переборках, разбил почти все лампочки по правому борту».

Тяжело раненных, как американцев, так и немцев, переправляли на десантных судах на военные корабли. Старшина медицинской службы Винсент дель Джудиче принимал их на «Бейфилде». Через его руки за день проходило много людей, но особенно ему запомнились двое солдат. Один был американцем мексиканского происхождения. Он получил жуткие ранения, подорвавшись сразу на двух выпрыгивающих минах. Немецкие врачи оказали ему первую помощь, наложив кровоостанавливающие жгуты на обе ноги и руки. Им пришлось покинуть его в поле, когда появился американский дозор. Изувеченного солдата подобрала санитары и отправили на «Бейфилд». Они забыли снять жгуты, и у раненого началась гангрена.

Дель Джудиче ассистировал при ампутации обеих ног и обеих рук. Кроме того, у солдата имелись раны в брюшной полости, которые старшина очистил от гноя.

«На него было страшно смотреть, — говорит Джудиче. — А раненый даже не стонал. Когда перестал действовать наркоз, солдат взглянул на обрубки, закрыл глаза и снова заснул».

Позже дель Джудиче лечил немецкого капрала, «высокого, стройного, довольно красивого светловолосого парня». Его ранило в правую руку. Все пять пальцев на ней болтались и почернели. Старшина отрезал их ножницами, посыпал рану порошком сульфидина, а немец улыбнулся и тихо произнес:

— Danke schön (Спасибо).

Лейтенант Янке стрелял по наступавшим американцам из винтовки, укрываясь в сыпучих дюнах. В танке его заметили и ударили из 75-мм пушки. На Янке навалилась груда песка, и он подумал, что «его хоронят заживо». И вдруг кто-то потянул лейтенанта наверх. Это был «джи-ай».

Янке за подвиги на Восточном фронте наградили Железным крестом. Он предпочел бы смерть плену. Лейтенант увидел рядом пистолет-пулемет и попытался его схватить. Американец отбросил оружие ногой и спокойно сказал:

— Не дергайся, немец.

«Джи-ай» отправил Янке с завязанными за головой руками в пункт временного содержания военнопленных. Там лейтенант получил еще один удар — шрапнелью из разорвавшегося немецкого снаряда.

Моряк-подрывник Орвал Уэйкфилд сидел на приморской стене, и ему был виден весь берег. Он рассказывает в интервью: «Уже к полудню пляжи, еще недавно утыканные опасными заграждениями, превратились в небольшой городок с толпами людей. Мы, представлявшие в действительности департамент кораблестроения ВМС США, поработали неплохо. Насколько хватало глаз, ничто не мешало десантным судам и пехотинцам. Мы считали, что хорошо провели день, хотя никто не знал, кто мы на самом деле».

Нами всегда интересовались. «Кто вы? — спрашивали. — Что делаете?» Шкиперы нас не переносили, потому что у нас была уйма взрывчатки. На суше армейские офицеры недоумевали: чем занимаются здесь моряки?»

На команду Уэйкфилда обратил внимание армейский начальник медицинской службы. Он сказал, что ему нужны добровольцы для переноски раненых на берег и эвакуации их в судовой госпиталь. «Доктор пристыдил нас:

— Вы так и будете сидеть сложа руки или поможете?

Нам не очень понравилось, как он разговаривает. Кроме того, мы только что закончили выполнять подрывные работы. Все же мы вызвались ему помочь и непрерывно выносили раненых с поля боя. Вокруг нас продолжали рваться немецкие снаряды».

«Берег уже заполнился не только войсками, — продолжает свой рассказ Уэйкфилд, — но и боевой и транспортной техникой». Потом перед ним возникло «незабываемое зрелище»: «Вдруг от самого горизонта над морем нависли тучи. Они росли и росли, надвигаясь в нашу сторону. Это были планеры, которые летели на материк».

Подкрепления поступали и по воздуху, и по морю. Американцы завладели побережьем «Юта». Наутро им предстояло расширить плацдарм на Котантене, взять Шербур и тем самым приблизить окончание войны, чтобы скорее вернуться домой.

Вот что рассказывает Уэйкфилд об окончании первого дня вторжения: «Войдя на рассвете по грудь в море, я почувствовал, что у меня подкашиваются ноги. Я подумал, что испугался». Потом он понял, что в сумки со взрывчаткой попала вода и на нем повис груз весом килограммов 45–50, не меньше. Уэйкфилд ножом вспорол поклажу, выпустил воду и приступил к делу. Какое же облегчение испытал подрывник, убедившись, что он «не трус и способен выполнять опасные задания».

В целом потери оказались на удивление незначительными. В 8-м и 22-м полках насчитали 12 убитых и 106 раненых. В 12-м полку число жертв составило 69 человек. Почти все поражения вызваны минами, морскими и наземными, главным образом дьявольскими выпрыгивающими «Бетти». 4-я дивизия потеряла в 20 раз больше людей в ходе учений (во время катастрофы на Слэптон-Сендс), чем 6 июня.

Не менее удивительна быстрота, с которой 4-я дивизия и приданные ей части высадились на берег. Это стало возможным благодаря организованности и подготовленности подразделений армии, ВМС, ВВС и береговой охраны. Они сумели преодолеть трудности с материально-техническим обеспечением, которые казались неразрешимыми. В день «Д» в течение 15 часов американцы выгрузили на «Юте» более 20 000 человек и 1700 единиц моторизованной техники. Генерал Йодль считал, что союзникам потребуется шесть-семь дней, чтобы выдвинуть во Францию три дивизии. Однако на участке «Юта» американцы сделали это за один день (включая и воздушно-десантные дивизии).

В день «Д» 4-я дивизия и приданные ей части достигли потрясающих успехов. Они выполнили практически все поставленные задачи, несмотря на то что сорвались ранее разработанные планы. К ночи дивизия была готова с наступлением рассвета 7 июня начать новый этап операции, овладеть Монтебуром и выдвинуться к Шербуру. Предстояли еще более тяжелые бои, чем на побережье Котантена 6 июня. Ратные подвиги дивизии в ходе военной

кампании в Северо-Западной Европе принесли ей заслуженную славу. Особенно она отличилась во время взятия Шербура, освобождения Парижа, в сражениях под Мортеном, в Гюртгенском лесу, в «битве за выступ» (отражение немецкого контрнаступления в Арденнах в декабре 1944 г. — Примеч. пер.).

Есть немало факторов, объясняющих успешные действия дивизии в день «Д». Не в последнюю очередь к ним следует отнести чрезмерное упование немцев на мины, затопления и стационарные фортификации, а не на высокопрофессиональные войска, которые должны были защитить «неприступный» «Атлантический вал». Важную роль сыграли воздушные бомбардировки и корабельные артобстрелы. Нельзя не отметить боевое мастерство и мужество генерала Рузвельта и таких военачальников, как полковники Ван Флит и Ридер, подполковник Джексон, которые брали на себя смелость принимать быстрые и верные решения. Существенный вклад в успех дня «Д» внесли младшие офицеры, такие как капитан Ахирн и капитан Мабри.

Но решающим фактором стали действия парашютистов в тылу противника. Они вовремя захватили западные выезды и дамбы. Воздушные десантники ввели немцев в заблуждение и таким образом предотвратили концентрацию вражеских сил и контратаки против войск, высаживавшихся с моря. Парашютисты выводили из строя батареи, которые могли своим огнем накрыть весь участок побережья «Юта». О том, как им это удалось сделать и почему они были рады соединению с 4-й дивизией, следует рассказать особо.

16. «Мы здесь останемся»

Воздушный десант на Котантене

На рассвете 6 июня парашютисты 82-й и 101-й воздушно-десантных дивизий блуждали по огромной территории, простиравшейся на 10 км к юго-западу от устья реки Дув до северной оконечности Карантана, на 20 км к северо-западу от Карантана до Пон-л'Абб и на 20 км к северо-востоку до побережья у Равеновиля. Немногие имели представление о своем местонахождении. Сплоченных подразделений или частей в обычном понимании не было. Парашютисты объединились в группы от полудюжины до 50 человек: нередко в одних были только офицеры, в других — только рядовые. В отрядах сошлись военнослужащие из разных рот, батальонов, полков и даже дивизий. Они не знали друг друга и командиров, которые пытались мобилизовать людей на выполнение неизвестных и малопонятных задач.

В результате парашютисты вступали в бои без определенных и взаимосвязанных целей, лишь для того, чтобы выжить. Большинство воздушных десантников в день «Д» испытывали смятение и замешательство. Однако еще большая неразбериха царила в немецких войсках. Гитлеровцы существенно переоценили масштабы возникшей угрозы, а на допросах ничего толком не могли добиться от военнопленных.

Все же благодаря собранности и решительности отдельных генералов, младших офицеров, сержантов и солдат 82-я и 101-я дивизии преодолели трудности и овладели стратегическими рубежами — городком Сент-Мер-Эглиз и выездами с побережья «Юта». И сделали они это, несмотря на то что сорвались разработанные лучшими штабными умами планы и вопреки рекомендациям военных пособий.

Группы парашютистов были практически неуправляемы: невозможно командовать разношерстными отрядами, не сформированными в полноценные воинские части. Между ними не существовало никакого взаимодействия, они понятия не имели о том, где находятся другие десантники. Проблема усугублялась вездесущими посадками живых изгородей.

Положение могла бы улучшить радиосвязь. Но аппаратура была либо разбита, либо утеряна во время приземления, а та, что сохранилась в целостности, работала неудовлетворительно. Рация СКР-300 (SCR — Signal Corps Radio) американской службы радиосвязи весила 15 кг и действовала в радиусе 8 км лишь в идеальных условиях. Более удобная СКР-536 весила всего около 3 кг (ее прозвали «уоки-токи», потому что она позволяла одновременно идти и разговаривать), однако принимала и посылала сигналы только на расстоянии до 1,5 км. И ту, и другую легко глушили немцы.

Сержант Леонард Лебенсон входил в штабную группу генерала Риджуэя. Он прибыл на планере и сумел найти командный пункт возле небольшой фермы у Сент-Мер-Эглиза. Вот что увидел сержант: «В «штабе» крутились помощник Риджуэя и несколько офицеров и солдат. КП пытался взять на себя функции направляющего центра, но фактически ни на что не влиял. Мы просто там торчали и ждали дальнейшего развития событий. Риджуэй, смелый, с сильным характером человек, бегал взад-вперед, раздавая команды. Мы старались собрать хоть какую-то информацию о том, что происходит. А к нам не поступали ни шифровки, ни открытые сведения.

У нас не было ни телефона, ни радиосвязи, ни карт. То есть как КП мы не действовали».

Парашютист из 506-го полка Джон Делюри вспоминает, что его охватила «эйфория», когда начало светать: «Жуткая ночь осталась позади, а я все еще жив. Радовался я недолго. Утром стало ясно, что мы лишились нашего главного союзника — ночной темноты. Мы не могли по-настоящему окопаться и укрыться. Фрицы располагали средствами связи, транспорта, танками, артиллерией. Обнаружив наши позиции, они сразу бы нас окружили и в буквальном смысле раздавили. Поэтому наше спасение было в маневре. Мы наносили удар и исчезали, атакуя немцев уже в другом месте. И все время искали своих».

Сержант Д. Зейн Шлеммер из 508-го полка в каждом поле видел «поле битвы». Он, как и другие парашютисты, чувствовал себя в полной изоляции. Однако сержант нашел «друзей» — бело-коричневых нормандских коров. Шлеммер объясняет: «Когда на лугу паслись эти симпатичные животные, мы почти не сомневались в том, что в траве нет мин. Наблюдая за их поведением, можно было определить, есть ли кто-нибудь поблизости. Если рядом ходят люди, то коровы обычно стоят в ожидании, что их подоят. Долгие годы после войны мне снились эти прекрасные нормандские животные с большими чудесными глазами».

Коровы, конечно, помогали Шлеммеру и его маленькому отряду обнаружить противника. Но сражаться с немцами приходилось сержанту и его команде. А с оружием дела обстояли не самым лучшим образом: «Когда уже совсем рассвело, к нам присоединились еще несколько десантников. Мы проверили наше снаряжение: ни одного миномета, немного базук, автоматов, винтовок, рация, медикаменты».

Нехватку тяжелых вооружений восполняли самоотверженность и выдержка парашютистов. Два сержанта из 506-го полка — Сидни Макколам и Уильям Адли — пробирались через заросли живой изгороди. Их заметили немцы и открыли пулеметный огонь. Десантники залегли, но Адли получил ранение в голову. «Пули не давали нам подняться, — рассказывает Макколам. — Я спросил Адли, как он себя чувствует. И Билл ответил:

— Я умираю, Микки. Но ведь мы же победим в этой проклятой войне, верно? Я знаю, что победим».

«Когда пулемет замолк, Адли был мертв. Я преклоняюсь перед его силой воли», — говорит Макколам.

502-му парашютно-пехотному полку поставили задачу овладеть северными выездами с «Юты», ведущими в глубь материка, — 4-м у Сен-Мартен-де-Варревиля и 3-м возле Одувиль-ла-Юбер. Первым в районе предстоящих боевых действий оказался подполковник Роберт Коул, командир 3-го батальона. Он приземлился неподалеку от Сент-Мер-Эглиза и за ночь собрал вокруг себя 75 человек. В их числе были парашютисты и из его батальона, и из 506-го полка, и из 82-й воздушно-десантной дивизии. Отряд двинулся в направлении Сен-Мартен-де-Варревиля. По пути он наткнулся на немецкий дозор. Завязался бой. Американцы уложили несколько фрицев на месте, 10 взяли в плен.

Перед Сен-Мартеном Коул послал разведчиков проверить, действует ли там отмеченная на карте батарея. Они выяснили, что все орудия разбиты бомбардировками, а расчеты сбежали.

Подполковник разделил отряд на две группы, поручив одной из них захватить выезд 3, а другой — выезд 4.

В 9.30 возле Одувиль-ла-Юбер парашютисты встретили немецких солдат, отступавших с побережья. Не понеся потерь, они уничтожили до 75 гитлеровцев. К полудню оба выезда находились в руках десантников.

Капитан Л. «Легз» Джонсон шел во главе американского дозора по дамбе, ведущей к взморью. На одной из батарей, попавшихся по дороге, он заметил немецких солдат, размахивавших белым флагом: «Они, очевидно, выбрались из подземного оружейного каземата, являвшегося частью береговой линии обороны. Немцы были довольно пожилыми и не ахти какими бойцами. Мы взяли их в плен, разрешив выходить из подземелья небольшими группами. Потом мы обнесли их забором из немецкой же колючей проволоки. Фрицы крайне удивились, узнав, что по численности они значительно превосходили нас. Их было не меньше 50 человек».

Джонсон снял каску и положил ее под голову, улегшись на траву. Он решил «больше ни на что не обращать внимания и ждать 4-ю дивизию». Около 11.00 начали появляться пехотинцы, и «мы с черными от краски лицами изумленно смотрели, как эти парни выпрыгивали из десантных судов и мчались на нас». «Господи, — говорит капитан, — какая в них была устремленность и решительность! Мы тут же стали им кричать, что мы — американцы, и показывать на нашивки с американским флагом».

Примерно в километре от Сен-Мартен-де-Варревиля располагались казармы германской береговой артиллерии, известные американцам под немецким обозначением WXYZ. Подполковник Патрик Кассиди, командир 1-го батальона 502-го полка, испытывавший нехватку личного состава и озабоченный массой других неотложных дел, дал сержанту Харрисону Саммерсу из Западной Виргинии всего 15 человек для захвата барачных корпусов. Небольшое «войско» для нападения на полностью укомплектованную немецкую роту, но это все, что мог выделить Кассиди.

Саммерс сразу же отправился выполнять задание, не успев даже узнать имена людей, которые не проявляли особого желания следовать указаниям незнакомого сержанта. Саммерс взял за плечо первого попавшегося бойца (сержанта Леланда Бейкера) и сказал:

— Поднимись на этот холм и следи, чтобы ни одна живая душа не проскочила на мой фланг.

Бейкер подчинился.

Саммерс начал операцию в одиночку, надеясь, что «сборная команда» пойдет за ним. «Команда» осталась на месте. Сержант ногой вышиб дверь первого барака (им оказался фермерский дом) и дал волю своему «Томми» — пистолету-пулемету. Четверо немцев упали замертво, остальные через другой выход сбежали в соседний дом. Саммерс, по-прежнему один, атаковал и этот барак. Немцы снова удрали. Пример сержанта вдохновил рядового Уильяма Берта. Он выполз из придорожного кювета, где пряталась вся группа, и поддержал Саммерса, открыв фронтальный подавляющий огонь из легкого пулемета по третьей казарме.

И снова сержант рванулся вперед. На этот раз фрицы подготовились. Они начали палить по нему из всех амбразур, Саммерс кидался из стороны в сторону, Берт прикрывал его, и немцы так и не смогли попасть в него. Саммерс резким толчком распахнул дверь и не глядя полоснул несколько очередей вовнутрь. Шестеро немцев упали, остальные снова сбежали.

Саммерс без сил, в шоковом состоянии свалился на землю. Полчаса он не подавал никаких признаков жизни. Наконец к сержанту подошла его команда и перезарядила пистолет-пулемет. Когда Саммерс встал на ноги, к нему обратился незнакомый капитан из 101-й дивизии и предложил:

— Я пойду с вами.

Но он не успел сделать и шага, как его сразила шальная пуля (капитан оказался рядом совершенно случайно, он должен был высадиться за многие километры от этих барakov). Сержант опять остался один. Саммерс короткими перебежками добрался до очередного дома, убил еще шестерых немцев, остальные подняли руки вверх. В это время его отделение снова приблизилось: сержант передал ему своих пленных.

Один из солдат, Джон Камьен из Нью-Йорка, спросил Саммерса:

— Почему вы это делаете?

— Я не в состоянии вам ответить, — сказал сержант.

— А как же другие?

— Похоже, они не хотят идти в бой, а я не могу их заставить. Немцев же надо отсюда выкурить.

— Хорошо, — сказал Камьен, — я с вами.

Попеременно прикрывая друг друга, Саммерс и Камьен вновь осмотрели казармы. К ним присоединился Берт с пулеметом. Вместе они уложили еще немало гитлеровцев.

Оставались непроверенными два дома. Саммерс открыл дверь и увидел невероятную картину: 15 немецких артиллеристов сидели за столом и ели. Сержант не медля расстрелял их прямо за завтраком.

Последняя казарма была самой большой. Рядом с ней стояли сарай и стог сена. Берт выпустил по ним очередь трассирующих пуль. В сарае хранились боеприпасы: он мгновенно взорвался. Немцы повыскакивали на улицу, где их встретили огнем Саммерс, Камьен и Берт. Несколько человек упали как подкошенные, другие успели скрыться.

Еще один солдат из «вольной команды» Саммерса вступил в бой. Он из базуки поджег крышу казармы. Немцы отчаянно отстреливались. Но ядовитый дым заставил их выбежать наружу. Многие погибли от удушья. Более 30 артиллеристов вышли из барака с поднятыми руками.

Саммерс в изнеможении опустился на пригорок. Бой длился почти пять часов. Сержант закурил. Кто-то из солдат спросил:

— Как дела, сержант?

— Неважно, — ответил Саммерс. — Сумасшедший день.

Саммерса повысили в звании. Он получил крест «За боевые заслуги». Его представили к ордену Почета, высшей награде США, но документы где-то затерялись. В конце 80-х годов, когда Саммерс скончался от рака, Бейкер и другие товарищи по оружию пытались добиться, чтобы его наградили орденом Почета посмертно, но безуспешно. Саммерс — легендарная личность среди американских парашютистов, «Джон Уэйн Второй мировой войны». В его подвиги трудно было бы поверить, если бы не рассказы очевидцев.

В 6.00 генерал Тейлор принимал свое первое решение в день «Д». Его группа состояла из бригадного генерала Антони Маколиффа (командующего артиллерией в 101-й дивизии), полковника Джулиана Эуэлла (командира 3-го батальона 501-го полка), 18 других офицеров и 40 солдат. На восходе солнца Тейлор заметил вдалеке церковный шпиль в Сен-Мари-дю-Мон.

— Мне знаком его силуэт, — сказал генерал (результат брифинга в Англии).

Он обдумывал два варианта: пойти на юг к реке Дув или на восток к выездам 1 и 2. И в том, и в другом случае генерал выполнял бы задачи, поставленные перед 101-й дивизией. Тейлор решил повести свой отряд на восток.

— Для нас главное — помочь 4-й дивизии, — сказал он.

Тейлор направился от Сен-Мари-дю-Мон в сторону Пуппевилля («джи-айз» называли городок Пупвилем) и выезда 1.

Лейтенант Юджин Брайерр шел в авангарде, с обоих флангов отряд охраняли караулы. На подходе к Пуппевиллю началась стрельба. В деревне засели более 60 немецких солдат из 91-й дивизии. Они вели огонь из окон вторых этажей домов. Почти три часа группа Тейлора, перебегая от здания к зданию, выбивала гитлеровцев из городка. Батальон Эуэлла потерял 18 человек, немцы — 25. Около 40 солдат вермахта сдались.

В одном из домов Брайерр обнаружил раненого немца, лежавшего на полу: «Я чуть не пристрелил его, заметив рядом с ним автомат, но вовремя остановился, когда понял, что солдат тяжело ранен. Он жестом попросил меня что-то ему подать. Я посмотрел, куда он показывал, и увидел четки. Я разрядил автомат, отбросил его в сторону, взял четки и передал их немцу. Тот с благодарностью взглянул на меня и начал молиться, перебирая пальцами бусины. Вскоре он умер».

Взяв Пуппевиль, Тейлор овладел и выездом 1. Он выделил лейтенанту Брайерру восемь человек и отправил его на дамбу, чтобы установить контакт с 4-й дивизией, которая должна была прийти с побережья «Юта». В это время несколько немецких солдат, сбежавших из

Пуппевия, встретились на выезде с такими же бедолагами, отступавшими с взморья. Поняв, что попали в окружение, они спрятались под мостом. А по дамбе со стороны побережья двигалась группа капитана Мабри.

Брайерр выстрелил оранжевую ракету — сигнал «мы свои»: «Появились пехотинцы. Когда они приблизились к мосту, немцы покинули свое убежище и сдались в плен. На дороге я встретил капитана Мабри. Посмотрел на часы. Они показывали 11.10. Соединение американских частей под Пуппевием состоялось».

Брайерр привел Мабри к Тейлору. Капитан рассказал генералу о том, как прошла высадка десанта на «Юте». Тейлор повернулся к своему начальнику штаба, полковнику Джералду Хиггинсу, и заметил: «Начало вторжения можно считать успешным. Нам не надо больше беспокоиться о дамбах. Нужно думать о наших дальнейших действиях».

Когда германский 6-й парашютный полк выдвинулся для контратаки, он практически сразу попал под мощный артобстрел корабельных орудий. «Невозможно вообразить себе ничего более кошмарного, — вспоминает рядовой Эгон Роре. — Словно налетел торнадо. Это был настоящий ад. И он продолжался и продолжался. Невыносимо. Мы изо всех сил прижимались к земле». Вместе с Эгоном переживал этот кошмар рядовой Вольфганг Герицлеер. Он два года стремился на фронт и боялся, что война закончится без него. Теперь Вольфганг уже желал только одного — вернуться домой: «Мы страшно перепугались. Кто-то плакал, кто-то звал маму».

Полковник Хейдт хотел увидеть все собственными глазами. Он сел на мотоцикл, поехал из Карантана в Сен-Мари-дю-Мон и взобрался на церковный шпиль, который чуть раньше разглядывал генерал Тейлор. С высоты 50 м перед ним открывался отличный обзор побережья «Юта». То, что полковник увидел, его шокировало. «Вдоль всего взморья, — вспоминает он, — растянулись сотни карликовых судов, а из них выскакивали по 30–40 десантников с оружием в руках. За ними громоздились крупные военные корабли, извергавшие немыслимый огонь из всех своих орудий, столько кораблей, что трудно было поверить в существование такого флота. По американским войскам из берегового бункера стреляла единственная германская батарея. Казалось, что, кроме нее, нет других оборонительных фортификаций, по крайней мере они себя никак не проявляли».

Вокруг церкви, в деревне и на окружающих ее лугах, испещренных живыми изгородями, царил тишина. У Брекур-Манор, в паре километров к северу от Сен-Мари-дю-Мон, стояла батарея из четырех 105-мм орудий. Но пушки молчали, хотя они вполне могли поразить десантную флотилию на «Юте» и даже корабли в Ла-Манше. Аналогичная батарея у Одци к югу от Сен-Мари-дю-Мон также бездействовала.

Никто так и не выяснил почему. Необъяснимо и поведение немцев в казармах WXYZ. Артиллеристы преспокойно завтракали, когда на них напал сержант Саммерс. Конечно, орудийные расчеты по своей выучке и физической подготовке не шли ни в какое сравнение с парашютистами Хейдта. Многие из них были либо пожилыми людьми, либо совсем юнцами, абсолютно не желавшими вступать в единоборство с американскими десантниками. И все же главная проблема заключалась в командирах. Младшие офицеры и сержанты не смогли поднять солдат и повести их в бой. Немцы надеялись, что их защитят окопы, бункеры, каменные стены казарм, а не оружие.

Хейдт спустился по крутым ступеням винтовой лестницы и поспешил к рации. Он приказал 1-му батальону немедленно выйти в Сен-Мари-дю-Мон и Олди, взять под контроль эти деревни и задействовать расположенные там батареи.

Вермахт тяжело поплатился за разбросанность своих сил. Лучшие части были либо уничтожены, либо попали в плен, либо сражались на Восточном фронте. Гарнизонные подразделения на Котантене создавали только проблемы.

Хейдт поставил перед собой цель освободить дорогу от Карантана на Сент-Мер-Эглиз, выдворить небольшой контингент 82-й воздушно-десантной дивизии из Сент-Мер-Эглиза и контрнаступлением заставить американцев перейти в оборону. Так Хейдт планировал, но печальное положение, сложившееся на батареях в Брекур-Манор и Одди, вынудило его раздвоить свои силы и дать одному из батальонов задание чисто оборонительного характера.

Хейдт — единственный полковой командир, который реально действовал в то утро. Остальные пребывали в Ренне на учениях. Это явилось одной из причин неспособности вермахта начать хоть какие-то скоординированные контратаки, несмотря на то что немцы готовились к нападению все последние шесть месяцев, а Роммель упорно настаивал на необходимости незамедлительного контрнаступления, пока войска союзников не покинули побережье.

Бессмысленное проведение штабных учений в Ренне — лишь маленькая иллюстрация общего состояния вермахта. Паралич высшего командования пронизал всю армейскую жизнь до самых низов. Радиосообщения Би-би-си французскому Сопротивлению практически игнорировались (этому по крайней мере есть объяснение: перед вторжением было так много ложных тревог, что подразделения германской береговой обороны устали от них; кроме того, послания не содержали даже намека на то, где может произойти нападение). Манекены парашютистов, сброшенные агентами Авиационной службы специального назначения (АССН), убедили некоторых немецких командующих в том, что вся операция затеяна для отвода глаз. Однако немалую роль в неспособности вермахта предугадать вторжение сыграла «сладкая» жизнь немцев в оккупированной Франции.

Еще в 6.15 генерал Макс Пемзель, начальник штаба 7-й армии Долльманна, доложил генералу Шпейделю в Ла-Рош-Гийон о массированных воздушных бомбардировках и корабельном артобстреле. Через полчаса Пемзель сообщил в штаб-квартиру Рундштедта о высадке морского десанта. В то же время он заверил командование, что 7-я армия справится с ситуацией собственными силами. После таких обещаний генерал Зальмут, командующий 15-й армией, вернулся в свою еще теплую постель. Ушли досыпать Шпейдель и почти весь штаб Роммеля в Ла-Рош-Гийон. Генерал Блуменритт из штаба Рундштедта сказал генералу Йодлю в ставке Гитлера в Берхтесгадене, что, похоже, началось крупнейшее вторжение, и попросил выделить бронетанковый резерв, 1-й танковый корпус СС, расквартированный под Парижем. Йодль не стал будить Гитлера и отказался удовлетворить просьбу Блуменритта. Генерал Бейерлин, командующий танковой дивизией «Лер», был готов к 6.00 выдвинуться к побережью, но до вечера так и не смог этого сделать, не получив соответствующую санкцию.

Берлинское радио сообщило о высадке в Нормандии в 7.00. Верховный штаб Союзнических

экспедиционных сил выпустил первое коммюнике о вторжении в 9.30. До Роммеля новости о нападении дошли только в 10.30, когда он находился у себя дома в Геррлингене. Фельдмаршал сразу же отправился в долгий путь и прибыл в Ла-Рош-Гийон лишь поздно вечером.

Свою лепту во весь этот кавардак внесла операция «Фортитюд». Макс Гастингс совершенно правильно отмечает: «Все ключевые немецкие командующие восприняли новости о высадке в Нормандии как информацию о вероятном, а не реальном вторжении». От Ла-Рош-Гийон было далеко до Кальвадоса и Котантена, еще дальше до Парижа и Па-де-Кале и тем более — до индустриального сердца Германии — Рура. Несмотря на послевоенные утверждения некоторых авторов об обратном, смею заявить, что немцы просто не могли поверить в то, что союзники предпримут масштабную высадку западнее Сены. Они ждали наступления на Па-де-Кале. Вермахт продолжал пребывать в заблуждении еще три месяца, даже тогда, когда союзнические войска уже освободили Париж и вошли в Бельгию.

И эта армия, еще недавно кичившаяся своим профессионализмом и совершенством — от верховного командующего в Берхтесгадене до полевых офицеров во Франции и Нормандии, уступала союзническим силам во всем, кроме, может быть, вооружений, особенно 88-мм орудий и пулеметов.

Практически повсюду в день «Д» проявлялась небоеспособность германских войск, В 8.30, примерно в то же время, когда сержант Саммерс атаковал артиллерийские казармы WXYZ, лейтенант Ричард Уинтерс с 10 солдатами из роты «Е» 506-го полка начал штурм батареи 105-мм орудий у Брекур-Манор. Ее охраняли 50 немцев. Они занимали выгодные огневые позиции, укрывались за живыми изгородями в соединенных между собой траншеях. У них имелись тяжелые пулеметы и минометы. Группа Уинтерса размером с отделение была вооружена одним легким пулеметом, двумя автоматами, двумя пистолетами-пулеметами «Томми» и пятью винтовками. И хотя отряд Уинтерса уступал немцам в численности и атаковал хорошо окопавшегося противника, он выиграл сражение. Американцам помогли тактические приемы, которые они освоили на учениях, расчет, мужество и немного здравого смысла.

Уинтерс и его отряд потеряли четырех человек убитыми и двух ранеными, но уложили насмерть 15 фрицев, еще больше ранили, десятерых взяли в плен и уничтожили четыре 105-мм пушки. Американцы провели операцию молниеносно, продемонстрировав отвагу и дерзость фланговых атак. Это был их первый бой. Сержант Карвуд Липтон вспоминает: «В нас горел какой-то неистовый огонь. Я твердо верил, что меня не убьют: пуля либо отскочит, либо обойдет меня».

После ликвидации батареи оставшиеся в живых немцы продолжали палить из зарослей живой изгороди, окружавшей поместье. Около 12.00 с побережья прибыли два танка «Шерман». Уинтерс взобрался на башню одного из них и сказал командиру экипажа: «Постреляйте вон по тем, тем и тем кустам и по самому дому. В общем, сравняйте с землей все, что над ней возвышается».

Танки с ревом тронулись с места. Для экипажей это тоже была первая возможность применить свои вооружения против врага. На машинах имелся полный комплект боеприпасов для пулеметов калибра 12,7 мм и 7,62 мм и 75-мм пушек.

«Они в клочья разнесли живые изгороди, — рассказывает лейтенант Гарри Уэлш из роты Уинтерса. — Казалось, что танкисты никогда не остановятся».

У Олди 1-й батальон 506-го полка в аналогичном бою также уничтожил немецкую батарею. Потом полк очистил от парашютистов Хейдта Сен-Мари-дю-Мон. После этого открылся путь для продвижения 4-й пехотной дивизии дальше в глубь материка. 101-я воздушно-десантная дивизия выполнила свою главную задачу, хотя нигде в день «Д» в боях не участвовало более взвода из одной и той же роты. Успех стал возможным благодаря инициативе и решимости Тейлора, Кассиди, Уинтерса, Саммерса и многих других офицеров, сержантов и рядовых.

* * *

Не столь успешно 101-я дивизия справилась со своей второй задачей — установить контроль над южным флангом, захватив мосты через реку Дув и дорогу на Карантан. Это объясняется разбросом парашютистов. Американцы не смогли сосредоточить достаточные силы для атак. Полковник Джонсон сумел взять шлюз у Ла-Баркетт и создать небольшой плацдарм на южном берегу, но расширить его помешали парашютисты Хейдта, которые прижали десантников к земле шквальным огнем возле Сен-Ком-дю-Мон. Джонсон не мог связаться ни с одним другим подразделением 101-й дивизии.

Капитан Сэм Гиббонс из 501-го полка, также действуя самостоятельно, вел дозорную группу к Сен-Ком-дю-Мон. Он полагал, что деревня уже занята американцами, но продвигался осторожно, поскольку живые изгороди ограничивали видимость. Капитан извлек из сумки две банки пива и угостил им своих спутников. Потом Гиббонс поставил пустые банки посередине дороги «в память о первых глотках «Шлица» во Франции».

Дозор подошел к подножию холма, на вершине которого расположилась деревня Сен-Ком-дю-Мон. Гиббонс услышал, как щелкнул затвор за живой изгородью. Он посмотрел в ту сторону и увидел направленное на него дуло винтовки: «Я побежал к кювету, но тут началась стрельба. Мы попали в засаду. Немец перевел винтовку в автоматический режим и поливал пулями все поле. Раздались очереди из соседних кустов, застучали пулеметы в Сен-Ком-дю-Мон».

Пули пролетали мимо. Чтобы прицелиться, фрицу нужно было подняться над зарослями, но так он бы себя обнаружил. Гиббонс метнул гранату, стрельба по ту сторону изгороди прекратилась. Но капитан не мог оторваться от земли. Стоило ему шевельнуться, как деревня буквально взрывалась пулеметными очередями.

Патруль открыл ответный огонь. Капитан кинулся к бетонной телефонной будке, а от нее перекатился в кювет. Он пополз по-пластунски, говоря себе: «После такой порции адреналина я мог проползти хоть целую милю».

Ему не пришлось долго ползти. Метров через 50 Гиббонс нашел надежное укрытие и дал команду своему отряду «поубавить пыл и беречь патроны»: «Было ясно, что немцы намного превосходили нас в численности. Они хорошо подготовились к обороне Сен-Ком-дю-Мон. Я понимал бессмысленность атаки, зная, что у нас всего лишь несколько пистолетов и полуавтоматических винтовок».

Гиббонс подозвал двух лейтенантов. Они посоветовались и решили идти на север к Сент-Мер-Эглизу в надежде встретить своих. На дороге уже не было банок «Шлица», их, очевидно, подобрали парашютисты Хейдта. В деревушке Блосвиль, хотя вокруг и слышалась стрельба, стояла тишина: «Двери заперты, окна закрыты, ни души. Только одни коровы на лугу. Жуют и жуют себе траву. Какая-нибудь особенно любопытная поднимет голову, посмотрит на нас и опять за дело. Так мы никого и не встретили до самого Сент-Мер-Эглиза».

Парашютисты Хейдта не позволили отряду Гиббонса войти в Сен-Ком-дю-Мон. Удерживая деревню, они блокировали дорогу на Карантан. Кроме того, немцы контролировали железнодорожные и шоссейные мосты через Дув севернее Карантана, что давало им возможность перебрасывать подкрепления на Восточный Котантен. 2-й батальон Хейдта захватил перекресток дороги из Шеф-дю-Пон в Сен-Мари-дю-Мон и шоссе от Карантана в Сент-Мер-Эглиз.

Иначе, как заметил в 1991 г. Хейдт, «я считал бы, что день прожит зря». Американцы вытеснили 1-й батальон из Сен-Мари-дю-Мон и отбросили его на юг, где немало немецких парашютистов утонуло в затопленной пойме устья реки Дув. Лучший на Котантене полк вынужден был обороняться, защищать дорожные перекрестки, а не проводить скоординированные наступательные операции.

Одна из рот Хейдта добралась до батареи 88-мм орудий в Бомон и заставила артиллеристов зарядить пушки. Они открыли стрельбу по позициям полковника Джонсона у Ла-Баркетт. Полковнику повезло, что рядом оказался лейтенант Фаррелл, морской офицер-наводчик берегового огня, прыгнувший вместе с 501-м полком. Он где-то раздобыл рацию СКР-609. Фаррелл и лейтенант Паркер Олфорд, передовой наблюдатель артиллерии 101-й дивизии, попытались выйти на связь с американским крейсером «Куинси». Но немцы глушили их частоту. Олфорд случайно поймал волну берегового десанта на «Юте» и попросил радиста передать на «Куинси», чтобы с крейсера ударили по батарее в Бомоне.

С «Куинси» потребовали подтвердить подлинность Олфорда. Лейтенант ответил, что хорошо знает морского офицера, который играл в футбольной команде Небраски за кубок «Роуз» в 1940 г. Назовите его, поступил запрос с крейсера. Никаких проблем. Это К. С. Роберте. Он сейчас в береговом отряде, через который мы и поддерживаем с вами связь.

— Роджер, Роджер, обозначьте цель, — передали с крейсера. Олфорд сообщил координаты. «Куинси» разразился мощнейшим залпом. Батарея в Бомоне замолкла.

Отряд парашютистов капитана Шеттла провел весь день у мостов в нижнем русле реки Дув. Немцы их не трогали. Только к вечеру со стороны побережья появилась группа солдат численностью около взвода. Шеттл решил устроить им засаду. Когда десантники начали стрелять, «немцы» выкинули белый флаг. Ими оказались рабочие-венгры, бежавшие подальше от боев.

Уже совсем поздно вечером на отряд Шеттла напал немецкий дозор. Американцы закидали его гранатами. Капитан забыл, что во время учебного прыжка в мае вывихнул правое плечо: «Когда я размахнулся и бросил гранату, она взорвалась в двух-трех шагах от меня. Бруствер защитил меня от осколков. Жаль только сторовшую шинель «Бонд-стрит», которую я очень

берег. Она была теплее и уютнее, чем «резина», в которую нас одели. Так для меня закончился день «Д». Почти без сна, в тревоге, что тебя в любой момент может сразить пуля, что у тебя мало патронов, а на завтрак, обед и ужин — одни шоколадные плитки».

Шоколадом питались 6 июня большинство американских парашютистов. На него можно было раздобыть и настоящую еду. Рядовой Герберт Джеймс из 508-го полка предложил нормандскому фермеру обменять плитку на куриные яйца. Француз вначале его не понял и даже перепугался.

«Я стал изображать курицу, размахивать руками и кудахтать. Фермер побежал ловить цыпленка».

Джеймс покачал головой и сложил пальцы в виде буквы «О». Француз наконец догадался и принес яйца. Довольный обменом, он позвал маленькую дочку, дал ей плитку и долго повторял:

— Шоколад, шоколад, шоколад.

Девочка впервые попробовала шоколад и была от него в восторге. Джеймс вернулся в лес, пожарил яйца на траншейной лопате и тоже с огромным удовольствием их съел.

Лейтенанту Карлу Картледжу из 501-го полка еще больше повезло. Он и несколько десантников из его взвода выбили из фермерской усадьбы немцев, застрелив при этом шесть или семь человек. Войдя в дом, парашютисты увидели накрытый обеденный стол с остатками незаконченного пиршества: нормандским сыром, ветчиной, яблоками, сидром. Перекусив, Картледж принялся обыскивать тела, извлекая из карманов расчетные книжки и документы, удостоверяющие личность и воинскую часть. У одного немца ему пришлось расстегнуть ремень. На пряжке он увидел изображение орла и надпись: «Gott Mit Uns» («С нами Бог»).

— Черта с два, — сказал лейтенант.

Картледж находился в районе Вьервиля, к северо-востоку от Сен-Ком-дю-Мон. В лесу он наткнулся на тело ротного врача Андерсона, которого немцы схватили, когда тот опускался на парашюте. Его повесили за ноги на дереве. «Руки безжизненно болтались. Горло перерезано. В рот воткнули половые органы. На нарукавной повязке с красным крестом засохла кровь».

Расправа над врачом взбесила американцев. Но не только немцы зверствовали в этот день. Рядовой Уильям Сойер из 508-го полка помнит такой случай. Он заметил, что у одного из десантников красные перчатки, хотя «всем нам выдали перчатки коричневого цвета из конской кожи». «Я спросил:

— Откуда у тебя такие перчатки?

Он вытянул из длинного кармана штанов целую связку человеческих ушей. Оказывается, этот парень всю ночь отрезал их и насаживал на старый изношенный шнурок».

Когда совсем рассвело, лейтенант Джек Айсекс из 505-го полка нашел трех раненых американцев с разбитого планера. Двоих он затащил в фермерский дом. За третьим пойти не

успел: «На поле появился немецкий солдат, подошел к раненому, осмотрел его и пристрелил. Этот фриц назад, в живые изгороди, не вернулся».

Оказать помощь раненым было непросто. У всех десантников имелись при себе походные аптечки, но они состояли лишь из бинтов, сульфамидных препаратов и двух шприцов с морфином. С парашютистами в Нормандию послали лишь горстку медиков, которые испытывали нехватку препаратов и инструментов. Майор Дэвид Томас, хирург 508-го полка, обустроил лазарет прямо на берегу Мердере: «Я до сих пор не могу забыть солдата, у которого оторвало ногу до колена, а из обрубка торчали лишь сухожилия. Я сказал ему:

— Сынок, мне придется отрезать ногу, а ты терпи, у меня ничего нет для анестезии.

И он, стиснув зубы, ответил:

— Давай, доктор, режь.

Я отхватил полноги, а солдат даже не поморщился».

Кавардак, сопутствовавший 6 июня всей воздушно-десантной операции, особенно сказался на действиях 82-й дивизии, которая парашютировалась практически в пойму Мердере. Из-за разлива река больше напоминала мелководное озеро (около километра шириной и до 10 км в длину). Над водой возвышались лишь насыпная дамба и мост у Ла-Фьер в километре к западу от Сент-Мер-Эглиза, еще одна дамба и мост у Шеф-дю-Пон в 2 км к югу от Ла-Фьер. 82-я дивизия рассчитывала занять Ла-Фьер и Шеф-дю-Пон ночью, а днем выдвинуться на запад и овладеть верхней долиной реки Дув, но завязла в боях. Многие ее части рассеялись западнее Мердере, некоторые из них попали в окружение и четыре дня выдерживали артобстрел и танковые атаки.

К рассвету генерал Джеймс Гэвин, помощник командующего 82-й дивизией, собрал почти 300 человек, в основном из 507-го полка, — пожалуй, самый большой отряд парашютистов в то утро. Гэвин двинулся на юг вдоль железнодорожного полотна, возвышавшегося над затопленными полями, к Ла-Фьер. Он был уверен, что на востоке дамба контролируется американцами, оставил там часть людей и продолжил путь на юг к Шеф-дю-Пон.

В это же время отряд из 80 человек во главе с подполковником Чарлзом Тиммсом занял деревушку Кокиньи в западном конце дамбы Ла-Фьер. Когда дозорная команда из четырех офицеров и восьми солдат под началом лейтенанта Льюиса Леви из 507-го полка без проблем вошла в Кокиньи, Тиммс решил, что они вполне удержат этот плацдарм. Сам же подполковник с основной группой направился к изначальной цели — Амфревилю.

Сержант Доналд Босуорт служил в штабной роте 1-го батальона 507-го полка. Он прихрамывал — сломал лодыжку, когда прыгал с парашютом. Вместе с пятью другими десантниками сержант осматривал фермерскую усадьбу. Они постучали в дверь. Жена фермера, школьная учительница, немного говорила по-английски. Босуорт показал ей эмблему американского флага на правом предплечье. Хозяйка, не скрывая своей радости, пригласила всех войти в дом и каждого по очереди обняла. Ее муж предложил Босуорту свой старенький грузовичок и поставил в кабину 20-литровую канистру с бензином, которую хранил во дворе. Босуорт и сержант А. Дж. Карлуччи выписали квитанцию за грузовик, чтобы потом

французская семья могла потребовать с Дяди Сэма деньги, и поехали в Амфревилль. По пути они встретили группу подполковника Тиммса. Врач, оказавшийся в отряде парашютистов, наложил лубок на лодыжку Босуорта.

На подходе к Амфревиллю разгорелся бой. Тиммс поручил сержанту выяснить, много ли немцев скрываются за живыми изгородями. «Я пополз через заросли, — рассказывает Босуорт, — и вдруг наткнулся на двух Гансов. Они буквально метрах в трех от меня устанавливали пулемет. Казалось, что прошла целая вечность, пока мы тупо смотрели друг на друга». Босуорт первым выстрелил из полуавтоматической винтовки. Немцы, отбежав, обложили его с двух сторон огнем. Сержанта выбросило из кустов, и он потерял сознание. Босуорта ранило в плечо. Лейтенант Роберт Лоу затащил его в подвал фермерского дома и сделал перевязку. Там Босуорт и пролежал до конца дня. А подполковник Тиммс так и не смог прорвать немецкую оборону вокруг Амфревиля.

Гэвин и Тиммс, оставляя дозоры в Ла-Фьер и Кокиньи, надеялись, что они, взаимодействуя друг с другом, удержат свои позиции. Немцы же, заняв высоты, растянувшиеся на километр западнее дамбы, постоянно обстреливали дорогу и не давали американцам ею воспользоваться.

Еще до того как наступил полдень, немцы атаковали Кокиньи при поддержке трех танков. Лейтенант Леви и его крохотный отряд более часа сдерживали натиск противника. Они подбили два танка гранатами «Гаммон» (янки любили эти британские гранаты, считали их самым лучшим подручным средством борьбы с танками, гораздо более эффективными, чем американские бауки, конечно, если броня оказывалась совсем близко)^[39]. И все же десантникам пришлось отступить на север.

Так легко доставшийся плацдарм был утерян. Разрозненные подразделения 82-й дивизии сражались каждое само за себя на разных берегах Мердере. Команда Тиммса пребывала в одиночестве два дня.

На южном фланге, у Шеф-дю-Пон, генерал Гэвин и отряд численностью до 100 человек (в основном из 1-го батальона 507-го полка) во главе с подполковником Эдвином Остбергом готовились к захвату моста в полукилометре от деревни. В 10.00 десантники вышли на центральную улицу, чтобы по ней напрямик добежать до переправы. На них посыпались пули сразу из нескольких домов. Четверо американцев упали как подкошенные. Два часа парашютисты прочесывали деревню. Немцы отступили к мосту.

«Мы знали, что переправу надо захватить до того, как немцы успеют занять подготовленные оборонительные позиции, — вспоминает капитан Рой Крик. — Парашютисты погнались за фрицами. Но мы опоздали. Двух офицеров, выбежавших на мост, сразу же подстрелили. Один свалился в воду, другой — на берег. В реку упал Остберг. Его спасли, и он потом продолжал воевать. Второй офицер погиб».

На помощь подоспели подполковник Артур Малони с 75 десантниками, чтобы «вышвырнуть упрямого противника». Но сделать это оказалось невозможно. Немцы прочно окопались по обочинам дамбы, заняли выгодные высоты на западном берегу реки. У американцев имелись лишь легкие вооружения, фрицы же в дополнение к пулеметам и минометам располагали танками и артиллерией. Десантники дважды штурмовали мост, и оба

раза безуспешно.

А немцы пошли в контратаку. Рядовой Дэвид Джонс из 508-го полка в это время стоял на обочине дороги. Он увидел ползущие прямо на него танки, французские танки «Рено», вероятно, «самые маленькие из всех, что использовались за годы войны», но казавшиеся ему огромными. Головная машина катилась с открытым люком. Из него по пояс высунулся командир экипажа в черном комбинезоне. Немец надменно держал руки на башне.

Джонс повернулся к своему приятелю и сказал: «Похоже, что нам пора действовать». Он прицелился и выстрелил. Пуля отскочила от башни. Джонс «навсегда запомнил этот стальной звук»: «Черный комбинезон исчез, люк захлопнулся. Танк попятился назад, а мы разбежались в разные стороны». Джонс расстроился. И не только потому, что он «испортил свой первый выстрел во Второй мировой войне». Ему надо было срочно искать подходящее укрытие. Джонс спрятался в огороде за фермерским домом. Танк начал палить из 20-мм пулемета, а Джонс с товарищами помчался к ближайшим зарослям живой изгороди.

Танки двинулись в направлении Шеф-дю-Пон. Один из них остановился у фермерского дома. Из окна второго этажа за ним наблюдали сержанты Рей Хаммл и О. Б. Хилл. Рей взял гранату «Гаммон».

«В этот момент, — рассказывает Хилл, — открылся люк, и в нем, озираясь вокруг, появился командир экипажа. Хаммл бросил гранату прямо в горловину. Прогремел страшный взрыв, повалил дым, в воздух взметнулись языки пламени, а немец вылетел из люка, как пробка из бутылки».

Два других танка направили свои пушки на фермерский дом и почти одновременно выстрелили. Мать с дочерью, находившиеся внизу, не на шутку испугались и стали кричать американцам, чтобы те поскорее уходили, Хаммл и Хилл скрылись в живых изгородях. Танки отошли обратно.

На дамбе возникла патовая ситуация. Американцы не хотели отступать и не могли продвинуться вперед. Немцы, зарывшиеся в дотах вдоль насыпи, имели возможность вести огонь, но у них не было никаких шансов выиграть поединок. Один пехотинец, похоже, решил сдаться. Он поднялся из окопа.

Вот как описывает этот эпизод в своей книге «Ночной прыжок» С. Л. А. Маршалл: «Он крикнул:

— Kamerad!

Никто даже не успел ответить, как парашютист на глазах у всех расстрелял немца с расстояния не более семи метров». Маршалл считает, что американский десантник совершил глупейшую ошибку: если бы пехотинец сдался в плен, то за ним последовали бы и другие.

А вот мнение капитана Крика: «Мне довелось быть очевидцем случившегося. И я бы не давал скоропалительных рекомендаций насчет того, как поступать, когда вражеский солдат выскакивает из окопа в семи метрах от вас в самый разгар первого в вашей жизни сражения! И

сегодня, 47 лет спустя, я не знаю, хотел ли вражеский солдат сдаться в плен или нет. Я думаю, что у него для этого было достаточно времени».

Во второй половине дня генерал Гэвин, вернувшийся в Ла-Фьер, попросил подполковника Малони прибыть к нему со своим отрядом. Крик остался с 34 десантниками и приказом Гэвина удерживать Шеф-дю-Пон любой ценой. «С одной стороны, — замечает Крик, — было очевидно, что пока нам это обошлось не слишком дорого. Немцы не наступали. С другой — нельзя удержать то, чего не имеешь. Мы ведь тоже их не атаковали». Однако положение американцев могло серьезно ухудшиться. Крик слева от себя увидел цепь немецких пехотинцев, и почти сразу же с другого берега Мердере по парашютистам открыла огонь полевая пушка противника.

«И вдруг, словно по Божьему велению, — вспоминает Крик, — в небе появились самолеты «С-47» и начали сбрасывать нам на парашютах связки с оружием и боеприпасами. Одна упаковка с 60-мм снарядами для миномета свалилась мне чуть ли не на колени». Потом планер доставил 57-мм противотанковое орудие. Крик навел минометы на пехоту, а орудие — на полевую пушку за рекой: «Мы, конечно, не могли ее уничтожить, но по крайней мере она замолчала».

Крик перешел в наступление. Десять парашютистов стремительно рванулись через дамбу. Им навстречу из окопов выскочили пятеро пехотинцев и тут же упали, сраженные автоматными очередями. Остальные сдались. «Все разрешилось, — говорит Крик. — Мост в наших руках, и мы знали, что его удержим. Но, как всегда после боя, у нас было подавленное настроение. До Берлина предстоял еще долгий путь».

Крик распорядился, чтобы десантники позаботились о раненых, подобрали убитых — и американцев, и немцев, накрыли их парашютами. Приближалась ночь. «Когда же наконец придут люди с берега? — думал капитан. — Они уже должны быть здесь. Или вторжение потерпело неудачу?» Отряд Крика знал только о ситуации в Шеф-дю-Пон, а это всего лишь маленький городок.

«В полночь наши опасения развеялись, — продолжает свой рассказ Крик. — Появились разведчики 4-й пехотной дивизии. Они поделились с нами своими пайками».

В Нормандии наступил день «Д» плюс один. Крик анализировал детали боя, действия каждого парашютиста.

«Что-то мы сделали не так, — говорит он. — Но надо учесть, что наш отряд представлял собой «сборную команду» разных частей. Люди плохо знали друг друга, и для них это было первое настоящее сражение. В целом мы добились успеха: взяли мост и его удержали»^[40].

Сент-Мер-Эглиз — крошечная, тихая деревня из нескольких сотен домов, построенных из серого камня. На главной площади вокруг церкви приютились магазинчики, торгующие сыром, мясом, вином, сидром, хлебом, газетами, лекарствами, женскими платьями и мужскими костюмами. В городке есть гостиница и больница. В течение 10 веков в нем ничего особенного не происходило. Самыми заметными событиями были свадьбы и фестивали.

По шоссе № 13, пересекающему деревню, можно проехать на север — в Шербур, на юг — в

Карантан, на восток — в Кан и Париж. Магистраль была стратегически важна и для немцев, и для американских парашютистов и пехотинцев.

Военная значимость деревни Сент-Мер-Эглиз перевешивала ее внутреннюю ценность. Еще на стадии планирования операции по вторжению штаб 82-й воздушно-десантной дивизии избрал городок базовым оборонительным плацдармом. Если бы 4-я пехотная дивизия не смогла войти в Сент-Мер-Эглиз или не соединилась вовремя с парашютистами, то 82-я дивизия должна была бросить все свои части на захват деревни. Овладеть ею требовалось еще по одной причине: до наступления сумерек предстояла вторая посадка планеров.

Перед рассветом в Сент-Мер-Эглизе появился 3-й батальон 505-го парашютно-пехотного полка под командованием подполковника Эдуарда Краузе. К лейтенанту Джеймсу Кошту из штабной роты подошел француз. «Он совсем не говорил по-английски, а я знал всего лишь несколько французских слов. Но мне было понятно, что он хотел сказать. Жителя городка интересовало: наше прибытие — это рейд или настоящее вторжение». Койл заверил француза:

— Nous restons ici (Мы здесь останемся). Мы не собираемся уходить из Сент-Мер-Эглиза.

Рядовой Джон Фицджеральд из 502-го полка, по ошибке спустившийся на парашюте в окрестностях деревни, вошел в нее, когда начинало светать. Джон увидел американских десантников, висевших на деревьях: «Их тела напоминали тряпичные куклы, продырявленные пулями. Кровь стекала на землю, которую они хотели освободить».

То, что он увидел потом, осталось в памяти Джона на всю жизнь. Фицджеральд наткнулся на место гибели одного из парашютистов 82-й дивизии: «Десантник занял немецкий окоп и превратил его в свой личный Армагеддон. Полукругом лежали тела девяти убитых немецких солдат. Ближайшее находилось всего в метре от окопа. Немец держал зажатую в кулаке «картофелемялку» (гранату с длинной ручкой)^[41]. Все указывало на то, что здесь произошел кровавый бой. Пустой патронташ все еще свисал с плеча парашютиста, земля была усеяна гильзами. Приклад винтовки сломался пополам. Он один принял на себя бой и, как многие в эту ночь, один и погиб».

Фицджеральд нашел личный знак десантника. Его звали Мартин В. Херш. «Я записал имя в свой молитвенник, — говорит Джон, — в надежде на то, что мне удастся встретить людей, которые знали героя. Но так никого и не встретил».

Полковник Вандервурт, преодолевая боль в щиколотке, вел 2-й батальон 505-го полка к Сент-Мер-Эглиз. Он должен был овладеть северными подступами к деревне. Вандервурт послал 3-й взвод роты «Д» (под командованием лейтенанта Тернера Тернбулла) в Невиль-о-Плен с заданием организовать там оборону.

При входе в Сент-Мер-Эглиз полковнику на глаза попался бесхозный джип, который, очевидно, сбросили на планере. Машина была в отличном рабочем состоянии, и дальше Вандервурт передвигался только на ней. Он встретил Краузе. Тот также прихрамывал: его ранило шрапнелью в ногу. Вандервурт взял на себя восточную и северную окраины городка, Краузе — южную и западную. Им не хватало людей, чтобы занять оборону по всему периметру Сент-Мер-Эглиза, поэтому для начала пришлось ограничиться блокированием дорог.

Вандервурту везло на удачные приобретения. Капитан Алфред Ирланд из 80-го батальона противовоздушной обороны доложил полковнику, что у него есть два 57-мм противотанковых орудия. (Планер Ирланда при посадке разбился. Капитан впоследствии сказал, что его удивило, как мало платили десантникам, летевшим на этих не очень надежных аппаратах. Замечание Ирландка верно: в отличие от парашютистов они не получали ежемесячные «прыжковые» 50 долларов.)

Вандервурт распорядился одно противотанковое орудие установить на северной окраине Сент-Мер-Эглиза, а другое — передать Тернбуллу в Невиль-о-Плен.

В Тернбулле текла кровь индейца-чироки. Солдаты за глаза называли его «вождем». «Он был отличным парнем, — вспоминает рядовой Чарлз Миллер. — Мы с ним частенько боксировали». Два отделения Тернбулла окопались вдоль живой изгороди к востоку от Невиль-о-Плен, третье — к западу. Противотанковое орудие поставили в деревне, развернув его на север. Вандервурт поговорил с Тернбуллом. Лейтенант сказал, что за последние четыре часа ничего особенного не произошло. Было уже около 13.00.

Пока они беседовали, к ним на велосипеде подъехал француз и на чистейшем английском языке сообщил, что с северной стороны под конвоем американских парашютистов движется большая колонна немецких пленных. Действительно, Вандервурт и Тернбулл вскоре увидели, как по шоссе № 13 идут строем организованные группы немецких солдат в сопровождении конвоиров, размахивающих оранжевыми флажками (американский опознавательный цвет в день 6 июня).

Вандервурт заподозрил неладное, заметив позади процессии две гусеничные установки. Он приказал пулеметчику выпустить короткую предупредительную очередь по колонне, которая уже находилась в полукилометре от них. «Пленные» и «парашютисты» бросились врассыпную. Они попрыгали в придорожные кюветы и начали стрелять. Странный француз исчез, а артиллерийские самоходки, вызвавшие подозрения Вандервурта, набирая скорость, рванули вперед.

С расстояния 500 м самоходки открыли огонь. Первыми же снарядами они лишили Тернбулла базук и едва не задели противотанковое орудие. Его расчет разбежался, но после нескольких «ободряющих» слов Вандервурта десантники вернулись к орудию и точными лобовыми ударами подавили немецкие артиллерийские установки. Тем временем пехотинцы, зарывшиеся в кюветах (целая рота из 91-й дивизии люфтваффе, превосходившая отряд Тернбулла в соотношении пять к одному), поднялись в атаку и стали окружать американцев с двух флангов.

Вандервурт понял, что без подкреплений Тернбулл долго не продержится. Он помчался на джипе обратно в Сент-Мер-Эглиз и послал двух лейтенантов, Теодора Петерсона и Койла, с 1-м взводом роты «Е», чтобы прикрыть отход Тернбулла.

Тернбулл пытался рассредоточить оборону, чтобы заставить немцев растянуть свои фланги. К 16.00 сложилось тяжелейшее положение. Американцы понесли большие потери, главным образом от минометов. Лейтенанту катастрофически не доставало бойцов, и он не мог больше

удерживать противника по всей линии наступления. Из 43 человек, с которыми Тернбулл вошел в Невиль-о-Плен, осталось только 16 более или менее дееспособных солдат, хотя и среди них были раненые. Девять десантников погибли.

Тернбулл приготовился дать последний бой. Но взводный медик, капрал Джеймс Келли, вызвался присмотреть за ранеными, а рядовой Джулиус Себастейн, капрал Рей Смитсон и сержант Роберт Ниланд предложили остаться в заслоне и прикрыть отход своих товарищей.

Тернбулл только начал отступать, как в Невиль-о-Плен ворвалась рота «Е». «Мы атаковали внезапно», — вспоминает сержант Отис Сэмпсон. Он установил миномет и методично направлял снаряды прямо в гущу немецких пехотинцев, шедших цепью слева от него. «"Джерриз"^[42] хотели перебросить часть солдат с левого фланга на правый, — рассказывает Сэмпсон. — Я точно вычислил интервалы, через которые они перебегали с одной стороны на другую. И каждый раз, когда кто-то из них пытался проскочить на правый фланг, посылал в «трубу» очередной снаряд. Ошибок не было».

Сам Сэмпсон все время перемещался с минометом с места на место, чтобы «не дать «джерриз» возможности прицелиться». Немцев прижал к земле плотный огонь стрелкового взвода. Их наступление захлебнулось. Лейтенанты Петерсон и Койл с небольшим дозором отправились на поиски Тернбулла и его людей.

«Потом мы вместе возвращались в Сент-Мер-Эглиз, — говорит Сэмпсон. — «Джерриз» кричали нам вслед, чтобы мы остались и продолжали бой. Это напомнило мне незаконченный футбольный матч. Мы покидали поле сражения, как люди уходят домой после тяжелого трудового дня. Я шел рядом с лейтенантом Тернбуллом»^[43].

28 раненых десантников, оставленных в Невиль-о-Плен, и двух из трех добровольцев, прикрывавших отход Тернбулла, немцы взяли в плен. Третий доброволец, сержант Боб Ниланд, погиб у своего пулемета. Утром 6 июня на побережье «Юта» убили его брата, командира взвода в 4-й пехотной дивизии. На той же неделе в Бирме был сражен еще один брат Боба. В один день миссис Ниланд получила из военного министерства сразу три похоронки. Ее четвертый сын служил в 101-й воздушно-десантной дивизии. Оказавшись на передовой линии фронта, он попал в пехоту.

Тяжело раненных парашютистов немцы перевезли в госпиталь в Шербур, а после взятия города 27 июня их освободили американские войска. Других десантников американцы вызволили в ночь с 7 на 8 июня, когда танки смяли немецкую оборону в Невиль-о-Плен. Тернбулл погиб от разрыва артиллерийского снаряда в Сент-Мер-Эглизе 7 июня.

Благодаря героической стойкости Тернбулла и его взвода Краузе и Вандервурт успели подготовиться к отражению еще более мощного наступления немцев, предпринятого 795-м полком на южной окраине Сент-Мер-Эглиза. Это была, пожалуй, одна из самых серьезных контратак противника в день «Д», начавшаяся при поддержке 88-мм орудий, которые обстреливали деревню с ближних холмов.

«От разрывов снарядов в воздух взлетали тучи песка и грязи, — вспоминает рядовой

Фицджеральд. — Земля под ногами ходила ходуном. Казалось, что вот-вот лопнут барабанные перепонки. Грязью залепило всю рубашку, рот, глаза. Эти 88-мм снаряды наводили ужас. Говорят, что они сделали христианами больше солдат, чем святые Петр и Павел.

Ближе к вечеру артобстрел прекратился. Мы все еще удерживали городок. Пошли разговоры о том, что к нам на помощь с побережья движутся танки. Но еще несколько дней я не мог побриться: так дрожали руки».

«И все же во мне что-то изменилось, — продолжает Фицджеральд. — До этого момента я больше думал о спасении. Первый в моей жизни бой поверг меня в шок. Но испуг стал проходить. Мне уже было начхать на немцев, на грязь и грохот, на то, что нам могут дать отпор».

Другие десантники испытывали то же самое. Когда подполковник Краузе послал роту «И» атаковать вражеский фланг, она действовала смело и даже нагло. Парашютисты вступили в открытую схватку с передовой колонной танков и подбили базуками и гранатами «Гаммон» несколько машин. Пехота под градом пуль отступила. «К концу дня, — говорит Фицджеральд, — немцы больше не решались пойти на нас».

Подкрепления доставлялись по воздуху. Планеры летели к Сент-Мер-Эглизу со всех сторон. Пилоты опасались идти на посадку. По ним из автоматов и ручных пулеметов палили взятые в кольцо немецкие стрелки. Поля казались слишком узкими, а заросли живых изгородей — чересчур высокими. Врезаться в них не составляло большого труда.

«Я стоял на обочине дороги, — рассказывает лейтенант Койл, — и вдруг позади меня раздался треск ломающихся кустов. Планер подлетел бесшумно, но, идя на посадку, попал в живую изгородь. Я метнулся в канаву, а планер, прорвавшись через заросли, воткнулся в дорожное полотно и распростер крылья надо мной. Мне пришлось из-под него выползть».

Сержант Сэмпсон тоже прижался к земле, увидев, как планер врезался в кустарник: «Его хвост торчал под углом 45 градусов. Я подошел, чтобы выяснить, могу ли чем-нибудь помочь. В борту образовалась большая дыра. Из нее гурьбой повалили солдаты, как пчелы из улья. Они стремглав мчались в лес и исчезали. Я пытался их остановить, кричал, что здесь свои. Но они бежали мимо, как будто меня там и не было».

Всю ночь немцы запускали осветительные ракеты, слышались пулеметные очереди, бахали минометы, иногда раздавались оглушительные залпы 88-мм пушек, которые били по Сент-Мер-Эглизу.

«Они вели себя вызывающе, — говорит Сэмпсон. — Они орали, словно собираясь пойти в атаку. На нас накатывался огневой вал, потом автоматные очереди, снова огневой вал, опять очереди. На какой-то момент все затихало, затем устрашающая стрельба разгоралась с новой силой. Я принял к миномету. Как мне хотелось ударить по фрицам, но я боялся задеть наших. Трудно было разобраться, где свои, а где враги.

Противник так и не отважился атаковать. Может быть, немцы надеялись своими криками и огнем обратить нас в бегство. Я пытался представить себе то, что происходило на берегу, и

тревожился: «Почему до сих пор нет пехоты? Ей давно пора быть с нами».

Я о многом передумал в ту ночь. Меня беспокоило, что высадка с моря могла закончиться неудачей. Что тогда случится с моей страной, с людьми, которым мы стараемся помочь? Я почти не сомневался в том, что не доживу до рассвета. Нет, я не испытывал страха. Я желал лишь одного: если мне суждено погибнуть, то я должен забрать с собой как можно больше фрицев. Мне хотелось, чтобы они напали, чтобы я видел их собственными глазами. Я хотел видеть перед собой горы их тел. Тогда было бы легче и умирать».

Американские парашютисты отвоевали Сент-Мер-Эглиз. В официальном докладе об операциях союзнических сил на Европейском театре войны их действия расценены «как самое значительное достижение 82-й дивизии в день «Д». Другую блистательную победу одержал капитан Крик в Шеф-дю-Пон. Однако на западном берегу Мердере разрозненные, окруженные немцами отряды сражались, скорее, чтобы выжить, а не овладеть какими-то определенными целями. Связь между ними практически отсутствовала. Генерал Риджуэй серьезно опасался, что еще до прихода пехоты дивизия будет уничтожена, так и не успев консолидироваться.

На востоке, ближе к побережью, 101-я дивизия захватила дамбы и соединилась с американскими морскими десантниками. Она многих недосчиталась: из 6600 парашютистов, сброшенных в Нормандию в ту ночь, к концу дня только 2500 человек вели более или менее организованную борьбу с немцами. Некоторые подразделения, как, например, отряды полковника Джонсона на Ла-Баркетт и капитана Шеттла у мостов в нижнем русле Дув, оказались в изоляции и сражались в одиночку. И все же 101-я выполнила свою главную задачу — обеспечила продвижение в глубь материка 4-й пехотной дивизии.

Трудно привести данные о потерях парашютистов в день «Д»: они не выделялись отдельной строкой в общих сводках об убитых и раненых за последующие недели. Возможно, 10 процентов. Это гораздо меньше, чем предсказывал маршал авиации Ли-Маллори, но невероятно много для одного дня битвы.

Можно утверждать, что уровень потерь слишком высок. Однако действия парашютистов помогли 4-й дивизии с минимумом жертв высадиться на берег и двинуться в глубь континента, что оправдывает самую масштабную в истории воздушно-десантную операцию.

Ли-Маллори настаивал на том, чтобы Эйзенхауэр отказался от сброса парашютистов и направил их за морским десантом. Эйзенхауэр не сделал этого и поступил правильно, 4-я пехотная дивизия, вероятно, смогла бы сойти на берег и преодолеть дюны и без поддержки за передовыми линиями противника: немецкая оборона на взморье была слаба и в значительной мере смята «Мародерами». Но вряд ли ей удалось бы без серьезных потерь и затруднений миновать дамбы через зоны затопления.

101-я дивизия выполнила две важнейшие задачи. Парашютисты с тыла захватили выезды и вывели из строя батареи в Брекур-Манор, Олди и на других участках побережья, откуда немцы могли наносить смертельные удары по десантным судам и высаживавшейся с них пехоте.

Генерал Маршалл хотел, чтобы Эйзенхауэр сбросил парашютистов еще дальше в глубь Нормандии, на расстоянии чуть ли не 60 км от взморья. Эйзенхауэр отказался. Он исходил из

того, что легковооруженные десантники не смогут эффективно действовать в глубоком тылу противника. Положение, в которое попали разрозненные группы 82-й дивизии к западу от реки Мердере, указывает на то, что Эйзенхауэр скорее всего был прав.

17. Гости ада.

116-й полк на «Омахе»

Если немцы и могли где-то остановить вторжение, то только на «Омахе». Высадка войск здесь представлялась вполне логичной. Это единственный песчаный участок побережья к западу от устья реки Дув и к востоку от Арроманша, протянувшийся почти на 40 км. По обе стороны пляжа возвышаются почти отвесные скалы.

Песок на пляже золотистого цвета, мелкий и плотный. На нем хорошо загорать, играть в мяч, устраивать пикники. Берег на 10 км изогнут в виде полумесяца. При отливе образуется песчаная полоса шириной в 300–400 м. Во время прилива от уреза воды до гальки остается всего несколько метров.

В 1944 г. галечная насыпь (она практически не сохранилась) была непреодолимым препятствием для подвижной техники. На западной стороне пляж обрамляла сооруженная из дерева и камня стена высотой от 1 до 4 м (ее разобрали). За стеной пролегалась мощеная дорога, дальше начинались противотанковые траншеи, болота, а потом крутые склоны скал. Человек мог по ним подняться, а техника — нет. Издали покрытые травой откосы казались ровными, но в них таились расщелины, сыгравшие существенную роль в ходе сражений.

К плоскогорью, возвышавшемуся над берегом, можно было пройти лишь по пяти оврагам или, вернее сказать, ложбинам. Мощеная дорога от выезда «Д-1» вела к Вьервилю. Грунтовая колея тянулась от Ле-Мулен (выезд «Д-3») до Сен-Лорана. По третьей ложбине (выезд «Е-1») к плоскогорью вела извилистая тропа. Через выезд «Е-3» пролегалась грунтовая дорога к Колевиллю. И наконец, от пятого выезда «Эф-1» также можно было выбраться лишь по тропинке.

Лучшего оборонительного плацдарма не придумаешь: узкая, закрытая местность, не позволяющая обойти неприятеля с флангов; множество естественных препятствий; склоны и плоскогорье предоставляли идеальные условия для сооружения стационарных фортификаций и траншей: из них хорошо простреливалась «ничейная земля», которую предстояло преодолеть пехотинцам.

Штабам союзнических армий крайне не нравилась перспектива высадки на «Омахе», но другого варианта не было. Это понимали и Эйзенхауэр, и Роммель. Оба командующих знали, что вторжение в Нормандию невозможно без «Омахи», в противном случае разрыв между «Ютой» и британскими участками высадки окажется слишком большим.

Немцы густо усеяли минами прибрежные воды, дорогу, которую к тому же оградил колючей проволокой, склоны скал. Роммель построил здесь намного больше препятствий, чем на «Юте». Он соорудил 12 укрепленных опорных пунктов с 88-мм, 75-мм орудиями и минометами, десятки «тобруков» и ДОСов, разветвленную систему траншей.

Все, чему немцы научились во время Первой мировой войны, они применили на «Омахе». Роммель расположил огневые позиции под углом к берегу, так, чтобы простреливать прибой и пляжи перекрестным, навесным и настильным огнем из любых видов оружия. Он разместил

артиллерийские батареи на высотах по обеим сторонам «Омахи», чтобы накрывать продольным огнем все побережье. Траншеи дополнялись подземными ячейками, соединенными между собой тоннелями. Опорные пункты были сооружены у въездов в ложбины, которые, кроме того, преграждались бетонными блоками. Крупные артиллерийские орудия защищались с моря железобетонными боковыми стенами. Короче говоря, обстреливался каждый дюйм побережья.

Видя приближающийся американский десантный флот, немцы не верили своим глазам.

— Святая Мария, они здесь! — промолвил лейтенант Фреркинг. — Этого не может быть, этого просто не может быть!

Он положил на бруствер бинокль и помчатся в командный пункт у Вьервиля.

— Десантные катера слева от нас, — прокричал капрал Хайн Северло. — Они идут к берегу!

— Американцы, должно быть, сошли с ума, — сказал сержант Кроне. — Не собираются же они высаживаться под нашими дулами!

Артиллерийский полковник приказал:

— Не стрелять, пока враг не подойдет к урезу воды!

По всему взморью солдаты вермахта застыли у своих пулеметов, винтовок, пушек, минометов, настороженно вглядываясь в наступающий десант. В бункере «ВН-62» лейтенант Фреркинг по телефону давал команду расчету, находившемуся в паре километров от берега:

— Цель Дора, дальность 4–8–6–0, направление 20 плюс, всем орудиям — зарядить снаряды!

Капитан Роберт Уокер из штабной роты 116-го полка 29-й дивизии впоследствии так описал оборону противника у Вьервиля: «В скалистых склонах прятались многочисленные траншеи и бункеры, которые было трудно заметить с берега. Их амбразуры располагались по сторонам, так что немцы могли накрыть перекрестным огнем весь пляж и подступы к высотам. Артиллерийские расчеты пользовались диаграммами секторов обстрела, которые под стеклом прикреплялись к стене за орудийными платформами».

А. Дж. Либлинг, корреспондент журнала «Нью-йоркер», спустя несколько дней после начала вторжения взобрался на скалы. «Траншеи были глубокими, узкими и извилистыми, что позволяло вести прицельный огонь по наступающим пехотинцам с разных направлений, — написал он с фронта. — Наиболее важные позиции, как, например, командный пост и минометные гнезда, забетонированы. Командный пункт уходил в землю более чем на семь метров. Его стены изнутри выложены кирпичом. Солдаты спали в бомбоубежищах с деревянными потолками и полами». Немецкие укрепления напомнили Либлингу «линию Мажино».

Союзники, планируя операцию на «Омахе», руководствовались четырьмя факторами,

которые вселяли надежду на то, что удастся преодолеть неприступную оборону немцев. Во-первых, по данным разведки, в траншеях и фортификациях окопались плохо подготовленные части 716-й дивизии, состоящие в основном из поляков и русских. Кроме того, их численность не превышала 800 человек, то есть не более батальона.

Во-вторых, бомбардировщики «Б-17» должны были разбить или по меньшей мере нейтрализовать бункеры и нарыть для пехоты воронки на пляжах и горных склонах. В-третьих, предполагалось, что их разрушительные налеты довершат морская артиллерия и реактивные снаряды ДСТ(Р). Пехотинцам 29-й и 1-й дивизий, которым предстояло высаживаться на «Омахе», сказали, что трудности начнутся только тогда, когда они окажутся на скалах и пойдут в глубь материка.

И последний довод заключался в том, что на «Омаху» в день «Д» намечалось бросить 40 000 солдат и 3500 единиц моторизованной боевой техники.

Ожидания не оправдались. Разведка ошиблась: оборону на «Омахе» держала не 716-я, а вполне боеспособная 352-я дивизия, и не один, а три батальона. Из-за облачности «Б-17» сбросили бомбы на 5 км дальше в тыл противника, и ни одна из них не упала на пляжи или скалы. Корабельный артобстрел был кратким и в целом не очень точным. В любом случае, он больше предназначался для батарей за береговыми фортификациями. Реактивные снаряды главным образом ударились в прибой и погубили рыбу, но не немцев.

Капитан Уокер вспоминает: «Вот-вот должен был наступить час «Ч». Я находился на ДСП и смотрел на приближающийся берег. Меня поразили тишина, умиротворенность и какая-то девственная нетронутость. Все зеленело. Дома и здания стояли целехонькие. Над ними гордо упирались в небо шпили церквей^[44]. Я, не обращаясь ни к кому в особенности, крикнул:

— Где же эта чертова авиация?!»

План операции на «Омахе» отличался детальностью и четкостью. 116-й полк 29-й дивизии (приданной только на день «Д» 1-й дивизии) наступает на правом (западном) фланге при поддержке роты «С» 2-го батальона рейнджеров. 16-й полк 1-й дивизии атакует противника на левом фланге. Предусматривалось линейное формирование полков, когда роты идут в цепи впритык друг к другу. Побережье было поделено на восемь секторов (справа налево): «Чарли», «Дог-Грин», «Дог-Уайт», «Изи-Грин», «Изи-Ред», «Фокс-Грин», «Фокс-Ред». 116-му полку отвели участки от «Чарли» до «Изи-Грин».

Первый эшелон наступающих состоит из двух батальонов, по одному из каждого полка. Они высаживаются на берег по ротам, за ними следует третий батальон. Штурмовые отряды вооружены винтовками «М-1» и «Браунинг», 7,62-мм пулеметами, базуками, 60-мм минометами и огнеметами. Впереди выходят на берег танки «ДД», команды морских подрывников и армейских саперов. Перед каждым отрядом поставлены определенные задачи, главная из которых — овладеть выездами на материк. Пока пехота подавляет огнем сопротивление противника, подрывники уничтожают заграждения и флажками помечают проходы, чтобы, когда накатит прилив, рулевые знали, куда направлять десантные суда.

Затем с подкреплениями и строго по графику прибывают новые десанты. Их миссия —

обеспечить огневую поддержку там, где нужно, из всех видов оружия: от винтовок «М-1» до 105-мм гаубиц. Потом появляется еще больше танков, грузовики, джипы, подразделения медиков, штабистов, связистов, регулировщиков движения и других вспомогательных служб, необходимых при развертывании наступления двух переоснащенных пехотных дивизий.

В час «Ч» плюс 120 минут боевая техника поднимается по уже захваченным выездам на плоскогорье. Оттуда она начинает продвигаться к назначенным на день «Д» целям: прежде всего к населенным пунктам Вьервиль, Сен-Лоран и Колевиль и дальше на запад к Пуант-дю-О или на юг, чтобы взять Тревьер в 8 км от «Омахи».

Правота афористического высказывания Эйзенхауэра о том, что планы хороши до тех пор, пока не разгорелась битва, в полной мере подтвердилась на «Омахе». Графики и расчеты перестали выполняться, как только немцы открыли огонь по десантникам и даже раньше.

За исключением роты «А» 116-го полка, ни одна из частей не высадилась там, где ей полагалось. Полроты «Е» оказалось в километре, а другая половина в 2 км к востоку от назначенного сектора. Это произошло из-за сильного ветра и морского течения. Скорость северо-западного ветра достигала 18 узлов (33 км в час). Он создавал волны высотой от 1,5 до 2 м, которые постепенно отбросили десантную флотилию влево. Им помешал и прилив (отлив на «Омахе» закончился в 5.25), нараставший со скоростью 2,7 узла (около 5 км в час).

Не только суда сбились с курса, но и люди чувствовали себя растерянными и измотанными качкой. Многие еще не отошли от перенесенного на веревочных сетках шока. Волны перекачивались через фальшборты. ДССПЛС и ДСА (десантно-штурмовой катер — британский вариант ботов Хиггинса) наглопались воды. Насосы не справлялись со своими обязанностями, и солдатам приходилось вычерпывать воду касками.

По крайней мере 10 из 200 десантных судов первого эшелона утонуло на дно. Пехотинцев позже подобрала береговая охрана, но они успели провести в холодных штормовых волнах несколько часов. Немало солдат утонуло. Настроение людей еще больше ухудшалось, когда они видели в бурлящем море «джи-айз» со спасательными поясами или на хилых плотиках (экипажи исчезнувших в пучине танков «ДЦ»).

В общем, еще до боя войска первого эшелона были истерзаны морской болезнью и тревожным ожиданием высадки. Студеный ливень, хлеставший из-за борта в лицо, и тошнотворные волны настолько угнетали, что десантники горели желанием поскорее выйти на берег. Им казалось, что ничего не может быть хуже, чем болтанка на этих проклятых ботах Хиггинса. Немного утешали огромные снаряды, пролетающие над головой с кораблей, хотя они и взрывались где-то на вершинах скал и даже за ними, а не на пляжах. В час «Ч» минус пять минут стрельба прекратилась.

Помощник главного электрика Алфред Сире находился на последнем из 16 ДССПЛС, выстроившихся в одну линию. Младший лейтенант говорил, что высадка пройдет нормально, так как артиллерия «выбьет все немецкие опорные пункты». «Мы настолько уверовали в это, — вспоминает Сире, — что и я, и почти вся команда сидели наверху машинного отделения и наслаждались огненным валом, который обрушили на наш сектор реактивные установки. Он произвел на нас потрясающее впечатление».

Лейтенант Джо Смит был комендантом высадки десанта от ВМС. Ему предстояло флагами направлять к берегу суда с ротой «А» 116-го полка. Поэтому его бот шел к взморью первым: «Немцы словно не замечали наш катер, хотя мы видели, что они смотрят на нас из своих укрытий на скале. Нам, конечно, стало не по себе. Мы оказались прямо перед 88-мм орудием. Но похоже, расчет держал под прицелом пляжи, а не нас».

За Смитом следовал бот Хиггинса со штурмовым отрядом из роты «А». Десантники решили, что прогнозы инструкторов оправдались: воздушная бомбардировка и корабельная артиллерия подавили немецкие оборонительные позиции. Они опустили рампу.

— Цель Дора — огонь! — прокричал в телефонную трубку лейтенант Фреркинг. Батарея выдала один залп, второй, застучали пулеметы. Слева от лейтенанта располагались три пулеметных гнезда, впереди — миномет, по склонам — траншеи с пехотинцами. Все они почти одновременно открыли ураганную стрельбу.

«Мы наскочили на мель, — вспоминает помощник главного электрика Сире. — Опустили рампу, и что тут началось! На нас посыпался град пуль. На моих глазах замертво упал армейский лейтенант: ему пулей пробило голову».

На головном катере роты «А» — ДСА 1015 капитан Тейлор Феллерс и весь его отряд погибли, даже не успев подготовиться к высадке. Они будто испарились. Никто так и не узнал: то ли судно налетело на мину, то ли взорвалось от 88-мм снаряда.

«Они только стали опускать рампу, — рассказывает комендант десанта лейтенант Джо Смит, — как по ним ударили пулеметные очереди. Перед катером взметнулся песок. Все замерли как вкопанные. Поднялся со своего места рулевой-старшина и заорал:

— Парни, Христа ради, убирайтесь! Мне надо идти за другой командой!»

Американцы попали под чудовищный перекрестный огонь. (Лишь один пулеметчик из взвода лейтенанта Фреркинга в бункере «ВН-62» сделал в то утро 12 000 выстрелов.) Из-за того, что суда сбились с курса, «джи-айз» выходили на берег скученно, плотными группами, расстояние между которыми достигало километра. Это давало противнику возможность вести по ним сосредоточенную стрельбу. По ботам Хиггинса и ДСП били как хотели немецкие орудия, укрытые в «тобуках» и других фортификациях, сооруженных над ложбинами, на скалах и непосредственно на взморье.

Моторист, матрос береговой охраны Шарль Жарро, служил на ДСП 94. Он называл своего 32-летнего капитана «стариком» и считал, что тот, моряк торгового флота, все делает не так, как надо. Тем не менее «старик», имевший еще и кличку Попай, снабдил судно изрядным количеством бутылок виски «Джей энд Би» и приказал коку поить команду до тех пор, пока не иссякнут запасы. «Мы пили весь день, — говорит Жарро, — и почти ничего не ели, но я нисколько не опьянел. Алкоголь на меня совершенно не действовал».

ДСП 94 направлялось к берегу в первом эшелоне, сразу за судами с морскими подрывниками и подразделениями разметки пунктов высадки десанта. «На взморье уже

бушевал огонь, — рассказывает Жарро. — Попай, слыша наши вздохи и охи, заявил:

— К черту! Я не собираюсь соваться в это пекло. Нам не удастся даже приблизиться к прибою.

Катер остановился, а флотилия миновала нас. Ни одно судно не смогло подойти к урезу воды. Немцы расстреливали десантников чуть ли не прямой наводкой. Капитан моментально вырос в наших глазах».

Попай сдвинулся метров на 100 влево, развернулся к берегу, сбавил до одной трети скорость и, сбросив кормовой якорь, вывел носовую часть катера на песок. Матросы опустили рампу, и пехотинцы 116-го полка начали выгружаться на сушу. Корпус корабля медленно поднялся из волн. Попай включил задний ход, выбрал якорную цепь, и судно попятилось обратно в море. За время высадки команда потеряла убитыми пять человек (из 26). 20 из 200 пехотинцев погибли, не успев сойти на землю.

Рядовой Джон Барнс, рота «А» 116-го полка, находился на ДСА. Катер шел в одной линии с 11 другими десантными судами. Кто-то крикнул Барнсу:

— Взгляни! Потом расскажешь об этом внукам! «Если доживу», — подумал солдат.

На горизонте виднелся шпиль церкви в Вьервиле. Рота была у цели. Катер, рассекая волны, рванулся вперед. «Вдруг у меня под ногами забурлила вода, — вспоминает Барнс. — Корабль носом зарылся в море. Мы уже стояли по пояс в воде и начали кричать нашим соседям справа и слева. Они лишь махали в ответ руками. Палуба ушла из-под меня, и я стал судорожно надувать спасательный пояс. Пряжка сломалась, и его унесло потоком. В панике я попытался взобраться на спину другого солдата, который барахтался рядом, но промахнулся. Вокруг на волнах кувыркались десятки таких же неудачников. Мимо нас проносились десантные суда».

Некоторые солдаты умудрились обернуть в спасательные пояса оружие и надуть их. Барнсу попала сначала плавающая винтовка, а потом огнемет, плывший в двух спасательных поясах. «Я ухватился за него, но меня все равно тянуло вниз, — говорит Барнс. — Мне было трудно удерживать голову на поверхности. Я попробовал сорвать застёжки на куртке, но не хотел отпускать огнемет. Лейтенант Гиэринг подцепил меня штыком за куртку и отрезал лямки. Освободившись от висевшего на мне снаряжения, я уже мог дышать».

До берега оставалось около километра. Сержант Лэрд предложил плыть, но лейтенант Гиэринг возразил:

— Давайте подождем. Нас скоро подберут другие суда.

Однако катера продолжали идти мимо. Рулевые-старшины четко исполняли приказ заниматься своим делом, а оказание помощи в море предоставить спасателям.

«Через какое-то время послышался участливый голос «лайми» (англичанина. — Примеч. пер.), — рассказывает Барнс. — Возле нас остановился британский ДСА. Он уже выгрузил солдат. Нам помогли подняться на борт. Мы узнали рулевого-старшину. Это был моряк с

транспортного судна «Эмпайер Джавелин». Он не собирался возвращаться на берег. Мы спросили, как прошла высадка. Моряк ответил:

— О'кей.

Нас доставили на «Эмпайер Джавелин», который мы покинули в 4.00. Казалось, что мы провели в море всего несколько минут. На корабль мы вернулись в 13.00».

Барнсу и его товарищам крупно повезло. Около 60 процентов солдат роты «А» призывались в одном городе — Бедфорде, штат Виргиния. Для бедфордцев первые 15 минут на «Омахе» превратились в сплошной кошмар. Предполагалось, что роты «Г» и «Эф» высадутся слева от роты «А», но их суда отнесло на целый километр к востоку, и гитлеровцы, засевшие в мощных фортификациях у Вьервиля, сконцентрировали огонь на пехотинцах роты «А». Когда с ботов Хиггинса спустили ramпы, на десантников обрушились пулеметные очереди, артиллерийские и минометные снаряды. Это была настоящая бойня. Из 200 человек выжили чуть более 20, и почти все они получили тяжелые ранения.

Едва уцелел и сержант Томас Вэланс. Он рассказал в интервью: «Когда мы сбежали по ramпе, вода доходила до колен. Мы начали делать то, чему нас учили: прорываться вперед, прижиматься к земле и стрелять. Не ведали мы только одного: куда направить оружие. Я увидел трассирующие снаряды, летевшие из бетонного сооружения, которое показалось мне гигантским. Кто знал, что существуют такие огневые позиции? Я выстрелил, но моя 7,62-мм винтовка была бессильна против бетона».

Быстро нарастал прилив. Сержант с трудом стоял на ногах. Как и все пехотинцы, он сгибался под тяжестью снаряжения и взмок от груза и волнения. Ботинки вязли в сыром песке. Вокруг торчали напичканные минами заграждения. Вэланс сбросил с себя лишние сумки, тянувшие его в воду.

«Скоро мне стало ясно, что мы попали в жуткую передрагу, — говорит Томас. — Я поднял руку, чтобы сохранить равновесие, и тут же мне прострелили ладонь и раздробили суставы. Помню, как рядовой Генри Уитт, пробираясь рядом через волны, сказал:

— Сержант, мы умрем здесь, как крысы. Понимаешь: как крысы!»

Потом пуля попала Вэлансу в бедро. За какие-то секунды он получил еще два ранения. Одна пуля попала в подбородок, но его защитил ремешок от каски. Сержант дополз до стенки набережной и потерял сознание. «В этом состоянии я провалялся весь день, — вспоминает Вэланс. — Для меня, как и для большинства солдат нашей роты, вторжение закончилось. В прибое колыхались тела моих погибших друзей. Я чудом остался жив, а многих моих близких товарищей разнесло на куски».

Лейтенант Эдуард Тидрик первым спрыгнул со своего ДСП. Когда он был уже в воде, пуля попала ему в горло. Преодолевая боль, лейтенант добрался до берега, рухнул на песок и, захлебываясь кровью, сказал Лео Нэшу:

— Достань кусачки...

Он не успел договорить: пулеметная очередь прошла его от головы до ног.

Как писал С. Л. А. Маршалл в журнале «Атлантик мансли» (ноябрь 1960 г.), к 6.40 в роте «А» в живых оставался только один офицер — лейтенант Е. Рей Нанс, но и его ранило в голень и живот. Все сержанты были либо убиты, либо покалечены. На боте Хиггинса в полном составе погиб взвод из 30 человек, которые так и не смогли сойти по уже спущенной рампе.

Рядовой Джордж Роуч помогал огнеметчику. Сам он весил меньше 60 кг, а волок на себе груз в 45 кг. Роуч, кроме винтовки «М-1», нес боеприпасы, ручные гранаты, 20-литровый цилиндр с зажигательной смесью, набор гаечных ключей, баллон с азотом.

«Потери были невероятные, — рассказывает Роуч. — Солдат просто косило очередями. Мы не могли понять, откуда летят пули: со скал или из домов на взморье. Я зарылся в песок, навел винтовку на ближайшее здание и выстрелил. Сержант Уилкс спросил:

— По кому ты палишь? Я ответил:

— Не знаю.

Роуч обрадовался, когда нашел живым еще одного рядового из своей роты — Гила Мердока. Они укрылись за береговым заграждением, Мердок потерял очки и плохо видел.

— Ты умеешь плавать? — спросил Роуч.

— Нет, — ответил Гил.

— Слушай, — сказал Роуч, — нам нельзя здесь оставаться. Давай зайдем обратно в воду и вернемся, если надо, с приливом».

Они так и сделали, спрятавшись за подбитым танком. Оба получили легкие ранения. Их накрыл прилив, и солдатам пришлось забраться на танк. Роуч поплыл к берегу. Его подобрал рулевой бота Хиггинса: «Старшина подал мне руку, и я поднялся на борт. Посмотрел на часы: 10.30. И заснул».

Роуч все-таки вернулся на взморье и весь день помогал медикам выносить раненых. Наутро он встретил несколько человек из своей роты и генерала Коту. Генерал поинтересовался, в каком подразделении воюет Роуч. Когда солдат ответил, Кота лишь покачал головой. «Роты «А» больше не существовало, — говорит Роуч. — Когда мы собрались вместе, я насчитал восемь человек».

(Кота спросил Роуча, что он собирается делать после войны.

— Я поступлю в колледж, — сказал солдат. — В Фордхем. Через пять лет Роуч окончил Фордхем. В 1990 г. в интервью он с грустью заметил: «Не проходило и дня, чтобы я не думал о ребятах, которые погибли в бою, не дожив до победы».)

Десантный катер сержанта Ли Полека почти затопило. Пехотинцы касками вычерпывали воду. «Мы умоляли команду высадить нас, — вспоминает сержант. — Мы боялись утонуть, хотя и на берегу было не сладко. Немцы вели плотный огонь из пулеметов и винтовок, не давая нам возможности сойти по трапу. Я приказал всем плыть. По катеру не переставая барабанили пули. Я видел, как упали три командира отделений. На моих глазах погибали солдаты, матросы. Пехотинцы начали прыгать с борта судна. Вода сначала была по щиколотку и вдруг сразу поднялась выше колен. Я дополз до какого-то железного заграждения и укрылся за ним. Пули стучали по металлу, но меня не доставали. Я тогда броском перебрался к галечной насыпи, за мной кинулись солдаты. Я пересчитал всех: нас осталось только 11 из 30. Прилив накатывал, и мы по очереди вытаскивали из прибоя раненых. Многих снова настигали пули, уже на берегу».

«Когда мы прятались за насыпью, — продолжает свое повествование Полек, — я сказал Джиму Хики, что хочу дожить до 40 лет, работать 40 часов в неделю и получать один доллар в час. До призыва в армию мне платили 37,5 цента. Господи, как я тогда верил в то, что на самом деле смогу заколачивать 40 долларов в неделю!»

«Кстати, — замечает Полек, — Джим каждый год 6 июня звонит мне из Нью-Йорка и спрашивает:

— Привет, серж, ты все еще зарабатываешь свои 40 баксов?»

Рота «А» едва ли успела воспользоваться оружием. Почти наверняка она не уничтожила ни одного немца. Перед ней стояла задача к 7.30 овладеть выездом у Вьервиля и выйти на плоскогорье. Однако в 7.30 лишь горстка уцелевших солдат жалась у стенки набережной, укрываясь от пуль. Рота потеряла 96 процентов боевого состава.

Но жертвы не были совсем напрасными. Погибшие десантники оставили на берегу сектора «Дог-Грин» винтовки, «Браунинги», гранаты, пулеметы, заряды ТНТ, огнеметы, боеприпасы и много другого снаряжения. Оружие пригодилось шедшим вслед эшелонам пехотинцев, которые высаживались на самой высокой приливной волне и избавлялись от лишней тяжести, чтобы не утонуть.

По плану роте «Эф» 116-го полка выделили сектор «Дог-Ред». Она оказалась почти у места назначения, на стыке «Дог-Ред» и «Изи-Грин». Но рота «Г», которой предстояло выйти правее «Эф», в секторе «Дог-Уайт», сдвинулась далеко влево, и оба подразделения высаживались вместе, прямо под усиленными фортификациями противника у Ле-Мулен. С обеих сторон перемешавшегося десанта образовались промежутки протяженностью до километра. Это позволило немцам вести по десантникам предельно сконцентрированный огонь.

200 метров от ботов Хиггинса до галечной полосы стали для солдат рот «Эф» и «Г» самыми длинными и опасными в их жизни. Лейтенанта, возглавлявшего штурмовой отряд, с которым шел в бой сержант Гарри Бэр, убило, как только матросы сбросили рампу. «Я взял на себя командование взводом, — рассказывает сержант. — Мы сбежали по сходне и попали на песок, пытаясь проскользнуть к дамбе. Но парни словно окоченели, боясь шевельнуться. В 3 м от меня связисту оторвало голову. По пляжу разметало безжизненные тела: без рук, без ног. Бог мой, какой ужас я тогда испытывал!»

Где ползком, где короткими рывками, где укрываясь возле заграждений, сержант добрался до дамбы. Из всего отряда он смог найти живыми только шесть человек. Бэр пытался их приободрить. «Я старался держать себя в руках. Но сам трясся от страха, меня знобило, по спине струился холодный пот».

На соседнем катере рядовой Джон Робертсон из роты «Эф» склонился через борт. Кто-то крикнул:

— Не высовывайся, береги голову! Робертсон огрызнулся:

— Какая мне разница, от чего умирать — от морской болезни или пули.

Судно наткнулось на отмель. Рулевой-старшина заорал:

— Вон отсюда! Я ухожу в море!

Он опустил рампу. «Мы кинулись в волны, — вспоминает ветеран. — Вода доходила до плеч». На глазах у Робертсона от разрыва снаряда погиб лейтенант Хилскер, в клочья разнесло огнеметчика. Сгибаясь под тяжестью снаряжения, Джон добрался до прибоя и свалился: «Я просто лежал и думал, что делать дальше».

«Мне не пришлось долго размышлять, — говорит Робертсон. — С моря надвигался обвешанный понтонами «Шерман». Я должен был выбирать: ждать, когда меня раздавит танк, или прошмыгнуть под пулями и снарядами в укрытие. Не знаю, как мне это удалось, но я одним махом домчался до галечной насыпи, спасаясь от неминуемой смерти».

Сержант Уорнер Гамлетт из роты «Эф» сошел на берег и сразу же увяз в сыром песке под грузом снаряжения и промокшей одежды. Он слышал крики:

— Не стой! Беги прочь!

Сержант понимал: чтобы выжить, надо убираться с этого места как можно быстрее. Он уже чувствовал себя легкой мишенью. Гамлетт, спотыкаясь, рванулся вперед, увидел воронку, нырнул в нее и свалился прямо на рядового О. Т. Граймса^[45].

Снаряд упал в 10 м от Гамлетта. Взрывом вырвало из рук винтовку и сбило каску с головы. Сержант, усиленно работая локтями и коленками, вернул потерю. Он попробовал встать на ноги. Получилось. Гамлетт, укрываясь под заграждениями, пополз к галечной гряде: «Со мной рядом оказался совершенно юный солдатик, Гиллингем, побелевший от страха. Его глаза зывали о помощи».

«Я сказал, — вспоминает сержант, — Гиллингем, давай разделимся. Немцам легче попасть в двоих, чем в одного. Но он молчал. Я пошел дальше без него».

Между ними полыхнуло: «У Гиллингема оторвало подбородок. Он держал его в руке, когда бежал к галечной насыпи. Ему удалось добраться до гряды. Мы с Биллом Хоуксом вкололи ему морфин. Гиллингем жил еще минут 30».

Для «джи-айз» галечная гряда казалась тогда самым желанным местом на свете. Но, очутившись под ее укрытием, они увидели перед собой стену из колючей проволоки, за которой таилась не меньшая опасность. Десантники спрятались от пулеметного и винтовочного огня. Однако им было не избежать минометного обстрела. Они пытались пробиться через проволоку (лейтенант Уайз из роты «Эф» при этом погиб). Оставалась лишь надежда на идущие вслед эшелоны пехотинцев, у которых были удлиненные заряды «Бангалор» для прорыва проволочных заграждений.

Рота «Е» 116-го полка высадилась в стороне от выделенного ей участка. Она выгружалась не на «Изи-Грин», а между «Изи-Ред» и «Фокс-Грин» в километре от своего сектора и перемещалась с десантниками 16-го полка 1-й дивизии. Рядовой Гарри Парли, единственный, по его словам, уцелевший огнеметчик, приготовился к прыжку^[46]. Он надул свой «Мей Уэст»^[47] — спасательный жилет, проверил, на месте ли саперная лопатка, пистолет, фляга с зажигательной смесью, динамит и почти 40-килограммовое оружие.

«Когда катер коснулся берега и сбросил сходню, — рассказывает Парли, — передо мной разверзся ад. Слева и справа горели и тонули корабли. Я скинул с себя все лишнее и ждал, что будет дальше».

Парли спрыгнул в воду и тут же окунулся с головой: «Меня тянуло на дно. Я попытался отстегнуть огнемет, но он не поддавался». Кто-то из десантников ухватился за огнемет и вытащил Парли на прибой, где тот мог стоять: «Тогда я, нахлебавшись воды, утопая в песке и еле волоча ноги, побрел навстречу огненному хаосу».

До берега метров 200. По волнам хлестали пулеметные очереди, издавая звуки, похожие на те, что произносит человек, потерявший передние зубы. «До сих пор я не понимаю, — говорит Парли, — почему тогда не выкинул огнемет. Мне было бы намного легче». Он отстал: «Потом я пытался разобраться, почему меня не убили, хотя передо мной падали сраженные пулями солдаты. И сам себе ответил: немцы стреляли по тем, кто шел впереди. А я тащился последним. Получается, что меня спас мой ненавистный огнемет».

Настоящий ад ждал Парли у галечной насыпи: «Вокруг рвались минометные снаряды. Передвигаясь на всех четырех конечностях, ножами, а то и голыми руками мы пытались вырыть хоть какое-то углубление. Санитары уносили раненых. Перекричать гул канонады было невозможно. Нас практически парализовало. Каждый думал лишь об одном — как уцелеть».

«Чудовищность положения, в котором мы оказались, я понял, когда увидел, что нас высадили в другом секторе, а рядом со мной ползают парни, которых я раньше никогда не встречал. И ландшафт не тот, что мне демонстрировали в Англии. Я, лежа на животе, рыл окоп, чтобы уберечься самому и поставить огнемет. У меня ничего не вышло. Буквально под руками валялся брошенный кем-то «Браунинг». Но стрелять не в кого. Мишенью были мы».

Парли укрылся возле насыпи, «весь в страхе, тревоге и молитвах». Несколько раз он «смог совладать с собой и перетащить через мокрый песок тонущих в приливе «джи-айз». По словам Парли, для него это стало пределом храбрости. Однако, как оказалось потом, Парли ошибался.

Капитан Лоренс Мадилл, командир роты «Е», готовил своих людей к высадке. Сержант Уолтер А. Смит вспоминает: «Страшнее всего было сойти с десантного катера и кинуться на берег в поисках укрытия от вражеского огня. Капитан Мадилл приказал всем, кто еще способен двигаться, сбрасываться в воду. Я посмотрел на него: у комроты почти полностью оторвало левую руку».

Мадилл дополз до дамбы. И здесь выяснилось, что для одного из минометов нет боеприпасов. У капитана еще оставались силы, чтобы вернуться к морю за ящиком снарядов. На обратном пути его настигла пулеметная очередь. Умирая, он сказал:

— Сержант, уведи поскорее солдат с берега.

Немного людей осталось в ротах «А», «Эф», «Г» и «Е» 116-го полка, когда они преодолели прибрежные пески. А за ними следовали роты «Б» и «Эйч» — в 7.00, «Д» — в 7.10, «С», «К», «И» и «М» — в 7.20. Ни одна не вышла на назначенное место. Рулевые-старшины десантных судов боялись подводных минных заграждений и стрельбы. Дым заволакивал ориентиры на местности и немногочисленные сигнальные флаги.

На головном корабле роты «Б» капитан Этторе Заппакоста услышал, как британский рулевой закричал:

— Мы не можем идти дальше! Впереди ничего не видно. Нам нужно вернуться!

Заппакоста вытащил кольт и приказал:

— Ради Бога, подведи нас к берегу. Немедленно!

Рулевой подчинился. Он скинул рампу. Первым по ней пошел Заппакоста и сразу же упал: пули вонзились в бедро и плечо. Санитар Томас Кенсер, видя, что капитан истекает кровью, крикнул:

— Держись! Я иду.

Но Заппакоста был уже мертв. Прямо на трапе убили и Кенсера. На этом корабле за утро погибли или получили ранения все пехотинцы и моряки, за исключением рядового Роберта Сейлса.

19-летнему Харолду Баумгартену из роты «Б» одна пуля пробила каску, а другая врезалась в коробку винтовки «М-1». Он выжил, продираясь по пояс в воде к берегу, когда рядом падали сраженные врагом друзья.

Ветеран вспоминает: «На моих глазах Роберта Дитмара из Фэрфилда, штат Коннектикут, ударило в грудь. Он закричал:

— Меня убили, меня убили!

Я видел, как его взрывом отнесло метров на десять. Он перелетел через какое-то береговое

заграждение и распластался на мокром песке головой в сторону немцев, а лицом к небу, и стонал:

— Мама, мама!»

«Сержанта Кларенса «Пилгрима» Робертсона ранило в правый висок. Но он как бешеный бежал по воде. Потом сержанта встал на колени и начал молиться. В этот момент его разорвало на куски».

На куртке Баумгартен изобразил Звезду Давида и надпись «Бронкс, Нью-Йорк», чтобы «немцы знали, откуда он родом». Сейчас ему приходилось скрываться за немецкими же заграждениями. Харолд увидел отблеск на шлеме нацистского снайпера, спрятавшегося на скале, «прицелился и залепил ему прямо в лоб». Это был единственный выстрел Баумгартена, потому что винтовка развалилась пополам.

Вокруг него рвались снаряды: «Я поднял голову, чтобы посмотреть, откуда они летят. И передо мной, метрах в 20, взорвался 88-мм снаряд. Мне отхватило пол-лица. Ощущение такое, будто тебя ударили бейсбольной битой, но еще хуже. Осколками раздробило верхнюю челюсть и левую щеку. Губы, десны, зубы превратились в одно сплошное месиво. Рот заполнился кровью».

Нарастал прилив. Баумгартен сполоснул лицо холодной мутной водой, чтобы не свалиться с ног. Море надвигалось довольно быстро — со скоростью один дюйм в минуту (в период между 6.30 и 8.00 уровень поднялся на 2,4 м). Оставалось одно из двух — либо тонуть, либо идти вперед. Баумгартен, отталкиваясь от каждой новой волны, поплыл к берегу. Пули резанули по ноге. Уже у галечной насыпи ему стали делать перевязки: «Я схватил санитаря за рукав, чтобы притянуть поближе и поговорить. Он ответил:

— Потерпи. Ты ранен. Я тебе помогаю. А когда меня ранит, ты мне поможешь»^[48].

Сержанта Бенджамин Маккинни служил сапером в роте «С». Когда рампу опустили, «его так тошнило, что ему было безразлично, от чего умереть — от пули между глаз или морской болезни». Как только упала сходя, началась «оглушительная стрельба». «Берег выглядел так, как будто весь первый эшелон десантников погиб». Маккинни смог добраться до галечной гряды. Там метрах в 30 от дамбы по пляжу били пулеметы и винтовки из ДОСа. Маккинни и сержанта Стормс подползли к огневой точке и закидали ее гранатами. Два немца выскочили из укрытия. Стормс расстрелял их на месте. Так начались реальные боевые действия 116-го полка.

В 7.30 к берегу подошло судно с основным командным составом 116-го полка, включая полковника Чарльза Канхема и помощника командующего 29-й дивизией, бригадного генерала Нормана Коту. Они прибыли на ДССПЛС вместе со штурмовым отрядом роты «К». Корабль наскочил на подводное заграждение, увешанное тарелочными минами. К счастью, они не взорвались. Но судно попало под мощный артиллерийский, минометный и пулеметный обстрел. Три человека, в том числе майор Джон Саурс, начальник отдела по тылу, погибли, не сходя с трапа.

Рядовой Феликс Бранхем стоял на палубе. «Полковник Канхем первым побежал по рампе,

стреляя сразу из «Браунинга» и кольта, — вспоминает Феликс. — У него вышибло из руки автомат. Но он продолжал вести нас к берегу. Это был исключительно бесстрашный человек».

О том, что ждало их впереди, через 10 дней рассказал в своем письме адъютант Коты — лейтенант Дж. Т. Ши: «Хотя передовые группы десанта находились на взморье уже около часа, они не продвинулись дальше дамбы. Немцы заставили их залечь под перекрестным минометным и пулеметным огнем. Пляжи были усеяны телами или убитых, или умирающих, или раненых солдат».

Когда Кота оказался у дамбы, он понял: нужно срочно решать, что делать дальше. Ему стало ясно: прежние расчеты на то, чтобы захватить выезды и подняться по ним наверх, нереальны. Оставаться на занятых позициях представлялось не менее безрассудным. Выход один — пробиться через галечную гряду, заминированные болота, штурмом взять скалы, выдавить немцев из траншей и овладеть выездами со стороны материка.

Лейтенант Ши так описывает действия Коты: «Демонстративно игнорируя пули и снаряды противника, генерал спокойно расхаживал вдоль набережной, личным примером вдохновлял нас, давал распоряжения, откуда и по каким целям вести огонь. Он указывал, где нужно прорвать заграждения из колючей проволоки, и одним из первых прошел через нее».

Шесть раз немцы ударили из минометов по Коте. Три человека погибли, два получили ранения. Но генерал остался невредим. «Он вывел войска на высоты, откуда десантники могли эффективно подавлять огневые укрепления противника». За ним шли саперы с миноискателями и проделывали проходы в минных полях, помечая их белыми лентами.

Некоторые корабли последующих эшелонов выгружались без особых проблем. Кому-то просто везло: удавалось миновать заграждения, которые к тому времени уже затопил прилив. Помогал и другой фактор: возросло количество судов, и немцам стало труднее вести сосредоточенный огонь — слишком много мишеней. К 7.30 штурмовые отряды высаживались практически в каждом секторе (хотя не всегда по плану и даже, как правило, не там, где планировалось).

Удача сопутствовала не всем. В корму ДСП 92, направлявшегося к «Дог-Уайт», около 7.40 врезался 88-мм снаряд. Сержант Деббс Питерс, сапер из 121-го батальона, находившийся на борту судна, вспоминает: «Мы потеряли ход. Корабль развернулся бортом к волнам и к берегу. Прошло всего несколько секунд. Взрыв раздался по центру. На палубе загорелось топливо. Нас выкинуло в море. Я камнем пошел ко дну». Деббс успел надуть «Мей Уэст» и как пробка вынырнул на поверхность.

«Немцы строчили по воде из пулеметов, — продолжает свой рассказ Питерс. — Я взобрался на сваю, чтобы глотнуть воздуха. Потом перебрался на другую. До берега оставалось метров 50. Наступил пик прилива. Он докатился почти до самой дороги».

На сушу Питерс выходил, шатаясь под тяжестью воды и песка во всех карманах и сумках. Он укрылся за танком, подбитым 88-мм снарядом. Осколком его ранило в щеку. И все же сержанту повезло. Питерс — один из немногих, кто пережил гибель ДСП 92.

Капитан штабной роты Роберт Уокер находился на ДСП 91, которое следовало за кормой ДСП 92 (ДСП 94, которое шкипер Попай решил не вести в этот сектор, держался левее ДСП 91 и ДСП 92). При приближении к берегу на судно обрушился шквальный пулеметный и автоматный огонь. Корабль начал маневрировать и натолкнулся на подводные сваи с тарелочными минами. Взрывом оторвало сходню по правому борту.

Шкипер попытался отойти назад. Уокер ринулся на левый борт. А там рампа охвачена пламенем. Одна пуля попала в огнеметчика, а другая — в его бачок с зажигательной смесью, отчего она сразу же вспыхнула. Солдат в ужасе метнулся в море. «Я видел, что у него горели даже ботинки, — говорит Уокер. — Получили ожоги все, кто стоял рядом. У некоторых на лицах появились страшные пузыри».

Шкипер побежал на носовую палубу, размахивая руками и крича: «Всем за борт!» Уокер спрыгнул в воду. Глубина оказалась довольно солидной — почти 2,5 м. На нем было столько снаряжения, что и два пояса «Мей Уэст» не помогали держаться на поверхности. Он выкинул винтовку, каску, сумку с провиантом и только тогда смог поплыть к берегу.

«И вот я на «Омахе», — рассказывает капитан. — Я должен был чувствовать себя свирепым, воинственным, отлично подготовленным и натренированным десантником. Меня же одолевали совсем иные ощущения — беспомощности, незащитности, досады, какие испытывает человек, потерпевший кораблекрушение». Когда вода стала ему по пояс, Уокер опустил на колени и весь путь до дамбы проделал на четвереньках. Он наткнулся на бездыханное тело капитана Запакасты. У стены Уокер увидел «десятки изуродованных солдат, на раны которых было жутко смотреть».

(Через 49 лет Уокер сказал в интервью, запись которого хранится в Центре Эйзенхауэра, что тогда на «Омахе» ему припомнились строки поэта Теннисона: «Пушки у них справа, пушки у них слева, пушки у них впереди; у них, оглушенных и опустошенных». Как заметил Уокер, каждый «джи-ай» знал и такие слова: «Они не должны спрашивать, зачем и почему; их дело — идти и умирать».)

Уокер пришел к тому же выводу, что и генерал Кота. С этого проклятого места надо немедленно убираться. Планам — конец. Пути назад нет. Он решил подниматься на скалы. Подобрал у убитого солдата винтовку «М-1», каску и двинулся вперед: «Я был совсем один».

Майор Сидни Бингем (Военная академия США, 1940 г.) командовал 2-м батальоном 116-го полка. Когда он дополз до галечной насыпи, с ним не оказалось ни радиста, ни помощника, ни посыльного. Начальник оперативного отдела убит, командир штабной роты ранен, командир роты «Е» убит, командир роты «Эф» ранен, командир роты «Эйч» убит, а в роте «Е» «из 200 человек погибли 55».

Бингемом овладело ощущение полной беспомощности: «Я, батальонный командир, не способен сделать то, что от меня требуется, и хоть как-то повлиять на ситуацию». Он попытался организовать отряд из роты «Эф», чтобы двинуться с ним вверх на скалы.

В это время, около 7.45, несколько младших офицеров, сержантов и солдат собирали вокруг

себя другую группу. Остаться дальше на берегу означало неминуемую смерть. Отступать некуда. Кто-то должен взять на себя ответственность и руководство. Многие так и поступали. Бингем говорит: «Личная инициатива отдельных военнослужащих определила исход боев первого дня. Мало что было предпринято на уровне ротных, батальонных и полковых командиров. Они не проявили должного тактического профессионализма в координации действий».

Бингем провел собственный анализ ошибок в осуществлении первого и второго этапов высадки. Среди различных факторов он отметил, что войска слишком долго находились на судах Хиггинса: «Морская болезнь, которая мучила десантников по три-четыре часа, вытравивала из них весь идеализм и энтузиазм. Особенно пагубно она отразилась на эффективности командования».

И далее: «Суда шли перегруженными, что снижало их маневренность и нередко приводило к гибели людей. Если бы противник продемонстрировал высокий боевой дух, то он без труда вышвырнул бы нас обратно в море»,

С 6 июня 1944 г. Бингем постоянно упрекал себя за неадекватность поступков (совершенно несправедливо). В интервью он сказал: «Я и теперь стыжусь того, что в тот страшный день оказался плохим командиром». Так может чувствовать себя комбат, под началом которого остается не более отделения солдат. Но Бингем провел свое отделение через галечное препятствие, минные заграждения и вступил в неравный бой с противником. С учетом обстоятельств это немалое достижение.

Немцы не контратаковали по разным причинам. Во-первых, они не располагали для этого достаточными силами. На линии обороны генерал Крайсс держал два пехотных и один артиллерийский батальон общей численностью в 2000 человек, то есть меньше чем по 250 на 1 км. Во-вторых, его реакция была запоздалой. Только в 7.35 он решил вызвать дивизионный резерв «Камфгруппе Мейер» (названный по имени командира 915-го полка 352-й дивизии Крайсса). И после этого генерал ввел в действие лишь один батальон, который прибыл к середине дня. Крайсс исходил из ложного представления, что его войска уже остановили вторжение на «Омахе». В-третьих, немецких пехотинцев готовили не к контратакам, а к удержанию укрепленных огневых позиций и к стрельбе из них.

Один немецкий солдат, оперировавший пулеметом «Мг-42» на вершине скалы, признался в радиоинтервью в 1964 г.: «Мне впервые пришлось стрелять по живому человеку. Я не знаю, как все это произошло. Помню одно: подошел к пулемету и начал палить, палить, палить...»

Видеть, как убивают людей, всегда страшно. Капитан роты «Д» Уолтер Скиллинг в Англии дал прекрасный инструктаж своим хорошо натренированным десантникам. Сейчас он вместе с ними шел на головном судне третьего эшелона. Капитан считался отличным ротным командиром, одним из лучших в армии США. Они приближались к сектору, на котором, казалось, не было ни души. Никто не стрелял. Скиллинг заметил рядовому Джорджу Кобу:

— Я же говорил, что все будет хорошо.

Через какие-то секунды, вспоминает Коб, «еще до спуска сходни, Скиллинга сразило

осколком разорвавшегося снаряда».

Лейтенант Уильям Гарднер, выпускник Уэст-Пойнта, служил в роте начальником штаба. Вот как характеризует его в своих воспоминаниях сержант Джон Роберт Слотер: «Молодой, способный, напористый, в меру жесткий. Он обладал всеми качествами для того, чтобы стать крупным военачальником в американской армии». Команда опустила рампу метрах в 150 от берега. Пехотинцы сошли по ней в воду без потерь. Гарднер приказал всем рассеяться и не подниматься во весь рост. Не дойдя до суши, он упал под пулеметными очередями.

Немецкая артиллерия взяла судно сержанта Слотера в вилку. На расстоянии 100 м британский рулевой-старшина заявил, что он собирается сбросить сходню и все должны покинуть корабль. Сержант Уиллард Норфлит потребовал, чтобы тот продолжал двигаться вперед:

— У ребят тяжелое снаряжение, и тебе придется доставить их прямо к берегу.

— Но нас же всех убьют! — взмолился старшина. Норфлит отстегнул кольт и приставил его к голове моряка:

— Только вперед! Рулевой повиновался.

А сержант Слотер стоял на носовой палубе, его тошнило, и он думал только об одном: «Если эта посуда не поторопится и мы не выйдем на сушу, то я умру от качки».

Катер наткнулся на мель и остановился.

«Я смотрел фильм «Самый долгий день», — говорит Слотер. — Но в действительности высадка десанта проходит иначе. Все было гораздо реалистичнее. Ты прыгаешь в воду. И если тебя не утянет на дно, то непременно подстрелят».

Огонь с берега подавлял. «Он, конечно, многих превращал в настоящих мужчин, — добавляет Слотер. — Некоторые становились храбрецами, другие — мертвецами. Но большинство из тех, кто выживал, испытывали страх. Кто-то обдeldывал штаны, кто-то, не стыдясь, плакал. Другие старались справиться с эмоциями».

«В таких ситуациях побеждают дисциплина и выучка», — заключил сержант, отдавая должное командирскому мастерству капитана Скиллинга.

Слотер добрался до суши: «Волны выкатывали на берег тела погибших, заглатывали еще живых». Большинство десантников роты «Д» провели в воде около часа. Теперь для сержанта стало делом принципа доползти до галечной гряды. Ему это удалось. Он снял десантную куртку, растянул на земле плащ, чтобы почистить винтовку. И тут сержант заметил, что плащ в нескольких местах пробит пулями: «Я закурил первую в этот день сигарету (они были завернуты в пластиковый пакет). Мне нужно было хоть немного отдохнуть: у меня не на шутку дрожали колени».

Отдыхать не пришлось: «Появился грозный полковник Канхем. Правая рука у него

перевязана, в левой — кольт. Он стал кричать на офицеров, чтобы те уводили своих людей с берега:

— Убирайтесь с этого чертова пляжа и идите бить немцев! Один лейтенант укрылся в доте от немецких минометов.

Полковник подскочил к нему и заорал:

— Вылезай отсюда и покажи, что ты еще офицер! Другому лейтенанту он приказал:

— Заставь солдат оторвать зады от земли, и марш вон туда, за дамбу!»

Это был критический момент сражения. Молодые люди, выросшие в условиях демократии, проходили серьезную проверку на стойкость, способность бросить вызов противнику, подняться в атаку. Рядовой Карл Уист вспоминает: «Элементарный страх держал нас у галечной гряды. Мы лежали под пулеметным и минометным огнем по одной идиотской причине: некому было повести нас с этого треклятого берега. Мы думали: хорошо, мы пойдем, но кто-то должен нам приказать».

Сержант Уильям Льюис, как и другие, прячась у галечной насыпи. На него, убегая от снаряда, свалился рядовой Ларри Роут.

Льюис рассказывает:

«Ларри спросил:

— Это ты дрожишь, серж? Отвечаю:

— Я, черт возьми!

— Господи, а мне показалось, что я, — сказал Ларри. И действительно, Роут дрожал как осиновый лист».

: Они продолжали укрываться у насыпи. К ним присоединились еще несколько десантников. «Мы ничего не могли поделать с нашим страхом, — говорит Льюис. — Нам оставалось только держать свои задницы подальше от немецких пуль».

Другие десантники нашли убежище возле дамбы.

Все, кто успел добраться до галечной насыпи на побережье «Омаха», там и остались. Тогда генерал Кота, полковник Канхем, какой-нибудь другой капитан, лейтенант или сержант пытались повести людей за собой. Они собирали отряды, командовали «За мной!» и шли приступом на скалы.

В случае с сержантом Льюисом ситуация разрешилась просто. Он сам об этом и рассказывает: «Лейтенант Лео Ван дг Вурт закричал на нас:

— Какого лешего вы здесь торчите! Вас, как щенят, поубивают.

Он забросал гранатами огневое сооружение, из которого по нам стреляли, и вытащил оттуда пять или шесть немцев. И мы подумали: вот черт, если лейтенант сделал это, то и мы сможем. Так ему удалось увести нас с пляжа».

Примерно так же поднимались в бой и другие десантники. Своим опытом делится рядовой Реймонд Хоуэлл, сапер роты «Д». Его ударило шрапнелью в каску и руку. И он сказал себе: «Ладно, если мне суждено погибнуть, то только не в этом дерьме. Когда следующая компания ребят ползет через дамбу, я буду с ними. Если они пехотинцы, то и я стану пехотинцем. Я думаю, что тогда все решили: пора действовать».

18. Кромешный хаос

16-й полк на «Омахе»

В первом десантном эшелоне в день «Д» только 16-й пехотный полк 1-й дивизии («Биг-Ред-Уан») имел боевой опыт. Но это не очень помогло. То, с чем ему пришлось столкнуться на «Изи-Ред», «Фокс-Грин» и «Фокс-Ред» 6 июня 1944 г., не шло ни в какое сравнение с высадками в Северной Африке (1942) и в Сицилии (1943).

Как и 116-й, 16-й полк выгружался в условиях полной неразберихи. Части перемешались и выходили на берег в стороне от назначенных участков. Лишь одна рота «Л» из восьми рот высаживалась более или менее единым подразделением. Графики не соблюдались. Проходы через заграждения не были подготовлены. Большинство офицеров, которые первыми покидали суда, погибли или получили тяжелые ранения, так и не ступив на землю. Пехотинцы попали под мощный фронтальный и фланговый огонь орудий, минометов, пулеметов.

Корабельная артиллерия прекратила стрельбу, как только боты Хиггинса приблизились к берегу, и не возобновляла ее, ожидая, когда рассеется дым и будут ясно видны цели или когда наблюдатели передадут координаты (немногим удалось добраться до своих наблюдательных пунктов, а у тех, кто смог это сделать, оказались неисправными рации). Танки «ДД» в массе своей ушли на дно. Амфибии, переборовшие волны, немцы остановили у причоя.

В результате противник мог безнаказанно вести прицельный огонь по десантникам. Американские пехотинцы пробивались к берегу без какой-либо поддержки. Они несли невероятные потери, особенно в прибрежных водах и на 200 м открытого пляжа. Высадка первого и второго эшелонов 16-го полка, как, впрочем, и 116-го, больше напоминала сухопутные атаки через «ничейную землю» под Соммой времен Первой мировой войны, нежели операции, типичные для Второй мировой войны.

«Мы потеряли всякий интерес к жизни, — говорит рядовой Джон Макфи. — На нас навьючили столько снаряжения, что мы чувствовали себя загнанными мулами. Я был молод, в отличной форме. Я мог выдержать большие физические нагрузки. Но меня так укачало, что смерть казалась благом. На самом деле, я готов был умереть. Так меня измотало».

Спрыгнув с рампы в воду, Макфи еле доплелся до берега. Там он «свалился с ног и пролежал, казалось, целую вечность». Его трижды ранило: в спину и в левую ногу. Парализовало руку: «И мне стало легче. Страх исчез. Я знал, что умираю. Молился Создателю и просто ждал».

Макфи посчастливилось. Его подобрала команда и отнесла к дамбе. Потом Джона эвакуировали в Англию. Ему сказали, что его раны «стоят миллиона долларов». Так или иначе, война для Макфи закончилась.

Когда рампа опустилась на катере, где находился сержант Клейтон Хэнке, он вспомнил о своем детстве. Когда ему исполнилось пять лет, он увидел в одной бостонской газете фотографию времен Первой мировой войны и заявил матери:

— Я хочу стать солдатом.

— Никогда больше не говори этого, — ответила мать. Однако в 17 лет Хэнке вступил в регулярную армию. Стоя у сходни, он вспомнил слова матери и сказал себе: «Это был мой выбор. Я напросился сам на все это и то, что меня еще ожидает». Он нырнул в волны и поплыл к берегу.

Рядовой Уоррен Рульен высадился со вторым эшелоном. Вокруг в воде колыхались тела убитых солдат. Он прижался к стальной балке заграждений, которые уже накрывал прилив. Его комвзвода, 19-летний лейтенант, прислонился к другой.

Лейтенант крикнул:

— Эй, Рульен, я пошел!

Он не успел отойти, как его подсекла пулеметная очередь.

Рульен выловил из воды тело одного из погибших десантников и, держа его перед собой как укрытие, двинулся к берегу.

«Вскоре рядом со мной оказались еще четыре солдата, — рассказывает Рульен. — Я им говорю:

— Не создавайте толпу.

А они — ноль внимания. Тогда я оставил их с трупом, а сам, приседая как можно ниже, попытался преодолеть хотя бы еще несколько метров. Наступил на отмель и пополз по ней на животе». Однако на другой стороне вода снова чуть не накрыла Рульена с головой. Слава Богу, до суши оставалось совсем немного. На берегу он встретил трех офицеров, «в полном оцепенении сидевших на песке»: «Никаких команд я не слышал». В итоге Рульен, как и другие уцелевшие десантники, оказался в укрытии возле дамбы.

Старшину-рулевого катера, на котором ждал высадки рядовой Чарлз Томас, убило пулеметной очередью, когда судно приближалось к берегу. Кто-то из членов команды встал на его место. Командиру взвода оторвало руку, когда тот попытался опустить рампу. Все же сходню удалось сбросить, и десантники один за другим посыпались в прибой. Томас нес удлинённый заряд «Бангалор», поэтому отстал.

«Я остановился, — рассказывает Чарлз, — чтобы прихватить с собой дымовую гранату, хотя у меня и без того хватало груза. Привычка запастись чем-нибудь полезным. Парень, который командовал катером, заорал на меня, чтобы я поторопился: у него нет времени. Я повернулся и ответил:

— А у меня есть».

Томас спрыгнул в воду, погрузился в нее по шею: «Каска съехала назад, и ремешок

сдавливал горло. Винтовка волочилась по дну, мешая идти». Он надул свой «Мей Уэст» и с трудом доковылял до суши: «Мне пришлось потом ползти через тела погибших и раненых. Трудно было определить, кто уже мертв, а кто еще жив. Это уже не имело значения. Нам приказали не останавливаться и идти только вперед. Иначе тебя самого подстрелят».

Когда Томас добрался до дамбы, он увидел возле нее «груды «джи-айз» — и убитых, и раненых»: «Я лег на бок, отвернулся, раскрыл ширинку и помочился. Не знаю, почему я это сделал: одежда вся насквозь мокрая, вокруг стрельба, смерть. Наверное, мне не хотелось скверно пахнуть».

Томас направился вдоль стены влево и набрел на группу солдат из своей роты: «У большинства не было даже винтовки. Они выклянчили у меня сигареты. Я сберег три блока, завернув их в восковку». Томас фактически находился у подножия скалы (чуть ниже того места, где теперь расположено американское кладбище). По его мнению, «немцы могли вышвырнуть нас метлами, если бы знали, сколько нас осталось и в каком мы состоянии».

Капитан Фред Холл шел на ДССПЛС вместе со штабной группой 2-го батальона (командир подполковник Герб Хикс). Он был начальником оперативного отдела. Его сердце сжалось, когда он увидел в волнах желтые плоты и людей в спасательных поясах. Капитан понял, что это экипажи затонувших танков «ДЦ»: «Мне стало ясно, что у нас не будет танковой поддержки на берегу». Судно направлялось в сектор «Изи-Ред» роты «Е». Планировалось, что это подразделение высадится на крайнем правом участке зоны 16-го полка, на стыке с 116-м полком между «Изи-Грин» и «Изи-Ред». Но оно выгружалось почти на границе между «Изи-Ред» и «Фокс-Грин», на целый километр дальше от ближайшей части 116-го полка с правой стороны и по соседству с разрозненными отрядами роты «Е» 116-го полка, оказавшимися вообще не в своем секторе, с левой стороны.

Такие ошибки исправить невозможно. Офицеры и солдаты штабной группы попрыгали в воду, и, как говорит Холл, «каждый на свой страх и риск преодолевал открытый для немецких пуль и снарядов пляж». 14 человек из 30 не смогли это сделать. Холл и Хикс где ползком, где перебежками добрались до дамбы. Они достали планшет с картами, упакованный в брезент. На них были показаны направления наступления, границы между частями, рубежи регулирования, задачи и цели. Но офицеры даже не раскрыли планшет. «Я помню, — замечает Холл, — мы почувствовали всю нелепость ситуации».

«Вокруг нас стоял неимоверный грохот, — рассказывает капитан. — Минометы, немецкая артиллерия, наши корабельные орудия, гул самолетов, стоны раненых — все смешалось. Разве можно это вынести?»

Уже на берегу погибли помощник комполка и передовой артиллерийский наблюдатель. Хикс прокричал Холлу, чтобы тот нашел ротных командиров. Для Холла «это было дело жизни и смерти»: «Требовалось как можно скорее собрать оставшихся в живых командиров, чтобы они вывели своих людей из-под обстрела».

Хикс намеревался передислоцироваться правее, туда, где и должен был находиться его батальон, то есть на участок напротив выезда между Сен-Лораном и Колевилем. Но нарастал прилив, все более уменьшая пространство между морем и дамбой. Высаживались новые

эшелоны десантников. «Скоро на узкой полосе пляжа создалась такая сутолока и неразбериха, — говорит Холл, — что выбраться с него уже было практически невозможно».

И все же один взвод роты «Е» 16-го полка пробился на скалы. Его вел лейтенант Джон Сполдинг. Он одним из первых среди младших офицеров смог преодолеть дамбу, болота и выйти на высоты.

В 6.30 катер Сполдинга сел на мель. Он и сержант Фред Биско сбросили рампу, несмотря на огонь немецкой артиллерии, пулеметов и минометов. Сполдинг первым спрыгнул в воду. Слева от себя он видел другие суда роты «Е», но справа не было никого. Его взвод высадился на крайнем правом фланге 16-го полка.

Лейтенант рассредоточил людей и двинулся к берегу. Глубина на отмели не превышала метра. Дальше взвод попал в какое-то углубление, где вода накрыла десантников с головой. Сильное подводное течение сносило их влево (Сполдинг научился плавать в реке Огайо; он считает, что течение на «Омахе» оказалось намного мощнее). Сержант Стречик и медик Джордж Боуэн несли пятиметровую лестницу, предназначенную для преодоления противотанковых рвов. Сполдинг уцепился за нее. Стречик закричал:

— Лейтенант, нам не нужна помощь! Сполдинг ответил:

— Какого черта! Мне нужна!

Сполдинг принял решение избавиться от тяжелого снаряжения. В море полетели лестница, огнемет, минометы, одна из двух базук, часть боеприпасов. Многим солдатам удавалось держать над водой винтовки. К удивлению лейтенанта, оружие заработало сразу, как только десантники вышли на сушу. «Это доказало высокую эффективность наших «М-1», — заметил он в интервью.

Взвод потерял лишь несколько человек. В определенном смысле Сполдингу повезло. Он высадился там, где оборона противника была слабее, чем на других участках. Кроме того, немцев интересовали более крупные цели.

По пляжному песку десантники передвигались с трудом. «Они слишком намокли, чтобы бежать, — объясняет Сполдинг. — Со стороны казалось, что солдаты идут против сильнейшего ветра». У дамбы сержант Куртис Колуэлл прорвал удлинённым зарядом дыру в колючей проволоке. Все по очереди поползли на ту сторону заграждения.

Лейтенант снял с плеча рацию, вытянул антенну и попытался связаться с командиром роты. Но рация не действовала. «Мне надо было бы ее выбросить, — говорит Сполдинг. — Но тренировки настолько прочно засели в голове, что я машинально закинул ненужную рацию обратно за плечо. То, чему нас учат, остается с нами надолго».

За дамбой взвод встретил более сильный огонь. Один десантник погиб. Впереди простиралось заминированное болото. Стречик и рядовой Ричард Галлахер отправились на разведку.

— Здесь мы не пройдем! — прокричали они. Чуть левее дозор нашел скрытый проход, ведущий через минное поле. Взвод пересек его и вышел к подножию скалы. Пехотинцы начали подниматься, ориентируясь на еле заметную тропинку.

«Мы все еще не видели никого ни справа, ни слева от нас, — рассказывает Сполдинг. — Мы не могли понять, что случилось с нашей ротой. Позади в море горели корабли. В прибой уткнулся подбитый танк. Мы решили больше не оглядываться».

Слева по склону им встретился ДОС. Из него пулеметчики вели огонь по берегу: «Мы выстрелили, но что толку. Мы сами не раз попадали под обстрел, а пока почти все живы». К этому времени взвод был уже на полпути к вершине, в самой гуще немецких траншей и укрепленных полевых позиций. Галлахер, дозорный, передал по цепочке, что обнаружил тропу, скрытую в естественных углублениях. Она ведет вправо за окопы в минном поле. Сполдинг пошел вперед.

Сержант Биско крикнул ему: «Лейтенант, берегись этих чертовых мин!» «Этот район был просто наштапован ими, — вспоминает Сполдинг. — Но, к счастью, никто из нас не подорвался. Рота «Эйч», которая шла по той же тропе позже, потеряла несколько человек. Сам Господь был с нами, и на плечах каждого сидел ангел-хранитель».

Откуда-то сверху застучал пулемет. Сержант Блейдс выстрелил по нему из единственной базуки, но промахнулся. Пуля попала ему в руку, другая сразила насмерть рядового. Сержант Фелпс выхватил «Браунинг» и упал: очередь полоснула его по обеим ногам. Сполдинг решил закидать огневую точку гранатами.

«Когда мы подползли к доту, — рассказывает он, — из него с поднятыми руками вышел одинокий пулеметчик и заорал:

— Kamerad!

Нам нужны были пленные, чтобы выяснить обстановку. Поэтому я скомандовал своим солдатам — не стрелять».

«Немцем» оказался поляк. Он сообщил Сполдингу (переводил сержант Стречик), что в соседних окопах еще 16 поляков. Перед боем среди них прошло голосование: сражаться или нет. Все были против. Но немецкие сержанты пригрозили расправой: «Поляк также сказал, что не стрелял в нас. А я сам видел, что он попал в трех наших ребят. Я поручил его сержанту Блейдсу, которого поляк ранил. Блейдс отдал свою базуку другому десантнику и конвоировал пленного с траншейным ножом».

Сполдинг разместил раненых в гроте, где санитар Джордж Боуэн оказал им первую помощь. Лейтенант высоко оценивает действия своего медика в этот день: «Он все утро не отходил от раненых на берегу. Никто не ждал его больше пяти минут. Он оказывал не только медицинскую помощь, но и огромную моральную поддержку. За свою доблесть Боуэн удостоился креста «За боевые заслуги».

Снова вытянувшись в цепочку, взвод продолжал подниматься вверх, стремясь не

обнаружить себя и в то же время высматривая огневые позиции противника: «Когда мы выходили на гребень, сержант Кларенс Колсон вдруг насторожился и приготовил «Браунинг». Справа от нас он увидел пулеметное гнездо. Сержант открыл по нему такую бешеную стрельбу, что ему не успевали подносить патроны». Было 8.00. Десантники заняли вершину горы и начали прочесывать немецкие траншеи.

Споддинг и его взвод, как и другие небольшие подразделения, которыми командовали капитан Джо Доусон и капитан Роберт Уокер, совершали настоящие подвиги. Они показывали примеры героизма, самоотверженности, отваги, боевого товарищества, инициативы, тактического мастерства. Именно такие качества армия воспитывала в молодых людях, пришедших с гражданки на военную службу, — в солдатах, сержантах, младших офицерах.

Одно из величайших достижений в истории Соединенных Штатов — создание в годы Второй мировой войны мощного промышленного потенциала. Другое — это формирование бойцовских и лидерских качеств в младших офицерах (по сути, ровесников студентов колледжей). Им мы во многом обязаны тем, что выиграли войну.

И в 8.00 отряды, пробивавшиеся на скалы, все еще действовали разрозненно. Взвод Сполдинга вышел на плоскогорье между деревнями Колевиль и Сен-Лоран. Перед ним стояла задача в Сен-Лоране соединиться с ротой «Е» 116-го полка, которая должна была подойти с правого фланга. Десантники Сполдинга не знали, что рота «Е» 116-го полка высадилась слева от них и застряла у дамбы.

Рота «Л» 16-го полка прибыла в 7.00, на полчаса позже, чем планировалось, и почти на километр левее от назначенного участка. По графику ей надлежало выгружаться у выезда, который ведет прямо к Колевилю. Она же оказалась у «Фокс-Грин» и частично у «Фокс-Ред», на восточной границе «Омахи». Здесь прилив подступает к практически отвесным скалам.

Поскольку суда подошли с большим опозданием, прилив накрыл береговые заграждения. В секторе «Фокс-Ред» не намечалась высадка войск. Поэтому минные ловушки остались нетронутыми. Рядовой Кеннет Романский видел, как взлетел в воздух катер по правому борту. Он посмотрел в левую сторону, и там горело судно, подорвавшееся на mine. На его глазах пожар выбросил объятые пламенем тело десантника. «Наш взводный, лейтенант Годвин, закричал:

— Полный назад! Полный назад! Отведите эту чертову посудину назад!

Британский рулевой отошел метров на сто в море и сдвинулся влево.

— А теперь сбросьте рампу, — скомандован Годвин. — И поскорее!»

Глубина была почти два с половиной метра. Романский сразу же коснулся дна. Он выкинул винтовку, заряд «Бангалор», надул «Мей Уэст» и поплыл к берегу, усиленно отталкиваясь от воды ногами. Потом Кеннет переполз прибой, вскочил и скрылся под скалой: «Там уже лежали несколько человек. Одни мертвые, другие — раненые. Ощущение беды, катастрофы. Я растерялся. Потом взял у погибшего солдата винтовку. Она была снабжена гранатометом. Я запустил все мои шесть гранат на скалу. Не знаю, попал ли в кого-нибудь. Главное, что они

разорвались на вражеской территории».

Романский взглянул в сторону моря и увидел то, что он «никогда не смог забыть»: «Волны перекачивали в прибое мертвое тело. Оторванная нога держалась на кусочке ткани. Подскакивает тело, рядом отдельно подскакивает нога. Падает тело, отдельно падает нога».

Справа от того места, где находился Романский, какой-то незнакомый офицер пытался собрать людей, чтобы подняться по узкой расщелине в восточной части скалы. Он взывал:

— Все ко мне! Все ко мне!

Романский вызвался вступить в отряд незнакомого офицера. Группа насчитывала человек 20. Они двинулись в путь. За ними потянулись и другие.

Между взводом Сполдинга справа и ротой «Л» слева высаживались роты «Е», «Эф» и «И». Они перемешались, выбились из графика, запутались в заграждениях или завязли у дамбы. Подразделения несли большие потери, но не отвечали огнем на огонь.

Рядовой Х. У. Шредер шел в третьем эшелоне. Когда его катер напоролся на мель, «корпус заскрежетал так, словно под ним был не песок, а гравий». «Немцы сразу взяли нас на прицел. Все закричали:

— Стоп машина!

Рулевой дал задний ход, переместился немного в сторону и попробовал обойти мель. Я заметил, что лейтенант побледнел, да и на лицах других десантников застыл страх. Вдруг лейтенант заорал на рулевого:

— Хватит, опусти ее!»

«Сходня упала, — вспоминает Шредер, — а мы с тоской смотрели на берег. Там должны были быть танки, чтобы нас поддержать. Мы видели только два. Один стоял подбитый. Другой почему-то не стрелял. Хорошо, что они хотя бы давали укрытие «джи-айз», которые столпились за ними, прячась от пулеметного и минометного огня, лившегося сверху, как раскаленный докрасна смерч. С разных направлений неслись трассирующие пули».

Шредер и его штурмовой отряд выбросились с катера навстречу огненному валу, благополучно миновали подводные заграждения, открытую полосу пляжа и укрылись возле дамбы: «Там нас много набралось. «Джи-айз» буквально сидели друг на друге. Я принялся чистить автомат. Он был забит песком».

Судно, на котором находился командир роты «И» капитан Кимболл Ричмонд, снесло на восток почти к Порт-ан-Бессену. Рулевой намеревался высаживать пехотинцев, но Ричмонд сказал, что это совершенно не тот участок. Пришлось отойти на запад, к «Фокс-Грин», назначенному по плану сектору. Десантники потеряли целый час. Когда старшина опускал рампу, его ранило. Но он все еще мог управлять катером. Сходню подняли, и рулевой вывел судно из-под пулеметного огня. Покружив, капитан Ричмонд нашел, как ему представлялось,

более безопасное место и приказал рулевому идти к берегу. Было 8.00, и прилив затопил все заграждения. Старшина не знал, чего больше бояться — пулеметов или мин.

Рядовой Алберт Момайни рассказывает: «На расстоянии метров ста от прибоя судно неожиданно накренилось, словно на что-то наскочило, моментально раздался сильнейший взрыв и вспыхнул ослепляющий пожар. Забушевало пламя. Первая мысль — о спасении, как выжить. Но прежде чем я сообразил, что делать, я уже был в воде».

Особым ростом Момайни не отличался: всего 155 сантиметров. Он с головой погрузился в волны. Десантник выкинул винтовку, сбросил с себя снаряжение, надул «Мей Уэст» и поплыл под дождем пуль:

«Метрах в 50 от берега стало мельче, и я мог идти. И считал: тридцать, еще двадцать... Я был все еще в шоке и чувствовал себя подавленным и измученным. Вдруг слышу голос:

— Вперед, малыш! Ты дойдешь!

Это говорил лейтенант Андерсон, штабист. Он словно разбудил меня. Я рванулся к нему. Он схватил меня за руку, выволок из воды и практически дотащил под укрытие дамбы. С нашего судна уцелели только шесть человек из 30».

«Я осмотрелся. Повсюду брошенные грузовики и танки. Пляж усыпан оборудованием и снаряжением. Санитары перевязывают раненых. Капелланы отпевают убитых. Мне захотелось закурить. Я спросил, ни к кому не обращаясь:

— У кого-нибудь найдется сигарета?»

Рота «И» потеряла более трети личного состава убитыми и ранеными. Рота «Эф», высадившаяся ранее на «Фокс-Грин», вообще перестала существовать как боевое подразделение. Горстке солдат удалось добраться до галечной гряды, но практически все они были без оружия.

Рота «Г» появилась в 7.00. Первым сошел на берег командир, капитан Джо Доусон. За ним — сержант-связист и писарь. Когда они спрыгнули, в судно ударил снаряд. Катер взорвался. Погибли тридцать человек, в том числе морской офицер, ответственный за корректировку огня корабельных орудий.

Доусон полагал, что проход на скалу уже расчищен ротой «Эф». Но все, что его ждало, — это «трупы на берегу». Только у галечной насыпи капитан встретил несколько уцелевших десантников из своей роты. Среди них был и сержант Джо Пилк. «Мы не могли продвинуться дальше, — говорит он, — потому что немцы впереди поставили двойной забор из колючей проволоки, справа — простирались топи, а слева — минные поля».

«Наше наступление завязло в крошечном хаосе, — вспоминает Доусон. — Немцы полностью контролировали сектора обстрела». Капитан понял одно — «на берегу он ничего не сможет сделать, кроме как умереть». Доусон приказал рядовым Эду Татаре и Генри Пешеку прорвать коридор в колючей проволоке двумя зарядами «Бангалор», связанными вместе. Затем

отряд капитана прошел через минное поле и двинулся вверх по скале, подавляя траншейные позиции немцев.

Конечно, небольшим группам десантников капитана Доусона и лейтенанта Спеллинга были не под силу фортификационные сооружения над секторами высадки 16-го полка. Тем не менее своими действиями они способствовали общему снижению огневой деятельности противника.

Команды отважных десантников, подобные отрядам Доусона и Спеллинга, подавали пример тем, кто укрывался за галечной грядой и дамбой. «Если они способны на это, значит, я тоже могу», — так думал каждый.

Заражали своим энтузиазмом сержанты, другие младшие офицеры, полковые командиры. 47-летний полковник Джордж Тейлор высадился около 8.00. Рассказывает рядовой Уоррен Рульен: «Ему попалась отмель, и фигура полковника на ней хорошо просматривалась. Немцы обложили его огнем. Тейлор упал плашмя и пополз на животе. За ним карабкались штабисты». Рядовому Полу Радзому они показались «на смерть перепуганными лейтенантиками».

Рульен слышал, как Тейлор у дамбы говорил офицерам:

— Если нам грозит смерть, то лучше умереть там, наверху. Здесь, на пляже, только две категории людей: уже погибшие и те, кто вот-вот погибнет. Проваливаем отсюда к черту!

Пехотинцы прорвали зарядами «Бангалор» дыры в колючей проволоке. Саперы обозначили лентами безопасные проходы в минных полях. Идти дальше не давало ДОС у подножия скалы. «Я подполз к нему, — вспоминает рядовой Бадци Маззара из роты «С», — и пальнул из огнемета прямо в амбразуру. Подоспел и Фред Эрбен с динамитом. Но из ДОСа уже вышли с поднятыми руками солдаты и стали кричать:

— Не стреляйте! Не стреляйте! Мы есть поляки!»

Рядовой Шредер с начищенным до блеска автоматом наблюдал, как один из пехотинцев вырвался вперед: «Он зигзагами пересек минное поле до самой скалы. Стало легче на душе. Значит, есть шанс выбраться отсюда. Наступила моя очередь. Я подхватил автомат, перелез через галечную гряду и, пригибаясь, двинулся через минное поле. Оно было усеяно телами погибших и раненых солдат. Но мой час, очевидно, не настал. Я добежал до скалы».

Шредер замер у фундамента старого дома. К нему присоединились еще два десантника: «Мы сидели втроем, не зная, что делать. Мы не видели ни нашего взводного, ни сержанта, никого».

Они немного успокоились, заметив на вершине скалы группу американцев. Потом мимо них под конвоем провели пленных, которых вниз отправил капитан Доусон: «Немцы выглядели безобразно. Волосы слиплись от цемента и грязи. Они вовсе не были похожи на отъявленных вояк. Мы встали и начали подниматься по расщелине, захватив с собой все снаряжение. За нами пошли еще несколько человек».

Лейтенант Уильям Диллон собрал группу из уцелевших солдат своего взвода. Он связал вместе три заряда «Бангалор», подсунил их под забор из колючей проволоки и подорвал. Отряд прополз в образовавшуюся дыру, гуськом, идя друг за другом, миновал болото. Потом им пришлось переплыть глубокий противотанковый ров. Преодолев и это препятствие, десантники были уже у подножия скалы.

«Я знал, — рассказывает Диллон, — что немцы проделали на скалы тропку в обход мин. До войны я был неплохим охотником и мог запросто выследить зайца. Я внимательно осмотрел камни и нашел почти незаметную дорожку. Осторожно переступая, пошел по ней. Позади что-то гроыхнуло. Оглянулся: молоденький солдат, потеряв тропинку, шагнул в сторону и подорвался. Ему отхватило полноги, до колена. Мы понесли его с собой и все-таки вышли на гребень. Там я впервые в своей жизни увидел русских солдат».

В своей статье 12 июня 1944 г. Эрни Пайл писал: «Теперь, когда все позади, мне представляется чудом, что нам вообще удалось овладеть пляжами... Как сказал один офицер, единственный способ захватить плацдарм — это начать действовать и не отступать. Жертвы неизбежны, но это единственный путь. Если солдаты зарываются на берегу и не идут вперед, то им лучше бы совсем там не быть. Они сдерживают другие эшелоны, и операция захлебывается.

Наши десантники зарылись вначале, но они поднялись и прошли до вершины скал. Поэтому мы взяли побережье и успешно завершили высадку. Мы сделали это, несмотря на определенные преимущества противника и определенную ущербность наших действий. Через несколько дней мы сядем, поговорим и назовем чудом то, что наши десантники высадились и, более того, остались на побережье».

Чудо сотворила пехота. Предусматривалось, что воздушные бомбардировки и корабельный артобстрел, а затем танки и бульдозеры подготовят проходы с тем, чтобы пехота поднялась по ложбинам или расщелинам и вступила в бой с противником на скалах. Планы рухнули.

Как всегда бывает на войне, на пехоту легла основная тяжесть сражений. Она захватила выезды, чтобы по ним потом прошла техника.

Чувство долга и внутренний зов, два года тяжелых учений помогли десанникам 16-го полка перебороть смятение и страх, выйти из-за галечной гряды и подняться на скалы. Полковник Тейлор, как и многие другие офицеры, указывал на очевидный факт: оставаться в «убежище» означало погибнуть. Отступление исключалось.

Капитан Доусон, лейтенанты Сполдинг и Диллон личным примером убеждали солдат в том, что можно преодолеть болота, противотанковые рвы, минные поля и отыскать безопасные подъемы на скалы.

Младшие офицеры и сержанты, сойдя на берег, увидели, что тщательно отработанные схемы, которые они изучали и даже зазубрили, не имеют ничего общего с реалиями. Им обещали, что бомбардировщики «Б-17» нароют для пехотинцев воронки на случай, если придется укрываться от автоматных и пулеметных пуль. Десантники ожидали, что выезды будут расчищены танками «ДД» и бульдозерами, и готовились к боям с противником на склонах скал. Они надеялись на мощную артиллерийскую и танковую огневую поддержку. Их ожидания не

оправдались.

И все же учения не прошли даром. Десантники овладели ситуацией и сделали все, что могли. И даже больше. Это воинская доблесть высшего порядка. И ее продемонстрировали молодые люди, которые еще два-три года назад понятия не имели о том, что такое минные заграждения, траншеи или ДОСы.

Сержант Джон Эллери из 16-го полка, как и многие другие пехотинцы, вначале оказался у галечной гряды: «Пот стекал со лба, дым, пыль, мгла. Я почти ничего не видел». Сбоку от него лежал мертвый десантник, позади — другой. Сержант решил собрать вокруг себя тех, кто еще был жив. Нашлось немного — человек пять-шесть. «Я сказал, что нам надо уходить с берега. Мы добрались до подножия скалы и начали взбираться наверх. На полпути справа по нашей группе ударил пулемет. Рывками, скрываясь за камнями, я пополз к доту и, когда оставалось метров десять, метнул в него все мои четыре осколочные гранаты. Пользуясь моментом, мы быстро поднялись на вершину скалы. Не знаю, удалось мне выбить пулеметный расчет или нет. Однако стрельба прекратилась. Гранаты — это все, что я применил против немцев, уходя с берега. Ни винтовка, ни пистолет не пригодились».

Делясь своими боевыми воспоминаниями, ветеран коснулся и проблемы лидерства: «После войны я читал о генералах и полковниках, которые любили вышагивать перед войсками и наставлять их наперед, что делать и чего нет. Может быть, кого-то это и вдохновляло. Я же думаю, что солдатам было гораздо интереснее и полезнее услышать, что говорят младшие офицеры и сержанты, которые поведут их в бой».

Несколько умерив тон, Эллери продолжал: «На моем участке высадки я не встретил ни одного генерала. Зато видел, как капитан и два лейтенанта, проявляя невероятную силу воли и мужество, пытались совладать с тем хаосом, который творился на берегу». Этим офицерам удалось организовать небольшой отряд и уйти на скалы. Одному из лейтенантов чуть не оторвало руку, но он хладнокровно вел людей наверх. Во время подъема он получил еще одно ранение. Другой лейтенант нес на спине раненого солдата, пока сам не свалился от пули.

«Если говорить о лидерстве под вражеским огнем в Нормандии, — замечает Эллери, — то надо воздать должное прежде всего младшим офицерам и сержантам. Они шли первыми и вели за собой. Такие люди всегда были, есть и будут. Мы иногда забываем: можно изготовить оружие и приобрести боеприпасы, но нельзя купить доблесть и поставить на конвейерное производство героев».

Суждения Эллери, безусловно, интересны. Но они не справедливы, например, по отношению к полковнику Тейлору (не всякий 47-летний мужчина поведет за собой двадцатилетних парней на отвесные скалы) и генералу Коте. Конечно, герои не сходят с конвейера. Чтобы под вражеским огнем подняться на вершины скал, нужны мужество и отвага. Однако смельчаки вряд ли бы многого добились, и вообще неизвестно, остались ли бы в живых без предварительной подготовки и подошедших потом подкреплений, причем не только пехотных.

В некотором смысле положение людей наверху напоминало ситуацию, в которой оказывалась пехота в годы Первой мировой войны, когда она в лобовой атаке прорывалась через

«ничейную землю». Десантники проникли через траншейные полевые позиции противника. А последующие эшелоны попали под фланговый пулеметный огонь и артиллерийский обстрел с тыла. Передовые отряды остались в изоляции.

Вот здесь и должна была проявиться мощь американской военной индустрии. К 8.30 крупные суда — ДССК, ДСТ, ДКТ, паромы «Райноу» доставили ошеломляющее количество бронированной техники. Но все эти танки, артиллерийские самоходки, грузовики, джипы создавали только проблемы. По мере того как прилив подходил к своей наивысшей отметке, береговая полоса сужалась. 16-й полк уже потерял больше подвижной техники, чем имелось у всей 352-й немецкой дивизии. Генерал Брэдли раздумывал над тем, чтобы последующие эшелоны развернуть обратно в Англию и держать их там до тех пор, пока «кто-нибудь не откроет выезды», по которым техника может подняться на плоскогорье. В создавшейся «пробке» на берегу от нее было мало толку, а для немцев она служила великолепной мишенью.

Этим «кто-нибудь» была пехота.

19. «Пробка» на берегу

Танки, артиллерия, саперы на «Омахе»

В Северной Африке в 1943 г. Эйзенхауэр отругал одного генерала^[49] за то, что он выстроил для своей штаб-квартиры роскошный подземный бункер, защищенный от бомб. Это было на Кассерине. Эйзенхауэр отправил его в инспекционную поездку на передовую и сказал, что на войне «генералы такой же затратный материал, как и все остальное в армии».

Война — это трата оборудования, снаряжения, людских ресурсов. С потерями, как бы ни было тяжело, можно согласиться, если они помогают достижению победы. На «Омахе» погибли сотни молодых людей, на подготовку которых ушли немалые средства. Многие, если не большинство, не сделали ни одного выстрела. Были потоплены или уничтожены немцами сотни танков, артиллерийских самоходок, грузовиков, джипов, десантных судов. Не поддается подсчету количество утерянных винтовок, автоматов, пулеметов, базук, огнеметов, гранат, боеприпасов и другого снаряжения.

Техника проделала длинный путь через Атлантику до Портсмута с заводов Калифорнии, Иллинойса, Мичигана, юга Соединенных Штатов, а затем через Ла-Манш лишь для того, чтобы затонуть у побережья «Омаха». Ее отдельные экземпляры до сих пор покоятся на дне моря возле Нормандии. Главными виновниками были не только немецкие снаряды, но и подводные течения, глубокие рытвины на отмелях и, конечно, минные заграждения, которые на высокой приливной волне нанесли невероятный урон десантникам.

Первыми выгружались «Шерманы». Они прибыли в час «Ч» минус тридцать секунд с флотилией лейтенанта Дина Рокуэлла. ДСТ сели на мель в пятнадцати метрах от берега. Суда сбросили ramпы, и танки пошли в воду.

Пока они, лязгая гусеницами, спускались по сходням, немцы открыли огонь из 88-мм орудия. Рокуэлл отвел свое ДСТ назад. Два танка остановились в прибое, подбитые. Один горел. Следовавшие за ними машины, утопая на полкорпуса в воде, начали стрелять из пулеметов и 75-мм пушек.

Не всем танкистам удалось сразу продвинуться к берегу. Младший лейтенант Ф. С. Уайт, шкипер ДСТ 713, позже доложил Рокуэллу: «Когда сошел первый танк, он тут же исчез под водой. Командир экипажа дал команду всем покинуть машину. Мы подняли людей на борт». Уайт переместился на сто метров к востоку и снова сбросил ramпу. Три остальных танка сползли с трапа вовремя: по ДСТ 713 ударили 88-мм снаряды.

Рядовой Дж. К. Фридман, водитель танка в 747-м батальоне, высаживался с ДСТ в третьем эшелоне. «В перископ, — вспоминает он, — я видел, как один за другим на минах подрывались танки, грузовики, джипы. Артиллерийский грохот оглушал, казалось, что запах гари и пороха смешался с запахом смерти. Я думал: неужели мне конец? Снаряды и шрапнель летели будто из самого ада. Стоит ли все это наших жизней? Доживем ли мы до завтра?»

Полковник Джон Апхем командовал 743-м танковым батальоном, который выгружался

вслед за первым эшелоном. Он держался на расстоянии ста метров от берега и руководил высадкой по рации. Когда его ДСТ около 8.00 подошло к прибою, полковник спрыгнул с борта и начал управлять стрельбой своих танков. Его ранило в правое плечо, но Апхем отказался от медицинской помощи. Он заметил рядового Чарлза Левека и капрала Уильяма Бекетта, которые копошились у своего танка с оторванной гусеницей. Апхем, не обращая внимания на повисшую руку, под пулеметным огнем довел танкистов до укрытия возле дамбы. «В любой ситуации полковник всегда сохранял невозмутимое спокойствие», — вспоминает Бекетт.

А вот сержант Пол Радзом растерялся. Он командовал расчетом 12,7-мм многоствольной полугусеничной установки. Когда ДСТ приближалось к берегу, по борту судна забарабанили пулеметные очереди. Сержант рассказывает: «Рампу сбросили, и мы пошли. Нам говорили, что глубина не больше двух с половиной метров, а там были все четыре с хвостиком. Установка погрузилась на дно. Я приказал расчету задрать стволы до предела вверх. Они высывались из волн лишь сантиметров на пятнадцать. Я потерял все, в том числе и каску».

«Я поплыл обратно и взобрался на рампу. Со мной был весь расчет, кроме старины «Мо» Карла Динглдина. Он не умел плавать. Последний раз я видел Мо, когда он цеплялся за стволы. Я так и не узнал, что случилось потом со стариной Мо». (Младший лейтенант Эдуард Келли, шкипер ДСТ 200, заметил тонущего Динглдина и подобрал его.)

ДСТ Радзома попятилось назад и вновь двинулось к берегу. Сержант и его команда запрыгнули на другую установку (сержанта Эвангера), когда та сходила с ramпы. Скоро они оказались на суше: «Мы думали, что нас ждет уже расчищенная дорога. Затем мы должны были пройти по ней километров десять и занять позиции. Но мы не сделали и пяти ярдов». По машине застучали пули, и Радзом посчитал за лучшее ретироваться. Он нашел сначала чью-то каску, потом — чью-то винтовку.

— «Я увидел первого убитого лейтенанта. Из его провиантской сумки торчало горлышко бутылки. Я понюхал. Это было шотландское виски «Блэк энд Уайт». Он снова присоединился к экипажу Эвангера и пустил бутылку по кругу: «В первый и последний раз в жизни я пил виски». Радзома ранило шрапнелью в лицо, в бок, спину, и его эвакуировали в Англию.

Капрал Джордж Райан был наводчиком 105-мм гаубицы, которая называлась «М-7». Орудие помещалось на ходовой части танка «Шерман». На одном ДСТ — четыре гаубицы. Вглядываясь в берег, где предстояло высаживаться, шкипер сказал, что «там слишком жарко, и он попытается найти более тихое место».

«С ним никто не спорил», — вспоминает Райан.

Шкипер резко рванул к берегу, и судно засело на мели. Командир Райана, прыгая через борт, крикнул:

— Каждый — за себя!

«Вот те на, подумал я, — продолжает рассказывать капрал. — Командира как не бывало. Мы опустили рампу. Первая гаубица медленно поползла вниз, все замерли, и вдруг она ухнула под воду. Молодец водитель. Он моментально среагировал и вырвал орудие из моря.

Вторая «М-7» пошла по рампе, остановилась, словно раздумывая, идти ли дальше, съехала в воду и... погрузилась в волны. Ее будто проглотили. Парни начали выскакивать из воды как пробки».

Вокруг ДСТ взметались фонтаны взрывов. Кто-то из экипажа Райана закричал:

— Бежим отсюда!

Все попрыгали за борт. Капрал остался: «Я боялся не столько пуль и снарядов, сколько моря. Я не умел плавать».

Райан снял с себя снаряжение, надул «Мей Уэст» и потихоньку, маленькими шажками начал скользить по сходне: «В борт ударили пулеметные очереди — бл-бл-бл-бланг. Это придало мне сил. Я нырнул. Я отчаянно колотил руками и ногами и плыл, плыл, плыл. Кто-то тронул меня за плечо. Я поднял голову. Воды было меньше полуметра, а я все плыл. Вот вам инстинкт самосохранения в действии. Если бы меня не остановили, я бы поплыл на материк».

Райан добрался до дамбы. В изнеможении он свалился рядом с пехотинцем из 16-го полка.

— У тебя есть сигарета? — спросил он.

Чуть позже Райана ранило в руку: «Так, ерунда, как будто кошка поцарапала». Появился офицер-медик и сказал:

— Всех вас нужно наградить медалью «Пурпурное сердце»¹⁵⁰ только за то, что вы здесь. Назовите себя. Если вы ранены, я готов помочь вам. Если мертвы, извините, нет. Если с вами все в порядке, вы все равно получите «Пурпурное сердце».

— Как насчет этого? — спросил Райан, показывая царапину на руке.

Доктор сказал, что даст ему медаль.

— Нет, — ответил капрал, — я не могу ее принять. Парень, потерявший ногу, получает медаль, и я — за эту царапину. Нет, я отказываюсь.

Другим экипажем «М-7» командовал сержант Джерри Идс. На его ДСТ находились также две гаубицы. К каждой на тросах были прикреплены полугусеничные многоствольные установки, а к ним также на тросах — либо грузовик, либо джип. Предполагалось, что гаубицы «М-7» потащат за собой установку и грузовик или джип.

Когда судно приблизилось к берегу, гаубицы открыли огонь по скале. Сначала, говорит Идс, «мы вели себя, как на пикнике». «Потом вдруг море вокруг нас закипело от взрывов. Мы снова оказались на войне (Идс участвовал в сражениях в Северной Африке и Сицилии). Мы взбодрились. Я не знаю, как объяснить страх. Может быть, что-то похожее на опасение, что ваш следующий вдох станет последним. Конечно, мы не отходили от своих орудий». Артиллеристы изменили угол прицеливания и продолжали обстреливать скалы, выпуская по снаряду каждые

тридцать секунд.

На корабле были и пехотинцы. «Им ничего не оставалось, как ждать, когда начнется бойня. Мы по крайней мере что-то делали. Когда стреляешь, ты возбужден и на какой-то момент забываешь об опасности. Я старался держать себя в руках. Для меня важнее всего было не выдать свой страх. То есть я боялся не того, что могу погибнуть, а того, что парни в экипаже заметят мой страх».

С двух тысяч метров гаубицы не могли эффективно поражать цели на скалах: не позволял угол прицеливания. Поэтому артиллеристы прекратили стрельбу. По мере приближения к берегу усилился пулеметный огонь: «Я согнулся в три погибели. Мне хотелось провалиться сквозь днище корабля. Я страдал от беспомощности. Судно шло чудовищно медленно. Мы все горели нетерпением, какое бывает у наездника, который встает на стремяна и вскидывает плечами, понукая лошадь, чтобы она скакала быстрее».

Идс посмотрел на часы: 8.00. «Неожиданно я почувствовал голод. Перед моими глазами возник «Бар энд гриль» в Эль-Пасо, где я служил в кавалерии. Калифорнийский «Бар энд гриль». Там подавали огромный тако за 10 центов и ледяное пиво «Фальстаф» за 10 центов. Я представил себя сидящим в баре за пивом и тако за 20 центов. А здесь, имея в кармане, наверно, 200 долларов, я не мог купить ни пиво, ни тако».

Когда ДСТ вновь село на мель (после трех попыток подойти к берегу), шкипер сбросил рампу и начал взывать:

— Уберите эти проклятые штуки с моего судна! Уберите эти проклятые штуки с моего судна!

Лейтенант поднял руку вверх. «Когда он опустил ее, я хлопнул своего водителя по затылку, и мы тронулись. Послышались звуки, что-то вроде глаб-глаб-блаб-блаб. Вода оказалась выше воздухозаборника, и нас сразу затопило».

«Моряки дали нам 50 фунтов сахара, 30 фунтов кофе, 50 блоков сигарет. В мгновение ока мы всего этого лишились, как и нашего орудия».

Идс доплыл до берега и, подобно другим десантникам, приполз к галечной гряде: «Какого лешего я здесь! Мне бы сейчас гулять в Форт-Блиссе, в Техасе!» Он был старый вояка, облепленный отличительными нашивками, опытный сачок, знал, как увильнуть от малоприятных поручений и как предаться удовольствиям. К своему отчаянию, Идс в день «Д» превратился в обыкновенного пехотинца на «Омахе». Худшего для себя старый солдат не мог и придумать. Он сформировал что-то вроде «летучего взвода» из пехотинцев, саперов и артиллеристов и повел их на скалы.

Из-за того, что столько техники ушло на дно, многие специалисты стали пехотинцами. Капитан Р. Дж. Линдо был офицером связи от ВМС. Он высаживался в 7.30 с двумя солдатами, которые несли радиостанцию. Ему предстояло направлять огонь корабельных орудий. «Но как связист я оказался не у дел. Мы потеряли наше оборудование, когда сходили с ДСТ. Я блуждал по пляжу, кляня себя на чем свет стоит, пока не присоединился к пехоте».

Сержант Уильям Отловский, ветеран Северной Африки и Сицилии, шел к берегу на амфибии ДАКВ. Он командовал расчетом гаубицы «М-7», которая была слишком тяжела для плавающего вездехода. На ДАКВ накатилась крутая волна, когда машина спускалась с рампы ДКТ. Ее закачало, руль ударился о сходню и погнулся. «Мы могли идти только кругами. Старшина, совсем юный моряк, выключил двигатель. Это была ошибка, потому что одновременно вырубались и насосы. ДАКВ наполнился водой, и мы, конечно, затонули»,

Отловский приказал своему расчету держаться вместе, взявшись за руки. Проходивший мимо ДССПЛС, возвращавшийся к базовому кораблю, поднял их на борт. Артиллеристы перебрались на паром «Райноу».

Паром натолкнулся на мель. Лейтенант привязал веревку к джипу и приказал водителю съехать и проверить глубину. Джип пошел на дно.

— Эй, ребята, — крикнул лейтенант, — хватайте веревку и тащите джип назад!

В этот момент один 88-мм снаряд разорвался с левого борта, второй — с правого.

Отловский заорал на лейтенанта:

— Это же 88-мм. Третий рванет сейчас прямо на палубе. Убери людей с этого чертова парома!

Он сказал:

— Сержант, не занимайся не своим делом! Я сказал:

— Черт с тобой, лейтенант. Хочешь подышать, скатертью дорога. Ребята, за мной!

Отловский и его экипаж спрыгнули с судна и поплыли к берегу.

«Я оглянулся. Третий 88-мм разорвался прямо посередине проклятой баржи. И все последующие снаряды ее не миновали».

Отловский подобрал на пляже винтовку, патронную ленту, каску и «со всех ног помчался к дамбе». Там ему навстречу попался совсем юный солдатик с огромным мотком телефонного провода за спиной. Сержант попросил:

— Слушай, парень, мне это понадобится. Садись, поговорим. Отдай мне провод.

— Не могу, сержант, — ответил солдат. — Как мне быть с этим?

В правой руке он держал оторванную левую руку. Отловский помог снять провод, укол морфин и позвал санитаров.

Морской подрывник Чарльз Салливан в день «Д» сделал три рейса на пароме «Райноу» с

техникой. Большинство боевых машин были уничтожены, прежде чем они успели произвести хотя бы один выстрел. Салливан тем не менее говорит: «За 28 лет службы, после трех войн, 14 заокеанских военных миссий, тысяч увиденных лиц, только Нормандия и день «Д» живы в моей памяти так, как будто все произошло лишь вчера. То, что мы совершили, значимо и весомо, поскольку повлияло на судьбы человечества. Много ли людей могут сказать то же самое об одном дне в своей жизни?»

В этой связи вспоминается замечание Эйзенхауэра, сказанное им Уолтеру Кронкайту: «Никто не хочет, чтобы его подстрелили. Но в день «Д» было больше тех, кто стремился в бой, нежели тех, кто уклонялся от сражений».

Несметное количество танков, полугусеничных многоствольных установок, гаубиц «М-7», грузовиков, джипов пытались сойти на «Омахе» между 6.30 и 8.30. Многие затонули, другие были разбиты немецкими снарядами. Уцелевшая техника оказалась зажатой на узкой полосе пляжа, не имея выхода наверх. Она создавала больше проблем, чем преимуществ.

Рядом высаживались боты Хиггинса с 116-м и 16-м пехотными полками. С ними прибыли и команды подрывников, состоявшие из «сибиз» — «морских пчел» и армейских саперов. Всего было 16 отрядов, у каждого — свой сектор для прорыва коридоров по 50 м шириной. Ни один катер не вышел на запланированный участок.

Один из подрывников вспоминает: «Когда мы опустили рампу, по нашему судну ударили 88-мм снаряды. Половина отряда погибла, включая офицера. Мы считали его лучшим во флоте... Взорвался очередной снаряд, и я подумал, что лишился своего тела».

Моряк истекал кровью от ран в ноге и руке. Вокруг, казалось, не было никого живого. Пожар, разгоревшийся на катере, вот-вот мог детонировать заряды. «Я перекинулся через борт и, преодолевая боль, побрел к берегу». Дойдя до заграждений, он оглянулся и увидел, как взлетел в воздух его катер. «Это меня подстегнуло. Не обращая внимания на стрельбу, я ускорил шаг».

Подрывник дошел до дамбы, ему дали винтовку, и весь день он провоевал пехотинцем в 116-м полку.

Другие «морские пчелы» оказались более удачливыми. Покинув суда, они сразу же приступали к делу. Они были в лучшем положении, чем пехотинцы. «Джи-айз», оставшись без командиров и высадившись не там, где намечалось, не знали, чем заняться. Даже артобстрел не приводит солдата в такое смятение, как отсутствие лидера и четких указаний, что делать. «Морские пчелы» с такими проблемами не сталкивались. Заграждения были расставлены везде.

Коммодор Джозеф Гиббонс руководил всеми подрывными операциями на «Омахе». Два солдата, которых он встретил, рассказали, что почти весь отряд погиб. Сами же они остались без зарядов. Гиббонс отправил их к дамбе, пообещав найти им дело. Потом коммодор отыскал полностью укомплектованный отряд, который уже прикреплял взрывчатку к заграждениям. «Сибиз» методично переходили от одного ряда к другому, устанавливая на сваях заряды.

Девон Ларсон действовал в одиночку: «Перед собой я видел только два стальных

заграждения. На них висели тарелочные мины. У основания железных столбов я привязал пластиковые заряды «С», из песка соорудил защитный вал. Достал из каски воспламенитель, крикнул «Огонь!» и поджег шнур. По берегу разнеслись еще несколько команд «Огонь!». Взрывом меня отбросило в сторону. Но столбы с минами исчезли. Заграждений на моем участке больше не было, и я отполз к дамбе».

Подрывники смогли лишь частично расчистить пять-шесть коридоров вместо запланированных 16. И нигде они надлежащим образом не поместили проходы флажками. Когда поднялся прилив, это создало серьезные проблемы для последующих эшелонов с пехотой и техникой.

Эксум Пайк находился на главном катере управления ГДСУ 565. Он должен был вывести ДСП и другие десантные суда к берегу. Ориентиры на местности заволокло дымом, из воды торчали минные заграждения, и ГДСУ 565 не мог заняться своим непосредственным делом. Катер фактически превратился в канонерку и обстреливал скалы, из которых, как казалось Пайку, извергались «вихри огня». На глазах Пайка наскочил на мину и взорвался ДАКВ. Он видел, как «тела двух солдат взлетели в воздух на несколько десятков метров и вертелись наподобие акробатов»: «Все происходило, как в замедленной съемке».

В ГДСУ 565 ударил снаряд. От взрыва пострадали шесть человек. «Кровь рекой лилась с палубы, — вспоминает спустя 45 лет Пайк. — Я всегда говорил своим сыновьям, что не боюсь ада: я уже в нем побывал».

Команда младшего лейтенанта Дона Ирвина, шкипера ДСТ 614, состояла еще из двух офицеров и двенадцати матросов. На борту находились шестьдесят пять «джи-айз», два бульдозера и четыре джипа с трейлерами, на которых были сложены боеприпасы. Высадка намечалась на 7,30.

«Когда мы шли к берегу, раздался оглушительный, громоподобный залп. Над ДСТ пронеслись снаряды с «Техаса». Я оглянулся: жерла его орудий смотрели прямо на меня. Конечно, это было не так: они нацелились на скалы. Линкор возвышался над нами, как утес. С близкого расстояния его исполинские размеры особенно поражали».

Ирвин направлялся к «Изи-Ред». В этом секторе пока еще не высадился ни один американец. На самом берегу «царила тишина». «Похоже, что инструктор был прав, — подумал я, — когда говорил нам: «На пляжах не останется ничего, что бы вам помешало. Мы сбросим на немцев все, что у нас есть, кроме кухонных моек. А если придется, то и их тоже».

Но как только ДСТ Ирвина коснулось отмели и сбросили рампу, «берег ощерился пулеметными очередями». Два солдата спрыгнули в воду и окунулись с головой. Шкипер тогда с помощью кормового якоря сдвинулся назад. Около часа он пытался найти безопасный проход в заграждениях. Наконец ему это удалось, и бульдозеры сошли в прибой. Немцы сразу же подбили их фосфорными зажигательными снарядами.

«Джи-айз» начали по одному сбегать с ramпы. Первые два упали, сраженные пулями. Видя это, остальные пехотинцы не решались покинуть судно. Ирвин обязан был их высадить, иначе он мог пойти под военный трибунал. В случае необходимости шкипер имел право заставить

солдат сойти на берег под дулом пистолета.

«Но я колебался. Мне было тяжело посылать людей на верную смерть. Огонь нарастал. Вокруг нас столпотворение. В воде плавают тела убитых десантников.

Матросы, не покидавшие своих боевых постов, вдруг легли на палубу, словно слившись с нею. Кто-то прокричал:

— Шкипер, давай уйдем отсюда!

Честно сказать, промучившись целый час в попытках освободиться от груза, я был готов к этому».

Часы показывали 8.30. На пляжах сгрудились войска, техника. Машины стояли. Лишь несколько взводов смогли подняться на скалы. Командир 7-го морского десантного батальона принял решение приостановить выгрузку техники и отвести суда от берега.

Ирвин получил распоряжение по рации. Ему приказали отойти в Ла-Манш, бросить якорь и ждать дальнейших инструкций. Однако это было не так просто сделать. Судно неожиданно остановилось. ДСТ зацепилось за заграждение. Другой на месте Ирвина запаниковал бы. Но он хладнокровно двинул судно чуть-чуть вперед, потом чуть-чуть назад, и освободилось. Матросы начали выбирать якорную цепь. Она застопорилась.

«Нам никак не удавалось сдернуть якорь с места. Я дал команду:

— Запустить все двигатели! Полный вперед!

Цепь пошла. И тут на поверхности появился бот Хиггинса, который мы ненароком подняли со дна». Ирвин развернулся и рывками отцепился от катера. Он отошел в море и встал на якорь^[51].

Приказ отложить высадку до тех пор, пока не будут проделаны коридоры в заграждениях, внес еще большую сумятицу. Около 50 ДСТ и ДСП кружили в море в ожидании дальнейших команд.

Для многих морских офицеров это была первая десантная операция. Они, как говорится, еще не нюхали пороха, хотя некоторые капитаны ДКТ до войны служили в торговом флоте. Да и экипажи кораблей состояли в основном из молодых и необстрелянных ребят.

Джеймс Фадж находился на одном из двух ДКТ, которые почти вплотную приблизились к берегу. Моряк вспоминает:

«Когда дали приказ отойти, у нас и начались проблемы. Капитан растерялся. Мы сбросили кормовой якорь, но не успели ничего выгрузить. По соседнему ДКТ ударил 88-мм снаряд. Нашему капитану надо было лишь скомандовать: «Поднять якорь! Полный назад!» А он крикнул «Полный назад!», забыв про якорь. Цепь намоталась на винт».

ДКТ беспомощно раскачивался на волнах в 500 м от берега. Пришлось технику перегружать на «Райноу»: «Без крана, в бурном море было дьявольски тяжело перекинуть танки и грузовики на баржу. Но мы не потопили ни одной машины».

Фадж вспоминает, что к ним на ДССПЛС подошел адмирал и перед всей командой отчитал капитана за безалаберность: «Адмирал наговорил много нелестных слов. Прямо в лицо. Он был очень зол».

Когда разгружался ДКТ, примерно в 9.00, в небе со стороны Англии появились два самолета (об этом инциденте в своих интервью рассказывали все ветераны, присутствовавшие тогда на «Омахе», его прославил и Корнелиус Райан в «Самом долгом дне»). Это были немецкие истребители «Фокке-Вульф-190». Их вели командир авиационного крыла Йозеф Приллер и сержант Хайнц Водарчик. Райан написал, что Приллер, увидев десантный флот, воскликнул:

— Вот это зрелище! Вот это зрелище!

Они летели на высоте 45 м, лавируя между аэростатами заграждения.

Фадж вспоминает: «Я смотрел на них как замороженный. Все, у кого было в руках оружие, стреляли. Палили по ним и из 40-мм и 20-мм стволов. Солдаты орали:

— Гляди, «джерриз»!

Попадали главным образом в рядом идущие корабли. Так низко барражировали Приллер и Водарчик. Самолеты, конечно, никто не сбил. Когда они исчезли в облаках, кто-то крикнул им вслед:

— «Джерриз» или нет, удачи вам, сорвиголовы!»

В числе первых десантных частей на «Омахе» был батальон чернокожих солдат — 320-й батальон аэростатного заграждения. Он входил в Первую армию. Чернокожие десантники в третьем эшелоне доставили на ДКТ и ДСП аэростаты и установили их на берегу, чтобы предотвратить проникновение самолетов люфтваффе. (Около 1200 чернокожих солдат высадились в день «Д» на «Юте». Они водили грузовики или служили в квартирмейстерских ротах.) Негров можно было встретить и на ботах Хиггинса, и на военных кораблях. В целом же удивительно, что лишь столь небольшому числу чернокожих разрешили участвовать во вторжении на его начальной стадии, особенно после того, как они воевали в Корее и Вьетнаме^{[\[52\]](#)}.

Перед каждым родом вооруженных сил союзников стояли свои задачи. Моряки должны были доставить войска на побережье, танкисты и артиллеристы — обеспечить огневую поддержку, пехота — высадиться и выдвинуться на плоскогорье, инженерно-саперные части — взорвать заграждения, очистить выезды, обозначить безопасные проходы через минные поля. Для саперов, как и для других десантников, первые часы на «Омахе» оказались самыми трудными.

Роберт Шобер, Рей Хоуэлл и Сесил Пауэре высаживались с 3466-й артиллерийско-

технической ремонтной ротой. Их подразделению предстояло убрать водонепроницаемую защиту с техники. Инструмент простой — гаечные ключи, отвертка, клещи, плоскогубцы. Дело тоже несложное — проверить вентиляторы, аккумуляторы, распаковать двигатели. Хоуэлл рассказывает: «Когда я сошел на берег, по каске что-то стукнуло — динь! Эта первая пуля вышибла из меня весь страх. Я решил, что со следующим взводом пехоты обязательно доберусь до дамбы. Так оно и получилось. У дамбы мне пришлось окопаться». Он и его друзья провели возле набережной все утро, так и не найдя машину, которая нуждалась бы в разгерметизации.

По крайней мере им удалось доползти до дамбы. Капрал Роберт Миллер из 6-й инженерной специальной бригады сделать это не смог. Он прибыл на ДСТ около 7.00 на «Изи-Ред». Сапер видел, как «справа от него на другом ДСТ по мостику и стоявшему на нем шкиперу ударил немецкий 88-мм снаряд». Когда дым рассеялся, ни мостика, ни капитана на месте уже не было.

Миллер беспокоился, что следующий снаряд попадет в его ДСТ с траками, набитыми динамитом. Но снаряда он зря опасался. Судно грузно качнулось из-за взрыва подводной мины. Рампу заклинило. Сильно повредило полугусеничную многоствольную установку. Несколько человек получили ранения.

«Шкипер решил отойти назад, чтобы сбросить в море поврежденную установку, эвакуировать раненых и починить сходню. Когда все это делалось, к борту подвалил катер с морским офицером, наблюдавшим за высадкой. Он наорал на капитана и потребовал, чтобы «мы не торчали здесь, а шли туда, где нам положено быть».

Шкипер вернулся обратно и сбросил рампу в 100 м от берега на глубине порядка 2,5 м. Он скомандовал саперам:

— Вперед!

Взводный Миллера возразил, «напомнив капитану в недвусмысленных словах о его обязанностях доставить нас к берегу». Шкипер «также в недвусмысленных словах отказался».

С ramпы съехал джип. Он затонул, но водонепроницаемая защита сработала, и водитель смог дотянуть до суши. Грузовики также выползли на песок, однако их сразу же вместе с динамитом взорвали немецкие снаряды. Наступила очередь саперов. Миллера с головой накрыла вода. Он выкинул винтовку, заряды, оттолкнулся ногами от дна и поплыл к берегу.

«Тяжело было продираться через волны в намокшей одежде, ботинках, с противогазом и стальной каской. Когда вода стала по пояс, я поднялся на ноги. Меня шатало от дикой усталости.

Я все-таки доплыл до пляжа. Метрах в пяти от воды меня поглотила ослепительная белая вспышка. Помню только, что лежу на спине и смотрю в небо. Попытался встать. Не могу. И вдруг осознал: Господи, у меня нет ног. Я их не чувствовал, к тому же не видел из-за противогаза на груди. Повернулся на один бок, на другой, противогаз сполз. Я уже мог разглядеть ботинки. Дотянулся руками до колен. Слава Богу, ноги целы. Но мне было непонятно, почему они не двигались. Я их совершенно не осязал».

Миллера ранило в позвоночник. На «Омахе» он сделал последние шаги в своей жизни. Врачи не смогли поставить его на ноги.

Санитар оттащил капрала за грузовик и вколол ему морфин. Миллер отключился. Он пришел в себя в медпункте, оборудованном на берегу, и снова забылся. Сознание вернулось к Миллеру уже на ДКТ. Его эвакуировали в Англию. Спустя четыре месяца он лежал в госпитале в Соединенных Штатах. Медсестра мыла ему голову. «К ее и моему удивлению, в волосах еще оставался песок — песок с пляжей «Омахи».

Сапер сержант Деббс Питерс высаживался с ДСП. Когда судно подошло к берегу на расстояние 300 м, один снаряд разорвался на корме, другой — посередине корпуса.

«Вспыхнул пожар. Всех, кто находился на палубе, окружил огонь, и мы сквозь него прыгали в море». Питерс надул свой «Мей Уэст» и доплыл до первого заграждения, чтобы укрыться и перевести дух. Он ощутил под ногами дно и попытался бежать: «Но на мне было столько песка и воды, что я едва ковылял». Сержант пригнулся у горящего танка «Шерман», в который тут же ударил снаряд. (Это случилось со многими ветеранами на «Омахе». Стремясь найти убежище, десантники прятались за подбитыми танками, грузовиками, многоствольными установками, что было большой ошибкой. Немецкие артиллеристы наводили орудия прежде всего на технику.)

Питерс добрался до дамбы. Там он встретил капитана Джона Макаллистера и майора Роберта Стюарда: «Мы решили, что если хотим жить, то надо уходить с берега. Майор Стюард послал меня вперед, чтобы я обезвредил мины». У Питерса не было миноискателя, имелся лишь траншейный нож. Тем не менее он отправился выполнять задание.

«Я перебежал через дорогу, нырнул в одну канаву, в другую и потом через кусты шиповника проскочил к скале». Он поднимался осторожно, ножом отыскивая мины и помечая белой лентой безопасный проход. Дальнейший путь преградили пулеметные очереди. Пули прошили провиантскую сумку, одна пробила каску. Питерс бросил гранату в сторону дота, и огонь прекратился. Он дошел до вершины скалы.

Рядовой Джон Змудзинский из 5-й инженерной специальной бригады высадился в 7.30 с ДСП: «Мы должны были проложить на пляже дорогу и доставить краны и бульдозеры». Змудзинский сошел на берег невредимым. Первое, что он увидел, — тела солдат, застывшие на песке в неестественных позах. За ними «спокойно сидел «джи-ай», разбирал и чистил винтовку».

У дамбы Змудзинский повалился на землю рядом с капитаном Луисом Дрновичем, известным американским футболистом, игравшим в 1939 г. за университет Южной Калифорнии: «Он пытался хоть что-то предпринять. Капитан послал меня на берег выяснить, не выгрузились ли наши бульдозеры. Вернувшись, я доложил, что их пока на пляже нет. На полпути к выезду застряла многоствольная установка. Дрнович попросил меня узнать, не нужна ли помощь. Когда я дополз до нее, мне пришлось искать убежище. Она горела, и по ней продолжали стрелять немцы. Я возвратился к дамбе, но капитана на месте уже не было».

Дрнович ушел на берег и взобрался на подбитый танк, чтобы проверить, действуют ли

пулеметы и пушка. Пока он там возился, немцы еще раз ударили по «Шерману», и капитан погиб.

Дамба защищала Змудзинского от пуль, но не от минометных снарядов: «Это была русская рулетка. Я не знал, что лучше — оставаться здесь или уползти на берег. Наши жизни зависели от случайности». На его глазах подбили многоствольную установку, а потом «взорвалось и загорелось ДСТ, груженное гаубицами «М-7».

Сапер Аллен Макмас выходил на берег с третьим эшелоном. Плыть ему было тяжело, и он пристроился у ближайшего железного столба, чтобы осмотреться. Взглянув вверх, Макмас увидел висящую прямо над головой дисковую мину: «Я так перепугался, что мигом плюхнулся в воду и поплыл».

Волна захлестнула его и перевернула. Аллена сносило вдоль берега. Перед ним возник корпус бота Хиггинса. Макмас попытался ухватиться за судно, но уцепиться было не за что. Он провалился под днище: «До сих пор не понимаю, как меня не стукнуло винтом¹⁵³¹. В общем, мне повезло. В бот, когда он прошел надо мной, попал снаряд, и судно загорелось».

Макмас докатился на волнах до берега. Он подобрал чью-то винтовку, очистил ее от крови и песка. Потом сапер снял с убитого солдата носки и надел их на свои мокрые ноги. У другого погибшего десантника Аллен раздобыл сухие сигареты и отметил про себя, что ему впервые не приходится за них платить.

Макмас не встретил никого из своих. Он решил забраться в окоп и покурить. Там уже сидел солдат. К величайшему изумлению Аллена, это был его друг детства, с которым он вместе рос: «Мы вспомнили родных, школу, вместе порадовались, что все еще живы».

Сапер Ол Литтке высаживался с ДССК в первом эшелоне. Ему предстояло вначале быть чем-то вроде ломовой лошади: перетаскивать на берег взрывчатку. А затем уж заняться разминированием. Литтке повесил на одно плечо винтовку «М-1», на другое — заряды, взял в руки миноискатель и спрыгнул с ramпы. Сапер не прошел и двух шагов, как с головой погрузился в воду.

«Я встал на дно, выкинул чемоданчик с миноискателем и подскочил вверх. Слава Богу, на мне был спасательный пояс. Поплыл по-собачьи. Когда коленки уперлись в грунт, поднялся на ноги и, как пьяный, падая в волны, побрел к берегу».

На пляже Литтке сложил у заграждения взрывчатку и направился к дамбе: «Там уже скопилось довольно много солдат». Сапер расстрелял всю обойму по скале, перезарядил винтовку, перелез через стену и пополз к утесу. Когда он стал взбираться по круче, «буквально в полуметре начали подскакивать комья грязи». Литтке вырыл окоп и укрылся в нем от пуль.

В отличие от пехотинцев сапер знал, что делать: «У меня была с собой белая лента. Я намотал ее на палку и снова двинулся наверх». Ол внимательно смотрел под ноги, выискивая характерные для выпрыгивающих «Бетти» усики. Когда Литтке находил выпрыгивающую, дисковую или коробчатую мину, он осторожно ее выковыривал и вынимал запал. Лента кончилась, и он вернулся в свой окоп.

Сапер взглянул на берег. Подошло десантно-пехотное судно. С обоих бортов по сходням сбегали пехотинцы. «Вдруг по левому борту взметнулся взрыв. Снаряд врезался прямо посередине сходни. «Джи-айз» раскидало в разные стороны. Я для себя решил: если останусь живым, не пропущу ни одной воскресной службы в церкви».

У окопа, как из-под земли, возник промокший насквозь десантник (из 116-го полка). Увидев Литтке, он спросил:

— Парень, с тобой все в порядке?

Сапер кивнул головой. Солдат отправился на скалу по только что обозначенной Олом тропе. За ним гуськом потянулось целое отделение десантников.

«Черт побери, может, и мне пойти с ними», — подумал Литтке.

Он вылез из окопа и в этот момент услышал, что кто-то его зовет:

— Толстячок, ты, оказывается, здесь!

Это был капрал из взвода Ола. Литтке стал помогать ему выносить раненых. Он спросил капрала, не видел ли он сержанта.

— На берегу, — ответил капрал. Сапер пошел обратно на пляж. Не дойдя до прибоя, он остановился, остолбенев от ужаса: «За танком корчился от боли раненый солдат. Вокруг брони рвались снаряды. Командир экипажа закричал:

— Проклятие! Бежим отсюда! Они наступают! Танк попятился и раздавил солдата».

В то утро Литтке испытал что-то вроде морального удовлетворения. Ему встретились бригадный генерал и полковник. Генерал спросил у сапера:

— Сынок, как нам пройти наверх?

«Я просто показал на мою белую ленту».

По тропе, помеченной Литтке, поднимался на плоскогорье и Джон Мазер с отрядом лейтенанта Аллена. Солдаты несли кирки, лопаты, миноискатели, удлиненные и ранцевые заряды, базуки, реактивные снаряды. Лейтенант знал, что его группа высадилась не на своем участке. Но он решил воспользоваться проходом, проделанным Олом, надеясь на то, что удастся выйти к цели. Поднявшись на плато, Аллен сверился по карте и понял, что их сектор совсем в другом месте. Рядом в живых изгородях взвод из 116-го полка вел огонь по немецким позициям. Саперы не были достаточно вооружены для боя. Аллен со своим отрядом вернулся на берег и попытался найти нужный выезд. Он взобрался по другой тропе, снова заблудился и возвратился на пляжи.

«Меня уже стала раздражать наша беспомощность», — вспоминает Мазер. Сапер подошел

к лейтенанту Аллену, который о чем-то разговаривал с командиром роты. Капитан пребывал в состоянии нервного шока: он потерял половину солдат. «Ротный выглядел смертельно уставшим и печальным. Я поинтересовался у лейтенанта, можем ли мы хотя бы что-то сделать, и получил негативный ответ. Я знал, что лейтенант был готов действовать, но он никак не мог расшевелить впавшего в уныние комроты. Мы уселись в окопы, слушали, как взывают над нами минометы, наблюдали за отливом».

Барнетт Хоффнер из 6-й инженерной специальной бригады выходил на берег во время прилива: «От одного вида пенящихся волн перехватывало дыхание. Казалось, что вокруг нас бесятся тысячи чертей. Когда рампу опустили и десантники, спотыкаясь, побрели через буруны, у меня появилось ощущение, что мы попали в настоящий ад. Песчаный пляж был завален горевшими танками, грузовиками, тракторами, бульдозерами. Из 16 команд подрывников и саперов только пять сохранили дееспособность. Три отряда высадились с пустыми руками: все оборудование и снаряжение осталось на дне. Из 16 бульдозеров уцелели лишь три. Но и они не могли тронуться с места, потому что за ними прятались пехотинцы».

Подполковник Фрэнк Уолк был помощником коменданта высадки десанта от инженерной бригады. Он намеревался сразу же приступить к исполнению своих обязанностей, то есть регулировать движение техники с пляжей на плоскогорье. Однако выезды все еще контролировались немцами, и в любом случае Уолк не мог уйти с берега. Подполковник с радистом и посыльным высадились около 8.00 и моментально попали под сумасшедший пулеметный и винтовочный огонь.

«В армии, — говорит Уолк, — потратили уйму времени на то, чтобы обучить нас рытью окопов. Зря старались. Оказавшись под обстрелом, человек инстинктивно начинает зарываться в землю. Если нет саперной лопатки, он будет окапываться хоть ногтями. Вряд ли стоит специально показывать солдатам, как это делается».

Когда стрельба поутихла, Уолк пополз к набережной стене и разыскал там своего командира, который высадился чуть раньше. Комбрига контузило: «Он совершенно не владел собой и смотрел на меня безумными глазами». Позднее его отправили в судовой госпиталь.

К 8.30 на берегу стало появляться все больше «высокого начальства». Уолк выглядел намного моложе своих лет, и ему было не совсем удобно давать распоряжения дивизионным генералам: «Они привыкли командовать. Поэтому я не приказывал, а как бы советовал:

— Генерал, вашим частям не следует пользоваться этим выездом, лучше пойти вон туда.

— Кто это сказал?! — возмущался генерал.

— Я это говорю, — отвечал Уолк. — Регулировщик транспорта».

Полковник Пол Томпсон, который руководил Десантным учебным центром в Англии, в день «Д» командовал 6-й инженерной бригадой. Он высадился с ДСП около 8.30. Томпсон заметил группу солдат, столпившихся у проволочного ограждения на приморской дороге и пытавшихся прорвать его удлиненным зарядом «Бангалор».

«Мы проделывали это сотни раз на учениях, — вспоминает полковник. — Мне показалось, что они возятся слишком долго и действуют не очень уверенно». Томпсон подошел к саперам и начал демонстрировать им, как подсовывать заряд под проволоку, чтобы получился проход нужных размеров. По нему дважды выстрелил немецкий снайпер. Одна пуля попала в правое плечо, другая — в подбородок, влетев при этом через рот.

Томпсон ждал этого дня, чтобы увидеть в действии пехотинцев и саперов, которых готовил к сражению. Он хотел сам участвовать в боях. Ему не довелось пройти и тысячи ярдов.

Такое же отчаяние испытывали многие десантники, выбывшие из строя из-за ранений, будь то танкисты, артиллеристы, пехотинцы, саперы или подрывники. Они винили прежде всего самих себя. Когда поступил приказ приостановить высадку, десантники совсем приуныли. Похоже, на «Омахе» фортификации Роммеля стали для американцев непреодолимой преградой.

Именно так считал Франц Гоккель в блокгаузе «Видерштанднест-62». В 6.30 он открыл огонь из своего пулемета. Во время артобстрела песком заклинило патронную ленту: «Я вынул ее, встряхнул и вставил обратно. В этот момент пулемет буквально вырвало у меня из рук взрывом. Я чудом остался жив».

Гоккель взял винтовку и начал обстреливать десантников, «шедших кто по колено, кто по грудь в воде»: «Первая волна пехотинцев полегла, не выходя из прибоя. Десантные суда шарахались то вперед, то назад.

Появилась вторая волна пехоты. Мы вновь открыли шквальный огонь. Пляж покрылся телами убитых и раненых солдат.

Уцелевшие десантники бежали в укрытие к дамбе. Но и там их ждал наш прицельный минометный обстрел. Американцев разили наповал не только осколки, но и вырванные из скалы камни».

У Гоккеля и его взвода было предостаточно патронов для винтовок и пулеметов, снарядов для минометов, гранат. Они потеряли лишь несколько человек. Когда в 8.30 корабли начали уходить обратно в море, не высадив десантников, Гоккель подумал, что «американцы отступают».

20. «С того дня я дружу с эсминцами»

Военные моряки на «Омахе»

Первыми моряками, сошедшими на берег, были «сибиз», коменданты десанта и корректировщики корабельного огня. Предполагалось, что коменданты расставят флаги, указывающие судам их участки высадки. Однако 12 из 16 отрядов так и не смогли добраться до пляжей, а четыре команды, которым удалось это сделать, высадились не в своих секторах.

Робер Жигер стоял на палубе ДСП, когда судно подорвалось на mine. Погибли или получили ранения почти половина пехотинцев и моряков, находившихся на корабле. Шкипер опустил рампу по левому борту, правый штурмовой трап был поврежден. Один из матросов взял канат и поплыл к прибою. Держась за канат, Жигер и пехотинцы из 16-го полка выбрались на берег. Жигера ранило в левую руку, но пуля попала в мягкую ткань. На пляжах он не нашел никого из своего комендантского отряда, прихватил чью-то винтовку и направился к дамбе. Так моряк стал пехотинцем.

У стены Жигер слышал, как полковник Тейлор кому-то говорил:

— Нас на материке могут убить точно так же, как и здесь.

На берегу Жигер показал на свои знаки отличия, что он из ВМС. Тейлор предложил примкнуть к пехоте. Кто-то подsunул заряд «Бангалор» под заграждение из колючей проволоки. Жигер с солдатами из 16-го полка перебежал дорогу и сразу же залег, оказавшись под пулеметным огнем.

«Я бросил в амбразуру дота пару гранат, — вспоминает он. — И по-моему, они сделали свое дело. Стрельба прекратилась».

Потом Жигер вместе с пехотинцами отбивал фермерский дом, в котором, как они думали, засели немцы. «Джерриз» там не оказалось. В подвале прятались пятеро французов. Лейтенант приказал отвести их на берег для допроса.

Вернувшись на пляжи, Жигер видел, как «по всему взморью выгружалась артиллерия»: «Меня снова ранило. Я очнулся уже в 40-м госпитале в Сиренстере, в Англии. В тот день мне исполнилось 18 лет».

Немногих уцелевших комендантов десанта опасность подстерегала на берегу. Уильям О'Нилл подходил с моря на ДСТ. Он заметил, что кто-то на пляжах, «пригибаясь под пулями, отчаянно размахивает сигнальными флажками»: «Не долго думая я схватил два флажка, забрался на рулевую рубку и изобразил человеку на берегу «кинга», что означало: давай, мол, «говори». Он просигналил, что нам надо держаться ближе к воде и не высовываться. Мне стало не по себе от этого доброго совета».

Увидев, что творится у прибою, О'Нилл решил, что «шансов добраться до него живым под пулеметным и минометным огнем крайне мало». Он подумал, что стоит предупредить об этом

шкипера.

Капитан, Энсин Филлипс, был «трехмесячником». Но О'Нилл относился к нему с симпатией, считая молодого моряка «смелым, решительным и в то же время незаносчивым командиром».

Старший помощник, тоже младший лейтенант, не вызывал особого расположения: «в принципе хороший человек, а в бою терялся и не то что не мог давать команды, а буквально застывал, словно его парализовало». Другой младший лейтенант, Фокс, отличался «веселым и благодушным нравом, был отважным и смекалистым парнем»: «Ради него мы могли сделать все, что угодно». «Его отец принадлежал к методистской церкви, а мать руководила обществом трезвости в Мериленде. Он аккуратно раздавал всем методистские книжки, а потом вел нас в ближайший паб. Фокс любил говорить о себе как о живом доказательстве того, что дети священников могут быть самыми отъявленными сорванцами в городе».

Стоя на рулевой рубке, О'Нилл на самом деле встревожился: «Я сказал шкиперу:

— Какого черта мы здесь торчим? Ты хочешь, чтобы нас всех перестреляли? Нам лучше отойти вправо».

Младший лейтенант Филлипс не возражал. Он отвел ДСТ правее параллельно к берегу на километр или два. Там уже выгружались другие корабли. Филлипс приблизился к прибою. Видя, как тонут танки, шкипер попросил, чтобы кто-нибудь прошел по воде и проверил глубину, прежде чем с ДСТ сойдет первый бульдозер.

«Это была идиотская затея, — говорит О'Нилл, — но такой дурак нашелся». Филлипс наскочил на отмель. Справа на соседнем ДСТ спустили рампу, и одна из семи многоствольных установок двинулась в волны: «В нее моментально ударил 88-мм снаряд. Загорелось все судно ДСТ, начали взрываться сложенные в прицепах боеприпасы. Жуть!»

Филлипс приказал сбросить штурмовой трап. Доброволец кинулся в воду. Водитель бульдозера не стал ждать, поехал с рампы и чуть не раздавил солдата. Затем он поднял нож как можно выше и отгородился им от пуль. Бульдозер зарылся в волны и пыхтя двинулся к берегу, потянув за собой на тросах вереницу джипов.

Последний раз О'Нилл «видел своего ближайшего друга Билла Линна, когда тот, сидя в джипе, ушел под воду и вынырнул только ярдах в 50 от борта судна».

С ДСТ моряки открыли огонь по скалам. «На всем участке побережья, — вспоминает О'Нилл, — только мы проявляли хоть какую-то активность. Даже танки, уткнувшись в дюны, молчали. Нам было приказано высадить десант, уйти обратно в море и взять на борт очередной отряд. Но мы оставались на месте и продолжали отстреливаться».

Старший помощник где-то спрятался, а младший лейтенант Фокс вместе с О'Ниллом и другими моряками под пулями вытаскивали с берега раненых: «Мы заполнили ими все койки, палубы. На изувеченных солдат было страшно смотреть. Среди нас оказался лишь один медик. Мы изо всех сил старались ему помочь».

8.30 утра. Флот, как и армия, на «Омахе» практически ничего не добился. 12- и 14-дюймовые снаряды в основном попадали за скалами. Шкиперы десантных судов высадили войска в большинстве случаев не там, где намечалось. Передовые эшелоны пехоты 116-го и 16-го полков понесли тяжелейшие потери. Оставшиеся в живых американцы залегли у дамбы. Долгожданная огневая поддержка была ничтожной.

Союзники контролировали воздушное пространство над Нормандией и не позволяли люфтваффе нападать на легкодоступные цели как на берегу, так и в море. Однако авиация мало что могла сделать для тех, кто должен был идти в атаку на укрепленные позиции противника. Бомбы, чтобы не поразить морской десант, сбрасывали не на скалы, а на объекты в глубине материка, такие, как железнодорожные узлы и шоссейные перекрестки. Это существенно способствовало успеху последующих боевых действий, затруднив передвижение немецких войск, но фактически никак не повлияло на сражение в день «Д» — 6 июня.

Позднее истребительная авиация и армия разработали эффективную систему связи «земля — воздух». Но если бы ее создали даже ко дню «Д», от нее было бы мало толку, потому что во время высадки пехота лишилась 80 процентов раций.

С ДСТ успели выгрузить некоторое количество танков. Однако по большей части «броня», подбитая немцами, так и осталась у прибоя. Немного сошло на берег и артиллерии. Пехота могла рассчитывать лишь на поддержку 20-мм пушек с десантных судов. Не густо.

Мощные флотские орудия прекратили огонь, как только начали высаживаться первые волны десантников. Артиллерийские расчеты получили приказ не возобновлять стрельбу до тех пор, пока по радио не поступят точные координаты целей от наземных наблюдателей. Но корректировщиков на материке не было, и связь «корабли — земля» отсутствовала. Эсминцы, находившиеся ближе всего к берегу, не осмеливались вести огонь по фортификациям противника на скалах из-за опасения поразить американских пехотинцев.

«Мы стояли всего в нескольких сотнях ярдов от берега, — писал в своем оперативном докладе капитан 3-го ранга, командир эсминца «Саттерли» У. Дж. Маршалл. — Было тяжело и горько видеть, как по нашим десантникам, танкам, судам бьют немцы, и ощущать собственное бессилие, понимая, что не можешь ответить только из-за того, что не располагаешь информацией о том, куда направить орудия и откуда противник ведет огонь».

Лейтенант Оуэн Килер командовал артиллерийской боевой частью на эсминце «Фрэнкфорд». Его также раздражало, что он не мог определить цели для стрельбы: «Помимо всего прочего, немцы отлично замаскировались. Нам было крайне трудно обозначить огневые позиции противника». Командир корабля, капитан-лейтенант Джеймс Семмс, решил приблизиться к берегу. Следя за глубиной по эхолоту, он подошел на расстояние в 400 ярдов, настолько, чтобы корабль не сел на мель, но «все равно из-за маскировки цели были неразличимы»: «Мы даже не могли понять, насколько далеко продвинулись наши войска».

Похожее чувство беспомощности испытывал и старший помощник, штурман эсминца «Гардинг» лейтенант Уильям Джентри, когда наблюдал, как тонет вездеход-амфибия ДАКВ. «Все, что мы могли тогда сделать, — вспоминает он, — это держаться в стороне и готовиться к

нанесению огневого контрудара». (Главный механик «Гардинга» лейтенант Кен Шиффер в это время поднялся на палубу, чтобы посмотреть, как идет высадка: «Внезапно у борта возник тяжело нагруженный ДАКВ. Рулевой крикнул:

— Где берег?

Корабль-амфибия настолько ушел в воду, что он не мог видеть береговую линию. Я махнул рукой на восток, и ДАКВ натужно направился к прибою».)

Капитан «Гардинга» Джордж Палмер отметил в оперативном докладе: «Наш эсминец прекратил огонь, когда началась высадка войск. Мы приступили к патрулированию района высадки на расстоянии около двух тысяч ярдов от берега в поисках целей для стрельбы по своему выбору. Взморье окутал настолько густой дым, что никаких целей мы не обнаружили, а ведение огня наобум небезопасно для десанта».

После двух часов, проведенных в смятении и отчаянии, командиры кораблей решили действовать на свой страх и риск. Первым к такому выводу пришел капитан-лейтенант Ралф «Ребел» Рейми («Маккук»). Он вывел эсминец в западный сектор «Омахи» на достаточном удалении от прибою, чтобы не нарваться на мель и в то же время видеть, не поднимаются ли на скалы войска. «Маккук» открыл стрельбу из пятидюймовых пушек по выезду у Вьервиля, подавляя прежде всего ДОСы, казематы и другие огневые позиции. Главными его мишенями стали два орудия, скрытые в расщелине, откуда немцы забрасывали снарядами почти весь берег. После часового артобстрела одна из пушек свалилась со скалы на пляж, а другая взорвалась.

Рядовой Эрнест Хиллберг из 1-й дивизии находился на боте Хиггинса. «Старшина-рулевой, — рассказывает он, — еще не получил приказа идти на высадку. Поэтому нам пришлось искать укрытие от снарядов. Лучшей защитой оказался «Маккук». Тогда за эминцем нашли убежище до сотни десантных катеров. А корабль продолжал медленно, но методично двигаться вдоль берега и обстреливать немецкие фортификации. Это было великолепное зрелище! Мы боялись только одного — что «Маккук» наскочит на мель».

Примеру «Маккука» последовали другие эминцы. Лейтенант У. Л. Уэйд возглавлял штурмовой отряд на десантно-пехотном судне ДСП, которое кружило у берега в ожидании высадки. Вот как он описывает в своих воспоминаниях представшую перед ним в 9.30 утра 6 июня картину: «Вражеский огонь ошеломлял. 105-мм, 88-мм, 40-мм орудия, минометы, пулеметы, взрывы мин — все, что угодно. Эминцы палили из всех пушек по немецким ДОСам и опорным позициям, сами чуть ли не выскакивая на берег».

Арена сражения воспринималась по-разному его участниками, даже теми из них, кто стоял рядом на капитанском мостике. В 8.56 «Гардинг» подошел к флагманскому кораблю на «Омахе» — «Анкону», чтобы взять на борт адмирала Чарлза Кука и генерал-майора Томаса Хэнди, которые хотели поближе увидеть высадку. Затем эсминец вернулся к прибою и вновь начал обстреливать скалы. Адмирал Кук заявил тогда о «полном крахе высадки десанта» и утверждал, что «немцы пригвоздили американцев к берегу». Однако, по мнению старшего помощника капитана «Гардинга», лейтенанта Джентри, «моряки действовали согласно предписаниям, войска выдвигались на скалы, а огонь противника постепенно затихал». Адмирал Кук в то же время не переставал говорить о «провале десанта».

В 9.50 адмирал К. Ф. Брайант, командовавший группой огневой поддержки на «Омахе», по корабельной радиосвязи обратился ко всем экипажам эсминцев с призывом:

— Поддайте им! Поддайте им! Они черт-те что вытворяют с нашими десантниками. Мы не можем больше этого терпеть. Надо положить конец этому надругательству!

Эсминцы, рискуя сесть на мель (некоторые из них действительно задели дно, но проскочили), ответили мощными залпами, почти прямой наводкой расстреливая опорные фортификации немцев на склонах скал.

Командир «Кармика» Роберт Вир подошел к берегу на расстояние 900 м и мог наблюдать за тем, что происходит на пляжах. Заметив, что танк выстрелил из пушки по какому-то объекту на скале, Вир тут же наводил на ту же самую цель орудия своего эсминца. Увидев, что пехотинцы палят из винтовок по кому-то на скалистой круче, капитан посылал туда же корабельные пятидюймовые снаряды.

Матрос Эдуард Даффи из радиорубки «Шабрика» наблюдал, как его эсминец «неторопливо и без особого желания обменивался снарядами с немецкой береговой батареей». У него при себе имелись две пачки сигарет и фунтовая коробка лимонных леденцов. За три часа созерцания артиллерийской дуэли Даффи уничтожил и то, и другое и вдобавок выпил с дюжину чашек кофе. (Прошло много лет, прежде чем моряк вновь попробовал лимонные леденцы. «Каждый раз, когда я их ем, — говорит ветеран, — на меня наплывают нескончаемые воспоминания о войне».)

Из радиорубки Даффи слышал, как вокруг корабля рвутся снаряды: «Мы располагались под главной палубой, на уровне моря, и взрывные волны гулко отражались в стальном корпусе эсминца».

Ветеран рассказывает: «Конечно, мне было страшно. Я натянул на свое тощее тело спасательный жилет и ждал, что вот-вот снаряд пробьет обшивку. Я непрерывно взывал к святой Деве Марии. Потом мне надоело молиться, и я стал думать о том, что же происходит с нашим кораблем».

«Шабрик» приблизился к берегу и начал вести огонь прямой наводкой. Даффи, «наблюдая» через наушники за ходом сражения, «видел», как корректировщики направляли стрельбу корабельных артиллерийских постов: «Однажды дальномерщик засек на гребне скалы немецкого офицера. Он прогуливался на вершине и, похоже, давал указания своим орудийным расчетам. Мы нацелили на него нашу главную батарею и послали ему «четырепушечный салют». Прямое попадание, и нам сразу стало легче. Мы уничтожили хотя бы одного из этих мерзавцев».

То, что эсминец позволил себе выдать по одному человеку целый залп, говорит о блестящем обеспечении десантников боеприпасами в день «Д». «Шабрик» выпустил 440 снарядов, «Маккук» — 975, «Кармик» — 1127, «Саттерли» — 638, другие эсминцы — от 500 до 1000 пятидюймовых снарядов. Предполагалось сберечь половину боеприпасов для отражения возможных надводных или подводных атак, но в большинстве случаев эсминцы возвратились в

Англию с минимальным запасом снарядов или вообще без них.

«Фрэнкфорд» занял огневую позицию в мелководье в 800 м от берега. Артиллерист Килер вспоминает: «Мы заметили танк, застрявший в прибое с разбитой гусеницей, но стрелявший по кому-то на ближайшей высоте. Мы сразу же послали в том же направлении залп из пятидюймовок. Танкист высунулся из люка, махнул нам рукой, скрылся и начал бить по другой цели. В течение следующих пяти минут он служил нам корректировщиком огня. Наша дальномерная оптика точно фиксировала попадания».

В это же время произошел, возможно, единственный случай сдачи в плен немецких пехотинцев экипажу корабля. Капитан «Маккука» «Ребел» Рейми, как и другие командиры эсминцев, обстреливал скалы. Неожиданно на склоне появилась группа немецких солдат с белым флагом. Они флажками и световыми вспышками хотели что-то сообщить на борт эсминца. Почти час сигнальщик Рейми пытался разобрать их передачу, подавая знаки на ломаном немецком языке. С берега отвечали на таком же скверном английском.

Рейми устал от бестолковщины и приказал своему флажковому оповестить немцев, что он возобновляет огонь. Немедленно поступил более или менее ясный ответ: «Циз файер!» («Не стреляйте!») Сигнальщик Рейми передал, чтобы немцы спустились со скалы. Они это поняли, цепочкой сошли на берег и, подняв руки вверх, сдались «джи-айз» на пляжах.

Адмирал Морисон совершенно правильно указывает в своей книге «Вторжение во Францию и Германию»: «Только корабельные орудия эсминцев оказывали реальную огневую поддержку наступающим войскам в день «Д». Крейсера и линкоры не могли подойти близко к берегу и обстреливали оборонительные укрепления противника в восточных и западных секторах «Омахи», координаты которых были известны еще до высадки. Делали они это весьма успешно, но войска на взморье не видели и никак не ощущали на себе результаты дальнего артобстрела. В то же время героические и связанные с немалым риском действия эсминцев буквально наэлектризовывали десантников.

Капрала Роберта Миллера в день «Д» тяжело ранило в позвоночник. Это случилось на берегу. Ветеран вспоминает, что до ранения он находился на борту ДСТ и видел, как «дымящийся эсминец, словно потеряв управление, на полном ходу неся к прибою»: «Боже мой, подумал я, он же сейчас налетит на мель и застынет под градом немецких снарядов. И вдруг корабль резко повернул влево и пошел параллельно к прибою, стреляя из всех орудий по скалам. За ним на склонах взметались столбы огня, пыли, камней, грязи».

Матрос Жигер, зарывшись в окопе на пляже, наблюдал, как «эсминец чуть ли не вплотную приблизился к берегу и палил по ДОСам прямо надо мной»: «Было не очень приятно слышать, как над твоей головой свистят снаряды». О'Нилл, также находившийся на взморье, рассказывает: «Эсминцы прямой наводкой били по ДОСам, и ты мог физически ощущать, как над тобой проносятся пятидюймовые снаряды и ударяются в толстые бетонные стены. Они отскакивали вверх от покатых стен ДОСов. Но морякам удалось несколько раз попасть прямо в бойницы, и немцы вскоре замолчали».

У коменданта высадки десанта лейтенанта Джо Смита сохранились примерно такие же воспоминания: «Эсминцы стреляли по скалам, почти что наваливаясь на берег. На твоих глазах

взлетали в воздух орудия, траншейные сооружения, тела убитых солдат. Корабельные пушки били чуть ниже гребня горы, туда, где немцы и окопались. Я уверен, что высадка в целом удалась именно благодаря той небольшой эскадре эсминцев, которая действовала 6 июня». Выражая мнение всех десантников, Смит сказал в интервью: «С того дня я особенно дружу с эсминцами».

Через 45 лет Джеймс Найт, армейский сапер, высадившийся в 6.30 с отрядом подрывников в секторе «Фокс-Ред», написал письмо экипажу «Фрэнкфорда». Оно было опубликовано в журнале «Труды военно-морского института США». В нем сообщалось следующее. Найта, как и других десантников, заставил залечь у дюн фронтальный огонь немецкой артиллерии, пулеметов и минометов. Около 10.00–10.30 со стороны моря появился силуэт эсминца. «Корабль надвигался прямо на нас, — рассказывает бывший сапер. — Он не дымил, как при пожаре, и не кренился. Но у меня возникло ощущение, что судно подорвалось на mine или торпеде и поэтому стремилось к берегу».

Внезапно эсминец повернул вправо и пошел вдоль берега, открыв огонь из всех орудий. Снаряды падали в нескольких метрах от скалы, под которой укрылся Найт. Корабль удалялся все дальше к западу, и сапер решил, что эсминец собирается уйти в открытое море. Но судно попятилось назад, замерло на какой-то момент, развернулось и направилось в другой конец побережья, не переставая вести стрельбу по немецким позициям.

Многие годы после дня «Д» Найт пытался выяснить название корабля. Однако ни Райан, ни адмирал Морисон, ни другие историки Второй мировой войны не упоминали этот эпизод в своих исследованиях (хотя Морисон отметил, что ближе всех действовал у побережья эсминец «Фрэнкфорд»). Потом Найту попалось на глаза объявление в прессе о встрече моряков «Фрэнкфорда». Он побывал на этом собрании ветеранов в 1989 г. Там Найт убедился, что эсминцем, который поразил его своими смелыми действиями, был «Фрэнкфорд».

Обращаясь к команде корабля, Найт писал: «Вне зависимости от времени высадки мы все оказались прижатыми у дюн под немецким огнем, пока вы не совершили свой «круиз». Вскоре после того, как вы ушли в море, пехота поднялась в наступление, пробилась на склоны скал и далее в глубь Нормандии».

8 июля 1944 г. начальник штаба 1-й дивизии полковник С. Б. Мейсон сообщил контр-адмиралу Дж. Л. Холлу о результатах осмотра оборонительных сооружений на «Омахе». Они создавались как неприступные, писал Мейсон: «И действительно, немцы с легкостью отбивали атаки американской армии. Но было в нашей наступательной операции то, с чем они не могли справиться. Я теперь абсолютно убежден, что овладеть берегом нам помогла корабельная артиллерия. Без ее поддерживающего огня мы вряд ли преодолели бы пляжи».

Генерал-майор Леонард Джероу в день «Д» высадился в 19.00 с тем, чтобы установить командный пункт и штаб V корпуса. Его первое донесение на борт «Огасты» генералу Брэдли начиналось такими словами: «Слава Богу, что у нас есть военно-морские силы!»

Флот, особенно эсминцы, был частью «команды». Неотъемлемой, незаменимой, но все же частью. После того как «Фрэнкфорд» и другие корабли выпустили по побережью практически весь запас снарядов и возвратились в Англию, предстояли еще тяжелые бои на скалах и

плоскогогорье. Моряки лишь «приоткрыли» путь наверх. Пойти по нему должна была пехота. Первостепенная задача — оачадеть выездами и разгрузить «пробку» на пляжах. Для этого требовалось, чтобы войска поднялись на вершины и с тыла выбили немцев из своих траншей и фортификаций.

Моряки проявили себя наилучшим образом не только в подавлении немецких ДОСов на скалах. Они спасли немало раненых десантников, в первую очередь вызволяя их из нараставшего прилива.

Главный писарь 7-го морского десантного батальона Гарвуд Бейкон находился на ДСП, когда судно в 8.10 подорвалось на mine в секторе «Дог-Грин». На корабле возник пожар. Раненых солдат взрывом выбросило в море. Бейкон с помощью своих товарищей спустил на воду резиновый плот, погрузил на него радиостанцию, санитарные сумки, оружие и боеприпасы. Со скалы неслись пулеметные очереди. Вокруг волны то накрывали, то обнажали минные заграждения. Десантники все-таки добрались до берега невредимыми и переложили свой груз на песок.

— Эй, Бейкон, — крикнул матрос Джонакин, — как ты думаешь, нам удастся вернуться к кораблю? Раненые до берега не доплывут!

— Если ты не против, то давай попробуем! — ответил Бейкон.

Они оставили свои ранцы, каски и автоматы на пляже, спихнули плот в воду и, лавируя между заграждениями, отправились обратно. «За несколько минут мы подобрали пятнадцать раненых и тонущих солдат, — вспоминает Бейкон, — и тем же путем, среди мин, поплыли к берегу, работая руками и ногами, как веслами. У прибоя нас уже ждали другие десантники, которые помогли нам перенести раненых под укрытие дамбы, где их перевязали». Этот эпизод запечатлел на пленку фотограф из службы связи армии США. Его снимок вошел в историю как одна из лучших фронтовых фотографий, сделанных на «Омахе».

Бейкон подобрал чей-то карабин (его автомат кто-то уже прихватил) и побежал к галечной насыпи. Там он увидел «человек 50, лежавших кто на песке, кто на камнях»: «Решив, что они укрываются от огня, я кинулся на землю между двумя солдатами и уткнулся лицом в песок. Но никаких ра-та-та не было слышно. Я осторожно поднял голову, чтобы осмотреться, и застыл от ужаса. Один из десантников лежал возле меня без головы, другого разорвало пополам. Все остальные также были мертвы. Они не нуждались в моей помощи, и я отправился на поиски своего батальона».

Немецкие снайперы обычно охотились за армейскими медиками, когда те пытались перевязать раненых, которых нельзя было транспортировать, прямо на берегу. Все ветераны дня «Д» отзывались о фронтовых санитарях и врачах как «о самых отважных из отважных». Но не так уж много они могли сделать в полевых условиях. Медики накладывали кровоостанавливающий жгут, чистили раны, обрабатывали их сульфамидными препаратами и давали новый чудо-препарат — пенициллин (американская фармацевтическая промышленность произвела в мае рекордное количество пенициллина — 100 млн доз), вводили морфин и затем ждали возможности отправить раненых на десантном судне, возвращавшемся к базовому кораблю за очередным штурмовым отрядом.

О'Нилл с помощью сапера береговой команды переносил раненых на ДСТ. Когда они поставили носилки на палубу, матрос увидел, что у лежащего на них солдата нет пол-лица: «Как на медицинском муляже, у него обнажились зубы, челюсть, глазное яблоко. Я спросил, как он себя чувствует. Солдат ответил: «О'кей».

Когда все койки и палубы на ДСТ заполнились, корабль направился в транспортную зону, где раненых переводили в морской госпиталь. О'Нилл слышал, как армейский медик сказал судовому коку:

— Этому парню нужна плазма. Иначе он не дотянет.

— Она закончилась, — едва сдерживая слезы, ответил кок.

До транспортной зоны оставалось часа полтора ходу. Когда десантники прибыли, судовой госпиталь уже готовился принять раненых, опустив грузовые стрелы для подъема носилок. ДСТ пришвартовалось к госпитальному кораблю. Санитары сошли на палубы ДСТ с полным набором медикаментов, инструментов и перевязочных средств. После оказания экстренной помощи раненых одного за другим подняли на борт госпиталя. Время — решающий фактор в спасении изувеченных снарядами и пулями людей. Боль можно стерпеть или облегчить. Очень помогало сочетание шока и уколов морфина (когда медик или «джи-ай» делал укол морфина, он помечал раненого, чтобы кто-нибудь еще не вколол морфин во второй раз). С потерей крови справиться труднее. Если кровотечение остановить и раненого вовремя переправить в судовой госпиталь, то его шансы выжить намного повышаются.

Большую роль в спасении раненых сыграли экипажи десантных судов. Сержант Стэнли Борковский из 5-й инженерной специальной бригады на ДАКВ перевозил разное оборудование с «Либерти». Обратными рейсами он забирал раненых и доставлял их в корабельный госпиталь, который стоял на якоре в двух милях от берега. «Я не могу говорить о том, что мне довелось увидеть, — сказал он с дрожью в голосе в интервью. — Я был рад им помочь и до сих пор молюсь за них».

ДСП, на котором находился корреспондент «Нью-Йоркера» А. Дж. Либлинг, подобрал несколько раненых солдат на «Омахе», чтобы переправить их в судовой госпиталь. Трех из них пришлось поднимать в проволочных корзинах, «вертикально, как индейских детей».

«Пара негров на верхней палубе сбросили нам канат, к которому наши ребята привязывали корзины, — написал Либлинг в своем репортаже 8 июля 1944 г. — Потом негры дергали за канат, и человек взмывал вверх, как на небеса.

Матрос береговой охраны ухватился за одну корзину, чтобы она не раскачивалась. На него вылилось больше литра крови. Она окрасила его шлем, лицо и обрызгала синюю униформу. Когда на борт подняли последнюю корзину, через перила перегнулся офицер и закричал: «Медик говорит, что двое из этих трех человек мертвые. Он требует, чтобы вы забрали их обратно и захоронили на берегу». Стоявший рядом с ним матрос ответил:

— Пусть этот сукин сын сам и возвращается на берег.

Шкипер ДСТ, конечно же, отказался исполнять это идиотское распоряжение.

Матросу Феррису Верку с десантно-танкового корабля ДКТ 285, служившего судовым госпиталем, было всего 16 лет. «Физическая и психологическая нагрузка врачей поражала, — вспоминает ветеран. — Они ни на минуту не отходили от раненых. Ампутировали ноги, руки, извлекали шrapнeль, зашивали раны, успокаивали измученных болью десантников, многие из которых буквально теряли рассудок». Для 16-летнего Верка (и не только для него) видеть тяжелейшие ранения было чудовищным испытанием. Он рассказывает, как доктор Слаттери попросил его спуститься в мастерскую судового слесаря и принести полдюжины железных угольников длиной 60 см. Когда Верк вернулся, врач сказал ему, чтобы он привязал к металлическим отрезкам только что ампутированные ноги и руки и выбросил их за борт. Потом, когда матрос сообщил слесарю, зачем понадобились угольники, тот «расстроился, потому что дал мне очень хороший металл»: «Если бы он знал, для чего нужны железные обрезки, то набрал бы для меня всяких отходов, которых полно в мастерской».

Душераздирающие сцены возникали постоянно. Помощник аптекаря Фрэнк Федвик на палубе ДКТ делал инъекцию морфина одному раненому «джи-ай». «Он лежал на носилках, — вспоминает Федвик. — Неожиданно солдат поднялся и издал страшный вопль. Он увидел, что у него нет правой ноги. Я повалил его на спину, и солдат простонал:

— Моя нога... Как я буду жить? Я же фермер».

Война творит с людьми необычайные вещи. Человек, который еще недавно жаждал убить другого человека, может в одно мгновение превратиться в его спасителя. Солдаты при виде раненого (даже врага) становятся ангелами милосердия. Убийство и спасение зачастую существуют рядом.

Командир «Гардинга» Палмер шел вдоль берега и методично обрабатывал скалы из всех орудий. Лейтенант Джентри характеризует его как человека «с кипучей энергией и крепкими нервами». Медиком на эсминце был доктор Маккензи. В 10.24 он обратился к капитану с настойчивой просьбой приостановить огонь на время, достаточное для того, чтобы спустить шлюпку, подойти к прибою и оказать помощь раненым на боте Хиггинса. После этого Маккензи на той же шлюпке под пулеметным и автоматным обстрелом пробрался к ДАКВ, где также было много раненых десантников. Затем он вернулся на «Гардинг».

На борту корабля его ждали. У младшего лейтенанта Роберта Рица был острый аппендицит. Только срочное хирургическое вмешательство могло спасти его жизнь. Маккензи вновь попросил Палмера прекратить огонь для того, чтобы провести операцию. Капитан с неохотой, но согласился. Через полчаса Палмер послал лейтенанта Джентри в офицерскую кают-компанию, из которой сделали временную операционную, выяснить, почему так долго возится хирург.

Маккензи объяснил Джентри, что Рицу «дали наркоза на двух человек, но он все еще никак не может успокоиться». Доктору помогали держать Рица младший лейтенант Уильям Картер и еще трое офицеров. (Картер потом говорил, что Маккензи в течение нескольких месяцев обещал сделать его своим ассистентом, и это была его первая настоящая серьезная операция.) Верхний

свет погас. Картер одной рукой держал фонарь, а другой — Рица. Минут через 45 наркоз наконец начал действовать. За это время капитан со своего мостика, как говорит Джентри, «каждые пять минут посылал кого-нибудь в кают-компанию проверить, как там идут дела». Часа через полтора операция успешно завершилась. Капитан Палмер произнес «слава Богу» и приказал всем артиллерийским расчетам возобновить огонь.

Не убивали и не разрушали не только медики. Армейская служба связи и береговая охрана направили с десантом фотографов. Они были «вооружены» лишь камерами и черно-белыми пленками. Корреспонденты высаживались с первыми эшелонами^[54].

Пожалуй, самым храбрым и наиболее прославленным стал Роберт Капа из журнала «Лайф», который сошел на «Омаху» с ротой «Е» во втором эшелоне. И конечно же, не в своем секторе, а в «Изи-Ред». Он задержался на рампе, чтобы сделать снимок: «Рулевой воспринял это по-своему и, чтобы помочь мне соскочить с трапа, дал мне пинок под зад». Капа укрылся возле минного заграждения и отснял целую пленку. Потом он пробрался по пояс в воде к горевшему танку. Ему хотелось бежать дальше, к дамбе, но, как фотограф написал позднее в своих мемуарах, он не смог «найти для себя «дырку» между снарядами и пулями, которые стеной преградили последние 25 ярдов». Капа остался за танком и повторял про себя фразу, запомнившуюся с гражданской войны в Испании: «Эс уна коса муй сериа» («Плохи дела»).

Капа наконец добежал до набережной и свалился на землю: «Я оказался носом к носу с лейтенантом, с которым еще вчера вечером играл в покер. Он спросил, могу ли я представить себе то, что сейчас мелькает перед его глазами. Я ответил, что нет, и вообще вряд ли лейтенант видит то, что происходит над нашими головами.

— А я тебе скажу, — прокричал мне на ухо офицер, — мне видится мать, размахивающая моим страховым полисом».

Вокруг рвались минометные снаряды. Капа беспрестанно нажимал на затвор фотоаппарата, отщелкивая одну кассету за другой. Пленки были на исходе, и корреспонденту ничего не оставалось, как думать о возвращении в Англию. Повернувшись к морю, он увидел недалеко от берега ДСП: «Я сразу решил, что мне делать. Поднялся и пошел к судну». Держа камеры высоко над головой, Капа пошел, борясь с накатывающимися волнами, к кораблю: «Меня понесло течением. Я уже собирался вернуться к прибою, но не мог заставить себя взглянуть назад и говорил только: «Лишь бы рукой дотронуться до борта этого судна».

ДСП, на котором находился матрос береговой охраны Шарль Жарро, подбирал раненых, чтобы доставить их в судовой госпиталь. Он заметил Капу: «Я увидел какого-то бедолагу, который барахтался в воде, судорожно глотая воздух и пытаясь удержать над волнами фотоаппарат». Капа взмолился о помощи. Шкипер бросил ему канат. Когда фотограф поднялся на борт, он «был вне себя от радости»: «Капа сделал несколько снимков на нашем корабле, которые потом появились в журнале «Лайф».

В тот же день Капа оказался в Портсмуте, откуда он поездом выехал в Лондон, чтобы проявить пленки. Лаборанту в студии хотелось поскорее посмотреть, что получилось, и он пересушил негативы. Из 106 снимков, сделанных Капой, удалось отпечатать только восемь, и то они вышли нечеткими.

Капа вначале расстроился, но потом понял, что сероватые, расплывчатые изображения десантников, высаживающихся с ботов Хиггинса или укрывающихся от пуль за минными заграждениями, лучше всего передают атмосферу хаоса и страха, царившую тогда на «Омахе». Отчасти благодаря чрезмерному усердию лаборанта лондонской студии фотографии Капы стали самыми известными снимками дня «Д».

Режиссер и продюсер из Голливуда Джон Форд в день «Д» возглавлял съемочную группу управления стратегических служб. Его команда операторов пересекла Ла-Манш на эсминце «Планкет» с аппаратурой стоимостью в 1 млн долларов. Спустя 20 лет он делился своими воспоминаниями с репортером журнала «Америкэн леджон мэгэзин» Питом Мартином. Рассказ человека с обостренным взглядом документалиста представляет особый интерес. Поэтому я привожу его более подробно.

«Когда мы отчалили, — говорил Форд Мартину, — мы шли последними в длиннющем корабельном конвое... Вдруг наша флотилия каким-то образом перестроилась. И «Планкет» оказался впереди всей колонны. Я немало удивился тому, что мне с моими камерами пришлось возглавить вторжение в Нормандию».

«Планкет» бросил якорь у побережья «Омаха» в 6.00. «И вокруг нас все закрутилось».

Форд видел, как высаживалась первая волна десантников: «У них не было никаких шансов выжить».

«Адский огонь встретил и ДССК с танками и бульдозерами. Позже я узнал, что только три из 30 или 40 бульдозеров выгрузились на сушу. Я помню, как десантные суда металась между подводными заграждениями и подрывались на минах. Еще позже, намного позже мне стало известно, что примерно на той же неделе кораблестроительные верфи в США начали увольнять сотни людей на основании того, что сократились военные заказы».

Перед командой Форда стояла «простая задача снимать все, что происходит на «Омахе». Простая, но далеко не легкая». Форд перебрался на ДАКВ. Он обратил внимание на одного чернокожего матроса, который перевозил на другом ДАКВ какое-то снаряжение: «Я смотрел на него как замороженный. Рядом рвались снаряды. Казалось, что немцы прямо-таки за ним охотились. А он, лавируя между заграждениями, продолжал передвигаться на своей амфибии взад-вперед, взад-вперед, сохраняя полнейшее спокойствие. И я подумал: «Господи, если кто-то и заслуживает медаль, то этот человек — непременно». Мне хотелось его заснять, но я находился в тот момент в довольно безопасном месте и решил: «Бог с ним». Мне пришлось признаться в том, что он был смелее, чем я».

Не меньше поразили Форда пехотинцы: «Меня изумляли выучка и упорство этих молодых парней, которые прыгивали навстречу огню с десантных судов, падали на песок, мучаясь рвотой, поднимались и бежали дальше. Это впечатляло. В них не было никакой суетливости или паники. Они спокойно занимали позиции и настойчиво продвигались вперед».

Операторы, как и десантники, сойдя на берег, вынуждены были сразу же залечь у немецких заграждений: «Я не позволял им выходить из укрытий. И все-таки мы потеряли несколько

человек. Эти ребята, измотанные морской качкой, показали себя настоящими героями. Я преклоняюсь перед их мужеством. Они высаживались первыми, но не с автоматами и винтовками, а с камерами».

«События дня «Д» запечатлелись в моей памяти как кадры из несмонтированной киноплёнки. Но очевидна одна общая сюжетная линия: каждый солдат в ходе сражения переживает опасность в одиночку и ведет свой собственный бой».

«Мы должны были отобразить для истории все вторжение. Но каждый из нас видел только то, что происходило перед его глазами. Я не говорил операторам, куда направлять камеры. Они снимали все, что попадалось в объектив. Эти, по сути, еще мальчишки не выказывали ни малейшего страха».

Пленку отправили в Лондон для проявки. «Кодакхром» пришлось перевести в черно-белый вариант для показа в хрониках в кинотеатрах: «Мои монтажеры работали сутками, выбирая наиболее впечатляющие кадры. Посменно. Четыре человека по четыре часа. Я думаю, что это был самый грандиозный монтаж за все времена. Но зрители увидели немного из того, что мы отсняли. Правительство, очевидно, испугалось показать на большом экране, сколько американцев погибло во время высадки»^{[\[55\]](#)}.

21. «Скажите, как нам это удалось?»

2-й батальон рейнджеров утром дня «Д»

В полдень 5 июня полковник Эрл Раддер, командир отряда рейнджеров (2-й и 5-й батальоны), побывал в ротах «А», «Б» и «С» 2-го батальона на транспорте «Принц Чарлз». Ему предстояло повести роты «Д», «Е» и «Эф» на штурм Пуант-дю-О, отвесный 40-метровый утес, расположенный в 7 км к западу от правого фланга «Омахи». Роты «А», «Б» и «С» должны были высаживаться в секторе «Чарли» справа от роты «Е» 116-го полка^[56].

Раддер в 1932 г. окончил «Эй энд Эм» в Техасе, где ему присвоили звание офицера в запасе. Он тренировал футбольную команду колледжа, прежде чем поступить в 1941 г. на срочную службу. Полковник знал, какими словами вдохновить перед боем солдат. Он сказал десанникам рот «А», «Б» и «Q»:

— Ребята, вы первыми из этого батальона ступите на землю Франции. Не беспокойтесь, вы будете не одни. Когда роты «Д», «Е» и «Эф» захватят Пуант-дю-О, мы спустимся и поддержим вас. Удачи! Да поможет вам Бог!

В ходе сражения все сложилось иначе — и для рот «А», «Б», «С», и для рот «Д», «Е», «Эф». От намеченных планов пришлось отказаться еще до начала боев. Рота «С» сошла на берег отдельно от других и практически весь день действовала в полной изоляции. Роты «Д», «Е» и «Эф» высадились у Пуант-дю-О не в назначенное время и не с того направления. Большая часть альпинистского снаряжения была утеряна, а то, что уцелело, оказалось непригодным. Когда роты все-таки поднялись на вершину скалы, они не обнаружили в казематах пяти 155-мм орудий, которые, как предполагалось, должны были обстреливать оба участка побережья — и «Юту», и «Омаху». Получается, что элитные и натренированные подразделения рейнджеров, осуществив одну из самых прославленных и героических операций дня «Д», рисковали своими жизнями впустую. Тем не менее то, что они овладели высотами у Пуант-дю-О, стало решающим фактором успешного продвижения американцев на материк.

Через 10 лет полковник Раддер посетил Пуант-дю-О с 14-летним сыном и репортером из «Колльер'с» У. С. Хейнцем. Глядя на утес, он произнес:

— Скажите, как нам это удалось? Это было безумием тогда, и это безумие сейчас.

Планировалось, что рота «С» высадится на крайнем правом фланге «Омахи» и вслед за ротой «А» 116-го полка выдвинется к выезду у Вьервиля, минует деревню, повернет вправо и овладеет плацдармом между взморьем и прибрежной дорогой, ведущей от Вьервиля в Пуант-дю-О. В этом районе немцы установили около двадцати ДОСов, соорудили бункеры, «тобруки», открытые орудийные позиции, радиолокационную станцию. Рота «С» должна была выполнить поставленную перед ней задачу за два часа, то есть к 8.30. Ротам «А» и «Б» предстояло сойти в 7.30 у Пуант-дю-О, если Раддер подаст им сигнал, что они нужны ему как подкрепления. Если такого знака не будет (в случае провала операции Раддера), тогда они высаживаются у Вьервиля, поднимаются на плоскогорье, поворачивают направо и по прибрежной дороге выходят на штурм Пуант-дю-О со стороны материка.

Успех действий рот «А», «Б» и «С» во многом зависел от того, сможет ли рота «А» 116-го полка овладеть выездом и деревней Вьервиль. Но ее немцы разбили еще на берегу. Рейнджеры роты «С» высадились на несколько минут позже, чем планировалось, в 6.45, на крайнем западном фланге «Омахи», за выездом у Вьервиля. Ближайшие американские войска находились в 2 км к востоку, в секторе «Дог-Ред».

Высаживаясь сразу же после корабельной артподготовки и не встретив вначале никакого сопротивления, рейнджеры чувствовали себя превосходно.

— Наше дело — верняк, — сказал один из них. — Вряд ли немцы знают, что мы уже здесь.

Сержант Доналд Скрибнер помнит, как десантники на его корабле хором желали счастья сержанту Уолтеру Гелдону, который 6 июня отмечал третью годовщину свадьбы. Они с восторгом наблюдали за залпами ДСТ(Р), но приуныли, увидев, что реактивные снаряды не долетают до берега и падают в воду. Их разочарование еще больше усилилось, когда рейнджеры поняли, как заметил лейтенант Джералд Хини, что «на пляжах никого нет и в нашем секторе не высадился ни один американский солдат».

Когда ДСА Хини наскочило на мель, рулевой-старшина крикнул:

— Янки, дальше мне ходу нет! — и опустил рампу.

По судну ударили автоматные очереди. Первого же десантника, ступившего на трап, сразили пули. Увидев, что его ожидает на рампе, Хини прыгнул через борт.

«Вокруг меня плавали тела убитых и раненых солдат. Я изо всех сил ринулся к прибою. Добравшись до берега, я почувствовал себя настолько уставшим, что упал на песок и не мог встать».

Командир роты «С» капитан Ралф Горансон вспоминает: «Все происходило как во сне. Я шел по воде, как сомнамбула, не ощущая собственного тела». Дойдя до берега, Горансон укрылся под навесом скалистого утеса. Преодоление нескольких метров пляжа сержанту Марвину Луцу также показалось «кошмарным сном». И он, подобно своему командиру, «передвигался как робот, автоматически переставляя ноги».

Скала высотой 30 м поднималась над пляжами чуть западнее выезда у Вьервиля. Немецкие пулеметчики не могли достать десантников, укрывшихся у ее основания. Поэтому они забрасывали рейнджеров минометными снарядами и гранатами, которые американцы называли «картофелемялками» из-за их своеобразной формы. Каждый раз, когда появлялась такая граната, сержант Майкл Гаргас предупреждал:

— Внимание, парни! Сейчас у вас будет картофельное пюре!

Немецкие артиллеристы трижды попали в судно сержанта Скрибнера. Первым снарядом оторвало рампу и убило сразу несколько человек. Вторым снаряд ударил в левый борт. Скрибнер попытался перелезть через правый борт, но заметил на днище 60-мм миномет. Он остановился,

чтобы его подобрать, и в этот момент третьим снарядом вырвало и правый борт. Сержант прыгнул в воду.

«На мне были рация, винтовка, гранаты, вся амуниция, скатка с постелью, — рассказывает Скрибнер. — И я стал тонуть».

Сержант не помнит, как ему удалось спастись и доплыть до берега: «Я трижды падал, и каждый раз передо мной пули взметали песок. Я долго не лежал, потому что знал, чем это может обернуться. А падал, потому что смертельно устал». Когда Скрибнер добрался до подножия скалы, он посмотрел назад: «Я увидел Уолтера Гелдона, лежащего у прибоя с поднятой рукой и взывавшего о помощи. Мы не успели его подобрать. Уолтер умер в день третьей годовщины своей свадьбы».

Лейтенант Сидни Саломон, командир 2-го взвода роты «С», первым прыгнул с катера. Он по грудь в воде двинулся к берегу. В это время немцы открыли по рейнджерам огонь из пулеметов и винтовок. Рядом с Саломоном упал раненый сержант Оливер Рид. Лейтенант вытащил его из-под рампы как раз в тот момент, когда судно качнулось на сильной волне. Он попросил Рида немного потерпеть и, придерживая сержанта, с трудом побрел к прибою: «За мной немцы почти в упор расстреливали одного рейнджера за другим, когда они пытались с рампы прыгнуть в воду. А в море вокруг катера взметались гейзеры от взрывов минометных снарядов».

Саломон с Ридом дошли до подножия скалы. Лейтенант оглянулся: «Всюду виднелись бездыханные тела. Кровавые пятна окрасили песок. По нему ползли раненые. Их лица побелели от боли и отчаяния. Некоторые пытались встать, но тут же падали под немецкими автоматными очередями. Волны выбрасывали на берег убитых десантников. Казалось, что море издевается над ними и играет с телами, как кошка с задушенными мышами».

Из 68 рейнджеров роты «С» погибли 19, 18 получили ранения. Только 31 десантник смог добраться до подножия скалы. Они еще не сделали ни одного выстрела. Первые минуты на французской земле оказались для рейнджеров почти такими же ужасными, как для роты «А» 116-го пехотного полка.

Однако у рейнджеров имелись определенные преимущества. Хотя на них и сыпались гранаты и минометные снаряды, они у подножия скалы были в более безопасном положении, чем солдаты роты «А» возле дамбы на другой стороне выезда у Вьервиля. С ними находились капитан Ралф Горансон и два взводных командира, лейтенанты Уильям Муди и Сидни Саломон. Кроме того, они считали себя действительно элитными и хорошо подготовленными. Вот что, например, Скрибнер рассказал о сержанте «Дьюке» Голасе: «У него от взрыва гранаты снесло почти полголовы, а он продолжал стрелять и кричать фрицам, чтобы они выходили и сдавались».

Тем временем офицеры скоро поняли, что рота высадилась в полной изоляции от других частей, а выезд у Вьервиля не только не захвачен, но и отлично обороняется немцами. Им стало ясно и то, что у рейнджеров есть только один выход — не прятаться под скалой и ждать, пока их перебьют, а взбираться на утес. К счастью, у них для этого имелся и опыт, и кое-какое снаряжение.

Лейтенанты Муди и Саломон с сержантами Джулиусом Белчером и Ричардом Гарреттом отправились на разведку и нашли на правой стороне скалы расщелину. Помогая друг другу и пользуясь штыками как крючьями, они поднялись на вершину. Там Муди привязал альпинистские веревки к столбам на минном поле и сбросил их вниз. По ним на утес вскарабкались и остальные десантники. К 7.30 рота «С» 2-го батальона рейнджеров, вернее, то, что от нее осталось, находилась на гребне. Как отмечено в официальном труде по истории американской армии, она, «возможно, первой сумела выйти на плоскогорье».

На вершине скалы рейнджеры увидели строение, которое они называли блокгаузом. Скорее всего это был не блокгауз, а типичный нормандский фермерский дом, сделанный из камня. Он возвышался над выездом, и его окружала сеть траншей. За домом располагались ДОСы, «тобруки» и доты. Из окон, как из амбразур, немцы открыли огонь по десанникам.

Перед ротой «С» стояла задача выдвинуться по плоскогорью на запад, но капитан Горансон решил вначале атаковать фермерский дом и очистить от немцев траншеи. Лейтенант Муди повел в бой отряд десантников. Он вышиб ногой дверь и автоматной очередью уложил офицера, который отдавал команды. Лейтенант не успел дойти до окопов. Еще у дома ему прострелили голову. Отряд возглавил лейтенант Саломон. Десантники, перебегая от траншеи к траншее, забрасывали ДОСы белыми фосфорными гранатами.

Сержанты Джордж Морроу и Джулиус Белчер засекли пулеметное гнездо, откуда обстреливался западный фланг «Омахи», то самое, из которого час назад немцы убили так много рейнджеров. Из него по-прежнему велся огонь по новым эшелонам, высаживавшимся на берег. Пренебрегая опасностью, Белчер кинулся к ДОСу и метнул в него зажигательную гранату. Немцы начали выбегать из укрытия. Белчер ни одного не оставил в живых.

Конечно, не все отличались храбростью. Лейтенант Хини рассказал об офицере, имя которого не стал упоминать: «Во время учений он демонстрировал необычайную физическую выносливость. Мы все думали, что из него получится настоящий боевой командир. Но однажды я встретил этого офицера, сидящего в окопе. Он плакал, как ребенок, и не мог подняться. Сержант Уайт поручил своему солдату сопроводить офицера обратно на берег для отправки в Англию. Больше я ничего о нем не слышал».

Капитан Горансон заметил внизу подразделение солдат из 116-го полка, которые высаживались как раз под скалой (фактически в километре от назначенного места). Он послал за ними одного из рейнджеров. Это было первое подкрепление, которое получила рота «С». К немцам постоянно шли пополнения из деревни по связанным между собой траншеям. На «Юте» парашютисты блокировали возможности гитлеровцев направлять подкрепления к побережью. На «Омахе» не было парашютистов, и немцы свободно передвигались по плоскогорью.

К западу от выезда у Вьервиля весь день не прекращались бои. Горансон не располагал достаточными силами, чтобы сломить противника. Рейнджеры выбивали немцев из траншей, занимали их, а потом уступали свои позиции. Лейтенант Саломон командовал «взводом» из трех человек. «Мы прочесывали траншею за траншеей, — рассказывает он в интервью. — Опять поворот, опять минометный расчет в закрытом укреплении. Кидаем гранаты, поливаем немцев автоматными очередями. И так целый день». Сержанту Скрибнеру казалось, что «этот день

никогда не закончится».

Лейтенант Саломон уже начал было отчаиваться. «На пляжах внизу я видел сплошной хаос, — вспоминает он. — Практически до середины дня «Д» я серьезно считал, что вторжение срывается, нам придется отойти и попытаться высадиться снова».

Для большинства рейнджеров это были первые бои. Но они значительно превосходили немцев, укрывавшихся в ДОСах, «тобруках» и дотах. И не числом, а умением. Им помогали навыки, полученные во время тренировок, тактическая хитрость, напористость и обыкновенная человеческая предусмотрительность. На следующий день похоронная команда сообщила: вокруг блокгауза и в траншеях были найдены 69 погибших немецких солдат и два американца.

Рейнджеры роты «С» и отряд пехотинцев из 116-полка действовали в изоляции. Они были одни на западной стороне выезда у Вьервиля. У них отсутствовала связь с другими частями, поскольку не сохранилось ни одной рации. Некоторую помощь им оказали моряки, правда, не очень эффективную. Экипажи эсминцев не знали, что на скале находятся американцы, и несколько раз выстрелили по их позициям из 20-мм и пятидюймовых стволов. Сержант Скрибнер видел, как пятидюймовый снаряд ударил в ДОС. Его поразило, что в стене образовалась лишь вмятина глубиной сантиметров 15. «Эти немцы умели строить оборонительные укрепления», — замечает он.

Сержант Уильям Линдсей находился в бетонном ДОСе, когда в стены попали два пятидюймовых снаряда. Его контузило. В течение дня сержанта трижды останавливали на краю скалы, не давая ему шагнуть в пропасть. Вечером Линдсей наткнулся на полковника Тейлора из 116-го полка. Как вспоминает Скрибнер, сержант с пылающим от возмущения лицом обвинил Тейлора в том, что тот украл у него винтовку, хотя она по-прежнему свисала с плеча Линдсея. Рейнджеры, видевшие эту сцену, расхохотались и даже почувствовали некоторую жалость к немцам, сидящим в своих казематах, по которым бьют 14-дюймовые корабельные снаряды (к концу дня Линдсей пришел в сознание).

— Меня очень тревожило, — рассказывает о дне «Д» сержант Чарлз Семчук, — что «джерриз» скинут нас обратно в Ла-Манш. У них была такая возможность. Но к вечеру, когда мы установили контакты с ротами «А» и «Б», я воспрянул духом на все 100 процентов... От радости мне хотелось пройтись «колесом». Я знал, что «джерриз» упустили свой последний шанс выиграть сражение и мне не придется пережить еще один день «Д». Похожие чувства испытывал и сержант Луц.

— Мне не надо больше никаких дней «Д», — заявил он, на что лейтенант Саломон ответил:

— А я бы не возражал против того, чтобы совершить новый морской переход, желательно к берегам Японии.

Рота «С» не выполнила до конца свою миссию. Можно сказать, что она даже и не приступила к ее выполнению. Ее действия были изолированными и ограниченными по своим масштабам. И все же они оказали решающее влияние на ход дальнейшей операции. Завязав бои с немцами на западной стороне Вьервиля, рейнджеры отвлекли на себя огонь, который бы подавлял десантников, выходивших на берег. Потери могли еще больше возрасти, и

американские войска вряд ли воспользовались бы выездом у этой деревни в день «Д».

Роты «А» и «Б» 2-го батальона высадились в секторе «Дог-Грин» в 7.40, 5-й батальон — в 7.50 в секторе «Дог-Уайт» восточнее выезда у Вьервиля. Фактически они действовали в составе 116-го полка, поскольку рейнджеры в ходе боев неизбежно смешивались с пехотинцами. Об этом более детально рассказывается в следующей главе.

Союзники начали бомбить Пуант-дю-О задолго до дня «Д». Тяжелые самолеты американской 8-й военно-воздушной армии и британского бомбардировочного авиационного командования методично обрабатывали этот район в течение нескольких недель. Самые сильные удары были нанесены перед наступлением рассвета 6 июня. Затем к артобстрелу приступил линкор «Техас», выпустив по целям вблизи деревни десятки 14-дюймовых снарядов. В итоге на Пуант-дю-О сбросили более 10 килотонн взрывчатки, что равноценно мощности атомной бомбы, упавшей на Хиросиму. «Техас» прекратил огонь в 6.30, когда на берегу должны были появиться рейнджеры.

Подполковник Раддер шел на головном судне. Он оказался на нем по своей воле. Генерал-майор Кларенс Хюбнер, командующий 1-й дивизией и вообще высадкой десанта на «Омахе», запретил Радцеру вести роты «Д», «Е», «Эф» 2-го батальона рейнджеров на штурм Пуант-дю-О. Он сказал:

— Мы не можем позволить, чтобы вас нокаутировали в первом же раунде.

— Извините, сэр, — ответил Раддер, — но я с вами не согласен. Если меня там не будет, то ничего не получится^[57].

Рейнджеров к берегам Нормандии доставляли на ДСА, британских десантных судах (американцы тренировались вместе с британскими коммандос и привыкли к английским морьякам). Британцы взяли за основу конструкцию бота Хигганса, но добавили в борта и планшири немного брони. В результате их катера двигались медленнее и тяжелее и погружались в воду еще больше, чем ДССПЛС.

Утром в день «Д» все ДСА, на которых шли рейнджеры, захлестывали волны. Один из десяти катеров стал тонуть, не успев выйти из транспортной зоны и забрав с собой командира роты «Д» и еще 20 человек (их через несколько часов взял на борт ДСТ).

— Дайте нам переодеться во что-нибудь сухое, верните нам оружие, боеприпасы и бросьте нас у Пуанта, — прокричал капитан «Дьюк» Слейтер, когда его вытащили из воды. — Нам уже давно пора быть там!

Но его солдаты настолько онемели от холода, что судовой медик распорядился отправить их в Англию. Один из грузовых кораблей также пошел ко дну, другой выкинул в море половину снаряжения и оборудования, чтобы остаться на плаву.

Но это было только начало хаоса. В 6.30, когда головной десантный корабль Раддера подходил к берегу, полковник с недоумением увидел, что рулевой ведет судно к Пуант-де-ла-Персе, расположенному на полпути между Вьервилем и Пуант-дю-О. После короткой

перебранки рулевой все-таки повернул вправо, чтобы выйти на прежний курс. Флотилии пришлось побороться с приливом (из-за него суда и отнесло влево). Она растянулась вдоль берега.

Ошибка вызвала малоприятные последствия. Рейнджеры опоздали на 35 минут. За это время немцы оправились от артобстрела и вернулись к своим орудиям и пулеметам. Четыре километра флотилия шла под сильным огнем. Один из четырех ДАКВ затонул, когда по нему ударил 20-мм снаряд. Сержант Фрэнк Саут, 19-летний медик, вспоминает: «С левого фланга вдоль всей скалы по нам непрерывно стреляли. А мы даже не могли понять, откуда ведется огонь». Лейтенант Джеймс Эйкнер, офицер связи у Радцера, помнит, как «вокруг в воде было полно наших касок, снарядов и рвоты, которую изрыгали десантники».

Американский эсминец «Саттерли» и британский «Талибонт» подошли поближе к берегу и ударили по скале из всех орудий. Немцы отступили. Рота «Д» должна была высадиться на западной стороне обрыва. Но ДСА сбились с курса, и десантники выгружались в восточном секторе.

Лейтенант Джордж Керchner, командир взвода в роте «Д», говорит: «Когда наше ДСА развернулось и направилось к берегу, я подумал: «Вся эта высадка — одна сплошная ошибка. Никто из нас не сможет подняться на скалу». Но тут раздался залп эсминцев. Через 48 лет отставной полковник Керchner заметил: «Мне бы очень хотелось встретить кого-нибудь с эсминца «Саттерли», пожать ему руку и сказать «спасибо» за те залпы».

Ширина пляжа у Пуант-дю-О не превышала 10 м, и это узкое пространство между скалой и урезом воды быстро уменьшалось по мере нарастания прилива (на пике волны подкатывались прямо к обрыву). И он был не песчаный, а галечный. Камни скользили под ногами. Их накрыла жидкая глина, которую набросало взрывами снарядов и бомб, обрушившимися к подножию восьмиметровую глыбу. Ее потом десантники использовали как стартовую площадку.

Рейнджеры были обеспечены кое-каким горным снаряжением. Лондонский пожарный департамент, например, предоставил им 25-метровые раздвижные лестницы, установленные на ДАКВ. Но одна грузовая амфибия уже затонула, другие три не могли выйти на берег из-за глины и гальки. В распоряжении десантников оставалась единственная лестница.

Сержант Уильям Стивисон вскарабкался по ней на самый верх и открыл огонь из автомата. Он раскачивался, как маятник метронома, а ему вдогонку летели трассирующие пули. «Лестницу, — вспоминает лейтенант Элмер «Датч» Вермир, — кидало из стороны в сторону почти под углом 45 градусов. Стивисон, когда оказывался у вершины скалы, выпускал несколько коротких очередей и проносился дальше. Но ДАКВ так болтало, что пожарную лестницу пришлось опустить».

Рейнджеры могли подняться на скалу только с помощью веревок. На каждом ДСА стояли по три реактивные пушки, которые должны были забрасывать крючья с веревками / или веревочными лестницами. Этот метод известен с давних пор. Но в данном случае он чуть не подвел десантников. Вербки намокли и оказались слишком тяжелыми. Рейнджеры разочарованно наблюдали за тем, как якоря падают в воду, не долетая до скалы. С каждого ДСА удалось забросить лишь по одному крюку.

Однако прежде чем добраться до веревок, рейнджерам предстояло еще сойти на берег и преодолеть узкую полосу пляжа. Здесь их поджидали две большие проблемы. Первая — пулеметчики на левом фланге, простреливавшие весь прибой. Под пулями погибли 15 десантников.

Одними из первых высадились полковник Раддер и британский командос, полковник Тревис Тревор, который помогал тренировать американских рейнджеров. Раддер с почтением относился к этому, по его словам, «бесстрашному и непреклонному черноволосому великану (1 м 90 см)». Британец начал расхаживать по берегу и подбадривать десантников. Лейтенант Вермир прикрикнул на него:

— Какого лешего вас носит здесь под пулями!

— Я делаю два коротких шага и три длинных, — ответил Тревор. — Поэтому немцы и не могут в меня попасть.

Как раз в этот момент пуля ударила в каску британца, и полковник повалился на землю. Он тут же поднялся и погрозил немецкому пулеметчику кулаком:

— Я тебе покажу, сукин сын!

Но после этого, говорит Вермир, британский командос, как и все другие, стал передвигаться ползком.

Вторую проблему для рейнджеров создавали воронки от снарядов и бомб. Они главным образом находились под водой, и их не было видно. «Когда я прыгал с ramпы, — вспоминает сержант Саут, — я сразу же угодил в воронку и окунулся в нее с головой. Пришлось надуть «Мей Уэст». Лейтенант Керchner собирался первым сойти со своего судна. Он думал, что глубина у прибоя не больше метра, сказал себе «о'кей» и спрыгнул с ramпы. Его с головой накрыла вода. Лейтенант обронил винтовку и поплыл к берегу, проклиная британского рулевого. Десантники, увидев, как чуть не утонул Керchner, попрыгали с бортов: «Они едва замочили ноги. И я, вместо того чтобы быть первым, оказался последним. Я очень злился на британских моряков, но ни с кем не мог поделиться своей обидой. Все вокруг были поглощены собственными проблемами».

На глазах Керchnerа немецкий пулеметчик, покрывавший продольным огнем весь пляж, сразил двух десантников из его взвода: «Я рассвирепел, потому что у меня в руках был только пистолет. Взял у убитого рейнджера винтовку, и мне страстно захотелось расправиться с этим негодяем на скале. Но я понимал, что глупо охотиться за одним немцем, поскольку перед нами стояла задача подняться наверх и уничтожить находившиеся там артиллерийские расчеты».

«Нашим парням не нужно было говорить: сделай это, сделай то, — продолжает свой рассказ Керchner. — Они прошли отличную подготовку и прекрасно знали, как подниматься по отвесным скалам на веревках». Не ожидая команд, рейнджеры начали взбираться на вершину. Керchner отправился доложить Раддеру о том, что затонуло десантное судно командира роты «Д». Он нашел Раддера у веревочной лестницы.

«Его не особенно заинтересовало мое сообщение о том, что я принимаю командование ротой. Он, в сущности, меня прогнал, сказав, чтобы я убирался ко всем чертям и занялся веревками». Лейтенанту подъем на скалу показался «очень легким, намного легче, чем во время тренировок в Англии».

К тому, чтобы поскорее забраться на вершину, сержанта Джини Элдера, по его словам, «подтолкнули пулеметные очереди и надвигавшийся прилив». Поднявшись со своим отделением на гребень, он предупредил десантников:

— Парни, не высовывайтесь. Берегите свои головы и боеприпасы!

Не всем рейнджерам удалось без проблем подняться на скалу. «Я вскарабкался метров на 15, — вспоминает рядовой Сигерд Сандби. — Веревка была намокшей и грязной. Руки заскользили, и я скатился вниз. Я пытался ногами затормозить падение, но все-таки ладони у меня горели. Если бы веревка не была такой мокрой, то я наверняка сжег бы руки».

«Я приземлился рядом с Суини.

— Что случилось, Сандби? — спросил он. — Ты что, струсил? Дай-ка я покажу тебе, как это делается.

Он пошел первым, а я за ним. Когда я поднялся на гребень, Суини сказал:

— А теперь, Сандби, научись бегать как заяц, зигзагами».

У Уильяма «Эл-Рода» Петти, считавшегося одним из самых крутых и вспыльчивых десантников, тоже возникли трудности с мокрой и грязной веревкой. Он соскользнул к подножию, и медик капитан Уолтер Блок сказал ему:

— Эй, солдат, ты почему бросил веревку и не ползешь наверх?

Петти грозно посмотрел на Блока и крикнул:

— Я уже целых пять минут пытаюсь уцепиться за этот чертов канат. Если ты думаешь, что у тебя это получится лучше, то давай, попробуй!

Блок отвернулся, еле сдерживая раздражение.

Немцы обрезали веревки и кидали сверху гранаты. На какое-то время их отгоняли от края автоматчики, стрелявшие снизу, и огонь с эсминца «Саттерли». Немцы не ожидали нападения с моря, и их оборонительные позиции находились в основном за побережьем. Кроме того, рейнджеры привязывали к крючьям куски огнепроводного шнура и поджигали их, прежде чем забросить. Немцы принимали летевшие якоря с горящими бикфордовыми шнурами за снаряды, которые вот-вот взорвутся.

Чтобы подняться на скалу, рейнджерам потребовалось пять минут. Через 15 на вершине

были все десантники. Одним из первых на гребень взобрался сельский священник из Теннесси, рядовой Ралф Дейвис. Когда он вскарабкался на вершину, ему сразу захотелось присесть. Солдат спустил штаны и оправился. «Война может подождать, пока наш «святой отец» сходит по большой нужде», — шутили потом его приятели.

Прилив поглотил почти весь пляж. И хотя на плоскогорье было менее 200 рейнджеров, полковник Раддер приказал лейтенанту Эйкнеру передать на суда в море кодовый сигнал «тилт» («склон»). Это означало, что резерв рот «А» и «Б» 2-го батальона и 5-й батальон должны высаживаться на «Омахе», а не у Пуант-дю-О. Им предстояло пройти через Вьервиль и атаковать Пуант-дю-О с восточного направления, со стороны материка.

На пляже оставались раненые. Сержант Саут едва ступил на берег, как услышал крики:

— Санитара! Санитара!

Он сбросил со спины ранец, достал аптечку и кинулся к солдату, который звал медика: «Пуля попала ему в грудь. Я перевязал его и дотащил до укрытия под скалой. Это все, что я мог для него сделать, потому что мне пришлось перебежать от одного раненого ко второму, к третьему...» Капитан Блок прямо на гатаке развернул полевой лазарет.

«Когда я поднялся на вершину, — вспоминает лейтенант Керchner, — передо мной открылась совсем не та картина, что мне показывали в Англии». Рейнджеры изучали местность по аэрофотоснимкам, картам, рисункам, макетам, но то, что предстало перед глазами, напоминало безжизненный лунный пейзаж: «Все вокруг было изрыто воронками от бомб и снарядов».

И через 50 лет Пуант-дю-О поражает воображение. Трудно сказать, что больше впечатляет: количество железобетона, вложенного немцами в казематы, или размер разрушений и воронок, наделанных во время артобстрела и воздушных бомбардировок. Огромные, величиной с дом, глыбы бетона раскиданы по территории больше квадратного километра. Словно их оставили боги, игравшие в гигантские кости. Тоннели и траншеи давно заброшены, но они все же могут дать представление о масштабах строительства фортификаций. Под землей еще сохранились железнодорожные ветки, по которым на вагонетках перевозились боеприпасы. Бросается в глаза и внушительная стальная конструкция поворотного круга.

Удивительно, но почти нетронутым со времен войны остался бетонный наблюдательный пункт на краю скалы. Он играл ключевую роль, так как из него хорошо просматривались оба участка побережья — и «Омаха», и «Юта». Немецкие артиллерийские наводчики поддерживали связь с казематами по радио и подземной телефонной сети.

Воронки диаметром до 10 м, а глубиной — до 2. Их сотни. Они служили десанникам спасительным укрытием. Поднявшись на вершину, рейнджеры за несколько секунд могли добежать до ближайшего кратера и из него открыть огонь по противнику.

Но больше всего туристов, которые приезжают сюда со всего света, впечатляют отвесный утес и сама мысль взобраться на него по веревкам. Военные специалисты отмечают прежде всего то, насколько быстро рейнджеры преодолели первые минуты растерянности, поднялись

наверх и завязали бои с немцами. Каждый взвод ясно понимал свою задачу — выбить противника из того или иного укрепления. Десантники делали это, хотя такого приказа им не давали.

Немцы от случая к случаю стреляли из траншей, вели постоянный огонь из пулеметного гнезда на восточной стороне укрепленного района и из 20-мм зенитки — на западной. Но это не остановило рейнджеров.

Когда десантники оказались в казематах, они, к своему изумлению, вместо «орудий» нашли там лишь телефонные столбы. Колеи, ведущие в глубь материка, указывали на то, что 155-мм пушки немцы вывезли недавно, чтобы уберечь их от бомб. Рейнджеров это не разочаровало. Разбившись на небольшие группы, они стали прорываться к следующей своей цели — шоссе между Гранканом и Вьервилем. Там они установили блокпосты, чтобы преградить переброску немецких подкреплений к «Омахе».

Лейтенант Керchner вырвался вперед и отбился от своей роты. «Я свалился в траншею, — вспоминает он, — самую глубокую из всех, что мне приходилось видеть. Это была узкая зигзагообразная коммуникационная траншея сантиметров 60 шириной и метра два с половиной глубиной. Через каждые 25 ярдов она поворачивала в другом направлении. Мне никогда не было так одиноко. Я не знал, что меня ожидает за следующим углом, столкнусь с немцами или нет». Охваченный тревогой, Керchner хотел поскорее попасть на шоссе, где он мог встретить своих солдат: «Всегда чувствуешь себя гораздо спокойнее, когда рядом свои люди».

Лейтенант прошел по траншее метров 150, пока она не закончилась у разрушенного дома на окраине укрепленного района. Ему стало ясно, что Пуант-дю-О «сам по себе форт, окруженный минными полями, заграждениями из колючей проволоки и пулеметными гнездами»: «Как раз здесь мы и начали сталкиваться с сопротивлением по периметру фортификаций».

С боями рейнджеры вышли на дорогу от Гранкана до Вьервиля. Они понесли серьезные потери. В роте «Д» Керchnera осталось только 20 боеспособных десантников из 70. Батальон лишился двух ротных командиров. Роты «Д» и «Е» возглавили лейтенанты. Капитан Отто Масни командовал ротой «Эф». Керchner посоветовался с офицерами, и они решили, что нет никакого смысла возвращаться в укрепленный район, а лучше организовать оборону шоссе и ждать, когда придут с «Омахи» подкрепления.

Около 7.30 лейтенант Эйкнер, стоя у подножия скалы, отправил по радио сообщение: «Слава Богу!» Оно означало, что рейнджеры вышли на плоскогорье.

В 7.45 полковник Раддер перевел свой командный пункт на вершину, разместив его в воронке на краю скалы. Капитан Блок также взобрался по веревке на гребень и оборудовал в бетонном подземелье лазарет. В нем было темно и холодно. В одном помещении медик при свете фонаря делал операции, в другом — складывал тела погибших.

«Раненые поступали нескончаемым потоком, — рассказывает сержант Саут. — Они лежали на носилках, вплотную приставленных друг к другу. Мне иногда приходилось вытаскивать их с поля и вместе с ними укрываться от пуль в воронках. Помню, как однажды я

выносил на спине раненого десантника. Пока я нес его, по нему несколько раз ударили пули. Рейнджер погиб у меня на плечах».

Бои в укрепленном районе были беспорядочные. Немцы возникали то тут, то там, стреляли и исчезали в своих подземельях. Рейнджеры не поддерживали между собой связь. Передвигаться они могли только ползком ^[58]. Ничто не напоминало обычную линию фронта. Пленные были и с той, и с другой стороны. Горстка немецких солдат в течение длительного времени обороняла артиллерийский наблюдательный пост и отбила не одну атаку американских десантников.

Больше всего досаждало пулеметное гнездо на восточном фланге фортификаций, которое уже погубило немало рейнджеров на берегу. Из него по-прежнему велся огонь. Раддер приказал лейтенанту Вермиру его ликвидировать.

Вермир взял с собой несколько человек: «Мы ползком перебирались из воронки в воронку, пока не оказались у открытого поля, которое насквозь простреливалось немцами. Здесь мы встретили отряд из роты «Эф», которому было дано такое же задание. Впереди уже не было воронок, а лишь 200–300 ярдов открытого пространства. Я понял, что нам не удастся обойтись без жертв. Самым мощным оружием, которым мы располагали, был «Браунинг», малоэффективный на таком расстоянии».

К счастью, от Раддера поступил приказ приостановить операцию. Он решил попробовать накрыть немцев из корабельных орудий эсминца. Это не было сделано раньше. Но теперь на вершине скалы находился лейтенант Эйкнер, который на всякий случай прихватил с собой старую, времен Первой мировой войны, сигнальную лампу с затворами. Лейтенанту пришла в голову неплохая идея с ее помощью вступить в контакт с «Саттерли». Раддер сказал: «Попытайтесь».

Эйкнер обучил своих десантников азбуке Морзе и обращению с лампой, думая, что «это может пригодиться».

«Многие мои ребята посмеивались, когда я в день «Д» тащил на себе этот допотопный инструмент. Лампа ставилась на треногу и была снабжена телескопическим визиром и устройством наведения для связи с кораблем. Мы нашли сухие батарейки и расположились в центре воронки — командного пункта. Связь установилась быстро, и мы начали световыми вспышками передавать информацию для орудийных расчетов. Лампа фактически спасла нам жизнь».

«Саттерли» открыл стрельбу по пулеметному гнезду из пятидюймовых пушек. После двух-трех корректировок снаряды буквально снесли его со скалы. Потом Эйкнер попросил «Саттерли» забрать с берега раненых. С корабля вышел вельбот, но ему пришлось вернуться из-за мощного встречного огня.

Рейнджеры оказались отрезанными от моря. Немцы все еще удерживали Вьервштъ, и десантники не получали никакой помощи со стороны материка. У них не действовала радиосвязь, и американцы совсем не представляли себе, как идет вторжение. Рейнджеры у Пуант-дю-О ощущали себя в полной изоляции. Их потери достигали 50 процентов.

Рядом с командным пунктом Радцера взорвался снаряд, пущенный с британского крейсера «Глазго». Им убило капитана артиллерии Джонатана Харвуда, ранило военного моряка лейтенанта Кеннета Нортон и сбило с ног полковника Раддера. Когда раздался взрыв, лейтенант Вермир возвращался на КП. «Люди в одно мгновение стали желтыми, — рассказывает он. — Словно все внезапно заболели желтухой. От дыма пожелтели не только лица и руки, но кожа под одеждой, обмундирование. Возможно, это был осветительный снаряд».

Раддер быстро восстановил свои силы. Он собирался поохотиться за немецкими снайперами, но сам получил пулю в ногу. Капитан Блок перевязал рану. После этого Раддер оставался на КП, по мере возможности командуя сражением. Вермир говорит: «В тот день нам больше всего помогало то, что полковник Раддер руководил операцией. Он делал это, несмотря на боль в ноге и сотрясение мозга от взрыва снаряда. Он был нашей главной опорой».

Во время поездки в Пуант-дю-О в 1954 г. Раддер взглянул на сожженный блокгауз, стоявший рядом с его бывшим командным постом, и сказал сыну: «Здесь мы взяли в плен первого немца. Это был веснушчатый парнишка небольшого роста, очень похожий на американца... Меня не покидало ощущение, что вокруг есть еще немцы. И я приказал рейнджерам поставить впереди себя этого мальчишку. Только они повернули за угол, как раздалась выстрелы, и он упал замертво, прямо здесь, у входа в дом, все еще держа руки над головой».

У шоссе также происходили одиночные стычки. Окопы располагались так близко, что, когда два немецких солдата встали с винтовками в руках, сержант Петти оказался между ними. Он залег и начал стрелять из ручного пулемета. Немцы от неожиданности побросали винтовки, подняли руки вверх и стали кричать:

— Kamerad! Kamerad!

Приятель Петти, который укрывался за ним, прокомментировал:

— Черт возьми, Эл-Род, это же отличный способ беречь патроны. Немцев надо лишь напугать до смерти!

Главным, конечно, для рейнджеров было не убивать немцев и не брать их в плен, а найти 155-мм орудия. Следы, ведущие из казематов, и атаки немцев, пытавшихся подавить десантников, указывали на то, что пушки где-то недалеко.

К 8.15 на шоссе на блокпосту собралось около тридцати пяти рейнджеров из рот «Д» и «Е». Через пятнадцать минут к ним примкнули еще двенадцать человек из роты «Эф».

В глубь материка вела грязная грунтовая дорога, по которой пролегали глубокие колеи. Сержанты Леонард Ломелл и Джек Кун решили, что эти следы оставили исчезнувшие орудия. Они отправились на разведку. Метров через 250 Ломелл вдруг замер и махнул Куну рукой, чтобы тот не двигался. Он вернулся и шепнул Куну на ухо:

— Джек, они здесь. Мы их нашли. Здесь эти чертовы пушки. Хорошо замаскированные

орудия образовывали батарею, нацеленную на «Юту». Вокруг виднелись горы снарядов, но не было ни одного человека. Потом Ломелл заметил группу немцев метрах в ста на другой стороне открытого поля. Они, очевидно, отошли во время бомбардировки из-за опасения, что от взрывов сдетонируют боеприпасы, и теперь готовились вернуться к пушкам. Их было около сотни. Они не спешили, ожидая, пока их пехота выбьет рейнджеров и займет наблюдательный пост, без которого артиллерия беспомощна. Ломелл сказал:

— Дай мне свои гранаты, Джек, и прикрой меня. Я их сейчас «сделаю»!

Он подорвал термитными гранатами зарядное устройство и механизм горизонтального наведения двух орудий, а у третьего — прицел.

— Джек, нам еще нужны термитные гранаты!

Ломелл и Кун побежали на шоссе, набрали у рейнджеров гранат, вернулись и вывели из строя остальные три пушки.

Тем временем сержант Фрэнк Рупинский со своим дозорным отрядом обнаружил недалеко от батареи огромный склад боеприпасов. Он также не охранялся. Рейнджеры подорвали его. От мощного взрыва снарядов и пороха на Ломелла и Куна полетели камни, песок, листья, обломки. Не зная о существовании команды Рупинского, Ломелл и Кун решили, что в склад с боеприпасами попал случайный снаряд. Они отошли и направили к Радцеру посыльного с сообщением о том, что орудия обнаружены и уничтожены.

Так рейнджеры завершили выполнение наступательной части своей миссии. Было 9.00. Теперь они переходили в оборону, в полной изоляции, располагая для своей защиты лишь 60-мм минометами и «Браунингами».

В полдень Раддер попросил Эйкнера с почтовым голубем или сигнальной лампой отправить на «Саттерли» донесение: «Находимся в Пуант-дю-О. Задача выполнена. Нужны боеприпасы и подкрепления. Много жертв».

Через час «Саттерли» передал ответ генерала Хюбнера: «Подкреплений нет. Все рейнджеры высадились» (на «Омахе». — Примеч. авт.). Все, что Раддер «получил» за 48 часов, — это трех парашютистов из 101-й дивизии, которые приземлились не там, где нужно, но каким-то образом пробились через немецкие кордоны, и два взвода рейнджеров с «Омахи». Первый прибыл в 21.00. Это был отряд из 23 человек во главе с лейтенантом Чарлзом Паркером. В полдень 7 июня майор Джэк Стрит высадил десант и взял на борт раненых. Затем он привел ДКТ к «Омахе», подобрал там около 20 человек из 5-го батальона и доставил их к Пуант-дю-О.

Немцы рассвирепели, как растревоженные шмели. Они непрерывно контратаковали весь день «Д», ночь и следующий день. Рейнджеры оказались, по сути, на осадном положении. Но они, как вспоминает сержант Джини Элдер, «держались стойко и отбивали все штурмы»: «Потому что мы были натренированы, обучены. Мы были готовы. Вот только один пример. Сержант Билл Стивисон (тот самый, который утром дня «Д» раскачивался на пожарной лестнице. — Примеч. авт.) сидел рядом с сержантом Гаем Шоффом за каким-то валуном. Гай начал материться. Билл спросил, почему он ругается.

— Они же в меня стреляют, — ответил Гай.

— А как ты это узнал? — снова спросил Билл.

— Так они же в меня попадают! — сказал Гай».

Рядовой Салва Меймон вспоминает, что «в ночь дня «Д» кто-то из солдат встретил стадо коров»: «Он подоил одну из них. Молоко было горьким, как хинин. Оказывается, коровы питались луком».

Лейтенант Вермир рассказывает, что он «хорошо помнит, когда наступила полночь, потому что 7 июня мой день рождения»: «Я подумал, что если переживу эту ночь, то мне уже ничего не грозит. Действительно, тогда у меня пропал всякий страх».

Рейнджеры понесли тяжелые потери. Некоторые попали в плен. К концу сражения только около 50 человек из 200 еще могли идти в бой. Но они не сдали Пуант-дю-О.

Позднее некоторые авторы отмечали, что жертвы рейнджеров оказались напрасными, поскольку немцы отвели орудия из укрепленного района у Пуант-дю-О. Это неверно. Пушки были в полной боевой готовности и с лихвой обеспечены снарядами. Они могли поразить (дальность стрельбы достигала 25 000 м) крупнейшую цель в мире — более 5000 кораблей в Ла-Манше, а также войска и технику на побережьях «Омаха» и «Юта».

Лейтенант Эйкнер делает совершенно правильный вывод: «Если бы нас там не было, то эти орудия сеяли бы смерть и разрушения как на берегу, так и в море. Они бы вызвали еще более значительные жертвы. К 9.00 утра дня «Д» рейнджеры вывели из строя батарею и заблокировали шоссе, отняв у противника возможность перебрасывать подкрепления. Таким образом, к 9.00 мы завершили нашу миссию. Рейнджеры на Пуант-дю-О первыми выполнили задачу дня «Д», и мы гордимся этим».

22. Путь наверх у Вьервиля

116-й полк и 5-й батальон рейнджеров

В 8.30 высадка на «Омахе» прекратилась. Войска должны были уйти с берега, атаковать немецкие позиции, чтобы уменьшить мощь смертоносного огня, поливающего пляжи, овладеть плоскогорьем, продвинуться в глубь материка и с тыла выбить противника из укреплений над выездами, освободив проходы для боевой техники, скопившейся внизу.

Подобные операции требовали постоянной поддержки наземной артиллерии, подвоза подкреплений и боеприпасов. Эйзенхауэр больше всего опасался возникновения тупиковой ситуации. Американцы располагали значительными силами, около 5000 человек, но они были отрезаны от моря и оказались в положении одновременно и наступающих, и заложников.

Именно на это рассчитывал Роммель. Его противник попал в капкан: не было возможности ни наступать, ни отступать. План операции «Оверлорд» предусматривал, что выезды на сушу будут открыты к 7.30. Однако и в 8.30 они прочно удерживались немцами и были недоступны.

Американцы на берегу проходили свое первое боевое крещение. Их было наполовину меньше, чем предполагалось. Они были разобщены, измотаны, напуганы, подавлены, изранены.

Немцам казалось, что десантники терпят поражение. Когда в 8.30 они перестали высаживаться, командир блокгауза «Видерштанднест-76» у Вьервиля сообщил по телефону в штаб 352-й дивизии: «В районе Сен-Лорана и Вьервиля противник залег возле уреза воды и пытается найти спасение за береговыми препятствиями. Горит множество техники, в том числе десять танков. Подрывники бездействуют. Десантники больше не выходят на берег. Суда отошли в море. Прицельный огонь наших ДОСов и артиллерии нанес противнику значительный урон. На пляжах много раненых и убитых».

Это описание сверху. Таким же берег представлялся и со стороны моря. Джипы, грузовики, полугусеничные установки, пережившие высадку под артиллерийским обстрелом, застряли на узкой песчаной полосе. Они не могли преодолеть галечную насыпь. На пляже создалась невообразимая «пробка». Неподвижную технику немцы расстреливали в упор из орудий и минометов.

Десантники небольшими группами и в одиночку начали подниматься по скале между выездами у Вьервиля и Ле-Мулен. Их в какой-то мере прикрывал огонь эсминцев и уцелевших танков, но в основном они были предоставлены сами себе.

Как это обычно бывает на войне, именно пехотинцы (включая в данном случае саперов, матросов береговой охраны, артиллерийских наблюдателей, «морских пчел») оказались на острие сражения. Это самая страшная и опасная ситуация, в которую может попасть человек. Но именно на этом острие решается исход боя. Наиболее тяжелые испытания выпадают на долю человека с винтовкой. И ни на каком другом участке Второй мировой войны сражение не было столь острым, как на «Омахе» ранним утром 6 июня.

Тяжелее всего пришлось 116-му полку и 5-му батальону рейнджеров (включая две роты из 2-го батальона). Они высадились на правом (западном) фланге «Омахи». 116-й полк — одно из формирований Национальной гвардии США (штат Виргиния) — являлся подразделением стандартной пехотной дивизии. 5-й батальон рейнджеров — элитная часть, состоявшая сплошь из добровольцев. Их действия фактически определили исход сражения на «Омахе» и, возможно, всего вторжения. Подвиги пехотинцев и рейнджеров — результат блестящей работы, проделанной генералом Маршаллом, офицерами и сержантами регулярной армии по превращению «детей Великой депрессии» в первоклассных бойцов. Рядовой Феликс Бранхем заметил в интервью: «Я слышал разговоры о том, что нам повезло. Нет, это не везение. Мы высаживались на «Омахе» хорошо обученными и натренированными. С нами были отличные командиры. И наконец, с нами был всемогущий Господь Бог».

«Перед каждым из нас лежало собственное поле битвы, — продолжал Бранхем. — Путь в 40–50 ярдов. Метрах в пятнадцати вел свой бой другой солдат. Он мог бы рассказать совсем другое о дне «Д».

Безусловно, так и происходило на правом фланге «Омахи» (и на левом тоже, как это будет показано далее). Десантники поднимались на скалу, как правило, в одиночестве. Капитан Роберт Уокер, пройдя треть пути, наткнулся на мертвого солдата из 116-го полка. Он забрал у погибшего «М-1» и каску: «Вокруг меня не было ни души. Я понял, что один и должен полагаться только на себя». Уокер решил добраться до вершины и пойти вправо, к месту сбора десантников 116-го полка у Вьервиля: «Я перешагнул через множество мертвых тел, все они лежали головами вперед». У самого гребня он услышал стоны. Капитан осмотрелся и увидел немецкого солдата с чудовищной раной в паху.

Немец просил дать ему wasser (воды). Уокер по-немецки ответил, что его фляжка пуста. Солдат сказал Уокеру, что чуть выше есть ein born (родник). Пройдя немного вверх, капитан обнаружил чудесный источник с прозрачной водой. Он наполнил фляжку и напоил своего врага. Прежде чем отправиться дальше, Уокер еще раз поднялся к роднику, набрал воды, вернулся к раненому недругу и наполнил водой крышку своей фляжки.

Раненый немецкий солдат был единственным живым существом, которого встретил Уокер, взбираясь на скалу. Ситуации, в которой оказался капитан, случались, но редко. Десантники, поднимаясь наверх, обычно не сталкивались с немцами и шли группами, хотя и небольшими. Преодолев дамбу и узкое пространство до скалы, они, вступив на склоны, чувствовали себя в относительной безопасности. Дым от стрельбы и горевшей травы обеспечивал хоть какое-то прикрытие. Десантники находились между выездами, которые немцы обороняли с особым упорством. Траншеи были вырыты так, чтобы вести продольный, а не фронтальный огонь. Кроме того, в скале имелись расщелины и провалы, в которых можно было укрыться.

Десантники полагались на свои винтовки и ручные пулеметы. Какая-то огневая поддержка шла от эсминцев и танков. «Броне» приходилось тяжело. Танки завязли в песке между приливом и галечной насыпью, и их легко подбивала вражеская артиллерия. Но все же они пытались вести огонь. Один танк стрелял до тех пор, пока приливом не накрыло его пушку.

В докладе 741-го танкового батальона о его действиях в день «Д» говорилось: «Наши танки вели огонь по избранным целям, поддерживая продвижение пехоты, которая выходила на скалы,

свисавшие над берегом. Выезд «Изи-3», которым должны были воспользоваться и пехота, и танковые части, все еще оставался в руках неприятеля и обстреливался вражеской артиллерией, в основном 88-мм орудиями. Пехота продвигалась только под прикрытием огня танковых орудий».

Майор Сидни Бингем, командир 2-го батальона 116-го полка, сказал тогда, что «танки выиграли для нас день»: «Они выбили из немцев весь дух, здорово их потрепали».

То же самое можно сказать об эсминцах. Танкисты и моряки подавляли ДОСы, открывая путь пехотинцам. Но пройти его предстояло человеку с винтовкой.

Всегда кто-то должен подавать пример. Это делали генералы, полковники, майоры, командиры рот, взводов, отделений. Медик Сесил Бриден вспоминает: «Когда я поднялся к тому месту, где сейчас стоит монумент 29-й дивизии, там полковник Канхем, полковник (Джон) Меткалф и другие офицеры развертывали командный пункт. Канхему прострелили руку. Я сделал перевязку. Кто-то подошел к нам и спросил, есть ли среди нас сержант: наверху немецкий снайпер. Меткалф сказал, что он не сержант, но вполне может заняться таким делом. Они вместе отправились по склону, удаляясь все дальше влево»^[59].

Безусловным авторитетом был генерал Кота. Сквозь заграждения из минометного огня он вывел отряд десантников к подножию утеса. Затем группа стала подниматься выше. Они шли медленно, ступая след в след, избегая мин. Эти выпрыгивающие «Бетти» повсюду сдерживали десантников. Еще никто не добрался до вершины. Американцы передвигались осторожно, по цепочке.

Группа Коты наконец вышла на гребень над Амель-о-Претр (курортное местечко, состоявшее из нескольких вилл, позднее снесенных). Они оказались посередине между Вьервилем и Сен-Лораном. Немцы из траншей и живых изгородей обложили десантников плотным перекрестным огнем из пулеметов. Кота разбил отряд на штурмовые команды. Одна должна была прикрывать наступление, а другие — короткими рывками преодолеть лежавшее перед ними открытое поле. Ошеломленные таким напором, немцы отступили. Это, возможно, была первая успешная атака американских пехотинцев в военной кампании в Северо-Западной Европе.

Отряд Коты вышел на грязную грунтовую дорогу, которая петляла вдоль побережья. Они повернули направо, к Вьервилю. Немцы почти не стреляли. В Вьервиле десантники впервые встретили французов. Никаких торжеств, даже обмена приветствиями. Французы и американцы просто взирали друг на друга, когда пехотинцы проходили по деревне. На западной окраине Вьервиля Кота послал рейнджеров, которые примкнули к отряду, в Пуант-дю-О. Они наткнулись на жесточайшее сопротивление. Когда их атака захлебнулась, Кота вырвался вперед и помог командиру взвода рассредоточить солдат для нового штурма.

В Вьервиле появилась рота «С» 116-го полка, одна из немногих частей, которую еще не затронули бои дня «Д». Первым солдаты увидели Коту. Он прохаживался по узкой центральной улице, крутя на пальце пистолет, как «ковбой из старого вестерна».

— Парни, где вас черт носит?! — крикнул он.

Подошел полковник Канхем. Кота отправил его к Сен-Лорану с приказом очистить вершину скалы от немцев, чтобы на нее смогли подняться десантники других эшелонов. Затем генерал в сопровождении лейтенанта Ши и четырех стрелков двинулся вниз, к выезду, который все еще удерживался немцами. «Техас» вел обстрел бетонного дорожного заграждения из 14-дюймовых орудий. Лейтенант Ши вспоминает, что «от залпов на улицах Вьервиля у нас под ногами двигались тротуары». Адъютант сказал генералу, что к тому времени, когда они подойдут к выезду, стрельба должна прекратиться.

— Лучше, чтобы она продолжалась, — ответил Кота. — Тогда немцы не поднимут даже головы.

Но орудия замолчали. Немцы из ДОСа на восточной стороне выезда открыли огонь по крошечному дозору Коты. Десантники начали отстреливаться. Пятеро немцев, оглушенные корабельными снарядами, выскочили из укрытия и сдались. Кота приказал им провести группу через минные поля вниз по выезду. Десантники без проблем дошли до берега.

Через десять дней лейтенант Ши в донесении начальнику штаба 1-й пехотной дивизии так описывал дальнейшие действия Коты: «Генерал Кота, не обращая внимания на снайперский и пулеметный обстрел, организовывал танковые части, подразделения саперов, подрывников, бульдозеристов. Он подбадривал, настраивал всех на то, чтобы не только закрепиться на береговом плацдарме, но и расширить его».

Несмотря на удары снарядов с «Техаса», бетонная дамба все еще препятствовала выезду техники в глубь материка.

— Сможете ли вы ее взорвать? — спросил Кота полковника-сапера. Она была толщиной метра четыре внизу, метра два сверху и высотой 3,5 м.

— Конечно, сэр, мы это сделаем, — ответил полковник, — как только пехота ликвидирует ДОСы и доты.

— Мы только что прошли там, — сказал Кота. — Никаких разговоров. Приступайте!

Но у саперов не оказалось ТНТ. Кота заметил у прибоя бульдозер, напичканный взрывчаткой. Он повернулся к солдатам, жавшимся у дамбы.

— Кто хозяин этой машины? — спросил генерал. Никакого ответа.

— Ладно, кто-нибудь из вас может повести эту чертову штуковину?

Гробовое молчание.

— На выезде саперам нужен ТНТ, — начал убеждать пехотинцев генерал. — Я только что спустился сверху. Там не было никого, кроме нескольких стрелков, которых мы обезоружили. Неужели у вас всех кишка тонка, чтобы доехать до выезда?!

Один из солдат поднялся.

— Вот это дело! — сказал Кота. Саперы взорвали дамбу, но выезд все еще оставался непроходимым. Нужны были бульдозеры, чтобы расчистить дорогу от берега, убрать бетонные обломки, надо было еще обезвредить мины, завалить противотанковые рвы.

К Коте пристал какой-то матрос с затонувшего ДСТ. Размахивая винтовкой, он грозно спросил генерала:

— Что я, черт возьми, должен с этим делать? Я и пошел во флот, чтобы не попасть в эту проклятую пехоту!

Выговорившись, матрос побрел к скале.

Многие десантники оказались предоставленными сами себе. Лейтенант Генри Сейтслер был передовым наблюдателем в 9-й военно-воздушной армии. Лишившись во время высадки рации, он остался без дела. Лейтенант подобрал винтовку, несколько гранат и превратился в пехотинца, «Я помню... — начал рассказывать в интервью Сейтслер и вдруг замолчал. После паузы он продолжил: — Извините меня, если я буду останавливаться... Все это до сих пор перед моими глазами, как будто происходит сейчас. Я подполз к дамбе и буквально «просунул» голову между пулеметными очередями, чтобы оглядеться... На меня смотрели глаза юного американского солдата. Он лежал навзничь, мертвый. Глаза были широко раскрыты. Коротко подстриженный, светловолосый парень... И я подумал о его матери...»

Оглянувшись на берег, Сейтслер увидел, что «джерри» намеренно отстреливает медиков: «Я сказал себе, что этому мерзавцу уготовано самое горячее место в аду». Лейтенант перебрался через дамбу и, как многие другие, в одиночку стал подниматься по склону вверх.

Когда рядовой Гарри Парли выносил раненых, он заметил проделанную кем-то прорезь в заграждении из колючей проволоки: «Через нее уже прошли несколько десантников. Я видел, как они карабкались вверх. Я осторожно продвигался вдоль белой ленты, которая обозначала безопасный проход. Мне встретились два солдата. Один погиб, другому оказывал помощь медик. У десантника не было обеих ног, обрубки санитар зажал кровоостанавливающими жгутами. Позже я видел и более жуткие раны, но этот солдат запомнился мне на всю жизнь».

Когда Парли подбирался к вершине горы, по ДОСу на ее гребне начал стрелять эсминец: «Я по-дурацки стоял метрах в 12 ниже и поражался мощи и точности корабельного огня. Я чувствовал, будто нахожусь в первом ряду в кинотеатре и смотрю на экран».

Парли обменял свой «Браунинг» на «М-1» у другого «джи-ай»: «Ему нужно было более сильное оружие, а мне — полегче, чтобы подняться вверх. Когда я оказался на горе, на плато не было никакой растительности, одни воронки, траншеи, окопы и доты, из которых еще утром немцы стреляли по десанникам.

Парли встретил двух немецких пленных азиатского происхождения, которых вели вниз. (Обычно солдаты из «восточного» батальона, одетые в униформу вермахта, сдавались, как

только рядом оказывались «джи-айз». Они, как правило, оставались в траншеях, тогда как немцы прятались в бетонных фортификациях.)

Капитан Синк, командир штабной роты 116-го полка, высадился в 8.00 на восточной стороне выезда у Ле-Мулен. Ему пришлось «буквально перешагивать через тела погибших и раненых». Штабной роте предстояло дислоцироваться у выезда Вьервиля. Синк должен был выйти к этой деревне и развернуть там полковой командный пункт и район сосредоточения.

Капитан осмотрелся и понял, что фланговое движение исключается из-за скопления людей и техники и постоянного немецкого обстрела. Он решил пробить заграждения из колючей проволоки, прорваться через нее к болотам, преодолеть их, подняться по скале и по грунтовой дороге идти к Вьервилю. Полковой адъютант отказался сопровождать Синка. Он вытащил саперную лопатку и начал окапываться прямо на пляже. С капитаном отправился лейтенант Келли.

Когда Синк и Келли миновали болото, они обнаружили тропу, ведущую на скалу. По пути им попалось брошенное оружие, установленное на площадке примерно посередине подъема. Оглядываясь назад, они видели, как солдаты перебирались через пролом в колючей проволоке и цепочкой двигались вверх.

Поднявшись на равнинное открытое место, Синк и Келли сразу же оказались под автоматным и винтовочным огнем. Им пришлось проползти несколько сот метров, прежде чем они нашли укрытие от пуль. Посмотрев вниз, Синк с негодованием увидел, что только шестеро солдат все еще карабкаются по скале. Остальные вернулись на берег. Он отправил на пляж посыльного, чтобы тот собрал людей и приказал им попытаться еще раз совершить восхождение.

У Сен-Лорана Синк и Келли наткнулись на мощный пулеметный огонь. Они отступили и, отходя, встретили отряд из 3-го батальона 116-го полка, в котором находился и командир батальона подполковник Лоренс Микс. Было 10.00. Подполковник приказал 3-му батальону атаковать Сен-Лоран. Перед Синком стояла задача развернуть командный пункт в Вьервиле, поэтому он решил спуститься вниз и разыскать свою роту.

Сержант Уорнер Гамлетт с группой солдат из роты «Эф» 116-го полка добрались до дамбы. Их сразу же накрыли пулеметные очереди из ДОСов. Они пытались подорвать ДОСы, протянув к ним длинные шесты с ТНТ. Но колючая проволока, окружавшая сооружения, не позволяла десанникам забросить шесты с взрывчаткой.

«Тогда мы решили подойти к ним через траншеи, — рассказывает Гамлетт. — В окопах, которые связывают ДОСы между собой, нас не было видно. Мы закидали их гранатами. А когда взрывы прекратились, мы перестреляли в ДОСах всех, кто еще был жив. Над нами возвышалось несколько рядов из ДОСов. Один за другим мы их уничтожили. Солдаты показывали чудеса храбрости».

Гамлетта ранило в ногу и спину. Когда он поднялся на гребень скалы, сержант Ингленд посоветовал ему спуститься вниз и обратиться к медику, который отправит его в судовой госпиталь. «Преодолевая боль, я шел обратно к берегу, — вспоминает Гамлетт, — а вокруг

тысячами валялись окровавленные куски человеческих тел. В воде плавали головы, руки, ноги. Вот чем закончилась первая волна десанта, подумал я».

«Я провел в госпиталях в Англии два месяца, — завершает свой рассказ Гамлетт. — Затем меня снова отправили на фронт. В общей сложности я провоевал еще семь месяцев, получил еще два ранения. Но если надо, я проделаю все это снова для того, чтобы остановить таких подонков, как Гитлер. Потому что я — Уорнер Х. Гамлетт».

У рот «А» и «Б» 2-го батальона и 5-го батальона рейнджеров имелись запасные варианты действий. Если к 7.00 от полковника Раддера поступает условный сигнал «Слава Богу», означающий, что 2-й батальон овладел Пуант-дю-О, то они высаживаются в этом районе и обеспечивают подкрепления. Если такого послания нет, то они должны выйти в секторах «Дог-Грин» и «Дог-Уайт», выдвинуться по выезду к Вьервилю, повернуть направо на плоскогорье и поддержать своих товарищей по оружию в Пуант-дю-О.

Командовал рейнджерами полковник Макс Шнейдер. Он оттягивал высадку, как мог. В 7.15 откладывать решение уже было нельзя. Десантные суда находились посередине между Пуант-дю-О и Вьервилем.

«Последнее слово оставалось за Шнейдером, — писал в своих мемуарах капитан Джон Рааен, командир штабной роты 5-го батальона рейнджеров. — Ситуация накалилась до предела. Все рвались помочь 2-му батальону на Пуанте. Но был приказ и о высадке у Вьервиля (если не поступит соответствующий сигнал от Раддера, — Примеч. авт.), где мы в конце концов и вышли».

Это было важное и мудрое решение. Рейнджеры оказали крайне необходимую поддержку 116-му полку у Вьервиля, а отряды Раддера у Пуанта обошлись своими силами.

Вскоре после того как десантные суда повернули к берегу, Шнейдер получил сигнал с командного пункта Раддера: «Слава Богу». Оно пришло поздно. Шнейдер уже принял решение.

Первыми коснулись пляжа роты «А» и «Б». Рядовой Джэк Китинг служил в роте «А». Он вспоминает, как над головой проносились тяжеленные снаряды «Техаса»: «Каждый раз, когда раздавался залп, наше крошечное ДСА словно выдергивало из воды». Судно подошло на стыке двух секторов — «Дог-Грин» и «Дог-Уайт» — на восточной стороне у Вьервиля. Никто еще здесь не высаживался, и немцы не стреляли. Командир роты капитан Дик Меррилл крикнул: «Ребята, все спокойно!»

Но не успел рулевой сбросить рампу, как с берега полился огонь. «Первые минуты в воде я не забуду никогда, — рассказывает Китинг. — Пулеметные очереди, винтовки, минометы, 88-мм снаряды, бог знает что еще. И все это, казалось, было нацелено на меня».

Китинг добирался до прибоя полчаса. «Это вам не Голливуд, — говорит он. — В кино актеры кидаются в воду и через две-три секунды они уже на берегу. А тут проходит целая вечность».

Наконец Китинг пробился сквозь волны к прибою и вместе с двумя товарищами укрылся за

танком: «Мы прижались к двигателю, чтобы хоть немного согреться, и выкурили по первой сигарете на французской земле».

Переведя дыхание, Китинг «напряг все свои мозги и сказал себе: «Эй, парень, тебе ничего не остается, как пройти через все это, и тебе придется это сделать». Когда он полз по пляжу, его вещевой мешок прошила пулеметная очередь: «Пули пробили банки со сливами и персиками, вылетели в грязь шоколад, мои суточные пайки, сигареты. Ничего не осталось».

На берегу Китинг нашел капитана из 116-го полка. Капитану прострелило голову и грудь, но он «все еще был жив». «Он спросил, смогу ли я донести его до лазарета. Я ответил, что это можно сделать только ползком. Ты заберешься ко мне на спину, а я буду ползти. Мы таким образом передвигались больше 100 ярдов».

Шнейдер наблюдал за высадкой двух рот. Он расценил ее как гибельную. Капитан Рааен отмечает в своих воспоминаниях: «Шнейдер не рисковал зря людьми. Он не собирался погубить весь батальон в бессмысленной атаке. Полковник приказал британским экипажам судов пройти к востоку вдоль берега, пока они не обнаружили относительно спокойный сектор «Дог-Ред» на «Омахе». Здесь обе наши колонны вышли на правом фланге и двинулись в наступление».

Сержант Виктор Фаст был у Шнейдера переводчиком. Вот его мнение: «Самообладание полковника Шнейдера, трезвый расчет рейнджера и готовность принять решение спасли сотни жизней».

Две роты из 2-го батальона понесли почти такие же серьезные потери, как роты 116-го полка. Но 5-й батальон рейнджеров сумел занять позиции у дамбы, потеряв лишь шесть человек из 450.

Лейтенант Франсиз Доусон^[60] из роты «Д» так описывает свои ощущения: «Шкипер сделал резкий разворот влево, огромная волна накрыла наше судно, и нас подняло над подводными заграждениями. Рампу опустили, и я соскочил. Пять дней, проведенные в море, что-то сделали с моими ногами. Они не хотели двигаться». Все же лейтенант добрался до дамбы, которая была сделана из дерева. Он отправил посыльного доложить о местонахождении своего взвода лейтенанту Джорджу Миллеру, командиру роты «Д».

Когда на берег выходил капитан Рааен, перед ним предстало «ужасающее зрелище»: «Повсюду заграждения. На песке тела мертвых и раненых. Над нами треск пулеметных очередей. Пули вышибают из земли фонтанчики грязи. Разрывы 20-мм зениток над головой. И конечно же, этот нескончаемый артиллерийский огонь!»

Несмотря на стрельбу, Рааен рысью проскочил пляж. Позже капитан, к своему удивлению, узнал, что потерял только одного человека из своей роты. Оглядевшись, он понял, что с этой части берега «не ушел ни один человек». Рейнджеры высадились в секторе, в котором уже скопились солдаты 116-го полка, — дезорганизованные, оставшиеся без командиров и напуганные взрывами снарядов. Страх охватил не только их, но и некоторых рейнджеров. Рааен показал на дамбу и прокричал:

— Штаб рейнджеров там!

Он попытался снять с себя спасательный пояс, но не смог. Рядом стоял связист, «сжавшийся в комок от ужаса»: «Я попросил его отрезать пояс».

— Одну минуту, капитан, — ответил радист. Он ножом отхватил спасательный пояс и за этим занятием забыл о своем страхе. «Кстати, о нем забыл и я, — говорит Рааен. — Я понял, как важно, чтобы с первой минуты сражения солдаты не заметили никаких признаков смтения в своем командире, тем более испуга». Играл роль и другой фактор. Обычно боец, прижавшись к дамбе под вражеским огнем, теряется, паникует. Оказавшись не в том секторе высадки и без привычного командира, он просто не знает, что делать. Получив конкретное задание и начав выполнять его, большинство солдат берут себя в руки и ведут себя решительно и мужественно.

Хотя 5-му батальону рейнджеров высаживаться в 7.45 было несколько легче, чем 116-му полку в 6.30, им пришлось достаточно тяжело. Когда судно ДСА рейнджеров приблизилось к сектору «Дог-Уайт», немецкая артиллерия начала массированно обстреливать прибой. Рааен видел, как по рампе десантно-пехотного судна ДСП ударил 88-мм снаряд: «В одно мгновение судно охватило пожаром. На это было страшно смотреть. Я отвернулся и занялся своими делами».

Отец Джо Лейси помогал на берегу раненым. По описанию одного из десантников, он был «старым, низеньким и тучным ирландцем». Рейнджеры никогда не думали, что святой отец пойдет с ними, но Лейси настоял на этом. Еще на транспорте в ночь с 5 на 6 июня он сказал солдатам:

— Когда вы будете высаживаться, я бы не хотел, чтобы кто-нибудь из вас стоял на коленях и молился. Если я это замечу, то, не обижайтесь, ударю ботинком по задку. Молиться буду я, а вы должны сражаться.

На берегу десантники видели, как батюшка Лейси «ползал вдоль уреза воды, вытаскивал из моря погибших, умирающих и раненых и уносил их в укрытие». Он молился за них и вместе с ними. «Настоящий божий человек», — говорит Джордж Керchner.

Лейтенант Джей Мехэффи вспоминает, что у дамбы он слышал «только немецкую канонаду»: «Я уже поверил в то, что вторжение провалилось, что все американцы убиты или захвачены в плен. Высадка во Францию закончилась крахом, и мы терпим военное поражение. Грандиозные батальонные планы захвата целей дня «Д» оказались блефом».

На самом деле рейнджеры готовились к нападению. Капитан Рааен заметил пожилого сержанта, который устанавливал на треногу 7,62-мм пулемет с водяным охлаждением. Сапер-лейтенант в зеленом свитере помогал ему, подтаскивая канистры с водой и боеприпасы. «Потом сержант залег у пулемета и горизонтальным продольным огнем по правому флангу начал прикрывать пехотинцев 116-го полка, которые пошли вверх по скале».

Сапер-лейтенант не обращал никакого внимания на бушующий вокруг него огонь и только орал на солдат, сгрудившихся у дамбы, перетрусивших, перепуганных и не способных к какому-либо действию.

— И вы считаете себя десантниками? — кричал он. — Какие вы, к черту, десантники!

На берегу появился генерал Кота. По версии Голливуда, он воскликнул:

— Рейнджеры, вперед!

И они пошли. В действительности вокруг так гроыхало, что его вряд ли можно было слышать и на расстоянии 3 м. Он переходил от одной группы солдат к другой. Одним из первых ему повстречался Рааен, который сразу же узнал генерала (сын Коты учился вместе с сыном Рааена в Уэст-Пойнте). Рааен доложил о местоположении командного пункта полковника Шнейдера.

Кота, как обычно, начал подбадривать десантников, чтобы они смело поднимались на скалу. Он говорил:

— Нет никакого смысла в том, чтобы погибнуть на берегу. Если нам суждено умереть, то лучше это сделать на вершине горы. Уходите с берега, потому что вам здесь верная смерть.

Рааену генерал сказал:

— Вы — рейнджеры, и я знаю, что вы меня не подведете! Кота нашел Шнейдера на его командном посту. Кота стоял во весь рост. Шнейдер поднялся. По описанию одного из очевидцев, Кота заявил:

— Мы рассчитываем на то, что вы будете идти впереди. По свидетельству сержанта Фаста, переводчика Шнейдера,

Кота сказал:

— Мы надеемся, что ваши рейнджеры пойдут первыми. Точность воспроизведения высказывания Коты не имеет особого значения. В памяти остается его главный смысл: «Рейнджеры всегда впереди». Это очень важный девиз и вполне заслуженный. Но с одной оговоркой: чтобы идти первым, нужны основания или по крайней мере мотивы.

Рейнджеры не нуждались в пинке под зад от Коты. «Практически никто из нас, — вспоминает капрал Гейл Беккью из роты «Б» 5-го полка, — не испытывал особой тревоги по поводу колющих заграждений и подъема на гору. Мы это делали много раз во время учений, и для нас все это было привычно». Он вместе с рядовым из его роты просунули торпеду «Бангалор» под заграждение из колючей проволоки, взорвали ее и проникли за забор. Они слышали лишь одиночные выстрелы: «Немцы отошли с передовых линий. Вражеская артиллерия сосредоточила огонь на подходящих десантных судах. На берегу стало еще страшнее, чем тогда, когда мы высаживались».

Девиз «рейнджеры всегда впереди» не учитывал следующий факт: первым строевым подразделением на вершине Вьервиля оказалась рота «С» 116-го пехотного полка. К тому времени, когда рейнджеры высадились, многие пехотинцы из 116-го полка уже ушли с берега наверх. Они опередили рейнджеров. Те же пехотинцы, которые зарылись у дамбы, были из

первого эшелона десантников. Они чувствовали себя беспомощными, ожидали команд и оружия: у них не было ни снарядов «Бангалор», ни пулеметов, ни «Браунингов», ни раций, ни командиров. Когда взводы рейнджеров пошли вперед, эти люди двинулись за ними. В девизе рейнджеров «быть первыми» нет ничего унижительного для 116-го полка, однако многие его ветераны сохраняют обиду по этому поводу.

Капитан Рааен вспоминает, что на другой стороне заграждения из колючей проволоки, через которое они только что пролезли, стоял разрушенный дот. На нем со спущенными штанами лежал Тони Валло, самый маленький десантник в батальоне. «Над его ягодицами трудились врачи. Пуля пробила его зад так, что в нем образовались четыре пулевых отверстия. Конечно, солдаты, проходя мимо, не могли удержаться от шуток».

Некоторым десантникам удалось подняться на скалу практически без единого выстрела со стороны немцев. Не встретили никакого сопротивления лейтенант Доусон и его взвод из роты «Д» 5-го батальона рейнджеров. Они взошли на вершину и двинулись параллельно к берегу, стреляя и забрасывая гранатами немцев, окопавшихся в траншеях на склоне горы^[61].

Штабная рота капитана Рааена залегла под пулеметными очередями. Лейтенант Доусон приметил, откуда ведется огонь.

Дот находился на расстоянии 75 м, на гребне. В нем было не более двух человек. Доусон послал вперед десантника с «Браунингом». Немцы выследили его и пристрелили.

Доусон взял «Браунинг» и сам пошел в атаку, держа его у бедра. Немцы почему-то испугались, выбежали из дота и помчались по круче. Далеко уйти они не смогли. Доусон догнал их и уложил обоих одной очередью.

Рота Рааена поднялась. Десантники двинулись дальше и попали в густой дым, шедший, очевидно, от горевшего хвороста и травы.

— Капитан, может быть, надеть противогазы? — спросил один из парней.

Рааен не считал, что в этом была необходимость, но разрешил. Дым усиливался, и капитан решил тоже воспользоваться противогазом. Он снял каску, заложил ее между колен, стянул чехол и извлек противогаз. Из чехла вылетели и запрыгали вниз по склону яблоко и апельсин, о которых Рааен совсем забыл.

Капитан надел противогаз, сделал глубокий вздох и «чуть не потерял сознание»: «Я не вытащил пробку, чтобы впустить воздух. Мне пришлось содрать с головы противогаз и наглотаться дыма. Потом я сорвал пробку, снова надел противогаз и наконец задышал свободно. Я взял себя в руки, сделал несколько шагов и оказался вне дымового облака. Я просто взбесился из-за того, что проявил слабость, напав на себя этот чертов противогаз. В наказание я прошел в нем еще десяток метров».

Рядовой Карл Уист тоже оказался в этом районе. Он услышал, как кто-то вопит:

— Газы!

Уист надел противогаз, но успел понять, что дым исходит от горящей травы: «Я снял эту дьявольщину и выкинул ее. Больше я никогда не имел дела с этими гадкими штуковинами».

Когда штабная группа полковника Шнейдера поднималась на скалу, им повстречались немецкие пленные. Шнейдер попросил своего переводчика сержанта Фаста выяснить у них все, что можно. Фаст не готовился к исполнению таких заданий, но оказался просто профессионалом в этом деле.

«Я выбрал самого юного, робкого фрица, с невысоким званием», — вспоминает Фаст. Сержант отделил его от остальных пленных и предупредил:

— Ты будешь говорить мне то, что я хочу знать.

Затем Фаст сказал пленному, чтобы тот перестал волноваться:

— Для тебя война закончилась.

После этого переводчик перешел к угрозам:

— У тебя есть три варианта. Ты мне ничего не говоришь, и я отсылаю тебя к русским. Ты сообщаем мне какие-то сведения, и если у меня возникают сомнения в их точности, то я передаю тебя моему еврейскому приятелю, который стоит рядом со мной. Он отведет тебя за эти заросли.

(В интервью Фаст назвал своего еврейского друга. Это был Герб Эпштейн, верзила, который не брился несколько дней, оброс густой черной щетиной и угрожающе смотрел на обоих — с пистолетом на бедре, десантным ножом за голенищем ботинка и пистолетом-пулеметом «Томми» на плече.)

— Третий вариант, — продолжал Фаст. — Ты сообщаем мне правду. Если я поверю, отправлю тебя в Америку, где ты будешь преспокойно жить до окончания войны, а потом вернешься на родину.

Первый вопрос:

— Видел ли ты американские и британские бомбардировщики, которые пролетели этим утром?

— Да, — ответил пленный,

Фаст понял, что немец готов к разговору. Пленный указал расположение минных полей, фортификаций. Он сообщил, что во Вьервиле нет немецких войск (что было правдой). Но дальше, в глубь материка, «много» стационарных оборонительных укреплений. Пленный предоставил еще немало полезных сведений.

Штабная группа Шнейдера поднялась наверх. Рейнджеры выходили на вершину и с левого,

и с правого флангов. Перед ними открылась просторная равнина, пересеченная живыми изгородями. Немцы вели огонь почти из-под каждого куста.

Рядовой Уист был вне себя. Он недоумевал: «Что делала все это время бомбардировочная авиация?! Черт, я не вижу ни одной воронки от бомб. Ни одной воронки!»

Официальная история армии США утверждает: «Внедрение в береговые оборонные позиции противника между 8.00 и 9.00 явилось несомненным успехом, который был достигнут решительными действиями наших войск, преодолевших невероятные трудности».

«Внедрение» осуществили не более 600 человек, в основном солдаты роты «С» 116-го полка и рейнджеры. Они пробились на вершины, не имея тяжелых вооружений, артиллерийской поддержки, танков, раций, связи с кораблями. Все выезды оставались заблокированными немцами. Пляжи были забиты техникой, которая не могла сдвинуться с места и постоянно подвергалась обстрелу. Резервных подкреплений не ожидалось.

116-й полк и рейнджеры были предоставлены сами себе. Они, конечно, перемешались. Разрозненные отряды, зачастую сформированные по ходу боев для выполнения отдельных задач, распадались и теряли связь друг с другом. Когда полковник Кэшем около 9.00 поднялся на вершину и развернул свой командный пункт, он увидел, что отдельные группы рейнджеров и пехотинцев 116-го полка рассредоточились по всем окраинным полям. Одни шли по прибрежной дороге в направлении Вьервиля, другие завязли в перестрелках с немцами, укрывшимися в живых изгородях.

Без всякого сомнения, обстановка не поддавалась никакому контролю. Победу еще надо было одержать. Однако на плоскогорье уже находились достаточно внушительные американские силы. Сражение на «Омахе» пошло не так, как планировалось. Но благодаря действиям таких людей, как генерал Кота, полковники Шнейдер и Канхем, капитаны Рааен и Доусон, многих лейтенантов и сержантов, возможную катастрофу удалось предотвратить.

23. Катастрофы не произошло

Сектор «Йзи-Ред», «Омаха»

«Высадка на «Омахе», — писал спустя три десятилетия после дня «Д» генерал Брэдли, — была сплошным кошмаром. Даже сегодня мне больно вспоминать о том, что происходило 6 июня 1944 г. Я постоянно возвращаюсь к тому времени, чтобы почтить память доблестных ребят, которые погибли на берегу. О них невозможно забыть. Надо помнить и о тех, кто прожил этот день на волоске от смерти. Все, кто был на «Омахе», — настоящие герои».

Командный пост Брэдли представлял собой рубку размером три на шесть метров, построенную специально для него на палубе крейсера «Огаста». На стенах висели карты Нормандии. В центре размещался планшетный стол с крупномасштабным изображением мест высадки. Неподалеку сидели секретари-машинистки. Брэдли редко появлялся в этой рубке. Большую часть времени он проводил на мостике, стоя рядом с адмиралом Аланом Дж. Кирком, командующим западной военно-морской группировкой. Брэдли заткнул уши ватой, чтобы обезопасить их от гула залпов орудий «Огасты», и наблюдал за сражением через бинокли.

Для Брэдли это было время «самых тяжелых личных переживаний и даже отчаяния». Он мог видеть только дым и взрывы. К нему не поступали сообщения с поля сражения. Генерал-майор Леонард Джероу, командующий V корпусом (1-я и 29-я дивизии), докладывал только отрывочные сведения, полученные от шкиперов десантных судов, которые возвращались в транспортную зону за очередным десантом. А их сообщения были неутешительные: «Хаос! Катастрофа! Жуткие потери!»

«У меня было ощущение, — писал позднее Брэдли, — что нас постигла беда, и оставалась лишь маленькая надежда на то, мы высадимся... Я мучился над решением об отходе, но продолжал молиться, чтобы наши ребята удержались».

Так чувствовал себя человек, столкнувшийся с двумя одинаково безвыходными альтернативами. К 9.30 прилив накрыл почти все заграждения. Сотни десантных судов застряли у берега, поскольку высадка была приостановлена. Отправка новых эшелонов для подкреплений, как планировалось, еще больше обострила бы ситуацию на пляжах. Не направлять их — означало бы оставить без поддержки тех, кто сражался на побережье.

Сам Брэдли, думая о возможном отступлении, говорил себе: «Этих ребят уже нельзя вернуть назад». Так же считал и генерал Эйзенхауэр. Без радиосвязи было просто немыслимо отозвать солдат 116-го и 16-го полков и рейнджеров, которые уже взбирались на скалы (хотя об этом не знали ни Брэдли, ни высшее командование). Отвести солдат, залегших у галечной насыпи, можно было, но если бы они вышли из укрытия, то их тут же бы перебили. На «Омахе», как нигде, тыловой огонь был сокрушительный. В любом случае десантным кораблям у побережья пришел бы конец. На пляжах создалось столпотворение людей и техники.

Брэдли исключал возможность отступления. Не представлялась разумной и отправка следующих эшелонов на «Юту» и британские участки побережья. Тогда ему пришлось бы пожертвовать десанниками на «Омахе». Более того, в таком случае образовался бы огромный

разрыв между «Ютой» и «Золотом» протяженностью около 60 км. Все это могло привести к окончательному провалу операции по вторжению.

Под началом Брэдли, командовавшим 1-й армией США, находилось более четверти миллиона человек. Но, стоя на мостике «Огасты», он чувствовал себя беспомощным созерцателем, жаждущим получить хоть какую-нибудь информацию. На берегу можно было изменить план действий в соответствии с обстановкой. На мостике «Огасты» Брэдли не мог переделать общий план операции.

Командный пункт генерала Джероу располагался на флагманском корабле «Анкон». Первые три часа вторжения он пребывал в таком же неведении, как и Брэдли. Он велел помощнику начальника штаба V корпуса полковнику Бенджамину Талли пройти вдоль побережья на ДАКВ и доложить о наблюдениях. Талли сообщил, что даже с расстояния 500 м он не смог ничего обнаружить. Он доложил, что «пляжи забиты техникой, противник ведет массированный артиллерийский и пулеметный огонь, а выезды с берега по-прежнему закрыты». Из-за дыма Талли не смог разглядеть десантников, поднимавшихся наверх. Ему было неизвестно о поступившем в 8.30 приказе командующего 7-м морским десантным батальоном о приостановке высадки. Поэтому он сделал вывод о провале десанта. В 9.45 полковник сообщил Джероу о том, что «ДСТ сгрудились у берега, как стадо коров».

В 9.45 Джероу отправил первое донесение командованию 1-й армией. Оно было сумбурным и тревожным: «Заграждения заминированы. Продвижение медленное. 1-й батальон 116-го полка в 7.48 передал, что солдаты залегли под пулеметным огнем. Два ДСТ уничтожены артиллерией противника. Танки «ДД» затонули на участке «Фокс-Грин».

Через пять минут генерал-майор Кларенс Хьюбнер, командующий 1-й дивизией, получил сообщение с берега: «Слишком много техники. Нужны войска. 30 ДСТ не могут подойти к прибою из-за сильного огня. Обстрел не прекращается».

Хьюбнер распорядился высадить 18-й полк целиком на «Изи-Ред», но только один батальон находился на ДССПЛС, другие надо было перегружать с ДСП на ДССПЛС. Кроме того, еще действовал приказ о приостановке дальнейшего десанта.

Брэдли послал к берегу на торпедном катере своего помощника майора Честера Хансена и артиллериста капитана Джозефа Веллингса. Вернувшись, они сообщили:

— Даже невозможно разобрать то, что там происходит.

С точки зрения генералов, надвигалась катастрофа, и они ничего не могли поделать, поскольку находились в стороне.

На «Омахе» сложилась настолько тяжелая ситуация, что раненых надо было эвакуировать на вражескую территорию. Это не часто случалось в истории войн. Медпункты были установлены у галечной дамбы. Санитары рисковали своими жизнями, вынося раненых с берега. Помощь была минимальная: перевязки, лубки, морфин, плазма крови (если она имелась в наличии). Медицинские команды выходили с опозданием, не в тех секторах и нередко без необходимого оборудования. 116-й полк потерял весь запас плазмы крови, когда затонули его

два десантно-пехотных судна.

Тем не менее штабной офицер 116-го полка вспоминает: «Медицинские подразделения были самыми активными на берегу. Не имея достаточных препаратов и инструментов, врачи без колебаний принимались за самые сложные операции — сквозные ранения головы и живота».

Медикам на берегу положение казалось еще более катастрофическим, чем генералам. Майор Чарлз Тегтмейер, хирург 16-го полка, высадившийся в 8.15, так описывает то, что он увидел: «Насколько хватало глаз, лежали, уткнувшись лицом в песок, тела погибших, раненые и еще живые десантники... Пляжи были ими забиты, как коробки сигарами... Отовсюду доносились отчаянные крики:

— Санитаров! Ради Бога, санитары!»

Медики, бродя по воде, спотыкаясь о тела солдат, делали перевязки, накладывали лубки и потом пытались унести раненых под укрытие дамбы. «Я осмотрел множество тел, — вспоминает хирург Тегтмейер. — Одних я приказывал одеть, другие в одежде уже не нуждались». В большинстве случаев ранения были безнадежные. Тегтмейер хорошо запомнил одного солдата: «У него ампутировали ногу, а другую практически собрали из кусков. Он же не терял сознания и даже веселился. Его могла спасти только экстренная эвакуация, а ее еще не наладили. Через час парень умер».

Путаница в последовательности высадки только усиливала хаос на берегу. 61-й медицинский батальон, выходящий на «Изи-Ред», относился к штабу. Они высадились с пишущими машинками, скоросшивателями и разным офисным оборудованием на пляж, заполненный телами погибших и раненых. Они, конечно, выбросили пишущие машинки и, отыскав в раскиданном на пляжах мусоре препараты и инструменты, начали оказывать первую помощь раненым. Передовое хирургическое оборудование так и не было развернуто в тот день на «Омахе». Из двенадцати хирургических команд, приданных 60-му и 61-му медицинским батальонам, только восемь сошли на берег, и ни одна из них не была обеспечена необходимым операционным оборудованием.

В 9.50 генерал Хюбнер приказал 18-му полку 1-й дивизии высадиться на «Изи-Ред», самом большом из восьми секторов, выделенных для десанта. Он располагался чуть восточнее от середины «Омахи». Правый фланг «Изи-Ред» обозначал границу между 29-й и 1-й дивизиями. Вначале должны были выйти на берег две роты первого эшелона, за ними еще три.

Из-за неразберихи с высадкой получилось так, что участок, где планировалось сосредоточить войска, в течение первого часа оставался практически безлюдным. Только к 10.00, когда выбросился 1-й батальон 18-го полка, а за ним и 115-й полк 29-й дивизии, сектор «Изи-Ред» стал местом самого кровавого побоища.

К 10.00 прилив достиг своей наивысшей отметки. Все заграждения оказались под водой. Капитаны более крупных десантных судов опасались близко подойти к берегу, тем более что им было приказано держаться подальше от прибоя. Но офицеры 1-го батальона 18-го полка подчинялись другим указаниям: идти только вперед. Между шкиперами судов и пехотинцами

возникли трения.

Около 10.10 проблему разрешило ДСТ 30, помчавшись на полном ходу через заграждения и открыв стрельбу из всех корабельных орудий. Ему удалось дойти до самого прибоя. Примерно в то же самое время десантно-пехотное судно ДСП 544 ринулось через подводные препятствия, нацелив весь свой огонь на ДОСы и пулеметные гнезда противника. За ними к берегу пошли другие корабли. Капитанам ничего не оставалось, как подчиниться требованиям армейских командиров и вести свои суда через заграждения на высадку.

Помогали корабельные орудия эсминцев. Они держались в море и обстреливали цели по своей наводке. В докладе «Гардинга» говорится: «В 10.50 обнаружен ДОС. Из него ведется огонь по нашим войскам у выезда севернее Вьервиля, что блокирует операцию на побережье. Сделали несколько залпов по вражеской позиции. ДОС уничтожен. Израсходованы 30 снарядов».

Адмирал Чарлз Кук и генерал-майор Томас Хэнди из генштаба Маршалла в военном министерстве находились на «Гардинге». Кук, когда корабль приближался к берегу, отметил: «Мы видели, как ДСТ стрелял с противоположной стороны выезда у Вьервиля. Однако немецкая батарея, закамуфлированная в кустарниках, имела преимущество и в результате нанесла поражение нашему танково-десантному кораблю».

И не только ему. В военно-морском докладе о переброске 18-го полка перечисляются 22 ДССПЛС, два ДСП и четыре ДСТ, которые были подбиты у берега, не считая тех, что подорвались на минах.

Сержант Хайман Хаас считает, что ему повезло. Оба ДСТ — и справа, и слева — горели: «Пулеметы били непрерывно. Вокруг них рвались минометные снаряды. Артиллерия обложила их сплошным огнем. А мы как будто оказались в каком-то оазисе».

Хаас командовал экипажем полугусеничной установки («М-15»). Когда он съехал с ДСТ, «вода была ему по шею»: «Водитель, Билл Хендрикс, старался держать голову повыше, чтобы подышать. Мы двинулись. Какой-то болван издал разбойничий клич. Сержант Честер Гатовский посмотрел на него и сказал:

— Ты, дерьмо, заткнись!

Хаас вспоминает, что, добравшись до берега, он «едва дышал»: «Глаза врозь, смотрю, жду чего-то, жуткое волнение. Невероятное возбуждение!» Но надо было что-то делать. Хаас приказал водителю отойти назад в воду и занять огневую позицию. Он направил 37-мм стволы на ДОС на западной стороне выезда «Е-1». Первые выстрелы оказались пустыми, но «зато следующие десять попали в десятку».

(В тот же день Хаас подъехал к этому ДОСу. «Там на полу лежал немецкий офицер, у которого изо рта текла кровь. Он, очевидно, был на волоске от смерти. Его поддерживал другой раненый немец. Тут подошел Макнейл и сказал:

— Эй, Хаас, это твоя добыча!

Мне стало не по себе. Одно дело стрелять в никуда. А здесь передо мной умирал застреленный мной немецкий офицер и еще один раненный мной немец. Я почувствовал себя очень скверно».)

Несмотря на такие тягостные ситуации, 18-й полк выгрузился на берег. Конечно, не без потерь и не без присущей всей высадке неразберихи. 115-й полк 29-й дивизии, который должен был сойти в секторе «Дог-Ред», начал высаживаться в 10.30 на «Изи-Ред», чуть ли не одновременно с 18-м. Это вызвало непредвиденные задержки, создало невероятную сутолоку на пляжах, но обеспечило на «Изи-Ред» необходимую огневую мощь.

Когда 18-й полк высаживался, офицерам показалось, что на пляжах все застыло. В полковом докладе по этому поводу говорится: «На пляже замерли танки, тракторы, грузовики, бульдозеры, войска. Вершины по-прежнему контролировались немцами, которые не позволяли нашим десантникам даже подняться. Неприятель использовал и мотострелковое оружие, и минометы, и артиллерию».

Капитан (позднее генерал-майор) Ол Смит был начальником штаба 1-го батальона 16-го полка. Он высадился в секторе «Изи-Ред» в 7.45: «Уже на расстоянии 500 ярдов от берега я понял, что у нас серьезные проблемы. Чем ближе мы подходили к прибою, тем больше я убеждался в том, что нас ждет катастрофа. Повсюду колыхались тела погибших и раненых из первых эшелонов. С нашей стороны я практически не слышал никаких выстрелов. В то же время немецкие пулеметы, минометы и 88-мм орудия производили невероятный огонь».

Почти половина батальона Смита добралась до галечной набережной. Здесь он встретил бригадного генерала Уилларда Уаймана, помощника командующего дивизией. Уайман поинтересовался, успешно ли войска применяют тактику сочетания огня и броска, как тому учат в пехотных школах.

— Конечно, сэр! — отрапортовал Смит. — Они стреляют, мы бежим!

Смит поднялся на скалу по тропе, по которой утром прошел капитан Доусон из роты «Г». «У вершины, — вспоминает Смит, — меня ждал самый приятный за всю мою военную службу пятиминутный отдых. Пока наша колонна расположилась на бивуак, мы с капитаном Хэнком (Хэнгстерфером, командиром штабной роты. — Примеч. авт.) отошли в сторонку и уселись, чтобы перекусить яблоками с корабельной кухни. Мы выпили по глотку виски — прощальный подарок старенькой английской дамы».

Смит развернул свой командный пункт возле обочины грунтовой дороги ^{62}. «В это время мне позвонили из полкового штаба с берега. Полковник (Джордж) Тейлор (командир полка) интересовался обстановкой и спрашивал, не нужна ли помощь. Я ответил, что требуются танки, побыстрее и побольше. Он обещал сделать все, что от него зависит».

Было 11.00. Тейлор распорядился, чтобы все имеющиеся в наличии танки отправились наверх по выезду «Е-3». Возглавил колонну капитан У. М. Кинг. Он проинструктировал каждый экипаж, как выйти на «Е-3» и подниматься на плоскогорье. Когда Кинг подошел к последнему танку, он увидел, что командир ранен. Капитан взял на себя управление машиной. Пятясь

задним ходом, Кинг объезжал руины техники, загромаздившей пляжи. Пройдя метров двести, танк наскочил на мину. Взрывом повредило опорный каток и гусеницу. Дальше капитан отправился пешком. По дороге он насчитал всего три танка. Два из них были подбиты. Третий пытался отойти назад. Выезд «Е-3» оставался под контролем немцев.

Рядовой Рей Мун в это время выходил на вершину. «Я оглянулся на берег, — вспоминает он. — Зрелище было незабываемое. Пляж напоминал стрельбище для пулеметчиков. То, что происходило внизу, было похоже на загон для скота и скотобойню. Мы видели прибой, кипящий от тел десантников, и дамбу, под которой скрывались уцелевшие солдаты. Никаких атак. Те, кто засел на берегу, представляли собой живую мишень для подготовленного стрелка или артиллериста».

Минометы, пушки, пулеметы непрерывно поливали берег сплошным огнем. Для высшего штабного начальства сектор «Изи-Ред» по-прежнему представлялся «зоной бедствия». Джероу сообщил Брэдли: «На 11.00 обстановка на выезде «Изи» остается критической. Обнаружена 352-я пехотная дивизия (немецкая), которую союзническая разведка проморгала (кстати, тогда Брэдли впервые узнал, что его войска противостоят этой отборной дивизии вермахта). На пляжах продолжаются кровопролитные бои».

На земле дела выглядели несколько иначе. Полковник Талли из передового информационного подразделения где-то после 11.00 передал: «Десантники численностью около взвода продвигаются наверх между выездами «Е-1» и «Изи-3». Они поднимаются по скалам над «Изи-Ред» и ждут подкреплений из-за горизонта».

Одним из таких «посланцев из-за горизонта» стал капитан Джо Доусон из роты «Г». О том, как это случилось, он расскажет сам: «Когда я выходил на берег, прибой был завален трупами и грудami уже никчемной техники. Я знал, что передо мной минное заграждение. Но справа от себя я видел тропу, ведущую наверх. Прорвав проход через колючую проволоку, я повел свой отряд, буквально перешагивая через трупы. Еще на берегу мне удалось собрать роту, и мы взбирались наверх одним отрядом. На полпути к вершине мне повстречался лейтенант Сполдинг».

«Я пошел вдоль гребня, попросив Сполдинга меня прикрыть. У самой верхушки склон стал почти отвесным. Он обеспечивал естественное укрытие от огня противника. Два пулемета палили по берегу. Рвались минометные снаряды, я слышал отдельные винтовочные выстрелы оттуда, сверху».

«Я бросил несколько гранат, и, когда они взорвались, пулеметчики замолчали. Я махнул рукой своим ребятам и Сполдингу, чтобы они следовали за мной вперед. Там я уже видел какие-то передвижения противника в направлении выезда «Е-3». Пока мы шли к этому месту, нам попало немало погибших немецких солдат».

«Насколько я знаю, — говорит ветеран, — к этому моменту еще никто не прошел передовые позиции противника».

«Как только ко мне подбежали ребята из моей роты, мы пошли в атаку на отступавшего противника, пока не попали в рощу, которая, как оказалось, подступала к самому городку...».

В аналитической записке, подготовленной в 1993 г. и объясняющей то, каким образом Доусон вышел на плоскогорье, он указывал: «Битва на побережье «Омаха» представляла собой: 1) смертельный, крошечный огонь противника по незащищенному пространству без какой-либо поддержки со стороны наших кораблей или танков; 2) беспорядочная, неприцельная стрельба врага позволила мне передвигаться по открытому пляжу и захватить пулемет; 3) по счастливой случайности нам удалось высадиться и подняться наверх как единому подразделению; 4) наше сконцентрированное наступление вынудило противника прекратить стрельбу из минометного и ручного автоматического и пулеметного оружия»^[63].

Доусон направился к Коллевилю, а Сполдинг — вправо, на запад, к Сен-Лорану. Он рассредоточил своих людей на расстоянии трехсот метров. Десантники заметили немецкого пулеметчика, который при поддержке двух солдат, вооруженных винтовками, обстреливал берег. Сержант Стречик убил пулеметчика выстрелом в спину, пехотинцы сдались. Сполдинг попытался допросить пленных, но они оказались чистокровными немцами и не стали отвечать на вопросы.

«Мы уже были среди живых изгородей и садов, — рассказывал Сполдинг в феврале 1945 г. сержанту Форресту Поугу из департамента армейской истории. — Мы прошли через два минных поля. Все остались целы и невредимы. У нас на плечах по-прежнему сидели ангелы».

Взвод роты «Е» набрел на какое-то оборонительное укрепление, возвышавшееся над выездом «Е-1». Сержант Кеннет Петерсон выстрелил из базуки, но никто из сооружения не вышел. Сполдинг уже собирался заползти вовнутрь, но заподозрил, что это может быть «тобрук».

«Мы с сержантом Стречиком решили проверить, что же это такое, — рассказывает Сполдинг. — Мы попали в подземелье. В нем находились 81-мм миномет с великолепными диаграммами обстрела, множество снарядов и 75-мм пушка, нацеленная на выезд «Е-1». Бункер был сделан из бетона. Немцы оборудовали его радиосвязью, стояли аккуратно застеленные койки. В нем были даже собаки. Мы хотели заложить в вентилятор гранаты. Но Стречик сказал «Постойте!» и пустил несколько очередей вниз по ступеням. Потом он на польском и немецком дал команду выходить. На самом деле, из еще более глубокого подземелья поднялись четыре немца, которые несли с собой двух или трех раненых».

По взводу Спеллинга начали стрелять немецкие пехотинцы, окопавшиеся на другой стороне выезда. «Джи-айз» открыли ответный огонь. По ложбине ударили корабельные орудия американских эсминцев (было около 10.00). Сполдинг направился вдоль коммуникационных траншей, которые вывели его к утесу, нависшему над берегом: «Теперь мы были в тылу противника. Мы вытащили четырех фрицев из окопов и четырнадцать из траншей. В траншеях мы нашли сотни гранат, противотанковых мин, массу автоматов и пулеметов».

Сполдинг осмотрел траншеи. «И там я сделал одну глупейшую вещь», — вспоминает он. Во время высадки Сполдинг потерял свой карабин. Он подобрал немецкую винтовку, но не знал, как с ней обращаться. Лейтенант обменял ее на привычный карабин и забыл его проверить. «В траншеях, — рассказывает Сполдинг, — я наткнулся на фрица и нажал спусковой крючок. А карабин был на предохранителе. Я потянулся к предохранителю, и в это время сорвалась

магазинная коробка. Я бежал как сумасшедший почти 50 ярдов. К счастью, рядом оказался сержант Петерсон. Он прикрыл меня огнем, а немец сдался в плен. Это был для меня урок на всю жизнь. Свое оружие надо лелеять и холить».

Сполдинг попробовал выстрелить из 81-мм миномета, но никто из его взвода не знал, как к нему подступиться. Он отправил 19 пленных вниз на берег под конвоем двух десантников. Лейтенант попросил своих ребят выяснить заодно, где находится остальная часть роты «Е». Сполдинг запустил свою последнюю желтую ракету как сигнал американским эсминцам о том, что он овладел фортификацией, поскольку «корабельные снаряды падали совсем близко».

Около 10.30 взвод Сполдинга встретился с группой лейтенанта Хатча. «Я был чрезвычайно рад увидеть их», — рассказывал он потом Поугу. Хатч передал, чтобы Сполдинг шел не к Сен-Лорану, а к Колевилю, то есть на восток, что избавляло его от необходимости пересекать выезд «Е-1».

Местность была равнинной, с посаженными живыми изгородями и яблоневыми садами. В окрестностях насчитывалось около роты немцев (из 352-й дивизии). Бои приняли совсем иной характер. Если раньше их нужно было выбивать из траншей на скале, то теперь они скрывались в живых изгородях. Немцы располагали мощнейшими пулеметами «Мг-42», и перед ними лежали открытые, простреливаемые со всех сторон поля. Для «джи-айз» было нелегко обнаружить огневые позиции противника, тем более снайперов. Не имея минометов, танков, артиллерии, надежной связи с эсминцами, американские пехотинцы завязли в этих полях. То тут, то там взвод Сполдинга и группа Хатча натыкались на засады в живых изгородях. Им пришлось разделить, чтобы проникнуть через немецкие заслоны. В конце концов они соединились с капитаном Доусоном и ротой «Г».

Доусон испытывал аналогичные трудности, продвигаясь к Колевшню. Он воодушевлял солдат личным примером, первым бросаясь в бой, давал простые и понятные приказы. «Я говорил, — вспоминает он, — ребята, перед вами враг. Его нужно раздавить!»

Рота «Г» находилась в километре от Колевиля. Доусон остановился передохнуть под большим ветвистым дубом: «К нам подошла миловидная радостная француженка и, широко раскрыв руки, сказала:

— Добро пожаловать во Францию!»

Доусон вышел на окраину Колевиля. Как везде в нормандских деревнях, над крышами возвышалась церковь, устремленная в небо. Капитан заметил, что на шпиле прячется артиллерийский наблюдатель. Он, взяв с собой двух десантников, проник в собор.

«Моментально раздались автоматные очереди. Помимо наблюдателя наверху, в церкви оказались еще два немца. Первые пули нас миновали. Но когда мы поднимались по ступеням, артиллерийский корректировщик застрелил нашего десантника. Я развернулся и выпустил обойму по этому гаду. Сержант расправился с двумя другими фрицами».

Когда Доусон выбегал из церкви, по нему выстрелил немецкий снайпер. Капитан не успел ответить. Вторая пуля расщепила приклад и рикошетом повредила колено: «Оно распухло, и

меня на следующий день эвакуировали».

В деревне десантников ждала целая рота, укрывшаяся за толстыми стенами каменных домов. Эти сельские здания оказались неприступными для винтовок и ручных пулеметов. По словам Доусона, «разразился ожесточенный бой», но роте «Г» не удалось сломить сопротивление немцев.

Вскоре после полудня к Колевилю со своим отрядом подошел майор Уильям Вашингтон, начальник штаба 2-го батальона 116-го полка. Он развернул командный пункт в дренажном кювете на западной окраине деревни. Майор отправил один взвод роты «Е» на правую (южную) сторону Колевиля. Сполдинг отделился от Доусона. Образовавшийся промежуток между подразделениями заняли немцы, и минут через сорок взвод Спеллинга оказался в окружении. Лейтенант быстро осознал, что теперь не он, а его атакуют. Он приказал окопаться в дренажных траншеях. Американцы отбили не один штурм немецкой пехоты.

Сполдинг видел, что к нему бежит посыльный с батальонного командного пункта, очевидно, с какой-то информацией от майора Вашингтона. «Немцы открыли по солдату огонь, — рассказал лейтенант в интервью Поугу. — Он упал, но немцы продолжали стрелять и выпустили по крайней мере сотню очередей. Смотреть на это ужасно, но мы делали то же самое, когда хотели нарушить связь между частями противника».

Взвод Спеллинга провел остаток дня в дренажных траншеях, отбивая атаки немцев. К ночи у десантников практически не осталось боеприпасов: на бойца было по одной обойме. Взвод все еще находился в окружении.

Взвод Спеллинга первым взял в плен немцев. Он уничтожил несколько пулеметных гнезд на скале и «тобрук», перекрывавший огнем выезд «Е-1». Он высадился в составе тридцати человек. К ночи два солдата были убиты, семь — ранены. Генерал Эйзенхауэр лично наградил пятерых десантников крестом «За боевые заслуги»: лейтенанта Джона Спеллинга (штат Кентукки), сержанта Филипа Стречика (штат Нью-Джерси), рядового Ричарда Галлахера (Нью-Йорк), рядового Джорджа Боуэна (штат Кентукки), сержанта Кеннета Петерсона (штат Нью-Джерси).

Майор Вашингтон приказал «зарываться» в ожидании крупного танкового контрнаступления, как это было в Сицилии: «Всю ночь мы затаскивали на скалу 57-мм противотанковые орудия джипами и просто руками».

Но на рассвете 7 июня немцы не контратаковали. Он увидел другое: двое «джи-айз» конвоировали 50 немецких пленных. Выяснилось, что американцы высадились не в своем секторе и были захвачены немцами. Оба американских солдата оказались выходцами из Польши, а «немцы» — польскими новобранцами. Когда наступила ночь, «джи-айз» уговорили своих «завоевателей» спрятаться в кустах, а поутру сдать в плен.

(Майор Вашингтон был один из тех, кому повезло высадиться невредимым. Военный корреспондент Дан Уайтхед спросил его, как это ему удалось. Вашингтон рассказывает: «Я точно не помню, что именно я говорил, но мои слова хорошо прозвучали в печати. Он написал, что меня пронесли через пляжи молитвы моей жены. Я думаю, что дома это тоже

понравилось».)

Потери в секторе «Изи-Ред» были чудовищными. К концу дня в роте «Эф» 16-го полка были убиты или ранены все офицеры и половина сержантского состава. Жертвы во взводах роты «Е» оказались ничуть не меньше. Масштабы бойни потрясли начальника оперативного отдела капитана Фреда Холла. Вместе с женой в мае 1982 г. он посетил места боев на «Изи-Ред». «Передо мной снова возникли жуткие картины этого побоища».

Сполдинг прошел через всю военную кампанию в Северо-Западной Европе. Он сказал в 1945 г. в интервью Поугу, что за это время приобрел огромный опыт, который крайне был необходим в день «Д». В общем, считает Сполдинг, «ему повезло».

Истории о «везении» могут рассказать многие ветераны. Сержант Джон Элл ери вспоминает о бое, завязавшемся на окраине Колевиля: «Я забирался на дерево, чтобы перелезть через живую изгородь. Браслет, к которому был прикреплен мой личный знак, зацепился за сучок. Я спустился вниз и обломал ветку. В это время парень из другой роты решил опередить меня. Только он поднялся на вершину дерева, как ему в лицо ударила пуля. Он упал прямо на меня».

Эллери начал охотиться за снайпером: «Мне удалось его обнаружить, и я сквитал счет. Это был безупречный выстрел и, кстати, единственный, который я сделал в тот день».

Эллери почувствовал голод. Он вспомнил о яблоках в вещевом мешке. Сержант открыл сумку и увидел там что-то вроде «яблочного соуса»: «Поэтому я принялся за паек. Мне он так понравился, что мне захотелось съесть еще один. Мне казалось, что пайки меня переживут, и я умял их все до одного».

Вид американцев на скале и процессий пленных, которые спускались под конвоем с поднятыми вверх руками, благотворно действовал и на десантников на пляжах, и на генералов на «Анконе» и «Огасте». Но и в 12.00 в секторе «Изи-Ред» было неспокойно. Пулеметный огонь со склонов выездов «Е-3» и «Е-1» прекратился благодаря тому, что американцы, взбираясь на вершину, уничтожили ДОСы. Однако продолжалась стрельба минометов и артиллерии, хотя и не столь точная, как прежде. Десантники ликвидировали и передовые наблюдательные посты.

Начали поступать подкрепления, главным образом из 115-го полка. Его 1-й батальон, погруженный на ДССПЛС, высаживался в 11.00 бок о бок с судами, на которых находился 18-й полк. В 12.00 десантно-пехотные суда ДСП с двумя батальонами 18-го полка все еще курсировали в море у линии возможного отхода. Уже прошел час после высшей точки прилива, и отлив заметно усиливался. Для более тяжелых ДСП грозила опасность сесть на мель, поэтому войска перегружались с них на ДССПЛС. Немцы заметили маневр и перевели огонь на ДССПЛС. ДСП 490 не смог состыковаться с ДССПЛС. Его шкипер заметил другое десантное судно ДССК и предложил его капитану обменяться «грузами». Тот с удовольствием согласился: у него на борту находилось невероятное количество взрывчатки.

Рядовой Эддон Вьех был водителем грузовика в штабной батарее 1-го артиллерийского дивизиона. На его ДСТ размещались семь грузовиков «двойка с половиной», напичканных снарядами. Высадка намечалась на 8.30, но и в 11.30 корабль все еще кружил в море вне

достижимости немецких орудий. Когда судно повернуло к берегу, в ДСТ, шедшее справа, ударил 88-мм снаряд. Шкипер ДСТ Вьех сделал полный разворот и направился обратно в Ла-Манш. После некоторых раздумий капитан снова двинулся к берегу, но попал под мощный артобстрел и повторил прежний маневр. В 12.00 к борту ДСТ подошел сторожевой катер, и контрольный офицер в мегафон прокричал:

— Капитан, води судно к берегу! Вы уже дважды пытались это сделать и каждый раз возвращались. Идите и не возвращайтесь до тех пор, пока не разгрузитесь!

Отлив был в полном разгаре, но вода все еще накрывала заграждения. Вокруг рвались снаряды. Шкипер подошел к прибою настолько близко, насколько у него хватило смелости. Судно все равно находилось довольно далеко от берега. Капитан приказал опустить рампу. Лейтенант, командир Вьех, запротестовал:

— Подведите нас ближе!

— Убирайтесь! — ответил шкипер.

С ramпы сошел первый грузовик и сразу же погрузился в воду, которая захлестнула выхлопную трубу.

— Подведите нас ближе! — снова потребовал лейтенант.

— Убирайтесь! — ответил шкипер. — Мне надо вас высадить и вернуться в море!

Один за другим грузовики нырнули в воду и затонули. Водители выпрыгнули, надули свои спасательные пояса и поплыли к берегу. Когда Вьех выбрался из прибою, раздался свист снаряда. Он скатился в воронку: «Меня сильно потрянуло взрывом. Мне стало страшно, и я заплакал. Друзья оттащили меня за борт горевшего судна. Казалось, что я плакал несколько часов. По крайней мере до тех пор, пока у меня не иссякли слезы. Тогда я взял себя в руки».

Слева от Вьех, у начала выезда «Е-3», немцы вели огонь по пляжам из ДОСов. Он видел, как к ним направились два бульдозера и завалили ДОСы песком: «В один из бульдозеров попал снаряд. Бульдозериста буквально разнесло на куски». Вьех и другие водители из его отряда подобрали винтовки, карабины и стали пехотинцами: «Мы зарядили их и пошли вперед».

«Что касается слез, — заключает свой рассказ Вьех, — то с того дня я больше никогда не плакал. Мне иногда хотелось бы хорошенько выплакаться или от души посмеяться. Это мучит, но я просто не в состоянии выпускать свои эмоции наружу. И никогда не смогу это сделать».

Уже пять с половиной часов в секторе «Изи-Ред» высаживались батальоны 16-го, 18-го, 115-го и 116-го полков. Они практически ничего не достигли на выезде «Е-3» (к северу от Колевиля). Скопление техники на пляжах по-прежнему не поддавалось никакому регулированию. У дамбы и на самом берегу вповалку лежали тела убитых и раненых.

Но то, что представлялось катастрофой, на самом деле ею не было. Хотя обстановка оставшись тяжелой, она постепенно улучшалась, особенно на выезде «Е-1». Решительные

действия Споддинга и Доусона нейтрализовали фортификации на его восточной стороне. На западных склонах огневые позиции противника эффективно сдерживала рота «М» 116-го полка. Бульдозеры проделали проход через дюны и готовили выезд к передвижению боевой техники.

Самое главное, что роты «Е», «И» и «Г» 16-го полка создали плацдарм между выездами «Е-1» и «Е-3» и шло сражение за Колевиль. По правому флангу пять рот 116-го полка заняли вершины между «Д-3» и «Е-1», а три роты 16-го полка овладели высотами на левой стороне выезда «Е-3».

В 13.09 Джероу смог передать Брэдли первые более или менее утешительные данные: «Войска твердо закрепились в секторах «Изи-Ред», «Изи-Грик», «Фокс-Ред» и продвигаются вперед на высоты над скалами».

«Положение оставалось сложным, — писал позже Брэдли. — Но наши войска дюйм за дюймом захватывали побережье. И я запретил себе даже думать о том, чтобы уйти с «Омахи».

Генерал-майор Чарлз Герхардт, командующий 29-й дивизией, подготовил доклад под названием «Боевые уроки и выводы дня «Д». Он суммировал их в двух фразах: «Нельзя допускать любые сообщения о бедственных ситуациях на войне. ОНИ ВСЕГДА НЕВЕРНЫ».

24. Борьба на плоскогорье

Вьервиль, Сен-Лоран и Колевиль

Джон Рааен, 22-летний капитан, командовавший штабной ротой 5-го батальона рейнджеров, был сыном армейского офицера. Он родился и вырос в Форт-Беннинге, в январе 1943 г. окончил Уэст-Пойнт и любил воинскую службу. Рааен прослужил 40 лет и участвовал в трех войнах. Он ушел в отставку в звании генерал-майора. «Я бы не променял ни один день своей военной жизни, — сказал в интервью генерал. — Случались и плохие времена, но они делали хорошие дни еще лучше».

6 июня 1944 г. в самом начале сражения Рааен усвоил первый военный урок: перепуганному солдату надо дать какое-нибудь конкретное задание, чтобы успокоить его нервы. Когда утром капитан поднялся на Вьервиль, он понял и другие важные вещи: нельзя доверять разведке и полагаться на данные о местности, пока не увидишь ее собственными глазами.

«Когда нам показывали карты и макеты Нормандии, — вспоминает Рааен, — мы все обратили внимание на живые изгороди, окружавшие поля. Они были такими же, как в Англии, — низкорослыми, компактными, вроде небольших барьеров, которые можно легко перепрыгнуть».

По аэрофотоснимкам нельзя было представить себе истинный размер французских живых изгородей. «Когда мы поднялись на плоскогорье, — говорит Рааен, — нам сразу стало ясно, что французские живые изгороди совершенно другие. Это — земляные насыпи высотой от двух до четырех метров, поросшие высоким густым кустарником, корни которого вылезают наружу. Сами насыпи уже являлись серьезным препятствием. А через заросли пройти было просто невозможно. Вы взбирались по круче, цепляясь за корни, а потом утыкались в переплетения кустов, ветвей, стволов». Обычно французы проделывали проходы через живые изгороди для скота и фермерской техники, но во время боев эти проезды перекрывались пулеметным огнем^[64].

«Немцы, — рассказывает Рааен, — обыкновенно устраивали в живых изгородях пулеметное гнездо и прорубали в зарослях небольшое окошко для стрельбы. Было невозможно понять, откуда они ведут огонь». Немцы также устанавливали пулеметы «Мг-42» таким образом, чтобы стрелять по проходам через живые изгороди. Кроме того, они пристреляли по заранее намеченным целям минометы и артиллерийские орудия. В начале боя немцы применяли простую тактику: они выжидали, когда на поле выйдет по крайней мере отделение солдат, и всех их срезали как ножом.

Со временем янки научились воевать в живых изгородях. Они зарядами ТНТ пробивали в зарослях в стороне от проходов большую брешь. В нее заползал танк и обстреливал позиции противника фосфорными снарядами, которые на немцев наводили ужас, но очень нравились американцам. Или, например, десантники приваривали спереди «Шермана» стальные рельсы (те самые, которые Роммель устанавливал на берегу). Когда танк поднимался на земляной вал

живой изгороди, рельсы не давали ему перевернуться. Однако все эти «изобретения» появились лишь через две-три недели. В любом случае танков в день «Д» на плоскогорье не было.

Когда Рааен развернул ротный командный пункт в поле недалеко от Вьервиля, по нему сразу начала бить немецкая артиллерия. Он сделал еще одно полезное наблюдение: «Уже через пять минут артобстрела понимаешь, когда надо зарываться в землю, а когда нет. По свисту летящего снаряда можно определить, где он упадет. Если он разорвется в ярдах 50 от тебя, то нет никакого смысла искать укрытие. Ты остаешься на месте и занимаешься своими делами. Конечно, если снаряд может рвануть на меньшем расстоянии, то у тебя один выход — зарыться в любую ямку и молиться».

5-й батальон рейнджеров должен был выдвинуться к Пуант-дю-О. Им предстояло миновать Вьервиль и идти на запад по прибрежной дороге. Но полковник Шнейдер решил отправить дозорный отряд из роты Рааена на восток на встречу с десантниками, поднимавшимися по выезду Ле-Мулен. Команда Рааена прошла несколько канав и затопленных троп, пролежавших между живыми изгородями, и наткнулась на «передовой отряд 1-й дивизии» (в действительности это была дозорная группа из роты «К» 116-го полка 29-й дивизии, приданной к 1-й дивизии только на день «Д» 6 июня). «В группе оказался парашютист из 101-й дивизии, — вспоминает Рааен. — Он упал в воду в районе «Омахи», и ребята из 1-й дивизии его выловили. С того дня парашютист воевал вместе с пехотинцами».

Соединение американцев (возможно, первое), поднимавшихся у Вьервиля и у Сен-Лорана, отрезало немцев, занимавших оборону на скалах между секторами «Дог-Грин» и «Изи-Грин» и между гребнем и прибрежной дорогой. Рааен подумал: «Любой нормальный командир попытался бы отвести войска с этих позиций в глубь материка, чтобы они продолжали сражаться, а не подвергал бы их опасности оказаться в плену или на том свете». Но немцы (и солдаты «восточных» батальонов под дулом пистолетов немецких сержантов) оставались верны своему фюреру и доктрине Роммеля, который не допускал никаких отходов с занятых позиций. Немцы «должны были уже знать, что попали в капкан, но не покидали своих траншей и дотов». Нечто похожее происходило и у Колевиля.

Лейтенанта вермахта Фреркинга, все утро наводившего огонь на пляжи, наконец взрывом выкинуло из бункера. Это сделал танк «Шерман». Перед побегом лейтенант передал последнее сообщение: «С моря и берега сплошной огневой вал. Каждый снаряд попадает в цель. Мы уходим». Фреркинг слишком долго ждал. Его батарея осталась без боеприпасов. Он и большинство его солдат погибли во время отхода.

На других немецких батареях также иссякали снаряды. Полковник Оккер, командующий артиллерией 352-й дивизии, позвонил на 1-ю батарею и сообщил, что к ним отправляется грузовик с боеприпасами.

— Он уже в пути, — сказал полковник.

Да, грузовик вез снаряды на батарею. Но в него попал 14-дюймовый корабельный снаряд. Трудно себе представить, что от него осталось.

Большинство немцев не знали, что они проиграли сражение. Войска израсходовали

практически все имевшиеся боеприпасы и не смогли остановить наступление. Располагая разветвленной сетью наземных коммуникаций, немцы должны были бы подвозить неограниченное количество снарядов, как они это делали во время Первой мировой войны. Но союзническая авиация и корабельная артиллерия превратили побережье Кальвадос в своего рода «остров», на котором немцам на передовых линиях приходилось сражаться только теми средствами, которыми они располагали. Казалось бы, американцы должны были испытывать трудности со снабжением: все порты контролировались противником. Однако к «джи-айз» постоянно шли подкрепления и боеприпасы морем, и немцы не могли с этим ничего поделать.

Германское командование совершило большую ошибку, не приказав войскам отойти и перегруппироваться, когда американские дозорные отряды проникли за передовую линию противника. Конечно, то, что немцы остались на своих оборонительных позициях, создавало для них определенные преимущества. Наблюдательные посты на скалах могли направлять стрельбу артиллерии по берегу и выездам, правда, лишь до тех пор, пока орудия обеспечены снарядами. Пехотинцы в траншеях и ДОСах держали бы под огнем десантников на пляжах. Но цена слишком высока. Оставаясь на прежних позициях, немцы не смогли организовать концентрированные контратаки против отделений, взводов, рот, которые пробирались наверх. А американцы были вооружены лишь минометами, ручными пулеметами и винтовками и не имели артиллерийской поддержки.

«Они могли бы вышвырнуть нас метлой», — заявил один рейнджер. Тем не менее солдаты вермахта предпочли сидеть за бетонными стенами укреплений, откуда они могли убивать американцев, но выиграть сражение — нет. Вот чем обернулись одержимость Гитлера «защитой» каждого дюйма захваченных территорий и навязчивая идея Роммеля остановить союзнические войска еще на берегу.

На плоскогорье немцы также вели чисто оборонительные действия. Отчасти это можно объяснить тем, что живые изгороди предоставляли великолепное укрытие. Но главная причина, по-моему, в том, что они не получали достаточных подкреплений, в то время как американцы вводили в бой эшелон за эшелоном. Предполагалось, что немцы проведут внезапные контратаки численностью солдат до батальона. В день «Д» на «Омахе» они не организовали ни одного контрнаступления хотя бы на ротном уровне. Причин много: войска были расквартированы по маленьким деревушкам Нормандии, и требовалось время для того, чтобы их собрать; основным средством передвижения оставалась лошадь; отсутствовали на своих боевых местах старшие военачальники. Однако главное обстоятельство — отличная работа союзнической авиации. Она мало помогла десанникам на берегу, но много сделала в глубине территории Франции, бомбя мосты, дорожные пересечения, железнодорожные узлы, районы сосредоточения. Бомбардировщики фактически блокировали передвижение немецких войск.

И все же немцы сражались отчаянно, нанося американцам немалые потери. Они по большей части удерживали живые изгороди, не давая десанникам пробиться в глубь материка далее пары километров. Но бои носили несогласованный характер и велись малочисленными, плохо организованными подразделениями. Немцы стремились сдержать противника, но не сбросить его с плоскогорья.

Когда Рааен выходил на связь с ротой «К» 116-го полка, Шнейдер с остальными рейнджерами 5-го батальона пересек прибрежную дорогу, намереваясь обогнуть Вьервиль с юга

и направиться к Пуант-дю-О. Передовые отряды встретил пулеметный огонь, несшийся из живых изгородей на южной стороне дороги. Трижды Шнейдер пытался обойти с флангов немецкие позиции, но каждый раз наткнулся на новые засады.

«Мы нарвались на дьявольски ожесточенное сопротивление, какое только может быть, — вспоминает рядовой Доналд Нелсон. — Нас буквально прижата к земле, и мы не могли даже пошевелиться».

Появился полковник Шнейдер и спросил, в чем дело.

— Снайперы, — ответил Нелсон.

— И вы не можете их снять?

— Нет, сэр, — сказал Нелсон. — Мы их даже не видим. Шнейдер снял каску, надел ее на палку и поднял вверх.

«В тот же момент, как только каска возникла над кустами, — рассказывает Нелсон, — по ней застучали пули. Так нам удалось обнаружить и отстрелять несколько снайперов».

Нелсон с приятелем решили подползти к живой изгороди: «Мы увидели, как пятеро немцев устанавливают пулемет. Прямо перед нами. Мы лежали тихо и наблюдали. Немцы находились от нас метрах в шести. Они зарядили пулемет. Мой приятель толкнул меня в ногу ботинком. Я ответил ему тем же. Это означало, что пора действовать. Они получили свое по полной программе. Я прикрывал приятеля, пока он ползал, чтобы проверить, мертвы ли наши немцы. Да, они были мертвы».

Пока рейнджеры с юга огибали Вьервиль, через деревню, не встретив никакого сопротивления, прошла рота «С» 116-го полка. К ней примкнула рота «Б» рейнджеров. Объединившись, они двинулись по прибрежной дороге на запад к Пуант-дю-О. В 500 м от Вьервиля их остановили пулеметные очереди, несшиеся из живых изгородей. В течение нескольких часов американцы пытались обойти засады, но каждый раз встречали новые. Все открытое поле простреливалось немцами с расстояния 200–300 м.

Главной проблемой для американцев было выдержать темп наступления. Для атакующих это всегда трудная задача. Особую сложность она представляла для десантников «Омахи», которые только что вышли из огненного ада на берегу и теперь в относительно спокойной обстановке нормандского плоскогорья чувствовали себя победителями, выполнившими важное задание дня. К тому же они были по-настоящему измотаны. И, подобно парашютистам на «Юте», пехотинцы, попадая в деревню, сразу же находили дорогу к винным погребам. Сержант Уильям Люис из 116-го полка вспоминает, что почти всю вторую половину дня «Д» «он никак не мог прийти в себя»: «Во Вьервиле я опорожнил огромный кувшин вина. В общем, мы все тогда здорово напились».

(Жители Вьервиля, конечно же, были напуганы. Пьер и Фернан Пипрель решили бежать на юг. По дороге они увидели каких-то солдат, скрывающихся в живых изгородях. Пьер Пипрель рассказывает: «Трудно было понять, кто они, поскольку мы не знали униформу союзников.

Подойдя ближе, я спросил:

— Англичане?

— Нет, американцы, — ответили они. Заметив у них в руках «Лаки страйк», мы поняли, что мы в безопасности. Солдаты отпустили нас».)

Отсутствие радиосвязи, реального взаимодействия между частями, специфический характер местности тоже не способствовали тому, чтобы десантники могли стабильно продвигаться в глубь материка. На берегу находились храбрецы, которые первыми шли на скалы и вели за собой других. В живых изгородях такой смельчак, высунув голову из кустов, тут же будет застрелен.

«Мы чувствовали, что за нами постоянно наблюдают, — вспоминает капрал Гейл Беккью из батальона рейнджеров. — В отдельного человека мог выстрелить снайпер. А любая концентрация солдат вызывала артиллерийский или минометный огонь. Мы контролировали Вьервиль. Но в окрестностях хозяйничали немцы».

Вести людей на скалы было легче, чем поднимать их в бой среди живых изгородей. Человек, прятавшийся за дамбой, понимал: оставаться на месте — значит обречь себя на верную гибель, назад пути нет, и единственный шанс спастись — идти за теми, кто взбирается на вершину. На плоскогорье солдат чувствовал себя в безопасности только там, куда он уже попая, — в живой изгороди.

Терялся темп продвижения вперед и из-за изолированности подразделений друг от друга. Люди ощущали себя потерянными и оторванными от остальных частей (так зачастую и случалось). Рядовой Гарри Парли из 116-го полка говорит: «Я не могу восстановить всю последовательность моих действий после полудня 6 июня. Куда-то бежал, стрелял, прятался. Мы вели себя как банда преступников, которых разыскивают. Мы не знали, где находимся. Встречались с другими такими же разрозненными группами, объединялись, шли вместе, расходились. Все задавали одни и те же вопросы — о своих ротах или батальонах».

Парли припомнил один инцидент, который произошел с ним примерно в поддень. Он шел по дороге и слышал характерный лязг гусениц, а затем и пушечный выстрел: «В ужасе я развернулся, как сумасшедший помчался обратно и плюхнулся в придорожный кювет. Там уже находился суровый пожилой сержант из 1-й дивизии. Он улегся на левый бок, словно на софе. Я закричал:

— Там же танк! Что мы, черт возьми, будем делать? Сержант, ветеран Северной Африки и Сицилии, хладнокровно посмотрел на Парли и сказал:

— Отдыхай, парень. Он скорее всего пройдет мимо нас.

Действительно, танк проскрежетал по дороге, даже не заметив десантников».

В 12.00 полковник Канхем, командир 116-го полка, выехал из Вьервиля, чтобы разместить свой штаб в замке Вомисель, расположенном в полукилометре к югу от деревни. Не доезжая до

замка, штабная группа (три или четыре офицера и пара солдат) остановилась за живой изгородью. В это же время по дороге проходил Карл Уист со взводом рейнджеров. Канхем заметил их, задержал и попросил охранять его штаб и командный пункт.

Замок оказался забит немцами. На тропе появился немецкий велосипедист. Рейнджеры застрелили его и рассредоточились вокруг здания. Уист видел, как из замка вышел взвод солдат, которые выстроились у старого двухколесного кабриолета, в котором, очевидно, лежал раненый. Судя по всему, немцы еще не знали о присутствии американцев. Винтовки они держали за спиной.

Уист рассказывает о том, как события развивались дальше:

«Немцы потащили кабриолет: двое тянули, двое толкали. Мы подождали, пока они приблизились на расстояние примерно десять ярдов. Затем мы внезапно вышли на дорогу и наставили на них автоматы. Они сразу же подняли руки вверх.

И что вы прикажете делать в нашей ситуации с 25 пленными? Мы согнали их во фруктовый сад и поставили на охрану одного солдата. Мы попытались их допросить. Черта с два! Ни единого немца. Венгры, румыны, русские, кто угодно, но ни единого немца! Все-таки мы нашли немецкого сержанта, человека среднего возраста, который был готов делать все, что угодно, только не воевать. Он обезумел от радости оказаться в плену. Его беспокоила только возможность контрнаступления. Нас это волновало не меньше.

Наше положение было никудашным. Перед нами фронт протяженностью в 1500 ярдов. С нами полковник Канхем. И нас всего тридцать пять человек».

После полудня среди рейнджеров пошли разговоры о том, чтобы расстрелять пленных. Уист убедил их в том, что это «не только противозаконно, аморально, но и глупо». «Когда начало темнеть, — продолжает свой рассказ Уист, — мы сказали пленным, чтобы они легли, тесно прижавшись друг к другу, и приставили к ним еще одного часового с «Браунингом». Мы предупредили, что ночью нам будет трудно за ними наблюдать, но у нас хороший слух. Если кто-нибудь пошевелинется, то пулю получают все. Они пролежали всю ночь не шелохнувшись. Поверьте мне, таких тихих и мирных врагов надо искать».

В 14.00 рейнджер лейтенант Джей Мехэффи вышел на окраину Вьервиля. Немецкий снайпер только что убил одного из его солдат, который по неосторожности оказался в проходе, прорубленном в живых изгородях. Навстречу ему шли восемь немецких пленных, которых конвоировал один из рейнджеров его взвода. Мехэффи выстроил пленных с поднятыми над касками руками между зарослями и приказал своим людям освободить проход.

«У нас нет времени заниматься вами, — сказал он немцам. — Поэтому идите, спускайтесь вниз по скале и сдавайтесь в плен кому хотите».

Полковник Канхем оказался в полной изоляции. Единственная рация была у офицера по связи из 743-го танкового батальона, но и тот не мог установить контакт ни с одним из экипажей. Некоторая поддержка, может быть, вовсе и не нужная, пришла от моряков. В 13.50 сигнальщик ДСП 538 в секторе «Дог-Грин» послал на эсминец «Гардинг» сообщение:

«Полагаю, что на церковном шпиле находится вражеский наблюдательный артиллерийский пост. Не могли бы вы по нему ударить?»

«Гардинг» ответил: «Какую церковь вы имеете в виду?»

«Вьервиль».

«Может быть, Колевиль?»

«Нет, Вьервиль».

«Гардинг» запросил подтверждения у командира передовых наблюдателей оперативной группы «О». Оттуда поступило разрешение обстрелять церковь в течение одной минуты. По этому поводу в докладе «Гардинга» говорится: «В 14.13 с расстояния 3200 ярдов открыли огонь по церкви и полностью ее уничтожили. Выпущено 40 снарядов, все попали в цель».

Описанный случай типичен не только для дня «Д», но и для дальнейших военных действий во Франции. Американцы были убеждены в том, что артиллерийский огонь наводят на них наблюдательные посты (НП) на церковных шпилях, и пытались их сбить. Иногда НП действительно располагались на церквях, но чаще всего — нет. Во всяком случае, после сражения в Нормандии почти не осталось шпилей.

Что касается конкретно Вьервиля, то деревня уже находилась в руках американцев (что не было, конечно, известно ни ДСП 538, ни «Гардингу»), и никто из десантников не считает, что церковный шпиль использовался как НП. Тем не менее «Гардинг» заявил после стрельбы, что офицер-дальномерщик видел на церкви «четыре вражеских пулемета», которые «были ликвидированы».

Утверждение «Гардинга» о том, что каждый снаряд попал в церковь, опровергает мэр Вьервиля Мишель Арделе. Он говорит, что первый снаряд взорвался в его доме, из-за чего обрушилась стена на втором этаже. Следующий снаряд врезался в пекарню и убил горничную вместе с ребенком булочника. Корабельная артиллерия поразила несколько соседних зданий. Естественно, досталось и церкви. По словам мэра, были жертвы и среди «джи-айз».

Такие противоречия в свидетельствах — обычное дело во время транспортных происшествий. Нередки они и на войне. И в рассказах ветеранов Вьервиля, Сен-Лорана, Колевиля могут содержаться преувеличения или расхождения. Это объяснимо. Они зачастую действовали разрозненно, без связи и какой-либо информации о том, что происходит вокруг, мелкими группами, каждая из которых вела свой отдельный бой.

Если бы у всех американских эсминцев на берегу работали корректировщики, то корабельный огонь мог быть поистине смертельно точным. Рядовой Слотер из 116-го полка стал свидетелем такой филигранной стрельбы «Саттерли». Слотер шел по краю выезда у Вьервиля. Он встретил группу сержанта Уильяма Пресли, крепко сложенного парня ростом под два метра и весом более 100 кг. Слотер считал его «воплощением настоящего старшего сержанта, с обветренным жестким лицом, крутыми мускулами и громовым голосом».

Перед Пресли лежал убитый морской корректировщик, у которого на спине была прикреплена рация. Сам сержант наблюдал за немецкой батареей 105-мм минометов «Небельверфер» (батарея реактивных минометов. — Примеч. пер.), которая стояла всего в двухстах метрах. Немцы вытворяли черт-те что с выходящими на берег американскими десантниками. Пресли выхватил рацию и связался с «Саттерли». Он сообщил, что у него есть цель, и передал координаты. С эсминца последовал выстрел. Пресли дал корректировку, новый выстрел. Наконец сержант крикнул:

— Огонь на поражение!

Слотер вспоминает: «Мы слышали мощный залп. Тут же полетели снаряды. У нас под ногами задрожала земля. Взрывы смели все, что было на батарее. «Небельверфер» перестал существовать, а Пресли получил крест «За боевые заслуги».

Вскоре после этой операции Слотер увидел первого немецкого пленного. Его допрашивал американский офицер, говоривший по-немецки и вооруженный карабином. Пленник стоял на коленях, держа руки над головой. Американец добивался от него сведений о расположении минных полей. Немец называл лишь свое имя, ранг и порядковый номер.

— Где эти чертовы минные поля?! — орал офицер. Как будто не понимая, о чем его спрашивают, пленный опять назвал свое имя, ранг и порядковый номер. Американец выстрелил из карабина между колен немца. Тот с ухмылкой указал на промежность и сказал:

— Nicht hier (Не сюда). — Потом он дотронулся рукой до головы и сказал: — Hier (Сюда).

Офицер отступился от пленного и приказал его увести. «Это убедило меня в том, — говорит Слотер, — что мы воюем с первоклассными солдатами».

«С наступлением темноты район Вьервиля становился самым слабым местом нашего берегового плацдарма», — утверждает в официальной истории армии США. Рейнджеры 5-го батальона, небольшие группы 1-го батальона 116-го полка и несколько саперов заняли оборонительные позиции на различных участках к западу и юго-западу от деревни. Многие попали в окружение. (Один взвод рейнджеров каким-то образом сумел добраться до Пуант-дю-О без особых трудностей.) Связь по-прежнему практически отсутствовала. Выезд у Вьервиля все еще был недоступен. Сектора «Дог-Грин», «Дог-Уайт» и «Дог-Ред» обстреливались артиллерией. После 12.00 десантники предприняли всего лишь несколько попыток высадиться, а это означало, что войска на скалах не получают необходимых подкреплений.

Рейнджер лейтенант Франсиз Доусон уже удостоился креста «За боевые заслуги» за свои действия по выводу людей с берега. Теперь он со своим подразделением находился у Вьервиля. На западной окраине деревни их встретил прицельный пулеметный огонь. «Нам не удалось подавить пулеметное гнездо, — рассказывает ветеран. — Мы отошли и вернулись на дорогу, чтобы обойти противника с фланга. Но наступила ночь. Мы были не так далеко от деревни и решили окопаться».

Примерно в такое же положение попадали и другие десантники. Лейтенант Мехаффи прошел Вьервиль и остановился: «По правой стороне от нас был Ла-Манш, по левой —

сторожевое охранение. Мы заняли оборонительные позиции и оставались на них весь остаток дня «Д». Мы находились всего в миле от того места, где высаживались».

Рядовой Пол Калверт из 116-го полка, описав путь, по которому его рота шла к Вьервилю, заявил: «К концу дня наша группа чувствовала себя совершенно измотанной, деморализованной и неспособной на какие-либо организованные военные действия. наших людей можно было найти на пространстве от захваченных немецких позиций над выездом у Вьервиля до командного пункта полковника Канхема».

Но и немцы у Вьервиля были также измотаны, деморализованы и не способны на организованные боевые действия. Огнем из-за живых изгородей немецкие снайперы и пулеметчики могли задержать продвижение американцев, но они уже были не в силах сбросить рейнджеров и пехотинцев 116-го полка обратно вниз, на берег.

Деревня Вьервиль не оборонялась немцами, а в Сен-Лоране стояла рота пехоты из 352-го полка. Немцы окопались на высоте в верхней части выезда Ле-Мулен. Они расположились по обе стороны дороги, поднимавшейся по ложбине, и контролировали подходы к главному перекрестку на западной окраине городка. Майор Сидни Бингем, командир 2-го батальона 116-го полка, несколько раз пытался сломить оборону немцев, но безуспешно. Десантников останавливал пулеметный огонь. При этом было невозможно определить, откуда немцы стреляют.

Во второй половине дня «джи-айз» в Сен-Лоране пришли на помощь пехотинцы 115-го полка 29-й дивизии. Полк высадился еще до обеда, но потребовалось немало времени, чтобы прорваться через пляжи и начать наступление на Сен-Лоран с северо-восточного направления. Продвижение замедляли минные поля. И не только. Среди пехотинцев распространились слухи, что американские приборы не могут обнаружить немецкие мины, поэтому тропы, обозначенные белыми лентами, совсем небезопасны. Десантников постоянно обстреливали снайперы, засевшие на скалах.

«Мы шли осторожно и как-то нерешительно, — вспоминает сержант Чарлз Зарфасс. — Нам казалось, что нас на каждом шагу поджидает опасность». До Сен-Лорана от берега было всего не более километра. Но 2-й батальон 115-го полка смог начать наступление на городок только к вечеру, а 1-й батальон вышел на южную окраину Сен-Лорана лишь около 18.00.

Рядовой Джон Хупер и его взвод подходили к Сен-Лорану где-то после 15.00: «Я буквально крался и все время смотрел под ноги, но все-таки задел выпрыгивающую «Бетти». Она выпрыгнула, а я повалился на землю и замер в паническом ожидании, что меня вот-вот разорвет на куски. Мина упала на камни с глухим стуком — «пустышка». Обессиленный от переживаний, я долго лежал и думал: неужели война никогда не кончится?»

Хупер поднялся и отправился догонять свой взвод. Из ближайшего леса на десантников полились пулеметные очереди. Завязался бой. Патроны у «джи-айз» уже были на исходе. Лейтенант взял винтовку «М-1» и бинокль и сказал Хуперу, чтобы тот его прикрыл: «... взводный собирался залезть на дерево и оттуда достать «этих ублюдков».

— Не делайте этого, лейтенант, — сказал Хупер. Но взводный посмотрел на него холодно,

отвернулся и все-таки забрался на дерево. Он поудобнее устроился на верхушке, раза три выстрелил и тут же, ломая ветви, свалился вниз.

— Господи, меня убили, — все время повторял лейтенант.

Пуля попала ему в грудь. Хупер и еще один десантник отнесли взводного в живые изгороди и позвали медика. Тот сделал раненому укол морфина.

— Что за глупость, — произнес Хупер, — вести себя как какой-нибудь сержант Йорк.

Лейтенант умер вечером. Какая нелепая смерть!

К концу дня для техники открылся выезд «Е-1». В 20.00 майор Бингем отправил посыльного с просьбой о танковой поддержке при наступлении на Сен-Лоран. Пришли три танка из 741-го танкового батальона. Они уничтожили пулеметные гнезда и снайперов в окрестностях городка. Но когда пехота стала занимать Сен-Лоран, на деревню посыпались 5-дюймовые снаряды с американских эсминцев. Как и в случае с Вьервилем, войска в Сен-Лоране не имели возможности связаться с моряками. В результате артобстрела среди американцев были жертвы.

Когда корабельный огонь прекратился, в Сен-Лоране завязался жесточайший бой. «Джи-айз», перебегая от одного угла дома к другому, бросали в окна гранаты, выбивали двери и в упор расстреливали немцев из ручных пулеметов и карабинов. Немцы, пользуясь защитой толстых, почти что крепостных, каменных стен, яростно сопротивлялись.

В разгар уличной схватки несколько солдат из 115-го полка наблюдали такую картину. Подполковник Уильям Уорфидц, командир 2-го батальона, не обращая внимания на пули, спокойно сидел на обочине дороги и бросал камешки в бродячего пса.

Другой необычный сюжет. Генерал Герхардт высадился во второй половине дня и развернул штаб 29-й дивизии на выезде у Вьервиля. У него не было достаточной информации о том, как идут дела у его полков на плоскогорье, но он видел, что по ложбине поднимается нескончаемый поток пехотинцев. Генерал выделил одного солдата, который на ходу с аппетитом ел апельсин. Когда пехотинец выбросил кожуру, Герхардт оторвался от своих карт, подозвал «джи-ай» и самыми нелестными словами отчитал его за «засорение природы».

К наступлению ночи войска 29-й дивизии заняли позиции на северной, восточной и южной окраинах Сен-Лорана и некоторые кварталы городка. Всю вторую половину дня велась безуспешная схватка за район площадью примерно в одну квадратную милю, хотя он и оборонялся одной ротой. Это лишнее свидетельство того, насколько трудно воевать в живых изгородях и на узких улицах, заставленных каменными домами. Это также доказывает, что для успешного наступления пехоты необходима поддержка артиллерии, танков и минометов.

И хотя немцы воевали неплохо, а американская пехота не достигла своих целей, обстановка складывалась не в пользу противника. К «джи-айз» начали поступать свежие подкрепления, боеприпасы, на берегу ждала своего часа вступить в бой техника. Немцы фактически оказались в окружении, и у них не оставалось никаких надежд на поступление новых войск и

боеприпасов. Кроме того, они значительно уступали американцам в численности.

В Колевиле всю вторую половину дня также шли бои. Американские подразделения действовали разрозненно, без какой-либо координации. Капитан Джо Доусон со своей ротой «Г» 16-го полка 1-й дивизии вышел на западную окраину Колевиля после полудня. Захватив несколько домов, он не смог продвинуться дальше вследствие, как говорит капитан, «непредвиденных и тяжелых обстоятельств».

«Моряки, — объясняет Доуеон, — получили приказ открыть огонь по Колевилю, как только позволит видимость. Из-за дыма, который заволоч небо, наблюдение было практически невозможно. Тем не менее к концу дня наши моряки решили действовать и стереть Колевиля с лица земли. А мы находились в деревне. Снаряды взрывались по всей деревне, от окраины до окраины. Мы потеряли 64 человека. Это была самая большая трагедия, которую мы пережили в день «Д».

В артобстреле участвовал «Гардинг». В судовом рапорте говорится: «В 18.54 получен приказ от командующего Оперативной группой обстрелять в течение двух минут церковь в Колевиле, дистанция 3500 ярдов. Приказ принят к исполнению.

В 18.57 огонь прекращен. Церковь практически разрушена. Израсходованы 73 снаряда.

В 19.35 вновь получен приказ командующего Оперативной группой в течение двух минут обстрелять церковь в Колевиле, а также окружающий район.

В 19.37 открыли огонь по той же цели, дистанция 3800 ярдов. Отмечены многочисленные попадания как по церкви, так и по объектам в окружающем районе. Израсходованы 60 снарядов. Предполагается, что данная церковь использовалась как наблюдательный пост для наведения минометного огня по берегу, так как пляжи в это время подвергались обстрелу, по всей видимости, из глубины материка».

Командующий Оперативной группой принимал решения на основе догадок и предположений. Жертвы, понесенные в Колевиле, Вьервиле и Сен-Лоране в результате так называемого «дружественного огня», стали тяжелой расплатой за полное отсутствие радиосвязи между войсками на плоскогорье и кораблями в Ла-Манше.

Части 18-го полка высадились у выезда «Е-1» между 11.00 и 14.00. По мере выхода на берег войска поднимались вверх, чтобы поддержать наступление на Колевиля. 2-й батальон прошел западнее расположения роты Доусона и занял позиции в полукилометре к юго-востоку от деревни. 1-й батальон встретил два немецких взвода, окопавшихся в траншеях, но не стал завязывать бой, обогнул их и также направился к Колевилю.

«Немцы почти не стреляли, когда мы подходили к деревне, — вспоминает лейтенант Чарлз Райан из роты «А». — В том же направлении двигалась небольшая группа людей. Среди них я узнал нашего батальонного командира, подполковника Роберта Йорка. С ним была его штабная команда. Он остановился и сказал нам:

— Вперед, мальчики! Городок почти в наших руках. Но его надо еще взять».

В 17.30 взвод Райана вышел на прибрежную дорогу и начал готовить оборонительные позиции для отражения возможного контрнаступления. «В ту ночь нас постоянно обстреливали из пулеметов и винтовок, — говорит лейтенант. Помолчав, он добавляет: — Но мы уже завоевали береговой плацдарм. 1-я дивизия вступила в Нормандию!»

«В день 6 июня 1944 года, — волнуясь, продолжает ветеран, — мы испытали и безысходность, и страх, и горе, но и радость. Это был день, который мы прожили в соответствии с нашим девизом: «Нет трудных заданий. Не бывает напрасных жертв. Долг превыше всего».

«Теперь, через 45 лет, я не могу поверить, что мне довелось участвовать в этих великих событиях. Я переписываюсь с некоторыми ветеранами из нашего взвода. Мы все гордимся тем, что мы совершили. Мы не понимаем, как нам удалось выжить. Но в те дни мы много чего не понимали».

В 19.00 командующий 1-й дивизией генерал Хюбнер высадился в секторе «Изи-Ред» и развернул свой командный пункт. В 20.30 покинули «Анкон» и отправились на берег генерал Джероу и передовой штаб V корпуса. На плоскогорье войска 29-й и 1-й дивизий заняли изолированные друг от друга позиции в 18 «карманах» вокруг трех деревень. У них имелись несколько танков, но не было ни артиллерии, ни тяжелых минометов, ни связи с кораблями или авиацией. На ночь они зарылись в землю, они находились в обороне.

Но они уже были на материке. Присутствие высокого военного начальства на берегу доказывало очевидный факт: войска захватили плацдарм, они выиграли битву.

Немцы нанесли тяжелый урон американцам на «Омахе». V корпус потерял 2400 человек убитыми, ранеными или пропавшими без вести. Он ввел в действие 34 000 солдат из 55 тысяч. 7,2 процента — ужасающий уровень потерь для одного дня. Но это все же на 5 процентов меньше, чем предполагалось.

* * *

352-я дивизия потеряла 1200 человек убитыми, ранеными или пропавшими без вести, то есть 20 процентов личного состава. 29-я и 1-я дивизии выполнили свою основную задачу — создали плацдарм для дальнейшего наступления, хотя и не продвинулись настолько, как того хотелось. 352-я дивизия не добилась поставленной цели — остановить вторжение еще на берегу.

Переживания рядового Франца Гоккеля из 352-й дивизии в день «Д» дают представление об испытаниях, которые выпали на долю немецкого пехотинца. В 8.30 он считал, что сражение выиграно, но американцы продолжали и продолжали высаживаться. Гоккель видел, как с правого и с левого флангов его обошли американские подразделения и атаковали «ВН-62» с тыла. Это заставило немцев усилить оборону со стороны материка. В обед он получил кусок хлеба и кружку молока, но никаких подкреплений. Посыльный, отправленный за помощью, так и не вернулся. Американцы «наседали, а наше сопротивление ослабевало».

Гоккелю прострелили левую руку. Медик перевязал руку и, улыбаясь, сказал, что ранение

«тянет на миллион долларов». Американцы прорвались в траншеи и неожиданно оказались всего метрах в двадцати от бункера.

Гоккель схватил винтовку и побежал в Колевиль. На окраине он встретил своего ротного командира и несколько уцелевших солдат с «ВН-62». Американцы уже были в деревне.

Ротный приказал посадить Гоккеля и еще 15 раненых в грузовик и отправить их в госпиталь в Байе. Дорога оказалась непроезжей. Все перекрестки были разбиты бомбами. «На пастбищах, — вспоминает Гоккель, — лежали распухшие трупы коров».

Грузовик Гоккеля обстрелял британский истребитель. Раненым пришлось покинуть машину. Те, кто мог передвигаться, пошли в сторону Байе. По пути они реквизировали у фермера лошадь и телегу. В Байе выяснилось, что госпиталь эвакуировался. Раненым сказали, что им надо идти в Вир. Добравшись до места, они увидели, что город охвачен пожаром после воздушного налета. Раненые провели ночь в фермерском доме, успокаивая себя кальвадосом.

Из двадцати человек гарнизона «ВН-62» только трое избежали ранений, но и они попали в плен. «Никто из моих товарищей, переживших вторжение, больше не верил в победу», — сказал в заключение Гоккель.

* * *

Поражение, понесенное немцами на «Омахе», объясняется многими причинами. Одна из них — стремление немецкого командования обороняться везде и всюду. В результате дивизия развалилась на отдельные, разрозненные части. Кроме того, командующий 352-й дивизией генерал Крайсс абсолютно ошибся в оценке намерений союзников. В 2.00 он получил донесения о выброске парашютистов на левом фланге между Изиньи и Карантаном. Генерал решил, что американцы пытаются изолировать 352-ю дивизию от 709-й. В 3.10 он приказал перебросить дивизионный резерв «Кампфgruppe Мейер», названный именем командира 915-го полка, от Байе к устью реки Вир. Но это был крайне неразумный шаг, поскольку там высадилась малозначительная группа парашютистов, к тому же по ошибке.

В 5.50 Крайсс понял свою ошибку. Он приказал Мейеру задержать «Кампфgruppe» и ждать дальнейших распоряжений. Через полчаса американцы начали высадку на «Омахе». Но только в 7.35 Крайсс задействовал резерв, но и то направил лишь один батальон. В 8.35 генерал послал два других батальона против британской 50-й дивизии на участке побережья «Золото». Разделив таким образом 915-й резервный полк, генерал Крайсс ослабил свои возможности нанести противнику контрудар. Батальоны опаздывали к местам сражения на несколько часов. Кроме того, они подвергались постоянным налетам союзнических истребителей и бомбардировщиков.

Крайссу не доставало разведывательных данных. Он зачастую получал недостоверные сведения, да и сам становился источником неточной информации. В 10.00 генерал сообщил о вклинивании противника в передовые позиции 352-й дивизии на «Омахе», но при этом оценил его как не представляющее опасности. В 13.35 Крайсс доложил в штаб 7-й армии, что американцы сброшены обратно в море везде, кроме Колевиля, но и здесь 915-й полк ведет контрнаступление. Лишь в 18.00 генерал признал, что «джи-айз» прорвались через опорные оборонительные позиции 352-й дивизии. Но и тогда он продолжал считать, что угрозу для

немцев представляет только Колевиль.

В 17.00 фельдмаршал Рундштедт потребовал, чтобы союзнический передовой плацдарм в течение вечера был ликвидирован. Через несколько минут генерал Йодль разослал приказ верховного командования выдвинуть в район сражения все имеющиеся силы. В 18.25 Крайсс направил свое последнее незадействованное подразделение — саперный батальон — в Сен-Лоран в роли пехотинцев. К тому времени, когда саперы прибыли на место назначения, стемнело, и им ничего не оставалось, как окапываться и ждать рассвета.

В ночь с 6 на 7 июня в разговоре с командиром корпуса генералом Марксом Крайсс признался, что 352-я дивизия крайне нуждается в помощи.

— Завтра дивизия готова оказать противнику такое же решительное сопротивление, как сегодня, — заявил Крайсс. — Но из-за понесенных тяжелых потерь нам требуются подкрепления и не позднее, чем послезавтра.

Маркс ответил:

— Все резервы уже задействованы. Тем не менее вы должны защищать каждый дюйм земли. А подкрепления придут, как только они у нас появятся.

Короче говоря, вся боевая мощь 352-й дивизии была растрочена мелкими подразделениями, которые могли лишь замедлить, но не остановить продвижение американцев. Упрямое стремление Роммеля создать на побережье плотную оборону привело к тяжелым потерям среди десантников на начальной стадии вторжения. Но оно дорого обошлось и немцам, а главное, не принесло им успеха. По этому поводу в официальной истории армии США указывается: «V корпус преодолел чрезвычайные трудности. Результаты его битв будут измеряться не только размерами захваченного плацдарма».

Можно считать, что 352-я дивизия стала недееспособной. Подкреплений поблизости не было. А войскам или танкам из глубины Франции, прежде чем добраться до побережья, предстояло вначале «пройти сквозь строй» бомбардировок и корабельных артобстрелов.

Американцы прорвали «Атлантический вал» на «Омахе». А дальше не было серьезных препятствий в смысле фортификаций, за исключением жутких живых изгородей.

Как удалось V корпусу сломить оборону немцев? Один из решающих факторов — энергетика атаки, которая заражает солдат, боевая мощь наступления. Но этого мало для достижения победы. У рядового рейнджера Карла Уиста есть свой ответ на этот вопрос. В интервью он рассказал о своем ротном командире капитане Джордже Уиттингтоне.

«Это был необыкновенный человек, решительный, уверенный в себе, настоящий лидер. За ним шли люди. Однажды, наверное, через неделю после дня «Д», мы подстрелили корову, нарубили мяса и жарили его на костре. Подошел капитан Уиттингтон, бросил у огня немецкий сапог и сказал:

— Клянусь, что какой-нибудь сукин сын сейчас его ищет. Мы взглянули в сапог: в нем

была нога».

В тот же день Уист слышал, как начальник штаба 5-го батальона рейнджеров майор Ричард Салливан делал выговор капитану Уиттингтону за его некорректное поведение.

Уиттингтон ответил Салливану:

— Вы сами видели немало этого на тех проклятых пляжах. А теперь скажите, как вы, черт возьми, собираетесь поднимать людей в атаку.

В день «Д» Уист принял свой первый бой. Он провоевал в отрядах рейнджеров еще одиннадцать месяцев. По его мнению, правильно, что в первых эшелонах десантников, как и предполагало командование, практически не было ветеранов сражений, поскольку пехотинец, прошедший через бои, — уже напуганный пехотинец: «Впереди должны идти парни, которые еще не нюхали пороха. Они делают это зачастую просто из любопытства. Чем дольше ты воюешь, тем больше думаешь о том, что завтра может наступить твой черед».

И последнее замечание Уиста: «На войне лучше всего быть солдатом или полковником, а может быть, кем-нибудь и повыше рангом. Остальные должны становиться лидерами».

Да, на «Омахе» такие лидеры были.

25. «Это было потрясающе»

Вторая половина дня на «Омахе»

К часу или двум дня большая часть немецких ДОСов на берегу и скалах была выведена из строя эсминцами, танками или пехотой. Это значительно уменьшило интенсивность пулеметного огня. Но снайперы продолжали обстреливать пляжи. Запутанная система траншей позволяла немцам вновь занимать ранее оставленные позиции и возобновлять огонь.

Берег по-прежнему обстреливался артиллерийскими орудиями, установленными в глубине материка или на флангах. Они направлялись с наблюдательных постов. Но и беспорядочная стрельба создавала проблемы. Пляжи все еще были плотно забиты техникой, и любой снаряд мог легко попасть в цель.

Капитан Оскар Рич служил корректировщиком огня в 5-м батальоне полевой артиллерии. Он шел на ДСТ со своим разобраным самолетом «Л-5». Капитан высадился в секторе «Изи-Ред» в 13.00. Вот что предстало перед его глазами уже с расстояния ста ярдов от берега:

«По всему пляжу горели грузовики, танки, что только не горело. На берег выгружались боеприпасы. У прибоя стоял целый штабель 20-литровых канистр с бензином. Может быть, 500 канистр. В них врезался снаряд. Какой раздался взрыв!»

«Я никогда в жизни не видел такого хаоса, — рассказывает Рич. — Но того, что я ожидал, не было. Никакой паники, истерики. Люди на берегу вели себя так, как будто занимались обыденными делами. «Сибиз» регулировали движение техники, направляли войска к выездам. Они напомнили мне полицейских, управляющих потоками транспорта во время парада 4 Июля».

Когда ДСТ кружило около берега, выискивая место, куда подойти, в носовую часть корабля ударил минометный снаряд. Шкипер, младший лейтенант, двинулся к прибою. Комендант десанта махнул рукой, чтобы мы отошли назад. Шкипер забыл сбросить якорь, «и мы потратили уйму времени на то, чтобы сползти с мели, на которую успели наскочить».

«Мне было жаль этого шкипера, — вспоминает Рич, — который выглядел очень расстроенным. Он спросил меня:

— Лейтенант, вы умеете управлять кораблем? И я сказал:

— Парень, я всю жизнь их водил.

По правде говоря, самым большим судном, которое я более-менее знал, был речной ялик.

— Вы бы хотели повести этот корабль? — снова обратился ко мне шкипер.

— Черт меня побери, если я этого не сделаю! — ответил я. Я подозвал одного из матросов, — продолжает свои воспоминания капитан Рич, — и сказал:

— Сынок, у тебя сейчас одно-единственное дело. Он спросил:

— Какое? И я сказал:

— Когда мы подойдем к берегу на сто ярдов, ты сбросишь якорь, независимо от того, что я буду тебе говорить».

ДСТ снова направилось к прибою. Матросы спустили носовую рампу, несмотря на то что по кораблю ударил еще один снаряд, попавший в машинное отделение. Два джипа, стоявшие на палубе, съехали. К великому неудовольствию Рича, они «забыли подцепить мой самолет», а у самого капитана не было никакого транспорта. Но подъехал на бульдозере «сиби», взял на буксир самолет, вытянул его на берег, сказал, что «у него есть и другие дела», пожелал Ричу удачи и удалился. «И я остался один со своим самолетом, — говорит капитан, — без механика, средств передвижения, без какой-либо помощи».

Рич заметил коменданта десанта: «Ему на вид было не больше 25 лет. Хорошо смотрелись загнутые кончиками вверх усики. И сам он, восседавший в кресле на пляже. Перед ним стояла рация, лежали на песке полдюжины телефонных аппаратов. Вокруг него крутилась целая команда помощников и рассыльных. Похоже, что он заправлял здесь всеми делами. К нему без конца подходили люди, требовали одно, другое, третье. Но комендант сохранял полную невозмутимость. Он что-то говорил, и толпа расходилась. Он был всего лишь лейтенантом. Но к нему обращались армейские полковники и генералы, требовали то или это, а комендант просто отвечал:

— Извините, но у меня этого нет. Вам придется обойтись тем, что у вас есть.

Они недоуменно покачивали головами и отходили».

«Когда комендант видел свободное место у прибою, он сразу же давал указание подвести туда десантное судно. Распоряжался убрать танк, который загораживал проезд другой техники. Направлял бульдозеры расчистить завалы. Он фактически руководил всеми, всей деятельностью на берегу. Я не знаю его имени, но в ВМС, уверен, должны им гордиться. Он делал огромное и важное дело».

Рич сказал коменданту, что ему нужна машина, чтобы вытянуть самолет с берега. «Он ответил:

— Вон там стоит джип. Правда, без водителя. Можете его забрать».

Рич подцепил самолет и еле протиснулся через «пробку» на пляже к выезду «Е-1». Затем он поехал вверх по ложбине. Возможно, капитан был первым, кто поднялся на плоскогорье с самолетом-корректировщиком. Выезд только что открылся.

Наверху Рич отыскал яблоневый сад у Сен-Лорана, в котором он должен был собрать свой самолет. Без механика дело подвигалось медленно. Время от времени к нему подходили любознательные «джи-айз», любившие покопаться в технике. Но сержант или офицер

непременно отгоняли их, и тогда Рич снова остался наедине со своим «Л-5». Только к ночи ему удалось подготовить корректировщик к полетам.

Ричу повезло. Немецкая артиллерия и минометы обстреливали прежде всего выезды. Во второй половине дня огонь усилился. Адмирал Чарлз Кук и генерал-майор Том Хэнди из военного министерства, наблюдавшие за высадкой с борта «Гардинга», решили поближе познакомиться с тем, как развиваются события. Они перебрались сначала на ДСП, потом на ДССК, которое по коридору, проделанному в заграждениях, доставило их на берег.

«Прибой был завален разрушенными судами и подбитыми танками, грузовиками, — вспоминает адмирал Кук. — На пляжах лежали тела убитых и раненых».

Хэнди направился вправо, Кук — влево. Вокруг взрывались снаряды, забрасывая их песком. То и дело им приходилось падать ничком на землю. Кук получил легкое ранение шрапнелью. Часа через два они встретились и решили вернуться на корабль, потому что, как сказал Кук, «обстрел становился все интенсивнее, жертв — все больше, и для нас самым благоразумным было покинуть берег».

Лейтенант Вине Шлоттербек из 5-й специальной инженерной бригады провел семь часов на ДСТ, которое кружило в море вне досягаемости немецких орудий, ожидая благоприятной возможности подойти к берегу. Как и другие капитаны, шкипер отрубил аэростат заграждения. В небе не было немецких самолетов, а аэростаты указывали противнику на цель для поражения. Шлоттербек все это время сидел на штурмовом трапе, вглядываясь в то, что происходит на пляжах.

«Подводные заграждения были хорошо различимы, — вспоминает лейтенант, — так как прилив еще не поднялся до самой высокой отметки. По берегу словно прошел ураган. Такого скопления разрушенных судов я еще не видел. У прибоя торчали подбитые и полузатонувшие танки. Я насчитал два или три танка, на поддержку которых мы еще как-то могли полагаться».

В 18.30 ДСТ попыталось подойти к берегу: «Мы сразу же наскочили на отмель, и нам пришлось дать задний ход, потому что вокруг было довольно глубоко. Только мы сдвинулись с отмели, как по тому месту, где мы стояли, ударил снаряд». Шкипер отыскал проход между заграждениями и снова направился к прибою: «Но перед нами подорвался большой корабль, груженный боеприпасами. Он полыхал, как грандиозный фейерверк». Наконец шкипер обнаружил подходящий для высадки участок в секторе «Фокс-Ред»: «Мы не успели туда подойти. Нас обогнало ДСП, загородив нам проход через заграждения. Мы снова залетели на мель. На этот раз прочно».

«Наши двигатели работали на предельных оборотах, — продолжает вспоминать Шлоттербек. — Судно готово было развалиться на куски от вибрации. Мы опустили кормовой якорь и стали его выбирать. Но он только рыл песок, а мы не сдвинулись ни на дюйм. Двигатели стучали как бешеные. Но все впустую».

Тем временем ДСП, которое обогнало ДСТ Шлоттербека, опустило рампу, и пехотинцы начали сбегать на берег: «Внезапно прямо среди них взорвался снаряд. Мы этих ребят больше не видели. Потом один снаряд упал впереди судна, другой — в центре, а третий — за кормой».

ДСТ Шлоттербека вызволил нараставший прилив. Офицеры посовещались, что делать: ждать, когда прилив наберет полную силу, или попытаться еще раз подойти к прибою.

«Все были за то, чтобы как можно скорее высадиться на берег, — говорит Шлоттербек. — Никому не хотелось делать это в полной темноте. И около 20.00 мы нашли хорошее место для высадки».

Лейтенант одним из первых сошел на пляж. «Я всегда думал о том, что мне придется столкнуться с жуткими вещами, — рассказывает Шлоттербек. — Хорошо, что я подготовил себя к этому. Увидеть столько убитых, конечно, страшно. Но еще ужаснее было смотреть на то, как раненые пытались найти хоть какую-то возможность попасть на транспортный корабль. Они ходили по берегу и спрашивали об этом почти каждого встречного. Парни с тяжелыми ранениями старались поддержать друг друга. Хотя, конечно, все они должны были находиться на санитарных носилках».

Шлоттербеку пришлось идти чуть ли не по трупам, чтобы добраться до скалы: «Один раз я едва не наступил на еще живого солдата. Я только занес ногу, как он открыл глаза. Я готов был выскочить из самого себя, чтобы обойти его».

Рядовой М. К. Маркие из 115-го полка рассказал о не менее тяжелом случае. На борту ДССПЛС он обменялся ботинками с капралом Терри: «Нам показалось, что по размеру его ботинки больше подходят мне, а мои — ему». Когда они поднимались на скалу, капрал шел впереди и наступил на мину. Маркие видел только, как разорвался ботинок и оголилась ступня. «Обходя Терри, — вспоминает Маркие, — я крикнул ему:

— Пока!

Я до сих пор думаю о том, добрался он до госпиталя или нет».

Навстречу Маркису спускались около дюжины немецких пленных, которых конвоировал «джи-ай»: «Это были первые немцы, которых я видел воочию. Они вовсе не выглядели грозными вояками».

Сверху скатился американский солдат, раненный снайпером. К нему кинулся медик. Снайпер выстрелил и в него, перебив ему руку.

— Эй, — закричал рассерженно врач, — ты не должен стрелять в медиков!

Маркие со своим отделением поднялся на вершину и направился в сторону Сен-Лорана, где в это время шли бои. Как раз в тот момент, когда они прибыли, по деревне ударили корабельные орудия. На Маркиса посыпались камни. Рядом рвались немецкие минометные снаряды. Отделение отошло и окопалось у живых изгородей.

На берегу, несмотря на артобстрел и снайперов, команды подрывников продолжали расчищать проходы в заграждениях. Когда прилив схлынул, они начали взрывать «бельгийские ворота» и пирамидальные противотанковые надолбы. К вечеру были открыты тринадцать

коридоров. «Морские пчелы» ликвидировали почти треть заграждений.

Инженерно-саперные войска тем временем готовили для техники выезды. Они взрывали бетонные противотанковые барьеры, обезвреживали мины, заполняли песком и камнем противотанковые рвы, укладывали проволочные сети для прохождения грузовиков и джипов. К 13.00 открылся выезд «Е-1».

Движение началось сразу же. Часа через два возникла новая проблема: техника, поднимавшаяся на плато, не могла пройти дальше в глубь материка из-за того, что дорожный перекресток у Сен-Лорана все еще удерживался немцами. Грузовики, танки, джипы, полугусеничные установки сгрудились бампер к бамперу от берега до плато. В 16.00 саперы проделали обходную дорогу, и движение возобновилось. В 17.00 открылся выезд у Вьервиля («Д-1»), что позволило еще больше разгрузить транспортную «пробку» на пляжах.

На плоскогорье вышли танки, грузовики, джипы. Не хватало только артиллерии. К вечеру высадились отдельные подразделения пяти артиллерийских батальонов, но под огнем противника они потеряли двадцать шесть орудий и почти все оборудование. За исключением одной операции, проведенной 7-м батальоном полевой артиллерии, американская малокалиберная пушка, «царица полевых сражений», не участвовала в боях в день «Д». Две зенитные батареи так и не высадились. Им пришлось ждать дня «Д» плюс один. Было потеряно более пятидесяти танков: одни затонули, другие немцы подбили на берегу.

В день «Д» планировалось доставить на «Омаху» 2400 т различных предметов материально-технического, продовольственного, боевого и другого обеспечения. Дошли до места назначения только 100 т. Большую часть того, что было выгружено, уничтожили немецкие снаряды. Войскам на плато пришлось обходиться тем, что они принесли на своих спинах. Солдатам недоставало прежде всего трех вещей: патронов, пайков и сигарет. Некоторые подразделения ждали их до дня «Д» плюс два. Рейнджеры Пуант-дю-О «затягивали пояса» до 9 июня.

Несмотря на артобстрел, заграждения, свалку на берегу, всю вторую половину дня «Д» подходили десантные суда с танками и войсками. лейтенант Дин Рокуэлл в час «Ч» уже привел флотилию ДСТ и выгрузил тогда первые танки. В 14.00 он прибыл на «Омаху» с новым грузом. Моряк оказался в не менее опасной ситуации, чем утром: «Мы прошли вдоль берега сотни ярдов в поисках коридора через заграждения. Один раз мы попытались просунуться к берегу, но сразу же наткнулись на мину. От ее взрыва полетел механизм спуска и подъема ramпы».

Рокуэлл все-таки вывел судно к прибою, но повреждение ramпы не позволяло выгрузить танки и трейлеры. «Но мы могли посадить наших бедных солдат, — говорит моряк. — Они были из медицинской службы. Должен сказать вам, я еще не встречал людей, которые бы так не хотели идти на берег, как эти ребята. И действительно, пляжи были заполнены войсками, которые пытались укрыться от огня противника. Немцы забрасывали их минометными снарядами откуда-то за вершиной скалы. В воздух взлетали тела, тучи песка, грязи и обломков. Все же нам пришлось посадить наших бедных солдат. Нам было их очень, очень жалко. И мы благодарили Бога за то, что мы пошли служить на флот, а не в армию».

Эрнест Хемингуэй, корреспондент «Колльер'с», прибыл на «Омаху» с седьмым эшелоном

на ДССПЛС, которым командовал лейтенант Роберт Андерсон из Роанока, штат Виргиния. Хемингуэй судно напостило железную ванну. ДСТ он сравнил с грузовой гондолой. Только ДСП, согласно Хемингуэю, «выглядели как суда, сделанные для того, чтобы ходить по морям»: «Они по крайней мере имели очертания почти как у корабля». Ла-Манш был заполнен «железными ваннами», «гондолами» и другими кораблями, но, как писал Хемингуэй, «немногие из них приближались к берегу»: «Они начинали двигаться к прибою, а затем отходили назад».

В то время, когда ДССПЛС Андерсона шло к «Омахе», над судном пролетали снаряды с «Техаса», который обстреливал противотанковые заграждения на одном из выездов. Хемингуэй писал в своем репортаже «Путь к победе» («Колльер'с», 22 июля 1944 г.): «Те из наших солдат, кто еще не позеленел от морской болезни, с изумлением и восторгом смотрели на «Техас». В своих стальных касках они напоминали вооруженных копьями ратников Средневековья, к которым вдруг на помощь пришло огромное мифическое чудовище». Хемингуэй отметил, что «громатные орудия грохотали так, как будто они выбрасывали железнодорожные вагоны».

Андерсон не мог найти свой сектор высадки — «Фокс-Ред». Хемингуэй пытался ему подсказывать. Они даже поспорили по поводу ориентиров на местности. Один раз Андерсон уже направился было к берегу, но его встретил сильнейший огонь.

— Разверни нас, к черту, и выведи отсюда! — заорал он рулевому. ДССПЛС отошло назад и начало кружить.

Хемингуэй видел пехотинцев, взбиравшихся на скалу: «Они передвигались медленно, тяжело, словно Атланты, несущие на своих плечах весь мир. Они не стреляли. Они просто шли... тихо, трудно и устало».

«В это время эсминцы, чуть ли не вылезая на берег, начали сбивать ДОСы на скалах из своих пятидюймовых орудий. Я видел в фонтане взрыва часть тела какого-то немца с одной рукой. Этот обрубок размером около метра вознесся высоко в воздух. Это напостило мне сцену из «Петрушки».

Наконец Андерсон подвел судно к берегу. Подошли к прибою и другие двадцать три ДССПЛС с «Дороти Дике». Шесть судов подорвались на минах или попали под огонь немецкой артиллерии. Хемингуэй пишет в заключение: «Это была лобовая атака с высадкой на побережье, заминированное и заставленное самыми разными заграждениями и препятствиями, которые только может придумать изощренный военный ум. Противник защищался упорно и искусно, как бы это делал любой другой на его месте. Но суда с «Дороти Дике» сумели высадить войска. Мы не потеряли ни одного судна из-за неумелого мореходства. Несколько судов погубили немцы. Но мы овладели берегом».

Капитан Джеймс Роберте, помощник генерала Джероу, высадился в секторе «Изи-Ред» в 17.00. «Когда мы подходили к берегу, — вспоминает он, — на нас обрушился артиллерийский огонь. Осколками снарядов убило несколько человек, в том числе шкипера ДСП. Одновременно судно село на мель, а мы все еще находились от прибоя на расстоянии ста ярдов. Возникла паника. Я тоже запаниковал. На стальной палубе не выроешь окоп, и укрыться практически было негде».

Роберте прыгнул с борта и по грудь в воде побрел к берегу: «На пляжах творилось что-то несусветное. Это был настоящий ад. Повсюду тела погибших десантников. Над ранеными склонились медики. Я проходил мимо танка и услышал крики:

— Морфин! Морфин!

Танк горел, и те, кто в нем находился, молили о помощи. Я ничего не мог для них сделать, и это было ужасно».

Снаряды взрывались по всему берегу. Роберте постарался поскорее с него уйти. Ему предстояло развернуть у Сен-Лорана командный пункт. Когда он взбирался по скале, по нему открыл огонь снайпер. Пули пролетали над головой. Роберте попытался выстрелить, но карабин оказался забит песком. Капитан укрылся в окопе, чтобы почистить оружие. Когда карабин заработал, снайпер уже исчез.

Роберте поднялся наверх. Он не смог найти никого из своей штабной роты: «У меня не было рации, и я остался не у дел». Капитан вернулся на гребень скалы и посмотрел на море: «Это было потрясающее зрелище. Насколько хватало глаз, растянулись эскадры кораблей».

Вскоре Роберте все-таки встретил свою роту и развернул командный пункт V корпуса на северной окраине Сен-Лорана. Кто-то принес палаточное снаряжение. Роберте поставил двухместную палатку для генерала Джероу. Генерал прибыл около 21.00. Его беспокоили отсутствие связи и возможность танковой контратаки. У V корпуса не было никаких контактов ни с британской 50-й дивизией на левом фланге, ни с американским VII корпусом — на правом (и с рейнджерами у Пуант-дю-О, кстати). Если бы немцы контратаковали, то V корпусу пришлось бы туго.

Роберте был обеспокоен безопасностью генерала. Передовая линия отстояла от штаба корпуса всего на полкилометра, что «никак не соответствовало военным инструкциям».

Когда стемнело, Роберте разорвал пакет с полевым пайком и первый раз за весь день перекусил. Он раздобыл солдатское одеяло и укрылся под ним на ночь в кювете. Ему не спалось. Капитан думал: «Какой выдался денек! Если так будет и дальше, то мне войну не пережить».

Немецкого контрнаступления не было. Планы сражения, продуманные Роммелём на день «Д», остались неосуществленными. Тому много причин.

Первая. Фактор внезапности. В результате обманных действий операции «Фортитюд» немцы сосредоточили все свое внимание на Па-де-Кале. Они были уверены, что именно здесь произойдет главное сражение. Поэтому германское командование сконцентрировало основные бронетанковые силы на севере и на востоке бассейна реки Сены. Отсюда их было трудно перебросить для проведения контрнаступления в Нормандии.

Вторая. Замешательство. У немцев отсутствовала разведка с воздуха. Их совершенно запутали выбросы парашютистов в самых неожиданных местах, то здесь, то там, то где-нибудь

еще. Телефонные линии перерезали бойцы Соппротивления. Командующие армиями, корпусами, дивизиями и даже отдельные полковые командиры находились на штабных учениях в Ренне. В результате немецкие войска оказались не только без достоверной информации, но и без лидеров. Не было на месте самого главного командующего — Роммеля, который добирался до Ла-Рош-Гийон на автомобиле. Еще одна плата за то, что немцы потеряли контроль над воздушным пространством. Роммель не осмелился воспользоваться самолетом.

Третья. В высшем военном командовании Германии царил полный хаос. Гитлер не доверял своим генералам, военачальники недолюбливали фюрера. Эта взаимная вражда была «королевским подарком» для союзников, точно так же, как привычка Гитлера много спать и строить воздушные замки (Wölkenskuckucksheim).

Правильно оценил и отреагировал на кризисную ситуацию лишь фельдмаршал Рундштедт, пожилой человек, «свадебный генерал», которым пренебрегали и Гитлер, и Верховное командование вооруженными силами Германии (Oberkommando des Wehrmacht — ОКВ). Еще за два часа до морского десанта он приказал, чтобы две резервные бронетанковые дивизии (12-я СС и «Лер») незамедлительно вышли в направлении Кана. Фельдмаршал принял такое решение, интуитивно понимая, что сброс парашютистов не является отвлекающим маневром (как в этом убеждали его некоторые штабисты). Он был уверен, что за ним последует высадка с моря: в Нормандии, либо на Кальвадосе, либо на Котантене. Рундштедт хотел послать «броню» именно туда.

Фельдмаршал не ошибался в оценке планов союзников. Он действовал решительно и четко. Но бронетанковые дивизии ему не подчинялись. Они являлись резервом ОКВ. Чтобы выиграть время, Рундштедт сначала приказал им выдвинуться, а затем запросил в ОКВ одобрения своих действий. В ОКВ не согласились с его решением. В 7.30 Йодль информировал Рундштедта, что дивизии не могут быть задействованы до тех пор, пока не поступит распоряжение Гитлера. А фюрер спал. Фельдмаршалу пришлось отменить свой приказ. Гитлер спал до двенадцати часов.

Две бронетанковые дивизии ждали дальнейших указаний все утро. Небо было закрыто тяжелыми облаками, и они могли бы продвигаться, не опасаясь ударов с воздуха. Только в 16.00 Гитлер разрешил использовать танковый резерв. К этому времени облака рассеялись, и союзнические истребители и бомбардировщики уничтожали все, что перемещалось внизу. Танкисты прятались в придорожных лесах в ожидании темноты, чтобы пойти дальше.

— Это замечательно, — сказал Гитлер, когда ему сообщили о вторжении в Нормандии. — Пока войска противника находились в Британии, мы не могли их уничтожить. Сейчас они здесь, и нам ничего не стоит их ликвидировать.

Фюрер под Зальцбургом устраивал прием для нового венгерского премьер-министра: на нем должны были присутствовать дипломаты не только из Венгрии, но и из Болгарии и Румынии. Им предстояло выслушать нотации Гитлера насчет того, что надо больше вкладывать в военную экономику Германии. Фюрер вошел в зал сияющий и воскликнул:

— Наконец началось!

После приема он подозвал к карте Франции Геринга и сказал:

— Они высаживаются здесь и здесь, именно там, где мы и ожидали!

Геринг не стал отрицать откровенную ложь. Министру нацистской пропаганды Геббельсу сообщили о сбросе парашютистов в 4.00.

— Слава Богу, наконец, — сказал он. — Это последний раунд.

Причины, почему Гитлер и Геббельс восприняли высадку союзников с некоторым облегчением, объясняет один из помощников Геббельса, который 10 апреля 1944 г. записал в своем дневнике: «Вопрос о том, произойдет вторжение союзнических войск на Западе или нет, доминирует на всех политических и военных совещаниях. Геббельс опасается, что союзники пока не осмелятся на этот шаг. Для нас промедление будет означать бесконечное, изнурительное ожидание, что, безусловно, скажется на выдержке и боеспособности наших войск. Наш военный потенциал не увеличивается, а сокращается. С каждым новым воздушным налетом уменьшаются запасы горючего». Нацистов раздражало то, что союзники наращивают свои силы в Англии, а люфтваффе и вермахт не в состоянии нанести по ним удар. Теперь их войска оказались в пределах досягаемости.

Но Гитлеру больше хотелось бомбить Лондон, нежели вести оборонительную войну. Для этого у него имелось оружие — самолет-снаряд V-1. Его испытали еще накануне Рождества в 1943 г. К июню 1944 г. снаряд был готов к запускам. V-1 представлял собой самолет с реактивным двигателем, способный нести боеголовку весом в одну тонну. Высокой точностью попадания снаряд не отличался (из 8000 снарядов, пущенных по Лондону, только 20 процентов достигли этого крупного города). Однако у него были хорошая дальность полета (250 км) и скорость 700 км в час, что делало самолет недоступным и для союзнической авиации, и для зениток.

Во второй половине дня 6 июня Гитлер приказал начать обстрел Лондона снарядами V-1. Но, как это уже случалось, его распоряжение выполнили не сразу. Потребовалось шесть дней, чтобы доставить катапультные установки с замаскированных складов на побережье. Пуски начались только 12 июня, и они завершились полным фиаско. Из десяти V-1 четыре разбились непосредственно после старта, два бесследно исчезли, три упали в полях и только один разрушил железнодорожный мост в Лондоне.

И все же V-1 представлял потенциальную угрозу. Союзникам повезло, что Гитлер выбрал не ту цель. Тревожащие бомбардировки Лондона могли вызвать бессонные ночи и даже навести страх, но в военном отношении они были малоэффективны. Если бы Гитлер направил снаряды против десантников на берегу и искусственных портов в Нормандии, которые к 12 июня заполнились войсками, техникой, кораблями, то «оружие возмездия» (как назвал V-1 Геббельс) в какой-то мере удовлетворило бы жажду мщения фюрера.

В день «Д» Гитлер неразумно использовал как потенциал своего стратегического оружия, так и тактические возможности организации контрнаступления. Его отношения с командующими резко контрастировали с поведением Черчилля и Рузвельта, которые не позволяли себе указывать генералам и адмиралам, что им делать. Эйзенхауэр принятие решений полностью доверил своим подчиненным.

6 июня Эйзенхауэр был на ногах в 7.00. Его военно-морской помощник Гарри Батчер доложил, что воздушные десантники уже выбросились и полным ходом идет морская высадка. Когда Батчер пришел в трейлер, Эйзенхауэр сидел на кровати и читал какой-то вестерн. Генерал умылся, побрился и направился в оперативный отдел Верховной ставки. Эйзенхауэр выслушал дискуссию по поводу того, когда лучше выпустить коммюнике о том, что союзники захватили береговой плацдарм (Монтгомери настаивал на том, чтобы дождаться момента, когда будет полная ясность, что десантники закрепились на побережье), но не стал вмешиваться в споры.

Эйзенхауэр составил краткую записку Маршаллу, уведомляя начальника Генштаба о том, что все, похоже, идет нормально. Он сообщал, что британские и американские войска, которые генерал видел накануне, полны энтузиазма, настроены наступательно и хорошо подготовлены. «В глазах солдат горел огонь сражения», — отметил главнокомандующий.

Эйзенхауэра скоро утомила нескончаемая болтовня в палатке оперативного отдела, и он пошел к Монтгомери. Британский генерал сидел в свитере и с какой-то непонятной ухмылкой на губах. Монтгомери казался слишком занятым, чтобы уделить много времени Верховному главнокомандующему: он готовился на следующий день пересечь Ла-Манш и развернуть на том берегу свой штаб. Все же Эйзенхауэр и Монтгомери успели накоротке переговорить.

Затем Эйзенхауэр нанес визит адмиралу Рамсею в Саутуик-хаус. «У моряков все было в порядке, — записал Батчер в дневнике. — Об этом свидетельствовали широчайшие улыбки обоих командующих».

В полдень Эйзенхауэр вернулся в палатку оперативного отдела, где с нетерпением разглядывал карты и слушал тревожные новости, приходившие с «Омахи». Потом он пригласил некоторых избранных журналистов в свой покрытый брезентом и отделанный сосной трейлер и ответил на вопросы. В какой-то момент верховный главнокомандующий встал из-за маленького столика и начал ходить взад-вперед. Он посмотрел в открытую дверь, ослепил всех своей знаменитой улыбкой и произнес: «Глядите, солнце!»

Остальную часть дня генерал провел, вышагивая по своему небольшому трейлеру. Он постоянно следил за информацией, поступавшей с «Омахи», «Юты», британского и канадского участков побережья. Поужинав, Эйзенхауэр улегся пораньше, чтобы хорошенько выспаться.

В день «Д» Верховный главнокомандующий не издал ни одного приказа. Гитлер выпустил два, и оба ошибочных.

С наступлением сумерек на «Омахе» не прекращался прерывистый артобстрел. На ночь десантники укрывались, где могли: кто зарывался в песок на пляжах, кто укладывался возле дамбы, кто находил убежище в живых изгородях. Возникали тревоги, вспышки огня. Тыла как такового в день «Д» не было.

И все же обстановка стала значительно спокойнее. Лейтенант Генри Сейтслер служил передовым наблюдателем в 9-й американской военно-воздушной армии. Ему пришлось выслушать «немало каверзных и издевательских слов от своих товарищей по поводу авиации, которая не сделала того, что обещала, — не разбомбила берег как следует». «Я тут, конечно,

был ни при чем, — говорит лейтенант. — Им надо было просто над кем-то поиздеваться».

«Для меня самая большая проблема состояла в том, как остаться в живых, — рассказывает Сейтслер. — Я начал заниматься своими непосредственными делами только в день «Д» плюс три. Но я высадился в час «Ч» плюс два и оказался в самом пекле. У меня тогда не существовало никаких других забот, кроме как выжить. Мне же не было замены».

К вечеру Сейтслер и еще несколько человек из берегового отряда решили раздобыть чего-нибудь съестного: «Мы забрались на сгоревшее ДСП. Разыскали кладовку. Господи, это было нечто. Она совершенно не пострадала от огня. Мы вынесли оттуда все, что могли, и устроили себе роскошный ужин под дамбой. Моряки на самом деле жили неплохо. У нас были курица, индейка, ветчина. У нас было все, о чем можно только мечтать. Мы жрали, как свиньи, потому что к этому времени совершенно изголодались».

Чтобы завершить пикник, компании десантников не хватало кофе. Они разожгли небольшой костер возле галечной стенки, подобрав уцелевшие от дачного домика доски. И сварили «Нескафе».

У Сейтслера незамедлительно возникли проблемы. По инструкции во время темноты все должны оставаться в окопах. Любое передвижение прекращалось выстрелами. Но «Нескафе» подействовал на лейтенанта как мочегонное средство.

«У меня появились серьезные трудности. Это я вам говорю. Если я буду шуметь или сделаю что-нибудь в этом роде, то меня застрелят. Я вылезал из окопа, опорожнялся и скатывался обратно. Несколько раз я это делал в банки, выбрасывал их, тихо и незаметно. Я прозвал свои неуклюжие действия «канализационными муками». Но с тех пор я просто не могу не только пить, но и видеть «Нескафе».

На следующее утро рядовой Роберт Хили из 149-го батальона армейских саперов с приятелем решили спуститься вниз со скалы, чтобы разыскать свои потерянные ранцы. У Хили кончились сигареты, и он помнил, что в вещевом мешке должен был сохраниться блок, упакованный в водонепроницаемую пленку.

Ветеран рассказывает: «Когда мы сошли на пляж, перед нами открылось невообразимое зрелище. У прибоя волны выбрасывали всякое разное снаряжение. Все, что угодно. Теннисные ракетки, гитары, противогазы, штурмовые куртки, вещевые ранцы... Мы нашли оливки и съели их с большим удовольствием. Потом разыскали и мой ранец, но в нем уже не было сигарет».

«Возвращаясь обратно, я натолкнулся на одного солдата. Это останется в моей памяти на всю жизнь. Он лежал на песке, раскинув руки. Рядом с ним была книга. Казалось, что он все еще ее читает. Это была небольшая книжка в мягкой обложке...

Это была книжка Корнелии Отис Скиннер «Наши сердца были молоды и жизнерадостны». В ней как бы отразилось то, во что мы попали. Наши души оставались юными и жизнелюбивыми, потому что мы ощущали себя бессмертными. Мы верили в то, что делаем великое дело, борясь с нацизмом и освобождая от него весь мир».

26. Мир затаил дыхание

День «Д» на домашних фронтах

В 7.00 по военному времени горных штатов (13.00 во Франции) три ковбоя-подростка прискакали к кафе «Мекка» с запада Монтаны в столицу штата Хелину. Накануне они записались служить в ВМС. Парни чувствовали себя хозяевами положения, дурачились, и их поведение, конечно, было вызывающим. «Чего-нибудь выпить и закусить, и сейчас же!» — орали они на весь зал. Официантки и те, кто сидел за столиками в кафе, понимали, что ребятам предстоит, возможно, впервые покинуть свой родной штат. «Моряков» простили за их шум и гам. Ковбоев обслужили по первому разряду, а посетители кафе, выслушав их горячие вопли, вернулись к остывшим чашкам кофе.

Кто-то включил радио: «Верховный штаб Союзнических экспедиционных сил объявляет, что вторжение началось. Повторяем, пришел день «Д».

В кафе находился репортер местной газеты «Хелина индипендент рекорд». Он написал: «Сообщение сначала все выслушали с недоверием. В зале повисла такая тишина, которую никто не хотел потревожить. Про еду забыли. Никто ничего не требовал. Все только слушали и ждали дальнейших новостей».

* * *

До изобретения телеграфа известия о войне, даже внутри страны, доходили до людей с большим опозданием. Американцы в 1861–1865 гг. узнали о сражениях в Пенсильвании и Миссисипи из сводок в печати. Газеты сообщали о битвах и давали нескончаемые списки погибших. Бои под Геттисбергом и Висксбергом происходили почти одновременно. В июле 1863 г. практически каждая американская семья ждала вестей с фронта о сыне, муже, внуке, брате, сестре, дяде, друге или подруге. Ждали, тревожились и молились за них, ждали и молились.

Нечто подобное американцы переживали и во время Первой мировой войны. В годы Второй мировой войны коммуникации стали более совершенными. Американцы, чьи родные и близкие сражались на Тихом океане, в Северной Африке или в Италии, уже могли слушать радиопередачи и смотреть хронику о битвах, пусть даже урезанную цензорами (удалялись обычно кадры о погибших и раненых). Но в хрониках ничего не говорилось о родных и близких. Семьям оставалось лишь ждать, когда в дверь постучит почтальон.

Можно сказать, что в дне «Д» участвовали почти все американцы. Фермеры поставляли продовольствие. Рабочие собирали самолеты, танки, изготавливали снаряды, автоматы, винтовки — все, что требует война. Тысячи добровольцев помогали упаковывать и отправлять на фронт снаряжение, продукты, технику, оборудование.

Эндрю Джексон Хиггинс верно уловил значимость события. В день «Д» он был в Чикаго. Хиггинс отправил в Новый Орлеан целое послание: «Свершилось то, чего мы все ждали. Сейчас подвергаются серьезному испытанию творения наших рук, умов, сердец. Всех нас вдохновили

сообщения о том, что союзнические войска высаживались на континент на наших судах. Знайте, что в Нормандии сражаются и военные облигации, которые вы покупали, и кровь, которую вы сдавали».

Вторжение стало возможным благодаря труду рабочих судоверфей «Хиггинс индастриз», оборонных заводов страны. У них была работа, что было счастьем для поколения, пережившего депрессию. И им хорошо платили (но никто, конечно, не разбогател на почасовых тарифах).

Полли Кроу достались ночные смены на верфи компании «Джефферсон боут» под Луисвиллом в штате Кентукки. Она помогала строить ДСТ. У Полли появились сбережения (о чем молодая семья могла только мечтать в годы депрессии), и она решила сообщить о них мужу на фронт: «У нас сейчас на счете в банке 780 долларов и, кроме того, пять бон. Я думаю, что смогу заполнить деньгами наш кабриолет, как только приведу его в порядок».

Чтобы заработать такие деньги, миссис Кроу пришлось выстаивать десятичасовые смены. День она проводила со своим двухгодовалым сыном. Ночью ребенок оставался с бабушкой. Полли на добровольных началах помогала местному отделению Красного Креста. В их квартире жила со своей матерью еще одна женщина.

Таких, как миссис Кроу, были десятки тысяч. Стали нормой скороспелые браки. Венчались совсем юные пары. В моральной обстановке того времени парень, прежде чем вступить в сексуальные отношения с будущей женой, должен был вначале предстать перед священником.

Когда молодые мужья отправлялись на войну, их юные жены-девочки превращались в женщин. Им со своими младенцами приходилось ездить в душных или, наоборот, холодных и переполненных вагонах. Они быстро становились замечательными поварами и домохозяйками, учились тому, как вести финансовые дела семьи, ремонтировать автомашину, совмещать дом с работой на оборонном заводе и, конечно же, сочинять душевные письма мужьям-фронтовикам.

«Я сообщала ему обо всем, что делает наш малыш, — сказала в интервью одна молодая мама. — Только в письмах можно выразить все свои сокровенные чувства».

Женщины в военной форме — непривычное явление для американцев в 40-е годы. Но они были во всех родах войск, хотя и подвергались еще большей сегрегации, чем чернокожие солдаты. Уже сами названия служб, в которые брали женщин, говорят о снисходительном к ним отношении: Женская вспомогательная служба Сухопутных войск, Женский вспомогательный корпус ВВС, Женский вспомогательный паромный отряд, Женская добровольческая организация обслуживания ВМС (позднее, в 1944 г., ее стали называть Женским резервом ВМС).

Женщины на войне делали все, что и мужчины. Они лишь не участвовали в боях. Женщины служили писарями, администраторами, механиками, связистами, дешифровщиками аэрофотоснимков, метеорологами, летчиками-испытателями, водителями, поварами, сержантами-снабженцами. Всего не перечислишь. Эйзенхауэр считал, что без них он не смог бы выиграть войну.

Женщинам было нелегко. Им приходилось сносить грубые и плоские шутки солдат, хотя раненые никогда не обижали медсестер. Они выдержали не только насмешки, но и суровый военный быт. Вклад женщин Америки, работавших на фермах, заводах или служивших в армии, в день «Д», *sine qua* поп (нельзя отделить) от общего успеха операции по вторжению в Нормандию¹⁶⁵.

Для молодых мам, которые только-только познакомились со своими мужьями, день «Д» был особенно тревожным. Но волновались не только они. Почти у каждого американца кто-нибудь из родных или знакомых находился на Европейском театре войны — в армии, ВВС, ВМС или в береговой охране. Очень немногие знали, что их близкие — солдаты, моряки или летчики — сражались в день «Д» на побережье Нормандии. Однако ни у кого не было сомнения в том, что всем им рано или поздно придется попасть в пекло боев.

Теперь битва в Нормандии началась. Период наращивания сил прошел. Соединенные Штаты бросили на поле сражения все, что было создано и построено за последние три года. А это означало, что чей-то сын, брат, муж, племянник, друг, сослуживец уже попал на передовую или находится на пути к фронту.

И в Хелине, и в Нью-Йорке, и по всей стране американцы с нетерпением ждали сообщений по радио, выскакивали на улицу, чтобы купить свежие выпуски газет. Нация жаждала новостей о Второй мировой войне. Однако информация, которую американцы получали о дне «Д», была постыдно скудной.

Официальное агентство нацистов «Трансоушен» первым оповестило мир о вторжении. Ассошиэйтед Пресс подхватило информацию и распространило ее по своим каналам. Сообщение опубликовала «Нью-Йорк таймс», выпуски которой появились на улицах в 1.30. Но и газета не привела никаких подробностей. В 2.00 по военному восточному времени радиостанции прервали свои музыкальные программы кратким известием: «Германия объявила о том, что началось вторжение». Немцы передали информацию о морском сражении у Гавра и воздушно-десантной высадке в северных районах Сены (сброс парашютистов-манекенов). Комментаторы сразу же обратили внимание на отсутствие подтверждений из союзнических источников и предупредили, что, возможно, противник запустил «утку» для того, чтобы взбудоражить раньше времени французское Сопротивление, раскрыть эту организацию и ликвидировать ее бойцов.

В 9.32 в Лондоне (3.32 по военному восточному времени) Верховная ставка союзнических войск распространила краткое коммюнике генерала Эйзенхауэра, зачитанное его пресс-секретарем полковником Эрнестом Дюпюи: «Сегодня утром союзнические военно-морские силы при мощной поддержке авиации начали высадку союзнических армий на северном побережье Франции».

Верховная ставка также передала по радио в Нью-Йорк запись выступления Эйзенхауэра, его общевойсковой приказ. Это была блестящая речь, сильная как по тональности, так и по содержанию. Она объединила людей, поскольку накануне дня «Д» была передана по громкоговорителям на ДКТ и транспорте, а затем по радио на всю Америку.

В 4.15 по военному восточному времени Эн-би-си получила репортаж из Лондона от своего

корреспондента, который совершил вылет с 101-й воздушно-десантной дивизией. Все утро поступали сообщения с места событий от журналистов, которые шли вместе с войсками, а потом возвращались в Англию. Они видели много кораблей, самолетов, порохового дыма. Но в репортажах ничего не говорилось о том, что происходило на берегу.

Американцы с замиранием сердца вслушивались в каждое слово. Но они не получали того, чего ожидали. «Глупая болтовня радио выводила нас из себя», — вспоминает корреспондент «Нью-Йоркера» Юстас Тилли. Свежие сообщения поступали редко, их надо было ждать часами. А люди хотели каждую минуту знать о том, что творится в Нормандии. Поэтому радиокomentаторы без конца повторялись или пересказывали друг друга.

Журналисты жутко перевирали французские названия. Им явно не хватало географических уроков. Их военно-аналитические описания оказывались либо выдумкой, либо откровенной чепухой. Комментаторы зачастую просто-напросто отбалтывались, потому что им нечего было сказать. Они говорили о чем угодно, кроме одной интересовавшей всех проблемы, — о потерях. Это запрещалось Управлением военной информации (УВИ).

Скудость радиосообщений, конечно, можно отнести на счет инструкций УВИ. Но к этому приложила руку и цензура Верховной ставки Союзнических экспедиционных сил. Она не разрешала распространять сведения, которые как раз и интересовали американцев, — о том, какие дивизии, полки, эскадрильи, корабли участвуют в сражении дня «Д». Нельзя было упоминать места высадки. Позволялось лишь указывать, что она происходит на «побережье Франции». Такой секретности требовала операция «Фортитюд». Среди американцев в результате возрастала тревога за своих близких.

Если радио и не обеспечивало полную информацию о вторжении, то оно по крайней мере служило средством для передачи вдохновляющих речей. После трансляции приказа Эйзенхауэра к своему народу обратился король Норвегии. Затем выступили премьеры Нидерландов и Бельгии, король Англии. Их голоса звучали весь день.

Ради собственного успокоения американцы хотели, чтобы информация, пусть и скудная, постоянно передавалась по радио. Одна женщина из Калифорнии написала диктору Си-би-эс Полу Уайту: «Сейчас у нас на Тихоокеанском побережье 3.21. Мне посчастливилось услышать первое сообщение о дне «Д» от Си-би-эс. Последние два месяца я все вечера проводила у радиоприемника... Репортаж вашего корреспондента, мистера Марроу, из Лондона придал мне новые силы. Я по-прежнему понимаю, что меня от мужа отделяет целый мир. Но я не чувствую себя больше такой одинокой, как прежде, пока работает ваша радиостанция».

В день «Д» Франклин Рузвельт выступил по радио с молитвой, которую за ним повторяла вся нация. Ее транслировали все радиостанции, напечатали газеты:

«Всемогущий Господь! Сегодня наши сыны, гордость нашей нации вершат великое дело...

Веди их. Дай им силу, мужество и стойкость...

Война оторвала этих молодых людей от мирной жизни. Они сражаются не для того, чтобы поработать. Они бьются за то, чтобы покончить с порабощением. Они сражаются за свободу...

Они страдают лишь об одном: чтобы поскорее закончить войну и вернуться к родному очагу.

Не все из них возвратятся домой. Обними их, Отче наш, и прими их, наших героев и Твоих верных слуг, в Свое небесное царство...

О Господи, дай нам веру. Дай нам веру в Тебя, веру в наших сыновей, веру в самих себя и каждого из нас... Да будет так, Всемогущий Господь. Аминь».

— Что означает «Д»? — спросил Юстаса Тилли прохожий.

— Всего-навсего «день», — ответил корреспондент «Нью-Йоркера»^[66].

Бродя по городу, Тилли вышел на Таймс-сквер, где собралась большая толпа, читавшая новости на световом электрическом табло. «И одно немецкое орудие все еще ведет огонь», — сообщалось в бюллетене. «Похоже, никто не заметил, — написал потом журналист, — что «одно немецкое орудие» — это ничтожно и не соответствует реальности. Как, впрочем, и другие отрывочные сведения о боевых действиях на берегу». Другой репортер — из газеты «Нью-Йорк таймс» сделал такое наблюдение: «Люди выстроились вдоль тротуаров, у стеклянных витрин магазинов и ресторанов и смотрели только вверх (на световое табло. — Примеч. пер.), все время только вверх, ловя каждое слово информации о вторжении».

Тилли примкнул к толпе у театра «Риалто»: «Все говорили о войне и событиях последних 25 лет... Никто никого не перебивал. Каждый ждал своей очереди высказаться... Когда я уходил, негромкая, спокойная дискуссия продолжалась».

Затем Тилли зашел на одну из радиостанций. «В коридорах, — вспоминает он, — сгрудились актеры, возмущенные отменой музыкальных «мыльных опер».

По радио вновь прозвучала речь Эйзенхауэра. «Слова генерала Эйзенхауэра точно передавали атмосферу дня «Д», — отметил журналист, — и они навсегда останутся в нашей памяти. В музее современного искусства пожилая леди, усевшись в угловатое фанерное кресло, читала вслух послание генерала другим таким же стареньким женщинам, столпившимся вокруг нее.

— Я призываю всех, кто любит свободу, встать рядом с нами, — произнесла она слабым голосом, и ее слушательницы взволнованно взглянули друг на друга».

* * *

Нью-Йорк весной 1944 г. бурлил и процветал. У всех была работа. Рост доходов опережал производство товаров широкого потребления. Обнаружилась нехватка жилья. Люди селились в квартирах по две, а то и три семьи. Бары и кинотеатры переполнены. На Бродвее кипела театральная жизнь. Самым большим успехом пользовались «Оклахома» Ричарда Роджерса и Оскара Хаммерстайна, Пол Робсон в «Отелло», Милтон Берли в «Зигфелд фоллис» и Мэри Мартин в «Уан тач оф Винас» (музыка Курта Вейля, по книге С. Дж. Перелмана и Огдена Нэша, постановка Элии Казан, танцы Агнес де Милль). Это были еще те времена!

В день «Д» Бродвей замер. Артисты собрались в своем клубе-кафе «Стейдж дор кантин», чтобы сыграть несколько сцен из спектаклей для военнослужащих. Все места заняли солдаты, матросы и офицеры. Лишь один стол — «Ангелов» — был зарезервирован для «граждан, чьи жертвования заслужили им право стать членами актерского клуба». Жертвования актеры передали организациям военнослужащих.

«Нью-Йорк дейли ньюс» вместо редакционных статей печатала молитвы Господни. «Нью-Йорк дейли миррор» отказалась от рекламы, чтобы больше места предоставить для новостей о вторжении.

Магазины перестали торговать. «Мейси» закрылся в полдень. И все же около него собралась огромная толпа. Магазин установил громкоговоритель, по которому передавались информационные программы. Когда диктор прочитал предупреждение о том, чтобы американцы особенно не ликовали по поводу вторжения, отметил репортер «Нью-Йорк таймс», «лица прохожих потускнели».

«Лорд энд Тейлор» вовсе не открылся в этот день. Президент компании Уолтер Хоувинг объяснил, что он отправил все 3000 сотрудников домой, чтобы они «молились за наших парней». Президент компании объявил:

— Магазин закрыт. Началась высадка в Нормандии. Все наши мысли должны быть сейчас с теми, кто сражается. Мы не открыли двери нашего магазина, чтобы дать возможность и нашим сотрудникам, и нашим покупателям провести это время дома в молитвах и надеждах на спасение своих любимых и близких.

Были отменены гонки, скачки, бейсбольные матчи. Спортивный комментатор «Нью-Йорк таймс» Артур Дейли в своей статье 7 июня 1944 г. поднял вопрос о том, надо ли запрещать спортивные состязания до окончания войны, и сам себе ответил: «Нет». «После того как пройдет возбуждение от ошеломляющих сообщений о вторжении, — писал журналист, — уже не будет такого непреодолимого стремления прилипнуть к радиоприемникам, чтобы услышать самые последние военные сводки. Человеческая натура снова потребует развлечений как средства отойти от войны — кино, театра и, естественно, спорта». Дейли напомнил, что до дня «Д» никто не протестовал против бейсбольных встреч, потому что в них участвовали игроки либо подросткового, либо достаточно пожилого возраста. Сезон 1941 г. открывали янки в военной, а не в бейсбольной униформе. С того времени произошли замены, но Дейли хотел бы, чтобы борьба на бейсбольном поле продолжалась на самом высоком уровне: «В конце концов, она — часть американского образа жизни, за ценности которого мы и сражаемся».

На Уолл-стрит деловая жизнь не прекращалась. Нью-Йоркская биржа при открытии объявила две минуты молитвенного молчания, а затем, как обычно, начались торги. 7 июня газета «Уолл-стрит джорнал» вышла с крупным заголовком: «Последствия вторжения: начало конца военной экономики. Новые проблемы для промышленности». Бизнес, как всегда, думал прежде всего о своих интересах.

«Синдром вторжения» лихорадил американский рынок два месяца. По этому поводу журнал «Тайм» писал: «Нью-Йоркская биржа нервозно реагировала на любые слухи, связанные с днем «Д». Нов день «Д» на бирже прошли самые активные торги года. Было продано и

куплено 1 193 080 акций. Промышленный индекс Доу-Джонса поднялся до отметки 142.24 и достиг нового пика 1944 г. Выросли в цене акции торговых фирм, компаний «Эй-ти-энд-ти», «Крайслер», «Вестингауз», «Дженерал моторе», «Дюпон».

Как всегда, Уолл-стрит больше всего волновало, что будет дальше. «Джорнал» писал: «Вторжение поставило под сомнение реконверсию». Когда стало ясно, что высадка прошла успешно, газета отметила: «Можно ожидать ограниченную реконверсию военной промышленности на гражданское производство. Начнется отмена оборонных контрактов, что высвободит рабочую силу, материалы и оборудование для выпуска товаров широкого потребления. Это скорее всего случится в течение ближайших двух — четырех месяцев».

(В декабре 1944 г. «джи-айз» поплатились за этот недалекий оптимизм. Летом заказы на артиллерийские снаряды сократились. Когда началось мощное контрнаступление немцев в Бельгии, американским батареям постоянно не хватало боеприпасов.)

Финансовый отдел «Нью-Йорк таймс» в патриотическом духе оценил перспективы бизнеса на Уолл-стрит: «Биржа приветствовала вторжение всплеском покупки акций. Лучше всего идут спекулятивные предложения автомобильных и моторных заводов. Котируются также отрасли с высокими послевоенными рейтингами».

Нью-йоркцы, которых больше волновало настоящее, а не будущее, толпами шли в Управление добровольной гражданской обороны на Пятой авеню. Они записывались в группы содействия медсестрам, детским учреждениям, отделениям Красного Креста, обществам по оказанию помощи военнослужащим, работали на упаковке бинтов, в центрах проверки зрения и контроля над ценами, сдавали кровь.

В 3.40 мэр Фьорелло Лагуардиа провел пресс-конференцию. Он сказал журналистам:

— Мы все в ожидании военных сводок. Каждый из нас молится за победу. Для нас это самые тревожные дни в нашей жизни.

Историческую оценку дню «Д» дала 7 июня в редакционной статье «Нью-Йорк таймс»:

«Наступил момент, для которого мы рождены. Время величайшего испытания силы наших рук и душ, зрелости веры в самих себя и в будущее человечества...

Мы молимся за наших ребят, которых знаем, и за миллионы неизвестных для нас парней, которые вошли в нашу с вами жизнь...

Мы молимся за нашу страну...

Наше дело справедливое, потому что его благословил сам Господь Бог, создавший человека свободным и равным».

Чуть севернее Нью-Йорка, в Уэст-Пойнте, напутствовали выпускников. Среди них был и кадет Джон Эйзенхауэр. Поздравить сына приехала миссис Дуайт Д. Эйзенхауэр. 3 июня генерал Эйзенхауэр написал Мейми из Портсмута: «Ты получишь это послание, вероятно, уже

после того, как вернешься в Вашингтон (из Уэст-Пойнта). Я все бы отдал за то, чтобы быть 6 июня с тобой и Джоном. Но *c'est la guerre!* (идет война! — Примеч. пер.) Я настолько загружен делами, что боюсь забыть о его выпускном дне».

Мейми узнала о дне «Д» от репортера газеты «Нью-Йорк пост», который позвонил ей в отель «Тайер» в Уэст-Пойнте.

— Вторжение?! — воскликнула Мейми. — Какое вторжение?

9 июня генерал Эйзенхауэр послал Мейми телеграмму. Он писал: «Обстоятельства не позволили мне быть с тобой и Джоном в понедельник. Но я всегда помню о тебе и надеюсь, что у тебя и Джона все хорошо. Я шлю тебе мою любовь. Дела не оставляют мне времени для писем. Возможно, ты их не скоро получишь. Я знаю, ты это поймешь».

(Понедельник был 5 июня. Очевидно, Эйзенхауэру запомнилось, что выпуск в академии состоится в день «Д», который намечался на 5 июня, и он перепутал даты.) ^[67]

В Нью-Йорке и по всей стране звонили колокола. Самым большим был колокол Свободы. Впервые он прозвучал 8 июля 1835 г. на похоронах Верховного судьи Джона Маршалла. В день «Д» мэр Филадельфии Бернард Самюэль ударил в колокол деревянной колотушкой. Звон транслировался по радио на всю страну. Затем мэр выступил с молитвой.

Тяга молиться была всеобъемлющей. Многие услышали вести о вторжении перед началом рабочего дня. Американцы застыли у приемников, сдерживая дыхание и произнося про себя молитвы. Тех, кто стоял у станков в ночные смены, сообщения, переданные по громкоговорителям, застали у конвейеров. Рабочие и работницы отключили свои станки и постояли в молитвенной тишине.

По всем Соединенным Штатам и Канаде, от Атлантики до Тихого океана звонили колокола. Они призывали к национальному единству и всеобщей молитве. В каждой церкви и синагоге проходили службы. Свободных мест не было.

В Вашингтоне генерал Першинг выступил с заявлением. Командующий Союзническими экспедиционными силами в годы Первой мировой войны сказал:

— Двадцать шесть лет назад американские солдаты вместе с войсками союзников вступили в смертельную схватку с немцами... Сегодня сыновья солдат 1917–1918 гг. также воюют за освобождение. Они несут свободу поработенным народам. Я абсолютно уверен в том, что они вместе с братьями по оружию победят.

В Капитолии политики были заняты своими обычными делами. В день «Д» палата представителей проголосовала 305 голосами против 35 за то, чтобы начать судебный процесс против генерал-майора Уолтера Шорта и контр-адмирала Хасбенда Киммела в связи с поражением в Перл-Харборе.

— Все это чистой воды политические игры, — признал один конгрессмен.

Демократы (они не поддерживали такую резолюцию, но не решались открыто выступить против нее, из-за чего принятие решения тянулось уже два года) заявляли, что республиканцы пытаются использовать эту проблему для того, чтобы осложнить положение президента Рузвельта. Республиканцы (инициаторы резолюции) обвиняли демократов в том, что те стремятся оттянуть расследование Перл-Харбора до завершения президентских выборов. И те, и другие в принципе говорили правильные вещи.

После полудня Рузвельт провел пресс-конференцию. На нее собрались более 180 корреспондентов. По словам репортера «Нью-Йорк таймс», «Рузвельт выглядел уставшим, но улыбался»: «Он сидел за своим рабочим столом в рубашке с короткими рукавами и с остроугольным, темного цвета галстуком. Президент курил сигарету, вставленную в ярко-желтый янтарный мундштук».

— Как идет вторжение? — спросил один из репортеров.

— Все проходит в соответствии с графиком, — ответил президент и снова улыбнулся.

Затем он сообщил, что, по сведениям генерала Эйзенхауэра, затонули лишь два эсминца и один ДКТ. Потери среди летчиков составили менее 1 процента.

Он также заметил, что генерал Эйзенхауэр лично определял время и места высадки. Сталин после Тегеранской встречи знал о планах союзников и с удовлетворением воспринял известия о начале вторжения. Год назад открытие второго фронта представлялось невозможным из-за нехватки войск и техники. Война никоим образом еще не закончена, как и сама операция по высадке в Нормандии. Поэтому еще рано самоуспокаиваться.

После пресс-конференции Рузвельт встретился с адмиралом Кингом и генералом Маршаллом. Они, пребывая вдали от поля сражений, не могли сообщить президенту ничего нового, помимо той информации, которая передавалась по радио. Возле Овального кабинета Маршалла остановил репортер и в коротком интервью высказал предположение, что начальник Генштаба провел всю ночь за своим рабочим столом.

— Нет, — ответил Маршалл и, улыбнувшись, добавил: — Я закончил свои дела раньше.

В Бедфорде, штат Виргиния, местная газета «Бюллетен» напечатала молитву, написанную миссис Х. М. Лейн из Алтавиствы: «Отче наш и Великий творец вселенной! Прекрасное умирает рано, но живет в наших сердцах вечно. Нет такого человека, который не восхищался бы мужеством наших парней и их бесстрашной готовностью идти на смерть ради торжества красоты в мире. Пережить эти тяжелые дни — не в их власти. Мы сохраним о них память и дадим им бессмертие».

Репортер «Бюллетен» написал: «Известия о начале вторжения встревожили сотни семей в Бедфорде. Почти в каждой из них беспокоились о сыне, муже или брате, которые оказались в войсках в Англии. Рота «А» (116-го полка) находилась на учениях там почти два года и, возможно, в числе первых подразделений высаживалась на побережье. Если не сегодня, то завтра сотни бедфордских парней неизбежно пойдут в бой. Не исключены потери». Журналист отметил, что в день «Д» все церкви в городе были заполнены прихожанами.

Через месяц, 6 июля, «Бюллетен» сообщил о том, что рота «А» удостоилась «самых высоких почестей» за свои действия в день «Д». «Пока не поступили сведения о жертвах, — говорилось далее в статье. — Правительство не предоставило никаких данных о потерях. Беспокойство семей о своих родных и близких понятно. Вряд ли можно надеяться на то, что все наши парни остались в живых после высадки и последующих боев».

20 июля «Бюллетен» информировал горожан о том, что приказом президента 116-му полку вынесена благодарность. И в том же номере газета опубликовала жуткую новость: 19 июля несколько семей в Бедфорде были официально уведомлены о гибели сыновей в день 6 июня. Редактор подчеркнул в комментарии: «Они погибли так, как погибает по-настоящему свободный человек, — достойно и бесстрашно. Они знали, что их ожидает. Никто из них не проявил малодушия, слабости, не струсил, не прятался за спины своих товарищей. Каждый с честью и до конца исполнил свой долг».

(На кладбище, где стоит мемориал, возвышающийся над «Омахой», похоронены 9386 американцев, погибших во время Нормандской кампании. Среди них — одиннадцать сыновей Бедфорда. Кладбище превосходно содержится Американской комиссией по военным памятникам. Каждый американец, посещающий мемориал у побережья «Омаха», испытывает чувство гордости за своих соотечественников, погребенных в земле Франции. Ни один американец, приезжающий сюда, не может удержаться от слез. В кругообразной часовне высечены слова: «Вечная им память. Слава их подвигам».)

Во вторник знаменитый собор Сент-Луис в Новом Орлеане был переполнен прихожанами с первой мессы до благословения. Мать парашютиста, «моего единственного ребенка», молилась рядом с полицейским, у которого «там находились два сына». Очаровательная юная невеста склонилась у статуи Богородицы. На соседней скамье в благоговейном молчании замер матрос, прибывший в город, по всей видимости, в кратковременный отпуск.

Владельцы магазинов на Канэл-стрит готовились ко дню «Д» три месяца. Когда этот день наступил, они поручили своим служащим продавать не продукты или одежду, а военные бонны. Кстати, то же самое сделали во многих городах страны. На Канэл-стрит все время звучали патриотические мелодии и призывы покупать бонны. Эти бумаги подскочили в цене. Одна женщина, как сообщила местная газета, заплатила за бон 18, 75 доллара десятицентовыми монетами. Она пояснила: «Я откладывала их специально ко дню «Д». Надеюсь, что для меня этот день будет счастливым. Мой муж уже давно в Англии в десантно-парашютных войсках. Он только и ждал, когда начнется высадка».

Огромные очереди скопились у донорских центров Красного Креста на Кэронделет. Добровольные помощники пришли в самые разные общественные организации. В городе, который прославился своими красочными парадами, не было ни одной манифестации. Местная газета «Тайме пикаюн» указала на одну из причин: «Новый Орлеан отложил свои парады до дня победы».

Эндрю Хиггинс предупредил своих сотрудников о том, что до окончания войны еще далеко: «Мы должны работать без передышки. Нам надо увидеть то время, когда наши суда высадят войска на берега Японии».

В Оттаве премьер-министр Маккензи Кинг выступил в палате общин с сообщением о том, что морской десант проходит успешно, но еще предстоят тяжелые бои. Лидер оппозиции Гордон Грейдон отметил, что среди партий нет разногласий в отношении дня «Д». Говоря от имени франкоязычного населения, Морис Лалонд по-французски заявил, что «наступил исторический час освобождения Франции».

В день «Д» Канада, как и Соединенные Штаты, испытывала небывалое национальное единение. И франкофоны, и англофоны одинаково приветствовали высадку в Нормандии. Месье Лалонд обратился к палате общин с запросом: «Можно ли нам всем вместе спеть Марсельезу?» Впервые в истории Канады парламентарии исполнили вначале Марсельезу, а затем «Боже, храни короля».

В Колумбусе, штат Огайо, мэр Джеймс Роудс распорядился, чтобы в 7.30 раздались заводские гудки и сирены противовоздушной обороны. На пять минут в городе замерла жизнь, остановились автомобили, автобусы, грузовики. Пешеходы застыли на улицах в молитвах. В Колумбусе, как и во многих других городах Соединенных Штатов, донорские центры Красного Креста не знали отбоя от желающих сдать кровь, заводы и фабрики работали на полную мощь, никто не бастовал, а церкви заполнили прихожане. Красный Крест обратился ко всем женщинам графства Франклин с просьбой «незамедлительно прибыть в хирургические и перевязочные отделения госпиталей по месту жительства». На призыв откликнулись тысячи добровольцев. Компания «Трак-трактор энд иквипмент» поместила в газете «Колумбус стар» целую страницу с текстом: «Наша следующая остановка — Берлин. Сейчас самое время спросить себя: «Все ли я сделал для победы? Если мне придется встретить человека с фронта, смогу ли я, не стыдясь, посмотреть ему прямо в глаза?»

Не иссякал поток доноров в центре Красного Креста в Милуоки. В Рено, штат Невада, власти закрыли игорные притоны, и всего шестнадцать супружеских пар подали заявления о разводе, что составило менее 10 процентов от обычного ежедневного количества такого рода обращений. В некоторых других городах страны все же проявились уродливые стороны американского образа жизни. В Цинциннати 450 сотрудников авионавигационной корпорации «Райт» объявили забастовку, из-за которой остановилось все производство. Они протестовали против того, что семерых негров перевели в цех, где в руководстве были одни белые. Президент Американской федерации труда Уильям Грин призвал рабочих к тому, чтобы считать себя «частью наступательных сил в Нормандии и не покидать своих станков и конвейеров ни при каких обстоятельствах».

В Бирмингеме, штат Алабама, местная газета «Ньюс» сообщила о том, что на несанкционированную забастовку вышли 1500 шахтеров корпорации «Рипаббликан стил». Возмутились и редакторы, и профсоюзные деятели.

— Да черт с ними, — сказал лидер Американской федерации труда в штате Алабама. — Не понимаю, как можно в такой день не выйти на работу!

В Мэриетте, штат Джорджия, церковные колокола и полицейские сирены зазвучали в 3.00. «Многим стало не по себе, — писала газета «Атланта конститюшен», — когда полицейские машины одна за другой, отчаянно сигналив, мчались по жилым кварталам».

Обозреватель Ралф Джонс процитировал высказывание своей жены, слова которой, по его мнению, отражали настроение многих женщин-матерей. Их сын был отправлен в Англию и, возможно, уже попал на побережье Нормандии. «Если мне и суждено умереть, — говорила миссис Джонс, — то я хотела бы, чтобы это случилось во время высадки во Францию. Вторжение — величайшее и самое грандиозное событие в мировой истории. Я не могу постоянно думать только о том, что может случиться с нашим юным Ралфом. Тогда я просто сойду с ума. Я убеждаю себя в том, что ему угрожает такая же опасность, как сотням тысяч других сыновей».

* * *

В Миссуле, штат Монтана, на улицах, «как всегда, было шумно, — отмечала 7 июня местная газета «Миссулиан». — Люди разом затихли, когда по радио передали сообщение о вторжении».

В ветеранском госпитале в Хелине один солдат на костылях взволнованно воскликнул:

— Парни, началось! Теперь они от нас побегут! Сосед на другой койке ответил ему:

— Знаешь, как бы я хотел там оказаться! В палате воцарилась тишина.

— Да-а, — наконец произнес солдат на костылях. — Клянусь, что сейчас там, на берегу, творится такой же огненный ад, как у нас 4 Июля!

В госпитале Лоусона около Атланты излечивались раненые немецкие военнопленные. Они с насмешкой и пренебрежением отнеслись к сообщениям о вторжении.

— Подождите, — сказал один из них репортеру газеты «Атланта конститушен». — Наше командование позволило союзникам внедриться на несколько миль, а потом элитные войска СС, стоящие под Парижем, вышвырнут их обратно в море.

В Далласе, штат Техас, начинающему врачу, водителю машины «скорой помощи», в 2.35 пришлось принимать экстренные роды у миссис Лестер Ренфроу. Женщина услышала полицейские сирены и спросила, что они означают. Водитель ответил, что во Франции началось вторжение. Молодая мама сразу же решила назвать свою только что родившуюся дочь Инвейжия Мэй Ренфроу (от слова «инвейжн» — вторжение. — Примеч. пер.). В Норфолке, штат Виргиния, миссис Рендолф Эдуарде также дала имя своей дочери в честь дня «Д» — Ди Дей Эдуарде.

4 июня Молли Пантер-Доунс сообщила в своей колонке «Письма из Лондона» в «Нью-Йоркере»: «Здесь все живут одним днем в ожидании величайшего, выдающегося события». Пантер-Доунс отметила необычайный рост спроса на аренду плоскодонных яликов на Темзе и небывалые толпы зрителей на играх в крикет. Затем она рассказала о странном феномене, характерном для военной Англии и вызывавшем немалое раздражение и недовольство, — запрете печатать в газетах и передавать по радио сообщения о погоде. Из-за заморозков в мае пропал практически весь урожай ягод и слив в знаменитой долине Ивесхем. Фермеры были

возмущены политикой властей, которые не отменили, хотя бы на время, запрет и не предупредили их о похолодании.

Потерю урожая плодов и ягод усугубила засуха, которая нанесла серьезный вред травам для скота, что неминуемо должно было вызвать уменьшение производства молока и молочных продуктов. Пантер-Доунс ожидала, что в сельских пабах, в которые она заходила, люди будут говорить о проблемах с погодой и урожаем. Однако журналистка обнаружила, что «главная тема бесед, как и в Лондоне, — вторжение».

6 июня Пантер-Доунс сделала и другое интересное наблюдение, которое не отметили другие комментаторы. Она уловила в настроениях англичан «отношение к дню «Д» как к дню Дюнкерка».

«Потрясающие новости о том, что британские солдаты вновь ступили на землю Франции, — написала Пантер-Доунс, — неожиданно вскрыли то, насколько болезненно в стране восприняли уход английских войск оттуда четыре года назад».

Однако по этому поводу никто не ликовал. Напротив, «люди на улицах Лондона выглядели какими-то понурыми, поникшими. Никто ни с кем не разговаривал. Каждый пребывал в собственном молчаливом уединении».

Упала деловая активность. Таксисты, по их словам, переживали «самый неудачный день за последние несколько месяцев». Театры и кинозалы были полупустыми. Редкие посетители сидели и в пабах. Многие лондонцы предпочли в этот день остаться дома: «Похоже, что они решили провести его в своих креслах наедине со своими мыслями».

В сельской местности «каждый грузовик на дороге, каждый вагон на рельсах, каждый джип, направляющиеся на фронт, стали предметом особого благоговения...

Фермеры, которым для хорошего урожая было необходимо пасмурное небо, теперь хотели, чтобы светило солнце для их сыновей, сражавшихся в воздухе, на море и на берегу по ту сторону Ла-Манша». Женщины, собравшиеся у железнодорожных переездов, через которые проходили составы с войсками, «не знали, что делать, — радоваться или плакать. Но чаще на их глаза навертывались слезы».

Король Георг VI в день «Д» обратился к нации по радио. «Четыре года назад, — сказал он, — наш народ и империя одни выдерживали натиск превосходящих сил противника. Теперь нам снова предстоит вынести тяжелые испытания. Но на этот раз мы сражаемся не за то, чтобы выжить, а за то, чтобы добиться окончательной победы в войне за благородные цели».

Король знал, что его слушают все его подданные, в том числе матери и жены солдат, матросов и офицеров. Поэтому он добавил: «Королева вместе со мной обращается к вам с этим посланием. Она хорошо понимает тревогу и озабоченность наших женщин. Королева уверена, что они найдут в себе новые силы для того, чтобы с благословения Всевышнего дожидаться победы».

Король призвал своих подданных молиться: «В этот исторический момент никто из нас, ни

молодой, ни старый человек, не должен оставаться в стороне от общенациональной, а быть может, и общемировой молитвы за победу в борьбе с нашим общим врагом».

В палате общин, как обычно, проходили слушания. Первым задал вопрос мистер Хогг из Оксфорда. Он поинтересовался, может ли государственный военный секретарь подтвердить, что все военнослужащие проинформированы о том, что им необходимо зарегистрироваться в новых списках избирателей по форме 2626. Иначе они не смогут участвовать в очередных всеобщих выборах. Мистер Хогг спросил также, во все ли части разосланы формы 2626.

Государственный военный секретарь Джон Григг в течение десяти минут отвечал мистеру Хоггу, заверив его в том, что все было сделано вовремя и должным образом.

Другой член палаты общин обратился к премьер-министру. Он спросил, рассматривается ли возможность реставрировать за счет немецких репараций аббатство Монте-Кассино и можно ли там открыть мемориал героям, которые его освободили. Лидер лейбористов Клемент Эттли, член коалиционного военного кабинета, вместо премьер-министра ответил, что «еще рано рассматривать подобные предложения».

Затем выступил госсекретарь по колониям полковник Оливер Стэнли. Он напомнил палате, что «во многих колониях люди вынуждены вести нищенский образ жизни». Полковник высказался за то, чтобы «в колониальных странах поднять уровень благосостояния». Мистер Эттли, отвечая другому парламентария, попытался перевести проблему послевоенного устройства на «отечественный фронт». Он призвал к тому, чтобы определить «состав и круг полномочий королевской комиссии по вопросам равной оплаты труда мужчин и женщин».

Джон Григг сделал малоприятное заявление в отношении военнослужащих, находящихся за рубежом пять и более лет.

— Я очень сожалею, — сказал он, — но вследствие нехватки людей нашим военным, возможно, придется проводить дома только три месяца, а не шесть, как это было до сих пор.

Один парламентарий потребовал от секретаря казначейства, чтобы тот рассмотрел запрос Ассоциации уборщиц офисов о том, чтобы их перестали называть поденными работницами. Секретарь обещал, что впредь будет использоваться слово «уборщицы».

Постепенно светская атмосфера обсуждения переросла в шумный базар. Парламентарии начали перемалывать слухи о том, что же скажет премьер-министр в этот для него великий день. Черчилль дал понять, что приедет в полдень.

Когда Черчилль появился в палате общин, все парламентарии были в сборе и с нетерпением ждали его выступления. Они уже привыкли к красноречию премьер-министра и надеялись, что Черчилль начнет с самого главного — с информации о вторжении.

Но великий мастер слова, как всегда, решил поиграть со своей аудиторией. Черчиллю, очевидно, импонировало то, что он в свое время был военным корреспондентом (и до сих пор остается «лучшим репортером страны», как написал о нем Реймонд Даниэл в «Нью-Йорк таймс»). Премьер-министр начал с Рима. Пятнадцать минут он рассказывал о том, как был взят

Рим, а затем дал обстоятельный анализ значения данного события.

Все это было замечательно. Премьер-министры любят покрасоваться перед парламентариями. Но члены палаты общин вертелись в своих креслах. Они хотели услышать о том, что же происходит на той стороне Ла-Манша.

Наконец Черчилль подошел к главному:

— Я должен объявить вам, что этой ночью и ранним утром на Европейский континент высадились первые эшелоны войск. Пока, как сообщают командующие, все идет по плану. И какому блестящему плану!

В настоящее время высадка продолжается на различных участках побережья. Огонь немецких батарей в основном подавлен. Препятствия в прибрежных водах оказались не столь непреодолимыми, как это предполагалось.

Черчилль ушел под бурные аплодисменты. Через четыре часа он вернулся и сообщил новые подробности:

— Потери значительно меньше, чем мы ожидали. Опасности и трудности, которые нас еще вчера так пугали, теперь позади.

Большой риск был связан с погодой. Но генерал Эйзенхауэр проявил мужество и принял необходимое и верное решение при столь сложных обстоятельствах.

Премьер-министр упомянул о действиях майора Джона Говарда у моста Пегас и даже заявил, что британские войска «прорвались в город Кан, который находится в девяти милях от побережья».

Черчилль любил говорить, что первой жертвой войны всегда оказывается правда. Его выдержанный в розовых тонах доклад был иногда на грани вымысла. Но он излагал чистейшую правду, когда описал воздушно-десантную высадку как «крупнейшую операцию такого рода во всем мире».

Для Эдуарда Р. Марроу в Лондоне это был день сплошных расстройств. Си-би-эс поручила ему координировать работу всех корреспондентов и к тому же зачитывать различные сообщения, поступающие из Верховного штаба Союзнических экспедиционных сил и других источников. Он бы предпочел в это время находиться во Франции. Настроение портили и корреспонденты, у которых практически не было ничего стоящего для Соединенных Штатов. Мобильных передатчиков не имелось ни на берегу, ни на кораблях. Корреспонденты, которые высаживались с десантных судов (Билл Доунс, Ларри Лесер, Чарлз Коллингвуд), не могли вести репортажи с места событий.

Наконец, ранним утром 7 июня (в 23.00 по нью-йоркскому времени) Марроу получил то, что хотел. Это была запись, сделанная на рассвете у берегов Франции. Ее удалось срочно переправить на катере в Лондон.

— Я думаю, что она вам понравится, — сказал Марроу своим боссам в Нью-Йорке.

Это был репортаж Джорджа Хикса из Эй-би-си с борта «Анкана». Он описывал боевой строй кораблей на фоне канонады немецких батарей и союзнического флота. Репортаж Хикса, сопровождаемый грохотом сражения, стал самой популярной радиопередачей о высадке в день «Д».

В Париже военный губернатор Штюльпнагель выпустил прокламацию, которая транслировалась по французскому радио: «Немецкие войска получили приказ расстреливать на месте каждого, кто будет замечен в сотрудничестве с союзническими солдатами, моряками или летчиками. Такой француз будет считаться бандитом».

Премьер-министр в правительстве Виши — Пьер Лаваль обратился по радио к согражданам с воззванием игнорировать призыв Эйзенхауэра к сопротивлению, переданный Би-би-си: «С горечью я прочитываю сегодня приказы, которые дает французам американский генерал. Правительство Франции строго выполняет условия перемирия 1940 г. и призывает граждан страны следовать данному нами обещанию. Если кто-либо из вас примет участие в начавшемся вторжении, то Франции грозит гражданская война».

Маршал Петен призвал французов выступить вместе с немцами: «Англосаксонцы ступили на нашу землю. Франция стала полем грандиозной битвы. Французы, не позволяйте вовлечь себя в действия, которые могут вызвать возмездие. Четко исполняйте распоряжение правительства».

Парижане слушали, но делали свои выводы. В стране в целом сохранялось спокойствие. Бойцы Сопротивления, конечно, начали действовать. Однако не все французы входили в эту организацию. В самой Нормандии и повсюду от Нормандии до границ с Германией люди были обеспокоены тем, что в их деревне, городке или на ферме вспыхнут бои. Они едва осознавали, что происходит. Немцы оккупировали всю страну, они мелькали везде и повсюду, в то время как приход союзников представлялся лишь отдаленной надеждой. Французы поступали разумно — вели себя тихо и держали свои мысли при себе.

В маленьких городках юга Франции люди были более откровенными в выражении своих чувств. Энтони Брукс из службы специальных операций вошел в Тулузу на рассвете. Он уже знал из сообщений Би-би-си, что час вторжения наступил. Но только ему и бойцам Сопротивления было известно, что наступил день «Д».

Брукс рассказывает: «Я проник в Тулузу через сады и огороды с крошечными одноэтажными домиками и длинными грядками с салатом и луком, над которыми, как над художественными полотнами, трудились местные жители.

Я проходил возле одного домика как раз после восхода солнца. Ставни были раскрыты настежь, и маленькая девочка, я думаю, лет восьми, совершенно нагая, высунулась в окно и прокричала:

— Они высадились! Европа будет свободной!»

Брукс отправился на явку в Тулузе, где мы «собирались выпить по стакану белого вина»: «Мы праздновали, потому что нам не верилось в то, что доживем до этого дня. Я имею в виду освобождение. Когда я впервые прыгал с парашютом во Францию в 1942 г., мне и в голову не приходило, что я увижу день «Д».

Одна знаменитая американская экс-репатриантка, бывшая гражданка Франции, весьма живописно восприняла события тех дней. В 1940 г. Гертруда Стайн уехала из Парижа, когда в город вошли немцы. «Они предупредили нас: «Убирайтесь отсюда!» — написала Стайн в 1945 г. — И я сказала Алисе Токлас:

— Не знаю, надо ли это делать. Слишком много неудобств. А я так привередлива в еде».

Но им пришлось покинуть Париж. Стайн и Алиса Токлас поселились в деревне Белли на перекрестке границ Италии и Швейцарии. Стайн так охарактеризовала свое новое положение: «Алиса Токлас слушала радио, а я уходила в сад подрезать кусты и забыть о войне».

Конечно, совсем отойти от событий ей не удавалось. 5 июня 1944 г. Стайн писала: «Ночью взят Рим. Это радость, и какая еще радость!.. Она немного отвлекла людей от переживаний по поводу бомбардировок Франции (союзниками) и гибели мирных граждан... Но Рим взят, и все забыли о бомбардировках, а для французов прощать и забывать, забывать и прощать — это просто, даже очень просто. Рим взят, и это еще не конец войны, а лишь начало конца».

6 июня Стайн вышла на улицу, чтобы набраться впечатлений. Ей встретились несколько немецких солдат: «Они как-то неуверенно и жалко поприветствовали меня, сказав «здравствуйте». Я, естественно, не ответила. Потом я сидела с женой мэра возле ее дома. Немецкий солдат прошел по дороге, вежливо поклонился и тоже сказал «здравствуйте». Прежде они никогда этого не делали.

Отлично. Сегодня высадка... Мы слушаем Эйзенхауэра... А вчера какой-то человек продал нам десять пачек сигарет «Кэмел». Какое счастье! И мы поем «аллилуйя». Мы чувствуем себя прекрасно. Все нам звонят и поздравляют меня с днем рождения, который еще не наступил. Но мы понимаем, что все это значит. И я говорю в ответ, какая у них великолепная прическа. Пусть она всегда будет такой красивой. Какой сегодня выдался день!»^[68]

В Риме празднества были уже в разгаре, когда передали новости о вторжении. Они стали еще более шумными, Даниэл Лэнг в колонке «Письма из Рима» («Нью-йоркер») отметил, что «итальянцы пришли в экстаз»: «Они любят победителей несколько сильнее, чем другие нации. Тысячи итальянцев собрались на площади, где еще недавно Муссолини устраивал свои бодрые шествия. Они восторгались и аплодировали, словно присутствовали при исполнении величайшей оперы в своей жизни. Они выкрикивали любые английские слова, которые приходили на ум. Один обезумевший от радости старик без конца вопил:

— Уик-энд! Уик-энд!

Многие держали в руках огромные букеты цветов и забрасывали ими солдат на джипах и танкистов. Толпы людей размахивали британскими, французскими и американскими флагами. Откуда они их взяли, это могут знать только сами итальянцы».

В Амстердаме Анна Франк слышала известия о высадке союзнических войск по радиоприемнику в своем укрытии на чердаке. «Наступил день «Д», объявили по английской информационной программе, — записала она в дневнике. — Это великий день. Началось вторжение! Новости передаются на английском языке... Мы говорили об этом за завтраком в девять часов. Неужели повторится история с высадкой в Дьепе два года назад?»

«Несусветная суматоха в нашем «секретном аппендиксе», — отметила Франк в дневнике. — Но слишком все хорошо, как в сказке, чтобы поверить. Может быть, победа придет в этом, 1944 г.? Мы не знаем, но надежда вновь зародилась в нас. Она придает нам новые силы, мужество... Теперь мы, как никогда, должны стиснуть зубы и не давать волю слезам. Франция, Россия, Италия и даже Германия могут позволить себе выплакаться и найти в этом утешение после всех несчастий. Мы пока не имеем на это никакого права...

После известий о вторжении я почувствовала, что к нам идут друзья. Нас так долго притесняли эти жуткие немцы. Они брали нас за горло. Ощущение, что к нам идут друзья, вселяет веру в грядущее освобождение.

Теперь евреям нечего бояться. Но освобождения ждет Голландия и вся оккупированная Европа. Марго надеется, что сможет снова пойти в школу в сентябре или октябре».

Москва ликовала. На улицах толпы людей танцевали и пели, сообщал корреспондент американского журнала «Тайм»: «Это была самая счастливая столица в мире». В вестибюле гостиницы «Метрополь» одна восторженная москвичка обняла репортера и воскликнула:

— Американцы, мы вас любим. Мы любим, любим вас. Вы наши настоящие друзья!

Рестораны в Москве вечером 6 июня заполнила праздничная публика. Русские танцевали с британскими и американскими дипломатами и журналистами. Александр Уэерт был в одном из ресторанов и наблюдал, как вошла группа японских дипломатов и корреспондентов: «Они вели себя надменно и провокационно. Американцы их чуть не побили».

«Правда» посвятила вторжению четыре колонки и поместила большую фотографию Эйзенхауэра. Но газета не дана никаких комментариев о значении этого события. Редакторы ждали указаний Сталина. Не одна неделя прошла, когда наконец диктатор высказался по поводу открытия второго фронта, чего он так долго добивался. Однако его мнение было благодарным и точным: «Без сомнения, это блестящий успех наших союзников. Надо признать, что история не знает операций с такой широкой концептуальностью, грандиозностью масштабов и мастерством исполнения». Он напомнил, что преодолеть Ла-Макш не удалось ни «непобедимому Наполеону», ни «истеричному Гитлеру»: «Только британские и американские войска смогли покорить пролив. Эта операция войдет в историю как величайшее достижение».

После такого заявления «Правда» с энтузиазмом принялась комментировать «достижение» союзников.

В Берлине люди занимались своими повседневными делами. Редко кто в разговорах касался темы вторжения, хотя о нем постоянно передавались сообщения по радио. Нацистская

пропаганда твердила одно: «Слава Богу, закончилась война нервов». Тем не менее корреспондент лондонской «Таймс» в Стокгольме передал: «Мощь первого удара генерала Эйзенхауэра повергла в шок берлинцев. Масла в огонь подливали и неутешительные заявления о масштабности высадки и предупреждения о том, что, возможно, на побережье сошли еще не самые главные силы».

И все же нацистские пропагандисты и дикторы неустанно призывали немцев сражаться против британцев и американцев во Франции с тем, чтобы спасти Германию от ужасов оккупации страны Красной Армией. Трудно сказать, сколько людей в тоталитарном обществе, помимо Гитлера и его приспешников, верили в такую логику нацистских идеологов.

27. «Честно служил при технике»

Начало продвижения британцев

Лейтенант Джордж Омор (резерв Королевского морского флота) был командиром «Х23», сверхмалой подводной лодки, длина которой насчитывала 7 м, а экипаж состоял из четырех человек. Как и перед капитаном «Х20», перед Омором открывалась уникальная панорама вторжения. На рассвете он бросил якорь в двух километрах от Уистреана (побережье «Меч»). «Х20» находилась около «Юноны». Обе субмарины расположились между наступающими и обороняющимися в водах, которые не контролировали ни те, ни другие.

«Х23» и «Х20» должны были обеспечивать действия танков в день «Д». Имелись только узкие полосы, где танки-амфибии, шедшие на острие удара, могли бы подняться на берег. Подводные лодки должны были выполнять роль проводников так, чтобы высадка произошла точно у цели.

Танки союзников «Черчилль» и «Шерман» были оборудованы для выполнения различных задач. Среди них были танки с бойковым тралом: на их лобовой части имелись лебедки с цепями, которые ударяли по земле во время вращения барабанов (приводимых в действие их собственными малыми механизмами) и обезвреживали мины перед танками. Были танки, которые несли фашины для переправы через противотанковые рвы, и другие, несшие тяжелое оборудование для наведения мостов, чтобы преодолевать щели большего размера. Чтобы приспособить часть специального оборудования, 75-мм пушки на танках заменили маленькими «курносими» тяжелыми минометами. Эти минометы предназначались для стрельбы 25-фунтовыми фугасными снарядами на близкое расстояние (менее 50 м), чтобы можно было пробивать дыры в стенах из цемента и блочных домах. Были и танки, тащившие трейлеры с горючим вместимостью в 400 галлонов, которые могли стрелять струей пламени под высоким давлением в радиусе 100 м.

Капитан 79-й бронетанковой дивизии Хаммертон узнал об «игрушках Хобарта» от их изобретателя, генерал-майора Перси Хобарта в Оксфордской учебной зоне в Восточной Англии. «Генерал Хобарт собрал всех в кружок и сказал:

— У меня для вас есть кое-какие новости. Вы слышали о шоу лорда Мара, — тут все затаили дыхание, — и вы знаете о людях, пришедших потом, чтобы прибрать беспорядок. Ну а ваша задача будет полностью противоположной. Вы будете прибирать беспорядок, идя впереди. Вам предстоит очищать передовую от мин».

«Они экспериментировали с танками-разградителями, «змеями», «скорпионами» и прочим подобным странным арсеналом средств, — продолжает Хаммертон. — У них были плуги в виде бычьих рогов, которые приспособлялись на лобовой части «Черчиллей» и прорывали огромные борозды. Они должны были отбрасывать все мины в сторону. «Змея» представляла собой гибкую трубу, а «змей» — жесткую. «Змея» выбрасывалась вперед с помощью гарпунного ружья, а затем в нее закачивался нитроглицерин; «змей», набитый взрывчаткой, выталкивался перед танком. Делалось это для того, чтобы в результате детонации они вывели мины из строя».

На корпусе «курносых» танков было приварено множество дополнительных «ушек», около которых прикреплялись прочные буксирные канаты; они предназначались для того, чтобы стаскивать с пути препятствия или передвигать вышедшие из строя транспортные средства. Танки Mk. VIII AVRE^[69] предоставляли грузовые платформы для дополнительного снаряжения.

Майор Кеннет Ферпосон из 3-й британской дивизии командовал штурмовым соединением «игрушек Хобарта» на участке «Меч». Вот его воспоминания о погрузке на ДСТ. Его подразделение состояло из четырех танков: двух — с бойковыми тралами, одного, перевозившего 30-футовый металлический мост, сложенный вдвое и закрепленный прямо на лобовой части танка, и еще одного, транспортировавшего бревенчатый «укладчик ковра» — два барабана (примерно той же ширины, что и танк), прикрепленные к лобовой части машины, один над другим, так что ими можно было покрыть песок. Первыми должны были следовать танки-тральщики, затем — мостовой (дабы проложить путь, чтобы перебраться через дамбу), затем — «укладчик ковра» (чтобы выровнять дорогу для танков, предназначенных для боевых действий). Танки «ДЦ» должны были идти перед ними, захватить береговую линию и разрушить укрепленные позиции.

Когда Фергюсон закончил осматривать устройство своих «игрушек», один из матросов воскликнул:

— Послушайте, сэр, вы забыли пианино!

Фергюсон хотел обеспечить себе возможность быстро передвигаться, когда он очутится на берегу, поэтому он погрузил мотоцикл и велосипед на свой танк AVRE. Тысячи британских военнослужащих взяли с собой велосипеды; насчет кого-либо из американцев таких сведений не имеется (хотя, может быть, какой-нибудь командир и пытался взять велосипед, а солдаты выбросили его, находясь над Ла-Маншем).

Капитан Кирил Джеймс Хендри командовал взводом «игрушек». Во время переправы командир ДСТ сказал ему:

— Ваш мост — это настоящий парус: не спустите ли его немного?

Хендри разложил мост, так что дальний его конец улегся на идущий впереди танк, и это помогло.

Англичане возлагали большие надежды на то, что эти специализированные танки помогут им высадиться на берег и прорваться через первую линию укреплений. Они были немного обескуражены отказом американцев использовать их изобретения (за исключением самой концепции танка «ДЦ». По поводу нее англичане утверждали, что американцы ее испортили, спуская «ДД» на воду слишком далеко от берега). Некоторые английские офицеры раздумывали, не вкралось ли здесь чувство оскорбленной гордости. По их представлениям, было бы весьма хорошо, если бы янки применили английские мозги, чтобы управлять американскими мускулами. Однако американцы настояли на том, что осуществят задачу собственными силами.

Что касается «Юты», то тут американцы были правы: хотя они и могли бы использовать танки-тральщики, в общем и целом бронетанковые соединения действовали на «Юте»

эффективно. Будучи не столь громоздки или медлительны, как перегруженные английские специализированные танки, они спешно устремлялись в глубь территории и принимали участие в важных операциях по достижению большинства целей дня «Д» на «Юте».

На «Омахе» английские специализированные танки не смогли бы помочь преодолеть первую из трудностей — перебраться через гальку. Из всех побережий только на «Омахе» галечный берег столь высок и ненадежен, что танк не может пересечь его. После того как были прорваны бреши, американские танкисты могли бы найти некоторым из английских приспособлений хорошее применение (особенно фашинам и оборудованию для мостов). Но для такой работы у янки были бульдозеры, так что она была закончена вовремя, и некоторое количество танков добралось до плато прежде, чем стемнело.

Было бы неверно утверждать, что англичане хотели вести Вторую мировую войну скорее с помощью технических приспособлений и приемов, а также шпионажа, нежели силами солдат, скорее перехитрить, чем перебороть немцев; американцы же стремились победить вермахт в схватке «лицом к лицу». Все же многие как из той, так и из другой страны считали подобные обобщения обоснованными. С этим ощущением соотносится представление англичан о том, что американцы несли ненужные потери живой силы, связанные с их агрессивной ментальностью, нацеленной на «лобовые» действия. Американцы же считали, что ненужные потери несут англичане, и связано это с их осторожностью и отказом атаковать врага в его логове, невзирая на потери, что ведет к затягиванию войны.

В какой бы мере ни были истинными эти широко распространенные представления, несомненным является тот факт, что в день «Д» англичане использовали значительно больше технических приспособлений (начиная с «Х20» и «Х23»), нежели американцы.

«Мы были буквально начинены техникой», — так вспоминает лейтенант Онор лодку «Х23». Субмарина имела дизельную конструкцию и электрический мотор, две койки, туалет (десантный люк), печь, электронное оборудование, чтобы посылать сигналы, баллоны с кислородом (взятые из самолетов люфтваффе, подбитых над Англией, так как это были самые легкие баллоны из имевшихся в Великобритании) и многое другое.

«Так вот, у нас была вся та никудышная техника, — вспоминает Онор, — и хуже всего — эта никудышная мачта». Она насчитывала 18 футов в длину, и ее приходилось привязывать к специальным стойкам на обшивке субмарины. «Гнулась она ужасающе», — жаловался Онор.

Операция носила кодовое наименование «Гамбит». Онор не умел играть в шахматы; он посмотрел это слово в словаре, и выражение «отбрасывая открывающиеся пешки» вызвало у него некоторые затруднения.

Участие в гамбите предъявляет к игроку определенные требования. Все присутствовавшие на субмарине должны были уметь выполнять любую работу (управление всем машинным и электронным оборудованием, навигация, погружение и многое другое). Они также должны были уметь действовать эффективно, находясь взаперти в закрытой лодке (размером едва ли больше, чем каноэ) в течение 40 и более часов. В процессе испытаний обнаружилось, что некоторые добровольцы не могут выдержать и часа.

— Выпустите меня! — закричал один из них через 45 минут.

Имея пять человек на борту (дополнительно присутствовал матрос, который должен был привести резиновый плот к берегу, бросить якорь и в заключение установить маркер для танков «ДД»), «Х23» и «Х20» пустились в путь в 18.00 вечера в пятницу, 2 июня. Два траулера проводили их до острова Уайт. В этом пункте они ушли под воду и отправились к месту назначения: «Х23» — к «Мечу», «Х20» — к «Юноне».

Утром в воскресенье, 4 июня, незадолго до рассвета «Х23» поднялась на поверхность. «И мы попали тютелька в тютельку. Мы были точно на том месте, где должны были оказаться. Мы быстро огляделись, чтобы понять, что происходит вокруг». К удивлению Онора, немцы зажгли маяк, чтобы отметить вход в реку Орн. Когда занялся рассвет, он приказал погрузиться на глубину действия перископа и сверился с церковными шпилями и другими ориентирами, чтобы еще раз убедиться в том, что цель избрана верно. «Там, на берегу, паслась корова», — вспоминает Онор. Он погрузил лодку на дно пролива, бросил якорь и стал ждать.

В середине дня в воскресенье Онор возвратился на глубину действия перископа, чтобы посмотреть, что происходит. «Там были немцы из мотопехоты. Они спускались на пляж, играли в мяч, плавали. Приезжали, развлекались, эти солдаты из мотопехоты — воскресенье ведь. А мы говорили: «Ничего-то они не знают».

И вновь на дно, и вновь ожидание. Всплыли в полночь, с радио, настроенным на кодированные сообщения. Одно пришло незашифрованным, в виде голосового сообщения с острова Уайт, для «Х23» и «Х20»: «Ваша тетя сегодня катается на велосипеде». Это означало, что вторжение отложено на один день. Лодка погружается назад, на дно, чтобы ждать еще 24 часа.

Внутри субмарины было холодно, сыро, душно и тесно. Онор и его команда возились с гироскопами, чтобы хоть чем-нибудь заняться. Их беспокоил кислород; никто не знал, насколько может хватить воздуха в баллонах. Играли в покер. Пытались спать на двух койках по очереди. Нельзя было курить (вот чего действительно не хватало!). Гироскоп закрепили; больше делать было нечего.

«Не нравились нам эти двадцать четыре часа, — заявлял Онор. — Мы не знали насчет кислорода: насколько еще хватит этих чертовых баллонов. Может, они полупустые, или в них и вовсе почти ничего нет».

Когда субмарины в полночь 5–6 июня поднялись на поверхность, сообщений об отсрочке не последовало. Перезарядили батареи, и вновь на дно... В 05.00 — обратно к поверхности, стоя на якоре. Погода стояла плохая. Ветер над Ла-Маншем был такой, что волны достигали одного — трех баллов. Спустить на воду резиновую лодку было невозможно. Непонятно было, удастся ли им как следует установить мачту. Волны перехлестывали через лодку. На поверхности лодки было скользко и ощущалась качка. Те, что были внизу, подавали наверх инструменты и снаряжение, а тем, что наверху, хотелось спросить: «Какого черта?»

«Х23» закончила работу около 5.20 и немедленно начала посылать радиосигналы; на вершине мачты был зажжен зеленый огонь. Зеленый означал, что они на месте; красный означал

бы обратное. Они включили радио под лодкой; Онор описывал это как «отвратительную штуку, гудевшую под водой». Гудение должен был уловить радиолокатор и таким образом засечь место.

Начинался рассвет. Лейтенант Онор глядел на море, и «постепенно вдали становились видны большие корабли и суда поменьше, эсминцы, а потом — все эти силы преисподней, вырвавшиеся на волю». Над «Х23» проносились 14-дюймовые снаряды с линкоров и 5-дюймовые — с эсминцев. На побережье бомбардировщики и истребители наносили удары по берегу. «Я тихо стоял, глядя на все это, — вспоминает Онор, — и тут вдруг мою кепку смахнуло одним из тех самых ДСТ (Р), выпустившим около тысячи ракет».

Затем двинулись танки «ДД», «эти бедные, несчастные танки», как их называл Онор. «Они просто повалили с этих ДСТ. У них были двойные винты, и они встали в ряд, образовав линию, и тронулись. Так и тронулись к берегу в развернутом строю».

Один танк начал кружиться. Очевидно, у него погнулся винт. Он начал набирать воду и пошел на дно. «Ребята вылезли наружу, — рассказывает Онор. — Вылезли прямо как из подводной лодки — одним выводком».

Оставшаяся часть танков направилась к берегу. «Когда они плыли мимо, — отмечает Онор, — мы приветствовали их, а они — нас. Итак, наша задача была выполнена».

Онору было приказано встретиться со своим траулером и возвращаться в Англию. Боясь, что ДСТ или ДССК могут раздавить его маленькую лодку, он привязал к мачте большое белое полотнище и, держась на поверхности, удалился туда, где он оставил свой транспорт.

«Везде, насколько хватало глаз, виднелись причаливавшие суда. Даже самые маленькие суда, даже танки — и те причаливали. Повсюду люди спускались с них на берег. А с кораблей побольше... видно было, как с них спускают маленькие суда, они отчаливают от бортов. И все продолжают двигаться к берегу. Возня была ну просто как в улье, куда ни посмотри».

Онор вернулся в Англию и двинулся дальше дорогами войны. Когда 47 лет спустя его спросили, довелось ли ему когда-нибудь узнать, сколько у него оставалось кислорода, он ответил: «Нет. Мы этого так и не узнали. Да это и не важно».

Благодаря «Х20» и «Х23» танки «ДД» достигли цели. Однако они были слишком медлительны и громоздки, дабы противостоять объединенному воздействию ветра, волн и приливо-отливного течения. Они должны были достичь берега первыми, чтобы немедленно осуществить огневое подавление и тем самым поддержать высадку. Но, пока они медленно двигались к берегу, ДСТ, которые везли специализированные танки, начали их опережать. «Они просто останавливались», — вспоминал майор Кеннет Фергюсон. Когда его ДСТ обогнало танки «ДД», «я понял, — вспоминает он, — что они не очень-то туда спешат».

«Туда» означало 30-километровое пространство песчаного побережья, тянувшегося от Уистреана до устья реки Орн, а оттуда — до Арроманша, где находилась маленькая рыбацкая гавань. Там и сям в море вдавались скалы; между Люк-сюр-Мер и Лион-сюр-Мер лежала полоса

примерно километровой длины, где 10-метровые утесы были отвесными; для вторжения она явно не годилась. Но большая часть остального побережья была вполне подходящей, за исключением западной части Арроманша, где плато повышалось, сбегая к морю отвесными скалами 30-метровой высоты. Немцы поместили на вершине скалы радарную установку «Вюрцбург», но в мае бомбардировщики союзников уничтожили ее.

В восточной части пролива в крошечной бухте Арроманша скалы вновь становились отвесными и стояли одна за другой на протяжении 12 км до «Фокс-Ред» — восточной оконечности побережья «Омаха».

Побережья «Золото», «Юнона» и «Меч» напоминали «Юту» в том отношении, что в этих местах земля по направлению от берега повышалась постепенно, почти незаметно. Во всех трех случаях у края побережья не было возвышенных мест, которые нужно было бы преодолевать и с которых нападающих можно было бы сбить огнем.

Но берега, где действовали англичане, кое-чем отличались от побережья «Юта». Они были гораздо более густо застроены курортными постройками и домами. Английская пехота вынуждена была громить врага в уличных боях. На «английских» побережьях рек было не так много, как на «Юте»; англичане пользовались более обширной системой дорог. И главной их целью было взятие Кана: по утверждению генерала Монтгомери, это была важнейшая из всех задач дня «Д».

Кан был принципиально важным для немцев пунктом, гораздо более важным, нежели Карантан или Байе. Из Кана открывался прямой путь на Париж. Немцы, очевидно, должны были бросить бронетанковые соединения на Кан как можно скорее; Монтгомери намеревался захватить город, что должно было, наряду с прочим, вызвать первоначальный шок и удивление. Он хотел взять Кан до того, как немцы смогут подтянуть туда свои танковые войска. Авиаторы также торопились попасть в Кан; в дальнейшем они хотели обеспечить себе базу на высокоразвитом аэродроме Карпике восточнее Кана, и начать эти действия планировали в день «Д».

Потребовалось шесть недель, чтобы осуществить эти цели, и произошло это лишь потому, что американцы прорвались на западном фланге и грозили обойти Кан. Впоследствии Монтгомери заявлял, что всегда стремился удерживать позиции слева (в Кане) и прорываться справа (в Сен-Ло). Вокруг этого утверждения историки спорят уже очень долго. В целом позиция зависит от национальности. Большинство британских историков поддерживает Монти; все американские историки считают его утверждение ложью, прикрытием. Нет необходимости вдаваться в детали, поскольку на эту тему написано чересчур много. Невозможно проникнуть в сердце Монтгомери, чтобы увидеть его истинные намерения. Мы лишь знаем, что он говорил окружающим.

А говорил Монтгомери, что Кан имеет решающее значение и что к концу дня «Д» он его захватит.

Чтобы взять Кан, англичане пошли на самые крупные из всех своих жертв. 6-я воздушно-десантная дивизия приземлилась к западу от реки Орн так, чтобы не подпустить немецкие танки к Кану. «Бык и олени» Джона Говарда приземлились на мосту Пегас, чтобы открыть эти

перекрестки для натиска в глубь страны на Кан. В операцию были вовлечены командос.

Официальный английский историк позднее сделал вывод, что цели дня «Д» были, «вероятно, чрезмерно амбициозными, а именно: захват Байе и дороги на Кан, захват самого Кана и обеспечение безопасности левого фланга союзников вместе с плацдармом восточнее Орна... Кан находится в восьми милях от побережья... а Байе — в шести-семи. Взять их в тот день не было никакой возможности, если не вести наступление с максимальной скоростью».

Монтгомери обещал, что англичане будут наступать быстро. На заключительном брифинге в школе Святого Павла 15 мая он сказал, что в день «Д» он «глубоко проникнет» внутрь страны и «нанесет удар повсеместно и начнет бой, чтобы расчистить себе путь». Он утверждал, что, возможно, достигнет Фалеза (находящегося на расстоянии 50 км от побережья) уже в первый день, и настаивал на быстрой отправке к Кану бронетанковых колонн, поскольку «это спутает планы врага и заставит его задержаться, тогда как мы будем наращивать силы. Мы должны быстро захватить территорию и застолбить ее, глубоко проникнув внутрь страны». Он заявил, что собирается взять Кан в первый же день, прорвать немецкие линии и быстро продвигаться вдоль побережья по направлению к реке Сене.

Эти обязательства были весьма серьезными. Их принятие требовало уверенности и оптимизма, и весьма значительного. В конце мая разведка сообщила о присутствии вокруг Кана 21-й танковой дивизии, причем ее части располагались по обеим сторонам Орна. Штаб Монтгомери решил не сообщать об этом войскам (Джону Говарду и его людям не было передано ни информации, ни соответствующего противотанкового оружия).

Британский штаб не только утаивал сведения, которые могли оказаться бесценными для людей, идущих в битву, из опасения, что это снизит их боевой дух (отголосок Первой мировой войны). Штаб не мог с пользой применить весьма точные разведданные о позиции 21-й танковой дивизии. Официальный историк британской разведки времен Второй мировой войны писал: «Среди сохранившихся данных нет свидетельств тому, что она (информация. — Примеч. авт.) побудила британское командование пересмотреть и улучшить план взятия Кана... Несмотря на серьезные предупреждения от руководства разведки, командование действовало, не учитывая, что, возможно, позиции 21-й танковой дивизии широко развернуты вокруг Кана».

В качестве причины ссылаются на то, что было слишком поздно менять планы. Но за те же несколько последних дней американская 82-я воздушно-десантная дивизия изменила зоны высадки на основании новейших данных разведки относительно немецких позиций в Котантене.

Британская разведка действовала столь же успешно в сентябре 1944 г. непосредственно перед десантированием в Арнеме в ходе операции «Маркет Гарден», и вновь оказалась бесполезной, когда Монтгомери отказался применить разведданные. Англичане, как никто, умели получать сведения, но использовали их небрежно.

Препятствия на британских участках высадки напоминали те, что были на «Юте». Укрепления внутри страны были очень разнообразны, поскольку места сражений значительно отличались друг от друга. На побережьях «Золото», «Юнона» и «Меч», преодолев дамбу и противотанковый ров, люди и транспортные средства оказывались на мощеных деревенских

улицах. Пробравшись через два-три квартала, они попадали в пшеничные поля, притом обширные — местность между Уистреаном и Каном ровная и в основном лишена живых изгородей.

Чтобы предотвратить прорыв англичан на открытой местности, немцы выстроили несколько труднопреодолимых укреплений. В Рива-Белла, деревне к востоку от Уистреана, была оборудована огневая позиция мощностью в 22 единицы всех типов, включая 12 155-мм пушек. В Улгате (около 10 км от левого фланга побережья «Меч») стояла батарея, включавшая шесть 155-мм пушек. Даже ближе, в Мервиле, имелось четыре 75-мм пушки. Немецкая батарея в Лонге, на полпути между побережьями «Омаха» и «Золото», состояла из четырех 155-мм чешских орудий, находящихся на расстоянии около километра от побережья; на краю скалы был железобетонный наблюдательный пост (причем имелась возможность сообщения с батареями по подземной телефонной линии).

Вдоль побережья были разбросаны обширные огневые позиции, включавшие 75– и 88-мм орудия, минометы и пулеметы. Как всегда, амбразуры открывались на побережье, а не выходили непосредственно на море. Бетон был чересчур толстым и слишком хорошо укрепленным, чтобы быть уязвимым для снарядов корабельных пушек даже самого крупного калибра. На таких позициях должна была использоваться пехота. В дюнах у немцев было несколько «тобруков», но их было не так много, как на «Омахе»; пехотные траншеи также не были столь разветвленными.

Немецкой 716-й пехотной дивизией командовал генерал-лейтенант Вильгельм Рихтер. Он отвечал за оборону на британских участках и пессимистически относился к возможности удержаться в случае серьезного наступления. Более трети его людей были из «восточных» батальонов, в первую очередь из Советской Грузии и России. Один офицер германского штаба отметил в майском донесении: «Мы слишком многого хотим, если ожидаем, что русские будут сражаться во Франции за Германию против американцев».

Опорные пункты и узлы сопротивления Рихтера располагались на расстоянии около 800 м друг от друга; в некоторых местах расстояние составляло более километра. Рихтер замечал, что они вытянулись вдоль побережья, как нитка жемчуга. Глубина позиции была незначительной. В качестве подкрепления Рихтер вынужден был полагаться на 21-ю танковую дивизию, находившуюся на расстоянии 12 км и парализованную приказами Гитлера, или на 12-ю танковую дивизию, один из полков которой стоял к северу от Кана приблизительно на расстоянии 20 км.

Нападение англичан на 71-ю дивизию генерала Рихтера началось вскоре после полуночи с бомбового удара по побережью. В этой части побережья Кальвадос плотность населения была значительно выше, чем на «Омахе» или «Юте», и французское гражданское население жестоко страдало. Мадемуазель Женже, жившая в приморской деревне Сен-Ком-де-Френ (на западном краю области вторжения англичан), записала в дневнике: «В то утро, разбуженные в час ночи звуками отдаленной бомбардировки, мы оделись... Мы слышали, как приближаются большие бомбардировщики и как они постоянно проносятся у нас над головами». Она и ее родители оставались в углу дома, где стены были толще всего.

На рассвете «внезапно ударила большая пушка с моря. Орудие «бошей» — поменьше —

отвечало ей... Казалось, все в доме пляшет — окна, двери, все на чердаке... Нельзя сказать, что мы чувствовали себя очень бодро!»

Мадам д'Ансельм жила в Аснеле, деревне у побережья «Золото». На краю ее сада у немцев была огневая позиция. У мадам д'Ансельм было семь сыновей. Она выкопала в саду траншею, «достаточно большую, чтобы послужить убежищем для нас восьмерых и пары посторонних», — рассказывала она.

Когда началась бомбежка, мадам д'Ансельм спрятала в траншее свой маленький отряд. Они оставались там, пока не рассвело. Один из мальчиков воспользовался затишьем, когда бомбардировка временно прекратилась, и вскарабкался на стену сада посмотреть, что происходит.

— Мама, мама! — закричал он. — Гляди — море... оно все черное от кораблей!

28. «Все было определено четкими предписаниями»

50-я дивизия на побережье «Золото»

Отряд подрывников-подводников (УДТ) и инженерные войска начали высадку на побережье «Золото» в 07.35. Непосредственно за ними последовала первая волна ДСТ, которые везли танки, и ДСА, на которых находились пехотные штурмовые группы. Это произошло на час позже, чем началось вторжение американцев, поскольку приливная волна шла с запада на восток; незначительное волнение позже достигло британских участков. Но ветер дул прямо с северо-востока, нагоняя столько воды, что внешняя линия препятствий скрылась под ней прежде, чем люди из УДТ могли достичь ее.

Дальнейшая атака была удачной в том отношении, что она позволила бомбардировщикам и линкорам «поработать» над береговыми укреплениями. Многие немцы находились в курортных домиках, которыми было усеяно побережье, сосредоточенных главным образом в Ле-Амеле (центр правой части «Золота») и в Ла-Ривьер (левый фланг граничит с «Юноной»). В отличие от бетонных укреплений дома можно было поджечь снарядами с кораблей и бомбами с самолетов.

Официальный британский обозреватель описывал начало действий: «Как только начало светать, ужасающая бомбовая атака была нанесена по прибрежным районам, и вспышки зенитного огня со стороны Вер-сюр-Мер и Ла-Ривьер были хорошо видны. Кроме некоторых действий зенитной артиллерии, не наблюдалось никакого противодействия со стороны врага, хотя уже стало совсем светло и корабли были хорошо заметны с берега. Похоже, что не ранее чем началась высадка первого эшелона штурмовых войск и крейсер Королевского флота «Белфаст» не открыл огонь, враг понял, что затевается нечто экстраординарное. Далее некоторое время рейд безуспешно обстреливался береговой батареей противника, расположенной на расстоянии приблизительно три четверти мили в глубине материка. Стрельба была весьма беспорядочной, неточной и велась только орудиями 6–8-дюймового калибра».

ДСТ лейтенанта Пэта Блэйми продвигалось к берегу, а снаряды из корабельных орудий (от 5— до 14-дюймовых) свистели над головой. Блэйми командовал танком «Шерман», оснащенным 94-мм пушкой; позади него на ДСТ находилось четыре 94-мм орудия полевой артиллерии, которые он должен был втащить на берег. Батарея начала обстрел, когда до берега оставалось 12 км, и продолжала постоянную стрельбу — три снаряда в минуту — пока расстояние не сократилось до 3 км.

«Это был период бешеной активности, — вспоминал Блэйми. — Ящики из-под боеприпасов летели за борт, а я выкрикивал дальность прицела, переданную с катеров наведения. Шум был устрашающий, но ничто не могло сравниться с залпом реактивных установок, открывших огонь, когда наше штурмовое судно приблизилось к берегу».

Береговые препятствия оказались более опасными, нежели немецкая пехота или артиллерия. Немецкие снайперы сосредоточили стрельбу на командах УДТ, так что почти никакой расчистки проходов не удалось выполнить. ДСТ причалили первыми, возле Аснеля, где и разгрузили две партии «игрушек Хобарта». 12 ДСТ, столкнувшись с заминированными препятствиями, получили повреждения (от умеренных до серьезных) и потеряли часть танков и

людей.

Эта попытка ДСТ, выполненная по принципу «к черту торпеды, полный вперед», осуществлялась в соответствии с правилами руководства, установленными для рулевых Королевского флота. «Ежи, надолбы или пирамиды не остановят вашей высадки; условие успеха — ваше решительное продвижение вперед, — читаем в этой инструкции. — Ваше судно с треском их раздавит, согнет и вмажет в песок. В связи с этим допустима опасность для внешней части днища. Поэтому — вперед!

Элемент С, однако, является препятствием для ДСТ, но, двигаясь на полной скорости, вы можете его согнуть и частично миновать.

В связи с этим избегайте элемента С, если это возможно. Если же нет, попытайтесь нанести по нему скользящий удар, лучше всего возле конца «ниши». Это, вероятно, повернет его или вгонит в песок его опоры. В результате второго удара вы сможете сплющить его или миновать.

Не слишком заботьтесь о том, как вы сможете это сделать. Первая и главная цель — нанести удар и попасть на сушу, не утопив транспортные средства».

Когда рамку опустили, люди и техника ринулись на берег. Один из командос рассказывает: «Мы рвались в Нормандию. Солдаты скорее согласились бы сражаться со всей немецкой армией, чем возвращаться на корабли и по-прежнему, как во время перехода, мучиться от морской болезни. Бог мой! Эти солдаты не могли дождаться, когда же они ступят на твердую землю. Ничто не могло задержать их... они разломали бы танки на куски голыми руками».

В этом не было нужды, так как немецких танков на побережье не было. Даже сопротивление пехоты было неэффективным. Когда Блэйми выехал со своего ДСТ, таща артиллерийские орудия, он обнаружил, что «локальные укрепленные точки были нейтрализованы в результате бомбардировки. Орудийная и минометная стрельба с суши была слабой и неточной. За исключением нескольких дюжин «джерризов», побережье было оставлено врагом. Те, кого я видел, были полностью деморализованы бомбежкой. Кажется, это были монголы».

У Блэйми было чувство, что все это больше похоже на «обыкновенные учения». Он взялся за дело: подготовил линию для своих орудий, расставил флажки там, где хотел расположить 94-мм пушки (в день «Д» англичане выгрузили на берег около 200 этих отличных противотанковых орудий — значительно больше, чем американская артиллерия).

«У нас не было ощущения, что кругом царит переполох, — рассказывал Блэйми. — Все делалось по четким предписаниям: прибытие, разгрузка. Все эти хорошенькие маленькие французские дома, стоящие чуть дальше в глубь территории, были подожжены и почти все уничтожены. Я больше волновался, как бы не накренилось судно».

Когда его спросили, было ли все организовано лучше, чем он ожидал, Блэйми ответил: «Все шло с точностью механизма. Мы знали, что нас ожидает. Мы были уверены в себе. Мы очень часто отрабатывали все это, мы знали наше снаряжение, знали, как им пользоваться, как

обеспечить условия, в которых должны были сходиться с кораблями, и мы должны были показать свое умение». Блэйми выказал доверие флоту и Королевским ВВС. По его мнению, «благодаря им наша высадка оказалась несложным делом».

Когда начала прибывать вторая волна атакующих и прилив сократил ширину берега, Блэйми приказал своим артиллеристам прекратить огонь и приготовиться к продвижению в глубь суши. Он прицепил орудия к танкам и двинулся к окраине Аснеля, где остановился, чтобы заварить чай, прежде чем продолжать продвижение на запад от Мёвена. Там он подвергся обстрелу немецких 88-мм орудий с находившейся впереди возвышенности. Блэйми развернул против них свои пушки и открыл ответный огонь. Противник довольно быстро замолчал.

Побережье «Золото» состояло из секторов (если смотреть с запада на восток) «Айтем», «Джиг», «Кинг» и «Лав». Десантники из Нортумбрианской (50-й) дивизии были из Девонширского, Хэмпширского, Дорсетширского и Восточнойоркширского полков; им сопутствовали Гринховордский полк и Даремская легкая пехота, а также инженеры, связисты и артиллерийские части, за которыми следовала 7-я бронетанковая дивизия — знаменитые «Крысы пустыни».

Блэйми произвел высадку на «Джиге». Моряк Роналд Сиборн, впередсмотрящий с «Белфаста», высадился слева от него, на «Лаве». Все на ДССК, где служил Сиборн, страдали морской болезнью: «На завтрак мы ели яичницу, запивая ее рюмкой рома (это делалось не потому, что мне так хотелось, а по предписанию, обязательному для всех участников высадки)».

ДССК село на мель в 200 м или более от берега, но Сиборн — хотя и тащил свое радио — был полон желания, как и все остальные, «сбежать по трапу и прыгнуть в воду — что угодно, лишь бы оставить это орудие пытки».

ДСА обогнали Сиборна, пока он боролся с водой, доходявшей ему до груди. «Через какое-то время я был на берегу, где уже находилось примерно 200 человек; они энергично отвечали на огонь, который вели по ним обороняющиеся с Ла-Ривьер». После того как немцы подверглись бомбардировке, для Сиборна явилось неожиданностью, что кто-то из них еще жив и даже может вести ответный огонь.

Подразделение Сиборна состояло из капитана Королевской артиллерии, бомбардира и старшего телеграфиста. Они пересекли дамбу и прибрежную дорогу. Капитан приказал Сиборну сообщить на «Белфаст», что береговой плацдарм безопасен и подразделение продвигается в глубь территории, а затем начнет марш на Крепон.

Сиборну не удалось связаться с «Белфастом». После 15 минут неудачных попыток он решил следовать за капитаном.

«Пока я шел один по тропинке в направлении Крепона, никого не было видно. Вдруг с поля передо мной появились трое в немецкой форме. Я подумал, что тут-то для меня война и окончится; но они подняли руки над головами; чередуя французские, немецкие и английские слова, я выяснил, что это русские. Я указал дорогу к берегу и пошел дальше. Вскоре я пришел к маленькой церкви. На полпути через кладбище надо мной просвистел выстрел. Я упал на землю в гущу маков, затем медленно двинулся в сторону каменного надгробия, чтобы прикрытие было

надежным. Раздался еще один выстрел. Я спрятался за надгробием, осмотрелся и заметил немецкую каску. Я выстрелил в ответ, и затем несколько минут шла настоящая перестрелка, как между индейцами и ковбоями. Последним патроном я рикошетом удачно попал в противника, и он сполз из своего укрытия, так что очутился у меня на виду. Я подошел, поглядел на него, и оказалось, что передо мной молоденький мальчик, по-видимому, из «Гитлерюгенд». Мне стало плохо — еще хуже, чем было раньше, когда я провел на ДССК час или около того».

Лейтенант-коммодор Королевского флота Т. Уинни был комендантом пунктов высадки морского десанта в секторах «Аитем» и «Джиг». Он сошел на берег в 07.45, примерно в 150 м от кромки воды. Когда он шел к берегу, «с побережья и из глубины территории был открыт интенсивный огонь вражеских батарей и минометов. Немцы чуть не поразили наши ДСА».

Уинни направлялся к дамбе, когда его «насторожила группа людей, примерно около дюжины, которые совершенно спокойно сидели, очевидно, глядя на море. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что это немцы, которые должны были оборонять побережье». Они ожидали, когда их возьмут в плен.

Восточнее, в Ле-Амеле, немецкие войска не сдавали позиций. Один пулемет вел из ДОСа очень меткий огонь. Его поддерживали минометы, беглым огнем стрелявшие по берегу, который становился все уже из-за наступления прилива. Все танки, находившиеся на берегу, были выведены из строя минами (на препятствиях или при обстреле). Без танков инженерные части были не в состоянии расчистить ни одного выхода в сектор.

Немцы в Ле-Амеле (из 1-го батальона 916-го полка — части 352-й дивизии) были некоторым образом защищены, находясь в кирпичных домах и отелях, и вели равномерный огонь по побережью. Уинни решил приостановить высадку напротив Ле-Амеля и направил идущих следом за ним направо и налево, где противостояние было менее значительным и выходы были открыты. «Я также остановил расчистку береговых препятствий напротив Ле-Амеля, так как ни одно из плавсредств не причалило к берегу, и в условиях сильного прибоя под вражеским огнем это означало слишком большой риск для задействованного личного состава».

Уинни добрался до верхнего края дамбы, где вынужден был укрыться за вышедшим из строя танком. К Уинни присоединились и другие. «Подбитый танк был для нас очень кстати, — вспоминал Уинни, — так как обеспечивал узкий конус безопасного пространства, защищая от огня из ДОСа. Без него мы бы попали в гораздо худшую переделку. Единственный танк, которому удалось въехать на побережье, был танком-тральщиком. Он успешно оглушил многих из нас, пока сбрасывал свою водозащитную систему, прежде чем проследовать в глубь территории, чтобы поддержать морских командос».

Вскоре к Уинни и его маленькому отряду присоединился необычный «товарищ». Маленький самолет морской авиации, управляемый капитан-лейтенантом Королевского флота, был сбит со своего собственного корабля, в то время как передавал ему сообщение. Пилоту удалось выпрыгнуть с парашютом и благополучно приземлиться в зоне прибоя.

«Мы встретили его, когда он, шатаясь, шел по берегу. Он почти не мог говорить от ярости и требовал немедленно дать ему лодку. Более раздраженного человека я в жизни не видел и не позавидовал расчету, виновному в его вынужденной посадке».

(На следующий день произошел в чем-то сходный случай на участке побережья «Омаха». Рядовой Джозеф Барретт находился на 474-м ААА ^{70}. «П-51» появился из-за облаков и снизился; 474-й сбил его. Пилот, лейтенант, спустился на парашюте на берег. Он был одет в первоклассную форму и нес бутылку виски. Оказалось, что в ту ночь у него в Лондоне было назначено свидание, и он только думал пролететь разок над побережьем. «Он не помнил себя от злости, — вспоминает Барретт, — но нас оправдывал приказ стрелять во все, что летит ниже тысячи футов».)

Кроме Ла-Ривьер, который противник удерживал до 10.00, и Ле-Амеля, который продержался до середины дня, немцы, оборонявшие участок побережья «Золото», были не в состоянии остановить натиск людей и техники из 50-й дивизии. Не было и живых изгородей в глубине территории, чтобы сдержать продвижение. Расчет немцев строился на возможности контратаки. Возле Байе располагался боевой резерв — «Кампф-группе Мейера». Солдаты часто упражнялись в маневрах, чтобы быстро достичь побережья.

Но в 04.00 6 июня полк отправился на «гусиную охоту» — атаковать крупные соединения воздушного десанта, которые, как сообщалось, якобы высадились возле Изиньи. В 08.00 генерал Крайсс понял свою ошибку и приказал начать контрмарш назад в Байе, дабы провести контратаку в направлении Крепона. Но чтобы приказ достиг полка, потребовался час; военнослужащим пришлось проделать около 30 км, чтобы вернуться на исходную позицию. Путь проделали частично пешком, частично — на велосипедах, частично — на французских грузовиках, которые все время ломались. Еще пять часов потребовалось для того, чтобы головные подразделения приблизились к месту высадки. Так основной резерв Крайсса провел критические часы дня «Д», маршируя по сельской местности туда и обратно.

Во время марша на восток 915-й полк потерял один из трех своих батальонов, поскольку Крайсс отделил 2-й батальон и послал его в Колевиль, чтобы противостоять угрозе, исходившей от 1-й американской пехотной дивизии. Когда основная часть боевой группы Мейера, двигаясь на юг Байе, достигла места сбора в Бразанвиле, было уже 17.30, и англичане уже заняли позиции в Бразанвиле. Вместо того чтобы атаковать, боевая группа Мейера была вынуждена перейти к обороне. Полковник Мейер был убит. Контратака на побережье «Золото» не осуществилась.

Но боевая группа Мейера сослужила немцам свою службу: сопротивление, которое она оказала в Бразанвиле, сдержало наступление 50-й дивизии. Из-за чрезвычайной усталости и неудач в расчистке береговых препятствий дополнительные волны атакующих этой дивизии задержались с высадкой на два часа или более. Дорога на Байе была свободна вплоть до 17.30, но англичане слишком опоздали, чтобы использовать это преимущество. Тем не менее им удалось достичь Бразанвиля вовремя, чтобы задержать Мейера, и они заняли позицию, позволившую им двинуться на Байе на следующий день.

Эта схема развития событий повторилась на всех британских и канадских участках побережья. Штурмовые отряды пересекали берег через внешнюю сторону немецкой оборонительной системы относительно легко. Но идущие вслед за ними задерживались из-за сильной усталости и изобилия препятствий на побережье. На берегу штурмовым отрядам не удавалось продвинуться так быстро или так далеко, как ожидал от них Монтгомери. Всем хотелось остановиться, чтобы попить чаю и поздравить самих себя с выполнением задачи —

высадка была осуществлена.

Продвигаясь днем, они вели себя осторожно, надеясь, что артиллерия или «игрушки Хобарта» подавят сопротивление. Наступлению противостояло небольшое количество танков и артиллерии. Немцы бросили силы в ту область, которая была для них исключительно важна. Байе располагалось на № 13 — дороге, которая шла от Кана на Шербур, а Кан был воротами на Париж, если двигаться на восток.

Приключения моряка Сиборна (фамилия означает «рожденный в море». — Примеч. пер.) в течение дня — лишь небольшая иллюстрация тех проблем, которые возникли у англичан после очистки побережья. После перестрелки с немецким снайпером на кладбище Сиборн поспешил догнать капитана своей команды «впередсмотрящих». Догнав, он обнаружил, что капитан присоединился к передовым пехотным соединениям. Они были не в состоянии продвигаться по вине немецкого танка, укрывшегося в поле у дороги.

Капитан велел Сиборну связаться с «Белфастом» по радио и подготовиться дать крейсеру координаты, чтобы он мог подбить танк, но пехотный командир попросил его не вызывать огонь судовых орудий, поскольку его люди находились слишком близко к танку. Капитан Сиборна предложил залечь метров за 100, но командир пехотинцев не согласился и на это.

— Что пользы просто держаться вместе с войсками? — заметил Сиборну капитан. — Если нам надо сделать что-то полезное, мы должны быть впереди. Тогда мы сможем ввести «Белфаст» в игру без риска для нашей стороны.

Команда отправилась в Крёли (пехота, которая не желала ни нападать на танк, ни отступать, осталась на прежнем месте) и около полудня достигла деревни, расположенной примерно на расстоянии 7 км от моря. Сопротивления оказано не было, хотя команде сдалось восемь солдат в немецкой форме. Пять из них оказались русскими. Трое горячо отрицали, что они русские: это были литовцы, ненавидевшие русских столь же сильно, как и немцев. Англичане послали эту группу в сторону побережья.

Команда Сиборна поспешила вперед. В 15.00 она достигла № 13 у деревни Сен-Леже, расположенной на полпути между Байе и Каком. «Там мы осторожно пересекли дорогу и оказались посреди группы домов на той стороне. Обстановка была по-настоящему сельской: деревенская зелень, кафе, высокое дерево посреди лужайки и две-три скамейки на траве. Все вокруг было очень тихо и спокойно. Кто сказал, что война продолжается? Это было очень приятно, но мы пришли не за этим».

Капитан решил вскарабкаться на дерево, чтобы осмотреть местность. «Так что мы двинулись наверх. Вдруг мы услышали под собой грохот. Поглядев вниз, мы увидели немецкий вездеход. Он въехал на площадь и остановился под нашим деревом». Шесть немецких солдат выкарабкались из него, облегчились у дерева, затем влезли обратно. «Мы надеялись, что это было единственной причиной остановки, но, к нашему испугу, вездеход не двигался». Десять минут спустя другой вездеход, громохоча, въехал на площадь; вскоре за ним последовал третий.

Капитан прошептал Сиборну:

— Пошлите сигнал на «Белфаст»: «Уничтожьте Дедал» (кодовое наименование Сен-Леже. — Примеч. авт.).

Телеграфист побледнел.

— Не сходите с ума, — прошептал он яростно. — Какая, к черту, от этого польза? «Джерриз» непременно услышат морзянку.

Капитан прошипел:

— Это бунт перед лицом врага. Я вас застрелю.

— Заткнитесь, — выпалил в ответ телеграфист, — или нас всех застрелят.

Сиборн сделал свой выбор и не послал сообщения.

Немцы разделились. Половина уехала на одном из вездеходов на восток, другая половина вскочила во второй, чтобы вести его на запад, а третий остался без охраны на площади. Телеграфист соскользнул по стволу, Сиборн — за ним. Они соединили провода и завели вездеход, вскочили в него и уехали. Командир, вскарабкавшийся в вездеход на ходу, посылал проклятия в адрес телеграфиста и Сиборна.

«Мы пересекли № 13 в обратном направлении, — вспоминал Сиборн, — и поехали по узкой дороге в сторону Крёли. Возле деревни мы остановились и вылезли из вездехода. Я послал сообщение на «Белфаст», и вскоре мы вновь присоединились к нашим войскам».

Маленькая группа Сиборна была единственным соединением англичан на участке «Золото», которое в тот день пересекло № 13. Она продвинулась дальше, чем другие соединения союзников. Но никаких значимых результатов она не достигла и в конце концов расположилась на ночлег в Крёли.

47-й Королевский морской диверсионно-десантный отряд высадился в секторе «Айтем», далеко справа, возле Сен-Ком-де-Френ. Суда пострадали от береговых препятствий: 15 из 16 получили повреждения. Поначалу пулеметный огонь был силен; один из моряков крикнул товарищам:

— Похоже, мы помешали. Кажется, этот берег — частное владение.

Но немцы из 352-й дивизии вскоре угомонились. Высадившись, британские морские пехотинцы сочли, что это неинтересно, «вроде учений у себя дома». У них было так мало работы, что они начали выгружать боеприпасы.

Задачей моряков было вторгнуться на территорию, повернуть направо (на восток), пройти на юг Арроманша и Лонге и захватить Порт-ан-Бессен с тыла. Порт-ан-Бессен находился на полпути между «Омахой» и «Золотом»; предполагалось, что моряки соединятся с американцами в этом крошечном порту. Но ни моряки, ни американцы не попали в Порт-ан-Бессен до наступления ночи, хотя моряки действительно приблизились к нему на расстояние

километра и взяли порт на следующий день.

Совершая переход на запад, моряки прошли Лонге-сюр-Мер. На крутом утесе у края деревни немцы выстроили превосходный, большой пост, соединенный подземной телефонной линией с батареей из четырех 155-мм орудий, расположенной примерно в километре позади скалы. Пост наблюдения был двухэтажным. В нижнем этаже, большей частью скрытом под землей, находились комната для радиопеленгатора, штурманская рубка, телефонный коммутатор и прочее снаряжение. Верхний этаж был защищен бетонной плитой более метра в толщину, усилен стальными брусками и поддерживался стальными полосами. В нем помещался дальномер. Орудия располагались в четырех отдельных укреплениях, также сделанных из железобетона метровой толщины, с подземными складами боеприпасов.

Точные координаты этой батареи англичане получили благодаря слепому сыну фермера, владельца этой земли, а также Андре Хайнцу, отправлявшему сообщения по самодельному радиопередатчику.

Вскоре после того как рассвело, батарея — на нее сбросили тонны бомб с воздуха и снарядов с моря в ходе бомбардировки, предшествовавшей вторжению, но едва поцарапали — открыла огонь по линкору «Арканзас», бросившему якорь в 5 км от побережья «Омаха». «Арканзас» отвечал огнем; его поддерживали два французских крейсера. Затем батарея повернула пушки, чтобы стрелять по английскому военному судну «Булоло» — штабному кораблю на участке побережья «Золото», стоявшему в Ла-Манше приблизительно в 12 км от берега. Стрельба была достаточно точной, чтобы вынудить «Булоло» поменять позицию.

В этот момент английский крейсер «Аякс», прославившийся благодаря действиям против немецкого карманного линкора «Адмирал граф Шпее» у Монтевидео 13 декабря 1939 г., вступил в поединок с батареей в Лонге-сюр-Мер; начался, так сказать, поединок корабля с крепостью. «Аякс» находился примерно в 11 км от берега, но вел настолько точную стрельбу, что через двадцать минут две немецкие пушки замолчали. Они не были уничтожены, но шок и потрясение, вызванное точными ударами по бетонному укрытию, настолько деморализовали немецких артиллеристов, что они оставили позиции.

Удар «Аякса» по третьей огневой позиции оказался то ли самым точным, то ли самым удачным за всю историю вторжения (возможно, и тем и другим). В живых не осталось никого, так что невозможно узнать, что действительно случилось, но данные с места события и по прошествии пяти десятилетий свидетельствуют о том, как все должно было произойти. Весь механизм казенной части 155-мм орудия попросту отсутствует. Стальной ствол толщиной в три дюйма лежит разорванный на куски. Огневая позиция выглядит так, как если бы внутри взорвалась атомная бомба.

Очевидно, один из выстрелов «Аякса» попал в амбразуру укрытия в тот момент, когда казенная часть орудия была открыта и расчет загружал в нее снаряд. В этот момент стальная дверь, ведущая на склад внизу, была открыта: пламя взрыва метнулось в помещение склада и вызвало новый взрыв множества хранившихся там 155-мм снарядов.

Это был взрыв невероятной силы. Он сорвал бетонную крышу, разбросав вокруг куски размером с автомобиль. Вряд ли уцелели останки хотя бы одного из артиллеристов...

Двадцать пять лет спустя капитан «Аякса» принимал в гостях молодую американскую студентку, учившуюся в Англии. Она была дочерью американки, с которой он встречался во время войны, и она только что вернулась из Нормандии. Девушка завела с капитаном разговор о его дуэли с батареей в Лонге-сюр-Мер. Он описал ее и заметил, что часто раздумывал, но никогда не мог понять, как он получил точные координаты столь хорошо замаскированных укрытий.

— Ну, — сказала девушка, — я знаю. Я только что говорила с Андре Хайнцем (профессором истории в Канском университете), и он рассказал мне.

Затем она поведала историю о слепом мальчике и его отце, шагами измеривших расстояния и передавших информацию Хайнцу в Байе.

Мадемуазель Женже жила в Сен-Ком-де-Френ, где высадилась Королевская морская пехота. Вечером 6 июня она записала в своем дневнике: «То, что казалось невозможным, произошло на самом деле! Англичане высадились на французском побережье, и наша деревушка стала знаменитой за несколько часов! Ни одного убитого или раненого среди жителей. Как выразить наше удивление после столь долгих лет ожидания, исполненных изумления и страха?»

Утром она и ее друг пошли на край скалы поглядеть, что случилось. «Какой вид открылся перед нами! Насколько хватало глаз, видны были корабли всех видов и размеров, а в воздухе плавали большие воздушные шары, блестевшие серебром на солнце. Небо взад-вперед бороздили большие бомбардировщики. До самого Курселя не было видно ничего, кроме кораблей».

Мадемуазель Жеиже вернулась в Сен-Ком, где столкнулась с английскими солдатами. «Англичане думали, что все жители были эвакуированы с побережья, и очень удивились, обнаружив их дома. Наша маленькая церковь получила прямое попадание в крышу; вспыхнул пожар, но усилиями жителей он вскоре был потушен. Пушки стреляли. Какой повсюду шум и запах гари!»

Она размышляла, не снится ли ей это. «Неужели все это действительно правда? — писала она. — Мы наконец освобождены. Огромная сила, которую представляет собой вся эта военная техника, — это фантастика, а то, что она действует столь точно, — нечто непостижимое... Пройшла группа «томмиз» и попросила у нас воды. Мы наполнили их бутылки, перекинулись несколькими словами, и, раздавая детям шоколад и сласти, они двинулись дальше своей дорогой».

Капитан-лейтенант Уинни заметил, что с наступлением ночи на побережье «все стихло. В памяти осталось жуткое чувство. Вокруг не было видно ни души». Он пошел в фермерский дом, задней стороной выходивший на ДОС, который доставил столько неприятностей в Ле-Амеле с утра, и был удивлен, услышав внутри шум. Он постучал в дверь, «и, к моему изумлению, появилась старая женщина. Выглядела она совершенно равнодушной. Очевидно, она находилась там целый день, выполняя работу по дому, как обычно».

К наступлению темноты 6 июня англичане на побережье «Золото» продвинулись в глубь территории примерно на 10 км и соединились с канадцами на левом фланге. Они достигли скал, откуда был виден Арроманш. Они не взяли Байе и не пересекли № 13, однако заняли позиции, позволившие им сделать это на следующий день. На берег высадилось 25 000 человек; потери составили 400 человек. Это было хорошее начало.

29. Расплата

Канадцы на «Юноне»

19 августа 1942 г. 2-я канадская дивизия при поддержке английских командос и небольшого соединения американских рейнджеров произвела нападение на порт Дьеп в верхней части Нормандского побережья примерно в 100 км от Гавра. Это было не вторжение, а рейд, неудачно спланированный и плохо выполненный. Канадцы понесли огромные потери: за шесть часов три четверти из них было убито, ранено или взято в плен; весь 7-й батальон командос был уничтожен.

В Дьепе по обе стороны побережья на скалах располагались немецкие 88-мм орудия, а также пулеметы в ДОСах; войска находились в траншеях. Все побережье было покрыто галькой; это делало невозможным его пересечение танками и затрудняло продвижение людей. Предварительной бомбардировки с кораблей или самолетов проведено не было. Атакующая пехота превосходила противника численностью не более чем в два раза, а обороняющиеся войска имели хорошую подготовку.

Пропаганда союзников попыталась выдать Дьеп за репетицию, из которой были извлечены крайне необходимые уроки — те, что были применены 6 июня 1944 г. Но в действительности единственным полученным уроком было следующее: нельзя атаковать укрепленные порты в лоб. Дьеп был национальной катастрофой, и канадцы обязаны были вернуть немцам долг. На участке «Юнона» они его возвратили.

Курсель-сюр-Мер, находившийся в центре участка побережья «Юнона», представлял собой наиболее мощно укрепленный пункт на всем пространстве от Арроманша до Уистреана. Сент-Обен и Лангрюн, слева (на востоке) от Курселя, тоже были хорошо защищены. У 716-й дивизии генерала Рихтера было одиннадцать тяжелых батарей, в основном состоящих из 75-мм орудий. Предполагалось, что все будут укрываться в бункерах, но только два из них были достаточно укреплены. В остальном орудийные расчеты были защищены бункерами без крыши или прятались в земляных окопах в открытом поле.

В Во, Курселе, Верньере и Сент-Обене имелись «гнезда сопротивления»; каждое было хорошо укреплено железобетоном. Они были усилены траншеями и окопами, окружены колючей проволокой и минными полями. Все оружие расположили так, чтобы вести продольный огонь вдоль побережья, а не стрелять прямо в море; зоны огня были рассчитаны, чтобы блокировать значительную массу береговых укреплений, расположенных в непосредственной близости от высшей точки прилива. Немцы полагали, как заметил Джон Киган, «что сочетание неподвижных препятствий и продольного огня, ведущегося из узлов обороны, обеспечит уничтожение любых сил противника при попытке высадиться на берег».

Но у генерала Рихтера было и несколько серьезных проблем. Его «гнездо сопротивления» находилось на расстоянии километра от остальных. Силы его были практически неподвижны — чтобы передвигать артиллерию, 716-я дивизия использовала лошадей, а люди шли пешком. Вооружение представляло собой смесь из трофейных винтовок и пушек. В личный состав входили военнослужащие моложе 18 или старше 35; ветераны Западного фронта от 20 до 30 лет,

страдавшие от ран, которые делали их в той или иной степени непригодными для службы, и солдаты «восточных» батальонов из России и Польши. Им было приказано стоять насмерть. Запрещалось отступать даже на дюйм, и немецкие служащие сержантского состава присутствовали здесь же, дабы обеспечить выполнение этих приказов. (В любом случае расположенные вокруг минные поля и колючая проволока удержали бы немецких солдат внутри так же, как и канадцев — снаружи.) В бою один на один они вряд ли смогли бы соперничать с молодыми, стойкими, прекрасно обученными канадцами. К тому же последние превосходили их числом во время первой волны атаки в соотношении 6:1 (2400 канадцев, 400 немцев).

В канадскую 3-ю дивизию входили лесорубы, моряки, угольщики, фермеры. Все были крепки, работали на открытом воздухе, и все были волонтерами (Канада участвовала во Второй мировой войне, но в зону боевых действий отправлялись только добровольцы). Путь сапера Джоша Онана в «добровольцы» знаком всем ветеранам. Он работал землемером в инженерной компании в Канаде, когда в конце 1943 г. полковник вызвал его в штаб.

— Вы ирландец, — заявил полковник. — Да, сэр.

— Ирландец всегда не прочь хорошо подраться, не так ли? У нас есть для вас работа. Нам бы хотелось, чтобы вы взялись за нее.

Онан ответил, что охотно остался бы со своей компанией.

— Мы вместе, сэр, мы собираемся за море, и я не хотел бы разлучаться с товарищами.

— Пусть это вас не беспокоит, вы сможете снова встретить их в Англии.

Онан спросил, что за работа; полковник ответил, что не может этого сказать.

— Единственное, что я могу вам сообщить, что в Англии сейчас много тех, кто охотно поменялся бы с вами местами.

— Один действительно поменяется, — ответил Онан.

— Ну, вы же ирландец, вы там повеселитесь. Я обещаю, что эта работа доставит вам полное удовольствие.

— Правда?

— О да, я знаю вас, ирландцев, вы любите подраться. Не правда ли?

В интервью Онан заметил: «Мне не особенно понравился этот разговор о веселой работе, где приятно подраться», — но деваться было некуда. Через несколько дней он уже ехал в Англию, где обнаружил, что его работа была едва ли не худшей из всего, что только можно вообразить: ему предстояло идти перед первой волной атакующих и уничтожать береговые препятствия.

Ночью, переправляясь на своем ДСТ, Онан заметил, что люди, в компании которых он

оказался (Королевские стрелки из Риджайны, направлявшиеся к участку «Юнона», в сектор «Майк»), проводили время то заостряя ножи, кинжалы и штыки с помощью точильных камней, то играя в покер. Он увидел человека, у которого был нож с деревянной рукояткой, покрытой кожей. В рукоятку был вделан большой камень наподобие бриллианта. Человек «точил нож как сумасшедший». Другие «играли в покер. Прежде я не видел ничего подобного. Их было бесполезно сдерживать: ничто не могло их остановить, как будто от выигрыша зависела их судьба». Когда подошли офицеры, солдаты сделали вялую попытку спрятать деньги под одеяла, на которых играли.

В ответ на вопрос, почему офицеры не попытались удержать людей от игры, Онан сказал не раздумывая: «В этой ситуации никто никого ни от чего не смог бы удержать».

Онан заметил, что одинокий корабль быстро движется сквозь колонну между рядами судов. «Пока он проплывал мимо, на носу был виден одинокий музыкант, игравший на волынке. Его силуэт вырисовывался на фоне вечернего неба, и до нас доносилась грустная мелодия: «Мы никогда не вернемся назад». Это было очень трогательно; все притихли, просто стояли и смотрели, не произнося ни звука. Постепенно судно миновало нас и исчезло вдали. И много раз мы думали, что никогда не вернемся назад».

По плану канадцы должны были причалить в 07.45, но бурное море задержало их на 10 минут и более. Другой причиной задержки была ужасная морская болезнь («Лучше уж смерть, чем это», — пожаловался одному из своих товарищей Генри Джералд, рядовой из числа Королевских виннипегских стрелков. В заключительных сообщениях им передали, что всем ДОСам, пулеметам и пушкам будет «капут» в результате бомбардировки с самолетов и кораблей, однако в реальности дело обстояло не так.

Бомбардировка ночью 5–6 июня, произведенная в полночь по приказу командования бомбардировочной авиации ВВС, была достаточно мощной: 5268 т сброшенных бомб. Это был наиболее интенсивный налет, произведенный англичанами за всю войну. Однако проведен он был с вопиющей неаккуратностью. Американские «Б-17» прилетели на рассвете, но, как и в «Омахе», начали сбрасывать бомбы через 30 секунд после того, как миновали цель. В результате бомбы упали далеко в глубине территории. Укреплений было разрушено очень мало, а на «Юноне» — ни одного.

Крейсеры и линкоры Королевского флота начали стрельбу около 06.00. Эсминцы вступили в действие в 06.19. В 07.10 к ним присоединились танки и 94-мм пушки на ДСТ; за ними последовали ракеты с ДСТ(Р). Это был самый сильный обстрел, когда-либо производившийся с кораблей по берегу. Но дым и мгла были таковы, что очень немногие снаряды действительно попали в цель (группа, анализировавшая попадания, впоследствии подсчитала, что лишь около 14 процентов бункеров вышло из строя).

Дым был настолько плотным, что большая часть державших оборону немцев не могла видеть моря. В 06.45 обычное утреннее сообщение 7-й армии, адресованное главному командованию «Запад», гласило: «Цель обстрела с судов не вполне ясна. Представляется, что это дополнительная акция, связанная с предстоящими впоследствии атаками на наши точки». Случайный ветер унес дым прочь; после этого немцы смогли увидеть «бесчисленные суда, большие и малые, в невообразимом количестве».

Обстрел был прекращен в 07.30, когда предполагалось прибытие первой волны атакующих на берег. Это дало немцам время вернуться на позиции и поставить людей к орудиям. «Все, чего удалось добиться в результате артподготовки, — замечает рядовой Генри, — это предупредить врага и дать ему возможность закрепиться там, куда должны были бежать наши парни». Другой солдат из числа Королевских виннипегских стрелков отмечает: «В результате обстрела не удалось убить ни единого немца и заставить замолчать хотя бы одно орудие».

Тем не менее, когда канадские десантные суда приблизились к берегу, по большей части покрытому водой из-за сильного северо-западного ветра, там стояла жуткая тишина. Немцы не стреляли, и это обнадежило канадцев. Они еще не поняли, что этому была своя причина: все немецкие ружья и пушки были нацелены на побережье.

Джош Онан находился на ДСТ, ожидая разгрузки на ДСА с целью заключительного броска (на расстояние 5 км или около того) к побережью. Один из его товарищей спросил:

— Может быть, это только репетиция, как вы думаете?

— Слишком тщательно для репетиции, — ответил Онан.

Онан втайне надеялся, что командовавший ими офицер забудет о его водолазной команде. «Это было похоже на то, как вызывают к зубному, — рассказывал Онан. — Я надеялся, что не буду следующим, что найдется кто-то, кто пойдет передо мной. Но тут этот тип с рупором позвал:

— Штурмовая группа саперов, занять свои места на судне № 6, БЫСТРО!»

Благополучно завершив погрузку, ДСА, на котором находился Онан, присоединилось к пяти другим судам и начало двигаться по кругу. Онан отправился к трапу, чтобы следить за происходящим. Он заметил, что у всех канадских солдат очень загорелые лица, в то время как английские моряки бледны, как луна. Онан искал глазами ориентиры на берегу, но ничего не мог разглядеть из-за тумана.

Суда начали сближаться друг с другом, но не в должном порядке. ДСА стали сбиваться с курса и терять управление, сталкиваясь друг с другом и с береговыми заграждениями.

Когда передовое судно — перевозившее в основном инженеров и водолазов-подрывников — достигло внешней линии заграждений, оказалось, что их четвертая часть или даже более была оснащена тарелочными минами. Мины были недостаточно мощными, чтобы выбросить суда из воды или каким-либо иным образом разрушить их (верхушки мин торчали наружу, так что проку от их взрывной силы было немного), но они могли продырявить днища кораблей или повредить трапы.

ДСА, на котором находился Онан, подходило к берегу напротив Берньер-сюр-Мер. Онан попытался дать указание старшине судна избегать заграждений, «но тот не настолько хорошо управлял им, чтобы сделать это. Кончилось тем, что мы налетели на вершушку одного из препятствий, причем рампа торчала над ним. Прямо рядом с нами была мина, которая все время

постукивала.

Майор Стоун (командир Онана) сказал:

— Я пошел.

— Флаг вам в руки, — отвечал я, но в мои обязанности входило охранять Стоуна, поэтому я последовал за ним».

Онан выбросил за борт все снаряжение — винтовку, взрывчатку, переносную рацию — и погрузился в воду вслед за майором.

«Стоун поплыл по направлению к носу судна, и я сказал себе: «Черт возьми, мне придется делать то же самое». Я поплыл вперед. Заграждение состояло из двух примыкающих друг к другу пирамид, скрепленных проволокой. У майора были кусачки, и он сказал:

— Я перережу проволоку. Я ответил:

— Отлично, а я сниму детонаторы.

Я оседлал пирамиду, обхватил ее ногами и стал отвинчивать детонаторы. Стоун закричал, чтобы несколько человек слезли с корабля, а остальные шли на корму, чтобы помочь высвободить нос судна. Тогда дюжина солдат нырнула в воду, мы все уперлись плечами в нос ДСА и подтолкнули его».

Было около 8.00. Передовые ДСА, которые перевозили штурмовые группы, спускали свои ramпы. Канадцы шли пешком к берегу, преодолевая заграждения.

Немцы открыли огонь. Снайперы и минометчики целились в десантные суда, тогда как пулеметчики сосредоточили огонь прежде всего на пехоте. Пули поднимали вокруг Онана маленькие фонтаны. Ему, майору Стоуну и другом удалось сойти с ДСА. Трап был спущен, и пехота направилась к берегу, тогда как Онан двинулся к следующему заграждению, чтобы снять детонатор с установленной на нем мины.

«Мои товарищи атаковали доты; такая у них была работа, а я выполнял свою. Я был удобной мишенью, и работать было нечем — только голыми руками». Начавшийся прилив скрыл заграждения под водой быстрее, чем Онан успел открутить детонаторы. «Я мог действовать, — рассказывал он, — только держась ногами за заграждения, чтобы меня не смыло, и пользоваться лишь одной рукой».

Около 8.15 он решил: «К черту все это, отправляюсь на берег». Онан поплыл к берегу. Там ему попалось обезглавленное тело. Этого человека, очевидно, ранило, когда он находился в воде, а затем его переехало ДСА. Ему отсекло голову винтом. В его руке был зажат нож, который Онан заметил ночью, — нож с драгоценным камнем, похожим на алмаз, вправленным в кожу на рукоятке.

Когда Онан достиг дамбы, двое парней вытащили его из воды и поставили на ноги. Один из

них достал флягу с виски и предложил ему глотнуть.

— Нет, спасибо, — отвечал Онан.

Солдат отпил сам и спросил:

— Вы что, трезвенник?

— Нет, — отвечал Онан, — но я боюсь, что эта гадость заставит меня расхрабриться или со мной случится еще что-нибудь похуже.

Онан направился в деревню, где не выходил из укрытия до тех пор, пока пулеметный огонь немцев не был подавлен. «Я сделал свое дело, — объяснял он, — и следил теперь, как этим занимаются другие». Действительно, он не мог обезвреживать заграждения, пока прилив не пошел на убыль.

Вскоре стрельба прекратилась, и люди начали выходить на улицу, приветствуя своих освободителей и бросая им букеты роз. Тут появился деревенский священник.

— Месье кюре, — сказал Онан на своем лучшем школьном французском, — надеюсь, вы рады нашему прибытию.

— Да, — отвечал священник, — но я обрадуюсь еще сильнее, когда вас прогонят. — Тут он печально указал на дыру в куполе своей церкви XVII в.

Подошел парикмахер и спросил, не хочет ли Онан коньяка. Нет, ответил Онан, «но я хотел бы побриться». Парикмахер был рад услужить, поэтому «я вошел и сел в кресло как был — в совершенно мокром обмундировании, с водой в ботинках. Он побрил меня».

Освежившись и отдохнув, Онан вернулся на берег, чтобы вновь приступить к работе. «Я успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как танки «ДД» выходят на берег. Два из них выползли из воды. Таких я прежде не видел и не слышал о них, и мне они показались морскими чудовищами, надвигающимися из глубины. Эти два танка вытащили свои поплавки и начали маневрировать, уклоняясь от снарядов».

Сержант Роналд Джонстон был водителем танка. В 05.00, находясь в Ла-Манше в месте якорной стоянки, он выгрузился с ДСТ на паром «Райноу». Выгрузка не вдохновила его: ему не случалось прежде выполнять этот маневр. Стальные гусеницы скользили по стальной палубе «Райноу», и танк Джонстона чуть не нырнул в воду. В конце концов он занял намеченную позицию. Перед ним стоял джип.

Джонстон подошел к водителю джипа и спросил:

— Этот джип водонепроницаемый, не так ли?

— Да, а что?

— Я очень, ну просто из всех сил надеюсь на это: ведь если он застрянет, я поеду прямо поверх него.

Когда паром коснулся берега, вспоминал Джонстон, водитель джипа чуть не сломал себе шею, оглядываясь, чтобы убедиться, что танк «Шерман» не приближается.

Джип выполнил все удачно; Джонстон следовал за ним. Очутившись на берегу и обнаружив, что ему придется ехать прямо по убитым и раненым пехотинцам, он испугался. «Пришлось просто выкинуть это из головы и забыть, — замечает он. — Вперед вел только один путь».

Танк Джонстона вез два мотоцикла, привязанные к выхлопным трубам. К нему был прицеплен трейлер с боеприпасами. Бездымный порох (кордит) был сложен вокруг водозащитных и выхлопных труб, соединенных проволокой. Когда мотоциклы были отвязаны, Джонстон получил распоряжение от командира танка нажать кнопку, которая воспламенила порох, и сбросить водозащитную систему. «Произошел адский взрыв».

На побережье «все казалось нереальным. Такой бешеный пулеметный огонь... Множество пехотинцев были еще в воде и не могли выбраться на берег. Они укрылись за танками».

Командовавший танком офицер велел Джонстону повернуть налево. «Я посмотрел и сказал:

— Боже мой, нет. Командир спросил почему.

— Я не хочу больше переехать сегодня никого из моих товарищей, — ответил Джонстон.

Сержант Том Плам командовал минометным расчетом в частях Королевских виннипегских стрелков. Он прибыл на ДСТ. Когда была спущена рампа и танки съехали на берег, ДСТ было отведено назад, туда, где было глубже. Тем не менее капитан приказал сержанту (в целях поддержки первой части нападающих) спускаться на берег, воспользовавшись перевозочным средством для миномета. Сержант пытался протестовать, говоря, что здесь слишком глубоко, но капитан был непреклонен.

Первое транспортное средство соскользнуло вниз и немедленно затонуло на четырехметровой глубине. Люди выплыли, задыхаясь и ругаясь.

Капитан приказал выгружать второе перевозочное средство, но сержант взбунтовался и потребовал высадки на сушу. Капитан угрожал ему военным трибуналом, но сержант держался стойко. В конце концов капитан сдался, поднял рампу, повернул, вновь приблизился к берегу, и Плам и другие высадились на сушу. «Потом этого командира судна с позором разжаловали», — замечает Плам не без удовлетворения.

У капитана были основания для колебаний, побуждавшие его выполнить знаменитый судовой маневр, известный как «смываемся отсюда к черту». Вокруг него, вдоль всего побережья «Юнона» десантные суда подрывались на тарелочных минах. Многие подорвались на подходе, еще большее число — во время выгрузки находившихся на них людей и

транспортных средств: ведь пока они плыли, вода прибывала, и волны гнали их в сторону заминированных заграждений. Половина или более десантных судов возле участка «Юнона» получила повреждения, четверть затонула.

Сержант Сиги Джонсон из подразделений Королевских стрелков из Риджайны первым покинул ДСА. Судно застряло на отмели. Сделав пару шагов вперед, Джонсон провалился по горло. «Затем накатила волна, которая подняла баржу, и та прошла прямо надо мной». Рассказывая об этом, Джонсон сделал паузу, покачал головой и произнес с удивлением в голосе: «И я до сих пор жив и рассказываю об этом...» Одному из его товарищей задело живот и ноги. Несмотря на ранения, он пошел прямо на ДОСы.

«Он застрелил одного из пулеметчиков, а другого схватил за горло. Задушил немца, а потом умер сам, и когда мы нашли его, его руки по-прежнему сжимали горло противника».

К берегу подплыл танк «ДД», сбросил поплавки и открыл огонь из своей 75-мм пушки. К несчастью, он задел часть канадской пехоты. Джонсон смог забраться на танк и добиться от его командира, чтобы тот перестал стрелять. Когда его спросили, как могло произойти, что по своим был открыт огонь, Джонсон ответил: «Этот танк одним из первых оказался на суше. Танкисты увидели войска, а форма солдат, думается, была черной от воды. Вот они и начали стрелять». Джонсон указал на 37-мм орудие около здания и предложил танкистам уничтожить его.

Целиком зависело от случая, высадутся ли пехотинцы из штурмовых групп в своем секторе до того, как там появятся танки, или вместе с ними, или танки окажутся на берегу уже после пехоты. В целом танки «ДД» опоздали, если и появились вообще; капитаны ДСТ, решив: «К черту приказы! Что бы там ни было, будем высаживаться» — вводили танки в действие как раз в тот момент, когда подрывники-водолазы начинали работать на заграждениях.

Куда высадится пехота — на землю или в глубокую воду, — было также делом случая. Сержант Макквайд, ирландец, соскочил с ramпы туда, где глубина была по шею. Среди проклятий, которые он выкрикивал, было:

— О дьявол! Они хотят меня утопить еще до того, как я ступил на берег.

Немцы открыли огонь, когда пехота пробиралась через заграждения навверх, к дамбе. Первая волна канадцев понесла ужасающие потери, в некоторых ротах почти такие же тяжелые, как среди первых десантников на «Омахе». Виннипегская рота «Б» была уничтожена вся, кроме одного офицера и 25 солдат, до того, как достигла дамбы. Королевская стрелковая рота «Д» из Риджайны потеряла половину сил, даже не достигнув побережья.

Автор истории полка описывает следующую сцену: «Рота обнаружила, что бомбежка не разрушила огромный каземат в их секторе. У этой крепости были укрепленные бетонные стены толщиной в четыре фута; в ней помещалось 8 8-мм орудие, а также пулеметы. Вдобавок за пределами укрепления имелись бетонные траншеи, обильно усеянные огневыми точками». Чтобы уцелеть, люди прятались за танками, пока не достигали дамбы.

Королевский стрелковый полк высадился в Бернье. Ему сопутствовали танки «ДД» из

Форт-Гарри-Хорс (10-й бронеполк). Одним из танков управлял сержант Гарипи.

«Скорее случайно, чем намеренно, — рассказывал он, — мой танк вышел вперед. По пути на сушу я был удивлен, встретив друга — миниатюрную субмарину, которая прождала нас 48 часов. Матрос помахал мне, указывая прямо на мою цель... Я помню его очень четко: он стоял в люке рулевой рубки, соединив руки вместе, — желал мне удачи. Я ответил старым армейским жестом: «И тебе тоже, приятель!»

Мой танк был первым вышедшим на берег, и немцы открыли пулеметный огонь. Но когда мы остановились на берегу... они поняли, что перед ними танк, только в тот момент, когда мы стащили вниз наше парусиновое обрамление из поплавков (приспособление для плавания). Тогда они увидели, что это «Шерманы».

Они здорово удивились. Я до сих пор очень живо помню кое-кого из пулеметчиков, которые стояли на своих постах, глядя на нас широко разинув рот. Увидеть танки, выходящие из воды, было для них сильным потрясением».

Целью Гарипи была 75-мм пушка, которая вела продольный огонь вдоль берега. Когда он повел танк вперед, пехота шла позади него. «Все дюны и дома вдоль побережья были битком набиты пулеметчиками. Но угол каменного дома не позволял им (расчету 75-мм орудия. — Примеч. авт.) стрелять в меня. Я подвел танк совсем близко к укрытию и уничтожил пушку, выстрелив почти горизонтально». Пехота на дамбе, следовавшая за Гарипи, оказалась в относительной безопасности.

В центре этого шума музыканты, пришедшие вместе с Канадским шотландским полком, играли на волынках сигнал к отплытию. Музыканты играли солдатам, отбывавшим из гавани, когда полк покидал Англию; снова играли, когда те садились на десантные суда, и опять — когда те нанесли удар по побережью. Капрал Роберт Рогг был американцем, пошедшим на службу в канадскую армию в 1940 г. Он участвовал во вторжении в числе «Черных стражей» (Королевский горный полк).

«Это было нечто, — рассказывает он. — Пробираясь к берегу вброд, я услышал, как позади нас на корабле один из наших музыкантов играет «Бонни Данди». Труба действительно звала нас в бой».

Рядовой Дж. У. Деверс (Канадский шотландский полк) вел дневник. Он набрасывал в нем заметки настолько тщательно, насколько мог, пока его ДСА двигалось к берегу. «Судно подсакивает, как пробка. Мы не должны причаливать до 07.45. Постепенно приближаясь к берегу, мы видим разнообразные корабли, а также реактивные батареи; все они ведут огонь. Выстрел сопровождается ужасающей вспышкой пламени. Сейчас мы в полумиле от берега, и несколько ребят страшно мучаются от морской болезни.

Машины ускорили ход, и мы совершаем бросок на берег. Побережье видно, хотя на море сильное волнение. Виден большой ДОС; вокруг него рвутся снаряды и, очевидно, не причиняют ему вреда.

Пули из пулемета начинают свистеть вокруг нашего судна; ребятам приходится

пригибаться. Рампа спущена. Отправляемся».

Деверс спрятал дневник и спустился по рампе. Позднее, переводя дыхание на берегу, он вытащил его и записал: «Мы были в воде по пояс, иногда — по грудь. Мы побрели на берег, это оказалось на редкость трудно. Мы нанесли удар по берегу, и пулеметы заставили нас играть в «классики», пока мы — пешим ходом — пересекали его».

Как показывают записи Леверса, начало штурма на участке побережья «Юнона» было похоже на начало штурма на «Омахе», но когда канадцы достигли дамбы, между этими событиями наметились существенные отличия. На «Юноне» было больше танков, в особенности — больше специализированных танков, предназначенных для того, чтобы помогать пехоте перебираться через дамбу (на «Юноне» она была существенно выше, чем на «Омахе»), сквозь колючую проволоку и минные поля. Продольный огонь на «Юноне» был столь же интенсивным, как на «Омахе», а укрепленные ДОСы и орудийные окопы — столь же многочисленными и труднопреодолимыми.

На участке «Омаха» пострадал каждый девятнадцатый участник высадки в день «Д» (на берег высадилось около 40 000 человек; потери составили 2200). На «Юноне» один убитый или раненый приходился на 18 человек (на 21 400 потери составили 1200 человек). Цифры не отражают то обстоятельство, что на обоих побережьях большинство высадилось поздним утром или днем, но большая часть потерь была понесена в течение первого часа. В командах штурмовиков на обоих побережьях шансы быть убитым или раненым приближались к соотношению 1:2.

Наибольшая разница между побережьями состояла в том, что на участке «Юнона» за дамбой не было утесов. Перебравшись через нее и пройдя деревни, канадцы оказывались на относительно ровном, открытом пространстве. Живых изгородей и укреплений там было немного, а сопротивления — почти и вовсе никакого.

* * *

Главная трудность состояла в том, чтобы перебраться через дамбу и пройти сквозь деревни. Тут-то и вступали в игру «игрушки Хобарта». Танки, которые несли мосты, подняли их на дамбу. Танки-тральщики прокладывали путь через минные поля. Танки-бульдозеры сметали с дороги колючую проволоку. Танки-«крокодилы», тащившие в бронированных прицепах 400 галлонов горючего и имевшие под днищем трубы, которые вели к огнеметам в передней части, стреляли струями пламени по ДОСам. Танки с фашинами бросали их в противотанковые рвы, а затем прокладывали путь.

Сержант Роналд Джонстон подвел свой танк к дамбе. Его капитан произвел по ней 40 выстрелов бронебойными снарядами и разрушил ее. Бульдозер убрал обломки. Джонстон проехал насквозь и достиг улицы, шедшей параллельно побережью. Танк был закрыт, и Джонстон смотрел в перископ. Он не увидел окоп: «Я поехал налево, и проклятая гусеница попала в окоп. Тут мы и засели. Но Господь не оставил нас».

Танк сделал остановку в такой позиции, что его пулемет 12,7-мм калибра смотрел прямо в глотку немецким пехотинцам в траншее. Пулеметчик дал очередь, убив или ранив несколько

человек. Оставшиеся пехотинцы (21 человек) подняли руки вверх. Через брешь въехал другой английский танк, подцепил танк Джонстона и вытащил его из траншеи.

Капитан Сирил Хендри, командир группы (тот самый, что разложил свой мост на ДСТ, чтобы тот не действовал в качестве паруса), был «ужасно занят» во время броска на берег. «Проследить, чтобы все танки завелись и их моторы прогрелись, поднять этот проклятый мост, расставить всех по местам, убедиться, что все орудия заряжены и тому подобное, да еще когда у всех такая сильная морская болезнь, — это было нелегко».

Когда он спустил рампу, то, к своему удовольствию, увидел, что бронированный бульдозер уже находится на берегу, используя свою лебедку для очистки дамбы от колючей проволоки. «Мне пришлось опустить мост на песчаные дюны, чтобы другие танки могли перебраться по нему и спуститься на ту сторону». Первый танк из «игрушек Хобарта», который пересек берег, начал расчищать путь для транспорта и пехоты, следовавших за ним.

Когда танк-тральщик достиг «этой ужасающе огромной дыры — ловушки для танка», он свернул в сторону, чтобы дать возможность «Шерману», который нес фашины, продвинуться вперед и бросить фашины в дыру. Затем «Шерман» начал переезжать ее. Увы, он тут же соскользнул в яму еще больших размеров (очевидно, воронку от корабельного снаряда). Хендри поехал вперед со своим мостом, достигавшим 30 футов. Вместе танковая ловушка и воронка имели в ширину 60 футов. Хендри использовал башню затонувшего танка в качестве опоры для моста. Когда он расположил свой мост так, что дальний конец опустился на затонувший «Шерман», другой танк, также несущий мост, проехал дальше и, опять-таки используя затонувший танк в качестве опоры, опустил мост, чтобы достичь твердой земли с той стороны.

До 09.15 два моста, опиравшиеся на затонувший танк, были достаточно безопасными, чтобы служить переправой для танков с трапами. За ними пришла пехота и разрушила дома, из которых немцы вели пулеметный огонь^[71].

Канадская пехота пересекла береговую полосу и завязала бои на деревенских улицах или против ДОСов с такой яростью, что, чтобы в это поверить, надо было это видеть собственными глазами. Одним из тех, кто видел, как это происходило, стал рядовой Джералд Генри. Высадка роты Королевских виннипегских стрелков, к которой он принадлежал, была намечена на 08.00. Однако рота опоздала, так что Генри мог наблюдать начало действий. Вот его весьма уместное замечание: «Потребовалось немало героизма и немало жертв, чтобы заставить замолчать стрельбу из бетонированных огневых точек и многочисленных пулеметных гнезд».

Сержант Сиги Джонсон стал свидетелем проявления необыкновенной храбрости на войне. Передовой отряд не мог пройти из-за колючей проволоки. Было решено использовать заряд «Бангалор», чтобы пробить брешь, но она не взорвалась. Солдат, которого Джонсон не знал, бросился на проволоку, чтобы другие смогли перейти по его спине. Джонсон видел, как другие ползли сквозь колючую проволоку и минные поля, чтобы приблизиться к амбразурам ДОСов и бросить внутрь гранаты. В заключение своего интервью он сказал: «Очень малое количество публикаций дают истинное представление о том, с чем столкнулась канадская пехота и что она совершила».

Для каждого отряда канадских штурмовых рот в деревнях был предназначен свой сектор

для нападения. В ряде случаев они почти не встречали сопротивления после того, как перебирались через дамбу. Для роты «Б» Королевских стрелков, например, очистка восточной части Курселя была делом нескольких минут. Но рота «А» (в западной части) была остановлена и сильно пострадала от пулеметов, 88-мм орудия возле входа в гавань и 75-миллиметрового — ближе к левому флангу. К счастью, 14 из 19 танков «ДЦ», брошенных в атаку эскадрой «Б» 1-го гусарского полка, обеспечили поддержку пехоте, которая прокладывала себе путь через траншеи и укрытия, соединявшие бетонированные позиции.

Сержант Гарипи чуть не застрял в Курселе. Его танк остановился на узкой улице, «где стояла одна из тех забавных с виду вагонеток: угольная топка на подвижной доске. Я не мог проехать на танке. Тут я увидел французов: двух мужчин и одну женщину, которые стояли в дверях и глядели на нас. Я снял наушники и сказал им на хорошем квебекском французском:

— Простите, не могли бы вы сдвинуть вон ту вагонетку с дороги, чтобы я смог проехать?

Они, наверное, были напуганы, потому что не пошевелились. Тогда я назвал им все, что мог придумать, используя военный лексикон. Они были изумлены, услышав, что «томмиз» — они думали, что мы «томмиз», — говорят по-французски, на старонорманнском диалекте!» Однако в конце концов они сдвинули вагонетку, и Гарипи получил возможность продвигаться в глубь территории.

Рота «Б» Королевского стрелкового полка при нападении на Бернье также наткнулась на неповрежденные укрепления. Прежде чем удалось обойти пушки с тыла и вывести их из строя, рота потеряла 65 человек. Но в течение часа Курсель и Бернье оказались в руках канадцев.

Штурмовые группы из состава Нью-Брансуикского полка нанесли удар по Сент-Обену. В течение часа рота «А», действовавшая справа, очистила ближайшие позиции, потеряв 24 человека. Рота «Б», атаковавшая саму деревню, ворвалась в железобетонный каземат со стальными дверями и ставнями. Вокруг него были хорошо подготовленные траншеи, а внутри — 100 немецких солдат. Немцы сдались только тогда, когда танки выпустили по бункеру несколько 25-фунтовых петард и разрушили бетон, чтобы ошеломить оборонявшихся. К тому времени число убитых и раненых составляло половину гарнизона.

Как и на участке «Омаха», укрепленные пункты, которые нападавшие сочли очищенными, «ожили», когда канадцы миновали их. Используя систему траншей, немцы проникли обратно на свои позиции и возобновили борьбу. В деревнях немцы появлялись то в одном, то в другом окне, стреляли один-два раза, а затем исчезали. В течение дня продолжались уличные бои, порой тяжелые, порой спорадические. Командам штурмовиков на Северном побережье не удавалось полностью овладеть Сент-Обеном вплоть до 18.00.

Дополнительные волны нападавших постоянно прибывали. Многие из их числа тащили велосипеды, которые подчас могли пригодиться (хотя к концу дня большинство их постигла та же участь, что и противогазы, взятые на берег, — говоря попросту, они были брошены). Передвигаясь пешком и на велосипедах, солдаты из подошедших частей миновали дамбу и прошли через деревни, стремясь поскорее захватить перекрестки и мосты в глубине территории.

Рота «С» канадских шотландцев достигла участка между Сен-Круа и Банвилем, где

дополнительные силы — Королевские виннипегские стрелки — были вовлечены в перестрелку с оборонявшимися немцами. Командир одного из взводов этой роты так описывал происходившее: «ЛМГ (легкий пулемет. — Примеч. авт.), звучащий как «Брен», открыл огонь с расстояния примерно 150 ярдов. Мы залегли, и я закричал:

— Это, наверное, виннипегцы! Когда я скомандую: «Ал!» — все поднимаемся и орем: «ВИННИПЕГЦЫ».

Так мы и сделали. К нашему удивлению, две пехотные части врага встали... Они тоже были изумлены... Их камуфляж был совершенным, и неудивительно, что мы не видели их раньше. Но ошеломленное молчание длилось недолго. Вести бой можно было только одним способом, и взвод — весь до одного человека — ринулся на вражеские позиции. Это была ожесточенная схватка, в основном рукопашная».

В 09.30 12-й полевой полк Королевской канадской артиллерии начал высадку. Артиллеристы вывезли свои 105-мм самоходные орудия на берег, выстроили их всего в нескольких метрах от воды и открыли огонь, иногда прямой наводкой. Тем временем саперы из Королевских канадских инженерных войск расчищали проходы, обеспечивая танкам и прочей технике возможность двигаться в глубь континента.

К 12.00 вся 3-я канадская дивизия в составе 1200 человек была на берегу. Пехотинцы из Виннипега и Риджайны при поддержке танков продвинулись на несколько километров и захватили мосты через реку Сель. Немецкие танки им не попадались. В середине дня канадские шотландцы прошли через ряды виннипегского батальона и взяли Коломбьер-сюр-Сель.

Сержант Стэнли Дудка из Северного новошотландского Хайлендского полка Канады высадился на берег в 11.00. «Нам были даны инструкции: немедленно прорываться, нанеся удар по береговому плацдарму, не останавливаться ни для чего, не вступать в бой, если только нас не вынудят к этому, и достичь аэропорта Карлике (прямо на восток от Кана, на расстоянии 15 км в глубь территории. — Примеч. авт.), захватить аэропорт и закрепиться там».

Хайлендцы не зашли столь далеко; они даже не приблизились к Карпике. Произошло это по ряду причин. Дудка объясняет, что его взвод был задержан на побережье немецким огнем и в результате заторов двинулся в глубь территории не ранее 14.00. Когда хайлендцы все-таки начали движение, то успели проникнуть всего на пару километров вглубь, и тут настало время пить чай. (По мнению Роберта Рогга, американского добровольца, сражавшегося в числе «Черных стражей», «английская и канадская армии не могут сражаться без чая и трех с половиной минут».)

Дудка заварил чай. Тут он встретил своего брата Билла (тоже хайлендца). «Мы вместе пили чай и предостерегали друг друга, советуя быть осторожными, как и полагается братьям. Затем мы отправились в путь». Движение было медленным, поскольку каждый нес почти 90 фунтов: приборы, мины, боеприпасы и оружие.

«К тому моменту танки ушли далеко от нас, — продолжает Дудка. — Причиной этого было нетерпение канадцев, желавших вступить в бой. Когда «хайлендцы» прошли примерно полпути к Карпике, было 20.00. Поступил приказ окопаться для ночлега, выставить патрули и

подготовиться к контратаке».

Другой причиной задержки было стремление остановиться ради добычи — вечное проклятие для командиров, заставляющих своих людей спешить вперед. Капрал Рогг замечал, что во время движения «Черных стражей» мимо деревенских домов, где квартировали немцы, солдаты убегали из колонны, чтобы пограбить. Немецкие пистолеты, бинокли и повязки со свастикой имели наибольший спрос.

Следующую проблему сержант Дудка описывает так: «Хлеба во Франции были готовы к уборке, и видимость была нулевая. Когда мы окапывались или залегали, видимости не было вообще никакой — только пучок травы перед тобой. Не видно было, где остальные. К этому мы не были готовы».

Рядовой Генри из числа виннипегцев назвал тот день «очень медленным. Вроде бы мы двигались весь день, но не могли уйти далеко и обойтись без остановки, чтобы укрыться в канаве или в любом доступном месте. Чувство изумления не покидало меня в течение всего моего первого дня во Франции. Мне все время казалось, что я вдалеке от опасности, и все же чувство опасности присутствовало. Когда мы окопались на ночь, это была желанная остановка».

В конце дня рядовой Деверс на минуту вытащил свой дневник. Преодолев дамбу и отдохнув несколько минут, его взвод перерезал проволоку и двинулся внутрь территории. «Мы продолжали двигаться в одиночестве, а ведь нам пришлось пересечь шесть или семь противотанковых препятствий. Это канавы 5–6 футов глубиной и 6–8 шириной, полные водой до краев. Впереди стреляет тяжелый пулемет, и мы уходим на левый фланг, чтобы попытаться окружить его». Выполнив эту задачу, «мы немедленно отправляемся ко второй нашей цели. Мы минуем два больших стога; на самом деле это ДОСы. Мы оставляем их войскам, идущим вслед за нами».

На ячменном поле появились два немца; они подошли, подняв руки вверх. «Еще двое прячутся в поле, поэтому мы начали искать их со штыками. Случилось так, что я первым наткнулся на немца. Только собираюсь опустить штык, как он кричит:

— Русский!

Я выставил винтовку, так что штык очутился в двух дюймах от его груди, и передал его нашему офицеру».

Взвод Деверса продолжал движение. Солдаты обнаружили пулемет и сомкнули ряды. «Как только мы сомкнулись, то попали под перекрестный пулеметный огонь. К этому моменту я изрядно обнаглел и преисполнился самонадеянности. Я был впереди своей части, шедшей в авангарде на правом фланге. Трава давала нам укрытие от пулеметного огня. Я влез на забор, опутанный колючей проволокой, отстоявший примерно на 100 ярдов от щели противника. Я разглядел «боша»: он был на виду и — вот простак! — прямо напрашивался на то, чтобы стать мишенью. Я отлично прицелился и как раз нажимал спусковой крючок, когда пулеметная пуля сшибла меня. Она попала мне в левую ногу и прошла через бедро слева направо. На два дюйма выше — и не быть мне мужчиной...»

Деверс слез вниз к своему взводу. Врач перевязал его рану. По полю шли солдаты в немецкой форме, подняв руки вверх. Это были поляки и русские. Деверса отрядили сторожить их. В конце концов его отвезли на берег и отправили на десантном корабле на санитарное судно. К вечеру 7 июня он снова был в Англии, откуда начал свой путь днем 5 июня.

Вскоре после 18.00 Северный новошотландский Хайлендский полк достиг местечка Бени-сюр-Мер, находившегося в 5 км от побережья. Здесь взору канадцев предстала следующая картина: возбужденные французы грабили немецкие бараки.

Мужчины вытаскивали мешки с мукой, тачки, наполненные армейскими ботинками, хлебом, одеждой, мебелью. Женщины хватали цыплят, масло, простыни и подушки. Приходской священник помогал выносить сервиз. Французы отвлеклись от грабежа, чтобы предложить канадцам стакан вина и молока.

Канадцы двинулись на север, где сопротивление было незначительным. Одна из частей 1-го гусарского танкового полка ^[72] пересекла железную дорогу Кан — Байе в 15 км от побережья. Это было единственное соединение из числа сил союзников, вторгшихся во Францию, которому удалось достичь в день «Д» конечной цели. Но ему пришлось отступить, поскольку пехота осталась без поддержки. Танки заправились горючим и пополнили боезапас, готовясь к ожидаемой контратаке.

На западе канадские шотландцы сделали 10-километровый бросок и соединились с британской 50-й дивизией в Крёли. В промежутке между ними 50-я британская и 3-я канадская дивизии переправили на берег 900 танков и бронетранспортеров, 240 полевых орудий, 280 противотанковых орудий и более 4000 т боезапаса.

Канадцам не удалось достичь цели, поставленной перед ними в день «Д», — дороги № 13. На востоке, на побережье «Меч», между канадцами и 3-й британской дивизией образовался разрыв протяженностью от 4 до 7 км.

Причин тому, что канадцы не достигли ни одной из своих целей, было много. Для начала, сами поставленные цели были крайне оптимистичны, особенно для солдат, в первый раз идущих в битву. Нанесенный ими удар по побережью запоздал. Чрезвычайная усталость и сильный ветер осложнили высадку. Препятствия были более труднопреодолимыми, чем ожидалось (канадские инженеры сожалели, что те, что стояли вдоль участка побережья «Юнона», были значительно сложнее, мощнее и многочисленнее, нежели те, на которых они тренировались в Англии). Бомбардировка с воздуха и с моря не дала ожидаемых результатов. Распорядок высадки был чересчур плотным: слишком много транспорта было приведено на берег одновременно, и это создало затор; чтобы привести все в порядок, потребовалось несколько часов. Вследствие этого начальный момент при нападении был упущен.

Наконец, очутившись на берегу и пройдя через деревни, люди были склонны считать, что сделали свое дело.

Немецкие солдаты, столкнувшиеся с канадцами, давали повод для оптимизма. Это были юноши или пожилые люди, поляки или русские, а не стойкие фанатики-нацисты, чего ожидали канадцы. Немецкие военнопленные представляли собой подавленную, вызывающую сочувствие

массу. Но канадцы знали, что у немцев имеются и войска получше, особенно 21-я танковая дивизия, и ожидали сильных, решительных контратак. Поэтому они окопались невдалеке от намеченных целей.

Однако, как пишет о 3-й канадской дивизии Джон Киган, «в конце дня ее передовые части на территории Франции остановились дальше, нежели соединения других дивизий». Пока что сопротивление, с которым столкнулись канадцы, было сильнее, чем на всех прочих побережьях (кроме «Омахи»), и вся нация могла испытывать законную гордость оттого, что оно было преодолено.

Два года спустя канадцы расплатились с вермахтом за Дьеп.

30. «Незабываемая картина»

Англичане на побережье «Меч»

Побережье «Меч» простиралось от Лион-сюр-Мер до Уистреана в устье Оранского канала^[73]. На большей части его территории находились дома отдыха и туристические учреждения, располагавшиеся чуть в стороне от мощеной дорожки для прогулок, которая шла за дамбой. Там имелись обыкновенные береговые заграждения и огневые позиции, оборудованные в песчаных дюнах, тогда как на территории располагались минометы и средняя и тяжелая артиллерия. Однако в первую очередь немцы намеревались защищать побережье «Меч» с помощью 75-мм орудий мервильской батареи и 155-мм орудий, располагавшихся в Гавре.

Но солдаты подполковника Отуэя из 6-й воздушно-десантной дивизии взяли и уничтожили мервильскую батарею, а большие орудия в Гавре оказались неэффективными, когда дело касалось побережья, по двум причинам. Во-первых, англичане создали дымовую завесу, чтобы не дать немцам прицелиться. Во-вторых, батарея в Гавре провела утро в поединке с линейным кораблем «Уорспайт» (который она так и не подбила). Это была большая ошибка немецкой стороны, так как цели на побережье были гораздо важнее.

Тем не менее 88-мм орудия на ближайшей возвышенности в паре километров от берега способны были вести постоянный огонь по побережью, дополняя минометный и пулеметный огонь, который велся из окон прибрежных вилл и ДОСов, разбросанных в дюнах. Вдобавок имелись противотанковые траншеи и мины, дабы воспрепятствовать продвижению в глубь территории, а также массивные бетонные стены, которыми были блокированы улицы. Подобная оборона должна была повлечь за собой существенные потери и задержать натиск врага.

Пехотные штурмовые бригады состояли из рот Южноланкаширского полка (сектор «Петер», справа), Суффолкского полка (сектор «Куин», посередине) и Восточнойоркширского полка (сектор «Роджер», слева). Их поддерживали танки «ДД». Они получили задание открыть выходы, через которые немедленно смогла бы пройти к своим целям дополнительная волна атакующих, состоявшая из штурмовых войск и большего числа танков. Тем временем соединения УДТ и инженеры должны были заняться препятствиями. В числе других полков 3-й Британской дивизии, которым предписано было высадиться позже утром, были Линкольнширский полк, Королевский приграничный шотландский полк, Королевские стрелки Ольстера, Королевский Уорвикширский, Королевский Норфолкский и Королевский Шропширский легкий пехотный полки. Час «Ч» был назначен на 07.25.

Во время приближения к берегу бригадир лорд Ловат, возглавлявший отряд коммандос, услышал, как его музыкант, Бил Миллин, играет мелодии шотландских танцев на баке своего ДСП. Майор К. К. Кинг из 2-го батальона Восточнойоркширского полка, находясь на ДСА, прочел своим солдатам строки из шекспировского «Генриха IV».

Танки «ДД» должны были прибыть первыми, но не смогли плыть быстро из-за волнения на море. ДСТ и ДСА обогнали их. В 07.26 первое ДСТ коснулось земли. Его сопровождало ДСА, везшее штурмовые пехотные группы. Спорадический пулеметный и минометный огонь, сопровождавшийся снарядами 88-мм пушек из глубины территории, «приветствовал» их. Он

был не так силен, как на участках «Юнона» и «Омаха», но значительно более интенсивен, нежели на «Юте» и «Золоте».

Водолазы из Королевской морской пехоты спрыгнули с бортов своих судов и приступили к работе с препятствиями, в то время как пехота спустилась в волны прибоя по рампам и проложила путь к берегу. Потери были тяжелыми, но большинству участников штурмовых команд удалось пробраться в дюны. Хотя некоторые солдаты испытали настолько сильный шок, что временно лишились способности действовать, большая часть начала вести огонь против ДОСов, чтобы подавить их. «Шерманы» и «Черчилли», стреляющие из пулеметов 12,7-мм калибра и 75-мм пушек, были большим подспорьем и обеспечили некоторую защиту для людей, пересекавших побережье.

Майор Кеннет Фергюсон прибыл с первой волной ДСТ. Он находился далеко на правом краю, напротив Лион-сюр-Мер. Его судно было подбито из миномета. Фергюсон привязал мотоцикл позади башни своего танка; мина пролила бензин на танк, чем ввергла его в большую опасность, поскольку в нем были боеприпасы и бензобак. Фергюсон велел рулевому подать назад и спустить трап, словно хотел смыть с палубы груз. Затем он повел свой танк вниз.

Непосредственно за Фергюсоном следовал «Шерман», который вез мост. Немецкое противотанковое орудие начало стрельбу по ним. «Шерман» подъехал к нему вплотную и опустил свой мост прямо на огневую позицию, тем самым выведя орудие из строя. Танки с трапами приступили к работе, расчищая пути через мины.

«Они ездили по побережью, молотя его цепами, — рассказывает Фергюсон. — Они молотили, двигаясь прямо к дюнам, затем, молотя, повернули направо, а затем начали молотить, двигаясь назад, ниже кромки прилива». Другие танки использовали заряды «Бангалор», чтобы пробивать брешы в колючей проволоке и дюнах. Тем временем прочие «игрушки Хобарта» опустили свои мосты на дамбу; за ними последовали бульдозеры, а затем — танки с фашинами, которые сбрасывали вязанки бревен в противотанковые рвы.

Когда задание было выполнено, танк-тральщик смог проехать на главную боковую дорогу (на расстоянии около 100 м от берега) и начал расчищать путь для пехоты. «Мы были спасены благодаря нашим танкам-тральщикам, — рассказывает Фергюсон. — Тут двух мнений быть не может».

Однако штурмовые пехотные отряды были остановлены снайперским и пулеметным огнем из Лион-сюр-Мер. Штурмовики, пришедшие в составе второй волны, должны были пройти через Лион справа и двигаться на запад, чтобы соединиться с канадцами в Лангрюн-сюр-Мер, но их также задержал немецкий огонь. Фергюсону было приказано идти на юг по направлению к Кану, но вместо этого он был вынужден повернуть на запад, чтобы прийти на выручку в Лионе.

«Я рассердился из-за того, что придется помогать тем штурмовикам, это меня разозлило. Я злился на солдат, которые не отбывают с побережья как можно скорее и не убираются прочь. Слишком уж много народу слонялось вокруг».

Размышляя над этими словами, Фергюсон продолжал: «Тем не менее это кажется

совершенно естественным. Я считаю, что это лучше было сделать в день «Д», вот и все. Мы-то свою задачу выполнили». Рассматривая ситуацию в целом, он заключает: «Мы миновали побережье очень быстро». Однако идти пришлось не через Лион, где немцы продолжали обороняться.

В лесу возле Лиона находилась немецкая батарея, защищенная пехотой в траншеях, прятавшейся за мешками с песком. Штурмовики не могли выбить немцев с позиции; батарея продолжала вести огонь по побережью. В 14.41 судовой впередсмотрящий связался по радио с капитаном Налеч-Тыминским, командовавшим польским эсминцем «Слазак». «С возбуждением в голосе, — писал Налеч-Тыминский в донесении о боевых действиях, — наблюдатель сообщил, что штурмовики прижаты к земле интенсивным вражеским огнем, что ни они, ни он сам не могут поднять головы от своих стрелковых ячеек, что ситуация весьма серьезна и что выполнение их задачи имеет жизненно важное значение для всей операции. Он настойчиво просил провести 20-минутный обстрел каждой цели, начиная с леса».

Налеч-Тыминскому было приказано не проводить никаких обстрелов за исключением тех случаев, когда можно будет наблюдать падение снаряда и передовой наблюдатель сможет о нем сообщить. Однако «ввиду серьезности ситуации я не мог терять время на то, чтобы запросить разрешение провести обстрел без корректировки передовым наблюдателем. Я приказал своему артиллерийскому офицеру начинать стрельбу по целям с помощью общего описания».

«Слазак» стрелял из своих 4-дюймовых пушек в течение 40 минут. Затем Налеч-Тыминский сообщил наблюдателю, что обстрел произведен. Наблюдатель ответил, что немцы ведут огонь по-прежнему, и просил продолжать стрельбу в течение 20 минут. «Слазак» выполнил это. «Когда обстрел был закончен, мы слышали по радио его голос, полный энтузиазма:

— Я думаю, вы спасли нашу шкуру. Спасибо. Будьте готовы сделать это еще раз».

Вскоре — новая просьба о помощи. «Слазак» исполнил ее. После этого офицер артиллерии доложил Налеч-Тыминскому, что из 1045 артиллерийских снарядов, находившихся в хранилище в начале дня, осталось только 59. Налеч-Тыминский вынужден был прекратить стрельбу. Он сообщил об этом передовому наблюдателю, пожелав ему удачи. Тот подтвердил, что сообщение получено, и закончил словами: «Спасибо от морской пехоты».

Несмотря на обстрел, немцы в Лионе продержались в течение не только дня «Д», но и двух следующих дней. Протяженный участок между Лангрюном слева, где находились канадцы, и Лионом справа, где находились англичане, остался в руках немцев.

, * * *

Этьенн Роберт Уэбб был стрелком на ДСА, везшем группу штурмовиков к крайней левой части сектора «Роджер». Подходя к берегу, «мы задели одно из препятствий, и оно разрезало днище нашего судна, как консервный нож — банку». ДСА затонуло. Уэбб поплыл к берегу «и там подумал: «Что, черт побери, я буду теперь делать?» Он присоединился к товарищам.

«Там все кипело: звучали сигнальные трубы, играли волынки, вокруг мчались люди,

штурмовики прибывали на десантных судах и высаживались на берег, словно на увеселительную прогулку, болтая и бормоча:

— Что же нам придется преодолеть, чтобы выполнить свою малую часть общего дела?

Комендант пункта высадки морского десанта заметил Уэбба и его товарищей и велел им:

— Уйдите с дороги и держитесь подальше от неприятностей. Мы заберем вас.

Уэбб добрался до берега в 07.30. В 08.00 «стрельба на побережье прекратилась. Не стреляли вовсе. Стрельба шла в глубине территории». С материка прилетали и падали на берег мины и снаряды, и время от времени велся снайперский огонь; на все это штурмовики и солдаты из Восточного Йорка, отправлявшиеся выполнять свою задачу, не обращали внимания. В 11.00 Уэбб был эвакуирован на ДСП.

Те штурмовики, которых видел Уэбб, были французами. Возглавлял их комендант Филип Кифер. 4 июня во время погрузки французские десантники — те, кто был эвакуирован из Дюнкерка четырьмя годами ранее или бежал из вишистской Франции, чтобы присоединиться к движению Сопротивления под командованием де Голля, — были в веселом настроении.

— Обратного билета не надо, спасибо, — говорили они офицерам военного контроля, наблюдавшим за погрузкой, когда садились на свои ДСТ.

Утром 6 июня они составляли часть контингента десантников, первыми осуществивших на ДСА вторжение на побережье. В последнюю минуту командующий группой подполковник Роберт Доусон (Королевский морской десант) дал французам знак двигаться вперед, чтобы они первыми вступили на берег.

Одним из тех французов был 24-летний рядовой Робер Пияж, мать которого жила в Уистреане. Он находился на судне ДСП 523 под командованием младшего лейтенанта Джона Берри, которое застряло на береговом укреплении. Пияж и другие штурмовики прыгнули в море — так им не терпелось вновь очутиться во Франции. Вода доходила Пияжу до груди. Он вышел на берег третьим из французов.

Вокруг них взрывались мины, падали и тяжелые снаряды; огонь из стрелкового оружия велся незначительный, но шума было много. Пияж добрался до берега и прошел по нему метров десять, и тут рядом с ним взорвалась мина, изрешетившая его шрапнелью (он до сих пор носит в своем теле 22 кусочка стали). Его лучший друг, шедший рядом с ним, был убит той же миной. Английский врач осмотрел раны Пияжа, произнес «готов», сделал ему укол морфина и отправился лечить тех, кого можно было спасти.

Пияж думал о своей матери, которая со слезами умоляла его не вступать во Французскую армию в 1939 г.: ведь ее муж умер от ран, полученных на Первой мировой войне. Затем он подумал о Франции и «заплакал. Не от жалости к себе, не от ран — я почувствовал великую радость оттого, что вернулся на французскую землю». Тут он потерял сознание.

Врач подобрал Пияжа. Его доставили на ДСП на госпитальный корабль. Он излечился от

ран и окончательно выздоровел в английском госпитале. Теперь он живет в Уистреане у моря. Из окна его гостиной видно место, где он когда-то высадился на берег.

Десантники продолжали действовать. Двигаясь решительно и энергично, они пересекли дамбу и атаковали обороняющихся немцев в Рива-Белла и Уистреане, выбив их из ДОСов и укрепленных зданий. После ожесточенной схватки они взяли с тыла интенсивно укрепленный опорный пункт «Казино».

Майор Р. «Пэт» Порчес, заслуживший крест Виктории за рейд в Дьеппе (будучи ранен в руку, он вел штыковой бой одной рукой), командовал английской группой в 4-й дивизии коммандос. Его задачей было идти налево, на окраину Уистреана, чтобы уничтожить башню в средневековой крепости, с которой немцы вели управление огнем, и расположенную поблизости береговую батарею. Затем он должен был заменить на мосту Пегас соединение майора Говарда, предназначенное для главного удара.

Порчес потерял почти четверть своих людей, преодолевая дамбу, а также на заминированных заграждениях, под огнем минометов или под пулеметным огнем из ДОСа, находившегося слева от него. «Мы миновали побережье настолько быстро, насколько это было возможно. Бросали дымовые шашки: они более или менее защищали нас, давая возможность пересечь побережье. ДОС имел бетонное покрытие, и это обеспечивало немцам максимальную безопасность, но дымовые шашки позволили нам перейти берег».

Порчес повернул налево на прибрежную дорогу, с боем проложил путь по улицам, добрался до батареи и обнаружил, что «пушки» — это телефонные столбы. «Мы потом узнали от французов, что за три или четыре дня до дня «Д» батарею отвели назад и разместили примерно в 3 км в глубь территории, — вспоминал Порчес. — Когда мы прибыли на позицию, они открыли огонь по тому месту, где недавно находилась батарея. Мы потеряли там кучу народу».

Порчес понял, что немецкие корректировщики огня в средневековой башне поддерживают связь с артиллеристами на батарее в глубине территории. Он двинулся к основанию башни. «Единственная лестница, ведущая наверх, находилась в середине башни, а те немцы были наверху. Они были в полнейшей безопасности: стены имели толщину 10 футов». Один из его солдат попытался вскарабкаться по лестнице, но немцы бросили в него гранату. Другой выстрелил по башне ракетным зарядом из «Пиата», но пробить стену ему не удалось.

«Так что от этого «Пиата» толку не было. Мы попытались пустить в немцев струю пламени из огнемета, но те были слишком высоко; мы не могли получить достаточного давления из тех маленьких переносных огнеметов, какие были у нас с собой». Выбить наблюдателей с позиции не удавалось; отряд Порчеса нес потери, так как сидящие на башне вели огонь из винтовок; он решил оставить их кому-нибудь другому и отправляться к мосту Пегас.

Его солдаты двигались не очень быстро. «Мы были по-прежнему мокры. Из-за рюкзаков на спине мы были очень похожи на множество ползущих улиток. Но немцев мы не встретили, кроме нескольких убитых, лежавших вокруг». Но с французами им довелось встретиться. «У одного из фермерских домов — это было ужасно — к нам кинулся человек и закричал:

— Моя жена ранена. Доктор есть?

В этот миг я услышал свист приближающейся мины. Я упал ничком и, вставая, увидел, как его голова катится вниз по дороге. Это было просто ужасно. К счастью, я шел быстрее».

Отряд Порчеса двигался по суше в направлении моста Пегас. «Мы проходили большое поле клубники. Большая часть ребят забрела в поле и начала есть ее. Бедняга фермер, маленький француз, подошел ко мне и сказал:

— Четыре года немцы были здесь и не съели ни одной ягоды».

Отряд остановился, чтобы выпить чаю. «Один из моих младших офицеров заваривал себе в чашке чай. У него был маленький солдатский столовый прибор; в одной руке он держал котелок, в другой — жестянку с чаем. Неожиданно прилетевшая мина снесла ему голову, изрешетила его кофейную чашку и котелок. И все, что было у него, и его самого точно унесло ветром».

Капитан Кеннет Райт был офицером разведки в 4-й дивизии коммандос. 11 июня он написал родителям («Дражайшее старичье!» — таково было приветствие) о том, чем он занимается. Он описал погрузку, путешествие через Ла-Манш, потопление норвежского эсминца «Свеннер», прибытие на берег на своем ДСА.

«Как раз когда мы готовились к выгрузке, — продолжает Райт, — все ужасающе затряслось (из-за взрыва минометного заряда. — Примеч. авт.), и вся компания попадала вниз головой. У меня в правом боку все онемело (из-за многочисленных шрапнельных ран. — Примеч. авт.) — это была не боль, просто внезапное отсутствие чувствительности. Казалось, меня вышибло из жизни. В ту же минуту рамка была спущена, и мальчик из корабельной команды сказал:

— Здесь вам выходить.

Поэтому я вышел, но лишь ценой больших усилий, переборов удушье. Казалось, прошла вечность после того, как я встал и покинул лодку. Довольно много народу не смогло следовать за мной, в том числе и наш священник. Я спустился в воду на глубину примерно три фута. Было примерно 7.45, и, помню, я несколько мгновений думал о том, звонила ли вам уже Нелли!»

Райту пришлось идти по воде 50 м, и «из-за тяжести моего рюкзака и из-за воды, проникшей внутрь, я почти обессилел к тому моменту, как выбрался. Придя на берег, я просто сел и сбросил рюкзак со всеми своими принадлежностями.

К тому времени побережье было покрыто людьми. Они ложились рядами так, чтобы не создавать толкотни вокруг выходов. Некоторые сидели; большинство бежало или шло по песку к дюнам. Жертв было очень много; хуже всего пришлось тем беднякам, которых подстрелили в воде: они пытались дотащиться до берега и обогнать прилив.

Поведение людей на том побережье было ужасающим. Наши французы, с которых текло, пересекли берег, болтая как сумасшедшие, ухмыляясь во весь рот. Мы все прошли через одну и ту же брешь в проволоке в глубине берега, выстроившись в очередь, как будто за зарплатой. Я

сел под стеной и смотрел, как колонны десантников проходят по главной дороге, ведущей в глубь страны. Все как один были счастливы и находились в отличном настроении». Солдат принес Райту кальвадоса. Это облегчило его боль. Он присоединился к доктору Джо Патерсону, десантнику, офицеру медицинской службы, который был ранен в голову и в ногу, но продолжал работать. Патерсон осмотрел рану Райта и велел ему лежать и дожидаться эвакуации. Двое французов принесли Райту еще кальвадоса, добавив к нему «множество добрых пожеланий. Я пошел в дом и улегся на большую перину. Так окончилось мое участие во вторжении».

Райта перенесли на берег, где он провел почти 24 часа на носилках под открытым небом. Наконец он был доставлен в больницу в Англии.

Лорд Ловат явился на левый фланг 4-й дивизии коммандос. Этот человек был и до сих пор остается легендой. В Дьеппе его штурмовики выполнили значительную часть работы при разрушении немецкого укрепления, но несколько человек при этом были убиты. Последовал приказ отступить. Но шотландцы никогда не бросают убитых. Тащить их вниз по скалам, поспешно отступая, было немыслимо. Ловат облил их бензином и сжег.

С Ловатом был командор Руперт Кертис, командующий 200-й флотилией ДСП. Когда ДСП подходили к берегу, вспоминал Кертис, «к нам, тяжело громыхая, приблизилось ДСТ, разгружавшее свои танки. Лорд Ловат попросил меня окликнуть через мегафон матроса, находившегося на шканцах. «Как идут дела?» Он весело усмехнулся, поднял руку, сложив из пальцев знакомый знак «V», обозначающий «Victory» (победу. — Примеч. пер.), и с удовольствием сказал: «Все равно что кусок пирога съесть». Это обнадеживало, но у меня были основания усомниться в его оптимизме, поскольку враг, очевидно, опомнился от шока, вызванного первоначальной бомбежкой, и наносил ответные удары».

Подходя к берегу, Кертис поднял флаг, означавший «Построиться в виде наконечника стрелы», и каждое судно развернулось (одни левым, другие правым бортом), образовав букву V, чтобы немцам было труднее прицелиться. Слева, ближе к берегу, Кертису было видно застрявшее на мели ДСТ, охваченное огнем. «Судя по раненым у края прибоя, немецкий минометный огонь был направлен точно на кромку воды.

Настал решительный момент. Я увеличил число оборотов мотора до «полного вперед» и энергично протиснулся между столбами препятствий. Когда мы коснулись земли, я оставил мотор включенным на «средний вперед», удерживая судно в положении на берегу, и приказал:

— Спустить трапы!

Десантники спустились на землю, сохраняя полное спокойствие. Казалось, что я смотрю в микроскоп — столь ярко мне виделась каждая минута этой сцены во всех подробностях. В памяти запечатлелся облик высокой, безупречной фигуры Шими Ловата, бредущего по воде с винтовкой в руке, и его людей, движущихся вместе с ним к берегу, туда, где раздавались вопли вольноок Билла Миллина».

Посреди всей этой резни, рвущихся снарядов, дыма и шума на побережье «Меч» некоторые солдаты, находившиеся вместе с рядовым Гаролдом Пикерсджиллом, утверждали, что видели нечто замечательное — совершенно ошеломляющей красоты 18-летнюю девушку-француженку

с повязкой с красным крестом на рукаве, которая ехала на велосипеде по побережью, чтобы помочь раненым.

Позже в тот же день сам Пикерсджилл встретил вдали от побережья молодую француженку; она знала английский на школьном уровне, он — французский; они полюбили друг друга с первого взгляда, поженились в конце войны и до сих пор вместе, живут в деревушке Матье на полпути между Ла-Маншем и Каном. Но он никогда не верил истории о девушке с повязкой с красным крестом на рукаве, которую они встретили на берегу.

— Это просто галлюцинации, — возражал он своим товарищам. — Это совершенно невозможно: немцы не пропускали гражданских лиц через свои позиции, а нам не нужно было, чтобы местные путались под ногами. Не было этого, и все.

Но в 1964 г., работая агентом торгового флота в Уистреане на английской пароходной линии, Пикерсджилл встретил Джона Торнтона, который представил его своей жене Жаклин. В девичестве она носила фамилию Ноэль; она встретила Торнтона на четвертый день после дня «Д»; они полюбили друг друга и поженились после войны; он также работал агентом торгового флота в Уистреане. На побережье была именно Жаклин. История оказалась правдивой.

Пикерсджилл договорился с Жаклин, что я смогу взять у нее интервью для этой книги. «Да, — рассказывает она, — я была на берегу, и по глупой причине. Моя сестра — мы были близнецы — была убита при воздушном налете на Кан за две недели до того. Она подарила мне на день рождения купальный костюм, а я оставила его на берегу, потому что нам было позволено раз в неделю переезжать ограждения, и мы могли поехать поплавать. Я забыла купальник в маленькой хижине на берегу и просто хотела пойти забрать его. Мне не хотелось, чтобы его взял кто-то другой. Поэтому я села на велосипед и поехала на побережье».

Я спросил: «Немцы не пытались остановить вас?»

«Нет, очевидно, из-за моей повязки с красным крестом они думали, что все в порядке. На берегу кипела деятельность, — продолжала она очень сдержанно, — и я увидела несколько мертвых тел. И конечно, попав на берег, я не могла вернуться обратно — англичане не позволили бы мне. Знаете, они свистели мне. Но в большей мере были удивлены. Я хочу сказать, что пытаться вернуться было бы просто смешно. Поэтому я осталась на берегу, чтобы помочь раненым. Я вернулась домой только два дня спустя. Там было много работы». Она меняла повязки, помогала вытаскивать раненых и убитых из воды и всячески пыталась быть полезной.

«Я помню одну ужасную вещь, которая заставила меня понять, какая я глупая: я была на вершине дюны, а там было туловище, абсолютно голое, без головы. Я так и не узнала, немец это или англичанин. Он сгорел дотла».

На вопрос о наиболее живо сохранившемся воспоминании о дне «Д» она ответила: «Море, покрытое судами. Все в лодках и самолетах. Это было нечто такое, чего просто нельзя представить себе, если вы не видели этого. Корабли, корабли, корабли и еще корабли — корабли повсюду. Если бы я была немецким солдатом, то, взглянув на это, опустила бы оружие и сказала: «Вот и все. Конец».

Жаклин и Джон Торнтон (прибывший в день «Д» со второй волной десантников) теперь живут возле деревни Эрманвиль-сюр-Мер, в прелестном домике с садиком. Она по-прежнему исключительно хорошо выглядит и столь же красива, сколь храбра. Английские ветераны, раны которых она перевязывала, до сих пор навещают ее, чтобы поблагодарить, особенно в годовщины дня «Д».

Рядовой Гарри Номбург (под именем Гарри Дрю) был одним из тех евреев из Центральной Европы, которые присоединились к командос и были включены в 3-й взвод 10-й десантной дивизии, где он и его товарищи-евреи прошли курс специального обучения разведке и были подготовлены для допроса немецких военнопленных на поле боя. Он носил зеленый берет десантника с гордостью и отправлялся на высадку, мечтая о том, какой вклад он внесет в сокрушение Гитлера.

Он брел к берегу, неся свой автомат «Томпсон» высоко над головой. Ему выдали боекомплект из тридцати патронов, обычный для английского огнестрельного оружия, что было ново для него — прежде он всегда носил двадцатизарядный магазин. «Увы, никто мне не сказал, что, если магазин наполнить 30 зарядами 45-го калибра, он станет слишком тяжелым и его легко уронить и потерять. Поэтому его никогда не следует заполнять более чем 28 зарядами.

Не зная об этом, я заполнил его целиком, и в результате он упал в воду и потерялся. И я высадился на берег Франции и штурмовал твердыню Европы с оружием, в котором не было ни единого патрона».

Оглядевшись, Номбург увидел армаду, вытянувшуюся по всей линии горизонта. Он заметил три тела в волнах прибоя, «однако оказалось, что оборона значительно слабее, чем я ожидал».

Пересекая побережье, двигаясь на звуки вольноок, «я заметил высокую фигуру, шествующую прямо передо мной. Я сейчас же узнал бригадира и, приблизившись к нему, осторожно коснулся сзади его пояса, думая про себя: «Что бы ни случилось сейчас со мной, пусть по крайней мере говорят, что рядовой Дрю пал подле лорда Ловата!»

Номбург пересек дамбу и наскочил на двух солдат вермахта, которые сдались ему. Номбург был уверен, что их пичкали пропагандой и ложью, поэтому захотел просветить их относительно истинной ситуации на многих немецких фронтах. Последняя новость, которую он слышал до того, как взошел на борт своего ДСП в Англии, была следующая: силы союзников находятся в 50 км от Рима. С глубоким удовлетворением он сообщил это своим пленным.

«Они посмотрели на меня с изумлением и ответили, что только что слышали по своему собственному радио, что Рим пал! Так что оказалось, что они сообщили мне больше, чем я им». Он отослал их назад на берег в тюрьму для военнопленных и продолжал путь к месту своего назначения — мосту Пегас.

У капрала Питера Мастерса, еврея из Вены, также входившего в 3-й взвод 10-й десантной дивизии, в день «Д» была своя «одиссея». Он нес рюкзак и автомат с 30-зарядным магазином («не очень хорошим, поскольку, будучи слишком тяжелым, он норовил выпасть из оружия»), 200 запасных зарядов, четыре ручных гранаты (две осколочные и две дымовые шашки), смену одежды, одеяло, запас продуктов на два дня, большую лопату («те, которыми окапываются и

которыми нас снабдила армия, не годились для того, чтобы быстро выкопать глубокую яму») и 200-футовую веревку, чтобы тащить надувные лодки (их несли другие) через течение реки Орн, в случае если мосты будут взорваны. Нести такое количество груза на берег было бы тяжело и лошади, но у Мастерса вдобавок был велосипед, как и у других в его отряде.

«Никто не мчался на берег, — замечает он. — Мы шли шатаясь. В одной руке я нес оружие, держа палец на спусковом крючке; другой держался за веревочные перила вдоль трапа, прижимая к себе велосипед».

Главным распоряжением было: «Миновать побережье». Мастерс стал выполнять его, заметив по пути, как два солдата роют в воде окопы. «Я так и не мог понять, почему они делали это. Будучи новичком, я не знал, что значит по-настоящему испугаться». Когда он добрался до дюны, то увидел командира своего 3-го отряда, майора Хилтон-Джонса. «Я не придумал ничего лучше, чем отдать ему честь. Должно быть, это был единственный случай такого рода на побережье в день «Д».

Перебравшись через дюну с помощью велосипеда и веревки, мы миновали нескольких ребят, которые расчищали путь от мин с помощью искателя. Но мы не могли ждать. Наш командир, капитан Робинсон, прошел прямо мимо них. Они закричали:

— Эй, что вы делаете? Робинсон ответил:

— Мне очень жаль, ребята, но нам надо идти. Пехотинцы, прибывшие прежде штурмовиков, сидели там и сям и, казалось, ничего особенно не делали. Мастерс осуждал их за бездействие, пока не услышал рядом с собой голос связиста, спрятавшегося в щели. Он расшифровывал для офицера сообщение:

— Во взводе № 2 осталось шесть человек, сэр.

«Итак, я думал, что им не следует сидеть сложа руки, а между тем мы двигались туда, где с нами могло случиться то же, что и с ними». Отряд шел под минометным огнем к месту сбора, находившемуся в паре километров в глубь территории на краю леса. Чтобы туда попасть, нужно было пересечь вспаханное поле.

Из леса вели огонь снайперы. Падали мины. «В довершение всех неприятностей нам пришлось несколько раз пересекать грязную канаву, полную воды. Держать велосипеды на весу, скользя в воде, оказалось очень трудно, причем в канаве было существенно глубже, чем в море, когда мы шли к берегу».

В сторону леса вела колея. Отряд использовал ее для прикрытия, осторожно продвигаясь к месту сбора. «Я присоединился к цепочке. Поначалу я пытался ползти, таща за собой велосипед, но это оказалось столь утомительно, что вскоре я переменял метод. Единственным способом было толкать велосипед в вертикальном положении; его было видно за милую душу, тогда как я был надежно скрыт в колее. Я поддерживал его одной рукой, но по крайней мере в вертикальном положении он лучше катился».

В паре сотен метров от леса колея стала более мелкой, а немецкий огонь — более точным.

Появилась пара английских танков, которые обстреляли лес. Мастерс встал «и, толкая велосипед, перескакивая через всех, кто попался на пути, бегом добрался до леса».

Лорд Ловат прохаживался по месту сбора, подбадривая людей. Он выглядел совершенно спокойным, и выстрелы и общий шум, казалось, вовсе его не тревожили.

— Отлично, приятель, — сказал он, когда подбежал волынщик Миллин. Миллин пыхтел, тяжело дыша: кроме прочего снаряжения, он тащил еще и волынку.

— Давайте двигайтесь, это все равно что учение! — выкрикивал Ловат.

«Он был очень спокоен, — замечал Мастерс. — Оружия у него не было, кроме «кольга» 45-го калибра в кобуре (винтовку Ловат вручил солдату, который уронил свою в воду. — Примеч. авт.). У него была прогулочная трость — длинная тонкая палка, раздвоенная наверху. В Шотландии ее называют «болотной тростью».

На месте сбора находилась пара пленных. Ловат заметил Мастерса и сказал:

— О, ты, малый, знаешь языки. Спроси, где находятся их гаубицы.

Мастерс спросил, но не получил ответа. Один из пленников был дородным лысым малым. Десантники собрались вокруг него и заговорили:

— Посмотрите на этого высокомерного немецкого ублюдка. Он даже не отвечает нашему брату, когда его спрашивают.

По озадаченным лицам пленных солдат вермахта Мастерсу стало ясно, что они не поняли ни слова из его немецкой речи.

Он заглянул в солдатские документы и понял, что один из пленных — поляк, другой — русский. Он вспомнил, что поляки учат в школе французский, и попробовал применить свое школьное знание французского.

«Лицо поляка просветлело, и он немедленно заговорил. Но Ловат, говоривший по-французски гораздо лучше меня, взял на себя ведение допроса, а я поспешил вперед со своим отрядом велосипедистов, чувствуя некоторое смущение оттого, что был отстранен лучшим, чем я, знатоком языков».

На дальней стороне леса находилась мощеная дорога, «поэтому мы поехали на велосипедах. Это была приятная перемена по сравнению с тем, как мы двигались до сих пор». Отряд въехал в Колевиль-сюр-Мер (впоследствии переименованный в Колевиль-Монтгомери). Селение лежало в руинах; оно было сильно повреждено бомбардировкой с земли и с моря. В полях, окружавших деревню, одни коровы были мертвы, другие обезумели. В дверях стояли люди.

«Они глазели на нас и махали нам, забыв об опасности, которую представляли собой снаряды и шрапнель, или пренебрегая ею. Один молодой человек в голубом комбинезоне и

синем берете (обычная одежда нормандских фермеров) расклеивал по дороге плакаты. На плакатах была надпись «Вторжение» и приводились инструкции по поводу того, что следует делать. Они, очевидно, ждали этого дня и кричали нам, пока мы шли мимо: «Vive les Tommies!» и «Vive la France!» Было 10.30. Отряд продолжал двигаться на юг по направлению к мосту Пегас».

Перед вторжением Мастерс получил указание убедиться, что командир отряда, к которому он приписан, использует его должным образом. Командир Мастерса говорил ему: «Он будет очень занят и озабочен собственным делом, но не вздумайте, вернувшись, сообщить мне, что он был слишком занят, чтобы использовать вас. Надоедайте ему. Спросите, можно ли вам идти вместе с разведгруппой. Убедитесь, что все ваши умения не пропали даром».

«Я выполнил все в точности, — рассказывал Мастерс. — Капитан Робинсон, однако, действительно был занят и счел меня надоедой. Что бы я ни спросил: можно ли мне идти вместе с дозором, сделать то или это, — он просто отвечал:

— Нет.

Он посылал одного из тех солдат, с которыми вместе был в Северной Африке, или из тех, с кем проходил подготовку в течение нескольких лет до этого. Им он доверял больше, чем мне — забавному «опоздавшему Джонни», который говорил с акцентом и присоединился к его отряду в самую последнюю минуту».

Подъезжая к деревням Ле-Порт и Бенувиль в долине реки Орн, отряд был прижат к земле пулеметным огнем. Десантник, ехавший на велосипеде, был убит.

— Теперь для вас найдется дело, капрал Мастерс, — сказал Робинсон. — Идите в деревню и посмотрите, что происходит.

— Ну что ж, сообщить, что происходит, было нетрудно, — замечает Мастерс.

Я представил себе разведгруппу и спросил, сколько человек мне надо взять. А капитан сказал:

— Нет, нет, я хочу, чтобы вы пошли сами. Это не вызвало у меня беспокойства.

— Я обойду здесь кругом слева, — сказал я, — пожалуйста, ждите моего возвращения на повороте с правой стороны.

— Вы, кажется, не понимаете, чего я от вас хочу, — сказал Робинсон. — Я хочу, чтобы вы пошли прямо по дороге и посмотрели, что происходит».

Мастерс сообразил: Робинсон хотел узнать, откуда ведется огонь, и намеревался использовать его в качестве цели, чтобы вызвать стрельбу. Вместо того чтобы посылать кого-то из своих собственных людей, он решил послать этого недавно приписанного чужака.

«Я чувствовал себя так, будто всхожу на эшафот гильотины, хотя с трудом мог упрекнуть

его за то, что он предпочитает отправить на это убийственное задание меня, а не кого-то из своих людей. Тем не менее меня учили вычислять углы, и я кинул безумный взгляд, ища какой-нибудь угол, но, кажется, там не было ни одного. Щелей и укрытий тоже не было. Стоял светлый день».

Мастерс вспомнил виденный им фильм с Кэри Грантом. Фильм назывался «Ганда Дин» («Gunda Din»). Он припомнил Гранта, столкнувшегося с полностью безнадежной ситуацией, окруженного восставшими индейцами из Кибер-Пасс. Грант бесстрашно посмотрел в лицо индейцам за миг до того, как они набросились на него, и совершенно спокойно произнес:

— Вы все арестованы.

Мастерс пошел по дороге, крича во все горло по-немецки:

— Все наружу! Выходите! Вы полностью окружены! Сдавайтесь! Война для вас окончена! У вас нет шансов, если вы сейчас же не сдадитесь!

Ни один немец не сдался, но и не выстрелил. «Они, вероятно, думали, что никто не станет так бродить, наподобие лунатика, если у него за спиной не будет бронедивизии, и что они могут застрелить меня в любой момент, если почувствуют что-то в этом роде. Поэтому они ожидали, что будет дальше».

Наконец из-за низкого каменного парапета высунулся немец. Мастерс припал на одно колено. Оба выстрелили. У немца был «Шмайссер». Его очередь прошла мимо. Автомат Мастерса выстрелил один раз, и его заклинило. Как раз в тот миг, когда Мастерс подумал, что для него все кончено, капитан Робинсон — очевидно, почувствовав, что увидел все, что нужно, — отдал приказ закрепить штыки и атаковать. Отряд бросился в атаку, едва не задев лежащего ничком Мастерса. Капрал оказался на парапете первым, стреляя из своего «Брена». Он выбил немцев с позиции, ранив двоих.

Мастерс поднялся, чтобы провести допрос. Один из солдат не годился для беседы — он только стонал. Другим был 15-летний мальчик из Австрии. Он заявил, что ни разу не стрелял. Мастерс указал на опоясывавшую его пулеметную ленту: она была наполовину пуста. Мальчик ответил, что стреляли другие.

Английский капрал с пулеметом «Брен» стоял подле Мастерса. У мальчика очень болела рана.

— Как сказать «Извините, мне очень жаль» по-немецки? — спросил капрал.

— Est tut mir leid, — отвечал я, — или Verzeihnung.

— Verzeihnung, — попытался сказать капрал. Он был хорошим солдатом и хорошим человеком. Он сказал мне, что до сих пор никого не застрелил. На следующий день он был убит, когда руководил атакой и стрелял с плеча из своего «Брена».

Мастерс продолжал допрос, но мальчик-австриец знал немного. Он настаивал на том,

чтобы его эвакуировали. Это не — возможно, ответил Мастерс. Своевременно меры будут приняты.

Появились два английских танка. Кто-то стрелял в десантников из стоящего невдалеке дома. Они указали на него жестами. «Башня танка повернулась кругом таинственным движением почти одушевленного механизма. Пушка выстрелила дважды. Она пробила стену дома с расстояния около трех ярдов». В результате стрельба затихла, и десантники двинулись к мосту Пегас.

К своему удовольствию, штурмовики обнаружили мосты целыми и невредимыми; их удерживали «Оке энд бакс» Говарда. «Ребята-планерщики в темно-бордовых беретах из воздушно-десантной дивизии по обе стороны дороги сияли улыбками, приветствуя наши зеленые береты.

— Коммандос пришли, — говорили они».

Было 13.00. Прибывшие морем штурмовики достигли своей главной цели. Они соединились с воздушно-десантными войсками на восточной стороне реки Орн.

На правом фланге побережья «Меч» соединения с канадцами не произошло. И в образовавшемся промежутке в 16.00 немцы предприняли единственную за весь день «Д» серьезную контратаку.

Полковник Оппельн, командовавший 22-м полком 21-й танковой дивизии, в 09.00 получил приказ атаковать английских десантников восточнее Орна. Он отправился в путь, чтобы выполнить приказ, но движение было медленным, потому что английские истребители обстреливали его колонну. Затем в 12.00 Оппельн получил новые распоряжения: повернуть, пройти через Кан и атаковать в промежутке между канадцами и англичанами. На выполнение маневра дополнительно потребовалось четыре часа. В 14.00 полк наконец достиг «стартовой линии» к северу от Кана. Там он присоединился к 192-му моторизованному полку.

Майор Фирцих командовал одним из батальонов 22-го танкового полка. Он пошел пешком, чтобы присоединиться к командующему танкистами-гренадерами майору Готтбергу. Фирцих отыскал Готтберга, и два майора взобрались на ближний холм, где нашли генерала Маркса, прибывшего из Сен-Ло вместе с полковником Оппельном.

— Настоящий генеральский холм, как в старые времена, — заметил Фирцих.

Маркс шагнул к Оппельну и сказал следующее:

— Оппельн, если вам не удастся сбросить англичан в море, то мы проиграем эту войну.

Полковник подумал; неужели победа или поражение зависят от его 98 танков? Но он подавил эту мысль, отдал честь и сказал:

— Я атакую немедленно.

Маркс проехал через 192-й моторизованный полк и отдал приказ:

— Как можно скорее двигаться к побережью.

Гренадеры были прекрасно оснащенным элитным соединением. В их распоряжении имелись грузовики и бронетранспортеры для переброски личного состава, не говоря уже о различных видах стрелкового оружия. Поначалу их атака протекала успешно; почти не встречая сопротивления, они достигли побережья в 20.00.

— Мы сделали это! — кричали они по радио. — Мы сделали это!

Сами себе гренадеры говорили: «Если наши танки соединятся с нашими силами, нас нельзя будет выбить отсюда».

Но к тому времени, когда танки появились, канадцы на западе, а англичане на востоке объявили тревогу. У них были противотанковые орудия и свои собственные танки. 22-я танковая дивизия попала под перекрестный огонь.

Передовой танк получил прямое попадание и взорвался. Остальные один за другим постигала та же участь. В течение нескольких минут было уничтожено пять машин.

В дело вступили силы истребительной авиации союзников. Лейтенант Королевских ВВС Канады Джон Браун летел на «Хоукер Тайфун». Его эскадрилья сбросила бомбы на немецкие танки, «а затем мы стали атаковать танки поодиночке, ведя по ним огонь из наших пушек со всех сторон».

Оппельн приказал прекратить наступление. Он велел своему полку перейти к обороне, отдав ему приказ:

— Танкам зарыться в землю. Позицию удержать. Контратака потерпела неудачу. Солдаты моторизованных частей на побережье тщетно ожидали поддержки танков. Брешь осталась, но немцы были не в состоянии воспользоваться ею.

Позже в тот день полковник Оппельн наткнулся на генерала Рихтера, оплакивавшего полное уничтожение своей дивизии. Когда разбитые остатки 716-й дивизии текли мимо него, Оппельн задавал вопросы относительно распоряжений или сведений о позициях врага. Рихтер посмотрел на него бессмысленно и не ответил — он просто не мог ответить.

Англичане высадили на берег на участке «Меч» 29 000 человек. Они потеряли 630 человек убитыми и ранеными (раненых было гораздо больше), и в их тюрьмах очутилось немало пленных. Им нигде не удалось достичь слишком оптимистичных целей дня «Д» — они остановились, не доезжая 5 км от предместий Кана, — но у них были огромные дополнительные силы, сосредоточенные в транспортной зоне Ла-Манша для использования на следующий день. 21-я танковая дивизия потеряла наилучшую возможность сбросить их в море, и основная масса немецкой бронетехники во Франции по-прежнему стояла на месте в районе Па-де-Кале, ожидая «настоящего» вторжения.

Ближе к сумеркам командор Кертис проехал на своем ДСП вдоль побережья.

«Мы отправились на запад параллельно берегу, — сообщил он позже, — и теперь видели величественную картину побережий, где происходило вторжение. Многие заплатили бы за это тысячи. Мимо Люк-сюр-Мер, Сент-Обена, Бернье и Курселя в канадском секторе, мимо маяка в Ла-Ривьер, мимо Ле-Амея и далее к Арроманшу... Это было незабываемое зрелище. Сквозь дым и мглу были видны суда, решительно движущиеся к берегу, чтобы обеспечить войскам, насколько это возможно, высадку на твердую землю. Многие из этих судов теперь беспомощно застряли на заграждениях, и я не мог не гордиться той храбростью, которую продемонстрировали их команда и офицеры.

Мы бросили якорь в Арроманше и остановились поодаль, так как ночью ожидалось нападение авиации. Искусственные порты «Малберриз» уже прибывали из Англии на баржах; их должны были установить в соответствующем месте за пределами Арроманша и Сен-Лорана. Было ясно, что битва за плацдарм в английском и канадском секторах прошла достаточно успешно».

31. «Боже мой, мы это сделали»

Английские воздушно-десантные силы в день «Д»

При вторжении крайний левый фланг имел решающее значение для операции «Оверлорд» в целом, поскольку именно там, между рекой Див и руслом Орна, силы союзников были наиболее уязвимы для контратаки немецкой бронетехники. 125-й полк полковника Ханса фон Люка (21-я танковая дивизия) находился в непосредственной близости, к востоку от Кана; 12-я танковая дивизия СС и танковая группа «Лер» находились между Нормандией и Парижем, в четырех часах езды от места вторжения; к востоку от реки Сены имелось 9 дополнительных танковых дивизий, которые могли быть введены в битву в течение одного-двух дней. Если бы они отреагировали активно и энергично, немцы смогли бы контратаковать англичан на участке «Меч» в течение 24 часов силами более чем 1000 танков, среди которых было немало новых, «с иголочки», «Тигров», оснащенных лучшими пушками, более тяжелых и лучше укрепленных броней, нежели «Шерманы» и «Черчилли».

Но благодаря блестяще выполненной операции «Фортитюд» «Тигры» к востоку от Сены были остановлены. К счастью для союзников, танковая дивизия западнее Сены была обездвижена: Гитлер настаивал, что только он может ввести ее в дело. А лучше всего для союзников было то, что единственный, кто мог игнорировать эти приказы и предпринять немедленную контратаку, генерал Эдгар Фехтингер, командующий 21-й танковой дивизией, находился в Париже со своей возлюбленной^[74].

Все же у немецких гарнизонов между реками Орн и Див имелось некоторое количество старых французских танков, самоходной артиллерии, бронетранспортеров, а также изобилие реактивных установок, находившихся на множестве транспортных средств. Это обеспечило немцам огневую мощь, превосходившую все, чем располагала 6-я британская дивизия ВДВ.

Англичане прибыли на поле битвы на планерах и парашютах вскоре после полуночи 6 июня. Они достигли основных целей, взорвав мосты через Див, чтобы изолировать район, уничтожив батарею в Мервиле, создававшую угрозу для побережья «Меч», и захватив нетронутыми мосты через Орн. По выполнении этих наступательных задач в течение дня они должны были создать укрепленную оборонительную позицию вдоль гряды, разделявшей долины Орна и Дива (где ключевым пунктом был перекресток в деревне Варавиль), и удерживать мосты через Орн, чтобы морской десант и английская бронетехника смогли переправиться и усилить позицию вдоль гряды.

На рассвете рота планеристов «Д» «Оке энд бакс» («Бык и олени») майора Говарда открыто высадилась на мосту Пегас над каналом Орна. Немецкий гарнизон в Бенувиле ожил. Хотя он не предпринял серьезных контратак, но подверг «Быка и оленей» интенсивному обстрелу из винтовок и минометов, а также ракетами. Передвижение англичан по мосту, хорошо видное из соседних домов, было сильно затруднено.

Во время перестрелки капрал Джек Бейли увидел неожиданное зрелище. Женщина, «одетая в черное, как одеваются пожилые женщины во Франции, с корзинкой на руке, шла между нами и немцами». Все по обе стороны прекратили стрелять и воззрились на нее. «Она собирала яйца!

Она наклонилась, подобрала одно и положила в корзинку не далее чем в трех футах от моей огневой позиции. Когда она закончила свою работу, мы возобновили огонь».

В 09.00 Говард «увидел удивительную картину: три высокие фигуры шли по дороге». Это были генерал-майор Ричард Гейл, командующий 6-й дивизией, приземлившийся ночью на планере и разместивший свой командный пункт в Ранвилле, бригадир Хух Киндерсли, командующий воздушно-десантной бригадой, и бригадир Найджел Петт, командующий 5-й парашютной бригадой. Все трое были более шести футов ростом.

«Они приблизились очень быстро, маршируя, и это было великолепное зрелище, потому что они были в красных беретах, в военной форме и шли в ногу, — рассказывает Говард. — Это очень воодушевило моих парней, которые видели, как они подходили».

Лейтенант Ричард Тодц из 5-й парашютной бригады, ночью спустившийся с парашютом и присоединившийся к «Быку и оленям» перед рассветом (потом он стал знаменитым английским актером; в картине «Самый долгий день» он играл Джона Говарда), рассказывал, что церемониальный марш Гейла, Киндерсли и Петта «был одним из самых запоминающихся зрелищ, какие я когда-либо видел» благодаря их «необыкновенной храбрости».

Шагая вперед, Гейл крикнул «Быку и оленям»:

— Молодцы, ребята!

Когда Говард заверил его, что мосты находятся в руках англичан, но предупредил, что решительная контратака может значительно изменить ситуацию, Гейл перешел мост Пегас, чтобы идти в Бенувиль. Там он посоветовался с полковником Джефффри Пайн Коффином ^[75], который командовал батальоном в составе 5-й бригады, и присоединился к Говарду ночью, а затем разместил свой командный пункт в Ранвилле.

Бой в деревне продолжался. Пайн Коффин заявил, что ему нужна помощь; Гейл приказал Говарду послать один из его трех взводов в Бенувиль. Когда лейтенант Тод Суини получил приказ перейти мост и разместить свой взвод на боевых позициях в Бенувиле, он «подумал, что это малость нечестно. Мы сами сражались в течение ночи. Мы чувствовали, что нас нужно ненадолго оставить в покое и что 7-му батальону не следовало бы звать нас на помощь».

Но помочь было надо, так как из зон выброса в Бенувиль попало менее половины 7-го батальона. Большая часть батальона прибыла не ранее 12.00. Немцы на французских танках и других бронемашинах сильно теснили англичан. «День тянулся очень, очень, очень утомительно — вспоминает рядовой Уэлли Пар. — Каждую минуту ощущалось движение врага и приближение стычки».

Майор Найдж Тейлор, командовавший ротой 7-го батальона в Бенувиле, вспоминал, что десантники ожидали смычки «очень долго». «Я знал, что сегодня самый длинный день и все такое, но день был действительно чертовски длинным. Где же штурмовики?»

В 13.00 прибыли первые командос (группа Питера Мастерса); вслед за ними вскоре появился лорд Ловат и волынщик Билл Миллин, который играл на своем инструменте. На это

стоило посмотреть. «Ловат шагал вперед, — рассказывает Говард, — как будто делал моцион у себя в Шотландии». Затем показался танк «Черчилль» со штурмовиками. «Все побросали винтовки, — вспоминает сержант Уоджер Торнтон из «Быка и оленей», — целовались и обнимались. Я видел людей, у которых катились слезы по щекам. Честное слово, видел. Боже мой, это был праздник, который я никогда не забуду».

Ловат встретил Говарда на восточном конце моста.

— Джон, — сказал Ловат во время рукопожатия, — в этот день творится история.

Говард кратко обрисовал ситуацию. Целью Ловата был Варревиль; Говард предупредил его, чтобы он был осторожен, переходя мост Пегас, поскольку он по-прежнему находится под сильным снайперским огнем. Тем не менее Ловат предпочел провести своих людей маршем, нежели дать им прорываться поодиночке, — хвастливый жест, стоивший штурмовикам дюжины убитых и раненых. Доктор, лечивший их, заметил, что у большинства пуля попала в берет и они были убиты сразу же; штурмовики, пришедшие позже, начали надевать каски, чтобы перебежать через мост. С побережья дополнительно прибыли английские танки; некоторые пересекли мост, другие двинулись в Бенувиль, чтобы помочь в обороне. Теперь смычка была прочной.

В 14.00 Люк наконец получил разрешение атаковать мост. Но пока он выехал со своими танками и штурмовыми орудиями, английская авиация засекла движение и вызвала огонь с кораблей. «Адские силы вырвались на волю, — вспоминал Люк. — Тяжелые корабельные орудия крыли нас без остановки. Мы потеряли радиосвязь, и солдаты из разведбатальона вынуждены были занять укрытия». Люк приказал командующему передовым батальоном прекратить атаку и окопаться возле Эсковилля.

Лейтенант Вернер Котенхаус находился в этом батальоне. «Мы потерпели поражение, — рассказывал он, — из-за сильного противодействия английского флота. Мы потеряли тринадцать танков из семнадцати». Как и другой полк 21-й танковой дивизии к западу от Орна, 125-й полк отказался от контратаки и перешел к обороне. «Бык и олени» с помощью парашютистов, а затем и командос захватили мост Пегас.

К востоку от моста, в районе между грядой и руслом Орна, английские воздушно-десантные войска были вовлечены в разрозненную перестрелку. Питер Мастерс вспоминает, как ехал на велосипеде в Ранвиль и видел «людей, которые приветствовали нас — планеристов и парашютистов. Но мы так и не знали точно, насколько мы владеем ситуацией на дороге и как далеко мы сможем безопасно ехать по ней на велосипедах. Временами из леса начиналась стрельба, и мы инстинктивно ускоряли езду, чтобы нырнуть на менее открытое пространство и вновь обрести укрытие».

Мастерс направлялся к Варревилю. К этому времени (около 14.00) «несколько командос ехало на немецких велосипедах, произведенных для армии, — тяжелых, черных, гораздо лучше наших; их законные владельцы часто бросали их на обочине. Некоторые из наших ребят взгромоздились на цветные гражданские велосипеды, на дамские велосипеды — словом, на все, на чем можно было доехать до Варревиля.

Наконец мы приблизились к деревне. Канадские парашютисты (из 1-го канадского парашютного батальона 6-й воздушно-десантной дивизии) рассказали нам, что до сих пор ведут бой за селение».

Канадцы начали атаку на Варревиль ночью, около 03.30. Неизвестный английский капитан (приземлившийся в 02.00 на реке Див) сообщил, что когда он вступил в бой перед рассветом, то, «казалось, в деревне царил полный хаос. На фоне грохота «Бренов», «Спандусов» и гранат слышны были крики англичан и канадцев, немцев и русских. Очевидно, битва была в самом разгаре». Русским в немецкой форме сообщили, что, если они отступят, сержанты-немцы застрелят их, а если сдадутся, то союзники застрелят их за предательство, поэтому они стойко сопротивлялись до конца дня.

К 19.00 канадцы взяли деревню. Они полагали, что теперь, когда их задание выполнено, их эвакуируют в Англию. «Они отдали нам все свои сигареты, — вспоминает Мастерс, — душистые сигареты «Капорал» (которые мы очень ценили), полагая, что они им не понадобятся, так как скоро они отправятся домой».

— Задайте им перцу, ребята, — кричали канадцы другим командос. — Задайте им перцу!

Сержант, бывший вместе с Мастерсом, сообщил канадцам, что они дали излишнюю волю своей фантазии,

— Если вы находитесь под командованием генерала, — подчеркнул он, — то неужели вы думаете, что он отпустит вас в разгар битвы?

До отправки домой канадским парашютистам предстояло провести в Нормандии три месяца.

Вечером дня «Д», достигнув Варревиля, командос окопались и стали ждать контратак.

Бригадир Джон Денфорд-Слэйтер был офицером-планирофщиком командос. В конце дня он присоединился к Шими Ловату на гряде южнее Варревиля. Люди Ловата время от времени отражали контратаки. «Шими был великолепен, — сообщает Денфорд-Слэйтер. — Каждый раз, когда взрывался минометный заряд, я подпрыгивал на пару футов, а он стоял твердо, как скала. Я почувствовал глубокий стыд.

Из 4-й роты командос прибежал связной.

— Против нас ведется тяжелая контратака, сэр, — сказал он лорду Ловату.

— Передайте 4-й роте: пусть сами позаботятся о своих контратаках и не беспокоят меня, пока положение не станет серьезным, — сказал Шими. Затем мы закончили беседу».

Денфорд-Слэйтер и майор Чарли Хед взяли «Брен» и предложили укомплектовать пост на ночь: по собственному признанию, так они заботились о собственном самоутверждении.

— Нет, спасибо, — отвечал Ловат.

Немного подавленные, Денфорд-Слэйтер и Хед двинулись по дороге назад к Орну. По дороге Денфорд-Слэйтер увидел немецкого солдата огромного роста, стоящего возле траншеи.

— Стреляй в него, если он сдвинется хоть на дюйм! — закричал Хеду Денфорд-Слэйтер. Тут немец поднял руки вверх.

— Капут, — сказал немец, ослабившись. Он должен был действовать как снайпер, но рад был сделаться пленным.

Во время допроса Денфорд-Слэйтер велел своему ординарцу держать пленника на мушке. Пленник был одет в отличную трофейную куртку.

— Вы должны забрать это, — сказал Хед Денфорд-Слэйтеру. Хед велел ординарцу снять куртку с немца. Ординарец не раздумывая вручил свой пистолет пленнику. «Ситуация была нелепая, — вспоминал Денфорд-Слэйтер, — пленный немец с заряженным револьвером, лицом к лицу с безоружным английским бригадиром, майором и рядовым. К счастью, это был необычный пленник: он был полностью лишен мужества. Он отдал свою куртку, а затем вручил обратно пистолет».

Когда солнце начало склоняться над Ла-Маншем, майор Найджел Тейлор уселся в кресло возле кафе Гондре на мосту Пегас. Он был ранен в ногу. После того как врач перевязал его рану, «Гондре принес мне стакан шампанского, что было действительно весьма кстати после такого дня, скажу я вам. А затем, как раз когда начало темнеть, произошел грандиозный налет британской авиации: самолеты приблизились, выпустили планеры и сбросили провиант с нашей стороны канала. Это было восхитительное зрелище, действительно восхитительное: сотни планеров, сотни этих чертовских штуковин, и еще они сбрасывали припасы на парашютах из бомбовых люков. Все это опустилось вниз, и, казалось, прошло всего несколько минут, а все эти парни уже сидели в джипах, тащили противотанковые ружья и Бог знает что еще, спускаясь по дороге и через мост».

Когда подкрепление маршировало через мост, чтобы присоединиться к парашютистам и планерным войскам к востоку от Орна, Уолли Парр и другие солдаты из роты Говарда кричали: «Где вас носило?», «Война кончилась», «Поздновато для парада, ребята» и прочую чепуху в этом роде.

В воздухе находилась 308-я планерная дивизия «Хорса». В ее составе прибыли два планерных батальона по 1000 человек каждый, сопровождаемые 34 планерами «Гамликар» (более тяжелыми). Они несли джипы, артиллерию и продовольствие. Зоны приземления были расчищены парашютистами по обеим сторонам канала Орна.

Капитан Хью Уэлдон, впоследствии знаменитый диктор и продюсер Би-би-си, был тогда в составе «Хорсы». Когда его взвод приземлился, «все наше оружие было готово к бою. Кругом были планеры, одни перевернутые и нелепые, другие же — заходящие на посадку. Они казались огромными».

Когда Уэлдон опустился на землю, стрельбы не было. «Следующее, что я заметил и что я

никогда не забуду, был вид солдат, радовавшихся неожиданной возможности ощутить под ногами твердую землю: они справляли нужду с тем рассеянным видом, который появляется у людей в такой ситуации. Человек остается человеком».

«Выполнив это дело, мы пошли. Вся рота, числом 120 человек, приземлилась на 5 планерах. Никто не был ранен и не пропал». Инженеры и связисты, артиллеристы и вооружение, продовольствие и транспорт, ремонтная служба, медики и даже капелланы повсюду опускались на землю. «Все это, — рассказывал Уэлдон, — казалось даже тогда совершенно невероятным и поразительным примером высокой организации».

Однако сработало не все. После захода солнца 40 самолетов «DC-3» из 233-й эскадрильи Королевских ВВС пересекли Ла-Манш, имея на борту 116 т продовольствия, боеприпасов, взрывчатки, запасных раций, медикаментов и бензина для сбрасывания их на парашютах для 6-й воздушно-десантной дивизии. Перелет прошел без происшествий, но когда «Дакоты» пролетали над морскими судами возле устья реки Орн, те открыли огонь по низко и медленно летящим самолетам. Два из них получили серьезные повреждения и вынуждены были повернуть назад, а один сделал вынужденную посадку на поверхность Ла-Манша. Еще пять пропали без вести, а остальные были рассеяны. В результате удалось сохранить лишь 25 т продовольствия.

Легкомысленным артиллеристам Королевского флота не удалось распознать самолеты «Дакоты»; они упрекали пилотов за то, что те сами не узнали их достаточно быстро, прибавляя в свое оправдание, что незадолго до того на них напал одиночный вражеский ночной истребитель.

Капитан Джон Тиллет из бригады ВДВ провел большую часть дня «Д» на аэродроме в Таррант-Раштон в Англии, ожидая сообщения о том, что зоны приземления в Нормандии расчищены. У Тиллета были почтовые голуби, которых полагалось использовать, чтобы передавать новости в том случае, если это не удастся сделать по радио. Командир эскадрильи британских ВВС сам дрессировал голубей и «очень гордился ими. Все они сидели в корзинках. К несчастью, во время ожидания кое-кто из ребят не устоял перед искушением: они убили, зажарили и съели голубей».

Наконец в 18.30 бомбардировщики, тащившие планеры, начали подниматься в воздух; их сопровождал конвой примерно из 900 «Спитфайров». Тиллет вспоминает, что во время приближения этой воздушной флотилии к побережью Франции «все небо было буквально заполнено самолетами на многие мили вокруг, и все они были нашими. У берегов была масса кораблей — их были тысячи, всех видов и размеров». В 21.30 пилот его планера стартовал, и «Хорса» начала спиральный спуск на землю.

«Мы ударились о землю с таким треском, будто наш планер разлетелся в щепки; он задрожал и остановился. Вокруг нас приземлялись другие планеры — некоторые налетали друг на друга, — приземлялись со всех сторон.

Мы выскочили из планера и приготовились отразить нападение, откуда бы оно ни последовало. К моему изумлению, передо мной в траншее был немец, настоящий живой немец. Три года нас учили сражаться с немцами, но к этому я не был готов. Мы чуть не застрелили его, но тут, поглядев на него, я понял, что он был перепуган до смерти и не будет в нас стрелять. Он

не мог пошевелиться. Мы взяли его в плен».

Тиллет и его взвод рысцой побежали к гряде. «Добравшись до нее, мы услышали шум танков. Подъехали два танка, и, к своему ужасу, я увидел, что на передовом танке нарисована свастика. Мы дали стрекача и исчезли в поле, ища какую-нибудь яму, чтобы в нее залезть, пока этот танк повернет против нас свою башню.

Так в течение двух минут после приземления мы а) взяли пленного, б) смело двинулись вперед и в) были обращены в бегство».

Танки оказались английскими. Еще днем передовой танк подбил немецкий, и в знак этого экипаж нарисовал на борту свастику. Тиллет отвел своих солдат обратно на гряды и окопался на ночь.

Один майор из воздушно-десантной бригады незадолго до взлета заметил мальчика-газетчика, продававшего лондонский «Ивнинг стандарт» возле аэродрома. На первой полосе был заголовок: «Солдаты небес приземляются в Европе». Майор купил целую пачку, погрузил в свой планер и раздал их той же ночью в Нормандии, так что по крайней мере часть парашютистов смогла прочесть о себе в лондонской газете прямо в день десантирования.

Когда стемнело, 6-я дивизия ВДВ была на месте. По словам Хью Уэлдона, ребята-десантники «благополучно очутились на твердой земле, и, более того, многие из нас — вероятно, большинство — оказались там, где предполагалось». Но в целом британская армия не достигла своей цели — не взяла Кан и Карпике.

Постепенно людей охватил своего рода паралич. Английские десантные войска вступили в битву вскоре после полуночи, а те, кто прибыл утром и днем, участвовали в энергичных наступательных операциях. Менее чем 24 часа спустя они перешли к обороне, окопавшись и ожидая контратак.

Вскоре им суждено было пожалеть о том, что они не прорвались в Кан, пока немцы были дезорганизованы и в состоянии шока. Американцы подвергли их жесткой критике за то, что они упустили момент. Но факт остается фактом: за исключением нескольких парашютистов и соединений американской 4-й дивизии на побережье «Юта», никто из американцев также не достиг целей, поставленных перед ними в день «Д». После того как американцы очистили побережье, они сочли, что для одного дня ими сделано достаточно.

Лучше всего это выразил майор Тейлор. Сидя возле кафе Гондре, по мере того как сгущалась тьма, он потягивал шампанское и чувствовал себя превосходно. «Я помню, что в ту минуту говорил сам себе: Боже мой, мы сделали это!»

32. «Когда померкнет их слава?»

Конец дня «Д»

Когда примерно в 22.00 в Нормандии наступила полная темнота, выгрузка на побережье прекратилась. Около 175 000 американских, канадских и английских военнослужащих вторглось в Нормандию по воздуху или морем; потери составили 4900 человек. Фронт вторжения протянулся более чем на 90 км между американскими десантниками на правом краю и английскими десантниками — на левом. В нем имелся 18-километровый разрыв между левым флангом побережья «Юта» и правым флангом «Омахи» (внутри которого рейнджеры Раддера удерживали небольшой кусок территории между «Омахой*» и «Ютой» близ Пуант-дю-О), 11-километровый — между «Омахой» и «Золотом», и 5-километровый — между «Юноной» и «Мечом». Эти разрывы не имели значения, поскольку в тех местах у немцев не было войск, способных воспользоваться благоприятной возможностью.

Для немцев поле битвы было изолировано. По крайней мере в этом Роммель был прав: авиация союзников сделала почти невозможной для немцев быструю переброску людей, танков и артиллерии к театру военных действий. Что касается союзников, то практически неограниченное число людей, танков, артиллерии и боеприпасов, находившихся недалеко от берега, ожидали выгрузки на рассвете 7 июня, а позади них, в Англии, находилось еще больше людей, танков, артиллерии и запасов, ожидавших переправы через Ла-Манш.

Вторжение имело небольшую глубину, нигде не достигнув более чем 10 км («Юнона»), а на «Омахе» — менее 2 км. Но везде союзники прорвали «Атлантический вал». Немцы все еще располагали преимуществом в оборонительных боях, и живые изгороди, особенно на Котангенс, обеспечивали превосходные естественные позиции. Однако если говорить об их стационарных укреплениях, находившихся на участках вторжения, их дотах и бункерах, сети траншей, системе коммуникаций, позициях для тяжелой артиллерии, то здесь — лишь за некоторыми исключениями — дело было «капут».

Немцы потратили четыре года на возведение «Атлантического вала». Они израсходовали тысячи тонн бетона, укрепленного сотнями тысяч стальных прутьев. Они прорыли тысячи километров траншей. Они заложили миллионы мин и установили тысячи километров колючей проволоки. Они соорудили десятки тысяч береговых заграждений. Это было величайшим инженерным подвигом, который поглотил немалую долю мат териалов, людских ресурсов и строительных мощностей Германии в Западной Европе.

На «Юте» «Атлантический вал» задержал американскую 4-ю дивизию менее чем на час. На «Омахе» американские 29-я и 1-я дивизии были задержаны им менее чем на день. В секторах «Золото», «Юнона» и «Меч» он задержал 50-ю английскую, 3-ю канадскую и 3-ю английскую дивизии примерно на час. Поскольку «Атлантический вал» совершенно не имел второй линии защиты, то, будучи преодолен хотя бы на километр, он становился бесполезным. Более того, войска вермахта, оборонявшие «Атлантический вал» западнее и восточнее территории вторжения, были неподвижны и не могли броситься на звуки пушечных выстрелов.

Таким образом; «Атлантический вал» должен считаться одной из величайших ошибок

военной истории^{76}.

Но и союзники допускали ошибки. Одной из них был выброс 82-й и 101-й воздушно-десантных дивизий в полночь. Вне всякого сомнения, куда лучше было ввести их в действие на рассвете. Огромные возможности бомбардировочной авиации и морского флота не были использованы с полной отдачей из-за кратковременности и неточности огневой подготовки перед вторжением. Основной упор на высадке и прорыве «Атлантического вала» был, вероятно, неизбежен — настолько грандиозными казались эти укрепления, — но это дорого стоило союзникам, когда штурмовые команды наконец прорвались. Часть солдат стала думать, что, раз они прорвались через вал, их миссия выполнена. Как раз тогда, когда каждому следовало напрячь свои силы и сделать все возможное, чтобы попасть в глубь территории, пока немцы были ошеломлены, солдаты союзников останавливались, чтобы поздравить самих себя, заварить чаю и окопаться.

Неспособность подготовить людей и снаряжения для сложной наступательной операции в стране, где полно живых изгородей, была вопиющей ошибкой. Разведка союзников великолепно выполнила задачу по установлению местонахождения немецких оборонительных укреплений и отлично — если не в совершенстве — справилась с задачей фиксации местонахождения немецких соединений в Нормандии. Однако в том, чтобы осознать трудности боя среди живых изгородей, разведка потерпела полную неудачу.

Однако ошибки союзников бледнеют рядом с ошибками немцев. Пытаясь обороняться повсюду, они в итоге были не в состоянии обороняться нигде. Их командная структура была скорее помехой, нежели помощью. Роммель выдвинул идею остановить вторжение на побережье; ей противостояла идея Рундштедта — контратаки в глубине территории, а Гитлер выдвинул свою — компромисс между двумя первыми. В итоге эти идеи нельзя было эффективно применить. Использование поляков, русских и прочих военнопленных для работы на укреплениях имело смысл; одевать их в форму вермахта и помещать в траншеях, надеясь, что они будут оказывать стойкое сопротивление, было бессмысленно.

У вермахта было много ошибок, но их превзошли ошибки люфтваффе, которых там просто не было. Геринг требовал применения всех сил люфтваффе в день «Д», но фактически не получил ничего. Больше всего союзники боялись массивной бомбардировки с воздуха, направленной на массу судов и скопление на берегу, причем они ждали, что Геринг применит все самолеты, способные лететь в атаку. Но Геринг был в Берхтесгадене, согласившись с самоуверенным, смехотворным утверждением Гитлера, что союзники предпримут вторжение точно в том месте, где он их ожидал, в то время как люфтваффе находились либо в Германии, либо на передислокации, либо на земле для заправки. Единственный раз, 6 июня 1944 г., люфтваффе — ужас всего мира — стали посмешищем^{77}.

Немецкий военно-морской флот был не лучше. Его подводные лодки и крейсеры либо находились в укрытиях, либо далеко в Северной Атлантике охотились за торговыми судами. За исключением одной незначительной акции, предпринятой тремя торпедными катерами, немцы не произвели ни одной атаки на величайшую из когда-либо собиравшихся армид.

«Фау-1», на которые Гитлер возлагал столь большие надежды и на создание которых он затратил столько немецких технологических и производственных мощностей, не были готовы.

Когда же они были готовы (через неделю после дня «Д»), он пустил их против неверной цели.

Серьезны были тактические и стратегические ошибки немцев, но величайшими оказались их политические провалы. Их оккупационная политика в Польше и России уничтожила весь энтузиазм «восточных» батальонов по отношению к своему делу — даже несмотря на то, что почти все, кто был в них призван, ненавидели коммунистов. Хотя во Франции немцы вели себя несравнимо лучше, чем в Польше и в России, даже там немцам не удалось добиться поддержки. Поэтому немцы не смогли извлечь выгоду из огромного потенциала завоеванной Франции. То, что должно было стать «козырем» Германии — французская молодежь, — стало «козырем» союзников, будь то саботажники на фабриках или члены Сопротивления.

То, что Гитлер рассматривал как величайшие достижения Германии, — принцип собственного лидерства в Третьем рейхе, беспрекословное подчинение, ожидавшееся им от кадров вермахта, от маршала до рядового, — все это работало против немцев в день «Д».

Несмотря на отдельные случаи невероятной храбрости и фанатизма некоторых немецких соединений, высшее командование вермахта, офицеры среднего звена и младший офицерский состав — все вели себя жалким образом. Причина легко установима: они боялись проявить инициативу. Они позволяли себя парализовать глупыми приказами, исходящими издалека и не соответствующими ситуации на поле битвы. Командиры танков, которые знали, где находится враг и как и когда его следует атаковать, просидели весь день в своих штабах, ожидая, что высшее командование в Берхтесгадене сообщит им, что делать. Контраст между такими людьми, как генералы Рузвельт и Кота, полковники Канхем и Отуэй, майор Говард, капитан Доусон, лейтенанты Сполдинг и Уинтерс, между тем, как они приспособлялись к неожиданным ситуациям и реагировали на них, и их немецкими соперниками, не мог быть большим. Люди, сражавшиеся за демократию, могли принимать быстрые решения на месте и соответственно действовать, а люди, сражавшиеся за тоталитарный режим, — нет. За исключением полковника Хейдта и отдельных капитанов и лейтенантов, ни один немецкий офицер не ответил должным образом на вызов, брошенный в день «Д».

Когда наступила темнота, войска союзников, находившиеся на берегу, окопались, в то время как авиация возвратилась в Англию, а флот подготовился к возможному ночному нападению люфтваффе. Оно произошло в 23.00 и стало свидетельством полной небоеспособности люфтваффе.

Джош Онан вспоминает и описывает его: «Вдруг все загрохотало, и мы все вышли посмотреть, в чем дело. Это оказался немецкий разведсамолет. Он летел не слишком высоко и не на полной скорости. Он сделал над заливом полный круг. Все корабли стреляли из всех орудий. Вы никогда в жизни не видели такой стены трассирующих пуль, зенитного огня и цветных вспышек. А немец пролетел себе спокойно вокруг всего залива, сделал еще круг и отправился домой»^[78].

Рядовой Джон Слотер из 116-го полка 299-й дивизии США также описывает эту сцену: «Когда стемнело, вражеский истребитель «Me-109» пролетел над всем флотом союзников справа налево, прямо над аэростатами заграждения. Все корабли в Ла-Манше открыли огонь по этому одинокому аэроплану, осветив небо миллионом трассирующих пуль. Героический пилот люфтваффе избежал всех — даже не пытаясь уклониться. Хотелось бы мне знать, как это он

прошел через эту завесу огня».

Люди окапывались по всему фронту. Капитан Джон Рааен 5-го батальона рейнджеров находился подле Вьервиля за пределами побережья «Омаха». «К этому времени стемнело, и нужно было организовать против ночных контратак и проникновения немцев, — рассказывает он в своем устном сообщении. — Штаб роты находился во дворе маленькой фермы, расположенной к югу от дороги. Тут я понял, что совершил ошибку — не взял с собой инструмента, чтобы выкопать траншею.

Двор французской фермы больше напоминает кирпичи, чем землю. В течение столетий животные утаптывали его. Солнце высушило его. Выкопать яму, чтобы защитить себя, было просто невозможно. У солдат были инструменты для рытья окопов. И двое предложили выкопать для меня яму, но я сказал: «Нет. Позаботьтесь о себе. Выкопайте ямы для себя. А когда окажетесь в безопасности, дадите мне свою лопату, и я выкопаю себе яму».

Когда стемнело, стало холодно. Я имею в виду, по-настоящему холодно. Во дворе фермы был стог». Рааён решил зарыться в него. «Я ведь городской мальчик. О стогах во дворах французских ферм в ту ночь я узнал немного, потому что это был не стог, а навозная куча. Я с трудом улегся в тепле этой кучи и был покрыт всеми насекомыми, какие только можно вообразить. Я вылез оттуда, шлепая себя, вертясь и щипаясь, изо всех сил пытаюсь освободиться от всех этих вредных кусачих жуков.

Я пошел в дом. Там пожилая француженка подкладывала в огонь пучки прутьев. Огонь был малюсенький». В доме находился лейтенант Ван Райпер, командир взвода в роте Рааена. «Ван Райпер и я провели остаток ночи, грея руки над этим крошечным огоньком от горящих прутьев подле маленькой старушки-француженки. Постыдный конец столь волнующего дня!»

Рядовой Гарри Парли (116-й полк, 299-я дивизия) рассказывал в интервью, что «последние часы 6 июня весьма живы в моей памяти. Когда стемнело, мы оказались в поле, по краям которого росли живые изгороди. Грязные, голодные и усталые, как собаки, не имея представления о своем местонахождении, мы решили окопаться на ночь. Мы слышали далекие залпы артиллерии и видели далеко в небе следы трассирующих пуль.

Когда мы разошлись по полю, я оказался в паре с сержантом. Мы начали копать окоп, но земля была твердой, как камень, и к тому моменту, как вырыли яму глубиной в три дюйма, мы были полностью измучены. Наконец, стоя во тьме и сознавая, что продолжать бесполезно, сержант сказал:

— К черту это, Парли. Давай просто сядем и отдохнем. Так и закончился день «Д», а мы сидели спиной к спине, укрывшись в траншее, всю ночь».

На мосту Пегас «Бык и олени» передали свои позиции Уоррвикширскому полку. Джон Говард повел своих людей сквозь темноту к Ранвилю. Джеку Бейли тяжело было уходить. «Знаете, — объяснил он, — мы там провели целый день и ночь. Мы до некоторой степени ощущали, что это наша частица территории».

Лейтенант Джон Ревилль из роты «Эф» (5-й батальон рейнджеров) находился на утесе на

участке «Омаха». Когда стемнело, он позвал своего связного, рядового Рекса Лоу, указал на 6000 судов, стоявших в Ла-Манше, и произнес:

— Рекс, взгляни на это. Ты никогда в жизни больше не увидишь такого зрелища.

Рядовой Роберт Заффт, 20-летний пехотинец из 115-го полка 29-й дивизии на побережье «Омаха», выразил свои ощущения и переживания следующим образом: «Я взобрался на холм, до того места, где немцы остановили нас на ночь. Думаю, что это было знаком моего возмужания».

Рядовой Феликс Бранхем был в составе роты «К» 116-го пехотного полка, который понес самые тяжелые потери из всех соединений союзников в день «Д». «В день «Д» я прошел через множество трагедий, — завершает он свой рассказ. — Но что касается меня, то день «Д» будет жить вместе со мной до дня моей смерти, и я возьму его с собой на небеса. Это был самый длинный, самый ужасный, полный несчастий день в моей жизни.

Я бы не продал свой опыт и за миллион долларов, но, несомненно, не захотел бы пройти через все это снова и за миллион долларов».

Сержант Джон Эллери (16-й полк, 1-я дивизия, сектор «Изи-Ред» на побережье «Омаха») вспоминает: «Первую ночь во Франции я провел в траншее возле живой изгороди, закутавшись в сырую плащ-палатку, полностью изможденный. Но я был в приподнятом настроении. Это был величайший опыт в моей жизни. Я чувствовал себя так, как будто во мне десять футов роста. Что бы там ни было, я преодолел побережье и достиг возвышенности. На мгновение я стал королем холма (по крайней мере в собственном воображении). Быть может, мой вклад в героические традиции армии Соединенных Штатов был наименьшим достижением в истории мужественных деяний, но по крайней мере некоторое время я входил в компанию храбрецов».

Адмирал Рамсей закончил 6 июня свой дневник следующей записью: «Нам по-прежнему необходимо упрочить свое положение на суше. Флот хорошо выполнил свою часть действий. В течение дня продолжали поступать удовлетворительные новости от Восточной оперативной группы (Eastern Task Force — силы, выполняющие задачи на востоке, то есть побережья, на которых действовали англичане. — Примеч. авт.); продвижение было значительным. Очень мало новостей было получ[ено] от Западной оперативной группы (побережья, где действовали американцы. — Примеч. авт.), и вызывает беспокойство их позиция на побережье.

Все же в целом мы должны быть очень благодарны Господу за этот день».

Одним из тех солдат, кто не забыл поблагодарить Господа, был лейтенант Ричард Уинтерс (506-й полк, 101-я дивизия ВДВ). В 00.01 6 июня он находился в «С-47», направлявшемся в Нормандию. Он молился всю дорогу, молился весь день, чтобы остаться в живых, молил о том, чтобы не потерпеть неудачи.

Он не потерпел неудачу. В то утро он заслужил крест «За боевые заслуги».

В 24.00 6 июня, перед тем как лечь в постель в Сен-Мари-дю-Мон, Уинтерс (как позже он записал в своем дневнике) «не забыл встать на колени и поблагодарить Господа за то, что он помог мне выжить в тот день, и просил его помочь мне завтра». Он обещал сам себе: если он

выживет в течение войны, то найдет где-нибудь уединенную ферму и проведет остаток своей жизни в мире и покое. В 1951 г. он купил ферму в южной части центральной Пенсильвании, где живет и поныне.

«Когда померкнет их слава?» — вопрошал Теннисом в своих стихах. Тот же вопрос я могу задать, имея в виду людей, участвовавших в дне «Д»:

Тяжкое бремя несли они! Весь мир был изумлен. Славное бремя несли он»!

Генерал Эйзенхауэр положил начало всему словами «О'кей, пошли». Пусть его слова будут и последними. В 1964 г., через 20 лет после дня «Д», Уолтер Кронкайт взял у него интервью на побережье «Омаха».

Глядя на Ла-Манш, Эйзенхауэр сказал:

— Вы видите этих людей, они плавают и катаются на своих маленьких яхтах, наслаждаясь хорошей погодой и красотой побережья, Уолтер. Это почти нереально — глядеть на это сегодня и вспоминать, что было тогда.

Но это замечательно — вспомнить, за что эти ребята сражались и приносили себя в жертву 20 лет назад, что они сделали, чтобы сохранить наши жизненные устои. Не для захвата территории, не из-за наших амбиций. Но для того, чтобы свобода во всем мире не была уничтожена Гитлером.

Я считаю, что это просто ошеломляет. Подумайте о жизнях, отданных за этот принцип. Ведь цена была страшной — мы потеряли на одном этом побережье 2000 человек за один день. Но они поступили так, чтобы мир был свободен. И это показывает, что готовы сделать свободные люди, чтобы не быть рабами.

Об авторе

Стивен Е. Амброс, профессор истории в Университете Нового Орлеана, является директором Центра Эйзенхауэра и президентом Национального музея дня «Д» в Новом Орлеане. Он автор многочисленных книг по истории, в том числе таких, как «Команда братьев» и «Мост Пегас», а также двухтомной биографии Дуайта Д. Эйзенхауэра. Он живет в Бей-Сент-Луисе, штат Миссисипи.

При написании книги «День «Д» Стивен Е. Амброс использовал более 1400 интервью с американскими, британскими, канадскими, французскими и даже немецкими ветеранами, чтобы воссоздать хронику одного самого важного дня XX столетия. Амброс показывает, почему командующим пришлось отказаться от первоначальных планов высадки и как обыкновенные солдаты, сержанты и офицеры выходили из трудных ситуаций, проявляя силу воли, решительность и инициативу.

«День «Д» — это прежде всего эпическое повествование о человеке, переживающем самый ответственный, тяжелый и решающий момент своей жизни, в котором сливаются воедино страхи, тревоги и триумфы. Амброс пишет о мужестве и героизме, ужасах войны и стойкости людей — о том, что Эйзенхауэр назвал «яростью пробудившейся демократии», которая и

привела к победе граждан-солдат, чьей боеспособностью так пренебрег Гитлер.

«Очень жизненно... Описание реальностей войны ошеломляет».

Джон Леман, «Уолл-стрит джорнал»

«День «Д» — книга прежде всего о людях. И не только об их отваге и выдержке, но и о человеческих слабостях... Потрясающе!»

Реши Тревелян, книжное обозрение «Нью-Йорк таймс»

«Прочитав эту книгу, начинаешь понимать, почему человек на войне ценит каждое мгновение своей жизни».

Кристофер Леманн-Хопт, «Нью-Йорк таймс»

«Как историки, так и рядовые читатели должны быть глубоко благодарны Стивену Амброзу за столь всеобъемлющий труд, который всегда будет будоражить нашу память о Нормандии».

Томас Б. Бьюлл, «Чикаго трибюн»

В 1992 г. конгресс США одобрил создание Национального музея дня «Д» в Новом Орлеане на том самом месте, где строились и испытывались боты Хиггинса. Задача музея — напоминать американцам о дне, когда ярость пробудившейся демократии обрушилась на нацистов, оккупировавших Европу, и сохранить для будущих поколений доказательства того, что наша Республика способна совершить невозможное, если все как один поднимаются на борьбу в едином порыве. Собраны фотографии, образцы оружия, обмундирования и другие свидетельства сражения в Нормандии. В архивах музея будут храниться все печатные материалы о дне «Д», а также устные и письменные воспоминания участников боев, которые Центр Эйзенхауэра при Университете Нового Орлеана собирает с 1983 г. Это самая большая коллекция мемуаров о каком-либо отдельном сражении в мире.

Словарь сокращений

АКА — десантный грузовой транспорт (АКА).

АПА — десантный войсковой транспорт (АРА).

АССН — авиационная служба специального назначения (SAS Special Air Service).

«Бельгийские ворота» — противодесантные заграждения, железные рамы высотой три метра (Belgian Gates).

«Браунинг» — автоматическая винтовка Браунинга — (BAR).

Ваффен СС — штурмовые отряды СС (Waffen DD — combat arm of the SS).

«Видерштанднест-62» («ВН-62») — «Гнездо сопротивления» «Widerstandsnest 62 — resistance nest).

Верховный штаб Союзнических экспедиционных сил (SHAEF — Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force).

ДАКВ — 2,5-тонный грузовой корабль-амфибия, «утка» — DUKW (duck).

ДКТ — десантно-танковый корабль (LST — landing ship, tank).

ДСА — британское десантно-штурмовое судно (LCA — landing craft, assault).

ДСП — десантно-пехотное судно (LCI — landing craft, infantry).

ДССК — десантное судно среднего класса (LCM — landing craft, medium).

ДССПЛС — десантное судно средств передвижения и личного состава (LCVP — landing craft, vehicle and personnel, Higgins boat — бот Хиггинса).

ДСТ — десантно-танковое судно (LCT — landing craft, tank).

ДСТ (Р) — десантно-танковое судно с реактивной установкой (LCT (R) — landing craft, rocket).

ДСУ — основное десантное судно управления (LCC — landing craft, control, primary control vessel).

ЕТО — Европейский театр военных действий (European Theater of Operations).

ИСБ — инженерная специальная бригада (ESB — engineer special brigade).

КОССАК — начальник штаба Верховного командования Союзническими экспедиционными силами (COSSAC—Chief of Staff to the Supreme Allied Commander).

КП — командный пункт (CP — command post).

КНШ — комитет начальников штабов в США (JCS — U.S. Joint Chiefs of Staff).

«Мг-34» — немецкий пулемет на треноге, скорость стрельбы до 800 патронов в минуту (MG-34).

«Мг-42» — немецкий пулемет на треноге, скорость стрельбы до 1300 патронов в минуту (MG-42).

НП — наблюдательный пост (OP — observation post).

ОБ Уэст — немецкий генштаб Западного фронта (OB West — Oberbefehlshaber West — general HQ for the Western Front).

ОКВ — Верховное командование вооруженными силами Германии (OKW — Oberkommando der Wehrmacht — Armed Forces High Command).

ОКНШ — Объединенный комитет начальников штабов Союзнических экспедиционных сил (CCS — Combined Chiefs of Staff).

ОКХ — верховное командование сухопутными силами Германии (ОКН — Oberkommando des Heeres — Army High Command).

ОСО — отдел специальных операций (SOE — Special Operations Executive).

«Райноу» — «носорог» — понтонный самоходный паром-баржа (Rhino ferry).

СБ — саперный батальон (ECB — engineer combat battalion).

СИС — боевой информационный пост (Combat Information Center).

СКР — рация службы (войск) связи (SCR — Signal Corps Radio).

СП — самоходная артиллерийская установка (self-propelled gun).

СС — охранные отряды нацистов (SS — Schutzstaffel).

«Стен» — британский 9-мм пистолет-пулемет, автомат, длина — 76,2 см, вес — 3 кг 175 г (Sten gun).

ТБС — переговоры между кораблями (TBS — talk between ships).

Тетраэдр — пирамидальная противотанковая надолба (Tetrahedra — pyramid-shaped steel obstacles).

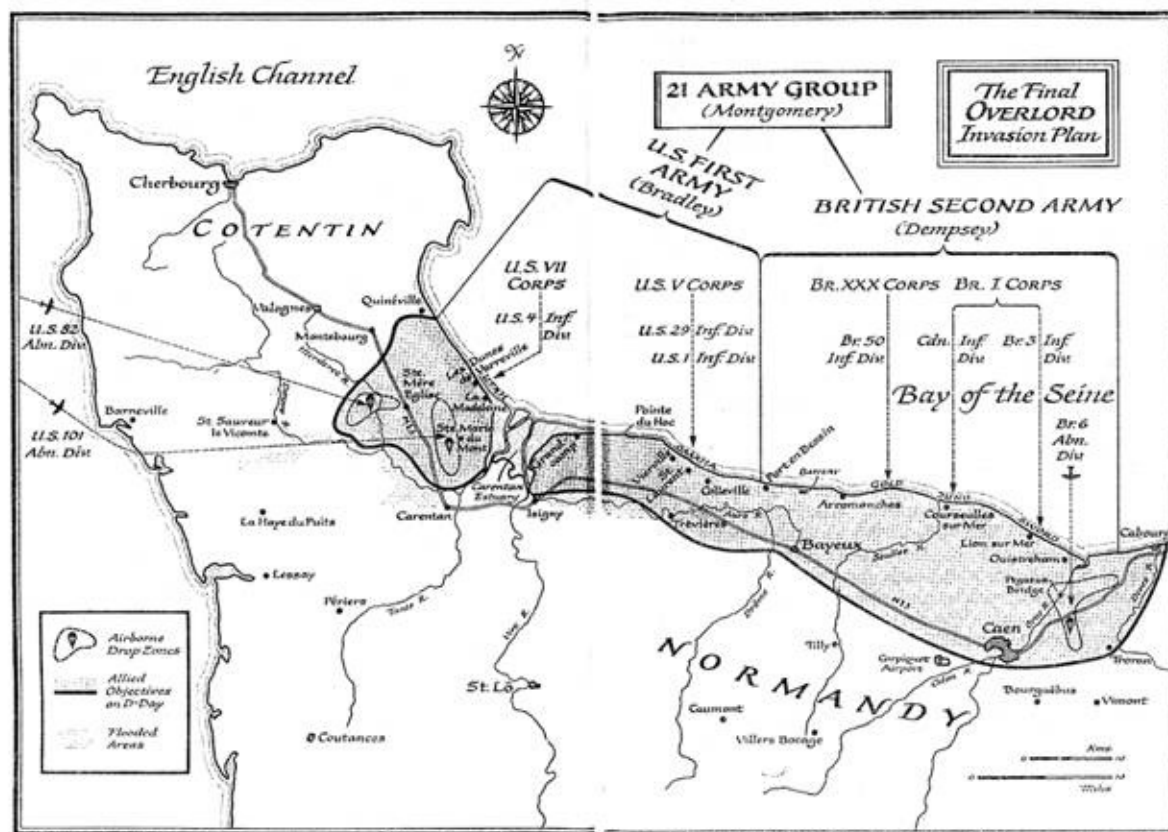
УДТ — отряд подрывников-подводников (UDT — underwater demolition teams).

УСС — управление стратегических служб (Office of Strategic Services).

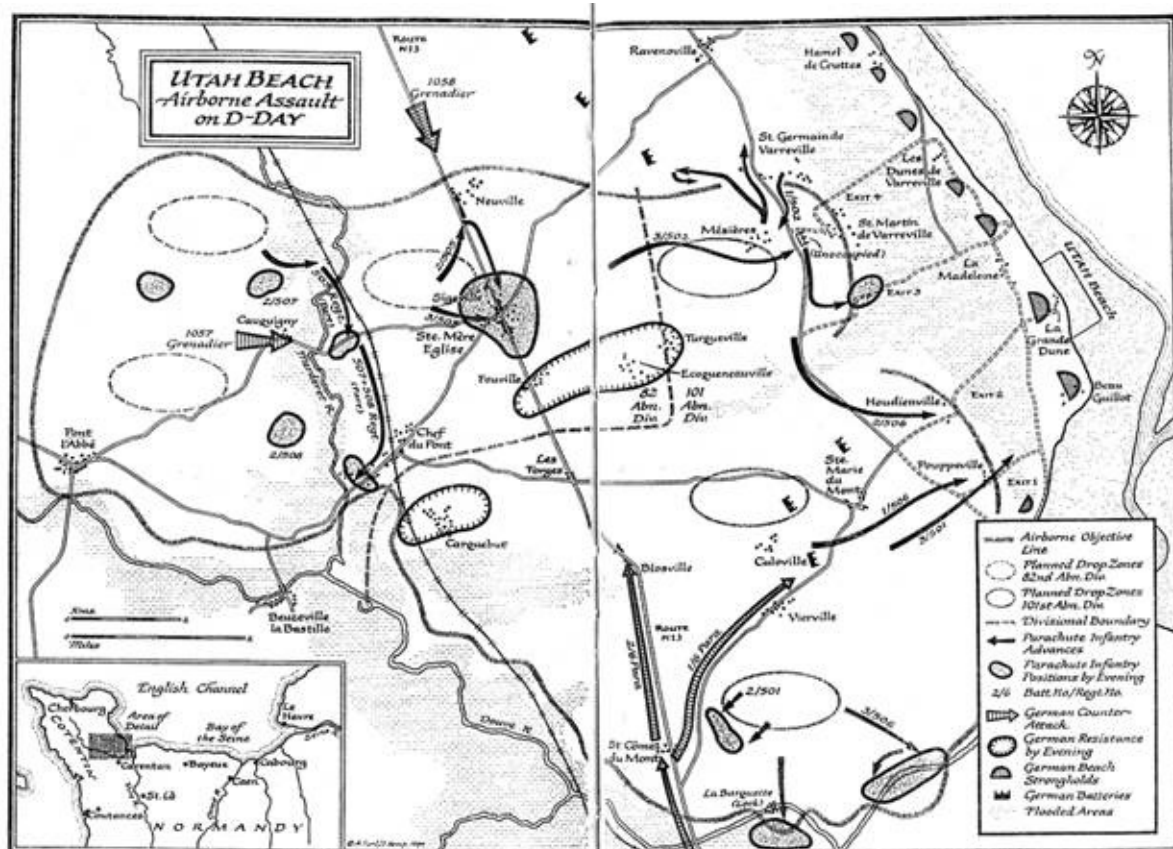
УВИ — управление военной информации (Office of War Information).

ФУСАГ — Первая группа армий США (FUSAG — First United States Army Group).

Примечания

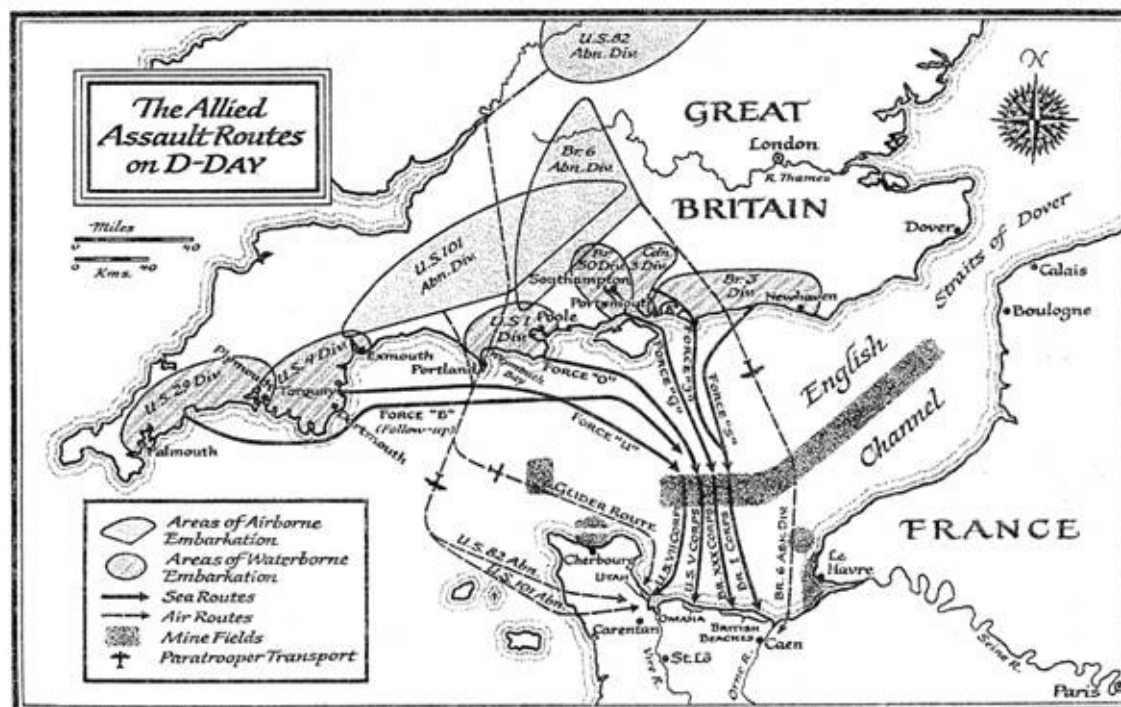

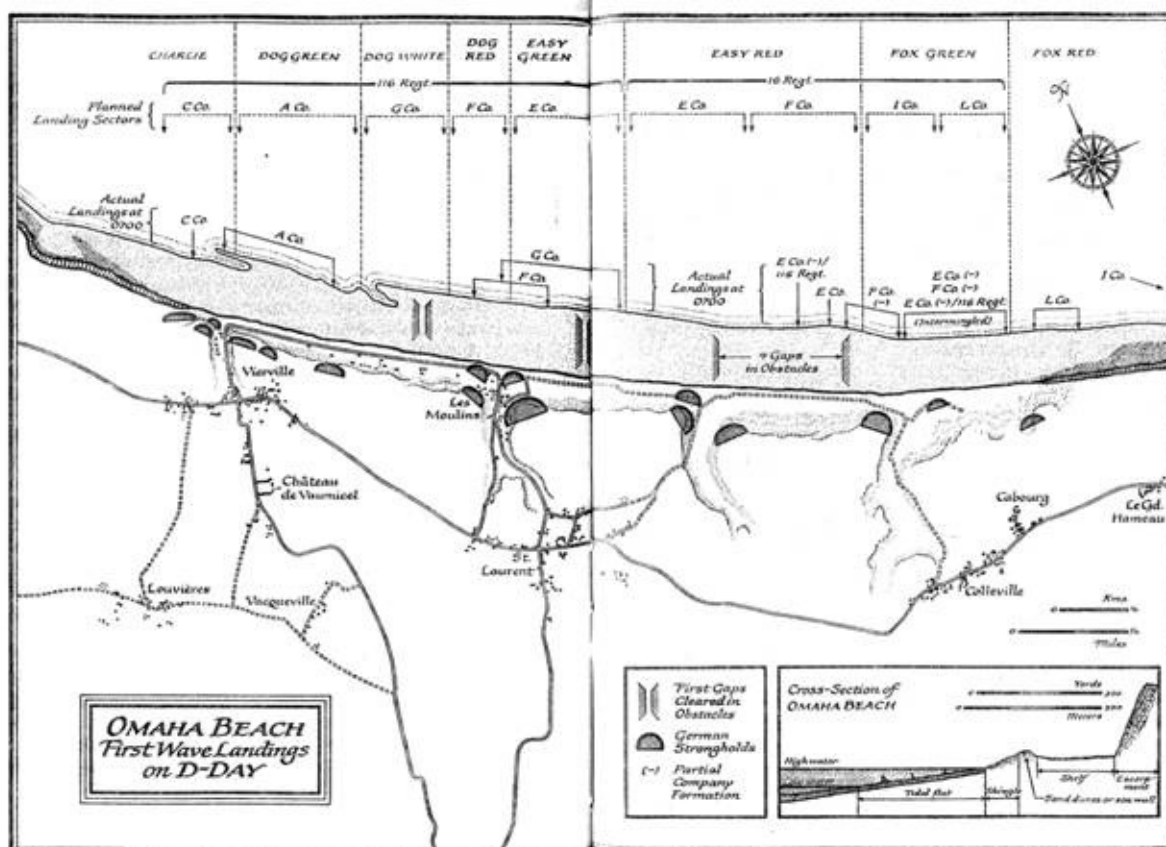
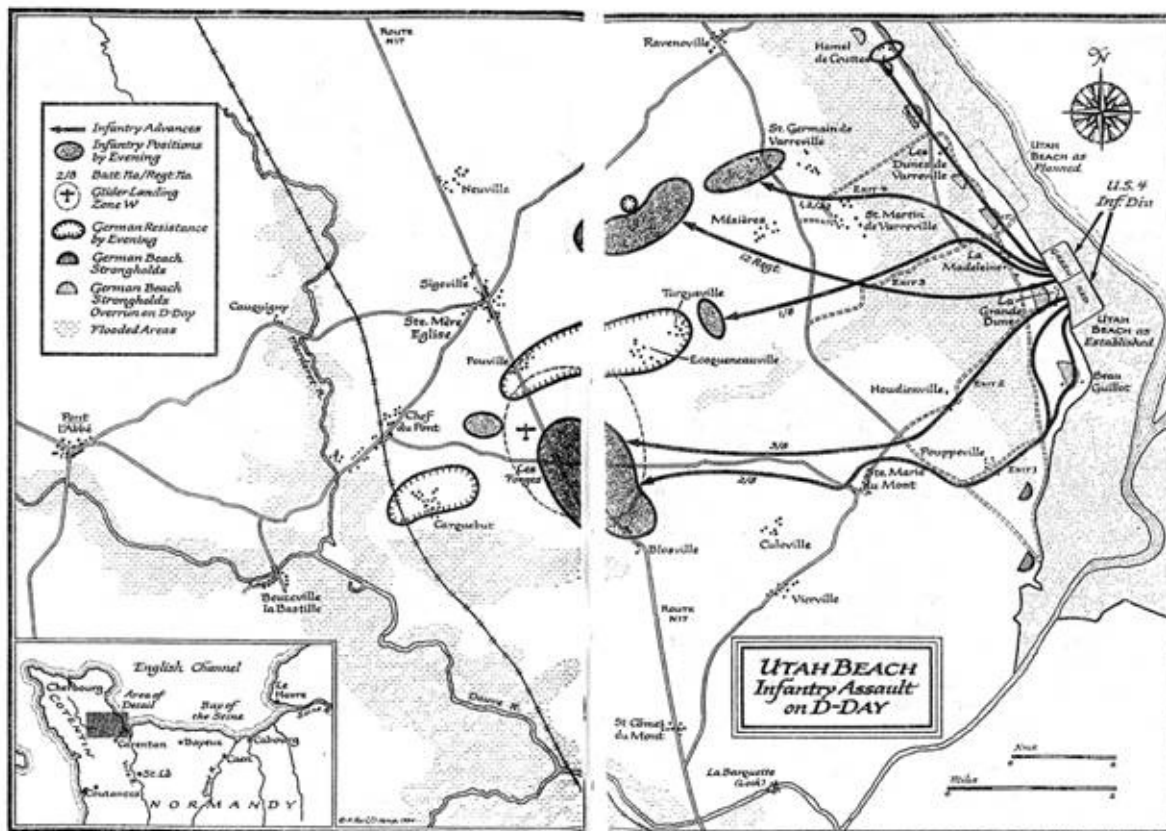
Окончательный план операции «Оверлорд»

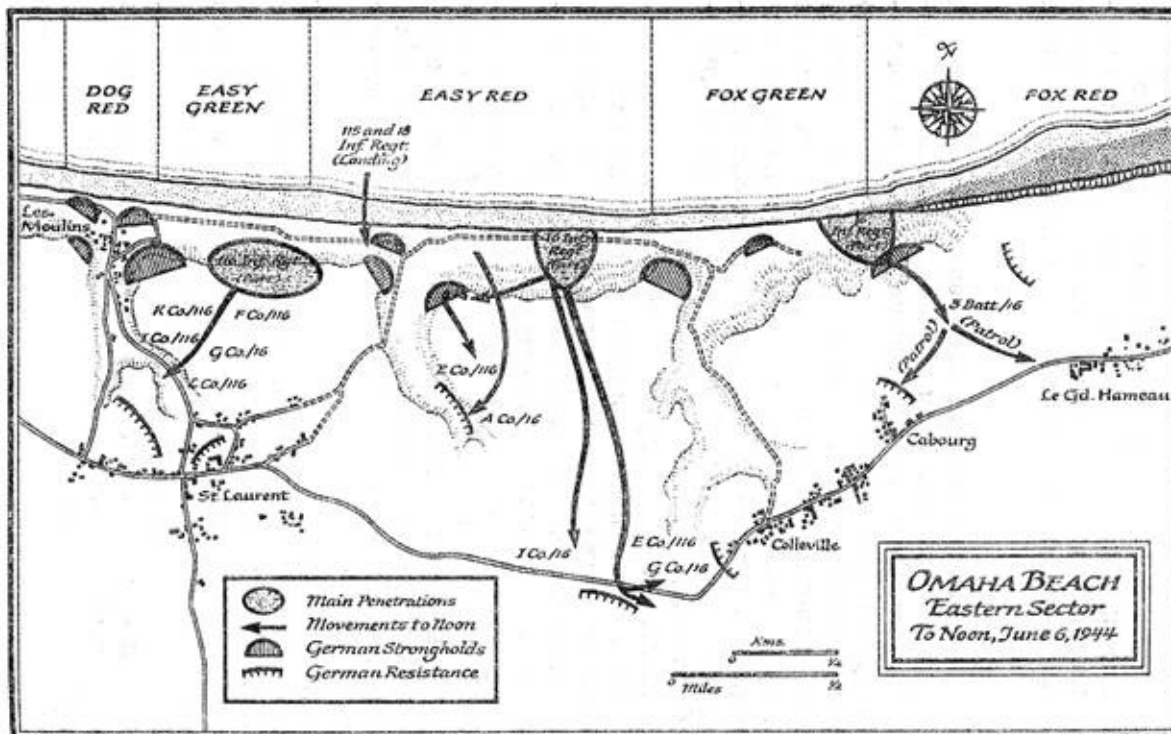

Высадка воздушного десанта в день «Д» на участке побережья «Юта»

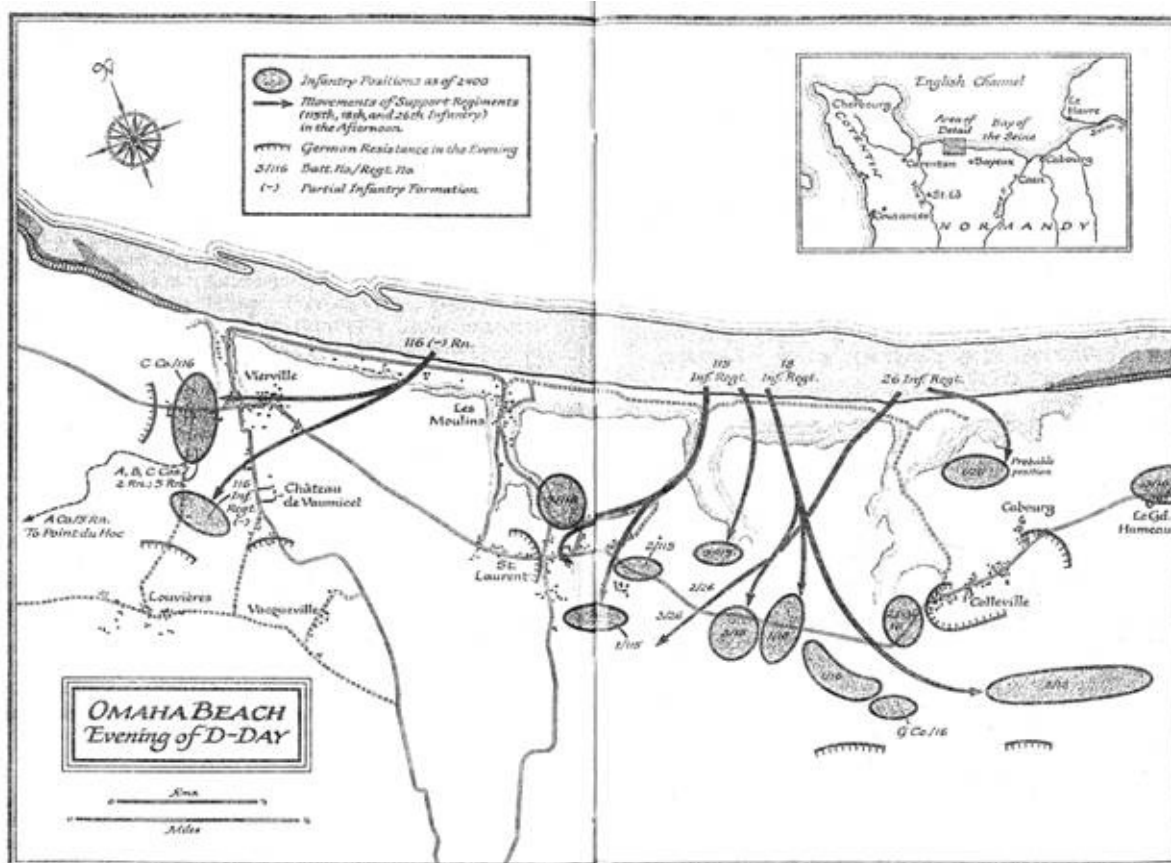
Направления наступления союзников в день «Д»

Участок побережья «Омаха». Восточный сектор. Полдень 6 июня 1944 г.

Побережье «Омаха» — вечер дня «Д»

По британскому летнему времени. Франция отставала на один час. Вся оккупированная нацистами Европа жила по Берлину. Немцы не переходили на летнее расписание. Британия же переставляла стрелки на два часа вперед.

«Крепость Европа» — немецкое пропагандистское название системы фашистской обороны в Европе в период Второй мировой войны. — Примеч. пер.

День «Д» — кодовое название начала англо-американской высадки в Нормандии 6 июня 1944 г., означавшее открытие второго фронта в войне с гитлеровской Германией. — Примеч. пер

Реактивные истребители использовали синтетическое топливо, состоявшее в том числе из спирта, на изготовление которого ушел весь урожай картофеля, собранного в 1944 г. Немцы в 1945 г. горько заплатились за это безумие.

Полувоенная организация, созданная гитлеровцами в оккупированных областях для использования принудительного труда местного населения. — Примеч. пер.

Иначе называется аппаратъ — приспособление в носовой или кормовой части корабля для выгрузки (погрузки) войск и техники па берег (с берега).

После войны Хиггинса одолели проблемы, отчасти возникавшие по его собственной вине. Он оказался не очень удачливым бизнесменом. Хиггинс не мог заставить себя пойти на сокращение производства, поскольку не хотел, чтобы его люди пополнили толпы безработных. Он вступил в тяжбу с профсоюзами и потерпел поражение. Предприниматель оказался впереди своего времени, когда попытался заняться созданием вертолетов, парусных и моторных судов, автомобильных прицепов и других транспортных средств для отдыха, но они вряд ли могли быть востребованы в 1946–1947 гг. Хиггинс блестяще проявлял себя в конструировании, но терялся в маркетинге, он был отличным мастером производства, но очень скверным бухгалтером. Предприниматель потерпел полный крах. Его фирма «Хиггинс индастриз» лопнула. Но он был человеком, который помог нам победить в войне. Позор, что его забыли и страна, и город Новый Орлеан.

Шноркель — воздухозаборное устройство, позволявшее дизельным двигателям работать под водой, что избавляло команду лодки от необходимости всплывать на поверхность. — Примеч. пер.

Искусственные порты «Малберриз» долго не просуществовали. Сильный шторм, случившийся через две недели после дня «Д», уничтожил американскую «тутовую ягоду» и нанес непоправимый ущерб британской. Спасла положение флотилия десантных кораблей ДКТ. Но тогда возникает вопрос: оправданы ли были затраты на создание «Малберриз»? Расселл Уигли отвечает: да. Он пишет: «Без «Малберриз», которые могли превратить неприступные берега в порты, Черчилль и его правительство, вероятно, отказались бы вообще от проведения операции «Оверлорд» (Russell Weigley, *Eisenhower's Lieutenants: The Campaigns of France and Germany, 1944–45*/Bloomington: Indiana University Press, 1981, p. 103).

После войны Мидж Гилларс судили и обвинили в измене родине. Она провела в заключении 12 лет. После освобождения в 1961 г. Гилларс преподавала музыку в Колумбусе, штат Огайо. Она умерла в возрасте 87 лет в 1988 г.

Роммель после провала антигитлеровского заговора в 1944 г. покончил жизнь самоубийством. — Примеч. пер.

Chief of Staff to the Supreme Allied Commander — начальник штаба при Верховном командовании Союзническими экспедиционными силами. — Примеч. пер.

Расстояния даются в метрах и километрах (для Франции) и в ярдах и милях (для Великобритании). Один ярд — 0,9144 м, одна миля — 1,609 км (сухопутная) и 1,853 км (морская).

Монтгомери рассчитывал на то, что 3-я британская морская дивизия, высадившись на побережье «Меч», сможет овладеть Каном в первые часы после вторжения.

Ориентировочно 47,5 л на 10 км. — Примеч. пер.

Пляж в наше время выглядит совсем иначе, чем в 1944 г. В ходе операции американские инженерно-саперные войска снесли большую часть дамбы и полностью ликвидировали галечную набережную.

Дивизии, пригодные для ведения лишь позиционных боев.

Мабри продолжал служить в пехоте. Он был награжден орденом Почета и ушел в отставку в звании генерал-майора.

Так называли американцы флаг на стрельбище, который взлетал при промахе. — Примеч.
пер

Здесь и далее курсив автора. — Примеч. пер.

Пикирующий бомбардировщик «Ю-87». — Примеч. пер.

Если бы вторжение в Японию, как было запланировано, состоялось осенью 1945 г., то оно могло стать более крупной операцией. Выступая на пресс-конференции в связи с десятой годовщиной дня «Д», президент Эйзенхауэр выразил мнение, что мир больше никогда не столкнется с такой концентрацией войск в небольшом пространстве, поскольку в ядерный век это было бы неразумно. Силы ООН в ходе проведения операции «Щит в пустыне» и «Буря в пустыне» в 1990–1991 гг. против Ирака составляли менее четверти масштабов СЭС. Численность живой силы в различных сражениях на Восточном фронте во время Второй мировой войны превосходила войска союзников в день «Д». Но на Восточном фронте не было такого количества самолетов, как в Соединенном Королевстве, и, конечно, такой военно-морской армады.

Имеется в виду американский футбол. — Примеч. пер.

Баннерман взял незаконченное письмо с собой в Нормандию. Оно попало в руки к немцам, и его читал Роммель.

Эту записку без какой-либо даты Эйзенхауэр положил в бумажник и забыл о ней. Через пару недель он обнаружил ее, посмеялся и сказал:

— Слава Богу, что мне не пришлось публиковать этот текст.

Он выбросил бумажку в мусорную корзину, но Батчер подобрал ее.

Самолет Борцфилда сделал вынужденную посадку в Англии: отказал левый мотор и упало давление в гидравлической системе. «Скорая помощь» подобрала сержанта прямо на взлетной полосе и доставила в госпиталь. Борцфилд вспоминает: «Я тут же стат знаменитостью, потому что в тот момент был единственным пациентом. Всех других эвакуировали, и врачи готовились принимать раненых в день «Д». Меня поместили в палату в 6.00, когда наши ребята начали штурмовать побережье. Доктора забросали меня вопросами» (из интервью Чарлза Борцфилда).

Дейвиса через несколько дней убили под Карантаном. Уильям Тру жил с ним в Англии в одном бараке. Всего в бараке было 16 человек, только трое вернулись в Англию невредимыми в середине июля (по рассказу Уильяма Тру).

В эту ночь месье Андре Мае, житель Сент-Мер-Эглиза, записан в дневнике: «Тревога! Над городом на бреющей высоте, чуть ли не задевая крыши, летит множество самолетов. Это похоже на нескончаемый гром! В городе пожар, объявлена тревога. Немцы стреляют по самолетам из всех видов оружия. Мы уходим в укрытие. Что происходит? Повсюду среди пулеметного и зенитного огня высаживаются тысячи парашютистов. Мы с друзьями нашли убежище в гараже месье Бессельевра. Наши освободители здесь!»

